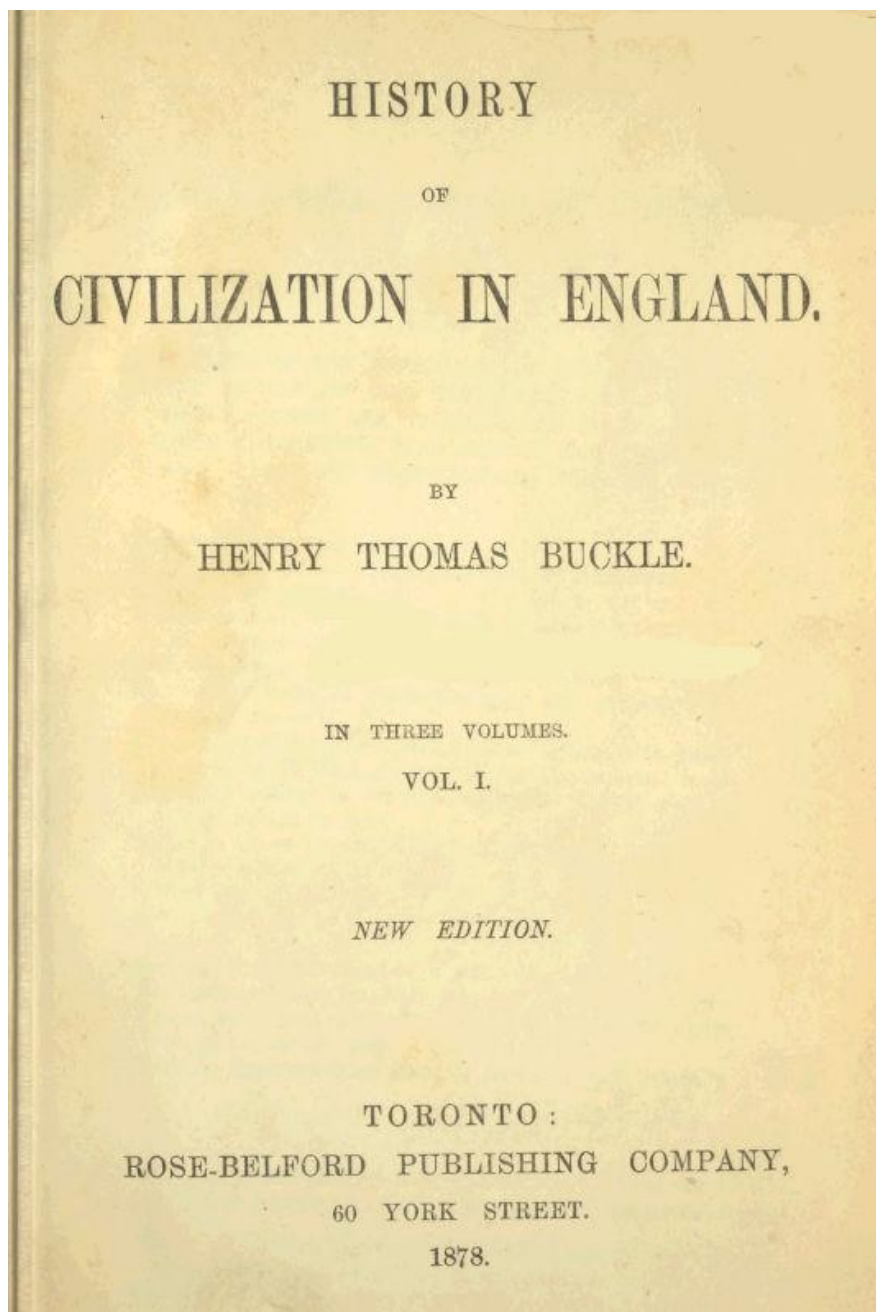

История цивилизации в Англии, Том 1 из 3

Генри Томас Бакл

Электронная книга проекта "Гутенберг" по истории цивилизации в Англии, том 1 из 3

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: История цивилизации в Англии, Том 1 из 3

Автор: Генри Томас Бакл

Дата выхода: 28 декабря 2013 г. [Электронная книга № 44493]

Последнее обновление: 23 октября 2024 г.

Язык: Английский

В титрах: Подготовлено Дэвидом Кларком, Йенсом Нордманном и командой онлайн-корректоров по адресу <http://www.pgdp.net> (Этот файл создан на основе изображений, щедро предоставленных интернет-архивом / Канадскими библиотеками)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ИСТОРИЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ В АНГЛИИ", ТОМ 1 ИЗ 3 ***

ИСТОРИЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ В АНГЛИИ.

ГЕНРИ ТОМАС БАКЛ.

В ТРЕХ ТОМАХ.

ТОМ I.

НОВОЕ ИЗДАНИЕ.

ТОРОНТО:

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ КОМПАНИЯ ROSE-BELFORD PUBLISHING COMPANY,

ЙОРК-СТРИТ, 60.

1878.

АНАЛИТИЧЕСКОЕ ОГЛАВЛЕНИЕ.

ГЛАВА I.

ОПИСАНИЕ РЕСУРСОВ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ И ДОКАЗАТЕЛЬСТВА РЕГУЛЯРНОСТИ

ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ДЕЙСТВИЙ. ЭТИ ДЕЙСТВИЯ РЕГУЛИРУЮТСЯ МЕНТАЛЬНЫМИ И ФИЗИЧЕСКИМИ ЗАКОНАМИ: СЛЕДОВАТЕЛЬНО, НЕОБХОДИМО ИЗУЧАТЬ ОБА СВОДА ЗАКОНОВ, И НЕ МОЖЕТ БЫТЬ ИСТОРИИ БЕЗ ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУК.

	Страница
материалами для написания истории	1-3
узкий спектр знаний, которыми обладает историк	4-5
объектом настоящей работы	6
человека действия, если результат не фиксированные законы, должны быть случайными, или сверхъестественное вмешательство	8
вероятное происхождение свободной воли и Предопределения	9-12
Богословскую основу предопределения, и метафизической основе добровольного	12-16
поступки людей вызваны их предшественников, которая существует в человеческом сознании или во внешнем мире	18-20
поэтому история-это изменение человеком природы, и природы человеком	20-21
статистика доказывает правильность действий в связи с убийством и других преступлений	22-26
подобные доказательства соблюдения самоубийств	27-29
также уважение число браков ежегодно контракту	31-32
и соблюдая количество писем, отправленных неориентированный	32
историк должен выяснить, является ли разум или природа, оказавшую наибольшее влияние на деятельность человека; и, следовательно, не может быть истории без физической науки	33-35
внимание А. переходы от Канта о свободной воле и о необходимости	35-38

Глава II.

ВЛИЯНИЕ ФИЗИЧЕСКИХ ЗАКОНОВ НА ОРГАНИЗАЦИЮ ОБЩЕСТВА И ХАРАКТЕР ОТДЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ.

Человек влияет четырех классов физических веществ, а именно: климата, пищи, почвы, и общий вид природы	39-41
действия этих препаратов на накопление богатства	41-51
их эксплуатации на распределение богатства	51-64
иллюстрации этих принципов из Ирландии	65-67
из Индостана	69-82
из Египта	82-93
из Центральной Америки	93-94
и из Мексики и Перу	95
обслуживания физических законов в Бразилии	101-108
влияние на общие аспекты природы над воображением и пониманием,	118-119

согласно некоторым аспектам, природа является более заметным, чем человек; под другим, человеком больше, чем природа	120
в первом случае воображение стимулируется, чем понимания, и к этому классу все предыдущие цивилизации принадлежат	120–121
воображение возбуждается от землетрясений и вулканов	122-124
и опасность, как правило,	125-126
также нездоровый климат осложняет жизнь	126-130
из этих причин цивилизации экстерьер в Европу, главным образом под влиянием воображения, в Европе понимание	130-132
этот тезис иллюстрирует сравнение между Индостаном и Греции	132-147
далее иллюстрации из Центральной Америки	147-148
химических и физиологических внимание на связь между пищей и кормами тепла	148-151

Глава III.

ИССЛЕДОВАНИЕ МЕТОДА, ПРИМЕНЯВШЕГОСЯ МЕТАФИЗИКОВ ДЛЯ ОБНАРУЖЕНИЯ ПСИХИЧЕСКИХ ЗАКОНОВ.

В последней главе были установлены два ведущих факта, которые в целом отделяют Европу от других частей света	152-156
Отсюда следует, что из двух классов ментальных и физических законов ментальные являются более важными для истории Европы	156-157
Рассмотрение двух метафизических методов обобщения ментальных законов	158-165
Несостоятельность этих методов	165-167

ГЛАВА IV.

МЕНТАЛЬНЫЕ ЗАКОНЫ БЫВАЮТ ЛИБО МОРАЛЬНЫМИ, ЛИБО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫМИ. СРАВНЕНИЕ МОРАЛЬНЫХ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ЗАКОНОВ И ИССЛЕДОВАНИЕ ВЛИЯНИЯ КАЖДОГО ИЗ НИХ НА ПРОГРЕСС ОБЩЕСТВА.

Исторический метод изучения ментальных законов превосходит метафизический метод	168-174
Прогресс общества двоякий, моральный и интеллектуальный	174-175
Сравнение морального с интеллектуальным элементом	175
Нет никаких доказательств того, что природные способности человека улучшаются	176-177
Следовательно, прогресс зависит от улучшения обстоятельств, при которых эти способности вступают в игру	178
Поскольку стандарты действий менялись в каждую эпоху, причины действий должны быть разными	179
Но моральные истины не изменились	179
А интеллектуальные истины постоянно меняются	181
Интеллектуальные истины являются причиной прогресса	182

Невежественные люди вредны пропорционально своей искренности	183-185
Иллюстрации этого из Рима и Испании	185-188
Уменьшение религиозных преследований происходит благодаря прогрессу знаний	188-190
Ослабление воинственного духа происходит по той же причине	190-192
Иллюстрации из России и Турции	195-197
Поскольку цивилизация развивается, люди с интеллектом избегают становиться солдатами	198
Примеры этого из Древней Греции и современной Европы	198-202
Тремя основными способами, которыми прогресс знаний ослабил воинственный дух, являются:	
1. Изобретение пороха	203-209
2. Открытия, сделанные политэкономистами	210-211
3. Применение пара для целей передвижения	219-223
вывод, который можно сделать о причинах социального прогресса	224-226
Глава V.	
расследованию влияния религии, литературы и правительства.	
Перепросмотр предыдущих аргументов	227
моральные чувства влияют на особей, но не влияют на общество в совокупности	228-229
это пока еще мало понимает, историки не собрали необходимые материалы для написания истории	230
причин, почему настоящие истории ограничиваются Англии	231-235
сравнение истории Англии с Францией	235-236
с Германии	237-240
с Соединенными Штатами Америки	240-242
необходимостью прояснения фундаментальных законов интеллектуальный прогресс	243
можно многого добиться в этой области с изучения истории Германии, Америки, Франции, Испании, и Шотландии	244-246
дедуктивного духа в Шотландии	246-252
влияние религии на развитие общества,	253-266
иллюстрации от усилия миссионеров,	254-256
Иллюстрация из евреев	257-258
Иллюстрация из ранней истории христианства	259-262
и из Швеции и Шотландии	263-266
Влияние литературы на развитие общества,	268-272
влияния власти на развитие общества,	272-287
иллюстрируется отменить кукурузы-законы	273-274
лучшей законодательством отменяет ранее действовавшее законодательство	275

вмешательство политиков торговля ранены торговля	276-278
законодателей вызвали контрабанда со всеми вытекающими преступления	278-280
они также увеличили лицемерие и лжесвидетельство	281-283
по их законы против ростовщичества, они увеличили ростовщичество	283-284
другими законами они препятствовали распространению знаний	284-285
Англии была меньше мешал в этих отношениях, чем другие народы, и поэтому является более благополучной, чем они	286-287

Глава VI.

ИСТОКИ ИСТОРИИ И СОСТОЯНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В СРЕДНИЕ ВЕКА.

Выводы, к которым пришли предыдущие исследования	288
Изучение изменений в исторических исследованиях прольет свет на изменения в обществе	289-290
Самые ранние истории - это баллады	291-295
Одной из причин ошибок в истории было изобретение письменности	296-300
Смена религии в любой стране также имеет тенденцию искажать ее раннюю историю	300-307
Но наиболее активной причиной всего этого было влияние духовенства	307-308
Абсурдности, в которые, следовательно, верили	309-317
Иллюстрация этого из "Истории Карла Великого" Турпина	318-321
И из "Истории бриттов" Джеффри	321-325
Первые улучшения в написании истории начались в четырнадцатом и пятнадцатом веках	325
Но легкое верие все еще было преобладающим, как видно из Коминса	327-328
И предсказаний Штоффлера о Всемирном потопе	330
Также в работе доктора Хорста о Золотом зубе	331-332

ГЛАВА VII.

ОЧЕРК ИСТОРИИ АНГЛИЙСКОГО ИНТЕЛЛЕКТА С СЕРЕДИНЫ ШЕСТНАДЦАТОГО До КОНЦА ВОСЕМНАДЦАТОГО ВЕКА.

Этот абсурдный способ написания истории был естественным результатом состояния эпохи	333
Дух сомнения был необходимым предшественником совершенствования	334
Отсюда первостепенная важность скептицизма	335-336
Происхождение религиозной терпимости в Англии	337
Хукер противопоставил Джуэл	339-343
Скептицизм и дух исследования других предметов	343-346
Эта тенденция проявилась в Чиллингворте	347-350
Чиллингворта сравнили с Хукером и Джуэл	350

Последующее движение в том же направлении и растущее безразличие к богословским вопросам	352-355
Большое преимущество этого	356-358
При якове I и Карле I. это противостояние власти приобретает политический характер	359-361
При Карле II. это принимает легкомысленную форму при дворе	363
Влияние этого духа на сэра Томаса Брауна	365-367
Его влияние на Бойля	367-370
Это приводит к созданию Королевского общества	371
Импульс, который сейчас дан физической науке, и попытки духовенства противостоять этому	372
Духовенство, естественно, враждебно относится к физической науке, потому что это уменьшает их собственную власть	372-373
Иллюстрацией этого является суеверие моряков и земледельцев по сравнению с солдатами и механика	375-380
Законодательные усовершенствования в правление Карла II. несмотря на политической деградации	380-386
эти улучшения обусловлены скептически и пытливый дух	387-388
способствуют пороки царя	388
и его неприязнь к церкви	389
он призвал Гоббса, и пренебречь способный духовенства	390-393
причта, чтобы восстановить свои позиции, объединились с Яковом II.	394-396
этот союз был распущен в декларации снисхождения	397-399
духовенства затем, объединившись с несогласными и привели к революции 1688	399-400
значение революции	401-403
но духовенство жалел об этом и раскаивался собственного поступка	403
вражды между ними и Вильгельма III.	405-410
отсюда раскол в церкви	410-413
новые стимулы таким образом дают скептицизм	413-414
созыва сначала презирают, а потом отменили	414-415
после революции и способнейшие люди ограничиваются светскими специальностями, и избежать входа в церковь	415
духовенство потеряли все офисы из церкви, и их численность уменьшилась в обеих палатах парламента	416-418
церкви сплотились в Энн	418-420
но была ослаблена раскольников, во главе с Уэсли и Уайтфилд	420-424
богословия отделен от морали и от политики	424-426
быстро и скептических споров	427-429

знаний, начинает рассеиваться, и занимает популярная форма	430-433
политические встречи, и публикация парламентских дебатов	433-434
учение о персональных представлении, и мысль о независимости	436
соответствующие изменения в стилистике авторов	436-439
следовательно великих реформ стало неизбежным	439-440
эта тенденция способствовала Джордж И. и Георга II.	441-443
, но не приветствуется Георга III., под кем стала опасной политической реакции	444-446
незнание Георга III.	446
форме подчинении Питта	446-449
некомпетентности других государственных деятелей, и короля ненависти великих людей	449-451
ухудшение Палаты лордов	451-455
способности и достижения Берк	458-461
он выступал против взглядов Георга III., и пренебречь им	462-467
Берка последующие галлюцинации и насилия	467-476
король сейчас выступает за ним	476-477
политики Георга III. в отношении Америки	478-482
Эта политика отразилась на Англии	482-483
Политика в отношении Франции	483-486
Это также отразилось на Англии	486
И породило произвольные законы, направленные против свобод Англии	487-493
Которые ревностно исполнялись исполнительной властью	494-496
Мрачные политические перспективы Англии в конце восемнадцатого века	496-498
Но, благодаря прогрессу знаний, готовилась встречная реакция	498-502
Которому, а также растущей силе общественного мнения, Англия обязана своими великими реформами девятнадцатого века	502-505

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ АВТОРОВ.

[Чтобы помочь тем, кто желает проверить мои ссылки, а также с целью указания характера и объема материалов, которые я использовал, я составил следующий список основных цитируемых работ. Если издание не указано, указывается размер 8во и ниже. Когда имя автора заключено в квадратные скобки, книга анонимна; но в таких случаях я обычно ссылаюсь на какого-нибудь авторитетного человека, который подтверждает авторство.]

[Aarsens de Sommerdyck] Voyage d'Espagne, fait en l'année 1655. Париж, 1665. 4то. Барбье (Словарь анонимов, том ii. стр. 468, Париж, 1806) ссылается на издание 1666 года.

Abd-Allatif, Relation de l'Égypte, traduite par Silvestre de Sacy. Париж, 1810. 4 ч.

Абердин: Выдержки из реестра муниципалитета города Абердин с 1398 по 1570 год, напечатанные для клуба Сполдинга. Абердин, 1844. 4то.

Там же, с 1570 по 1625 год, напечатано для Сполдинг-клуба. Абердин, 1848. 4то.

Абернети (Дж.) Хантерианская речь на 1819 год. Лондон, 1819.

Абернети (М. И.) "Лекарство для души". Лондон, 1622. 4 ч.

Акты парламентов Шотландии с 1124 по 1707 год. Лондон, 1814-1844. 11 томов. фолио.

Акты и заседания Генеральной ассамблеи Кирки Шотландии с 1560 по 1618 год. Эдинбург, 1839-1845. 3 тома. 4то.

Акты Генеральной ассамблеи Шотландской церкви с 1638 по 1842 год. Эдинбург, 1843.

Адамс (Дж.) Воспоминания о жизни и доктринах Джона Хантера. 2-е издание. Лондон, 1818.

Адольфус (Дж.) История Англии от восшествия на престол Георга III. Лондон, 1840-1845. 7 томов.

Aguesseau (Chancelier d') Lettres inédites. Париж, 1823. 2 тома.

Айкин (Л.) Жизнь Аддисона. Лондон, 1843. 2 тома.

Мемуары маркиза Рокингема Альбемарля (графа). Последнее издание. 1852. 2 тома.

Альберони (кардинал) История. Лондон, 1719 год.

Элисон (сэр А.) История Европы от начала Французской революции до 1815 года. Эдинбург, 1849, 1850. 14 томов.

Аллен (Дж.) Возвышение и расширение королевских прерогатив в Англии. Лондон, 1849.

Эссе о состоянии общества и знаний, присужденное Андерсону (Дж.), в высокогорье Шотландии. Эдинбург, 1827.

Antequera (D. J. M.) Historia de la Legislacion Española. Мадрид, 1849 год.

Осмотр пресвитерии Аргайла (герцога). Лондон, 1848.

Лекции Арнольда (доктора) по современной истории. Лондон, 1843.

Арно (Х.) История Эдинбурга. Эдинбург, 1788. 4 до н.

Азиатские исследования. Лондон и Калькутта, 1799-1836. 20 томов. 4то.

Обри (Дж.) Письма и жизни выдающихся людей. Лондон, 1813. 2 тома.

Audigier (M.) L'Origine des François. Париж, 1676. 2 тома.

Azara (F.) Voyages dans l'Amérique Méridionale. Париж, 1809. 4 тома.

Bacallar (V.) Commentarios de la Guerra de España, e Historia de su Rey Phelipe V. Genova. 2 тома. 4то (без даты).

Бэкон (Дж. Ф.) Шесть лет в Бискайе. Лондон, 1838.

Бейли (Р.) Письма и дневники с 1637 по 1662 год, под редакцией Д. Лэйнга. Эдинбург, 1841-1842. 3 тома.

Бэйн (А.) Чувства и интеллект. Лондон, 1855.

Бейквелл (Р.) Введение в геологию. Лондон, 1838.

Бальфур (сэр Дж.) Исторические труды, содержащие "Анналы Шотландии". Лондон, 1825. 4 тома.

Бальфур (Дж. Х.) Руководство по ботанике. Лондон, 1849.

Бэнкрофт Г.) История американской революции. Лондон, 1852-1854. 3 тома.

Баннатин (J.) Журнал сделок в Шотландии с 1570 по 1573 год. Эдинбург, 1806.

Barante (M.) Tableau de la Littérature Française au XVIIIe Siècle. Париж, 1847 год.

Баррингтон (Д.) Замечания по статутам. 5-е редактирование. Лондон, 1796. 4то.

Barruel (L'Abbé) Mémoires pour l'Histoire du Jacobinisme. Hambourg, 1803. 5 vols.

Барри (Г.) История Оркнейских островов. Эдинбург, 1805. 4то.

Bassompierre (Maréchal de) Mémoires. Париж, 1822, 1823. 3 тома.

Бейтс (Г.) Отчет о последних беспорядках в Англии. Лондон, 1685. 2 тома.

Бакстер (Р.) Жизнь и времена, автор: он сам. Опубликовано М. Сильвестром. Лондон, 1696. Фолиант. 3 части.

Bazin (M. A.) Histoire de France sous Louis XIII. Париж, 1838. 4 тома.

Beausobre (M.) Histoire Critique de Manichée et du Manichéisme. Амстердам, 1734-9. 2 тома. 4то.

Béclard (P. A.) Éléments d'Anatomie Générale. Париж, 1852 год.

Бедфордская переписка под редакцией лорда Дж. Рассела. 1842-1846. 3 тома.

Путешествие Бичи (Ф. У.) в Тихий океан. Лондон, 1831. 2 тома.

Белшем (У.) История Великобритании с 1688 по 1802 год. Лондон, 1805. 12 томов. [Из этой работы я использовал только последние семь томов, которые относятся к периоду, в котором Белшем был современным авторитетом. Более ранние тома бесполезны.]

[Benoist] Histoire de l'Édit de Nantes. Делфт, 1693-1695. 5 томов. 4то.

Беркли (епископ Клойнский) Сочинения. Лондон, 1843. 2 тома.

Berwick (Maréchal de) Mémoires écrits par lui-même. Париж, 1778. 2 тома.

Bichat (X.) *Traité des Membranes*. Париж, 1802 год.

Bichat (X.) *Anatomie Générale*. Париж, 1821. 4 тома.

Bichat (X.) *Recherches sur la Vie et la Mort*, édit. Магенди. Париж, 1829 год.

Проповеди Биннинга (X.) под редакцией Дж. Кокрейна. Эдинбург, 1839, 1840. 3 тома.

Biographie Universelle. Париж, 1811-1828. 52 тома.

Берч (Т.) *Жизнь Тиллотсона, архиепископа Кентерберийского*. Лондон, 1753.

Биссет (Р.) *Жизнь Эдмунда Берка*. 2-е издание. Лондон, 1800. 2 тома.

Блэк (Дж.) *Лекции по химии* под редакцией Джона Робисона. Эдинбург, 1803. 2 тома. 4то.

Комментарии Блэкстоуна к законам Англии. Лондон, 1809. 4 тома.

Blainville (D.) *Physiologie Générale et Comparée*. Париж, 1833. 3 тома.

Автобиография Блэра (Р.), с 1593 по 1636 год; с продолжением до 1680 года, написанная У. Роу, под редакцией Т. Маккри для Общества Вудроу. Эдинбург, 1848 год.

Blanqui (M.) *Histoire de l'Économie Politique en Europe*. Париж, 1845. 2 тома.

Боуг (Д.) и Беннетт (Дж.) *История диссидентов с 1688 по 1808 год*. Лондон, 1808-1812. 4 тома.

Bohlen (P.) *Das alte Indien, mit besonderer Rücksicht auf Aegypten*. Königsberg, 1830. 2 vols.

[Boisel] *Journal du Voyage d'Espagne*. Париж, 1669. 4то. See Barbier, *Dict. des Ouvr. Anonymes*, vol. ii. p. 621, Paris. 1806.

Bordas-Demoulin, *Le Cartésianisme*. Париж, 1843. 2 тома.

Bossuet (Évêque de Meaux) *Discours sur l'Histoire Universelle*. Париж, 1844 год.

Бостонские проповеди. Глазго, 1752.

Бостон (Т.) *Природа человека в ее четырехкомпонентном состоянии*. Переиздано, Лондон, 1809.

Bouillaud (J.) *Philosophie Médicale*. Париж, 1836 год.

Bouillé (M. de) *Mémoires sur la Révolution Française*. Париж, 1801-9. 2 тома.

Bouillier (M.) *Histoire des divers Corps de la Maison Militaire des Rois de France*. Париж, 1818 год.

Буленвилье (граф) *Histoire de l'Ancien Gouvernement de la France*. La Haye, 1727. 3 vols.

Bourgoing (J. F.) *Tableau de l'Espagne Moderne*, quatrième édition. Париж, 1807. 3 тома.

Бутервек Ф. *История испанской и португальской литературы*. Лондон, 1823. 2 тома.

Миссия Боудича в Ашанти. Лондон, 1819. 4 ч.

Бауэр (А.) *История Эдинбургского университета*. Эдинбург, 1817-1830. 3 тома.

Bowles (G.) Introduccion á la Historia Natural y á la Geografía Física de España. Tercera edicion. Мадрид, 1789. 4 т.

Боулз (У. Л.) Жизнь епископа Кена. Лондон, 1830, 1831. 2 тома.

Бойль (Р.) Сочинения. Лондон, 1744. 5 томов. Фолиант.

Бранд (А.) Описание Оркнейских островов, Зетланда, Пайтленд-Ферта и Кейтнесса. Эдинбург, 1701 год.

Бранде (У. Т.) Руководство по химии. Лондон, 1848. 2 тома.

Брюстер (сэр Д.) Мемуары сэра Исаака Ньютона. Эдинбург, 1855. 2 тома.

Brienne (L. H. de Loménie) Mémoires inédits. Париж, 1828. 2 тома.

Brissot (J. P.) Mémoires. Париж, 1830. 2 тома.

Британская ассоциация содействия развитию науки, Отчеты. Лондон, 1833-1853. 21 том.

Броуди (сэр Б.) Читает лекции по патологии и хирургии. Лондон, 1846.

Броуди (сэр Б.) Физиологические исследования. Лондон, 1851.

Броэм (лорд) Очерки государственных деятелей времен Георга III. Лондон, 1845. 6 томов.

Броэм (Лорд) Жизни литераторов и ученых во времена Георга III. Лондон, 1845-1847. 2 тома.

Политическая философия Броэма (Лорда). 2-е издание. Лондон, 1849. 3 тома.

Broussais (F. J. V.) Examen des Doctrines Médicales. Париж, 1829-1834. 4 тома.

Broussais (F. J. V.) Cours de Phrénologie. Париж, 1836 год.

Браун (А.) История Глазго. Глазго, 1795, и Эдинбург, 1797. 2 тома.

Браун (Т.) Лекции по философии разума. Эдинбург, 1838.

Браун (Дж.) История Хайленда и хайлендских кланов. Глазго, 1838. 4 тома.

Браун (сэр Томас) Сочинения и переписка С. Уилкина. Лондон, 1836. 4 тома.

Бьюкенен (Ф.) Путешествие через Майсур, Канары и Малабар. Лондон, 1807. 3 тома. 4то.

Бьюкенен (Г.) Повторная шотландская история, кура Мэн. Абредония, 1762.

Бьюкенен (Дж.) Зарисовки североамериканских индейцев. Лондон, 1824.

Мемуары герцога Бекингема о Георге III. Лондон, 1853. 2 тома.

Буллок (У.) Путешествует по Мексике. Лондон, 1824.

Булстроуд (сэр Р.) Мемуары Карла I и Карла II. Лондон, 1721.

Банбери (сэр Х.) Переписка сэра Томаса Хенмера. Лондон, 1838.

Бунзен (С. С. J.) Место Египта во всеобщей истории. Лондон, 1848-1854. 2 тома.

Буркхардт (Дж. Л.) Путешествует по Аравии. Лондон, 1829. 2 тома.

Burdach (С. F.) Traité de Physiologie considérée comme Science d'Observation. Париж, 1837-1841. 9 томов.

Берк (Э.) Переписка с Лоуренсом. Лондон, 1827.

Берк (Э.) Сочинения Х. Роджерса. Лондон, 1841. 2 тома.

Берк (Э.) Переписка между 1744 и 1797 годами. Лондон, 1844. 4 тома.

Бернс (сэр А.) Отправляется в Бухару. Лондон, 1834. 3 тома.

Бернет (епископ Гр.) История своего времени. Оксфорд, 1823. 6 томов.

Жизнь и характеры Бернета (Бишоп Г.), редактировать. Джебб. Лондон, 1833.

Бернет (епископ Г.) Воспоминания о жизни Джеймса и Уильяма, герцогов Гамильтон и Касл-Геральд. Оксфорд, 1852.

Бертон (Дж. Х.) Жизнь и переписка Дэвида Юма. Эдинбург, 1846, 2 тома.

Бертон (Дж. Х.) Жизнеописание Саймона лорда Ловата и Дункана Форбса из Каллодена. Лондон, 1847.

Бертон (Дж. Х.) Рассказы об уголовных процессах в Шотландии. Лондон, 1852. 2 тома.

Бертон (Дж. Х.) История Шотландии с 1689 по 1748 год. Лондон, 1853. 2 тома.

Бертон (Р. Ф.) Синд и расы в долине Инда. Лондон, 1851.

Дневник Бертона (Т.) с 1655 по 1659 год. Лондон, 1828. 4 тома.

Батлер (С.) Воспоминания английских, ирландских и шотландских католиков. Лондон, 1822. 4 тома.

Батлер (С.) Воспоминания. Лондон, 1824-1827. 2 тома.

Cabanis (P. J. G.) Rapports du Physique et du Moral de l'Homme. Париж, 1843 год.

Cabarrus (D. F.) Elogio de Carlos III. Мадрид, 1789. 4 ч.

Cabarrus (Conde de) Cartas sobre los Obstaculos que la Naturaleza, la Opinion, y las Leyes oponen á la Felicidad Publica. Мадрид, 1813 год.

Калами (Э.) Отчет о моей собственной жизни, 1631-1731. Лондон, 1829. 2 тома.

Калдервуд (Д.) История церкви Шотландии, отредактированная Т. Томсоном для Общества Водроу. Эдинбург, 1842-1849. 8 томов.

Campan (Madame) Mémoires sur Marie-Antoinette. Париж, 1826. 3 тома.

Кэмпбелл (лорд) Жизнеописания лорд-канцлеров Англии. 3-е издание. Лондон, 1848-1850. 7 томов.

Жизнеописания главных судей Англии Кэмпбелла (лорда). Лондон, 1849. 2 тома.

Campion (H. de) Mémoires. Париж, 1807 год.

[Campomanes] Discurso sobre la Educacion Popular de los Artesanos. Мадрид, 1775 год.

[Campomanes] Apéndice á la Educacion Popular. Мадрид, 1775-1777. 4 тома.

Capefigue (M.) Histoire de la Réforme, de la Ligue et du Règne de Henri IV. Bruxelles, 1834, 1835. 8 vols.

Capefigue (M.) Richelieu, Mazarin et la Fronde. Париж, 1844. 2 тома.

Капефиг (М.) Людовика XIV. Париж, 1844. 2 тома.

Capmany (A de) Qüestionones Criticas sobre varios Puntos de Historia economica, &c. Madrid, 1807.

Каппе (С.) Мемуары, написанные ею самой. Лондон, 1822.

Автобиография Карлайла (преподобного доктора Александера). 2-е издание. Эдинбург, 1860.

Карлайл (Т.) Письма и речи Кромвеля. 2-е издание. Лондон, 1846. 3 тома.

Карпентер (У. Б.) Принципы физиологии человека. 3-е издание. Лондон, 1846.

Жизнь и переписка Картрайта (майора). Лондон, 1826. 2 тома.

Карус (К. Г.) Сравнительная анатомия животных. Лондон, 1827. 2 тома.

Карвитен (J. B. S.) История Англиканской церкви. Оксфорд, 1849. 2 тома.

Cassagnac (M. A. G. de) Causes de la Révolution Française. Париж, 1850. 3 тома.

Castro (A.) Examen Filosofico sobre las principales causas de la Decadencia de España. Кадис, 1852 год.

Кэтлин Г.) Письма о североамериканских индейцах. Лондон, 1841. 2 тома.

Чалмерс (Г.) Каледония. Лондон, 1807-1824. 3 тома. 4то.

Чалмерс П. Исторический и статистический отчет о Данфермлине. Эдинбург, 1844.

Чемберс Р. Внутренние анналы Шотландии, от Реформации до революции. Эдинбург, 1858. 2 тома.

Charron (P.) De la Sagesse. Амстердам, 1782. 2 тома.

Переписка графа Чатема. Лондон, 1838-1840. 4 тома.

Чиллингворт (У.) Религия протестантов. Лондон, 1846.

Хроника Перта (The) с 1210 по 1668 год. Эдинбург, 1831. 4 по настоящее время. Опубликовано Мейтлендским клубом.

Circourt (A. de) Histoire des Arabes d'Espagne. Париж, 1846. 3 тома.

Клаппертон (Х.) Вторая экспедиция в глубь Африки. Лондон, 1829. 4 ч.

Государственные документы Кларендона (графа). Оксфорд, 1767-1786. 3 тома. фолиант.

Кларендон (граф) История восстания и гражданских войн в Англии; также его Жизнь, написанная им самим. Оксфорд, 1843.

Переписка и дневник Кларендона, С. У. Сингер. Лондон, 1828. 2 тома. 4то.

Кларк (С.) Исследование внутреннего состояния Испании. Лондон, 1818.

Кларк Э.) Письма, касающиеся испанской нации, написанные в Мадриде в 1760 и 1761 годах. Лондон, 1763. 4то.

Воспоминания и переписка Клонкарри (лорда). Дублин, 1849.

Clot-Bey (A. B.) De la Peste observée en Égypte. Париж, 1840 год.

Облако (А) свидетелей королевских прерогатив Иисуса Христа. 10-я правка. Глазго, 1779.

Кокберн (Дж.) Обет Иакова, или Счастье и долг мужчины. Эдинбург, 1696.

Коулбрук (Х. Т.) Сборник законов индуизма. Калькутта, 1801. 3 тома.

Коулман (С.) Мифология индусов. Лондон, 1832. 4 ч.

Литературные останки Кольриджа (С. Т.). Лондон, 1836-1839. 4 тома.

Кольридж (С. Т.) "Друг". Лондон, 1844. 3 тома.

Комб Г.) Заметки о Соединенных Штатах Северной Америки. Эдинбург, 1841. 3 тома.

Comines (P. de) Mémoires, édit. Петито. 1826. 3 тома.

Comte (A.) Cours de Philosophie Positive. Париж, 1830-1842. В 6 т.

Comte (C.) Traité de Législation. Париж, 1835. 4 тома.

Conde (J. A.) Historia de la Dominacion de los Arabes en España. Париж, 1840 год.

Condillac (E. B.) Traité des Sensations. Париж, 1798 год.

Condorcet (Marquis de) Vie de Turgot. Londres, 1786.

Condorcet (Marquis de) Vie de Voltaire, in vol. i. of Œuvres de Voltaire. Париж, 1820 год.

Conrart (V.) Mémoires. Париж, 1825 год.

Кук (Дж.) Три кругосветных путешествия. Лондон, 1821. 7 томов.

Кук (С. С.) Зарисовки в Испании, с 1829 по 1832 год. Лондон, 1834. 2 тома.

Кук (Г. В.) История партии. Лондон, 1836, 1837. 3 тома.

Коплстон Э.) Исследование доктрин необходимости и предопределения. Лондон, 1821.

Costa y Borrás (J. D. Obispo de Barcelona) Observaciones sobre el Presente y el Porvenir de la Iglesia en España. Segunda edición. Барселона, 1857 год.

Cousin (V.) Cours de l'Histoire de la Philosophie moderne, I^e série. Париж, 1846. 5 томов.

Cousin (V.) Cours de l'Histoire de la Philosophie moderne, IIe série. Париж, 1847. 3 тома.

Каупер (У.) Разверзлись небеса. Лондон, 1631. 4 ч.

Кокс (У.) Мемуары королей Испании из дома Бурбонов. 2-е редактирование. Лондон, 1815. 5 томов.

Кранц (Д.) История Гренландии. Лондон, 1767. 2 тома.

Кроуферд Г.) История графства Ренфрю. Пейсли 1782. 3 части, 4 части.

Кроуферд (Дж.) История Индийского архипелага. Эдинбург, 1820. 3 тома.

Крайтон (А.) Жизнь и дневник лейтенанта.-полковник Дж. Блэкадер. Эдинбург, 1824.

Крокер (Р.) Путешествует по нескольким провинциям Испании и Португалии. Лондон, 1799.

Крукшенк (У.) История Шотландской церкви с 1660 по 1688 год. Эдинбург, 1812. 2 тома.

Кадворт (Р.) Истинная интеллектуальная система Вселенной. Лондон, 1820. 4 тома.

Произведения Каллена (У.). Эдинбург, 1827. 2 тома.

Карри (Дж.) Жизнь и переписка, написанные его сыном. Лондон, 1831. 2 тома.

Custine (Marquis de) La Russie en 1839. Париж, 1843. 4 тома.

Cuvier (G.) Recueil des Éloges Historiques. Париж, 1819-1827. 3 тома.

Cuvier (G.) Le Règne Animal. Париж, 1829. 5 томов.

Cuvier (G.) Histoire des Sciences Naturelles depuis leur Origine. Париж, 1831 год.

Cuvier (G.) Histoire des Progrès des Sciences Naturelles depuis 1789. Bruxelles, 1837, 1838. 2 vols.

Дабистан (The), перевод с персидского Д. Ши и А. Тройера. Париж, 1843. 3 тома.

Dacier (M.) Rapport sur les Progrès de l'Histoire et de la Littérature depuis 1789. Париж, 1810. 4 ч.

Далримпл (сэр Д.) "Анналы Шотландии", с 1057 по 1371 гг. 3-я правка. Эдинбург, 1819. 3 тома.

Далримпл (Дж.) История феодальной собственности в Великобритании. Лондон, 1758.

Далримпл (Дж.) Воспоминания о Великобритании и Ирландии. Лондон, 1790. 3 тома.

Далримпл (У.) Путешествует по Испании и Португалии в 1774 году. Лондон, 1777. 4 ч.

Daniel (G.) Histoire de la Milice Française. Париж, 1721. 2 тома. 4то.

Дэниелл (Дж. Ф.) Метеорологические очерки. Лондон, 1827.

Журнал исследований в области геологии и естественной истории имени Дарвина (С.). Лондон, 1840.

[Д'Ольной (мадам)] Relation du Voyage d'Espagne. Lyon, 1693. 2 vols. См. *Историю испанской литературы* Тикнора, том ii. Стр. 320, 321.

Дэвис (К. М.) История Голландии. Лондон, 1841-1844. 3 тома.

Davila (G. G.) Historia de la Vida y Hechos del Inclito Monarca Amado y Santo D. Felipe Tercero. Перепечатано в Мадриде в 1771 году. Фолиант.

Дэвис (Дж. Ф.) Китайцы. Лондон, 1844. 3 тома.

Де Фо (Д.) История союза между Англией и Шотландией. Лондон, 1786. 4 ч.

De Lisle (Romé) Essai de Cristallographie. Париж, 1772 год.

De Lisle (Romé) Cristallographie. Париж, 1783. 4 тома. 8в.

Денхэм (Д.) Путешествует по Северной и Центральной Африке. Лондон, 1826. 4 ч.

Денхолм (Дж.) История города Глазго и пригородов. 3-е издание. Глазго, 1804.

Descartes (R.) Œuvres, par V. Cousin. Париж, 1824-1826. 11 томов.

Де Мезо (П.) Жизнь Чиллингворта. Лондон, 1725.

Des Réaux (Tallemant) Les Historiettes. Париж, 1840. 10 томов.

De Staël (Madame) Considérations sur la Révolution Française. Париж, 1820. 3 тома.

De Thou (J. A.) Histoire Universelle, depuis 1543 jusqu'en 1607. Londres, 1734. 16 vols. 4то.

Диксон (Д.) Краткое объяснение первых пятидесяти Псалмов. Лондон, 1653.

Диксон (Д.) Победа истины над заблуждением. Переиздано, Глазго, 1772.

Diderot (D.) Mémoires et Correspondance. Париж, 1830, 1831. 4 тома.

Диллон (Дж. Т.) Путешествует по Испании. Дублин, 1781 год.

Diodori Siculi Bibliotheca Historica; recensione Wesselingii. Биография. 1793-1807. 11 томов.

Diogenes Laertius, De Vitis Philosophorum, edit. Meibomius. Амстел, 1692. 2 тома. 4то.

Дисней (Дж.) Жизнь доктора Джона Джебба в первом томе сочинений Джебба. Лондон, 1787.

Дневник (А) примечательных событий, произошедших в Стране Шотландия со времени смерти Якова IV. до 1575 года. Опубликовано the Bannatyne Club. Эдинбург, 1833. 4то.

Добелл (П.) Путешествует по Камчатке и Сибири. Лондон, 1830. 2 тома.

Письма Добладо из Испании (преподобный Б. Уайт). Лондон, 1822.

Доддридж П. Переписка и дневник. Лондон, 1829-1831. 5 томов.

Даблдей (Т.) Истинный закон народонаселения. Лондон, 1847.

Доулинг (Дж. Дж.) Введение в изучение церковной истории. Лондон, 1838.

Д'Ойли Г.) Жизнь Санкрофта, архиепископа Кентерберийского. Лондон, 1840.

Duclos (M.) Mémoires secrets sur Louis XIV et Louis XV. Париж, 1791. 2 тома.

Du Deffand (Madame) Correspondance inédite. Париж, 1809. 2 тома.

Du Deffand (Madame) Lettres à H. Walpole. Париж, 1827. 4 тома.

Dufau (P. A.) Traité de Statistique. Париж, 1840 год.

Du Mesnil (M.) Mémoires sur le Prince Le Brun. Париж, 1828 год.

Dumont (E.) Souvenirs sur Mirabeau. Londres, 1832.

[Данхэм] История Испании и Португалии. Лондон, 1832. 5 томов. См. Книгу Прескотта "Фердинанд и Изабелла", том iii. стр. 214.

Данлоп (Дж.) Воспоминания об Испании, с 1621 по 1700 год. Эдинбург, 1834. 2 тома.

Duplessis-Mornay (P.) Mémoires et Correspondance. Париж, 1824, 1825. 12 томов.

Дарем (Дж.) Изложение Песни песней Соломона. 1669. Переиздано, Глазго, 1788 год.

Дарем (Дж.) Закон распечатан. 1675. Перепечатано, Глазго, 1798.

Дарем (Дж.) Комментарий к Книге Откровение. Глазго, 1680. 4 по настоящее время.

Dutens (L.) Mémoires d'un Voyageur qui se repose. Londres, 1806. 3 vols.

Duvernety (J.) Vie de Voltaire. Genève, 1786.

Duvernety (J.) Histoire de la Sorbonne. Париж, 1791. 2 тома.

Экклстон (Дж.) Введение в английские древности. Лондон, 1847.

Эдвардс (М.) Зоология. Париж, 1841, 1842. 2 части.

Эллиотсон (Дж.) Физиология человека. Лондон, 1840.

Переписка Эллиса (The) 1686-1688, под редакцией Г. А. Эллиса. Лондон, 1829. 2 тома.

Эллис (сэр Х.) Оригинальные письма литераторов. Camden Soc. 1843. 4to.

Эллис (У.) Путешествие по Гавайям. Лондон, 1827.

Эллис (У.) Полинезийские исследования. Лондон, 1831. 4 тома.

Эллис (У.) История Мадагаскара. Лондон, 1838. 2 тома.

Эльфинстон (М.) История Индии. Лондон, 1849.

Энциклопедия медицинских наук. Лондон, 1847. 4 т.

Epinau (Madame d') Mémoires et Correspondance. Париж, 1818. 3 тома.

Эриксен (J.) Наука и искусство хирургии. 2-е издание. Лондон, 1857.

Эрман (А.) Путешествия по Сибири. Лондон, 1848. 2 тома.

Eschbach (M.) Introduction à l'Étude du Droit. Париж, 1846 год.

Esquirol (E.) Des Maladies Mentales. Париж, 1838. 2 тома.

Estat (L') de l'Espagne. Genève, 1681.

Дневник и переписка Эвелин (Дж.). Лондон, 1827. 5 томов.

Выдержки из Книги пресвитерии Стратбоги с 1631 по 1664 год. Напечатано для клуба Сполдинга. Абердин, 1843. 4 года.

Выдержки из Реестров пресвитерии Глазго и заседаний Кирки в приходах Камбузнетан, Хамби и Стерлинг. 4to (без даты).

Переписка Фэрфакса (The) под редакцией Г. У. Джонсона и Р. Белла. Лондон, 1848, 1849. 4 тома.

Мемуары Фэншоу (леди), написанные ею самой. Лондон, 1830 год.

Фарадей (М.) Рассуждения о сохранении силы. Лондон, 1857 год.

Fauriel (M.) Histoire de la Gaule Méridionale sous la Domination des conquérants Germains. Париж, 1836. 4 тома.

Феличе (Г.) История протестантов Франции. Лондон, 1853 год.

Фергюссон (Дж.) Краткое изложение Посланий Павла. Лондон, перепечатано с оригинальных изданий, 1656-1674гг.

Фейхтерслебен Э. Принципы медицинской психологии. Сиденхэм Соч. 1847.

Flassan (M.) Histoire de la Diplomatie Française. Париж, 1811. 7 томов.

[Флеминг (Р.)] Исполнение Священного Писания, 1681. Смотрите "*Взлет и падение Рима*" Флеминга, редактирование. Лондон, 1848, стр. xi.

Политические сочинения Флетчера (А. из Салтуна). Глазго, 1749.

Fleury (M.) Histoire Ecclésiastique. Париж, 1758-1761. 36 томов.

Florez (F. H.) Memorias de las Reynas Catholicas. Мадрид, 1761. 2 тома. 4то.

Flourens (P.) Histoire des Travaux de Cuvier. Париж, 1845 год.

Fontenay-Mareuil (Marquis de) Mémoires. Париж, 1826. 2 тома.

Fontenelle (B. de) Éloges, in vols. v. and vi. of Œuvres. Париж, 1766 год.

Фут (Дж.) Жизнь Джона Хантера. Лондон, 1794 год.

Форбс (Дж.) Восточные мемуары. Лондон, 1834. 2 тома.

Форбс (Дж.). Точные записи, касающиеся поместья Кирка, в 1605 и 1606 годах. Опубликовано Обществом Вудроу. Эдинбург, 1846 год.

Форд (Р.) - Справочник для Испании. 2-е издание. Лондон, 1847.

Fordun (J.) Scotichronicon, cum Supplementis et Continuatione W. Бауэри, кура У. Гудолл. Эдинбург, 1775. 2 тома. фолиант.

Forner (J. P.) Oracion Apologética por la España y su Mérito Literario. Мадрид, 1786 год.

Форри С. Климат Соединенных Штатов и его эндемические влияния. Нью-Йорк, 1842.

Форстер (Дж.) Жизнь и времена Голдсмита. 2-я правка. Лондон, 1854. 2 тома.

Записки Фонтейнхолла (лорда) о шотландских делах с 1680 по 1701 год. Эдинбург, 1822. с 4 по.

Фокс (К. Дж.) История начала правления Якова II. Лондон, 1808. 4-е гг.

Франк (Р.) Северные мемуары, написанные в 1658 году. Новое издание. Эдинбург, 1821.

Франклин (Б.) Частная переписка. Лондон, 1817. 2 тома.

Франклин (Б.) Жизнь в одиночестве. Лондон, 1818. 2 тома.

Galfridus Monumetensis, Historia Britonum, edit. Джайлс. Лондон, 1844 год.

Гарднер (Г.) Путешествует по Бразилии. Лондон, 1849.

Геддес (М.) Разные трактаты. 3-е издание. Лондон, 1730. 3 тома.

Genlis (Madame de) Mémoires sur le XVIIIe Siècle. Париж, 1825. 10 томов.

Джентльмен (Т.) Жизнь в одиночестве. Лондон, 1832.

Geoffroy Saint-Hilaire (I.) Histoire des Anomalies de l'Organisation chez l'Homme et les Animaux. Bruxelles, 1837. 3 vols.

Georgel (L'Abbé) Mémoires. Париж, 1817, 1818. В 6 т.

Georget (M.) De la Folie. Париж, 1820 год.

Гибсон (Дж.) История Глазго. Глазго, 1777.

Гиллеспи Г.) Расцвет жезла Аарона, или Божественное Постановление Церковного правления Подтверждено. Лондон, 1646. 4 ч.

Giraud (C.) Précis de l'Ancien Droit coutumier français. Париж, 1852 год.

Мемуары Годоя (принца мира), написанные им самим. Лондон, 1836. 2 тома.

Годвин (У.) О населении, или о силе увеличения численности человечества. Лондон, 1820.

Гордон (П.) Краткое изложение "Британской смуты" с 1639 по 1649 год. Напечатано для Сполдинг-клуба. Абердин, 1844. 4 года.

Göthe (J. W.) Wahrheit und Dichtung, in vol. ii. of Werke. Stuttgart, 1837.

Правительство (The) и орден Церкви Шотландии. 1641. Переиздано, Эдинбург, 1690.

Gramont (Le Maréchal de) Mémoires, édit. Petitot et Monmerqué. Париж, 1826, 1827. В 2 т.

Грант (Р.) История физической астрономии. Лондон, 1852.

Грант (Р. Э.) Сравнительная анатомия. Лондон, 1841.

Грей (А.) Великие и драгоценные обещания. Глазго, 1740.

Грей (А.) Духовная брань, или Проповеди о природе умерщвления плоти. Глазго, 1840.

Грин (Дж. Х.) Динамика жизни. Лондон, 1840.

Grégoire (M.) Histoire des Confesseurs. Париж, 1824 год.

Грегори (Д.) История Западного нагорья и островов Шотландии с 1493 по 1625 год. Эдинбург, 1836.

Документы Гренвилла (The) под редакцией У. Дж. Смита. Лондон, 1852, 1853. 4 тома.

Гирсон (доктор исторических наук) История Сент-Эндрюса. Купар, 1838.

Грив (Дж.) История Камчатки, переведенная с русского. Глостер, 1764. 4 т.

Grimm et Diderot, Correspondance Littéraire. Париж, 1813, 1814. 17 томов. [Этот важный труд состоит из трех частей, помимо приложения; но при цитировании я всегда следовал обычным буквам, делая дополнение объемным. xvii.]

Гроуз Ф.) Военные древности; История английской армии. Лондон, 1812. 2 тома. с 4 по.

Гросли (М.) Путешествие в Лондон. Лондон, 1772. 2 тома.

Гроте Г.) История Греции. Лондон, 1846-1856. 12 томов. 1-е изд. из томов. i. ii. iii. iv. ix. x. xi. xii.; 2-е изд. из томов. v. vi. vii. viii.

Гроув (У. Р.) Соотношение физических сил. 3-е издание. Лондон, 1855.

Guizot (M.) Histoire de la Civilisation en France. Париж, 1846. 4 тома.

Guizot (M.) Histoire de la Civilisation en Europe. Париж, 1846 год.

Guizot (M.) Essais sur l'Histoire de France. Париж, 1847 год.

Гатри (Дж.) Соображения, способствующие раскрытию опасностей, угрожающих религии в Шотландской церкви. Переиздание, Эдинбург, 1846.

Воспоминания Гатри (Х. епископа Данкельдского). Лондон, 1702.

Кодекс законов Халхеда (Северная Каролина). Лондон, 1777 год.

Хэлкетт (Дж.) Заметки об индейцах Северной Америки. Лондон, 1825.

Халлам (Х.) Конституционная история Англии. Лондон, 1842. 2 тома.

Халлам (Х.) Введение в литературу Европы. Лондон, 1843. 3 тома.

Халлам Х.) Европа в средние века. Лондон, 1846. 2 тома.

Халлам Х. Дополнительные заметки о Европе в средние века. Лондон, 1848.

Халибертон (Т.) Великая забота о спасении. Эдинбург, 1722.

Гамильтон (У.) Египетский. Лондон, 1809. 4 ч.

Гамильтон (сэр У.) Заметки и диссертации Рида. Эдинбург, 1852.

Гамильтон (сэр У.) Дискуссии по философии и литературе. Лондон, 1852.

Догадки Хэйра об истине. Первая и вторая серии. Лондон, 1847, 1848. 2 тома.

Харфорд (J. S.) Жизнь Т. Берджесса, епископа Солсберийского. Лондон, 1841.

Харрис Г.) Жизнь лорда-канцлера Хардвика. Лондон, 1847. 3 тома.

Харрис (У.) Жизни Джеймса I., Карла I., Кромвеля и Карла II. Лондон, 1814. 5 томов.

Хассе (С. Е.) Анатомическое описание заболеваний органов кровообращения и дыхания. Сиденхемское общество. Лондон, 1846 год.

Hausset (Madame du) Mémoires. Париж, 1824 год.

Найю (R. J.) Traité de Minéralogie. Париж, 1801. 5 томов.

Хокинс Б.) Элементы медицинской статистики. Лондон, 1829.

Хибер (епископ) Жизнь Джереми Тейлора, в первом томе сочинений Тейлора. Лондон, 1828.

Путешествие Хиберы (епископа) по Верхним и Южным провинциям Индии. Лондон, 1828. 3 тома.

Херен (А. Х. Л.) Политика, взаимоотношения и торговля африканских народов. Оксфорд, 1838. 2 тома.

Херен (А. Х. Л.) Политика, сношения и торговля азиатских народов. Лондон, 1846. 2 тома.

Helvétius (C. A.) De l'Esprit. Амстердам, 1759. 2 тома.

Хендерсон (Дж.) История Бразилии. Лондон, 1821. 4 ч.

Henle (J.) Traité d'Anatomie Générale. Париж, 1843. 2 тома.

Хенслоу (J. S.) Описательная и физиологическая ботаника. Лондон, 1837.

Herder (J. G.) Ideen zur Geschichte der Menschheit. Штутгарт, 1827, 1828. 4 тома.

Herodoti Musæ, edit. Baehr. Липсий, 1830-1835. 4 тома.

Херон (Р.) Наблюдения, сделанные во время путешествия по Западным графствам Шотландии в 1792 г. 2-е изд. Перт, 1799. 2 тома.

Беседа Гершеля (сэра Дж.) об изучении естественной философии. Лондон, 1831.

Работы Хьюсона (У.), отредактированные Г. Гулливером для Сиденхемского общества. Лондон, 1846.

История (The) и жизнь короля Джеймса Шестого с 1566 по 1596 год. Опубликовано Bannatyne Club. Эдинбург, 1825. 4 года.

Хичкок (Э.) Религия геологии. Лондон, 1851.

Ходжсон (Дж.) Хантерианская речь, произнесенная в Королевском колледже хирургов в 1855 году. Лондон (дата отсутствует).

Ходжсон (Р.) Жизнь Портеуса, епископа Лондонского. Лондон, 1811.

Холкрофт (Т.) Воспоминания самого себя: продолжение Хэзлитта. Лондон, 1816. 3 тома.

Медицинские заметки Холланда (сэра Х.). Лондон, 1839.

Воспоминания Холланда (лорда) о партии вигов. Лондон, 1852-1854. 2 тома.

Мемуары Холлса (лорда). Лондон, 1699.

Холлинсхед (Р.) Шотландская хроника. Арброт, 1805. 2 тома. 4то.

Главная (J.) История восстания в 1745 году. Лондон, 1802. 4то.

Хукер (Р.) Церковное устройство. Лондон, 1830. 3 тома.

Хоскинс (Г. А.) Испания как она есть. Лондон, 1851. 2 тома.

Письма Хауэлла (Дж.). Одиннадцатое издание. Лондон, 1754.

Хоуи (Дж.) Биография Шотландца. 2-е издание. Глазго, 1781.

Huetius (P. D.) Commentarius de Rebus ad eum pertinentibus. Амстел, 1718 год.

Humboldt (A.) Essai sur la Nouvelle Espagne. Париж, 1811. 2 тома. 4то.

Гумбольдт (А.) Космос. Лондон, 1848-1852. 4 тома.

Юм (Д.) Комментарии к закону Шотландии о преступлениях. Эдинбург, 1797. 2 тома. 4то.

Юм (Д.) Философские труды. Эдинбург, 1826. 4 тома.

Хьюм (Д.) Письма выдающихся личностей. Эдинбург, 1849.

Хьюм (д. Годскрофтский) История дома и рода Дугласов и Ангусов. Эдинбург, 1743. 2 тома.

Хант (Ф. К.) История газет. Лондон, 1850. 2 тома.

Сочинения Хантера (Дж.) под редакцией Дж. Ф. Палмера. Лондон, 1835-1837. 4 тома.

Хантер (J.) Очерки и наблюдения по естественной истории и др. Под редакцией Р. Оуэна. Лондон, 1861. 2 тома.

Хатчесон (Ф.) Исследование истоков наших представлений о красоте и добродетели. 4-е редактирование. Лондон, 1738.

Хатчесон (Ф.) Система моральной философии; "Жизнь Хатчесона" У. Личмана. Лондон, 1755. 2 тома. 4то.

Хатчесон (Ф.) Эссе о природе и поведении страстей и привязанностей. 3-е издание. Глазго, 1769.

Хатчесон Г.) Изложение Двенадцати Малых Пророков. Лондон, 1654, 1655. 3 тома.

Хатчесон Г.) Изложение Книги Иова, представляющее собой сумму 316 проповедей, прочитанных в городе Эденбург. Лондон, 1669. Фолиант.

Воспоминания Хатчинсона (полковника), написанные его вдовой. Лондон, 1846.

Хаттон (Дж.) Теория Земли. Эдинбург, 1795. 2 тома.

Хаттон (У.) Жизнь самого себя. Лондон, 1816.

Ибн Батута, "Путешествия в четырнадцатом веке", перевод с арабского С. Ли. Лондон, 1829. 4 ч.

Инглис (Х. Д.) Испания в 1830 году. Лондон, 1831. 2 тома.

Интересы Шотландии рассматриваются в отношении полиции, торговли и т.п. Эдинбург, 1733г.

Ирвинг (Дж.) История Думбартоншира. 2-е издание. Думбартон, 1860. 4-е издание.

Ixtlilxochitl, Histoire des Chichimèques ou des anciens Rois de Tezcucio. Париж, 1840. 2 тома.

Якобитские мемуары о восстании 1745 года, отредактированные по рукописям покойного епископа Форбса Р. Чемберсом. Эдинбург, 1834 год.

Джеймс II, Жизнь, написанная его собственной рукой по мемуарам Дж. С. Кларка. Лондон, 1816. 2 тома. 4то.

Janer (F.) Condition Social de los Moriscos de España. Мадрид, 1857.

Джефферсон (Т.) Воспоминания и переписка, автор Рэндольф. Лондон, 1829. 4 тома.

Мемуары Джахангира (императора), написанные им самим, переведены с персидского Д. Прайсом. Лондон, 1829. 4 т.

Джуэл (Дж.) Апология церкви Англиканской. Лондон, 1581.

Жовер (А. С. Г.) Идеи или наброски новой философской системы. Лондон, 1848, 1849. 2 тома.

Институты гражданского права Испании имени Джонстона (L. F. С.). Лондон, 1825.

Мемуары Джонстона (шевалье де) о восстании 1745 и 1746 годов. 3-е редактирование. Лондон, 1822.

Joly (G.) Mémoires. Париж, 1825 год.

Джонс (С. Н.) и Зивекинг (Е. Н.) Патологическая анатомия. Лондон, 1854.

Джонс (Р.) Организация животного царства. Лондон, 1855.

Джонс (У.) Жизнь Г. Хорна, епископа Норвичского. Лондон, 1795.

Сочинения Джонса (сэра У.). Лондон, 1799. 6 томов. 4то.

Азиатский журнал. Париж, 1822-1827. 11 томов.

Журнал Азиатского общества. Лондон, 1834-1851. 14 томов.

Журнал Географического общества. Лондон, 1833 (2-е изд. т. i.) по 1853. 23 тома.

"Ботаника Жюссье" Дж. Х. Уилсона. Лондон, 1849. Курс метеорологии Кемца (Л. Ф.). Лондон, 1845 год.

Kant (J.) Werke. Leipzig, 1838, 1839. 10 vols.

Кей (Дж.) Состояние и образование людей в Англии и Европе. Лондон, 1850. 2 тома.

Кейт (Р.) Каталог епископов Шотландии. Эдинбург, 1755. 4-е место.

Кейт (Р.) История церкви и государства в Шотландии с начала Реформации до 1568 года. Опубликовано Обществом Споттисвуда. Эдинбург, 1844-1850. 3 тома.

Кембл (Дж. М.) Саксы в Англии. Лондон, 1849. 2 тома.

Кен (епископ Бата и Уэллса) Жизнь мирянина. Лондон, 1854. 2 тома.

Кеннеди (У.) Анналы Абердина. Лондон, 1818. 2 тома. 4то.

Жизнь короля (Лорда) Дж. Локка. Лондон, 1830. 2 тома.

Кирктон (J.) Тайная и истинная история Церкви Шотландии, от Реставрации до 1678 года, отредактированная по рукописи К. К. Шарпа. Эдинбург, 1817. 4 тома.

Klimrath (H.) Travaux sur l'Histoire du Droit Français. Париж, 1843. 2 тома.

Нокс (Дж.) История реформации в Шотландии, под редакцией Д. Лэйнга, для Общества Вудроу. Эдинбург, 1846-1848. 2 тома.

Koch (M.) Tableau des Révolutions de l'Europe. Париж, 1823. 3 тома.

Коль (Дж. Дж.) Россия. Лондон, 1842.

Labat (P.) Voyages en Espagne et en Italie. Париж, 1730. Том i, содержащий его путешествия по Испании.

Лаборд (А.) Вид Испании. Лондон, 1809. 5 томов.

Lacretelle (C.) Histoire de France pendant le XVIIIe Siècle. Bruxelles, 1819. 3 vols.

Lafayette (Général) Mémoires, Correspondance et Manuscrits. Bruxelles, 1837–1839. 2 vols.

Lafuente (M.) Historia General de España. Мадрид, 1850-1857. 19 томов.

Лэйнг (М.) История Шотландии с 1603 по 1707 год. 3-е издание. Лондон, 1819. 4 тома.

Лэйнг (С.) Швеция в 1838 году. Лондон, 1839.

Лэйнг С. Заметки о социальном и политическом состоянии Европы. Лондон, 1842.

Лэйнг С. Вторая серия заметок о Европе. Лондон, 1850.

Лэйнг (С.), Дания, третья серия заметок. Лондон, 1852.

Лэрд (М.) Воспоминания о жизни и опыте с предисловием преподобного мистера Кока. 2-е издание. Глазго, 1781 год.

Lamartine (A. de) Histoire des Girondins. Bruxelles, 1847. 8 vols.

Дневник Ламонта (Дж. из Ньютона) с 1649 по 1671 год. Эдинбург, 1830. с 4 по.

Ланкестер (США) Мемориалы Джона Рэя. Общество Рэя, 1846.

Larenaudière (M. de) Mexique et Guatemala. Париж, 1843 год.

Латбери (Т.) История созыва Англиканской церкви. Лондон, 1842.

Лэтбери (Т.) История невиновных. Лондон, 1845.

Lavallée (T.) Histoire des Français. Париж, 1847. 4 тома.

Лоуренс (У.) Лекции по сравнительной анатомии и естественной истории человека. Лондон, 1844.

Лоусон (J. P.) Римско-католическая церковь в Шотландии. Эдинбург, 1836.

Лоусон (Дж. П.) "Книга Перта". Эдинбург, 1847.

Le Blanc (L'Abbé) Letters d'un François. Lyon, 1758. 3 vols.

Ледвич (Э.) Древности Ирландии. Дублин, 1804. 4 т.

Le Long (J.) Bibliothèque Historique de la France. Париж, 1768-1778. 5 томов. фолиант.

Lémontey (P. E.) L'Établissement Monarchique de Louis XIV. Париж, 1818 год.

Lenet (P.) Mémoires. Париж, 1826. 2 тома.

Lepan (M.) Vie de Voltaire. Париж, 1837 год.

Lepelletier (A.) Physiologie Médicale. Париж, 1831-1833. 4 тома.

Lerminier (E.) Philosophie du Droit. Париж, 1831. 2 тома.

Лесли (Дж.) История Шотландии с 1436 по 1561 год. Опубликовано Баннатайнским клубом. Эдинбург, 1830. 4 года.

Лесли (Дж.) Экспериментальное исследование природы и распространения тепла. Лондон, 1804 год.

Лесли (сэр Дж.) Трактаты по естественной и химической философии. Эдинбург, 1838 год.

Письма из Испании и т. Д. от английского офицера. Лондон, 1788. 2 тома.

Письма от джентльмена с Севера Шотландии. Лондон, 1815. 2 тома.

Письма королевы Шотландии Елизаветы и Якова VI под редакцией Дж. Брюса для Камденского общества. Лондон, 1849. 4 ч.

Леттис (I.) Письма из путешествия по различным частям Шотландии в 1792 году. Эдинбург, 1794 год.

Le Vassor (M.) Histoire du Règne de Louis XIII. Amst. 1701-1711. 10 томов.

Льюис (Г. Х.) - Испанская драма. Лондон, 1846 год.

Либих (Дж.) Химия животных. Лондон, 1846 год.

Либих (Дж.) Письма о химии в ее связи с физиологией. Лондон, 1851.

Отчеты Либиха и Коппа о прогрессе химии и смежных наук. Лондон, 1849-1853. 4 тома.

Линдли (Дж.) Растительное царство. Лондон, 1847.

Линдли (Дж.) Введение в ботанику. Лондон, 1848. 2 тома.

Линдси (р. из Питскотти) Хроники Шотландии. Эдинбург, 1814. 2 тома.

Лингард (Дж.) История Англии. Париж, 1840. 8 томов.

Листер (М.) Рассказ о Париже в конце Семнадцатого века. Шефтсбери (без даты).

Листер (Т. Х.) Жизнь и переписка первого графа Кларендона. Лондон, 1837, 1838. 3 тома.

Llorente (D. J. A.) Histoire Critique de l'Inquisition d'Espagne. Париж, 1817, 1818. 4 тома.

Работы Локка (Дж.). Лондон, 1794. 9 томов.

Документы Локхарта (The). Лондон, 1817. 2 тома. 4то.

Longchamp et Wagnière, Mémoires sur Voltaire. Париж, 1826. 2 тома.

Лондон (JC) - Энциклопедия сельского хозяйства. Лондон, 1844 год.

Louville (Marquis de) Mémoires. Париж, 1818. 2 тома.

Низкий (Х.) Саравак; его обитатели и произрастания. Лондон, 1835 год.

Ладлоу (Э.) Мемуары. Эдинбург, 1751. 3 тома.

Лайелл (сэр К.) Принципы геологии. 9-я правка. Лондон, 1853 год.

Лайон (Си Джей) История Сент-Эндрюса. Эдинбург, 1843. 2 тома.

Mably (L'Abbé) Observations sur l'Histoire de France. Париж, 1823. 3 тома.

Маколей (Т. Б.) История Англии. Лондон, 1849-1855. 1-е изд. 4 тома.

Маккей (Р. У.) Прогресс интеллекта в религиозном развитии греков и евреев. Лондон, 1850. 2 тома.

Маккензи (сэр Г.) Законы и обычаи Шотландии в уголовных делах. Эдинбург, 1699. Фолио.

Макинтош (сэр Дж.) История революции в Англии 1688 года. Лондон, 1834. 4-е место.

Мемуары Макинтоша (сэра Дж.), написанные его сыном. Лондон, 1835. 2 тома.

Диссертация Макинтоша (сэра Дж.) о развитии этической философии. Эдинбург, 1837.

[Мэки (Дж.)] Путешествие по Шотландии. 2-е издание. Лондон, 1732. См. *Британскую библиотеку* Уотта, том ii. стр. 631, м.

Макферсон (Д.) "Анналы коммерции". Лондон, 1805. 4 тома. 4то.

Макферсон (Дж.) Подлинные документы, от реставрации до восшествия на престол Ганноверского дома. Лондон, 1775. 2 тома. 4то.

Макри (Т.) Жизнь Эндрю Мелвилла. Эдинбург, 1819. 2 тома.

Макри (Т.) История прогресса и подавления Реформации в Испании в Шестнадцатом веке. Эдинбург, 1829.

Макри (Т.) Жизнь Джона Нокса, под редакцией А. Крайтона. 2-е издание. Эдинбург, 1841.

Мак-Каллох (Дж. Р.) Принципы политической экономии. Эдинбург, 1843.

М'Куллох (J. H.) Исследования, касающиеся истории аборигенов Америки. Балтимор, 1829.

М'Юр (J.) История Глазго. Новое издание. Глазго, 1830.

История болезни Уильяма (Дж. О.) во время экспедиции в Нигер. Лондон, 1843.

Маон (лорд) Испании при Карле II, или Выдержки из переписки А. Стэнхоупа, 1690-1699. Лондон, 1840 год.

История Англии Мэхона (лорда) с 1713 по 1783 год. Лондон, 1853, 1854. 7 томов.

Maintenon (Madame de) Lettres inédites de, et de la Princesse des Ursins. Париж, 1826. 4 тома.

Малькольм (сэр Дж.) История Персии. Лондон, 1829. 2 тома.

"Северные древности Маллета", изд. Блэкуэлл. Лондон, 1847.

Малле дю Пан, Воспоминания и переписка. Лондон, 1852. 2 тома.

Маллет (господа Р. и Дж. У.) Каталог землетрясений Британской ассоциации. Из трудов Британской ассоциации содействия развитию науки. Лондон, 1858 год.

Мальтус (Т. Р.) Эссе о принципах народонаселения. Лондон, 1826. 2 тома.

Мэннинг (У. О.) Комментарии к международному праву. Лондон, 1839.

Марчант (Дж.) История нынешнего восстания. Лондон, 1746.

Документы Марчмонта, с 1685 по 1750 год. Лондон, 1831. 3 тома.

Mariana (P. J.) Historia General de España, y la Continuacion por Miniana. Мадрид, 1794, 1795. 10 томов.

Маринер (У.) Рассказ о туземцах островов Тонга. Лондон, 1818. 2 тома.

Marmontel (J. F.) Mémoires. Париж, 1805. 4 тома.

Марсден (У.) История Суматры. Лондон, 1783. 4 ч.

Martinez de la Mata, Dos Discursos, los publica J. A. Canga. Мадрид, 1794 год. Этот автор писал в середине семнадцатого века и сообщает некоторые чрезвычайно любопытные сведения об экономическом состоянии Испании.

Matter (M.) Histoire du Gnosticisme. Париж, 1828. 2 тома.

Matter (M.) Histoire de l'École d'Alexandrie. Париж, 1840-1844. 2 тома.

Matthæi Paris Historia Major, ред. Ватс. Лондон, 1684. Фолио.

Matthæi Westmonasteriensis Flores Historiarum. Лондон, 1570. 2 тома. фолиант.

Maury (L. F. A.) Légendes Pieuses du Moyen Age. Париж, 1843 год.

Мэй (Т.) История Долгого парламента. Лондон, 1647. 3 книги, фолиант.

Майо (Х.) Очерки физиологии человека. Лондон, 1837 год.

Мидли (Г. У.) Воспоминания У. Пейли. Эдинбург, 1810 год.

Meiners (E.) Betrachtungen über die Fruchtbarkeit &c. der Länder in Asien. Lübeck, 1795, 1796. 2 vols.

Мелвилл (Дж.) Автобиография и дневник, отредактированные Р. Питкэрном для Общества Вудроу. Эдинбург, 1842 год.

Mendoza (D. H.) Guerra de Granada que hizo el Rei D. Felipe II. contra los Moriscos. Валенсия, 1776. 4 года.

Мерсер (А.) История Данфермлина. Данфермлин, 1828 год.

Mercier (M.) J. J. Rousseau considéré comme l'un des premiers Auteurs de la Révolution. Париж, 1791. 2 тома.

Мейен (Ф. Дж. Ф.) Очерки географии растений. Лондон, 1846 год.

Meyer (J. D.) Esprit, Origine et Progrès des Institutions Judiciaires. Париж, 1823. 5 томов.

Mezeray (F. E.) Histoire de France. Париж, 1643-1651. 3 тома. фолиант.

Michelet (M.) Origines du Droit Français, in vol. ii. of Œuvres. Bruxelles, 1840.

Mignet (M.) Négociations relatives à la Succession d'Espagne sous Louis XIV. Париж, 1835-1842. 4 тома. 4то.

Милль Дж.) Анализ феноменов человеческого разума. Лондон, 1829. 2 тома.

Милль Дж.) "История Британской Индии" под редакцией Х. Х. Уилсона. Лондон, 1848 (первые два тома. только).

Милль (Дж. С.) Принципы политической экономии. Лондон, 1849. 2 тома.

Миллс (С.) История рыцарства. Лондон, 1825. 2 тома.

Сборник (The) Общества Вудроу под редакцией Д. Лэйнга. Эдинбург, 1844 год.

Моффат (Р.) Южная Африка. Лондон, 1842 год.

Monconys (M. de) Voyages de. Париж, 1695. 5 томов.

Жизнь монаха (епископа Глостерского) Р. Бентли. Лондон, 1833. 2 тома.

Монро (А.) Проповеди. Лондон, 1693.

Montaigne (M.) Essais. Париж, 1843 год.

Montbarey (Prince de) Mémoires. Париж, 1826, 1827. 3 тома.

Monteil (A. A.) Histoire des Français des divers États. Bruxelles, 1843. 8 vols.

Montesquieu (C.) Œuvres complètes. Париж, 1835 год.

Montglat (Marquis de) Mémoires. Париж, 1825, 1826. 3 тома.

Montlosier (Comte de) La Monarchie Française. Париж, 1814. 3 тома.

Montucla (J. F.) Histoire des Mathématiques. Париж, 1799-1802. 4 тома. 4то.

Morellet (L'Abbé) Mémoires. Париж, 1821. 2 тома.

[Морер (Т.)] Краткий рассказ о Шотландии. Лондон, 1702 год. Эта работа анонимна. Автором был "капеллан шотландского полка". См. *Отчеты о заседании Кирки и др. в Абердине*, редактировать. Сполдинг-клуб; Абердин, 1846, 4то, стр. lxi. lxxv.

Мосхайд (Дж. Л.) Церковная история. Лондон, 1839. 2 тома.

Мотли (Дж. Л.) История возникновения Голландской республики. Лондон, 1858. 3 тома.

Motteville (Mme.) Mémoires, édit. Петито. Париж, 1824. 5 томов.

Мойзи (Д.) Мемуары о делах Шотландии с 1577 по 1603 год. Напечатано Баннатанским клубом. Эдинбург, 1830. 4 года.

Мюрхед (Дж. П.) Жизнь Джеймса Уатта. 2-е издание. Лондон, 1859.

Мюллер (J.) Элементы физиологии. Лондон, 1840-1842. 2 тома.

Мерчисон (сэр Р.) Силурия. Лондон, 1854.

Мюр (У.) История языка и литературы Древней Греции. Лондон, 1850-1853. 4 тома.

Muriel (A.) Gobierno del Señor Rey Don Carlos III. Мадрид, 1839 год.

Мюррей (А.) Жизнь Дж. Брюса. Эдинбург, 1808. 4 ч.

Мюссе-Патэ (V. D.) "Жизнь Ж.-Ж. Руссо". Париж, 1822. 2 тома.

Неффалим, или Борьба Шотландской церкви за Царство Христово. Напечатано в 1667 году.

Нейпир (М.) Жизнь и времена Монтроуза, иллюстрированная оригинальными рукописями. Эдинбург, 1840.

Наваррете (М. Ф.) Вида де Сервантес, приставка к "Дон Кихоту". Барселона, 1839.

Navarrete (M. F.) Noticia Biográfica del Marques de la Ensenada, in vol. ii. of Navarrete Opúsculos. Мадрид, 1848 год.

Нил (Д.) История пуритан с 1517 по 1688 год. Лондон, 1822. 5 томов.

Неандер (А.) История христианской религии и церкви. Лондон, 1850-1852. 8 томов.

Ньюман (Ф. У.) Естественная история души как основа теологии. Лондон, 1849.

Ньюман (Ф. У.) Фазы веры. Лондон, 1850.

Ньюман (Дж. Х.) Очерк развития христианской доктрины. Лондон, 1845.

Ньютон (епископ Бристольский), Жизнь самого себя. Лондон, 1816.

Николлс (Дж.) Воспоминания. Лондон, 1822. 2 тома.

Николс (Дж.) Литературные анекдоты восемнадцатого века. Лондон, 1812-1815. 9 томов.

Николс (Дж.) Иллюстрации к истории литературы восемнадцатого века. Лондон, 1817-1848. 7 томов.

Дневник Николла (Дж.) с января 1650 по июнь 1667 года. Опубликовано клубом "Баннатайн". Эдинбург, 1836. 4 т.

Нибур (С.) Описание Арабии. Амстердам, 1774. 4 ч.

Ниммо (У.) История Стерлингшира. Эдинбург, 1777.

Noailles (Duc de) Mémoires par l'Abbé Millot, édit. Petitot et Monmerqué. Париж, 1828, 1829. 4 тома.

Нобл (Д.) Мозг и его физиология. Лондон, 1846.

Нобл (М.) Мемуары дома Кромвелей. Бирмингем, 1784. 2 тома.

Нобл (М.) Жизнеописания английских цареубийц. Лондон, 1798. 2 тома.

Норт (Р.) Жизнь северян. Лондон, 1826. 3 тома.

Орм (У.) Жизнь Джона Оуэна. Лондон, 1820.

Ortiz y Sans (D. J.) Compendio Cronologico de la Historia de España. Мадрид, 1795-1803. 7 томов.

Оттер (У.) Жизнь Э. Д. Кларка. Лондон, 1825. 2 тома.

Оуэн (Р.) Лекции по сравнительной анатомии и физиологии беспозвоночных животных. 2-е издание. Лондон, 1855 год.

Пэджет (Дж.) Лекции по хирургической патологии. Лондон, 1853. 2 тома.

Пэлгрейв (сэр Ф.) Возвышение и прогресс Английского Содружества. Лондон, 1832. 2 тома. 4то.

Palissot (M.) Mémoires pour l'Histoire de notre Littérature. Париж, 1803. 2 тома.

Паллме (I.) Путешествует по Кордофану. Лондон, 1844.

Палмер (У.) Трактат о Церкви. Лондон, 1839. 2 тома.

Парк (Мунго) Путешествия по Африке. Лондон, 1817. 2 тома.

Паркер (епископ) История его собственного времени. Лондон, 1727 год.

Парламентская история Англии до 1803 года. Лондон. 36 томов.

Сочинения Парра (С.). Лондон, 1828. 8 томов.

Patin (G.) Lettres. Париж, 1846. 3 тома.

Паттен (Р.) История позднего восстания. Лондон, 1717.

Peignot (G.) Dictionnaire des Livres condamnés au feu. Париж, 1806. 2 тома.

Пеллью Г.) Жизнь и переписка лорда Сидмута. Лондон, 1847. 3 тома.

Тур Пеннанта (Т.) по Шотландии. 4-я редакция. Дублин, 1775. 2 тома.

Пенни (Г.) Традиции Перта. Перт, 1836.

Дневник Пеписа (С.) с 1659 по 1669 год. Лондон, 1828. 5 томов.

Персиваль (Р.) Рассказ об острове Цейлон. Лондон, 1805. 4 ч.

Мемуары Питерборо (С. М. Earl of) с выборками из его переписки. Лондон, 1853. 2 тома.

Петри (Г.) Церковная архитектура и круглые башни Ирландии. Дублин, 1845.

Филимор (Р.) Мемуары лорда Литтелтона, с 1734 по 1773 год. Лондон, 1845. 2 тома.

Филлипс Б.) Золотуха, ее природа, причины и распространенность. Лондон, 1846.

Pinel (P.) Traité sur l'Aliénation Mentale. 2-я правка. Париж, 1809.

Пинкертон (Дж.) История Шотландии, от восшествия на престол Дома Стюартов до восшествия на престол Марии. Лондон, 1797. 2 тома. 4то.

Пинкертон (J.) Исследование истории Шотландии, предшествовавшее 1056 году. Эдинбург, 1814. 2 тома.

Питкэрн (Р.) Уголовные процессы в Шотландии, с 1488 по 1624 год. Эдинбург, 1833. 3 тома. 4то в четырех частях.

Плейфер (Дж.) Работает. Эдинбург, 1822; первый и четвертый тома, содержащие иллюстрации хаттоновской теории и Жизни Хаттона.

Pontchartrain (P. de) Mémoires. Париж, 1822. 2 тома.

Портер (Г. Р.) Прогресс нации. Лондон, 1836-1843. 3 тома.

Rouillet (M.) Éléments de Physique. Париж, 1832. 2 тома.

Выставка пресвитерии, 1644. Переиздано, Лондон, 1663. 4то.

Прескотт (У. Х.) История правления Фердинанда и Изабеллы. Париж, 1842. 3 тома.

Прескотт (У. Х.) История завоевания Мексики. Лондон, 1850. 3 тома.

Прескотт (У. Х.) История завоевания Перу. Лондон, 1850. 3 тома.

Прескотт (У. Х.) История правления Филиппа II. Лондон, 1857-1859. 3 тома.

Причард (J. С.) Трактат о безумии. Лондон, 1835.

Причард (Дж. К.) Безумие в связи с юриспруденцией. Лондон, 1842.

Причард (J. С.) Исследует физическую историю человечества. Лондон, 1841-1847. 5 томов.

Мемуары самого Пристли (Дж.), продолженные его сыном. Лондон, 1806, 1807. 2 тома.

Предыдущая (J.) жизнь О. Голдсмита. Лондон, 1837. 2 тома.

Приор (Дж.) Мемуары Э. Берка. Лондон, 1839.

Праут (У.) Бриджуотерский трактат по химии и др. Лондон, 1845.

Поултни Р. Исторические очерки развития ботаники в Англии. Лондон, 1790. в 2 т.

Quatremère (E.) Recherches sur la Langue et la Littérature de l'Égypte. Париж, 1808 год.

Quérard (J. M.) La France Littéraire. Париж, 1827-1839. 10 томов.

Quetelet (A.) Sur l'Homme et la Développement de ses Facultés. Париж, 1835. 2 тома.

Кетле (А.) Моральная статистика, в т. XXI. Академических воспоминаний. de Belgique. Брюссель, 1848, 4 года назад.

Куик (J.) Синодикон в Галлии; Акты и т.п. Соборов Реформатских церквей во Франции. Лондон, 1692. 2 тома. фолиант.

Куин (М. Дж.) Мемуары Фердинанда VII. Король Испании. Лондон, 1824.

Rabelais (F.) Œuvres. Амстердам, 1725. 5 томов.

Рей (П.) История восстания против Георга I. 2-е изд. Лондон, 1746 год.

Раффлс (сэр Т. С.) История Явы. Лондон, 1830. 2 тома.

Раммохун Рой, Переводы из Вед и работы по брахманическому богословию. Лондон, 1832.

Раммохун Рой о судебной и налоговой системах Индии. Лондон, 1832.

Рамзи (Э. Б. декан Эдинбургского университета) Воспоминания о шотландской жизни и характере. 5-е издание. Эдинбург, 1859.

Ranke (L.) Die Römischen Päpste. Берлин, 1838, 1839. 3 тома.

Ранке Л.) Османская и Испанская империи в шестнадцатом и Семнадцатом веках. Лондон, 1843 год.

Ранке Л. Гражданские войны и монархия во Франции в 16-17 веках. Лондон, 1852. 2 тома.

Раумер (Ф. фон) История Шестнадцатого и семнадцатого веков, иллюстрированная подлинными документами. Лондон. 1835. 2 тома.

Рэй (Дж.) Второй маршрут в 1661 году, в "Мемориалах Рэя", под редакцией Э. Ланкестера для Общества Рэя. Лондон, 1846 год.

Переписка Рэя (Дж.) под редакцией Э. Ланкестера. Общество Рэя, 1848 год.

Рид (Т.) Очерки о силах человеческого разума. Эдинбург, 1808. 3 тома.

Рид (Т.) Исследование человеческого разума на принципах здравого смысла. 7-я правка. Эдинбург, 1814 год.

Relations des Ambassadeurs Vénitiens sur les Affaires de France au XVIe Siècle. Париж, 1838. 2 тома. 4то.

Renouard (P. V.) Histoire de la Médecine. Париж, 1846. 2 тома.

Доклады Общества Рэя по ботанике. Лондон, 1846 год.

Рересби (сэр Дж.) Путешествия и мемуары во времена Кромвеля, Карла II и Якова II. Лондон, 1831 год.

Retz (Cardinal de) Mémoires. Париж, 1844. 2 тома.

Откровения об Испании в 1845 году, написанные английским резидентом. Лондон, 1845. 2 тома.

Rey (J. A.) Théorie et Pratique de la Science Sociale. Париж, 1842. 3 тома.

Reynier (L.) De l'Économie Publique et Rurale des Arabes et des Juifs. Genève, 1820.

Литературные произведения Рейнольдса (сэра Дж.). Лондон, 1846. 2 тома.

Rhode (J. G.) Religiöse Bildung, Mythologie und Philosophie der Hindus. Leipzig, 1827. 2 vols.

Рикардо (Д.) Работает. Лондон, 1846 год.

Richard (A.) Nouveaux Éléments de Botanique. Париж, 1846 год.

Ричардсон (Дж.) Путешествует по пустыне Сахара. Лондон, 1848. 2 тома.

Ричардсон (Дж.) Миссия в Центральную Африку. Лондон, 1853. 2 тома.

Арктическая поисковая экспедиция Ричардсона (сэра Дж.). Лондон, 1851. 2 тома.

Richelieu (Cardinal) Mémoires sur le Règne de Louis XIII. Париж, 1823. 10 томов.

Ридпат Г.) Пограничная история Англии и Шотландии. Бервик, 1848. 4 года.

Ригведа-Санхита, перевод с санскрита Х. Х. Уилсона. Лондон, 1850-1854. 2 тома.

Rio (A. F.) Historia del Reinado de Carlos III. en España. Мадрид, 1856. 4 тома.

Воспоминания Рипперды (герцога де). 2-е издание. Лондон, 1740.

Ричи (Т. Е.) Жизнь Дэвида Хьюма. Лондон, 1807 год.

Риттер (Х.) История античной философии. Лондон, 1838-1846. 4 тома.

Rivarol (М.) Mémoires. Париж, 1824 год.

Халат (Дж.) Повествования об Экстраординарной Работе Духа Божьего. Глазго, 1790 год.

Робертсон (У.) Работает. Лондон, 1831 год.

Робертсон (У.) История Шотландии в работах Робертсона. Лондон, 1831 год.

Робертсон (У.) История правления Карла V. с дополнениями У. Х. Прескотта. Лондон, 1857 год.

Robin (С.) et Verdeil (F.) Traité de Chimie Anatomique. Париж, 1853. 3 тома.

Rochefoucauld (Duc de la) Mémoires. Париж, 1826. 2 тома.

Rohan (H. Duc de) Mémoires. Париж, 1822 год.

Рокитанский (С.) Руководство по патологической анатомии. Опубликовано Сайденхэмским обществом. Лондон, 1849-1854. 4 тома.

Roland (Mme.) Mémoires. Париж, 1827. 2 тома.

Жизнь Ромилли (сэра С.), написанная им самим. Лондон, 1842. 2 тома.

Роско (Х.) Жизнь У. Роско. Лондон, 1833. 2 тома.

Roy (J.) История Шотландской церкви с 1558 по 1637 год, с продолжением до июля 1639 года. Опубликовано Обществом Вудроу. Эдинбург, 1842 год.

Мемориалы Рассела (лорда Дж.) и переписка К. Дж. Фокса. Лондон, 1853, 1854. 3 тома.

Рассел (М.) История церкви в Шотландии. Лондон, 1834. 2 тома.

Резерфорд (С.) Смерть Христа. Лондон, 1647. 4 ч.

Резерфорд (С.) Свободный спор против мнимой свободы совести. Лондон, 1649. 4то.

Резерфорд (С.) Триста пятьдесят два религиозных послания, между 1638 и 1649 годами. Перепечатано, Глазго, 1824.

Сэдлер (М. Т.) Закон народонаселения. Лондон, 1830. 2 тома.

Сэдлер (сэр Р.) Государственные документы и письма, под редакцией Р. Клиффорда, с примечаниями У. Скотта. Эдинбург, 1809. 2 тома. 4то.

Sainte-Aulaire (Le Comte de) Histoire de la Fronde. Париж, 1843. 2 тома.

Sainte-Palaye (De la Curne) Mémoires sur l'Ancienne Chevalerie. Париж, 1759-1781. 3 тома.

Шлоссер (Ф. К.) История восемнадцатого века. Лондон, 1843-5. 6 тома.

Шотландец (J.) Ошеломляющее состояние шотландских государственных деятелей с 1550 по 1660 год. Эдинбург, 1754.

Скот (У.) Апологетическое повествование о государстве и правительстве Шотландской церкви со времен Реформации. Опубликовано Обществом Вудроу. Эдинбург, 1846 год.

Шотландское пресвитерианское красноречие. 3-е издание. Лондон, 1719.

Шотландия: причины улучшения рыболовства и производства льна в Шотландии. Лондон, 1727.

Шотландия, современный отчет, написанный отсюда английским джентльменом, напечатанный в 1670 году в томе vi "Харлейского сборника". 1810. 4то.

Scriptores post Bedam Rerum Anglicarum. Лондон, 1596. Фолиант.

Ségur (Le Comte de) Mémoires ou Souvenirs. Париж, 1825-1827. 3 тома.

Избранные биографии, отредактированные для Общества Вудроу преподобным У. К. Твиди. Эдинбург, 1845-1847. 2 тома.

Выдержки из протоколов Синода Файфа с 1611 по 1687 год. Напечатано для Эбботсфордского клуба. Эдинбург, 1837. с 4 по.

Выдержки из протоколов пресвитериев Сент-Эндрюса и Купара с 1641 по 1698 год. Напечатано для Эбботсфордского клуба. Эдинбург, 1837. 4 т.

Подборки из реестров пресвитерии Ланарка с 1623 по 1709 год. Напечатано для Эбботсфордского клуба. Эдинбург, 1839. 4то.

Выдержки из протоколов заседания Кирки, пресвитерии и Синода Абердина. Напечатано для Клуба Сполдинга. Абердин, 1846. 4то.

Sempere (M.) Histoire des Cortès d'Espagne. Bordeaux, 1815.

Sempere (M.) Considérations sur les Causes de la Grandeur et de la Décadence de la Monarchie Espagnole. Париж, 1826. 2 тома.

Проповеди выдающихся богословов двух последних столетий. Эдинбург, 1814.

Sevigné (Madame de) Lettres. Париж, 1843. В 6 т.

Сьюэлл (У.) Христианская политика. Лондон, 1845.

Жизнь Шарпа (архиепископа Йоркского) под редакцией Т. Ньюкома. Лондон, 1825. 2 тома.

[Шарп, сэр К.] Мемориалы восстания 1569 года. Лондон, 1840.

Шарп (С.) История Египта. Лондон, 1852. 2 тома.

[Шилдс (А.)] Выпущенная на волю лань. Напечатано в 1687 году. См. *Биографию Шотландца* Хоуи, стр. 576.

Шилдс (А.) Шотландская инквизиция. Эдинбург, 1745 год.

Шилдс (А.) Исследование церковного общения. 2-е редактирование. Эдинбург, 1747.

Шорт (епископ Святого Асафа) История Англиканской церкви до 1688 года. Лондон, 1847.

Simon (Duc de) Mémoires publiés sur le Manuscrit original. Париж, 1842. 40 томов.

Саймон (Дж.) Читает лекции по общей патологии. Лондон, 1850.

Саймон (Дж. Ф.) Химия животных. Лондон, 1845, 1846. 2 тома.

Симпсон (Т.) Открытия на Северном побережье Америки. Лондон, 1843.

Синклер Г.) Открыт невидимый мир сатаны. Переиздано, Эдинбург, 1780.

Синклер (сэр Дж.) Статистический отчет Шотландии. Эдинбург, 1791-1799. 21 том.

Синклер (сэр Дж.) История государственных доходов Британской империи. Лондон, 1803, 1804. 3 тома.

Синклер (сэр Дж.) Переписка. Лондон, 1831. 2 тома.

Сисмонди (J. C. L.) Исторический взгляд на литературу Юга Европы с примечаниями Т. Роско. Лондон, 1846. 2 тома.

Сисмонди (J. C. L. S. de) Histoire des Français. Париж, 1821-1844. 31 том.

Скин (У. Ф.) Горцы Шотландии, их происхождение, история и древности. Лондон, 1837. 2 тома.

Смедли Э.) История реформатской религии во Франции. Лондон, 1832-1834. 3 тома. 8в.

Смит (А.) Теория моральных чувств. Лондон, 1822. 2 тома.

Смит (А.) Исследование природы и причин богатства народов. Эдинбург, 1839.

Мемуары и переписка Смита (сэра Дж. Э.). Лондон, 1832. 2 тома.

Трактаты Сомерса под редакцией сэра У. Скотта. Лондон, 1809-1815. 13 томов. 4то.

Память Сомервилля (лорда) о семействе Сомервиллей. Эдинбург, 1815. 2 тома.

Сомервилл (М.) Связь физических наук. Лондон, 1849.

Сомервилл (М.) Физическая география. Лондон, 1851. 2 тома.

Сорбьер (М.) Путешествие в Англию. Лондон, 1709.

Sorel (M. C.) La Bibliothèque Française. Париж, 1667 год.

Soulavie (J. L.) Mémoires du Règne de Louis XVI. Париж, 1801. 6 томов.

Саути (Р.) Письма, написанные в Испании и Португалии. 2-е редактирование. Бристоль, 1799.

Саути (Р.) История Бразилии. Лондон, 1819-1822. 3 тома. 4то (2-е изд. первого тома).

Саути (Р.) Жизнь Уэсли. Лондон, 1846. 2 тома.

Саути (Р.) Хроника Уголовного розыска. Лоуэлл, 1846.

Испания, автор американец. Лондон, 1831. 2 тома.

Сполдинг (Дж.) История смут в Шотландии и Англии с 1624 по 1645 год. Эдинбург, 1828-1829. 2 тома. 4то.

Сборник Сполдинг-клуба. Абердин, 1841-1852. 5 томов. 4то.

Спенс Г.) Происхождение законов и политических институтов Европы. Лондон, 1826.

Спенсер (Х.) "Первые принципы". Лондон, 1860-1861. Пока появилось только три части этого талантливого и замечательного труда.

Спикс (J. B.) и Мартиус (C. F.) Путешествуют по Бразилии. Лондон, 1824. 2 тома.

Споттисвуд (Дж. архиепископ Сент-Эндрюсский) История Шотландской церкви. Эдинбург, 1851. 3 тома.

Spottiswoode Miscellany (The) Сборник оригинальных статей и трактатов, иллюстрирующих историю Шотландии. Эдинбург, 1844, 1845. 2 тома.

Sprengel (K.) Histoire de la Médecine. Париж, 1815-1820. 9 томов.

Сквайр (Э. Г.) Путешествует по Центральной Америке. Нью-Йорк, 1853. 2 тома.

Государственные документы времен правления Генриха VIII. Лондон, 1836. 4то; тома iv. и v. содержащий Переписку, касающуюся Шотландии и Границ.

Статистическое общество (Журнал). Лондон, 1839-1855. 18 томов.

Stäudlin (C. F.) Geschichte der theologischen Wissenschaften. Göttingen, 1810, 1811. 2 vols.

Стивенс (А.) Мемуары Дж. Х. Тука. Лондон, 1813. 2 тома.

Стивенс (Дж. Л.) Путешествует по Центральной Америке. Лондон, 1842, 1843. 4 тома.

Стивенсон (А.) История церкви и государства Шотландии от восшествия на престол Карла I. до 1649 года. Переиздано в Эдинбурге в 1840 году.

Стивенсон (Дж.) Редкое Укрепляющее душу и утешающее сердечное средство для старых и молодых христиан. Отредактировано в 1729 году преподобным Уильямом Копплзом. Пейсли, 1786 год.

Стюарт (Д.) Биографические мемуары Смита, Робертсона и Рида. Эдинбург, 1811, 4 года назад.

Стюарт Д.) Элементы философии человеческого разума. Лондон, 1792-1827. 3 тома.

История (J.) Комментарии к коллизионному праву. Лондон, 1841.

Sully (Duc de) Mémoires des Sages et Royales Œconomies, édit. Петито. Париж, 1820, 1821. 9 томов.

Суэйнсон (У.) Рассуждения об изучении естественной истории. Лондон, 1834 год.

Суэйнсон (У.) География и классификация животных. Лондон, 1835 год.

Суинберн (Х.) Путешествует по Испании в 1775 и 1776 гг. 2-я правка. Лондон, 1787. 2 тома.

Суинберн (Х.) Европейские дворы в конце прошлого века. Лондон, 1841. 2 тома.

Посольство Саймса (М.) в Королевство Ава. 2-я правка. Лондон, 1800. 3 тома.

Talon (Omer) Mémoires. Париж, 1827. 3 тома.

Исторический взгляд Талви на языки и литературу славянских народов. Нью-Йорк, 1850 год.

Tapia (E. de) Historia de la Civilizacion Española. Мадрид, 1840. 4 тома.

Тейлор (А. С.) Руководство по медицинской юриспруденции. Лондон, 1846 год.

Сочинения Темпла (сэра У.). Лондон, 1814. 4 тома.

Tennemann (W. G.) Geschichte der Philosophie. Leipzig, 1798–1819. 11 vols.

Терлуолл (епископ Сент-Дэвидса) История Греции. Лондон, 1835-1850. 8 томов.

Томсон (Дж.) Жизнь Уильяма Каллена. Эдинбург, 1832 год.

Томсон (миссис) Мемуары якобитов 1715 и 1745 годов. Лондон, 1845, 1846. 3 тома.

Томсон (Т.) История Королевского общества. Лондон, 1812. 4 т.

Томсон (Т.) Химия овощей. Лондон, 1838.

Томсон (Т.) Химия тел животных. Эдинбург, 1843.

Томсон (Т.) История химии. 2 тома. (без даты).

Перенаселенность Торнтона (У. Т.) и способы ее устранения. Лондон, 1846 год.

Тикнор Г.) История испанской литературы. Лондон, 1849. 3 тома.

Политические и военные институты Тимура под редакцией Дэви и Уайта. Оксфорд, 1783. 4 т.

Tocqueville (A. de) De la Démocratie en Amérique. Bruxelles, 1840. 5 vols. в 2-х частях.

Tocqueville (A. de) L'Ancien Régime et la Révolution. Париж, 1856 год.

Tocqueville (Le Comte de) Histoire Philosophique du Règne de Louis XV. Париж, 1847. 2 тома.

Томлайн (епископ Винчестерский) Жизнь У. Питта. Лондон, 1821. 2 тома. 4то.

Torcy (Le Marquis de) Mémoires, édit. Petitot et Monmerqué. Париж, 1828. 2 тома.

Таунсенд (Дж.) Путешествие по Испании в 1786 и 1787 гг. 2-е изд. Лондон, 1792. 3 тома.

Трейл (W.) Отчет о жизни и трудах Роберта Симсона. Лондон, 1812 год. 4 октября.

Труды Литературного общества Бомбея. Лондон, 1819-1823. 3 тома. 4то.

Труды Королевского азиатского общества. Лондон, 1827-1835. 3 тома. 4то.

Путешествует по Португалии, Испании и т. Д. Джентльменом. Лондон, 1702.

Троттер (Дж. Б.) Воспоминания о последних годах Си Джей Фокса. Лондон, 1811 год.

Чуди (Дж. Дж.) Путешествует по Перу. Лондон, 1847 год.

Такер Г.) Жизнь Т. Джефферсона. Лондон, 1837. 2 тома.

Экспедиция Такки (Дж. К.) в Заир, Южная Африка. 1818. 4то.

Turgot (M.) Œuvres. Париж, 1811. 9 томов.

Тернер Э.) Элементы химии. Лондон, 1847. 2 тома.

Тернер (сэр Дж.) Мемуары о своей собственной жизни с 1632 по 1670 год. Эдинбург, 1829. 4 по настоящее время.

Тернер (Сэмюэл) Посольство в Тибет. Лондон, 1800. 4 ч.

Тернер (Шарон) История Англии. Лондон, 1839. 12 томов.

Turpinus, De Vita Caroli Magni, edit. S. Ciampi. Флоран, 1822 год.

Твисс (Х.) Жизнь лорда-канцлера Элдона. Лондон, 1846. 2 тома.

Твисс Т.) Прогресс политической экономии в Европе. Лондон, 1847.

Тайтлер (П. Ф.) История Шотландии. 3-е издание. Эдинбург, 1845. 7 томов.

Удаль ап Риса, Путешествие по Испании и Португалии. 2-я редакция. Лондон, 1760.

Уллоа (А.) Путешествие в Южную Америку. Лондон, 1772. 2 тома.

Uztariz (G.) Theorica y Practica de Comercio y de Marina. Впечатление от Терсеры. Мадрид, 1757 год. Фолиант.

Вандер Хаммен (Л.) Дон Филипе эль Пруденте, второе десте Номбре. Мадрид, 1632. 4 ч.

Vattel (M. de) Le Droit des Gens. Париж, 1820. 2 тома.

Вон (Р.) Протекторат Кромвеля. Лондон, 1839. 2 тома.

Velazquez (L. J.) Origenes de la Poesia Castellana. Малага, 1754. 4 года.

Письма Вернона (Дж.) с 1696 по 1708 год. Лондон, 1841. 3 тома.

Villars (Madame de) Lettres. Амстердам, 1759 год. Эти письма были написаны из Мадрида между 1679 и 1681 годами женой французского посла.

Villemain (M.) De la Littérature au XVIIIe Siècle. Париж, 1846. 4 тома.

Villemarqué (Т. Н.) Chants Populaires de la Bretagne. Париж, 1846. 2 тома. [Цитируется только введение.]

Вишну-пурана; система индуистской мифологии, переведенная с санскрита Х. Х. Уилсоном. Лондон, 1840. 4 ч.

Фогель (J.) Патологическая анатомия человеческого тела. Лондон, 1847.

Volney (С. F.) Voyage en Syrie et en Égypte. Париж, VII. 2 тома.

Voltaire, Œuvres complètes. Париж, 1820-1826. 70 томов.

Voltaire, Lettres inédites. Париж, 1856. 2 тома.

Voyages faits en Divers Temps en Espagne, &c. par Monsieur М****. Амстердам, 1700 год.

Вайз (Х.) Операции у пирамид. Лондон, 1840-1842. 3 тома.

Вагнер Р. Элементы физиологии. Лондон, 1841.

Уэйкфилд Г.) Жизнь самого себя. Лондон, 1804. 2 тома.

Уокер (С.) История независимости. Лондон, 1660, 1661. 4 части, 4 т.

Уокер (сэр Э.) Журнал событий в Шотландии за 1650 год в "Исторических беседах Уокера". Лондон, 1705. Фолиант.

Уокер (П.) Пресвитерианская биография. Переиздано, Эдинбург, 1827. 2 тома.

Письма Уолпола (Х.) с 1735 по 1797 год. Лондон, 1840. 6 томов.

Уолпол (Х.) Воспоминания о правлении Георга III. Лондон, 1845. 4 тома.

Уолпол (Х.) Мемуары Георга II. Лондон, 1847. 3 тома.

Уолш Р.) Заметки о Бразилии. Лондон, 1830. 2 тома.

Уолтон (У.) Революции в Испании с 1808 по конец 1836 года. Лондон, 1837. 2 тома.

Письма Уорбертона к Херду. Лондон, 1809.

Уорд (Х. Г.) Мексика. Лондон, 1829. 2 тома.

Уорд (У.) Взгляд на историю, литературу и религию индусов. Лондон, 1817-1820. 4 тома.

Уорд (У. Г.) Идеал христианской церкви. Лондон, 1844.

Уорик (сэр П.) Воспоминания о правлении Карла I. Лондон, 1702.

Уаст (Э.) Мемуары, написанные ее собственной рукой. Эдинбург, 1724.

Уотсон (Р.) Исторические сборники церковных дел Шотландии. Лондон, 1657.

Жизнь самого Уотсона (Р. епископа Лландаффского). Лондон, 1818. 2 тома.

Уотсон (Р.) Наблюдения Саути о жизни Уэсли. Лондон, 1821.

Уотсон (Р.) История правления Филиппа II. Король Испании. 7-я редакция. Лондон, 1839.

Уотсон (Р.) История правления Филиппа III. Король Испании. 3-е издание. Лондон, 1839.

Уотсон (Т.) Лекции о принципах и практике физики. 4-е издание. Лондон, 1857. 2 тома.

Переписка Уотта (Дж.), посвященная его открытию теории состава воды, под редакцией Дж. П. Мьюирхеда. Лондон, 1846.

Уэллстед (Дж. Р.) Путешествует по Аравии. Лондон, 1838. 2 тома.

Дневники Уэсли (Джона). Лондон, 1851.

Уэтли (архиепископ Дублинский): Ошибки романизма берут свое начало в природе человека. Лондон, 1830.

Уэтли (архиепископ Дублинский) Очерки о некоторых опасностях для христианской веры. Лондон, 1839.

Уитон (Х.) История норманнов до завоевания Англии Вильгельмом Нормандским. Лондон, 1831.

Уэвелл (У.) История индуктивных наук. Лондон, 1847. 3 тома.

Уэвелл (У.) Философия индуктивных наук, основанная на их истории. Лондон, 1847. 2 тома.

Трактат Уэвелла (У.) Бриджуотера. Лондон, 1852.

Уэвелл (У.) Лекции по истории моральной философии в Англии. Лондон, 1852.

Уистон (У.) Мемуары, написанные им самим. Лондон, 1749.

[Уайт (Б.)] Письма Добладо из Испании. Лондон, 1822.

Уайт (Бланко) Практические и внутренние доказательства против католицизма. Лондон, 1826.

Дневник шведского посольства Уайтлока (комиссара) за 1653 и 1654 годы. Лондон, 1772. 2 тома. 4то.

Жизнь Уилберфорса (У.), написанная его сыновьями. Лондон, 1838. 5 томов.

Уилкинсон (сэр Дж. Г.) Нравы и обычаи древних египтян. 1-я серия, изд. 1842; 2-я серия, изд. 1841. 5 томов.

Уильямс (К. Дж. Б.) "Принципы медицины". 2-е издание. Лондон, 1848.

Уилсон (Х.) Отчет об островах Пелев. 2-е редактирование. Лондон, 1788. 4-е место.

Уилсон (Х. Х.) "Образцы театра индусов", переведенные с санскрита. Калькутта, 1827. 3 тома.

Уилсон (У.) Воспоминания Даниэля Дефо. Лондон, 1830. 3 тома.

Winckler (E.) Geschichte der Botanik. Франкфурт-на-Майне, 1854.

Уинстэнли (У.) "Верноподданнический мартиролог". Лондон, 1665.

Уинвуд (сэр Р.) "Мемориалы государственных дел", из его бумаг. Лондон, 1725. 3 тома. фолиант.

Уишарт Г.) Мемуары Джеймса Грэма, маркиза Монтроуза. Эдинбург, 1819 год.

Водроу (Р.) Сборники о жизни реформаторов и служителей Шотландской церкви. Редактировать. Клуб "Мейтленд". Глазго, 1834-1848. 4-4 тома. в 2-х т.

Водроу Р. История Церкви Шотландии. Глазго, 1838. 4 тома.

Уодроу (Р.) Анализ, или Материалы для истории замечательных Провидений. Редактировать. Мейтлендский клуб. 1842, 1843. 4 тома. 4то.

Водроу (Р.) Жизнеописание преподобного Роберта Брюса, предваряющее проповеди Брюса. Редактировать. Общество Вудроу. Эдинбург, 1843 год.

Водров (Р.) Переписка. Редактировать. Общество Вудроу. Эдинбург, 1842, 1843. 3 тома.

Вордсворт (С.) Церковная биография. Лондон, 1839. 4 тома.

Врангель (Ф.) Рассказ об экспедиции в Полярное море. Лондон, 1840.

Райт (Т.) Литературная биография Британии; Англосаксонский и англо-нормандский периоды. Лондон, 1842-1846. 2 тома.

Ximenez (F. J.) Vida y Virtudes del Venerable Siervo de Dios D. J. de Ribera, Arçobispo de Valencia. Рим, 1734. 4 до н. э.

Yañez (J.) Memorias para la Historia de Don Felipe III. Мадрид, 1723. 4 ч.

Дневник Йонга (У.) с 1604 по 1628 год под редакцией Г. Робертса. Camd. Soc. 1848. 4то.

ИСТОРИЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ В АНГЛИИ.

ОБЩЕЕ ВВЕДЕНИЕ.

ГЛАВА I.

ОПИСАНИЕ РЕСУРСОВ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ И ДОКАЗАТЕЛЬСТВ РЕГУЛЯРНОСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ДЕЙСТВИЙ. ЭТИ ДЕЙСТВИЯ РЕГУЛИРУЮТСЯ МЕНТАЛЬНЫМИ И ФИЗИЧЕСКИМИ ЗАКОНАМИ: СЛЕДОВАТЕЛЬНО, НЕОБХОДИМО ИЗУЧАТЬ ОБА СВОДА ЗАКОНОВ, И НЕ МОЖЕТ БЫТЬ ИСТОРИИ БЕЗ ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУК.

Из всех великих отраслей человеческого знания история - это та, о которой написано больше всего и которая всегда была самой популярной. И, по-видимому, существует общее мнение, что успех историков в целом соответствовал их трудолюбию; и что если по этому предмету многое было изучено, то многое и понято.

Эта уверенность в ценности истории очень широко распространена, как мы видим по тому, в какой степени ее читают, и по той доле, которую она занимает во всех учебных планах. Нельзя отрицать и того, что с определенной точки зрения такая уверенность вполне оправданна. Нельзя отрицать, что были собраны материалы, которые, если смотреть на них в совокупности, имеют богатый и внушительный вид. Политические и военные анналы всех великих стран Европы и большинства стран за ее пределами были тщательно составлены, сведены воедино в удобной форме, а свидетельства, на которых они основываются, были достаточно хорошо просеяны. Большое внимание уделялось истории законодательства, а также истории религии; при этом значительный, хотя и неполноценный, труд был затрачен на отслеживание прогресса науки, литературы, изящных искусств, полезных изобретений и, в последнее время, нравов и удобств людей. Чтобы расширить наши знания о прошлом, были исследованы древности всех видов; были обнажены места древних городов, откопаны и расшифрованы монеты, скопированы надписи, восстановлены алфавиты, расшифрованы иероглифы, а в некоторых случаях реконструированы и перестроены давно забытые языки. Было открыто несколько законов, регулирующих изменения человеческой речи, и в руках филологов они были использованы для объяснения даже самых неясных периодов раннего переселения народов. Политическая экономия была возведена в ранг науки, и с ее помощью было пролито много света на причины того неравномерного распределения богатства, которое является наиболее плодотворным источником социальных беспорядков. Статистика разрабатывалась так усердно, что мы располагаем самой обширной информацией, касающейся не только материальных интересов людей, но и их моральных особенностей; таких как количество различных преступлений, соотношение их по отношению друг к другу и влияние, оказываемое на них возрастом, полом, образованием и тому подобным. Физическая география не отставала от этого великого движения: были зарегистрированы климатические явления, измерены горы, обследованы реки и прослежены до их истоков, тщательно изучены природные продукты всех видов и раскрыты их скрытые свойства; в то время как каждая пища, поддерживающая жизнь, была химически проанализирована, ее составляющие пронумерованы и взвешены, и природа связи между ними и организмом человека во многих случаях была удовлетворительно установлена. В то же время, чтобы не было упущено ничего, что могло бы расширить наши знания о событиях, затрагивающих человека, были проведены обстоятельные исследования во многих других областях; так что в отношении наиболее цивилизованных людей мы теперь знакомы с уровнем их смертности, их браков, долей их рождаемости, характером их занятий и колебаниями как их заработной платы, так и цен на товары, необходимые для их существования. Эти и подобные факты были собраны, систематизированы и готовы к использованию. Такие результаты, образующие, так сказать, анатомию нации, замечательны своей мельчайшестью; и к ним присоединились другие результаты, менее мелкие, но более обширные. Были зафиксированы не только действия и характерные черты великих народов, но и огромное количество различных племен во всех частях известного мира были посещены и описаны путешественниками, что позволило нам сравнить состояние человечества на каждой стадии цивилизации и при самых разнообразных обстоятельствах. Более того, если мы добавим, что это любопытство в отношении наших ближних, по-видимому, ненасытно; что оно постоянно

возрастает; что средства его удовлетворения также возрастают и что большинство сделанных наблюдений все еще сохраняются; — когда мы сложим все это вместе, мы сможем составить слабое представление об огромной ценности того обширного массива фактов, которым мы теперь располагаем и с помощью которого следует исследовать прогресс человечества.

Но если, с другой стороны, мы хотим описать использование этих материалов, мы должны нарисовать совершенно иную картину. Прискорбная особенность истории человечества состоит в том, что, хотя отдельные ее части были исследованы со значительным мастерством, вряд ли кто-либо пытался объединить их в целое и установить, каким образом они связаны друг с другом. Во всех других великих областях исследования необходимость обобщения повсеместно признается, и предпринимаются благородные усилия, направленные на то, чтобы отталкиваться от конкретных фактов, чтобы обнаружить законы, по которым эти факты управляются. Однако это настолько далеко от обычного поведения историков, что среди них преобладает странное представление о том, что их дело - просто описывать события, которые они могут время от времени оживлять такими моральными и политическими размышлениями, которые кажутся полезными. Согласно этой схеме, любой автор, который из-за лени или мышления или естественной неспособности непригоден для работы с высшими отраслями знания, должен потратить всего несколько лет на чтение определенного количества книг, и тогда он получит квалификацию историка; он способен написать историю великого народа, и его работа становится авторитетом в той области, которую она якобы рассматривает.

Установление этого узкого стандарта привело к результатам, весьма пагубным для прогресса наших знаний. Из-за этого историки, взятые как единое целое, никогда не признавали необходимости такого широкого и предварительного исследования, которое позволило бы им охватить свой предмет во всей его естественной взаимосвязи. Отсюда странное зрелище, когда один историк ничего не смыслит в политической экономии; другой ничего не смыслит в праве; третий ничего не смыслит в церковных делах и изменениях мнений; третий пренебрегает философией статистики и третьей физической наукой, хотя эти темы являются наиболее существенными из всех, поскольку они охватывают основные обстоятельства, которые повлияли на характер человечества и в которых они проявляются. Эти важные занятия, которые, однако, культивировались, некоторые одним человеком, а некоторые другим, были скорее изолированы, чем объединены: помощь, которую можно было бы извлечь из аналогий и взаимных иллюстраций, была утрачена; и не было проявлено склонности концентрировать их на истории, необходимыми компонентами которой они, собственно говоря, являются.

С начала восемнадцатого века действительно появилось несколько великих мыслителей, которые сожалели об отсталости истории и делали все, что было в их силах, чтобы исправить это. Но эти примеры были чрезвычайно редки: настолько редки, что во всей европейской литературе существует не более трех или четырех действительно оригинальных работ, содержащих систематическую попытку исследовать историю человека в соответствии с теми исчерпывающими методами, которые в других отраслях знания оказались успешными и с помощью которых только эмпирические наблюдения могут быть возведены в ранг научных истин.

Среди историков в целом после XVI века, и особенно в течение последних ста лет, мы находим несколько признаков растущей комплексности взглядов и готовности включать в свои работы темы, которые они ранее исключили бы. Благодаря этому набор их тем стал более

разнообразным, и простой сбор и взаимное расположение параллельных фактов иногда наводили на мысль об обобщениях, следов которых нельзя найти в более ранней европейской литературе. Это было большим достижением, поскольку оно познакомило историков с более широким кругом мыслей и способствовало развитию умозрительных привычек, которые, хотя и подвержены злоупотреблениям, являются существенным условием всякого реального знания, поскольку без них невозможно построить ни одну науку.

Но, несмотря на то, что перспективы исторической литературы сейчас, безусловно, более обнадеживающие, чем в любую прошлую эпоху, следует признать, что, за крайне немногими исключениями, это всего лишь перспективы и что пока почти ничего не сделано для раскрытия принципов, управляющих характером и судьбой наций. Что было достигнуто на самом деле, я попытаюсь оценить в другой части этого введения: в настоящее время достаточно сказать, что для достижения всех высших целей человеческой мысли история все еще прискорбно несовершенна и представляет собой тот запутанный и анархический вид, естественный для предмета, законы которого неизвестны и даже фундамент неустойчив.^[1]

Поскольку наше знакомство с историей столь несовершенно, в то время как наши материалы столь многочисленны, представляется желательным, чтобы было сделано что-то в масштабе, намного превышающем те, которые предпринимались до сих пор, и чтобы были предприняты энергичные усилия по поднятию этого великого отдела исследований на уровень других отделов, чтобы мы могли поддерживать баланс и гармонию наших знаний. Именно в этом духе была задумана настоящая работа. Привести его выполнение в полное соответствие с концепцией невозможно: и все же я надеюсь совершить для истории человечества нечто эквивалентное или, по крайней мере, аналогичное тому, что было сделано другими исследователями для различных отраслей естествознания. Что касается природы, то были объяснены явления, по-видимому, наиболее нерегулярные и капризные, и было показано, что они находятся в соответствии с определенными фиксированными и универсальными законами. Это было сделано потому, что способные люди и, прежде всего, люди терпеливого, неутомимого мышления изучали природные явления с целью обнаружения их закономерности: и если человеческие события подвергались подобному обращению, мы имеем полное право ожидать аналогичных результатов. Ибо ясно, что те, кто утверждает, что исторические факты не поддаются обобщению, принимают как должное сам обсуждаемый вопрос. На самом деле они делают нечто большее. Они не только предполагают то, чего не могут доказать, но и предполагают то, что при нынешнем состоянии знаний является крайне маловероятным. Всякий, кто хоть сколько-нибудь знаком с тем, что было сделано за последние два столетия, должен знать, что каждое поколение демонстрирует регулярность и предсказуемость некоторых событий, которые предыдущее поколение объявило нерегулярными и непредсказуемыми: так что заметной тенденцией развивающейся цивилизации является укрепление нашей веры в универсальность порядка, метода и закона. Из этого следует, что если какие-либо факты или класс фактов еще не были приведены к порядку, мы, отнюдь не объявляя их несводимыми, должны скорее руководствоваться нашим опытом прошлого и должны допустить вероятность того, что то, что мы сейчас называем необъяснимым, когда-нибудь в будущем будет объяснено. Это ожидание обнаружить закономерность посреди неразберихи настолько знакомо ученым, что у самых выдающихся из них это становится догматом веры: и если среди историков обычно не встречается такого же ожидания, это следует приписать отчасти их более низким способностям по сравнению с исследователями природы, а отчасти большей сложности тех социальных явлений, которыми занимаются их исследования.

Обе эти причины задержали создание исторической науки. Самые знаменитые историки явно уступают самым успешным практикам физической науки: никто из посвятивших себя истории людей по уровню интеллекта не может сравниться с Кеплером, Ньютоном или многими другими, кого можно было бы назвать.^[2] А что касается большей сложности явлений, то историк-философ сталкивается с трудностями гораздо более серьезными, чем изучающий природу; поскольку, хотя, с одной стороны, его наблюдения более подвержены ошибкам, возникающим из-за предрассудков и страстей, он, с другой стороны, неспособен использовать огромный физический ресурс эксперимента, с помощью которого мы часто можем упростить даже самые сложные явления. запутанные проблемы во внешнем мире.

Поэтому неудивительно, что изучение движений Человека все еще находится в зачаточном состоянии по сравнению с продвинутым уровнем изучения движений Природы. Действительно, разница между прогрессом в этих двух областях настолько велика, что в то время как в физике регулярность событий и способность их предсказывать часто считаются само собой разумеющимися даже в случаях, которые еще не доказаны, подобная регулярность в истории не только не считается само собой разумеющейся, но фактически отрицается. Следовательно, всякий, кто желает поднять историю на уровень других отраслей знания, сталкивается с предварительным препятствием; поскольку ему говорят, что в делах человеческих есть нечто таинственное и провиденциальное, что делает их невосприимчивыми к нашим исследованиям и что всегда будет скрывать от нас их дальнейший ход. На это, возможно, было бы достаточно ответить, что такое утверждение необоснованно; что оно по своей природе не поддается доказательству; и что ему, кроме того, противоречит тот общеизвестный факт, что повсюду растущее знание сопровождается растущей уверенностью в единообразии, с которым при одних и тех же обстоятельствах одни и те же события должны следовать друг за другом. Однако было бы более удовлетворительно глубже исследовать эту трудность и сразу же исследовать основания общепринятого мнения, что история всегда должна оставаться в своем нынешнем эмпирическом состоянии и никогда не может быть возведена в ранг науки. Таким образом, мы подойдем к одному обширному вопросу, который действительно лежит в основе всего предмета и заключается просто в следующем: регулируются ли действия людей, а следовательно, и обществ, установленными законами, или они являются результатом либо случая, либо сверхъестественного вмешательства? Обсуждение этих альтернатив приведет к некоторым предположениям, представляющим значительный интерес.

Ибо в отношении этого вопроса существуют две доктрины, которые, по-видимому, представляют разные стадии цивилизации. Согласно первой доктрине, каждое событие является единичным и изолированным и рассматривается просто как результат слепой случайности. Это мнение, наиболее естественное для совершенно невежественных людей, вскоре было бы ослаблено тем расширением опыта, который дает знание о тех единообразиях последовательности и сосуществования, которые постоянно представляет природа. Если, например, кочующие племена, не имеющие ни малейшего намека на цивилизацию, жили исключительно охотой и рыбной ловлей, они вполне могли бы предположить, что появление необходимой им пищи было результатом какой-то случайности, не поддающейся никакому объяснению. Неравномерность поставок и очевидный каприз, с которым они были то в изобилии, то в скудости, помешали бы им заподозрить что-либо подобное методу в устройстве природы; их умы даже не могли представить себе существования тех общих принципов, которые управляют порядком событий и, зная о которых, мы часто можем предсказать их будущее течение. Но когда такие племена переходят к земледельческому состоянию, они впервые

употребляют пищу, не только внешний вид, но и само существование которой, по-видимому, является результатом их собственных действий. Что они сеют, то они и пожинают. Обеспечение, необходимое для удовлетворения их потребностей, находится под их непосредственным контролем и является более ощутимым результатом их собственного труда. Они усматривают четкий план, и регулярное единообразие последовательности в том отношении, которое семя, которое они бросают в землю, имеет к зерну, достигшему зрелости. Теперь они могут смотреть в будущее, хотя и не с уверенностью, но с уверенностью бесконечно большей, чем они могли бы чувствовать в своих прежних и более ненадежных занятиях.[3] Отсюда возникает смутное представление о стабильности событий; и впервые в сознании начинает зарождаться смутное представление о том, что в более поздний период было названо Законами Природы. Каждый шаг в великом прогрессе будет делать их представление об этом более ясным. По мере накопления их наблюдений и распространения их опыта на более широкую поверхность они сталкиваются с единообразиями, о существовании которых они никогда не подозревали, и открытие которых ослабляет ту доктрину случайности, с которой они изначально исходили. Еще немного, и появляется вкус к абстрактным рассуждениям; и тогда некоторые из них обобщают сделанные наблюдения и, презирая старое популярное мнение, верят, что каждое событие связано со своим предшественником неизбежной связью, что такой предшественник связан с предшествующим фактом; и что таким образом весь мир образует необходимую цепь, в которой действительно каждый человек может играть свою роль, но никоим образом не может определить, какой эта часть должна быть.

Таким образом, в обычной жизни общества растущее понимание закономерности природы разрушает доктрину Случайности и заменяет ее доктриной Необходимой связи. И я думаю, весьма вероятно, что из этих двух доктрин о Случайности и Необходимости возникли соответственно последующие догмы о Свободной Воле и Предопределении. Нетрудно также понять, каким образом при более развитом состоянии общества произошла бы эта метаморфоза. В каждой стране, как только накопление богатства достигает определенной точки, продукта труда каждого человека становится более чем достаточно для его собственного существования: следовательно, отпадает необходимость в том, чтобы все работали; и формируется отдельный класс, члены которого проводят свою жизнь по большей части в погоне за удовольствиями; однако очень немногие - в приобретении и распространении знаний. Среди этих последних всегда находятся такие, кто, пренебрегая внешними событиями, обращает свое внимание на изучение собственного разума;[4] и такие люди, обладая большими способностями, становятся основателями новых философий и новых религий, которые часто оказывают огромное влияние на людей, которые их принимают. Но на авторов этих систем самих влияет характер эпохи, в которую они живут. Ни один человек не может избежать давления окружающих мнений; и то, что называется новой философией или новой религией, обычно представляет собой не столько создание свежих идей, сколько новое направление, придаваемое идеям, уже существующим среди современных мыслителей.[5] Таким образом, в рассматриваемом нами случае доктрина Случайности во внешнем мире соответствует доктрине Свободной воли во внутреннем: в то время как другая доктрина Необходимой связи в равной степени аналогична доктрине Предопределения; разница лишь в том, что первая является разработкой метафизика, вторая - теолога. В первом случае метафизик, исходящий из доктрины Случайности, вносит в изучение разума этот произвольный и безответственный принцип, который в своей новой области становится Свободной Волей; выражение, с помощью которого, по-видимому, устраняются все трудности, поскольку совершенная свобода, сама по себе

являющаяся причиной всех действий, никем не вызвана, но, подобно доктрине Случайности, является окончательным фактом, не допускающим дальнейших объяснений.[6] Во втором случае теолог, взяв на вооружение доктрину необходимой связи, облакает ее в религиозную форму; и поскольку его ум уже полон представлений о порядке и единообразии, он, естественно, приписывает такую неуклонную закономерность предвидению Высшей Власти; и таким образом, к великолепному представлению о Едином Боге добавляется догма о том, что Им все все с самого начала было абсолютно предопределено.

Эти противоположные доктрины о свободной воле и предопределении[7], без сомнения, обеспечивают безопасное и простое решение неясностей нашего существа; и поскольку их легко понять, они настолько соответствуют средним возможностям человеческого разума, что даже в наши дни огромное большинство людей разделено между ними; и они не только извратили источники нашего знания, но и породили религиозные секты, взаимная вражда которых тревожила общество и слишком часто отравляла отношения в частной жизни. Однако среди более продвинутых европейских мыслителей растет мнение, что обе доктрины ошибочны или, во всяком случае, что у нас нет достаточных доказательств их истинности. И поскольку это очень важный вопрос, важно, прежде чем мы продолжим, прояснить его настолько, насколько нам позволят трудности, присущие этим предметам.

Какие бы сомнения ни вызывал приведенный мною отчет о вероятном происхождении идей свободы воли и предопределения, во всяком случае, не может быть никаких споров относительно основания, на котором эти идеи в настоящее время фактически основаны. Теория предопределения основана на теологической гипотезе; теория свободы воли - на метафизической гипотезе. Сторонники первого варианта исходят из предположения, в пользу которого, мягко говоря, они пока не представили никаких веских доказательств. Они требуют, чтобы мы поверили, что Автор Творения, чье благодеяние они в то же время охотно допускают, несмотря на Свою высшую доброту, произвольно провел различие между избранными и неизбранными; что Он навечно обрек на гибель миллионы еще не рожденных созданий, которых только Его поступок может вызвать к существованию; и что Он сделал это не в силу какого-либо принципа справедливости, а просто с помощью деспотической власти.[8] Эта доктрина обязана своим авторитетом среди протестантов темному, хотя и могущественному уму Кальвина; но в ранней Церкви она впервые была систематизирована Августином, который, по-видимому, позаимствовал ее у манихеев.[9] Во всяком случае, и оставляя в стороне ее несовместимость с другими понятиями, которые считаются фундаментальными,[10] в научном исследовании ее следует рассматривать как бесплодную гипотезу, потому что, находясь за пределами сферы нашего знания, мы не имеем возможности установить ни его истинность, ни ложность.

Другое учение, которое долгое время прославлялось под названием Свободы воли, связано с арминианством; но на самом деле оно основывается на метафизическом догмате о превосходстве человеческого сознания. Утверждается, что каждый человек чувствует и знает, что он является свободным агентом: и никакие тонкости аргументации не могут разрушить наше сознание обладания свободной волей.[11] Итак, существование этой высшей юрисдикции, которая, таким образом, бросает вызов всем обычным методам рассуждения, предполагает два допущения: первое из которых, хотя и возможно, истинно, никогда не было доказано; а другое, несомненно, ложно. Эти предположения заключаются в том, что существует независимая способность, называемая сознанием, и что предписания этой способности безошибочны. Но,

во-первых, ни в коем случае нельзя с уверенностью утверждать, что сознание - это способность; и некоторые из наиболее способных мыслителей придерживались мнения, что это просто состояние или обусловленность ума.[12] Если это окажется так, аргумент рухнет на землю; поскольку, даже если мы признаем, что все способности разума, когда они полностью задействованы, одинаково точны, никто не будет предъявлять одинаковые претензии для каждого состояния, в которое сам разум может быть случайно брошен. Однако, отклоняя это возражение, мы можем, во-вторых, ответить, что, даже если сознание является способностью, у нас есть свидетельства всей истории, доказывающие его крайнюю подверженность ошибкам.[13] Все великие этапы, через которые, в прогресс цивилизации, человечество последовательно прошло, были характерны определенные психические особенности или убеждения, которые оставили свой отпечаток на религию, философию и мораль возраста. Каждое из этих убеждений в один период было предметом веры, в другой - предметом насмешек;[14] и каждое из них в свою эпоху было так же тесно связано с умами людей и стало такой же частью их сознания, как и то мнение, которое мы сейчас называем свободой воли. И все же невозможно, чтобы все эти продукты сознания были истинными, потому что многие из них противоречат друг другу. Следовательно, если только в разные эпохи не существовали разные стандарты истины, ясно, что свидетельство сознания человека не является доказательством истинности мнения; ибо если бы это было так, то два положения, диаметрально противоположные друг другу, могли бы быть одинаково точными. Помимо этого, другой взгляд может быть извлечен из обычных действий обычной жизни. Разве мы не сознаем при определенных обстоятельствах существование призраков и фантомов; и все же разве не общепризнано, что таких существ вообще не существует? Если попытаться опровергнуть этот аргумент, сказав, что такое сознание является кажущимся, а не реальным, тогда я спрашиваю, что является судьей между сознанием, которое является подлинным, и тем, которое является ложным?[15] Если эта хваленая способность обманывает нас в некоторых вещах, то есть ли у нас гарантия, что она не обманет нас в других? Если нет безопасности, преподавательский состав не заслуживает доверия. Если безопасность существует, то, какой бы она ни была, ее существование показывает необходимость некоего авторитета, которому подчинено сознание, и, таким образом, устраняет ту доктрину о верховенстве сознания, на которой защитники свободной воли вынуждены строить всю свою теорию. Действительно, неопределенность в отношении существования сознания как независимой способности и то, каким образом эта способность, если она существует, противоречит своим собственным предположениям, являются двумя из многих причин, которые уже давно убедили меня в том, что метафизика никогда не будет возведена в ранг науки обычным методом наблюдения за индивидуальными умами; но что ее изучение может быть успешно продолжено только путем дедуктивного применения законов, которые должны быть открыты исторически, то есть которые должны быть развиты путем изучения всех тех обширных явлений, которые длительный ход человеческих дел представляет нашему взору.

К счастью, однако, для цели этой работы верующий в возможность исторической науки не призван придерживаться ни доктрины predetermined событий, ни доктрины свободы воли;[16] и единственными позициями, с которыми, как я ожидаю, он согласится на данном этапе исследования, являются следующие: когда мы совершаем действие, мы совершаем его в следствие некоторого мотива или мотивов; что эти мотивы являются результатами некоторых предшествующих факторов; и что, следовательно, если бы мы были знакомы со всеми предшествующими факторами и со всеми законами их движения, мы могли бы с безошибочной

уверенностью предсказать все их непосредственные результаты. Это, если я не сильно ошибаюсь, точка зрения, которой должен придерживаться каждый человек, чей ум непредвзят системой и кто формирует свое мнение в соответствии с доказательствами, находящимися перед ним на самом деле.^[17] Если, например, я близко знаком с характером какого-либо человека, я часто могу сказать, как он будет действовать при определенных обстоятельствах. Если я ошибусь в этом предсказании, я должен приписать свою ошибку не произвольной и своенравной свободе его воли и не какой-либо сверхъестественной предварительной договоренности, поскольку ни о том, ни о другом у нас нет ни малейших доказательств; но я должен довольствоваться предположением, что либо я был неверно информирован относительно некоторых обстоятельств, в которые он был помещен, либо что я недостаточно изучил обычные операции его ума. Однако, если бы я был способен к правильным рассуждениям и если бы в то же время я имел полное представление как о его характере, так и обо всех событиях, которые его окружали, я был бы в состоянии предвидеть линию поведения, которую он изберет вследствие этих событий.^[18]

Отвергая, таким образом, метафизическую догму о свободе воли и теологическую догму о предопределенных событиях,^[19] мы приходим к выводу, что действия людей, определяемые исключительно их предшествующими событиями, должны носить характер единообразия, то есть должны при одних и тех же обстоятельствах всегда приводить к одним и тем же результатам. И поскольку все предшествующие события находятся либо в уме, либо вне его, мы ясно видим, что все вариации результатов, другими словами, все изменения, которыми полна история, все превратности человеческой расы, их прогресс или их упадок, их счастье или их несчастье, должны быть плодом двойного действия: воздействия внешних явлений на разум и другого воздействия разума на явления.

Это те материалы, из которых только и может быть построена философская история. С одной стороны, мы имеем человеческий разум, подчиняющийся законам своего собственного существования и, будучи неконтролируемым внешними агентами, развивающийся в соответствии с условиями своей организации. С другой стороны, мы имеем то, что называется Природой, точно так же подчиняющейся своим законам; но постоянно вступающей в контакт с умами людей, возбуждающей их страсти, стимулирующей их интеллект и, следовательно, придающей их действиям направление, которого они не приняли бы без такого возмущения. Таким образом, мы имеем человека, модифицирующего природу, и природу, модифицирующую человека; в то время как из этого взаимного изменения неизбежно должны проистекать все события.

Проблема, непосредственно стоящая перед нами, состоит в том, чтобы установить метод открытия законов этого двойного изменения: и это, как мы сейчас увидим, подводит нас к предварительному исследованию того, какое из двух изменений является более важным; то есть находятся ли мысли и желания людей под большим влиянием физических явлений, или же физические явления находятся под их большим влиянием. Ибо очевидно, что какой бы класс ни был более активным, его следует, по возможности, изучать раньше другого; и это отчасти потому, что его результаты будут более заметными, и, следовательно, их будет легче наблюдать; а отчасти потому, что, сначала обобщив законы большей силы, мы оставим меньший остаток необъяснимых фактов, чем если бы мы начали с обобщения законов меньшей силы. Но прежде чем приступить к этому исследованию, будет удобно привести некоторые из наиболее убедительных доказательств, которыми мы теперь располагаем, регулярности, с которой

ментальные явления сменяют друг друга. Таким образом, предыдущие взгляды будут значительно усилены; и в то же время мы сможем увидеть, каковы те ресурсы, которые уже были использованы для разъяснения этого важного вопроса.

То, что фактически достигнутые результаты чрезвычайно ценны, очевидно не только из широкой области, которую охватывают обобщения, но и из чрезвычайных предосторожностей, скоторыми они были сделаны. Ибо, хотя большинство моральных исследований зависело от какой-либо теологической или метафизической гипотезы, исследования, на которые я ссылаюсь, являются исключительно индуктивными; они основаны на коллекциях почти бесчисленных фактов, охватывающих многие страны, облеченных в самую ясную из всех форм, форму арифметических таблиц; и, наконец, они были составлены людьми, которые, будучи по большей части простыми правительственными чиновниками, [20] у них не было никакой конкретной теории, которую нужно было бы поддерживать, и они не были заинтересованы в искажении правдивости отчетов, которые им было поручено составлять.

Наиболее исчерпывающие выводы относительно действий людей, которые признаются всеми сторонами в качестве неоспоримых истин, выводятся из этого или аналогичных источников; они опираются на статистические данные и выражаются математическим языком. И тот, кто осознает, как много было открыто с помощью этого единственного метода, должен не только признать единообразие, с которым ментальные явления сменяют друг друга, но должен, я думаю, испытывать оптимизм по поводу того, что будут сделаны еще более важные открытия, как только будут задействованы те другие мощные ресурсы, которые даже нынешнее состояние знаний может в изобилии предоставить. Не предвосхищая, однако, будущих исследований, мы на данный момент занимаемся только теми доказательствами существования единообразия в человеческих делах, которые первыми выдвинули статистики.

Действия людей легко и очевидно разделяются на два класса, добродетельные и порочные; и поскольку эти классы взаимосвязаны и, взятые вместе, составляют совокупность нашего морального поведения, из этого следует, что все, что увеличивает одно, с относительной точки зрения уменьшает другое; так что, если мы можем в какой-либо период обнаружить единообразие и методичность в пороках людей, должна быть соответствующая регулярность в их добродетелях; или если мы могли бы доказать регулярность в их добродетелях, мы обязательно должны сделать вывод о равной регулярности в их пороках. два набора действий, являющиеся, согласно условиям раздела, просто дополняющими друг друга. [21] Или, выражая это утверждение по-другому, очевидно, что если можно продемонстрировать, что плохие поступки людей меняются в зависимости от изменений в окружающем обществе, мы будем вынуждены сделать вывод, что их хорошие поступки, которые являются, так сказать, остатком их плохих, меняются таким же образом; и мы будем вынуждены сделать следующий вывод, что плохие поступки людей изменяются таким же образом. такие вариации являются результатом крупных и общих причин, которые, воздействуя на всю совокупность общества, должны приводить к определенным последствиям, независимо от воли тех конкретных людей, из которых состоит общество.

Такова закономерность, которую мы ожидаем обнаружить, если действия людей регулируются состоянием общества, в котором они происходят; в то время как, с другой стороны, если мы не можем найти такой закономерности, мы можем полагать, что их действия зависят от какого-то капризного и личного принципа, свойственного каждому человеку, такого как свобода воли или

тому подобное. Следовательно, становится в высшей степени важным установить, существует ли закономерность во всем моральном поведении данного общества; и это как раз один из тех вопросов, для решения которых статистика предоставляет нам материалы огромной ценности.

Поскольку основной целью законодательства является защита невиновных от виновных, естественно, из этого следовало, что европейские правительства, как только они осознали важность статистики, должны были начать собирать доказательства, касающиеся преступлений, за которые они должны были наказывать. Эти свидетельства продолжали накапливаться, пока теперь они сами по себе не сформировали обширный массив литературы, содержащий, с соответствующими комментариями, огромное количество фактов, тактцательно собранных и так хорошо и ясно переваренных, что из них можно почерпнуть больше о моральной природе человека, чем из всего накопленного опыта предыдущих эпох.^[22] Но поскольку в этом Введении будет невозможно дать сколько-нибудь полное изложение тех выводов, которые при реальном состоянии статистики мы уполномочены делать, я ограничусь рассмотрением двух или трех наиболее важных и указанием связи между ними.

Из всех преступлений вполне можно предположить, что преступление убийства является одним из самых произвольных и нерегулярных. Ибо, если мы примем во внимание, что это, хотя обычно и завершающий акт долгой карьеры порока, часто является непосредственным результатом того, что кажется внезапным импульсом; что при преднамеренности его совершение, даже с наименьшими шансами на безнаказанность, требует редкого сочетания благоприятных обстоятельств, которых преступник часто будет ждать; что ему, таким образом, приходится выжидать и искать возможности, которые он не может контролировать; что, когда придет время, его сердце может предать его; что вопрос о том, совершит ли он преступление, может зависеть от баланса противоречивых мотивов, таких как страх перед законом, боязнь наказания, наказания, налагаемые религией, уколы его собственной совести, предчувствие будущих угрызений совести, жажда наживы, ревность, месть, отчаяние; — когда мы складываем все это вместе, возникает такое усложнение причин, что мы могли бы обоснованно отчаяться обнаружить какой-либо порядок или метод в результате действия тех тонких и изменчивых факторов, с помощью которых убийство либо вызывается, либо предотвращается. Но теперь, как обстоит дело с этим фактом? Факт состоит в том, что убийства совершаются с такой же регулярностью и имеют такую же единообразную связь с определенными известными обстоятельствами, как движение приливов и отливов и смена времен года. Г-н Кетле, посвятивший свою жизнь сбору и систематизации статистических данных разных стран, утверждает в результате своих кропотливых исследований, что "во всем, что касается преступности, одни и те же цифры повторяются с постоянством, в котором нельзя ошибиться; и что это имеет место даже в отношении тех преступлений, которые кажутся совершенно независимыми от человеческого предвидения, таких, например, как убийства, которые совершаются в разных странах". обычно совершаются после ссор, возникающих из-за обстоятельств, по-видимому, случайных. Тем не менее, мы знаем по опыту, что ежегодно не только совершается примерно одинаковое количество убийств, но даже орудия, с помощью которых они совершаются, используются в одинаковой пропорции".^[23] Этот язык использовал в 1835 году, по общему признанию, первый статистик в Европе, и каждое последующее исследование подтверждало его точность. Ибо более поздние исследования установили удивительный факт, что равномерное воспроизводство преступности более четко обозначено и более поддается прогнозированию, чем физические законы, связанные с болезнями и разрушением наших тел. Так, например, число лиц, обвиняемых в совершении преступлений во

Франции в период с 1826 по 1844 год, по странному совпадению было примерно равно числу смертей мужского пола, имевших место в Париже за тот же период, с той разницей, что колебания количества преступлений на самом деле были меньше колебаний смертности; в то время как аналогичная закономерность наблюдалась в каждом отдельном преступлении, все из которых подчинялись одному и тому же закону равномерного и периодического повторения.[24]

Это, действительно, покажется странным тем, кто считает, что человеческие поступки больше зависят от особенностей каждого отдельного человека, чем от общего состояния общества. Но остается еще одно обстоятельство, еще более поразительное. Среди публичных и зарегистрированных преступлений нет ни одного, которое, по-видимому, так полностью зависело бы от личности, как самоубийство. Попыткам убийства или грабежа может быть оказано и постоянно оказывается успешное сопротивление; иногда их сбивает с толку сторона, на которую совершается нападение, иногда сотрудники юстиции. Но попытка совершить самоубийство гораздо менее подвержена пресечению. Человеку, решившему покончить с собой, в последний момент не мешает борьба врага; и, поскольку он может легко защититься от вмешательства гражданской власти,[25] его поступок становится как бы изолированным; он отрезан от внешних помех и более явно кажется результатом его собственной воли, чем могло бы быть любое другое преступление. Мы можем также добавить, что, в отличие от преступлений в целом, это редко бывает вызвано подстрекательством сообщников; так что люди, не подстрекаемые к этому своими товарищами, не подвержены влиянию одного большого класса внешних ассоциаций, которые могли бы препятствовать тому, что называется свободой их воли. Следовательно, вполне естественно, что может быть сочтено нецелесообразным относить самоубийство к общим принципам или обнаруживать что-либо похожее на закономерность в преступлении, которое является таким эксцентричным, таким единичным, которое невозможно контролировать с помощью законодательства и которое самая бдительная полиция ничего не может сделать, чтобы уменьшить. Есть также еще одно препятствие, которое мешает нашей точке зрения: оно заключается в том, что даже самые лучшие доказательства, свидетельствующие о самоубийстве, всегда должны быть очень несовершенными. В случаях утопления, например, случаи смерти могут быть возвращены как случайные самоубийства; в то время как, с другой стороны, некоторые из них называются случайными, которые являются добровольными.[26] Таким образом, самоубийство кажется не только капризным и неконтролируемым, но и очень неясным с точки зрения доказательств; так что на всех этих основаниях было бы разумно отчаяться когда-либо проследить его до тех общих причин, которыми оно вызвано.

Таковы особенности этого исключительного преступления, и, несомненно, поразительным фактом является то, что все имеющиеся у нас доказательства относительно него указывают на один важный вывод и не могут оставить у нас сомнений в том, что самоубийство является всего лишь результатом общего состояния общества, и что отдельный преступник приводит в действие только то, что является необходимым следствием предшествующих обстоятельств.[27] При данном состоянии общества определенное количество людей должно покончить с собой. Таков общий закон; и специальный вопрос о том, кто должен совершить преступление, зависит, конечно, от специальных законов; которые, однако, в своем совокупном действии должны подчиняться большому социальному закону, которому все они подчинены. И сила большего закона настолько непреодолима, что ни любовь к жизни, ни страх перед другим миром не могут помочь даже в том, чтобы проверить его действие. Причины этой замечательной закономерности я рассмотрю позже; но существование этой закономерности знакомо

каждому, кто знаком с моральной статистикой. В разных странах, по которым у нас есть данные, мы находим из года в год одну и ту же долю людей, прекращающих свое существование; так что, сделав поправку на невозможность собрать полные доказательства, мы можем предсказать, с очень небольшим пределом погрешности, количество добровольных смертей за каждый последующий период; предполагая, конечно, что социальные обстоятельства не претерпевают каких-либо заметных изменений. Даже в Лондоне, несмотря на превратности, сопутствующие крупнейшей и самой роскошной столице мира, мы находим закономерность большую, чем мог ожидать самый оптимистичный сторонник социальных законов; поскольку политические волнения, торговый ажиотаж и страдания, вызванные дороговизной продуктов питания, являются причинами самоубийств и постоянно меняются.^[28] Тем не менее, в этом огромном мегаполисе ежегодно около 240 человек сводят счеты с жизнью; ежегодное число самоубийств колеблется под давлением временных причин между 266, что является самым высоким показателем, и 213, что является самым низким показателем. В 1846 году, который был большим годом волнений, вызванных железнодорожной паникой, самоубийств в Лондоне было 266; в 1847 году началось небольшое улучшение, и они упали до 256; в 1848 году их было 247; в 1849 году их было 213; а в 1850 году их было 229.^[29]

Таковы некоторые, и только некоторые, доказательства, которыми мы теперь располагаем, касающиеся регулярности, с которой при одном и том же состоянии общества неизбежно воспроизводятся одни и те же преступления. Чтобы оценить всю силу этих доказательств, мы должны помнить, что это не произвольный отбор конкретных фактов, но что они обобщены на основе исчерпывающей криминальной статистики, состоящей из многих миллионов наблюдений, охватывающих страны с разным уровнем цивилизации, с разными законами, разными мнениями, другой моралью, другими привычками. Если мы добавим к этому, что эти статистические данные были собраны людьми, специально нанятыми для этой цели, с использованием всех средств для установления истины и без стремления ввести в заблуждение, то, несомненно, следует признать, что существование преступности по фиксированной и единообразной схеме является фактом, засвидетельствованным более четко, чем любой другой в моральной истории человека. Здесь мы имеем параллельные цепочки доказательств, составленные с особой тщательностью при самых разных обстоятельствах, и все они указывают в одном направлении; все они вынуждают нас к заключению, что преступления людей являются результатом не столько пороков отдельного преступника, сколько состояния общества, в которое этот индивид ввергнут.^[30] Это заключение, основанное на широких и осязаемых доказательствах, доступных всему миру; и как таковое не может быть опровергнуто или даже опровергнуто какой-либо из тех гипотез, которыми метафизики и теологи до сих пор ставили в тупик изучение событий прошлого.

Те читатели, которые знакомы с тем, каким образом в физическом мире постоянно нарушается действие законов природы, будут ожидать, что в мире нравственном нарушения будут столь же активными. Такие отклонения происходят, в обоих случаях, из второстепенных законов, которые в определенных точках соответствуют более крупным законам и, таким образом, изменяют их нормальное действие. Наука механика дает хороший пример этого на примере той прекрасной теории, которая называется параллелограммом сил; согласно которой силы находятся друг к другу в той же пропорции, что и диагонали их соответствующих параллелограммов.^[31] Этот закон дает замечательные результаты; он связан с этими важными механическими ресурсами, составом и распределением сил; и никому, кто знаком с доказательствами, на которых он основан, никогда не приходило в голову подвергать сомнению

его истинность. Но в тот момент, когда мы пользуемся им для практических целей, мы обнаруживаем, что в своем действии он искажается другими законами, такими как законы, касающиеся трения воздуха, и различной плотности тел, с которыми мы работаем, обусловленной их химическим составом или, как некоторые предполагают, расположением их атомов. При таком допущении возмущений чистое и простое действие механического закона исчезает. Тем не менее, хотя результаты действия закона постоянно нарушаются, сам закон остается нетронутым.[32] Точно так же великий социальный закон о том, что моральные поступки людей являются продуктом не их воли, а их предшественников, сам подвержен нарушениям, которые затрудняют его действие, не влияя на его истинность. И этого вполне достаточно, чтобы объяснить те незначительные колебания, которые мы обнаруживаем из года в год в общем объеме преступлений, совершаемых одной и той же страной. В самом деле, глядя на тот факт, что моральный мир гораздо более богат материалами, чем физический, единственным основанием для удивления является то, что эти различия не должны быть большими; и из того обстоятельства, что расхождения столь незначительны, мы можем составить некоторое представление о поразительной энергии этих обширных социальных законов, которые, хотя и постоянно нарушаются, кажется, торжествуют над всеми препятствиями и которые, будучи исследованы с помощью большого числа людей, едва ли претерпевают какие-либо ощутимые изменения.[33]

И не только преступления людей отмечены таким единообразием последовательности. Даже количество ежегодно заключаемых браков определяется не характером и желаниями отдельных людей, а крупными общими фактами, над которыми отдельные люди не могут иметь никакой власти. Теперь известно, что браки имеют фиксированную и определенную связь с ценой на зерно;[34] и в Англии опыт столетия доказал, что вместо того, чтобы иметь какую-либо связь с личными чувствами, они просто регулируются средним заработком огромной массы людей:[35] так что этот огромный социальный и религиозный институт не только находится под влиянием, но и полностью контролируется ценами на продукты питания и уровнем заработной платы. В других случаях была обнаружена однородность, хотя причины этой однородности до сих пор неизвестны. Таким образом, приводя любопытный пример, мы теперь можем доказать, что даже aberrации памяти отмечены этим общим характером необходимого и неизменного порядка. Почтовые отделения Лондона и Парижа за последнее время опубликовали отчеты о количестве писем, которые авторы по забывчивости не направили; и, принимая во внимание разницу обстоятельств, эти отчеты год за годом являются копиями друг друга. Год за годом одна и та же доля авторов писем забывает об этом простом действии, так что за каждый последующий период мы можем фактически предсказать количество людей, которых подводит память в отношении этого пустякового и, как может показаться, случайного происшествия.[36]

Для тех, кто имеет устойчивое представление о закономерности событий и твердо усвоил великую истину о том, что действия людей, руководствуясь своим прошлым, на самом деле никогда не бывают непоследовательными, но, какими бы причудливыми они ни казались, составляют лишь часть одной обширной схемы вселенского порядка, очертания которой мы при нынешнем уровне знаний едва можем разглядеть, — для тех, кто понимает это, что является одновременно ключом и основой истории, только что приведенные факты, отнюдь не странные, будут именно такими, каких следовало ожидать и которые должны были быть давно известны. Действительно, прогресс исследований становится таким быстрым и таким серьезным, что я почти не сомневаюсь в том, что не пройдет и столетия, как цепочка доказательств будет завершена, и найти историка, отрицающего неизменную закономерность морального мира,

будет такой же редкостью, как сейчас найти философа, отрицающего закономерность материального мира.

Следует отметить, что приведенные выше доказательства того, что наши действия регулируются законом, были получены из статистики; отрасли знаний, которая, хотя и находится еще в зачаточном состоянии, [37] уже пролила больше света на изучение природы человека, чем все науки вместе взятые. Но хотя статистики были первыми, кто исследовал этот великий предмет, рассматривая его в соответствии с теми методами рассуждения, которые в других областях были признаны успешными; и хотя они, применяя цифры, применили к нему очень мощный механизм для выявления истины, мы не должны на этом основании предполагать, что не осталось других ресурсов, с помощью которых его можно было бы аналогичным образом развивать; также мы не должны делать вывод, что, поскольку физические науки еще не применялись к истории, они, следовательно, к ней неприменимы. Действительно, когда мы рассматриваем непрерывный контакт между человеком и внешним миром, становится очевидным, что должна существовать тесная связь между действиями человека и физическими законами; так что, если физическая наука до сих пор не была применена к истории, причина либо в том, что историки не осознали эту связь, либо в том, что, осознав ее, они оказались лишены знаний, с помощью которых можно было бы проследить ее действие. Отсюда возникло неестественное разделение двух великих областей исследования, изучения внутреннего и внешнего: и хотя в современном состоянии европейской литературы есть некоторые безошибочные симптомы желания разрушить этот искусственный барьер, все же следует признать, что пока еще ничего фактически не сделано для достижения столь великой цели. Моралисты, теологи и метафизики продолжают заниматься своими исследованиями без особого уважения к тому, что они считают низшими трудами ученых; на самом деле, они часто нападают на их исследования, считая их опасными для интересов религии и внушающими нам чрезмерную уверенность в ресурсах человеческого разума. С другой стороны, приверженцы физической науки, сознающие, что они являются передовой организацией, естественно, гордятся собственными успехами; и, противопоставляя свои открытия более неподвижной позиции своих оппонентов, вынуждены презирать занятия, бесплодность которых теперь стала печально известной.

Задача историка - выступить посредником между этими двумя партиями и примирить их враждебные притязания, показав точку, в которой их соответствующие исследования должны объединиться. Согласовать условия этой коалиции - значит заложить основу всей истории. Ибо, поскольку история имеет дело с действиями людей и поскольку их действия являются всего лишь продуктом столкновения внутренних и внешних явлений, становится необходимым изучить относительную важность этих явлений; выяснить, в какой степени известны их законы; и установить ресурсы для будущих открытий, которыми обладают эти два великих класса, изучающие разум и изучающие природу. Эту задачу я попытаюсь выполнить в следующих двух главах: и если я сделаю это с некоторым приближением к успеху, то настоящая работа, по крайней мере, будет иметь то достоинство, что внесет некоторый вклад в заполнение той широкой и мрачной пропасти, которая, к недостатку наших знаний, разделяет предметы, которые тесно связаны и никогда не должны разъединяться.

‘Der Begriff der Freiheit ist ein reiner Vernunftbegriff, der eben darum für die theoretische Philosophie transcendent, d. i. ein solcher ist, dem kein angemessenes Beispiel in irgend einer möglichen Erfahrung gegeben werden kann, welcher also keinen Gegenstand einer uns möglichen theoretischen Erkenntniss ausmacht, und schlechterdings nicht für ein constitutives, sondern lediglich als regulatives, und zwar nur bloss negatives Princip der speculativen Vernunft gelten kann, im praktischen Gebrauche der selben aber seine Realität durch praktische Grundsätze beweist, die, als Gesetze, eine Causalität der reinen Vernunft, unabhängig von allen empirischen Bedingungen (dem Sinnlichen überhaupt), die Willkühr zu bestimmen, und einen reinen Willen in uns beweisen, in welchem die sittlichen Begriffe und Gesetze ihren Ursprung haben.’ *Metaphysik der Sitten*, in *Kant's Werke*, vol. v. pp. 20, 21. ‘Würden die Gegenstände der Sinnenwelt für Dinge an sich selbst genommen, und die oben angeführten Naturgesetze für Gesetze der Dinge an sich selbst, so wäre der Widerspruch’ (*i.e.* between Liberty and Necessity) ‘unvermeidlich. Ebenso, wenn das Subject der Freiheit gleich den übrigen Gegenständen als bloße Erscheinung vorgestellt würde, so könnte ebensowohl der Widerspruch nicht vermieden werden; denn es würde ebendasselbe von einerlei Gegenständen in derselben Bedeutung zugleich bejaht und verneint werden. Ist aber Naturnothwendigkeit bloss auf Erscheinungen bezogen, und Freiheit bloss auf Dinge an sich selbst, so entspringt kein Widerspruch, wenn man gleich beide Arten von Causalität annimmt oder zugibt, so schwer oder unmöglich es auch sein möchte, die von der letzteren Art begreiflich zu machen.’ ... ‘Natur also und Freiheit eben demselben Dinge, aber in verschiedener Beziehung, einmal als Erscheinung, das andre Mal als einem Dinge an sich selbst ohne Widerspruch beigelegt werden können.’ ... ‘Nun kann ich ohne Widerspruch sagen: alle Handlungen vernünftiger Wesen, sofern sie Erscheinungen sind (in irgend einer Erfahrung angetroffen werden), stehen unter der Naturnothwendigkeit; eben dieselben Handlungen aber, bloss respective auf das vernünftige Subject und dessen Vermögen, nach blosser Vernunft zu handeln, sind frei.’ *Prolegomena zu jeder künftigen Metaphysik*, in *Kant's Werke*, vol. iii. pp. 268–270. ‘Denn ein Geschöpf zu sein und als Naturwesen bloss dem Willen seines Urhebers zu folgen; dennoch aber als freihandelndes Wesen (welches seinen vom äusseren Einfluss unabhängigen Willen hat, der dem ersteren vielfältig zuwider sein kann), der Zurechnung fähig zu sein, und seine eigene That doch auch zugleich als die Wirkung eines höheren Wesens anzusehen: ist eine Vereinbarung von Begriffen, die wir zwar in der Idee einer Welt, als des höchsten Gutes, zusammen denken müssen; die aber nur der einsehen kann, welcher bis zur Kenntniss der übersinnlichen (intelligiblen) Welt durchdringt und die Art einsieht, wie sie der Sinnenwelt zum Grunde liegt.’ *Теодицея*, в “Вепке” *Канта*, том vi. стр. 149. ‘Nun wollen wir annehmen, die durch unsere Kritik nothwendig gemachte Unterscheidung der Dinge, als Gegenstände der Erfahrung, von eben denselben, als Dingen an sich selbst, wäre gar nicht gemacht, so müsste der Grundsatz der Causalität und mithin der Naturmechanismus in Bestimmung derselben durchaus von allen Dingen überhaupt als wirkenden Ursachen gelten. Von eben demselben Wesen also, z. B. der menschlichen Seele, würde ich nicht sagen können, ihr Wille sei frei, und er sei doch zugleich der Naturnothwendigkeit unterworfen, d. i. nicht frei, ohne in einen offenbaren Widerspruch zu gerathen; weil ich die Seele in beiden Sätzen in eben derselben Bedeutung, nämlich als Ding überhaupt (als Sache an sich selbst), genommen habe und, ohne vorhergehende Kritik, auch nicht anders nehmen konnte. Wenn aber die Kritik nicht geirrt hat, da sie das Object in zweierlei Bedeutung nehmen lehrt, nämlich als Erscheinung, oder als Ding an sich selbst; wenn die Deduction ihrer Verstandesbegriffe richtig ist, mithin auch der Grundsatz der Causalität nur auf Dinge im ersten Sinne genommen, nämlich so fern sie Gegenstände der Erfahrung sind, geht, eben dieselben aber nach der zweiten Bedeutung ihm nicht unterworfen sind, so wird eben derselbe Wille in der Erscheinung (den sichtbaren Handlungen) als dem Naturgesetze nothwendig gemäss und so fern nicht frei, und doch

andererseits, als einem Dinge an sich selbst angehörig, jenem nicht unterworfen, mithin als frei gedacht, ohne dass hiebei ein Widerspruch vorgeht.' *Kritik der reinen Vernunft*, in *Kant's Werke*, vol. ii. p. 24. 'Und hier zeigt die zwar gemeine, aber betrügliche Voraussetzung der absoluten Realität der Erscheinungen sogleich ihren nachtheiligen Einfluss, die Vernunft zu verwirren. Denn sind Erscheinungen Dinge an sich selbst, so ist Freiheit nicht zu retten. Alsdann ist Natur die vollständige und an sich hinreichend bestimmende Ursache jeder Begebenheit, und die Bedingung derselben ist jederzeit nur in der Reihe der Erscheinungen enthalten, die sammt ihrer Wirkung unter dem Naturgesetze nothwendig sind. Wenn dagegen Erscheinungen für Nichts mehr gelten, als sie in der That sind, nämlich nicht für Dinge an sich, sondern blossе Vorstellungen, die nach empirischen Gesetzen zusammenhängen, so müssen sie selbst noch Gründe haben, die nicht Erscheinungen sind.' ... 'Hier habe ich nur die Anmerkung machen wollen, dass, da der durchgängige Zusammenhang aller Erscheinungen in einem Context der Natur ein unnachlässliches Gesetz ist, dieses alle Freiheit nothwendig umstürzen müsste, wenn man der Realität der Erscheinungen hartnäckig anhängen wollte. Daher auch diejenigen, welche hierin der gemeinen Meinung folgen, niemals dahin haben gelangen können, Natur und Freiheit mit einander zu vereinigen.' *Kritik*, in *Werke*, vol. ii. pp. 419, 420. Finally, at p. 433, 'Man muss wohl bemerken, dass wir hiedurch nicht die Wirklichkeit der Freiheit, als eines der Vermögen, welche die Ursache von den Erscheinungen unserer Sinnenwelt enthalten, haben darthun wollen. Denn ausser dass dieses gar keine transcendente Betrachtung, die bloss mit Begriffen zu thun hat, gewesen sein würde, so könnte es auch nicht gelingen, indem wir aus der Erfahrung niemals auf Etwas, was gar nicht nach Erfahrungsgesetzen gedacht werden muss, schliessen können. Ferner haben wir auchgar nicht einmal die Möglichkeit der Freiheit beweisen wollen; denn dieses wäre auch nicht gelungen, weil wir überhaupt von keinem Realgrunde und keiner Causalität aus blossen Begriffen *a priori* die Möglichkeit erkennen können. Die Freiheit wird hier nur als transcendente Idee behandelt, wodurch die Vernunft die Reihe der Bedingungen in der Erscheinung durch das sinnlich Unbedingte schlechthin aufzuheben denkt, dabei sich in eine Antinomie mit ihren eigenen Gesetzen, welche sie dem empirischen Gebrauche des Verstandes vorschreibt, verwickelt. Dass nun diese Antinomie auf einem blossen Scheine beruhe, und dass Natur der Causalität aus Freiheit wenigstens nicht widerstreite, das war das Einzige, was wir leisten konnten, und woran es uns auch einzig und allein gelegen war.'

Эти отрывки доказывают, что Кант видел, что феноменальная реальность Свободы Воли является неопровержимой доктриной: и поскольку настоящая работа представляет собой исследование законов явлений, его трансцендентальная философия не влияет на мои выводы. Согласно точке зрения Канта (и с которой я склонен согласиться), обычная метафизическая и теологическая трактовка этой мрачной проблемы является чисто эмпирической и, следовательно, не имеет никакой ценности. Отрицание превосходства сознания вытекает как естественное следствие и является результатом кантовской философии, а не, как часто говорят, ее основой.

Сноски:

[1] Ныне живущий писатель, который сделал больше, чем кто-либо другой, для повышения уровня истории, презрительно замечает: "инкорпоративная компиляция фактов несоответствия требованиям истории". Кант, *Позитивная философия*, т. v. стр. 18. В методе и выводах этого

великого труда есть многое, с чем я не могу согласиться; но было бы несправедливо отрицать его исключительные достоинства.

[2] Я говорю просто о тех, кто сделал историю своим главным занятием. Бэкон писал об этом, но только как о второстепенном предмете; и это, очевидно, не стоило ему ничего подобного размышлениям, которые он посвящал другим предметам.

[3] Некоторые моральные последствия такого уменьшения ненадежности продуктов питания отмечены М. Шарлем Контом в его *Книге "Особенности законодательства"*, том ii. стр. 273-275. Сравните *"Историю Индии"* Милля, том i, стр. 180-181. Но оба этих способных автора упустили из виду, что изменение облегчает восприятие закономерности явлений.

[4] On the relation between this and the previous creation of wealth, see *Tennemann, Geschichte der Philosophie*, vol. i. p. 30; 'Ein gewisser Grad von Cultur und Wohlstand ist eine nothwendige äussere Bedingung der Entwicklung des philosophischen Geistes. So lange der Mensch noch mit den Mitteln seiner Existenz und der Befriedigung seiner thierischen Bedürfnisse beschäftigt ist, so lange gehet die Entwicklung und Bildung seiner Geisteskräfte nur langsam von statten, und er nähert sich nur Schritt vor Schritt einer freieren Vernunftthätigkeit.' ... 'Daher finden wir, dass man nur in denen Nationen anfang zu philosophiren, welche sich zu einer beträchtlichen Stufe des Wohlstandes und der Cultur emporgehoben hatten.' Отсюда, как я попытаюсь доказать в следующей главе, огромная важность физических явлений, которые предшествуют метафизическим и часто контролируют их. В истории греческого разума мы можем отчетливо проследить переход от физических исследований к метафизическим. См. *"Историю Греции"* Гроте, том iv. стр. 519, изд. 1847. То, что атомная доктрина в ее отношении к случайности была естественным предшественником платонизма, отмечается в Бруссе, *"Экзаменах медицинских доктрин"*, т. i, стр. 53, 54, - умелой, хотя и односторонней работе. Сравните, уважая Шансы атомистов, *"Историю древней философии"* Риттера, том i, стр. 553; гипотеза, как говорит Риттер, "разрушительная для всей внутренней энергии"; следовательно, антагонистичная психологической гипотезе, которая впоследствии возникла и победила ее. That physical researches came first, is moreover attested by Diogenes Laertius: Μέρη δὲ φιλοσοφίας τρία, φυσικόν, ἠθικόν διαλεκτικόν· φυσικόν μὲν, τὸ περὶ κόσμου, καὶ τῶν ἐν αὐτῷ ἠθικόν δὲ, τὸ περὶ βίου καὶ τῶν πρὸς ἡμᾶς· διαλεκτικόν δὲ, τὸ ἀμφοτέρων τοῦς λόγους τὸ πυσβεῦν· καὶ μέχρι μὲν Ἀρχελαίου τὸ φυσικόν εἰς δὸς ἦν ἀπὸ δὲ Σωκράτους, ὡς προεῖρηται, τὸ ἠθικόν· ἀπὸ δὲ Ζήνωνος τοῦ Ἐλεάτου, τὸ διαλεκτικόν. *Философская книга о жизни*. часть 18, том i, стр. 12: сравните lib. ii. часть 16, том i, стр. 89.

[5] У Бособра есть несколько хороших замечаний по этому поводу в его ученом труде *"Историческая критика манихейства"*, том i, стр. 179, где он говорит, что великие религиозные ереси были основаны на предыдущих философиях. Конечно, никто, знакомый с историей мнений, не согласится с огульным утверждением М. Шталя, что "философия народа са расин данс са теология". *Климрат, Труды*, том ii. стр. 454, Париж, 1843.

[6] 'Also ist ein Wille, dem die bloße gesetzgebende Form der Maxime allein zum Gesetze dienen kann, ein freier Wille.' *Kritik der praktischen Vernunft in Kant's Werke*, vol. iv. p. 128. 'Hat selber für sich eigentlich keinen Bestimmungsgrund.' *Metaphysik der Sitten in Werke*, vol. v. p. 12. 'Die unbedingte Causalität der Ursache.' *Kritik der reinen Vernunft in Werke*, vol. ii. p. 339. See also *Prolegomena zu jeder künftigen Metaphysik* in vol. iii. p. 268.

[7] То, что эти доктрины, если рассматривать их в соответствии с обычными методами рассуждения, не только противостоят, но и исключают друг друга, было бы общепризнано, если бы не общее желание сохранить определенные части каждой из них: считается опасным отказываться от свободы воли из-за ослабления моральной ответственности, и не менее опасно отказываться от предопределения из-за оспаривания силы Бога. Поэтому предпринимались различные попытки примирить свободу с необходимостью и привести свободу человека в соответствие с предвидением Божества. Сравните по этому поводу замечательное письмо Локка Молинье (*Сочинения Локка*, т. viii. с. 305), с аргументацией в одной из проповедей Бентли (*Жизнь монаха Бентли*, том ii. стр. 7, 8); также *История Риттера. из античной философии*, том iv. стр. 143, 144; *Теннеман, Геш. der Philosophie*, том iv. стр. 301-304; *Исследование Коплстоном доктрин необходимости и предопределения*, стр. 6, 7, 46, 69, 70, 85, 92, 108, 136; *Церковная история Мосхайма.*, т. i. с. 207, т. ii. с. 96; *История Неандера. о Церкви*, том iv. с. 294, 389-391; *Епископ Линкольнский о Тертуллиане*, 1845, с. 323; *Ходжсон о буддизме*, в *Трудах азиатского общества*, том ii. с. 232.

[8] Даже Амвросий, который никогда не заходил так далеко, как Августин, излагает этот принцип в его отталкивающей наготе: "Deus quos dignat vocat, quos vult religiosos facit". *Неандер*, том iv. стр. 287. Кальвин заявляет, "что Бог, предопределив от века одну часть человечества к вечному счастью, а другую - к бесконечным страданиям, был вынужден провести это различие не по какому-либо иному мотиву, кроме Своего собственного благоволения и свободной воли". *Экклз Мосхейма. История.*, том ii. стр. 103, см. также стр. 100; и *История Карвитена. англиканской церкви*, том i, стр. 552.

[9] О манихейском происхождении мнений Августина, сравните *Поттер, Дух Эглиза*, том ii. стр. 171, Париж, 1821; *Опровержение кальвинизма Томлайном*, 1817, стр. 571-576; *Книга Саути о церкви*, 1824, том i. с. 301, 302; *Материя, История. "о гностицизме"*, 1828, том i, стр. 325. Однако Бособр (*История манихейства*, том ii. стр. 33-40), по-видимому, доказал разницу между избранием Августина и Василида.

[10] Об абсурдности "всемогущего произвольного Божества" и о несоответствии такого сочетания с φύσει καλὸν καὶ δίκαιον см. "*Интеллект Кадворта. Система.*", т. i. с. 45, 419, т. iii. с. 241, т. iv. с. 160. See also *Theodicee in Kant's Werke*, vol. vi. pp. 141, 142, and *Metaphysik der Sitten* in vol. v. p. 332, upon 'den göttlichen Zweck in Ansehung des menschlichen Geschlechts.'

[11] Джонсон сказал Босвеллу: "Сэр, мы знаем, что наша воля свободна, и этому конец". "*Жизнь Джонсона*" Босуэлла, редактировать. Крокер, 1848, с. 203. 'La question: Sommes-nous libres? me paraît au-dessous de la discussion. Elle est résolue par le témoignage de la conscience attestant que dans certains cas nous pourrions faire le contraire de ce que nous faisons.' Кузен, *Ист. de la Philosophie*, I. Série, vol. i. pp. 190, 191. 'Die Freiheit des Menschen, als moralischen Wesens, gründet sich auf das sittliche Bewusstseyn.' *Tennemann, Gesch. der Philosophie*, vol. v. p. 161. То, что это единственное основание для веры в свободу воли, настолько очевидно, что нам не нужно обращать внимания ни на мистическое доказательство Филона ("*Древняя философия*" Риттера, т. iv, стр. 447), ни на физическое доказательство василидианских монах (*Beausobre, Hist. de Manichée*, том ii, стр. 23); еще меньше аргументов Бардесана, который думал продемонстрировать свободу разнообразием человеческих обычаев! *Материя, История. du Gnosticisme*, том i, стр. 323, который следует сравнить с "*Физиологией науки наблюдения*" Бурдаха, том v., стр. 50, Париж, 1839.

[12] Мистер Джеймс Милль (*Анализ разума*, том i, стр. 171, 172) говорит, что сознание и вера - это одно и то же, и что большая ошибка возникла из-за того, что он назвал 'сознание чувством, отличным от всех других чувств'. Согласно Локку (*Эссе о человеческом понимании*, книга ii. глава i, Сочинения, том i, стр. 89): 'сознание - это восприятие того, что происходит в собственном уме человека'. Браун (*Философия разума*, стр. 67, 68) отрицает, что сознание - это способность, а сэр У. Гамильтон жалуется на "деградацию Ридом сознания до особой способности". *Примечания к работам Рида*, стр. 223, 297, 373. М. Кузен (*История. de la Philosophie*, II. Сери, том i, стр. 131) объявляет сознание "сложным феноменом"; а на стр. 94 "условие необходимости в интеллекте - это и есть совесть", в то время как еще более поздний автор (*Новая система философии Жобера*, том i, стр. 25) заявляет, что "у нас есть сознание нашего сознания — это несомненно". Утверждение в "Алкифроне", Диалог vii. (*Работы Беркли*, том i, стр. 505, 506) в равной степени неудовлетворительны: и что еще больше ставит в тупик вопрос, так это существование того, что сейчас признается как 'двойное сознание'. Смотрите об этом экстраординарном феномене в "*Физиологии Эллиотсона*", стр. 367-369, 1165; в "*Физиологии Майо*", стр. 195, 196; в "Трактате о безумии" Причарда, стр. 450, 451; в "*Физиологии человека*" Карпентера, стр. 379.

[13] Это требует объяснения. Сознание непогрешимо в отношении факта своего свидетельства; но подвержено ошибкам в отношении истины. То, что мы осознаем определенные явления, является доказательством того, что эти явления существуют в уме или представляются ему; но сказать, что это демонстрирует истинность явлений, значит пойти на шаг дальше и не только предложить свидетельство, но и вынести суждение. В тот момент, когда мы делаем это, мы вводим элемент подверженности ошибкам; потому что сознание и суждение, взятые вместе, не всегда могут быть правильными, поскольку суждение часто бывает неправильным.

Покойный Бланко Уайт, весьма тонкий мыслитель, говорит: "На важное различие между свободами по необходимости и свободами по принуждению редко обращают внимание. Ничто не может принудить меня к действию: каждый человек в большей или меньшей степени осознает этот факт; но в то же время мы в равной степени осознаем или можем осознавать, что мы никогда не принимаем решения без мотива." *Жизнь Б. Уайт*, сам по себе, 1845, том iii. стр. 90. Но как может человек сознать, "что ничто не может принудить его к действию"? Это не сознание, а суждение: это суждение о том, что может быть, а не осознание того, что есть. Если есть какой-то смысл в слово сознание, он должен относиться исключительно к настоящей, и никогда не может включать случай непредвиденных обстоятельств в будущем, что может быть или может быть.

[14] As Herder says, 'Was diese Nation ihrem Gedankenkreise unentbehrlich hält, daran hat jene nie gedacht oder hält es gar für schädlich.' *Ideen zur Gesch. der Menschheit*, vol. ii. p. 130.

[15] Платон был поражен чрезвычайной трудностью поиска стандарта в человеческом разуме, с помощью которого мы могли бы проверить истинность или ложность призрачных явлений и снов. И единственный вывод, к которому мог прийти этот непревзойденный мыслитель, состоял в том, что все, что кажется истинным индивидуальному разуму, истинно и для него; что, однако, является уклонением от проблемы, а не ее решением. Посмотрите "Теэтет", где Платон, как обычно, вкладывает свои собственные рассуждения в уста Сократа. Он открывает вопрос в начале раздела 39 (*Опера Платона*, том iii. стр. 426, изд. Bekker, Lond. 1826), Μῆ τοῖνυν

ἀπολίπωμεν ὅσον ἑλλεῖ πον αὐτοῦ. λείπεται δὲ ἐνυπνίων τε περὶ καὶ νόσων, τῶν τε ἄλλων καὶ μανίας, &c. Эти предполагаемые источники ошибок; но Сократ, обсудив их, и, опутанные Theætetus в лабиринте, резюмирует в конце сек. 45, стр. 434, ἀληθὴς ἄρα ἐμοὶ ἢ ἐμῇ αἰσθησις. См. далее, С. 515, на формирование ошибочных суждений; и уважая заявления многих греков, которые πᾶσα φαντασία ἀληθὴς и πᾶσα δύξα ἀληθὴς, сравнить *Cudworth*, объем. раздел III. стр. 379, изд. Ив. стр. 118. О физиологических соображениях, касающихся сохранения сознания во сне и при безумии, см. *Broussais, Examen des Doctrines Medicales*, том i, стр. 406; его *Курс френологии*, стр. 49; *Esquirol, Психические заболевания*, том i, стр. 97, том ii, стр. 790; *Simon's Pathology*, стр. 204; *Медицинские заметки Холланда*, стр. 434; *Генле, Анатомия генера*, том ii. стр. 287; *Бурдах, Особенности физиологии*, том v. стр. 223. Посмотрите также отрывки из Теннеманна, которые связывают эту трудность с теорией представления ("*Основные положения философии*", т. i, стр. 357, т. ii, стр. 119, 159, т. iii, стр. 406, т. iv, стр. 418); и попытку Беркли (*Работы*, т. i, стр. 93, 101, 176) превратить это в защиту своей собственной системы на том основании, что наша вера в отношении внешнего мира может быть столь же ложной, когда мы бодрствуем, как и в случае с другими людьми. когда мы мечтаем. Решение, предлагаемое стоиками, представляет собой всего лишь словесное и недоказанное различие: διαφέρει δὲ φαντασία καὶ φάντασμα. φάντασμα μὲν γάρ ἐστι δόκησις διανοίας οἷα γίνεται κατὰ τοὺς ὕπνους· φαντασία δὲ ἐστι τύπωσις ἐν ψυχῇ τούτέστιν ἀλλοίωσις, ὡς ὁ Χρύσιππος ἐν τῇ δυνωδεκάτῃ περὶ ψυχῆς ὑφίσταται *Diog. Лаэрт. de Vitis Philos.* глава vii. часть 50, том i, стр. 395.

[16] Означает по свободной воле причину действия, находящуюся в сознании и действующую независимо от мотивов. Если кто—нибудь скажет, что мы обладаем способностью действовать без мотивов, но что при практическом осуществлении этой способности мы всегда руководствуемся мотивами, сознательными или бессознательными, - если кто-нибудь скажет это, он выдвинет бесплодное предположение, которое не противоречит моим взглядам и которое может быть, а может и не быть истинным, но которое, несомненно, никому еще не удалось доказать.

[17] То есть в соответствии с феноменальными доказательствами, представленными пониманию, и оцененными обычной логикой, с которой понимание знакомо. Но Кант предпринял весьма примечательную попытку избежать практических последствий этого, утверждая, что свобода, будучи идеей, порожденной разумом, должна быть отнесена к трансцендентальным законам разума; то есть к законам, которые удалены из области опыта и не могут быть проверены наблюдением. Однако в отношении научных концепций рассудка (в отличие от Разума) он полностью допускает существование Необходимости, разрушающей Свободу. В Примечании А в конце этой главы я приведу наиболее важные отрывки, в которых Кант развивает эту точку зрения.

[18] Это, конечно, гипотетический случай, приведенный просто в качестве иллюстрации. Мы никогда не можем знать полностью прошлое какого-либо человека или даже полностью свое собственное; но несомненно, что чем ближе мы подходим к полному знанию прошлого, тем больше вероятность того, что мы сможем предсказать последствия.

[19] Доктрина провиденциального вмешательства связана с доктриной предопределения, потому что Божество, предвидя все, должно было предвидеть Свое собственное намерение вмешаться. Отрицать это предвидение - значит ограничивать всеведение Бога. Следовательно, те, кто считает, что в особых случаях особое провидение прерывает обычный ход событий,

должны также считать, что в каждом конкретном случае это прерывание было предопределено; в противном случае они подвергают сомнению один из Божественных атрибутов. Ибо, как выразился Фома Аквинский ("*История церкви*" Неандера, т. viii. с. 176): "знание как таковое, конечно, не подразумевает причинности; но поскольку это знание принадлежит художнику, который создает, оно находится в причинном отношении к тому, что создается его искусством".

Тот же аргумент приводится Алкифроном, хотя и не столь убедительно; *Диалог* vii. с. 20 в *Работах Беркли*, т. i, стр. 515: а что касается невозможности того, чтобы Всеведение обладало новыми знаниями или запоздалой мыслью, см. "*Религию геологии*" Хичкока, 1851, стр. 267, 328; гениальная работа, но оставляющая нетронутыми все реальные трудности. Сравните *биографию Руммера. из античной философии*. том iv. стр. 326, 327, совместно с *Теннеманном, Гешем. der Philos.* vol. vi. pp. 151, 342–345, vol. ix. pp. 81–94, vol. xi. p. 178; and in particular, the question raised (vol. viii. p. 242), 'Ob das Vorherwissen Gottes die Ursache der künftigen Dinge sey, oder nicht.' Именно для того, чтобы противостоять всему этому, одни утверждали вечность материи, а другие - существование двух изначальных принципов, одного доброго и одного злого. *Beausobre, Histoire de Manichée*, vol. ii. pp. 145, 146, 252, 336.

[20] *Дюфау, Статистические данные*, стр. 75, 148.

[21] Некоторые моралисты также установили третий класс действий, которые они называют безразличными, как не относящиеся ни к добродетели, ни к пороку; отсюда и возникла знаменитая доктрина вероятности, выдвинутая несколькими выдающимися римскими казуистами и горячо атакованная Паскалем. Но это, если мы оставим в стороне его худшую черту, а именно его практическое значение, является всего лишь вопросом определения; поскольку каждое безразличное действие должно склоняться либо на сторону зла, либо добра, и поэтому может быть отнесено к той категории, к которой оно склоняется; и, конечно, всякое увеличение порока уменьшает добродетель относительно, хотя и не всегда абсолютно. Among the Greek philosophers there was a schism on this point: Ἀρέσκει δὲ αὐτοὶς (i.e. the Stoics) μηδὲν μέσον εἶναι ἀρετῆς καὶ κακίας· τῶν περιπατητικῶν μεταξύ ἀρετῆς καὶ κακίας εἶναι λεγόντων τὴν προκοπὴν. *Диог. Лаэрт. de Vitis Philosophorum*, lib. vii. часть 127, том i, стр. 445.

[22] Я говорю это намеренно: и тот, кто изучал эти предметы, должен знать, каким образом авторы по морали повторяют банальные и избитые понятия своих предшественников; так что человек, прочитав все, что было написано о моральном поведении и философии морали, окажется почти в таком же неведении, как и в начале своих исследований. Наиболее точными исследователями человеческого разума до сих пор были поэты, особенно Гомер и Шекспир; но эти выдающиеся наблюдатели в основном занимались конкретными явлениями жизни; и если они и анализировали, что они, вероятно, и делали, то скрывали этапы процесса, так что теперь мы можем проверить их выводы только эмпирически. Большой прогресс, достигнутый статистиками, состоит в применении к этим исследованиям доктрины средних значений, о чем никто не думал до XVIII века.

[23] 'Dans tout ce qui se rapporte aux crimes, les mêmes nombres se reproduisent avec une constance telle, qu'il serait impossible de la méconnaître, même pour ceux des crimes qui sembleraient devoir échapper le plus à toute prévision humaine, tels que les meurtres, puisqu'ils se commettent, en général, à la suite de rixes qui naissent sans motifs, et dans les circonstances, en apparence, les plus fortuites. Cependant l'expérience prouve que non-seulement les meurtres sont annuellement à peu près en même nombre, mais encore que les instrumens qui servent à les

commettre sont employés dans les mêmes proportions.’ *Quetelet sur l'Homme*, Париж, 1835, т. i, стр. 7; см. также т. ii, стр. 164, 247.

[24] ‘Таким образом, за двадцать лет наблюдений число лиц, обвиняемых в различных преступлениях во Франции и зарегистрированных моложе соответствующего возраста, практически не меняется в любом возрасте из года в год, если сравнивать процентную долю для каждого возраста с итоговыми данными. Число обвиняемых по всей Франции в период с 1826 по 1844 год было примерно равно числу смертей мужчин, зарегистрированных в Париже; но достаточно странно, что первые результаты более закономерны, чем последние, несмотря на случайные причины, которые могли повлиять на них; — несмотря даже на революцию в Париже, которая потрясла общество и привела к власти новую династию’. *Браун о единообразном действии человеческой воли*, в журнале *Assurance Magazine*, № viii, июль 1852 г., стр. 349, 350. То, что различия в преступности меньше, чем различия в смертности, также отмечено в *Статистике морального состояния*, стр. 18, 34, в *Воспоминаниях Бельгийской академии*, т. xxi., Брюссель, 1848, 4 т.

[25] Безумие законодателей, думающих, что своими постановлениями они могут уменьшить количество самоубийств, разоблачается М. К. Контом в его *Чертах законодательства*, т. i, стр. 486. Смотрите также несколько хороших замечаний Джефферсона в его замечаниях по уголовному праву в *Приложении к мемуарам Джефферсона, Рэндольф*, том i. стр. 126, 127. Хибер (*Путешествие по Индии*, том i, стр. 389, 390) обнаружил, что английское правительство тщетно пыталось пресечь случаи самоубийств, часто совершаемых в Бенаресе путем утопления: а в нашей стране вмешательство законодателей наталкивается на лжесвидетельство присяжных, поскольку, как говорит Бентам, английские присяжные без колебаний нарушают свои клятвы, объявляя самоубийствонесоставным. *Принципы уголовного права, в работах Бентама*, редактировать. Боуринг, 1843, том i. стр. 479, 480. Что касается решимости индивидуума и невозможности помешать его намерениям, то зарегистрированы случаи, когда люди, будучи лишены обычных средств уничтожения, прекращали жизнь, задерживая дыхание; в то время как другие достигали своей цели, вывернув язык назад, чтобы не пропускать воздух из гортани. *Физиология человека Эллиотсона*, стр. 491, 492.

[26] Это также относится к другим случаям, помимо случаев утопления. См. *Медицинскую юриспруденцию Тейлора*, 1846, стр. 587, 597; а о трудности всегда отличать реальное самоубийство от кажущегося см. *Эскироль, Душевные болезни*, том i, стр. 575. От трети до половины всех самоубийств происходят в результате утопления. Сравните *Дюфау, Статистические данные*, стр. 304; *Анатомия самоубийства Уинслоу*, 1840, стр. 277; *Кетле, Статистика морального состояния*, стр. 66. Но среди них многие, без сомнения, являются произвольными; и несомненно, что распространенное мнение сильно преувеличивает продолжительность времени, в течение которого можно оставаться под водой. *Хирургия Броуди*, 1846, стр. 89-92.

[27] Показать пример определения причин смерти. Ainsi, nous trouvons annuellement à peu près le même nombre de suicides, non-seulement en général, mais encore en faisant la distinction des sexes, celle des âges, ou même celle des instruments employés pour se détruire. Une année reproduit si fidèlement les chiffres de l'année qui a précédé, qu'on peut prévoir ce qui doit arriver dans l'année qui va suivre.’ *Quetelet, Statistique Morale*, 1848, p. 35; see also p. 40.

[28] О причинах самоубийств см. *Физиологические особенности Бурдаха*, т. v., стр. 476-478; и *Климат Форри и его эндемические влияния*, стр. 329. Последние исследования М. Каспера подтверждают утверждение более ранних статистиков о том, что самоубийства чаще встречаются среди протестантов, чем среди католиков. *Casper, Denkwürdigkeiten zur medicinischen Statistik*, Berlin, 1846, p. 139.

[29] Смотрите таблицы в журнале *Assurance*, № iv. стр. 309, № v. стр. 34, № viii. стр. 350. Это единственные опубликованные пока полные отчеты о лондонских самоубийствах подряд; те, что были опубликованы полицией, несовершенно. *Журнал Assurance*, № v. стр. 53. Из запросов, сделанных для меня в Главном регистрационном управлении в январе 1856 года, я узнал, что было намерение заполнить ежегодные декларации, но я не знаю, было ли это сделано с тех пор.

[30] 'L'expérience démontre en effet, avec toute l'évidence possible, cette opinion, qui pourra sembler paradoxale au premier abord, que c'est la société qui prépare le crime, et que le coupable n'est que l'instrument qui l'exécute.' *Quetelet sur l'Homme*, vol. ii. p. 325.

[31] Диагональ всегда дает равнодействующую, когда каждая сторона представляет силу; и если мы рассматриваем равнодействующую как составную силу, сравнение диагоналей становится сравнением составных частей.

[32] Закон природы, являющийся всего лишь обобщением отношений и не имеющий существования, кроме как в уме, по существу неосязаем; и поэтому, каким бы малым ни был закон, он никогда не может допускать исключений, хотя его действие может допускать бесчисленные исключения. Следовательно, как справедливо говорит Дугалд Стюарт (*Философия разума*, том ii, стр. 211), мы можем ссылаться на законы природы только 'с помощью своего рода фигуры или метафоры'. Это постоянно упускается из виду даже известными авторами; некоторые из которых говорят о законах так, как если бы они были причинами и, следовательно, могли быть нарушены более серьезными причинами; в то время как другие авторы объявляют их 'уполномоченными органами' от Божества. Сравните *Бриджуотерский трактат Праута*, стр. 318, 435, 495; *Закон народонаселения Сэдлера*, том ii, стр. 67; *Физиологию Бурдаха*, том i, стр. 160. Г-н Пэдджет в своей талантливой работе "*Лекции по патологии*", том i, стр. 481, том ii, стр. 542 с гораздо большей точностью называет такие случаи "очевидными исключениями" из законов; но было бы лучше сказать "исключениями из действия законов". 'Контекст ясно доказывает, что мистер Пейджет отчетливо понимает разницу; но небольшое изменение такого рода предотвратило бы путаницу в умах обычных читателей.

[33] Г-н Роусон в своем *исследовании статистики преступности в Англии и Уэльсе* (опубликовано в *Журнале Статистического общества*, т. ii. стр. 316-344) говорит, стр. 327: "Нельзя привести большего доказательства возможности получения определенных констант в отношении преступности, чем тот факт, который представлен в следующей таблице, что наибольшее изменение, имевшее место за последние три года, в доле преступников любого класса в тот же период жизни не превышало половины процента". См. также *Отчет Британской ассоциации за 1839 год, раздел*, стр. 118. Indeed, all writers who have examined the evidence are forced to admit this regularity, however they may wish to explain it. M. Dufau (*Traité de Statistique*, p. 144) says, 'Les faits de l'ordre moral sont, aussi bien que ceux de l'ordre naturel, le produit de causes constantes et régulières,' &c.; and at p. 367, 'C'est ainsi que le monde moral se présente à nous, de ce point de vue, comme offrant, de même que le monde physique, un ensemble

continu d'effets dus à des causes constantes et régulières, dont il appartient surtout à la statistique de constater l'action.' См. с той же целью *Моро-Кристофа из тюрем Франции*, Париж, 1838, стр. 53, 189.

[34] 'Любопытно наблюдать, насколько тесная связь существует между ценами на продукты питания и количеством браков'. ... 'Связь, существующая между ценами на продукты питания и количеством браков, не ограничивается нашей собственной страной; и не исключено, что, будь у нас средства установления фактов, мы увидели бы аналогичный результат в каждом цивилизованном сообществе. У нас есть необходимые документы из Франции, и они полностью подтверждают высказанную точку зрения.' *"Прогресс нации" Портера*, том ii. стр. 244, 245, Лондон, 1838.

[35] 'Доходность от брака в 1850 и 1851 годах демонстрирует превышение, которое с 1750 года неизменно наблюдается, когда значительный заработок людей выше среднего'. *Журнал статистического общества*, том xv. стр. 185.

[36] Смотрите *"Физическую географию" Сомервилла*, том ii. стр. 409-411, которая, по словам этого талантливого автора, доказывает, что "забывчивость, так же как и свобода воли, подчиняются постоянным законам". Но при этом слово "свободная воля" используется в смысле, отличном от того, который обычно используется.

[37] Ахенволл, живший в середине восемнадцатого века, обычно считается первым автором-систематиком статистических данных и, как говорят, дал им нынешнее название. См. *Льюиса, Методы наблюдения и рассуждения в политике*, 1852, т. i. с. 72; *Биографию вселенной*, т. i. с. 140; *Дюфау, Статистические данные*, стр. 9, 10. Еще в 1800 году епископ Лландаффский писал сэру Джону Синклеру: "Я должен думать, что королевство в большом долгу перед вами за распространение знаний (статистики), совершенно новых в этой стране, хотя и не новых в других частях Европы". *Переписка Синклера*, том i, стр. 230. Синклер, несмотря на свою трудолюбивость, был человеком скудных способностей и совершенно не понимал реальной важности статистики, к которой, на самом деле, он относился сугубо с практической точки зрения. С тех пор статистика широко применялась в медицине, а еще совсем недавно, и в меньших масштабах, в филологии и юриспруденции. Compare *Bouillaud, Philosophie Médicale*, pp. 96, 186; *Renouard, Hist. de la Medecine*, том ii. стр. 474, 475; *Эскироль, Душевные болезни*, том ii. стр. 665-667; *Медицинские заметки Холланда*, стр. 5, 472; *Патологическая анатомия Фогеля*, стр. 15-17; *Патология Саймона*, стр. 180; *Филлипс о золотухе*, стр. 70, 118 и др.; *Физическая история Причарда. о человечестве*, том iv. стр. 414; *Эшбах, Этюд о праве*, стр. 392-394.

ГЛАВА II.

ВЛИЯНИЕ, ОКАЗЫВАЕМОЕ ФИЗИЧЕСКИМИ ЗАКОНАМИ НА ОРГАНИЗАЦИЮ ОБЩЕСТВА И НА ХАРАКТЕР ОТДЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ.

Если мы исследуем, каковы те физические факторы, которые оказывают наиболее сильное влияние на человеческий род, мы обнаружим, что их можно разделить на четыре группы, а именно: климат, Пища, почва и Общий вид природы; под последним я подразумеваю те явления, которые, хотя и представляются главным образом зрению, через посредство тех или

иных органов чувств направляют ассоциацию идей и, следовательно, в разных странах породили различные привычки национального мышления. К одному из этих четырех классов можно отнести все внешние явления, которые постоянно воздействовали на Человека. Последний из этих классов, или то, что я называю Общим Аспектом Природы, дает свои главные результаты, возбуждая воображение и наводя на мысль о тех бесчисленных суевериях, которые являются большими препятствиями на пути продвижения знания. И поскольку в младенчестве народа сила таких суеверий огромна, случилось так, что различные Аспекты Природы вызвали соответствующее разнообразие в народном характере и придали национальной религии особенности, которые при определенных обстоятельствах невозможно стереть. Остальные три фактора, а именно Климат, Пища и Почва, насколько нам известно, не оказывали прямого влияния такого рода; но они, как я собираюсь доказать, вызвали наиболее важные последствия в отношении общей организации общества, и из них вытекли многие из тех больших и бросающихся в глаза различий между нациями, которые часто приписывают некоторым фундаментальным различиям в различных расах, на которые разделено человечество. Но хотя такие изначальные расовые различия в целом гипотетичны, [38] расхождения, вызванные различиями климата, пищи и почвы, поддаются удовлетворительному объяснению, и, когда их поймут, будет обнаружено, что они устраняют многие трудности, которые все еще затрудняют изучение истории. Поэтому я намереваюсь, в первую очередь, изучить законы этих трех обширных факторов в той мере, в какой они связаны с человеком в его социальном состоянии; и, проследив действие этих законов со всей точностью, какую позволяет современное состояние физических знаний, я затем рассмотрю оставшийся фактор, а именно Общий аспект Природы, и попытаюсь указать на наиболее важные расхождения, к которым естественным образом привели его вариации в разных странах.

Итак, начиная с климата, пищи и почвы, очевидно, что эти три физические силы в немалой степени зависят друг от друга: иными словами, существует очень тесная связь между климатом страны и продуктами питания, которые обычно выращиваются в этой стране; в то же время на саму пищу влияет почва, которая ее производит, а также возвышенность или впадина местности, состояние атмосферы и, одним словом, все те условия, совокупность которых называется Физической географией в самом широком смысле этого слова. , обычно задается. [39]

Поскольку связь между этими физическими агентами, таким образом, тесна, представляется целесообразным рассматривать их не отдельно друг от друга, а, скорее, отдельно от эффектов, производимых их совместным действием. Таким образом, мы сразу придем к более всеобъемлющему взгляду на весь вопрос; мы избежим путаницы, которая была бы вызвана искусственным разделением явлений, которые сами по себе неразделимы; и мы сможем более ясно увидеть масштабы того замечательного влияния, которое на ранней стадии развития общества силы Природы оказывают на судьбу человека.

Из всех результатов, к которым приводят у людей их климат, пища и почва, накопление богатства является самым ранним и во многих отношениях наиболее важным. Ибо, хотя прогресс знания в конечном счете ускоряет увеличение богатства, тем не менее несомненно, что при первой формации общества богатство должно накопиться, прежде чем может начаться познание. До тех пор, пока каждый человек будет занят сбором материалов, необходимых для его собственного существования, не будет ни досуга, ни вкуса к высшим занятиям; никакая наука не может быть создана, и максимум, чего можно добиться, будет попытка сэкономить труд

за счет изобретения таких грубых и несовершенных инструментов, какие способны изобрести даже самые варварские люди.

При подобном состоянии общества накопление богатства - это первый великий шаг, который можно сделать, потому что без богатства не может быть досуга, а без досуга не может быть знаний. Если то, что потребляет народ, всегда в точности равно тому, чем он обладает, остатка не останется, и, следовательно, не будет накоплен капитал, не будет средств, с помощью которых можно было бы содержать безработные классы.[40] Но если продукции больше, чем потребления, возникает избыточный доход, который, согласно хорошо известным принципам, увеличивается сам по себе и в конечном итоге становится фондом, из которого, немедленно или дистанционно, получают поддержку все, кто не создает богатство, на которое он живет. И теперь существование интеллектуального класса впервые становится возможным, потому что впервые существует предыдущее накопление, посредством которого люди могут использовать то, чего они не производили, и, таким образом, получают возможность посвятить себя предметам, на которые в более ранний период давление их повседневных потребностей не оставило бы им времени.

Таким образом, из всех великих социальных улучшений накопление богатства должно быть первым, потому что без него не может быть ни вкуса, ни досуга для приобретения знаний, от которых, как я докажу ниже, зависит прогресс цивилизации. Теперь очевидно, что среди совершенно невежественных людей скорость, с которой создается богатство, будет регулироваться исключительно физическими особенностями их страны. В более поздний период, когда богатство будет капитализировано, в игру вступят другие причины; но пока этого не произошло, прогресс может зависеть только от двух обстоятельств: во-первых, от энергии и регулярности, с которыми выполняется труд, и, во-вторых, от отдачи, приносимой этим трудом щедростью природы. И эти две причины сами по себе являются результатом физических предпосылок. Отдача от труда определяется плодородием почвы, которое само по себе регулируется частично примесью ее химических компонентов, частично степенью орошения почвы за счет рек или по другим естественным причинам, а частично теплом и влажностью атмосферы. С другой стороны, энергия и регулярность, с которыми выполняется труд, будут полностью зависеть от влияния климата. Это проявится двумя различными способами. Первое, которое является очень очевидным соображением, заключается в том, что при сильной жаре люди будут нездоровы и в некоторой степени непригодны к тому активному труду, которым в более мягком климате они могли бы охотно заниматься. Другое соображение, которое было менее замечено, но не менее важно, заключается в том, что климат влияет на труд не только тем, что ослабляет работника или придает ему сил, но и тем, какое влияние он оказывает на регулярность его привычек.[41] Таким образом, мы обнаруживаем, что ни один народ, живущий в очень северных широтах, никогда не обладал тем устойчивым и непоколебимым трудолюбием, которым отличаются жители регионов с умеренным климатом. Причина этого становится ясной, если вспомнить, что в более северных странах суровая погода и, в некоторые сезоны, недостаток света делают невозможным продолжение людьми своих обычных занятий на свежем воздухе. Результатом является то, что рабочие классы, вынужденные прекратить свои обычные занятия, становятся более склонными к беспорядочным привычкам; цепь их труда как бы разорвана, и они теряют тот импульс, который всегда дает длительная и непрерывная практика. Отсюда возникает национальный характер, более переменчивый и капризный, чем тот, которым обладает народ, климат которого позволяет регулярно заниматься своим обычным трудом. Действительно, этот принцип настолько силен, что мы можем ощутить

его действие даже при самых противоположных обстоятельствах. Трудно было бы представить себе большую разницу в правительстве, законах, религии и нравах, чем та, которая отличает Швецию и Норвегию, с одной стороны, от Испании и Португалии - с другой. Но у этих четырех стран есть одна важная общая черта. Во всех них продолжение сельскохозяйственного производства практически невозможно. В двух южных странах работа прерывается из-за жары, сухости погоды и, как следствие, состояния почвы. В двух северных странах такой же эффект производят суровость зимы и короткость дней. Следствием этого является то, что эти четыре нации, хотя и столь разные в других отношениях, все отличаются определенной нестабильностью и непостоянством характера, представляя разительный контраст с более правильными и устоявшимися привычками, которые установились в странах, климат которых меньше отвлекает рабочий класс и налагает на него необходимость более постоянной и неослабевающей работы.[42]

Таковы великие физические причины, которыми управляется создание богатства. Несомненно, существуют и другие обстоятельства, которые действуют со значительной силой и которые на более развитом уровне развития общества обладают равным, а иногда и превосходящим влиянием. Но это относится к более позднему периоду; и, рассматривая историю богатства на ее ранней стадии, можно обнаружить, что оно полностью зависит от почвы и климата: почва регулирует отдачу от любого данного количества труда; климат регулирует энергию и постоянство самого труда. Требуется лишь беглый взгляд на события прошлого, чтобы доказать огромную силу этих двух великих физических состояний. Ибо в истории нет ни одного примера, чтобы какая-либо страна была цивилизована своими собственными усилиями, если только она не обладала одним из этих условий в очень благоприятной форме. В Азии цивилизация всегда была ограничена этим обширным пространством, где богатая аллювиальная почва обеспечила человеку то богатство, без некоторой доли которого не может начаться никакой интеллектуальный прогресс. Этот обширный регион простирается, с небольшими перерывами, от востока Южного Китая до западных берегов Малой Азии, Финикии и Палестины. К северу от этого необъятного пояса тянется длинная полоса бесплодной местности, которая неизменно была заселена грубыми и кочующими племенами, которые жили в бедности из-за негениальной природы почвы и которые, пока они оставались на ней, так и не вышли из своего нецивилизованного состояния. Насколько всецело это зависит от физических причин, видно из того факта, что те же самые монгольские и татарские орды в разные периоды основывали великие монархии в Китае, Индии и Персии и во всех подобных случаях достигали цивилизации, ничуть не уступающей той, которой обладало самое процветающее из древних царств. Ибо на плодородных равнинах Южной Азии,[43] природа снабдила эти варварские племена всеми богатствами; и именно там эти варварские племена впервые приобрели некоторую степень утонченности, создали национальную литературу и организовали национальное государственное устройство; ничего из этого они на своей родной земле не смогли осуществить.[44] Точно так же арабы в своей собственной стране, из-за крайней засушливости их почвы,[45] всегда были грубым и некультурным народом; ибо в их случае, как и во всех других, великое невежество является плодом великой бедности. Но в седьмом веке они завоевали Персию;[46] в восьмом веке они завоевали лучшую часть Испании;[47] в девятом веке они завоевали Пенджаб и, в конечном итоге, почти всю Испанию. вся Индия.[48] Едва они обосновались в своих новых поселениях, как их характер, казалось, претерпел большие изменения. Они, которые на своей исконной земле были немногим более чем кочующими дикарями, теперь впервые смогли накопить богатство и, следовательно, впервые добились

некоторого прогресса в искусстве цивилизации. В Аравии они были всего лишь расой бродячих пастухов;[49] в своих новых обителях они стали основателями могущественных империй — они построили города, обеспечили школы, собрали библиотеки; и следы их могущества до сих пор можно увидеть в Кордове, Багдаде и Дели.[50] Точно таким же образом к Аравии примыкает на севере и отделена от нее в других местах только узкими водами Красного моря огромная песчаная равнина, которая, покрывая всю Африку на той же широте, простирается на запад, пока не достигает берегов Атлантики.[51] Этот огромный трактат, как и Аравия, является бесплодной пустошью;[52] и поэтому, как и в Аравии, жители всегда были совершенно нецивилизованными, они не приобретают никаких знаний просто потому, что не накопили никакого богатства.[53] Но эта великая пустыня в своей восточной части орошается водами Нила, разлив которых покрывает песок богатыми наносными отложениями, приносящими труду самую обильную и, по сути, самую экстраординарную прибыль.[54] Следствием этого является то, что в этом месте быстро накапливалось богатство, быстро развивались знания, и эта узкая полоска земли[55] стал центром египетской цивилизации; цивилизация которой, хотя и сильно преувеличен,[56] составляет разительный контраст с варварством других народов Африки, ни один из которых не смог добиться собственного прогресса или в какой-либо степени выйти из невежества, на которое их обрекла скудость природы.

Эти соображения ясно доказывают, что из двух первичных причин цивилизации плодородие почвы в древнем мире оказывало наибольшее влияние. Но в европейской цивилизации другая великая причина, а именно климат, была самой могущественной; и это, как мы видели, оказывает влияние частично на способность работника к труду, частично на регулярность или нерегулярность его привычек. Разница в результате странным образом совпала с разницей в причине. Ибо, хотя всякой цивилизации должно предшествовать накопление богатства, все же то, что произойдет впоследствии, будет в немалой степени определяться условиями, при которых происходило накопление. В Азии и Африке условием была плодородная почва, приносящая обильный доход; в Европе это был более благоприятный климат, способствующий более успешному труду. В первом случае эффект зависит от соотношения между почвой и ее продуктами; другими словами, это простое воздействие одной части внешней природы на другую. В последнем случае эффект зависит от отношения между климатом и работником, то есть от воздействия внешней природы не на саму себя, а на человека. Из этих двух классов отношений первый, будучи менее сложным, менее подвержен нарушениям и, следовательно, быстрее вступил в игру. Следовательно, на пути развития цивилизации приоритет, несомненно, принадлежит наиболее плодородным районам Азии и Африки. Но хотя их цивилизация была самой ранней, на самом деле она была очень далека от того, чтобы быть лучшей или наиболее постоянной. В силу обстоятельств, которые я сейчас изложу, единственный прогресс, который действительно эффективен, зависит не от щедрот природы, а от энергии человека. Следовательно, цивилизация Европы, которая на своей самой ранней стадии управлялась климатом, продемонстрировала способность к развитию, неизвестную тем цивилизациям, которые были порождены почвой. Ибо силы природы, несмотря на их кажущуюся величину, ограничены и неподвижны; во всяком случае, у нас нет ни малейшего доказательства того, что они когда-либо увеличивались или что они когда-либо смогут увеличиться. Но силы человека, насколько нам могут подсказать опыт и аналогия, безграничны; и мы не располагаем никакими доказательствами, которые позволили бы нам установить хотя бы воображаемую границу, на которой человеческий интеллект с необходимостью остановится. И поскольку эта способность ума увеличивать свои собственные ресурсы является особенностью, присущей только

человеку, и в высшей степени отличает его от того, что обычно называется внешней природой, становится очевидным, что влияние климата, которое дает ему богатство, стимулируя его труд, более благоприятно для его конечного прогресса, чем влияние почвы, которая также дает ему богатство, но которая делает это не за счет возбуждения его энергии, а в силу простого физического соотношения между характером почвы и количеством или ценностью продукта, который она дает почти спонтанно.

Что касается различных способов, которыми климат и почва влияют на создание богатства. Но другой момент, не менее важный, а возможно, и более высокий, остается позади. После того как богатство создано, возникает вопрос о том, как оно должно быть распределено, то есть какая доля должна достаться высшим классам, а какая - низшим. На развитой стадии развития общества это зависит от нескольких обстоятельств огромной сложности, которые здесь нет необходимости рассматривать.^[57] Но на очень ранней стадии развития общества и до того, как начнутся его более поздние и утонченные осложнения, я думаю, можно доказать, что распределение богатства, как и его создание, полностью регулируется физическими законами; и что эти законы, более того, настолько активны, что неизменно удерживают подавляющее большинство жителей самой справедливой части земного шара в состоянии постоянного и неизбывная бедность. Если это можно продемонстрировать, то становится очевидной огромная важность таких законов. Поскольку богатство является несомненным источником власти, очевидно, что при прочих равных условиях исследование распределения богатства является исследованием распределения власти и, как таковое, прольет яркий свет на происхождение тех социальных и политических неравенств, действие и противодействие которым составляют значительную часть истории каждой цивилизованной страны.

Если мы возьмем общий взгляд на этот предмет, то можем сказать, что после того, как создание и накопление богатства однажды справедливо начнется, оно будет распределено между двумя классами, теми, кто трудится, и теми, кто не трудится; последние, как класс, более способные, первые - более многочисленные. Фонд, за счет которого поддерживаются оба класса, немедленно создается низшим классом, чья физическая энергия направляется, комбинируется и как бы экономится благодаря превосходному мастерству высшего класса. Вознаграждение рабочих называется их заработной платой; вознаграждение изобретателей называется их прибылью. В более поздний период возникнет то, что можно назвать классом сбережений; то есть группа людей, которые не изобретают и не работают, а ссужают свои накопления тем, кто изобретает, и в обмен на ссуду получают часть того вознаграждения, которое принадлежит классу изобретателей. В этом случае члены сберегательного класса получают вознаграждение за свое воздержание от траты своих накоплений, и это вознаграждение называется процентами с их денег; таким образом, происходит тройное разделение — проценты, Прибыль и заработная плата. Но это последующее устройство, которое может иметь место в какой-либо степени только тогда, когда богатство значительно накоплено; и на стадии общества, которую мы сейчас рассматриваем, вряд ли можно сказать, что этот третий, или сберегающий класс, существует отдельно.^[58] Следовательно, для нашей настоящей цели достаточно выяснить, каковы те естественные законы, которые, как только богатство накапливается, регулируют пропорцию, в которой оно распределяется между двумя классами рабочих и работодателей.

Итак, очевидно, что заработная плата, поскольку она является ценой, уплачиваемой за труд, должна, подобно цене всех других товаров, изменяться в соответствии с изменениями на рынке. Если предложение рабочей силы превысит спрос, заработная плата упадет; если спрос

превысит предложение, она вырастет. Предположим, следовательно, что в какой-либо стране существует определенное количество богатства, подлежащее разделу между работодателями и рабочими, то каждое увеличение числа рабочих будет иметь тенденцию к уменьшению среднего вознаграждения, которое каждый может получить. И если мы оставим в стороне те тревожные причины, которые влияют на все общие взгляды, то обнаружим, что в долгосрочной перспективе вопрос заработной платы - это вопрос численности населения; ибо, хотя общая сумма фактически выплачиваемой заработной платы зависит от величины фонда, из которого она берется, все же размер заработной платы, получаемой каждым работником, должен уменьшаться по мере увеличения числа претендентов, если только в силу других обстоятельств сам фонд не увеличится настолько, чтобы соответствовать более высоким требованиям, предъявляемым к нему.[59]

Узнать обстоятельства, наиболее благоприятные для увеличения того, что можно назвать фондом заработной платы, - вопрос первостепенной важности, но это тот вопрос, которым мы не занимаемся непосредственно. Вопрос, стоящий сейчас перед нами, касается не накопления богатства, а его распределения; и цель состоит в том, чтобы выяснить, каковы те физические условия, которые, поощряя быстрый рост населения, перенасыщают рынок труда и, таким образом, удерживают средний уровень заработной платы на очень низком уровне.

Из всех физических факторов, влияющих на увеличение численности трудящихся классов, пища является наиболее активным и универсальным. Если две страны, равные во всех других отношениях, различаются только тем, что в одной национальная пища дешева и обильна, а в другой скудна и дорога, то население первой страны неизбежно будет увеличиваться быстрее, чем население последней.[60] И, исходя из паритета рассуждений, средний уровень заработной платы в первом случае будет ниже, чем во втором, просто потому, что рынок труда будет более насыщенным.[61] Следовательно, для нашей настоящей цели исследование физических законов, от которых зависит питание в различных странах, имеет величайшее значение; и, к счастью, именно в отношении них мы можем, при нынешнем состоянии химии и физиологии, прийти к некоторым точным и определенному заключению.

Пища, потребляемая человеком, производит два, и только два, эффекта, необходимых для его существования. Они заключаются, во-первых, в том, чтобы снабжать его тем животным теплом, без которого жизнедеятельность прекратилась бы; и, во-вторых, в восстановлении отходов, постоянно происходящих в его тканях, то есть в механизме его организма. Для каждой из этих отдельных целей существует отдельное питание. Температура нашего тела поддерживается веществами, которые не содержат азота и называются неазотированными; непрерывный распад в нашем организме восстанавливается так называемыми азотированными веществами, в которых азот всегда присутствует.[62] В первом случае углерод из неазотированной пищи соединяется с кислородом, который мы потребляем, и приводит к внутреннему сгоранию, за счет которого возобновляется наше животное тепло. В последнем случае азот имеет небольшое сродство к кислороду,[63] азотистая или азотизированная пища как бы защищена от горения;[64] и будучи таким образом сохраненным, способен выполнять свою обязанность по восстановлению тканей и восполнению тех потерь, которые человеческий организм постоянно терпит в процессе износа в повседневной жизни.

Это два основных вида продуктов питания;[65] и если мы исследуем законы, которые регулируют отношение, которое они имеют к человеку, мы обнаружим, что в каждом виде

наиболее важным фактором является климат. Когда люди живут в жаркой стране, их животный жар легче поддерживать, чем когда они живут в холодной; поэтому им требуется меньшее количество этой неазотированной пищи, единственной задачей которой является поддержание на определенном уровне температуры тела. Точно так же в жаркой стране им требуется меньшее количество азотированной пищи, потому что в целом их физические нагрузки менее часты, и по этой причине распад их тканей происходит менее быстро.[66]

Следовательно, поскольку жители жаркого климата в своем естественном и обычном состоянии потребляют меньше пищи, чем жители холодных стран, из этого неизбежно следует, что при прочих равных условиях рост населения будет более быстрым в странах с жарким климатом, чем в странах с холодным. Для практических целей несущественно, возникает ли большее количество вещества, которым питаются люди, за счет большего запаса или же оно возникает за счет меньшего потребления. Когда люди едят меньше, результат будет точно таким же, как если бы они ели больше; потому что то же количество пищи будет расходоваться дальше, и, таким образом, население получит возможность увеличиваться быстрее, чем это могло бы произойти в более холодной стране, где, даже если бы провизии было в таком же изобилии, они из-за климата истощились бы быстрее.

Это первая точка зрения, согласно которой законы климата через продукты питания связаны с законами народонаселения и, следовательно, с законами распределения богатства. Но есть и другая точка зрения, которая следует тому же направлению мысли и, как будет установлено, усиливает только что изложенный аргумент. Это означает, что в холодных странах люди не только вынуждены есть больше, чем в жарких, но их пища дороже, то есть добывать ее труднее и требует больших затрат труда. Причину этого я изложу как можно короче, не вдаваясь в какие-либо подробности, кроме тех, которые абсолютно необходимы для правильного понимания этого интересного предмета.

Целей у пищи, как мы видели, всего две: а именно, поддерживать тепло тела и восстанавливать отходы в тканях.[67] На первый из этих двух факторов влияет кислород воздуха, поступающий в наши легкие и, проходя по организму, соединяющийся с углеродом, который мы получаем с пищей.[68] Такое сочетание кислорода и углерода никогда не может происходить без выделения значительного количества тепла, и именно таким образом организм человека поддерживается при необходимой температуре.[69] В силу известного химикам закона углерод и кислород, как и все другие элементы, соединяются только в определенных пропорциях:[70] для поддержания здорового баланса необходимо, чтобы пища, содержащая углерод, должна варьироваться в зависимости от количества принимаемого кислорода: в то же время нам одинаково необходимо увеличивать количество обоих этих компонентов всякий раз, когда сильный внешний холод снижает температуру тела. Теперь очевидно, что в очень холодном климате необходимость обеспечения более высокоуглеродистой пищей возникнет двумя различными способами. Во-первых, поскольку воздух более плотный, люди поглощают при каждом вдохе больший объем кислорода, чем они делали бы в климате, где воздух разрежен из-за жары.[71] Во-вторых, холод ускоряет их дыхание и, таким образом, вынуждает их вдыхать чаще, чем жителей жарких стран, увеличивает количество кислорода, которое они в среднем потребляют.[72] По обоим этим причинам потребление кислорода становится больше: следовательно, необходимо, чтобы потребление углерода также было больше; поскольку только за счет соединения этих двух элементов в определенных пропорциях могут поддерживаться температура тела и баланс человеческого организма.[73]

Исходя из этих химических и физиологических принципов, мы приходим к выводу, что чем холоднее страна, в которой живут люди, тем более обугленной будет их пища. И это, являющееся чисто научным выводом, было подтверждено реальным экспериментом. Обитатели полярных областей потребляют большое количество китового жира и ворвани; в то время как в тропиках такая пища вскоре положила бы конец жизни, и поэтому обычный рацион почти полностью состоит из фруктов, риса и других овощей. Теперь путем тщательного анализа установлено, что в полярной пище имеется избыток углерода; в тропической пище - избыток кислорода. Не вдаваясь в подробности, которые большинству читателей были бы неприятны, в целом можно сказать, что масла содержат примерно в шесть раз больше углерода, чем фрукты, и что в них очень мало кислорода;[74] в то время как крахмал, который является наиболее универсальным и, с точки зрения питания, наиболее важным компонентом в растительном мире,[75] почти наполовину состоит из кислорода.[76]

Связь между этим обстоятельством и рассматриваемой нами темой в высшей степени любопытна: ибо это самый замечательный факт, на который я хотел бы обратить особое внимание, что в силу какого-то более общего закона, о котором мы не знаем, высокоуглеродистая пища обходится дороже, чем пища, в которой содержится сравнительно мало углерода. Плоды земли, наиболее активным элементом которых является кислород, очень обильны; их можно добыть без опасности и почти без хлопот. Но эта сильно карбонизированная пища, которая в очень холодном климате абсолютно необходима для жизни, не производится столь легким и спонтанным образом. Он не выбрасывается почвой, как овощи; но он состоит из жира, ворвани и масла[77] мощных и свирепых животных. Чтобы добыть его, человек должен пойти на большой риск и затратить большой труд. И хотя это, несомненно, противоположность крайним случаям, все же очевидно, что чем ближе люди подходят к той или иной крайности, тем более подверженными они будут условиям, которыми управляется эта крайность. Очевидно, что, как правило, чем холоднее в стране, тем больше в ее пище будет карбонизации; чем теплее, тем больше в ней будет окисления.[78] В то же время карбонизированную пищу, получаемую в основном из животного мира, получить сложнее, чем окисленную пищу, получаемую из растительного мира.[79] Результатом стало то, что среди народов, где холодный климат делает необходимым высокоуглеродистое питание, по большей части проявляются, даже в зачаточном состоянии общества, более смелый и предприимчивый характер, чем мы находим среди тех других народов, обычная пища которых, будучи высокоокисленной, легко добывается и действительно поставляется им щедротами природы, т.е. безвозмездно и без борьбы.[80] Из этого первоначального расхождения вытекают многие другие следствия, которые, однако, я сейчас не собираюсь проследживать; моя нынешняя цель состоит лишь в том, чтобы указать, как это различие в пище влияет на пропорцию, в которой богатство распределяется между различными классами.

Способ, которым эта пропорция фактически изменяется, я надеюсь, был прояснен предыдущим аргументом; но, возможно, будет полезно резюмировать факты, на которых основан этот аргумент. Факты, таким образом, просто таковы. Уровень заработной платы колеблется в зависимости от численности населения; увеличивается, когда рынок труда недостаточно обеспечен, и уменьшается, когда он перенасыщен. Само население, хотя и подвержено влиянию многих других обстоятельств, несомненно, колеблется в зависимости от наличия продовольствия; оно растет, когда запасов много, останавливается или отстывает, когда запасы скудны. В холодных странах продовольствия, необходимого для жизни, меньше, чем в жарких; и не только его меньше, но и требуется его больше;[81] так что по обоим причинам росту

населения, из рядов которого формируется рынок труда, уделяется меньшее внимание. Таким образом, чтобы выразить вывод в его простейшей форме, мы можем сказать, что в жарких странах существует сильная и постоянная тенденция к низкой заработной плате, а в холодных - к высокой.

Применив теперь этот великий принцип к общему ходу истории, мы найдем доказательства его точности во всех направлениях. Действительно, нет ни единого примера обратного. В Азии, Африке и Америке все древние цивилизации располагались в жарком климате; и во всех них уровень заработной платы был очень низким, и поэтому положение трудящихся классов было очень подавленным. В Европе впервые цивилизация возникла в более холодном климате: следовательно, вознаграждение за труд было увеличено, а распределение богатства стало более равномерным, чем это было возможно в странах, где чрезмерное изобилие продуктов питания стимулировало рост населения. Это различие привело, как мы сейчас увидим, ко многим социальным и политическим последствиям огромной важности. Но прежде чем обсуждать их, можно отметить, что единственным очевидным исключением из того, что было указано, является то, которое поразительно подтверждает общий закон. Есть один пример, и только один, великого европейского народа, у которого была очень дешевая национальная еда. Вряд ли нужно говорить, что этот народ - ирландцы. В Ирландии трудящиеся классы на протяжении более двухсот лет питались главным образом картофелем, который был завезен в их страну в конце шестнадцатого или начале семнадцатого века.^[82] Особенностью картофеля является то, что до появления поздней болезни он был и, возможно, остается дешевле любого другого продукта питания, столь же полезного. Если мы сравним его репродуктивную способность с количеством содержащихся в нем питательных веществ, то обнаружим, что один акр среднестатистической земли, засеянной картофелем, прокормит вдвое больше людей, чем такое же количество земли, засеянной пшеницей.^[83] Следствием этого является то, что в стране, где мужчины питаются картофелем, население при прочих равных условиях будет увеличиваться в два раза быстрее, чем в стране, где они питаются пшеницей. И так оно и произошло на самом деле. Еще несколько лет назад, когда положение дел полностью изменилось из-за эпидемии и эмиграции, население Ирландии в круглых цифрах ежегодно увеличивалось на три процента; население Англии за тот же период увеличивалось на полтора процента.^[84] В результате в этих двух странах распределение богатства было совершенно разным. Даже в Англии рост населения происходит несколько слишком быстрыми темпами, а поскольку рынок труда перенасыщен, рабочим классам недостаточно оплачивается их труд.^[85] Но их состояние поражает роскошью по сравнению с тем, в котором всего несколько лет назад были вынуждены жить ирландцы. Нищета, в которую они были ввергнуты, без сомнения, всегда усугублялась невежеством их правителей и тем скандальным неправильным управлением, которое до самого недавнего времени составляло одно из самых темных пятен на славе Англии. Однако наиболее существенной причиной было то, что их заработная плата была настолько низкой, что лишала их не только удобств, но и общепринятых норм цивилизованной жизни; и это пагубное состояние было естественным результатом дешевой и обильной пищи, которая побуждала людей к столь быстрому росту, что рынок труда постоянно был переполнен.^[86] Это дошло до того, что умный наблюдатель, путешествовавший по Ирландии двадцать лет назад, упомянул, что в то время средняя заработная плата составляла четыре пенсы в день, и что даже на эти жалкие гроши не всегда можно было рассчитывать при постоянной работе.^[87]

Таковы последствия дешевых продуктов питания в стране, которая в целом обладает большими природными ресурсами, чем любая другая в Европе.^[88] И если мы исследуем в более широком масштабе социальное и экономическое состояние наций, мы увидим, что везде работает один и тот же принцип. Мы увидим, что при прочих равных условиях питание людей определяет увеличение их численности, а увеличение их численности определяет уровень их заработной платы. Более того, мы обнаружим, что при неизменно низкой заработной плате,^[89] распределение богатства, таким образом, очень неравномерно, распределение политической власти и социального влияния также будет очень неравномерным; другими словами, окажется, что нормальные и усредненные отношения между высшим и низшим классами будут по своему происхождению зависеть от тех особенностей природы, действие которых я пытался указать.^[90] После того, как мы соберем все эти вещи вместе, мы, я надеюсь, сможем с доселе неизвестной ясностью разглядеть тесную связь между физическим и моральным миром; законы, по которым эта связь регулируется; и причины, по которым так много древних цивилизаций достигли определенной стадии развития, а затем отпали, не в силах противостоять давлению природы или бросаясь в бой с теми внешними препятствиями, из-за которых их прогресс был фактически заторможен.

Если, в первую очередь, мы обратимся к Азии, то увидим замечательную иллюстрацию того, что можно назвать столкновением внутренних и внешних явлений. В силу уже изложенных обстоятельств азиатская цивилизация всегда была ограничена той богатой территорией, где только и можно было легко добыть богатство. Эта огромная зона включает в себя одни из самых плодородных частей земного шара; и из всех ее провинций Индостан, безусловно, является той, которая на протяжении самого длительного периода обладала величайшей цивилизацией.^[91] И поскольку материалов для формирования мнения в отношении Индии более много, чем материалов в отношении любой другой части Азии,^[92] Я намереваюсь выбрать ее в качестве примера и использовать для иллюстрации тех законов, которые, хотя и являются обобщенными, данные политической экономии, химии и физиологии могут быть проверены с помощью того более обширного обзора, средствами которого может воспользоваться только история.

В Индии сильная жара климата приводит в действие уже упомянутый закон, в силу которого обычная пища содержит кислород, а не углерод. Это, согласно другому закону, обязывает людей черпать свой обычный рацион питания не из животного, а из растительного мира, наиболее важным компонентом которого является крахмал. В то же время высокая температура, делающая людей неспособными к тяжелому труду, делает необходимой пищу, отдача от которой будет обильной и которая будет содержать много питательных веществ на сравнительно небольшом пространстве. Итак, здесь мы имеем некоторые характеристики, которые, если предыдущие взгляды верны, должны быть обнаружены в обычной пище индийских народов. Таковы все они. С самого раннего периода наиболее распространенной пищей в Индии был рис,^[93] который является самым питательным из всех *cerealia*;^[94] который содержит огромное количество крахмала;^[95] и который дает рабочему среднюю прибыль по меньшей мере в шестьдесят раз.^[96]

Таким образом, путем применения нескольких физических законов можно предвидеть, какой будет национальная кухня той или иной страны, и, следовательно, предвидеть длинную череду скрытых последствий. Что в данном случае не менее примечательно, так это то, что, хотя на юге полуострова рис используется не так часто, как раньше, его заменила не животная пища, а другое зерно, называемое раги.^[97] Оригинальный рис, однако, настолько соответствует

описанным мною обстоятельствам, что до сих пор остается самым распространенным продуктом питания почти во всех жарких странах Азии,[98] из которого в разное время он был завезен в другие части мира.[99]

Вследствие этих особенностей климата и питания в Индии возникло то неравномерное распределение богатства, которое мы должны ожидать найти в странах, где рынок труда всегда избыточен.[100] Если мы изучим самые ранние индийские летописи, которые сохранились — записи возрастом от двух до трех тысяч лет, — мы найдем свидетельства положения вещей, подобного тому, которое существует сейчас, и которое, мы можем на это положиться, существовало всегда, с тех пор, как некогда справедливо началось накопление капитала. Мы находим высшие классы чрезвычайно богатыми, а низшие - жалко бедными. Мы видим, что те, чьим трудом создается богатство, получают минимально возможную его долю; остальная часть поглощается высшими слоями общества в форме либо ренты, либо прибыли. А поскольку богатство является после интеллекта самым постоянным источником власти, естественно, что большое неравенство в богатстве сопровождалось соответствующим неравенством социальной и политической власти. Поэтому неудивительно, что с самого раннего периода, на который простираются наши знания об Индии, огромное большинство людей, страдающих от самой вопиющей бедности и просто перебивающихся с рук на руки, всегда оставались в состоянии тупого унижения, сломленные непрекращающимися несчастьями, пресмыкающиеся перед своими начальниками в униженной покорности и годные только на то, чтобы либо самим быть рабами, либо быть ведомыми на битву, чтобы сделать рабами других.[101]

Установить точную величину средней заработной платы в Индии за какой-либо длительный период невозможно; потому что, хотя сумма может быть выражена в деньгах, все же ценность денег, то есть их покупательная способность, подвержена неисчислимым колебаниям, возникающим в результате изменений издержек производства.[102] Но для нашей настоящей цели существует метод расследования, который приведет к результатам, гораздо более точным, чем могло бы быть любое утверждение, зависящее просто от сбора доказательств, касающихся самой заработной платы. Метод прост: поскольку богатство страны может быть разделено только на заработную плату, ренту, прибыль и проценты, и поскольку проценты в среднем являются точной мерой прибыли,[103] отсюда следует, что если у какого-либо народа и рента, и проценты высоки, заработная плата должна быть низкой.[104] Следовательно, если мы сможем установить текущий денежный процент и долю продукта почвы, которая поглощается рентой, мы получим совершенно точное представление о заработной плате; потому что заработная плата - это остаток, то есть то, что остается рабочим после выплаты ренты, прибыли и процентов.

Примечательно, что в Индии и проценты, и арендная плата всегда были очень высокими. В *Institutions of Menu*, которые были составлены около 900 г. до н.э.,[105] самый низкий законный процент на денежные средства установлен на уровне пятнадцати процентов, самый высокий - шестидесяти процентов.[106] Это также не следует рассматривать как простой древний закон, ныне вышедший из употребления. Несмотря на это, *Институты Мену* по-прежнему являются основой индийской юриспруденции;[107] и мы знаем из очень надежных источников, что в 1810 году проценты, выплачиваемые за пользование деньгами, варьировались от тридцати шести до шестидесяти процентов.[108]

Это касается одного из элементов нашего настоящего расчета. Что касается другого элемента, а именно арендной платы, то у нас есть информация, столь же точная и заслуживающая доверия. В Англии и Шотландии арендная плата, выплачиваемая земледельцем за пользование землей, исчисляется круглыми числами, в пересчете на одну ферму с другой, в размере четвертой части валового продукта.^[109] во Франции, средний показатель составляет около трети;^[110] , а в Соединенных Штатах Северной Америки это хорошо известно значительно меньше, и, действительно, в некоторых частях, чтобы быть лишь номинальной.^[111] Но в Индии законная арендная плата, то есть самая низкая ставка, признанная законом и обычаями страны, составляет половину урожая; и даже это жестокое регулирование не соблюдается строго, поскольку во многих случаях арендная плата повышается настолько высоко, что земледelec не только получает меньше половины урожая, но и получает так мало, что у него едва хватает средств на обеспечение семенами. чтобы засеять землю для следующего урожая.^[112]

Вывод, который следует сделать из этих фактов, очевиден. Поскольку рента и проценты всегда были очень высоки, а проценты варьировались, как и должно быть, в зависимости от нормы прибыли, очевидно, что заработная плата должна была быть очень низкой; поскольку в Индии существовало определенное количество богатства, подлежащее разделению на ренту, проценты, прибыль и заработную плату, ясно, что первые три могли быть увеличены только за счет четвертого; другими словами, это говорит о том, что вознаграждение рабочих было очень небольшим по сравнению с вознаграждением, получаемым высшими классами. И хотя это, будучи неизбежным выводом, не требует посторонней поддержки, можно упомянуть, что в наше время, чему единственному у нас есть прямые доказательства, заработная плата в Индии всегда была чрезмерно низкой, и люди были и остаются вынужденными работать за сумму, едва достаточную для удовлетворения жизненных потребностей.^[113]

Это было первое крупное последствие, вызванное в Индии дешевизной и избытком национальной еды.^[114] Но зло на этом ни в коем случае не остановилось. В Индии, как и в любой другой стране, бедность вызывает презрение, а богатство порождает власть. При прочих равных условиях для классов людей, как и для отдельных личностей, должно быть так: чем они богаче, тем большим влиянием они будут обладать. Следовательно, следовало ожидать, что неравномерное распределение богатства должно было вызвать неравное распределение власти; и поскольку в истории нет ни одного зарегистрированного примера, когда какой-либо класс обладал властью, не злоупотребляя ею, мы можем легко понять, как случилось, что народ Индии, обреченный на бедность физическими законами своего климата, впал в деградацию, из которой он так и не смог выбраться. Можно привести несколько примеров, чтобы скорее проиллюстрировать, чем доказать, принцип, который предыдущие аргументы, я полагаю, поставили за пределы возможности оспаривания.

Великой группе индийского народа дано имя шудры;^[115] и местные законы, касающиеся их, содержат несколько мельчайших и любопытных положений. Если представитель этого презируемого класса осмеливался занимать то же место, что и его начальство, его ждала либо ссылка, либо мучительное и позорное наказание.^[116] Если он говорил о них с презрением, его рот должен был быть сожжен;^[117] если он действительно оскорблял их, ему перерезали язык;^[118] если он приставал к брамину, он должен был быть предан смерти;^[119] если он сел на один ковер с брахманом, он должен был быть искалечен на всю жизнь;^[120] если, движимый желанием наставления, он даже слушал чтение священных книг, ему в уши должны были вливать горящее масло;^[121] если, однако, он запоминал их, он должен был быть убит;^[122] если

бы он был виновен в преступлении, наказание за него было бы большим, чем наказание, назначенное его начальству;^[123] но если бы он сам был убит, наказание было бы таким же, как за убийство собаки, кошки, или ворона.^[124] Если бы он выдал свою дочь замуж за брамина, никакое возмездие, которое могло быть осуществлено в этом мире, не было бы достаточным; поэтому было объявлено, что Брамин должен отправиться в ад за то, что подвергся осквернению от женщины, которая неизмеримо ниже его.^[125] Действительно, было приказано, чтобы одно только имя рабочего выражало презрение, чтобы можно было сразу узнать его надлежащее положение.^[126] И чтобы этого было недостаточно для поддержания подчинения общества, фактически был принят закон, запрещающий любому рабочему накапливать богатство;^[127] в другом пункте говорилось, что даже если его хозяин если бы ему дали свободу, он на самом деле все еще был бы рабом; "ибо, — говорит законодатель, - кто может лишить его естественного для него состояния?"^[128]

Кем, в самом деле, он мог быть лишен этого? Я не знаю, где была та сила, с помощью которой могло быть сотворено такое огромное чудо. Ибо в Индии рабство, жалкое, вечное рабство, было естественным состоянием огромной массы людей; это было состояние, на которое они были обречены физическими законами, которому совершенно невозможно было сопротивляться. Энергия этих законов, по правде говоря, настолько неодолима, что везде, где они вступали в игру, они держали производительные классы в постоянном подчинении. В истории нет ни одного случая, когда в какой-либо тропической стране, в которой были бы интенсивно накоплены богатства, люди избежали бы своей участи; нет ни одного случая, когда жаркий климат не привел бы к изобилию пищи, а изобилие пищи вызвало бы неравномерное распределение, сначала богатства, а затем политической и социальной власти. Среди наций, подвергшихся таким условиям, люди ничего не значили; у них не было права голоса в управлении государством, никакого контроля над богатством, созданным их собственной промышленностью. Их единственным занятием был труд; их единственной обязанностью было повиновение. Таким образом, у них выработались те привычки ручного и раболепного подчинения, которыми, как мы знаем из истории, они всегда отличались. Ибо несомненным фактом является то, что в их летописях нет ни одного примера того, чтобы они обратились против своих правителей, ни одной классовой войны, ни одного народного восстания, ни даже одного крупного народного заговора. В этих богатых и плодородных странах произошло много перемен, но все они шли сверху, а не снизу. Демократический элемент совершенно отсутствовал. Войн королей и династий было предостаточно. Были перевороты в правительстве, перевороты во дворце, перевороты на троне; но никаких революций среди народа;^[129] нет облегчения той тяжелой участи, которую им назначила природа, а не человек. И только после того, как в Европе возникла цивилизация, вступили в действие другие физические законы и, следовательно, были получены другие результаты. В Европе впервые наметился некоторый подход к равенству, некоторая тенденция исправить ту огромную диспропорцию богатства и власти, которая составляла существенную слабость величайшей из древнейших стран. Как естественное следствие, именно в Европе зародилось все, что достойно названия цивилизации; потому что только там предпринимались попытки сохранить равновесие ее относительных частей. Только там общество было организовано по схеме, на самом деле недостаточно масштабной, но все же достаточно широкой, чтобы включать в себя все различные классы, из которых оно состоит, и таким образом, оставляя место для прогресса каждого, обеспечивать постоянство и продвижение целого.

То, каким образом некоторые другие физические особенности, характерные для Европы, также ускорили прогресс Человека, уменьшив его суеверия, будет указано ближе к концу этой главы; но поскольку это потребует изучения некоторых законов, которые я еще не заметил, представляется целесообразным, в первую очередь, завершить исследование, стоящее перед нами; и поэтому я намереваюсь доказать, что линия аргументации, которая только что была применена к Индии, также применима к Египту, Мексике и Перу. Ибо, включив таким образом в единый обзор наиболее заметные цивилизации Азии, Африки и Америки, мы сможем увидеть, насколько приведенные выше принципы применимы к различным и отдаленным странам; и мы будем обладать доказательствами, достаточно полными, чтобы проверить точность тех великих законов, которые, как можно было бы предположить, я без такой предосторожности обобщил на основе скудных и несовершенных материалов.

Причины, по которым из всех африканских народов цивилизованными были только египтяне, уже были изложены, и было показано, что они зависят от тех физических особенностей, которые отличают их от окружающих стран и которые, облегчая приобретение богатства, не только снабжали их материальными ресурсами, которые иначе они никогда не смогли бы получить, но также обеспечивали их интеллектуальным классом досуг и возможность расширить границы знаний. Действительно, несмотря на эти преимущества, они не добились ничего существенного; но это было вызвано обстоятельствами, которые будут объяснены ниже; и, во всяком случае, следует признать, что они возвысились намного над всеми другими народами, населявшими Африку.

Поскольку цивилизация Египта, как и цивилизация Индии, была обусловлена плодородием почвы, а климат также был очень жарким, [130] в обеих странах действовали одни и те же законы; и, естественно, последовали одни и те же результаты. В обеих странах мы находим национальное продовольствие дешевым и обильным: отсюда перенасыщенность рынка труда; отсюда очень неравное разделение богатства и власти; и отсюда все последствия, к которым неизбежно приведет такое неравенство. Как эта система работала в Индии, я только что попытался рассмотреть; и хотя материалов для изучения прежнего состояния Египта гораздо меньше, они все же достаточно многочисленны, чтобы доказать поразительную аналогию между двумя цивилизациями и идентичность тех великих принципов, которые регулировали порядок их социального и политического развития.

Если мы исследуем наиболее важные обстоятельства, касавшиеся народа Древнего Египта, мы увидим, что они в точности соответствуют тем, которые были замечены в Индии. Ибо, во-первых, что касается их обычной пищи, то рис для самых плодородных частей Азии то же, что финики для Африки. Пальма встречается в каждой стране от Тигра до Атлантики; [131] и она ежедневно обеспечивает продовольствием миллионы людей в Аравии, [132] и почти во всей Африке к северу от экватора. [133] Во многих частях великой африканской пустыни это действительно неспособно плодоносить; но, естественно, это очень выносливое растение, и финики растут в таком изобилии, что к северу от Сахары их едят не только люди, но и домашние животные. [134] А в Египте, где пальма, как говорят, произрастает спонтанно, [135] финики, помимо того, что являются основным продуктом питания людей, настолько настолько многочисленны, что с очень раннего периода их обычно давали верблюдам, единственным вьючным животным, обычно используемым в этой стране. [136]

Из этих фактов очевидно, что, принимая Египет за высший тип африканской цивилизации, а Индию - за высший тип азиатской цивилизации, можно сказать, что финики для первой цивилизации то же, что рис для второй. Теперь можно заметить, что все наиболее важные физические свойства, обнаруженные в рисе, присущи также финикам. Что касается их химического состава, то хорошо известно, что главный принцип питания, который они содержат, одинаков у обоих; крахмал индийского овоща просто превращается в египетский сахар. Что касается законов климата, то их сходство столь же очевидно, поскольку финики, как и рис, произрастают в жарких странах и больше всего растут в тропиках или вблизи них.^[137] Что касается их роста и закономерностей их связи с почвой, аналогия также точна; ибо финики, так же как и рис, требуют небольшого труда и приносят обильную отдачу, в то время как они занимают настолько малое пространство земли по сравнению с теми продуктами питания, которые они дают, что на одном акре иногда сажают свыше двухсот пальм.^[138]

Таким образом, бросаются в глаза сходства, которые естественным образом проявляются в разных странах при одних и тех же физических условиях. В то же время в Египте, как и в Индии, достижению цивилизации предшествовало обладание очень плодородной почвой; так что, в то время как изобилие земли определяло скорость, с которой создавалось богатство, изобилие пищи регулировало пропорции, на которые делилось богатство. Самой плодородной частью Египта является Упомянутый;^[139] и именно там мы находим величайшее проявление мастерства и знаний, великолепные руины Фив, Карнака, Луксора, Дендеры и Эдфу.^[140] Также в Упомянутой, или, как ее часто называют, Фиваиде, используется пища, которая размножается даже быстрее, чем финики или рис. Это дурра, которая до недавнего времени была ограничена Верхним Египтом,^[141] и репродуктивная способность которой настолько замечательна, что она дает рабочему доход в двести сорок долларов за одного.^[142] В Нижнем Египте дхурра раньше была неизвестна; но, в дополнение к финикам, люди делали что-то вроде хлеба из лотоса, который самопроизвольно вырастал из богатой почвы Нила.^[143] Должно быть, это была очень дешевая и доступная пища, в то время как к ней добавлялось множество других растений, которыми в основном питались египтяне.^[144] Действительно, запасы были настолько неисчерпаемы, что во время мусульманского нашествия в одном городе Александрии было не менее четырех тысяч человек, занятых продажей овощей населению.^[145]

Это изобилие национальной кухни привело к череде событий, строго аналогичных тем, что имели место в Индии. В Африке в целом рост населения, хотя, с одной стороны, и стимулировался жарким климатом, с другой стороны, сдерживался бедностью почвы. Но на берегах Нила этого ограничения больше не существовало,^[146] и поэтому уже замеченные законы вступили в неконтролируемое действие. В силу этих законов египтяне не только довольствовались дешевой пищей, но и нуждались в ней в сравнительно небольших количествах; таким образом, путем двойного процесса увеличивался предел, до которого могла простирается их численность. В то же время представители низших слоев общества могли растить свое потомство с большей легкостью, потому что из-за высокой температуры удалось избежать другого значительного источника расходов; жара была такой, что даже у взрослых было мало необходимой одежды, в то время как дети рабочих классов были совершенно голыми; это составляло разительный контраст с теми более холодными странами, где для сохранения обычного здоровья необходим запас более теплой и дорогостоящей одежды. Диодор Сицилийский, путешествовавший по Египту девятнадцать веков назад, говорит, что вырастить ребенка до зрелого возраста стоило не более двадцати драхм, что едва ли составляет

тринадцать шиллингов английских денег; обстоятельство, которое он справедливо отмечает как причину густонаселенности страны.[147]

Чтобы сжать в одно предложение предыдущие замечания, можно сказать, что в Египте люди быстро размножались, потому что, в то время как почва увеличивала их запасы, климат уменьшал их потребности. В результате Египет был не только гораздо более густонаселенной страной, чем любая другая страна Африки, но, вероятно, и более населенной, чем любая другая в древнем мире. Наша информация по этому вопросу действительно несколько скудна, но она почерпнута из источников, пользующихся несомненным доверием. Геродот, который, чем больше его понимают, тем более точным он оказывается,[148] утверждает, что во времена правления Амасиса, как говорили, было двадцать тысяч населенных городов.[149] Возможно, это можно счесть преувеличением; но что весьма примечательно, так это то, что Диодор Сицилийский, путешествовавший по Египту через четыре столетия после Геродота и чья ревность к репутации своего великого предшественника заставляла его стремиться дискредитировать свои заявления,[150], тем не менее, подтверждает их в этом важном пункте. Ибо он не только отмечает, что Египет в то время был так же густонаселен, как любая из существующих стран, но и добавляет, опираясь на сохранившиеся тогда записи, что раньше он был самым густонаселенным в мире, насчитывая, по его словам, свыше восемнадцати тысяч городов.[151]

Это были единственные два древних писателя, которые, исходя из личных знаний, были хорошо знакомы с состоянием Египта;[152] и их свидетельства тем более ценны, что они, очевидно, были почерпнуты из разных источников; информация Геродота была собрана главным образом в Мемфисе, информация Диодора - в Фивах.[153] И какие бы расхождения ни были между этими двумя отчетами, они оба согласны в отношении быстрого увеличения численности людей и рабского состояния, в которое они попали. Действительно, сам вид этих огромных и дорогостоящих зданий, которые все еще стоят, является доказательством состояния нации, которая их возвела. Чтобы воздвигнуть такие грандиозные структуры,[154] и все же такая бесполезная,[155] со стороны правителей должна была быть тирания, а со стороны населения - рабстволюди. Никакое богатство, каким бы большим оно ни было, никакие расходы, какими бы щедрыми они ни были, не могли покрыть тех расходов, которые были бы понесены, если бы они были работой свободных людей, получавших за свой труд справедливое вознаграждение.[156] Но в Египте, как и в Индии, такими соображениями пренебрегали, потому что все было направлено в пользу высших слоев общества и угнетало низшие. Между ними была огромная и непроходимая пропасть.[157] Если представитель трудолюбивых классов менял свое обычное занятие или, как было известно, уделял внимание политическим вопросам, он подвергался суровому наказанию;[158] и ни при каких обстоятельствах владение землей разрешено сельскохозяйственному рабочему, механику или вообще любому человеку, кроме короля, духовенства и армии.[159] Люди в целом были немногим лучше вьючных животных, и все, чего от них ожидали, - это неустанного и безответного труда. Если они пренебрегали своей работой, их пороли; и тому же наказанию часто подвергались домашние слуги и даже женщины.[160] Эти и подобные им правила были хорошо продуманы; они превосходно подходили к той обширной социальной системе, которая, поскольку была основана на деспотизме, могла поддерживаться только жестокостью. Следовательно, поскольку промышленность всей нации находилась в абсолютном подчинении небольшой ее части, возникла возможность возвести те огромные здания, которыми невнимательные наблюдатели восхищаются как доказательством цивилизации,[161] но которые на самом деле являются свидетельством совершенно

развращенного и нездорового состояния вещей; состояния, в котором мастерство и искусства не могут быть использованы. несовершенная утонченность нанесла ущерб тем, кому они должны были принести пользу; так что сами ресурсы, созданные народом, были обращены против самого народа.

Было бы напрасно ожидать, что в таком обществе, как это, следует уделять много внимания человеческим страданиям.[162] Тем не менее, мы поражены безрассудной расточительностью, с которой в Египте высшие классы растрачивали труд и жизни людей. В этом отношении, как в изобилии доказывают сохранившиеся памятники, они стоят особняком и не имеют конкурентов. Мы можем составить некоторое представление о почти невероятном расточительстве, когда услышим, что две тысячи человек в течение трех лет были заняты переносом одного камня с Элефантины в Саис;[163] что только Канал Красного моря стоил жизни ста двадцати тысячам египтян;[164] и что для строительства одной из пирамид потребовался труд трехсот шестидесяти тысяч человек в течение двадцати лет.[165]

Если, перейдя от истории Азии и Африки, мы обратимся теперь к Новому Свету, мы встретимся с новым доказательством правильности предыдущих взглядов. Единственными частями Америки, которые до прихода европейцев были в какой-то степени цивилизованными, были Мексика и Перу;[166] к которым, вероятно, можно добавить тот длинный и узкий тракт, который тянется от юга Мексики до Панамского перешейка. В этой последней стране, которая теперь известна как Центральная Америка, жители, благодаря плодородию почвы,[167], по-видимому, приобрели для себя определенный объем знаний; поскольку руины все еще сохранились, они доказывают обладание механическими и архитектурными навыками, слишком значительными, чтобы быть приобретенными какой-либо полностью варварской нацией.[168] Помимо этого, об их истории ничего не известно; но имеющиеся у нас сведения о таких постройках, как Копан, Паленке и Ушмаль, делают весьма вероятным, что Центральная Америка была древним очагом цивилизации, во всех существенных аспектах сходной с цивилизациями Индии и Египта; то есть, схожей с ними в отношении неравного распределения богатства и власти, и рабство, в котором, следовательно, оставалась большая часть народа.[169]

Но хотя свидетельства, по которым мы могли бы оценить прежнее состояние Центральной Америки, почти полностью утрачены,[170] нам больше повезло в отношении истории Мексики и Перу. До сих пор существуют значительные и подлинные материалы, на основе которых мы можем составить мнение о древнем состоянии этих двух стран, а также о характере и масштабах их цивилизации. Однако, прежде чем перейти к этой теме, будет удобно указать, каковы были те физические законы, которые определили местонахождение американской цивилизации; или, другими словами, почему только в этих странах общество должно было быть организовано в виде фиксированной и устоявшейся системы, в то время как остальная часть Нового Света была заселена дикими и невежественными варварами. Такое исследование будет сочтено в высшей степени интересным, поскольку оно дает еще одно доказательство экстраординарной и поистине непреодолимой силы, с которой силы природы управляют судьбами человека.

Первое обстоятельство, которое нас должно поразить, это то, что в Америке, как и в Азии и Африке, все первоначальные цивилизации располагались в жарких странах; все собственно Перу находилось в пределах южного тропика, вся Центральная Америка и Мексика - в пределах северного тропика. Я попытался исследовать, как жара климата повлияла на социальное и политическое устройство Индии и Египта; и, я надеюсь, было доказано, что результат был

достигнут за счет уменьшения потребностей людей и, таким образом, очень неравномерного распределения богатства и власти. Но, помимо этого, есть еще один способ, которым средняя температура в стране влияет на ее цивилизацию, обсуждение которого я приберег для настоящего момента, поскольку в Америке это может быть более наглядно проиллюстрировано, чем где-либо еще. Действительно, в Новом Свете масштабы, в которых действует Природа, намного больше, чем в Старом, а ее силы более могущественны, очевидно, что ее воздействие на человечество может быть изучено с большей пользой, чем в странах, где она слабее и где, следовательно, последствия ее действий менее заметны.

Если читатель примет во внимание огромное влияние, которое, как было показано, оказывает обильная национальная пища, он легко поймет, как из-за давления физических явлений цивилизация Америки по необходимости была ограничена теми частями, где только ее и обнаружили первооткрыватели Нового Света. Ибо, оставляя в стороне химическое и геогностическое разнообразие почв, можно сказать, что двумя причинами, регулирующими плодородие каждой страны, являются жара и влажность.^[171] Там, где их много, земля будет изобильной; там, где их не хватает, она будет стерильной. Это правило, конечно, в своем применении подвержено исключениям, вытекающим из физических условий, которые от него не зависят; но при прочих равных условиях правило неизменно. И огромные дополнения, которые со времени строительства изотермических линий были внесены в наши знания географической ботаники, позволяют нам считать это законом природы, подтвержденным не только аргументами, почерпнутыми из физиологии растений, но и тщательным изучением пропорций, в которых растения фактически распределены в разных странах.^[172]

Общий обзор Американского континента проиллюстрирует связь между этим законом и предметом, который сейчас находится перед нами. Во-первых, что касается влажности, то все великие реки Нового Света протекают по восточному побережью, и ни одна из них не протекает по западному. Причины этого примечательного факта неизвестны;^[173] но несомненно, что ни в Северной, ни в Южной Америке ни одна значительная река не впадает в Тихий океан; в то время как на противоположной стороне есть множество рек, некоторые огромной величины, все огромной важности, таких как Негро, Ла-Плата, Сан-Франциско, Амазонка, Ориноко, Миссисипи, Алабама, Сент-Джон, Потомак, Саскуэханна, Делавэр, Гудзон и Святой Лаврентий. Благодаря этой обширной водной системе почва на востоке постоянно орошается;^[174] но на западе в Северной Америке есть только одна ценная река, Орегон;^[175] в то время как в Южной Америке, от Панамского перешейка до Магелланова пролива вообще нет великой реки.

Но что касается другой главной причины плодородия, а именно жары, то в Северной Америке мы находим положение вещей с точностью до наоборот. Там мы обнаруживаем, что в то время как орошение происходит на востоке, жара ощущается на западе.^[176] Эта разница температур между двумя побережьями, вероятно, связана с каким-то великим метеорологическим законом, ибо во всем северном полушарии восточная часть континентов и островов холоднее западной.^[177] Однако, является ли это следствием какой-то большой и всеобъемлющей причины, или же каждый случай имеет причину, специфичную для него самого, является альтернативой, при нынешнем уровне знаний решить невозможно; но факт неоспорим, и его влияние на раннюю историю Америки чрезвычайно любопытно. Вследствие этого два важнейших условия плодородия не были объединены ни в одной части континента к северу от Мексики. Страны с одной стороны хотели тепла; страны с другой стороны хотели орошения. Накопление богатства, таким образом, было затруднено, прогресс общества был остановлен; и

до тех пор, пока в шестнадцатом веке знания о Европе не распространились на Америку, нет ни одного примера, чтобы какой-либо народ к северу от двадцатой параллели достиг хотя бы той несовершенной цивилизации, которой легко достигли жители Индии и Египта.^[178] С другой стороны, к югу от двадцатой параллели континент внезапно меняет свою форму и, быстро сжимаясь, превращается в небольшую полосу суши, пока не достигнет Панамского перешейка. Этот узкий участок был центром мексиканской цивилизации; и сравнение приведенных выше аргументов легко покажет, почему это было так; ибо особая конфигурация суши обеспечивала очень большую протяженность побережья и, таким образом, придавала южной части Северной Америки характер острова. Отсюда возникла одна из характеристик островного климата, а именно увеличение влажности, вызванное водянистыми парами, поднимающимися с моря.^[179] Следовательно, хотя расположение Мексики вблизи экватора давало ей тепло, форма суши давала ей влажность; и поскольку это единственная часть Северной Америки, в которой эти два условия были объединены, это была также единственная часть, которая была вообще цивилизованной. Не может быть никаких сомнений в том, что если бы песчаные равнины Калифорнии и южной Колумбии, вместо того чтобы быть выжженными до бесплодия, орошались реками востока, или если бы реки востока сопровождалась жарой запада, результатом любого сочетания было бы то изобилие почвы, которое, как убедительно доказывает мировая история, предшествовало каждой ранней цивилизации. Но поскольку из двух элементов плодородия один был недостаточен во всех частях Америки к северу от двадцатой параллели, отсюда следовало, что, пока эта черта не была пройдена, цивилизация не могла обрести пристанища; и никогда не было найдено и, мы можем с уверенностью утверждать, никогда не будет найдено никаких свидетельств того, что хотя бы одна древняя нация на всем этом огромном континенте была способна добиться значительного прогресса в искусстве жизни или организовать в устойчивое общество.

Что касается физических факторов, которые управляли ранними судьбами Северной Америки. Но в отношении Южной Америки в игру вступил иной ряд обстоятельств; ибо закон, в силу которого восточные побережья холоднее западных, не только неприменим к южному полушарию, но и заменен другим законом, прямо противоположным. К северу от экватора на востоке холоднее, чем на западе; к югу от экватора на востоке жарче, чем на западе.^[180] Если теперь мы свяжем этот факт с тем, что было замечено относительно обширной речной системы, которая отличает восток Америки от запада, то станет очевидным, что в Южной Америке существует то сочетание тепла и влажности, которого не хватает Северной Америке. В результате почва в восточной части Южной Америки отличается изобилием не только в пределах тропика, но и значительно за его пределами; юг Бразилии и даже часть Уругвая обладают плодородием, которого нет ни в одной стране Северной Америки, расположенной ниже соответствующей широты.

При поспешном рассмотрении предыдущих обобщений можно было бы ожидать, что восточная часть Южной Америки, будучи, таким образом, богато одаренной природой,^[181] была бы резиденцией одной из тех цивилизаций, которые в других частях света возникли по аналогичным причинам. Но если мы посмотрим немного дальше, то обнаружим, что то, на что только что было указано, никоим образом не исчерпывает даже физических аспектов этого предмета, и что мы должны принять во внимание третье великое средство, которого оказалось достаточно, чтобы нейтрализовать естественные результаты двух других и удержать в варварстве жителей того, что в противном случае было бы самой процветающей из всех стран Нового Света.

Фактор, на который я ссылаюсь, - это пассат; поразительное явление, под влиянием которого, как мы увидим позже, все цивилизации, предшествовавшие европейским, подверглись сильному и пагубному влиянию. Этот ветер охватывает не менее 56° широты; 28° к северу от экватора и 28 ° к югу от него.[182] На этом обширном участке, который включает в себя одни из самых плодородных стран мира, пассаты дуют в течение всего года либо с северо-востока, либо с юго-востока.[183] Причины этой закономерности в настоящее время хорошо поняты и, как известно, зависят частично от перемещения воздуха на экваторе, а частично от движения земли; поскольку холодный воздух с полюсов постоянно течет к экватору и, таким образом, вызывает северные ветры в северном полушарии и южные ветры в южном. Однако эти ветры отклоняются от своего естественного направления движением земли, когда она вращается вокруг своей оси с запада на восток. И поскольку вращение земли на экваторе, конечно, более быстрое, чем где-либо еще, случается, что вблизи экватора скорость настолько велика, что опережает движения атмосферы от полюсов и, направляя их в другом направлении, порождает те восточные течения, которые называются пассатами.[184] Однако нас сейчас скорее интересует не столько объяснение пассатов, сколько описание того, каким образом это великое физическое явление связано с историей Южной Америки.

Пассат, дующий у восточного побережья Южной Америки и идущий с востока, пересекает Атлантический океан и, следовательно, достигает суши, перенасыщенный испарениями, накопленными при его прохождении. Эти испарения, касаясь берега, периодически конденсируются в дождь; и поскольку их продвижение на запад сдерживается гигантской цепью Анд, которую они не в состоянии преодолеть,[185] они изливают всю свою влагу на Бразилию, которая, как следствие, часто подвергается затоплению самыми разрушительными ливнями.[186] Это обильное снабжение, которому способствует обширная речная система, характерная для восточной части Америки, а также жара, стимулировали активность почвы, не имеющую аналогов ни в одной другой части мира.[187] Бразилия, которая почти такая же большая, как вся Европа, покрыта невероятным изобилием растительности. Действительно, этот рост настолько высок и пышен, что Природа, кажется, буйствует в самом разгуле власти. Большая часть этой огромной страны покрыта густыми и запутанными лесами, чьи благородные деревья, цветущие непревзойденной красотой и переливающиеся тысячью оттенков, производят свою продукцию в бесконечном изобилии. На их вершинах восседают птицы с великолепным оперением, которые устраиваются в их темных и возвышенных нишах. Внизу их основание и стволы заросли кустарником, ползучими растениями, бесчисленными паразитами, и все это кишит жизнью. Там также обитают мириады насекомых всех разновидностей; рептилии странной и необычной формы; змеи и ящерицы, поражающие своей смертоносной красотой: все они находят средства к существованию в этой огромной мастерской и хранилище Природы. И чтобы ни в чем не было недостатка в этой стране чудес, леса окаймлены огромными лугами, которые, источая зной и влагу, служат пищей для бесчисленных стад дикого скота, которые щиплют траву и жиреют на ней; в то время как прилегающие равнины, богатые другими формами жизни, являются избранным обиталищем самых утонченных и свирепых животных, которые охотятся друг на друга, но которых, как может показаться, никакая человеческая сила не может надеяться искоренить.[188]

Таково течение и изобилие жизни, которыми Бразилия выделяется среди всех других стран земли.[189] Но среди этого великолепия Природы Человеку не осталось места. Величие, которым он окружен, низводит его до ничтожества. Силы, противостоящие ему, настолько велики, что он никогда не мог противостоять им, никогда не мог сплотиться против их

накопившегося давления. Вся Бразилия, несмотря на ее огромные кажущиеся преимущества, всегда оставалась совершенно нецивилизованной; ее жители были бродячими дикарями, неспособными противостоять тем препятствиям, которые сама щедрость Природы воздвигла на их пути. Ибо туземцы, как и всякий народ на заре становления общества, питают отвращение к предприимчивости; и, будучи незнакомыми с искусствами, с помощью которых устраняются физические препятствия, они никогда не пытались бороться с трудностями, остановившими их социальный прогресс. Действительно, эти трудности настолько серьезны, что в течение более чем трехсот лет ресурсы европейских знаний тщетно использовались в попытках избавиться от них. Вдоль побережья Бразилии была завезена из Европы определенная часть той цивилизации, которой туземцы никогда не смогли бы достичь своими собственными усилиями. Но такая цивилизация, сама по себе очень несовершенная, никогда не проникала в глубь страны; и во внутренних районах все еще наблюдается состояние вещей, подобное тому, которое существовало всегда. Народ, невежественный и потому жестокий, не практикующий никаких ограничений и не признающий никаких законов, продолжает жить в своем старом и закоренелом варварстве.^[190] В их стране физические причины настолько активны и выполняют свою работу в масштабах такой непревзойденной величины, что до сих пор было невозможно избежать последствий их совместного действия. Прогресс сельского хозяйства тормозится непроходимыми лесами, а урожаи уничтожаются бесчисленными насекомыми.^[191] Горы слишком высоки, чтобы на них взобраться, реки слишком широки, чтобы через них перекинуть мосты; все придумано для того, чтобы сдерживать человеческий разум и подавлять его растущее честолюбие. Вот почему энергии Природы препятствуют духу Человека. Нигде больше нет такого болезненного контраста между величию внешнего мира и ничтожеством внутреннего. И разум, запуганный этой неравной борьбой, не только не смог продвинуться вперед, но и без иностранной помощи, несомненно, отступил бы. Ибо даже в настоящее время, при всех улучшениях, постоянно привносимых из Европы, нет никаких признаков реального прогресса; в то время как, несмотря на частоту колониальных поселений, обрабатывается менее одной пятой части земли.^[192] Обычаи этого народа такие же варварские, как и всегда; а что касается их численности, то вполне достойно замечания, что Бразилия, страна, где из всех других наиболее могущественны физические ресурсы, где в изобилии растут как овощи, так и животные, где почва орошается благороднейшими реками, а побережье усеяно прекраснейшими гаванями, — на этой огромной территории, которая более чем в двенадцать раз превосходит Францию, проживает население, не превышающее шести миллионов человек.^[193]

Эти соображения в достаточной степени объясняют, почему во всей Бразилии нет памятников даже самой несовершенной цивилизации; никаких свидетельств того, что люди в какой-либо период поднялись над состоянием, в котором они находились, когда их страна была впервые открыта. Но непосредственно напротив Бразилии находится другая страна, которая, хотя и расположена на том же континенте и под той же широтой, подвержена различным физическим условиям и, следовательно, была ареной различных социальных результатов. Это знаменитое королевство Перу, которое включало в себя весь южный тропик и которое, исходя из только что изложенных обстоятельств, естественно, было единственной частью Южной Америки, где можно было достичь чего-либо, приближающегося к цивилизации. В Бразилии жаркий климат сопровождался двойным орошением, возникшим, во-первых, из-за огромной речной системы, протекающей вдоль восточного побережья, и, во-вторых, из-за обильной влаги, приносимой пассатами. В результате этого сочетания возникла та несравненная плодovitость, которая,

насколько это касалось Человека, сводила на нет его собственные цели, останавливая его прогресс изобилием, которому, будь оно менее чрезмерным, оно помогло бы. Ибо, как мы ясно видели, когда продуктивные силы Природы выходят за пределы определенной точки, несовершенные знания нецивилизованных людей неспособны справиться с ними или каким-либо образом обратить их в свою пользу. Если, однако, эти силы, будучи очень активными, тем не менее ограничены в управляемых пределах, возникает положение вещей, подобное тому, которое наблюдается в Азии и Африке; где изобилие Природы, вместо того чтобы препятствовать социальному прогрессу, благоприятствовало ему, поощряя накопление богатства, без некоторой доли которого прогресс невозможен.

Следовательно, оценивая физические условия, которые изначально определяли цивилизацию, мы должны смотреть не только на изобилие, но и на то, что можно назвать управляемостью Природы; то есть мы должны учитывать легкость, с которой могут быть использованы ресурсы, а также количество самих ресурсов. Применяя это к Мексике и Перу, мы обнаруживаем, что именно в этих странах Америки наиболее удачно сложилось это сочетание. Ибо, хотя их ресурсы были гораздо менее многочисленными, чем ресурсы Бразилии, ими было гораздо легче управлять; в то же время жара климата привела в действие те другие законы, которые, как я попытался показать, оказали огромное влияние на все ранние цивилизации. Весьма примечательным фактом, который, я полагаю, никогда не наблюдался, является то, что даже в отношении широты нынешняя граница Перу на юге соответствует древней границе Мексики на севере; в то время как по поразительному, но для меня совершенно естественному совпадению обе эти границы были достигнуты до прохождения тропической линии; граница Мексики составляет 21 ° северной широты, граница Перу - 21½ ° южной широты.[194]

Такова замечательная закономерность, которую история при всестороннем изучении представляет нашему взору. И если мы сравним Мексику и Перу с теми странами Старого Света, на которые мы уже обратили внимание, мы обнаружим, что, как и во всех цивилизациях, предшествовавших европейским, их социальные явления были подчинены физическим законам. Во-первых, особенности их национальной кухни были именно такими, какие можно встретить в самых процветающих частях Азии и Африки. Ибо, хотя немногие из питательных овощей, принадлежащих Старому Свету, были найдены в Новом, их место заняли другие, в точности аналогичные рису и финикам; иными словами, отмеченные тем же изобилием, той же легкостью выращивания и той же обильной отдачей; следовательно, за ними последовали те же социальные результаты. В Мексике и Перу одним из важнейших продуктов питания всегда была кукуруза, которая, у нас есть все основания полагать, была характерна для американского континента.[195] Это, как рис и финики, в высшей степени продукт жаркого климата; и хотя говорят, что оно растет на высоте более 7000 футов,[196] его редко можно увидеть за сороковой параллелью,[197] и его избыток быстро уменьшается с понижением температуры. Так, например, в Новой Калифорнии его средняя урожайность в семьдесят или восемьдесят раз;[198] но в самой Мексике урожайность того же зерна в три-четыре раза, а при очень благоприятных обстоятельствах даже в восемьсот раз.[199]

У людей, которые получали средства к существованию из растения такой необычайной плодovitости, не было особой необходимости проявлять свою трудовую энергию; в то же время у них были все возможности увеличить свою численность и, таким образом, произвести ряд социальных и политических последствий, подобных тем, которые я заметил в Индии и Египте. Помимо этого, существовали, помимо кукурузы, и другие виды пищи, к которым применимы те

же замечания. Картофель, который в Ирландии вызвал такие вредные последствия, стимулируя рост населения, как говорят, произрастает в Перу; и хотя это отрицается очень высокими авторитетами,[200] во всяком случае, нет сомнений, что он был найден там в большом изобилии, когда страну впервые открыли европейцы.[201] В Мексике картофель был неизвестен до прибытия испанцев; но и мексиканцы, и перуанцы в значительной степени питались бананами; овощ, репродуктивная способность которого настолько экстраординарна, что ничто, кроме точных и безукоризненных свидетельств, которыми мы располагаем, не могло сделать их достоверными. Это замечательное растение в Америке тесно связано с физическими законами климата, поскольку оно является предметом первостепенной важности для жизнедеятельности человека всякий раз, когда температура превышает определенную отметку.[202] О его питательных свойствах достаточно сказать, что засеянный им акр прокормит более пятидесяти человек; тогда как такое же количество земли, засеянной пшеницей в Европе, прокормит только двух человек.[203] Что касается обилия его роста, подсчитано, что при прочих равных условиях его урожайность в сорок четыре раза превышает урожайность картофеля и в сто тридцать три раза превышает урожайность пшеницы.[204]

Теперь будет легко понять, почему цивилизации Мексики и Перу во всех важных отношениях были строго аналогичны цивилизациям Индии и Египта. В этих четырех странах, а также в нескольких других в Южной Азии и Центральной Америке, существовал объем знаний, действительно достойный презрения, если судить по европейским стандартам, но наиболее примечательный, если сравнивать его с грубым невежеством, царившим среди соседних и одновременных народов. Но во всех них была та же неспособность распространить даже ту скудную цивилизацию, которой они действительно обладали; было то же полное отсутствие чего-либо, приближающегося к демократическому духу; была та же деспотическая власть со стороны высших классов и то же презренное раболепие со стороны низших. Ибо, как мы ясно видели, все эти цивилизации были подвержены влиянию определенных физических причин, которые, хотя и благоприятствовали накоплению богатства, были неблагоприятны для справедливого его распределения. И поскольку знания людей все еще находились в зачаточном состоянии,[205] оказалось невозможным бороться с этими физическими агентами или предотвратить их воздействие на социальную организацию, которое я пытался проследить. Как в Мексике, так и в Перу искусства, и особенно те их отрасли, которые служат роскоши богатых классов, культивировались с большим успехом. Дома высших чинов были наполнены украшениями и утварью замечательной работы; их покои были увешаны великолепными гобеленами; их платья и личные украшения выдавали почти невероятную дороговизну; их драгоценности изысканной и разнообразной формы; их богатые и ниспадающие одежды, расшитые редчайшими перьями, собранными в самых отдаленных уголках империи: все свидетельствовало о обладании неограниченным богатством и о показной расточительности, с которой это богатство было растрчено.[206] Непосредственно под этим классом оказались люди; и можно легко представить, в каком они были состоянии. В Перу они платили все налоги; дворяне и духовенство были полностью освобождены от них.[207] Но поскольку при таком состоянии общества люди не могли накапливать собственность, они были вынуждены покрывать государственные расходы своим личным трудом, который полностью находился в ведении государства.[208] В то же время правители страны хорошо понимали, что при подобной системе чувство личной независимости несовместимо; поэтому они изобрели законы, с помощью которых даже в самых незначительных вопросах контролировалась свобода действий. Люди были настолько скованы, что не могли ни сменить место жительства, ни одежду

без разрешения властей. Каждому человеку закон предписывал профессию, которой он должен был заниматься, одежду, которую он должен был носить, жену, на которой он должен был жениться, и развлечения, которыми он должен был наслаждаться.^[209] Среди мексиканцев ход событий был похожим; те же физические условия сопровождались теми же социальными результатами. В наиболее существенном аспекте, ради которого можно изучать историю, а именно в состоянии народа, Мексика и Перу являются двойниками друг друга. Ибо, хотя было много незначительных различий,^[210] оба были согласны в том, что существует только два класса — высший класс - тираны, а низший класс - рабы. Это было состояние, в котором находилась Мексика, когда ее обнаружили европейцы,^[211] и к которому она, должно быть, стремилась с самого раннего периода. И все это стало настолько невыносимым, что мы знаем из самых убедительных свидетельств, что всеобщее недовольство, вызванное этим в народе, было одной из причин, которая, облегчая продвижение испанских захватчиков, ускорила падение мексиканской империи.^[212]

Чем дальше продвигается это исследование, тем более поразительным становится сходство между теми цивилизациями, которые процветали до того, что можно назвать европейской эпохой человеческого разума. Разделение нации на касты было бы невозможно в крупных европейских странах; но оно существовало с глубокой древности в Египте, в Индии и, по-видимому, в Персии.^[213] Тот же самый институт жестко соблюдался в Перу;^[214] и что доказывает, насколько он соответствовал той стадии развития общества, так это то, что в Мексике, где касты не были созданы по закону, тем не менее, общепризнанным обычаем было, что сын должен следовать роду занятий своего отца.^[215] Это был политический симптом того стационарного и консервативного духа, который, как мы увидим ниже, отличал каждую страну, в которой высшие классы монополизировали власть. Религиозный признак того же духа проявлялся в том непомерном почтении к древности и в той ненависти к переменам, на которые величайший из всех авторов, писавших об Америке, хорошо указал как на аналогию между уроженцами Мексики и Индостана.^[216] К этому можно добавить, что те, кто изучал историю древних египтян, наблюдали среди этого народа аналогичную тенденцию. Уилкинсон, который, как хорошо известно, уделял большое внимание своим памятникам, говорит, что они больше, чем любая другая нация, не желали менять свое религиозное поклонение;^[217] и Геродот, которые путешествовали по их стране две тысячи триста лет назад, уверяют нас, что, хотя они сохранили старые обычаи, они никогда не приобретали новых.^[218] С другой точки зрения, сходство между этими отдаленными странами не менее интересно, поскольку оно, очевидно, проистекает из причин, уже отмеченных как общие для обеих. В Мексике и Перу, когда низшие классы были предоставлены в распоряжение высших, последовала та легкомысленная трата труда, которую мы наблюдали в Египте и свидетельство которой также можно увидеть в остатках тех храмов и дворцов, которые все еще находятся в нескольких частях Азии. И мексиканцы, и перуанцы возводили огромные здания, которые были столь же бесполезны, как египетские, и которые ни одна страна не могла бы производить, если бы труд людей не был плохо оплачиваемым и плохо направляемым.^[219] Стоимость этих памятников тщеславия неизвестна; но она, должно быть, была огромной; поскольку американцы, будучи несведущими в использовании железа,^[220] не смогли нанять ресурс, за счет которого при строительстве крупных объектов значительно сокращается трудозатраты. Однако сохранились некоторые подробности, из которых можно составить представление об этом предмете. Возьмем, к примеру, дворцы их королей: мы обнаруживаем, что в Перу на возведение королевской резиденции в течение пятидесяти лет ушло 20 000 человек;^[221] в то время как в Мексике

потребовалось не менее 200 000 человек: поразительные факты, которые, если бы все другие свидетельства исчезли, позволили бы нам оценить состояние стран, в которых для таких незначительных целей была задействована такая огромная мощь. израсходовано.[222]

Приведенные выше свидетельства, собранные из источников, пользующихся несомненным доверием, доказывают силу тех великих физических законов, которые в наиболее процветающих странах за пределами Европы поощряли накопление богатства, но предотвращали его распыление; и, таким образом, обеспечили высшим классам монополию на один из важнейших элементов социальной и политической власти. Результатом было то, что во всех этих цивилизациях большая часть людей не извлекала никакой пользы из национальных улучшений; следовательно, поскольку основа прогресса была очень узкой, сам прогресс был очень ненадежным.[223] Таким образом, когда извне возникли неблагоприятные обстоятельства, было вполне естественно, что вся система рухнула на землю. В таких странах общество, будучи разделенным само против себя, не могло устоять. И не может быть никаких сомнений в том, что задолго до кризиса, приведшего к их фактическому уничтожению, эти односторонние и нерегулярные цивилизации начали приходить в упадок; так что их собственное вырождение способствовало прогрессу иностранных захватчиков и обеспечило низвержение тех древних королевств, которые при более разумной системе могли бы быть легко спасены.

Что касается того, как на великие цивилизации, расположенные за пределами Европы, повлияли особенности их питания, климата и почвы. Теперь мне остается исследовать действие тех других физических факторов, которым я дал собирательное название Аспектов Природы, и которые, как будет установлено, наводят на мысль о некоторых очень широких и всесторонних исследованиях влияния, оказываемого внешним миром на предрасположенность людей к определенным привычкам мышления и, таким образом, придание особого тона религии, искусству, литературе и, одним словом, всем основным проявлениям человеческого разума. Выяснение того, как это достигается, является необходимым дополнением к только что завершенным расследованиям. Ибо, как мы видели, что климат, пища и почва в основном связаны с накоплением и распределением богатства, так же мы увидим, что Аспекты Природы связаны с накоплением и распределением мысли. В первом случае мы имеем дело с материальными интересами Человека; в другом случае - с его интеллектуальными интересами. Первое я проанализировал, насколько смог, и, возможно, настолько, насколько позволит существующий уровень знаний.[224] Но другая, а именно связь между аспектами Природы и разумом человека, предполагает спекуляции такого масштаба и требует такой массы материалов, взятых со всех сторон, что я испытываю большие опасения относительно результата; и мне едва ли нужно говорить, что я не претендую на что-либо, приближающееся к исчерпывающему анализу, и я не могу надеяться сделать больше, чем обобщить некоторые из них. законы этого сложного, но пока еще неизученного процесса, посредством которого внешний мир воздействовал на человеческий разум, искажал его естественные движения и слишком часто сдерживал его естественный прогресс.

Аспекты Природы, рассматриваемые с этой точки зрения, делятся на два класса: первый класс - это те, которые наиболее вероятно возбуждают воображение; а другой класс - это те, которые обращаются к пониманию, обычно называемому так, то есть к простым логическим операциям

интеллекта. Ибо, хотя верно, что в целостном и хорошо уравновешенном уме воображение и понимание играют свои соответствующие роли и являются вспомогательными друг другу, верно также и то, что в большинстве случаев понимание слишком слабо, чтобы обуздать воображение и обуздать его опасную распущенность. Тенденция развивающейся цивилизации состоит в том, чтобы исправить эту диспропорцию и наделить способности рассуждать тем авторитетом, которым на ранней стадии Общества обладает исключительно воображение. Есть ли основания опасаться, что реакция в конечном итоге пойдет слишком далеко и что мыслительные способности, в свою очередь, возьмут верх над способностями воображения, - это вопрос, представляющий глубочайший интерес; но при нынешнем состоянии наших знаний он, вероятно, неразрешим. Во всяком случае, несомненно, что ничего подобного такому состоянию еще никто не видел; поскольку даже в этот век, когда воображение находится под большим контролем, чем в любой предшествующий, оно обладает слишком большой властью; как можно легко доказать не только из-за суеверий, которые в каждой стране все еще преобладают среди черни, но также и из-за того поэтического почтения к древности, которое, хотя и давно пошло на убыль, все еще ограничивает независимость, ослепляет суждения и оригинальность образованных классов.

Итак, что касается природных явлений, то очевидно, что все, что внушает чувство ужаса или великого изумления, и все, что возбуждает в уме идею смутного и неконтролируемого, имеет особую тенденцию распалить воображение и подчинять его власти более медленные и обдуманые действия разума. В таких случаях Человек, противопоставляя себя силе и величии Природы, начинает болезненно осознавать собственную незначительность. Им овладевает чувство неполноценности. Со всех сторон его окружают бесчисленные препятствия и ограничивают его индивидуальную волю. Его разум, потрясенный неопределенным и неопределяемым, едва ли заботится о том, чтобы тщательно изучать детали, из которых состоит такое внушительное величие.^[225] С другой стороны, там, где творения Природы малы и немощны, к Человеку возвращается уверенность; он, кажется, более способен полагаться на свои собственные силы; он может, так сказать, проходить сквозь них и проявлять власть в любом направлении. И поскольку явления становятся более доступными, ему становится легче экспериментировать с ними или детально наблюдать за ними; поощряется любознательный и аналитический дух, и у него возникает искушение обобщать явления Природы и соотносить их с законами, по которым они управляются.

Рассматривая таким образом человеческий разум как подверженный влиянию Аспектов Природы, несомненно, примечательным фактом является то, что все великие ранние цивилизации располагались в пределах тропиков и непосредственно примыкали к ним, где эти аспекты наиболее возвышенны, наиболее ужасны и где Природа во всех отношениях наиболее опасна для Человека. Действительно, в целом в Азии, Африке и Америке внешний мир более грозен, чем в Европе. Это относится не только к постоянным явлениям, таким как горы и другие огромные природные преграды, но и к случайным явлениям, таким как землетрясения, бури, ураганы, эпидемии; все из которых в этих регионах очень часты и очень разрушительны. Эти постоянные и серьезные опасности производят эффекты, аналогичные тем, которые вызываются возвышенностью Природы, в той мере, в какой в обоих случаях наблюдается тенденция к усилению активности воображения. Поскольку особая область воображения заключается в том, чтобы иметь дело с неизвестным, каждое событие, которое является необъяснимым, а также важным, является прямым стимулом для наших творческих способностей. В тропиках событий такого рода больше, чем где бы то ни было; отсюда следует,

что в тропиках воображение, скорее всего, восторжествует. Несколько иллюстраций действия этого принципа представят его в более ясном свете и подготовят читателя к аргументам, основанным на нем.

Из тех физических явлений, которые повышают незащищенность человека, землетрясения, безусловно, являются одними из самых поразительных с точки зрения человеческих жертв, которые они вызывают, а также с точки зрения их внезапного возникновения. Есть основания полагать, что им всегда предшествуют атмосферные изменения, которые непосредственно воздействуют на нервную систему и, таким образом, имеют прямую физическую тенденцию ослаблять интеллектуальные способности.^[226] Как бы то ни было, не может быть никаких сомнений относительно эффекта, который они производят, поощряя определенные ассоциации и привычки мышления. Ужас, который они внушают, возбуждает воображение даже до болезненной степени и, перевешивая здравый смысл, предрасполагает людей к суеверным фантазиям. И что в высшей степени любопытно, так это то, что повторение не только не притупляет такие чувства, но и усиливает их. В Перу, где землетрясения происходят чаще, чем в любой другой стране,^[227] каждое последующее посещение увеличивает общую тревогу; так что в некоторых случаях страх становится почти невыносимым.^[228] Таким образом, разум постоянно находится в робком и тревожном состоянии: и люди, ставшие свидетелями самых серьезных опасностей, которых они не могут ни избежать, ни понять, проникаются убежденностью в собственной неспособности и бедности собственных ресурсов.^[229] Точно в такой же пропорции возбуждается воображение и активно поощряется вера в сверхъестественное вмешательство. Человеческая мощь ослабевает, призывается сверхчеловеческая сила; считается, что таинственное и невидимое присутствует; и среди людей растут те чувства благоговения и беспомощности, на которых основаны все суеверия и без которых никакое суеверие существовать не может.^[230]

Дальнейшую иллюстрацию этого можно найти даже в Европе, где подобные явления, сравнительно говоря, чрезвычайно редки. Землетрясения и извержения вулканов более часты и разрушительны в Италии, а также на испанском и португальском полуостровах, чем в любой другой из великих стран; и именно там суеверия наиболее распространены, а суеверные классы наиболее могущественны. Это были страны, где духовенство впервые установило свою власть, где произошло наихудшее искажение христианства и где суеверия в течение самого длительного периода сохраняли самую прочную власть. К этому можно добавить еще одно обстоятельство, указывающее на связь между этими физическими явлениями и преобладанием воображения. Говоря в целом, изобразительное искусство больше ориентировано на воображение, а науки - на интеллект.^[231] Примечательно, что все величайшие художники и почти все величайшие скульпторы, которыми обладала современная Европа, были созданы на итальянском и испанском полуостровах. Что касается науки, то в Италии, без сомнения, было несколько людей с выдающимися способностями; но их число несоразмерно мало по сравнению с ее художниками и поэтами. Что касается Испании и Португалии, то литература этих двух стран в высшей степени поэтична, и из их школ вышли некоторые из величайших художников, которых когда-либо видел мир. С другой стороны, чисто логическими способностями пренебрегали, и весь полуостров, с древнейших времен до настоящего времени, не внес в историю естественных наук ни одного имени высочайшего достоинства; ни одного человека, чьи труды составили бы эпоху в прогрессе европейских знаний.^[232]

То, каким образом Аспекты Природы, когда они очень угрожающие, стимулируют воображение,[233] и, поощряя суеверия, препятствуют познанию, может быть сделано еще более очевидным благодаря одному или двум дополнительным фактам. Среди невежественных людей существует прямая тенденция приписывать все серьезные опасности сверхъестественному вмешательству; и, таким образом, пробуждается сильное религиозное чувство,[234] постоянно случается не только то, что опасности подвергаются, но и то, что ей действительно поклоняются. Так обстоит дело с некоторыми индусами в Малабарском лесу;[235] и многие подобные примеры придутся на ум любому, кто изучал положение варварских племен.[236] Действительно, это дошло до того, что в некоторых странах жители из чувства благоговейного страха отказываются уничтожать диких зверей и вредных рептилий; вред, причиняемый этими животными, является причиной безнаказанности, которой они пользуются.[237]

Именно таким образом древним тропическим цивилизациям приходилось бороться с бесчисленными трудностями, неизвестными умеренному поясу, где издавна процветала европейская цивилизация. Истребления животных, враждебных человеку, опустошительные действия ураганов, бурь, землетрясений,[238] и подобные опасности постоянно нависали над ними и влияли на их национальный характер. Ибо простая гибель людей была наименьшей частью неудобств. Настоящее зло заключалось в том, что в уме зарождались ассоциации, которые заставляли воображение преобладать над разумом; которые вселяли в людей дух благоговения вместо духа исследования; и которые поощряли склонность пренебрегать исследованием естественных причин и приписывать события действию сверхъестественных.

Все, что мы знаем об этих странах, доказывает, насколько активной должна была быть эта тенденция. За крайне редким исключением, здоровье более ненадежно, а болезни более распространены в тропическом климате, чем в умеренном. Так вот, часто наблюдалось, и это действительно очень очевидно, что страх смерти делает людей более склонными обращаться за сверхъестественной помощью, чем они были бы в противном случае. Наше невежество в отношении другой жизни настолько полно, что неудивительно, что даже самое отважное сердце дрогнет при внезапном приближении этого темного и неизведанного будущего. По этому поводу разум хранит совершенное молчание; следовательно, воображение неконтролируемо. Поскольку действие естественных причин прекращается, предполагается, что начинаются сверхъестественные причины. Следовательно, все, что увеличивает в какой-либо стране количество опасных заболеваний, имеет непосредственную тенденцию усиливать суеверия и раздувать воображение в ущерб пониманию. Этот принцип настолько универсален, что во всех частях света вульгарные люди приписывают вмешательству Божества те болезни, которые особенно смертельны, и особенно те, которые проявляются внезапно и таинственно. В Европе раньше верили, что каждая эпидемия была проявлением божественного гнева;[239] и это мнение, хотя оно уже давно угасло, ни в коем случае не исчезло, даже в самых цивилизованных странах.[240] Суеверия такого рода, конечно, будут сильнее всего либо там, где медицинские знания наиболее отсталые, либо там, где болезни наиболее распространены. В странах, где выполняются оба эти условия, суеверие достигает высшей степени; и даже там, где существует только одно из условий, тенденция настолько непреодолима, что, я полагаю, нет ни одного варварского народа, который не приписывал бы своим добрым или злым божествам не только экстраординарные болезни, но даже многие из обычных, которым они подвержены.[241]

Итак, перед нами еще один пример неблагоприятного влияния, которое в древних цивилизациях внешние явления оказывали на человеческий разум. Ибо те части Азии, где была достигнута высочайшая утонченность, по различным физическим причинам гораздо более нездоровы для здоровья, чем наиболее цивилизованные части Европы.^[242] Один этот факт, должно быть, оказал значительное влияние на национальный характер,^[243] и тем более, поскольку этому способствовали те другие обстоятельства, на которые я указал, все движется в том же направлении. К этому можно добавить, что великие эпидемии, которым в разные периоды подвергалась Европа, по большей части исходили с Востока, который является их естественной родиной и где они наиболее смертоносны. Действительно, из тех жестоких болезней, которые сейчас существуют в Европе, едва ли хоть одна является местной; а худшие из них были завезены из тропических стран в первом веке христианской эры и после него.^[244]

Суммируя эти факты, можно констатировать, что в цивилизациях, внешних по отношению к Европе, вся природа сговорилась повысить авторитет способностей воображения и ослабить авторитет мыслящих. С имеющимися в настоящее время материалами было бы возможно проследить этот обширный закон до его самых отдаленных последствий и показать, как в Европе ему противостоит другой закон, диаметрально противоположный, в силу которого природные явления в целом имеют тенденцию ограничивать воображение и ободрять разум: таким образом, вселяя в человека уверенность в его собственных ресурсах и способствуя приумножению его знаний, поощряя тот смелый, любознательный и научный дух, который постоянно развивается и от которого должен зависеть весь будущий прогресс.

Не следует предполагать, что я могу подробно проследить, каким образом из-за этих особенностей цивилизация Европы отличалась от всех других, предшествовавших ей. Для этого потребовались бы знания и размах мышления, на которые вряд ли может претендовать какой-либо отдельный человек; поскольку одно дело иметь представление о большой и общей истине, и совсем другое - следовать этой истине во всех ее разветвлениях и доказывать ее такими доказательствами, которые удовлетворят обычных читателей. Действительно, те, кто привык к рассуждениям такого рода и способен разглядеть в истории человечества нечто большее, чем просто связь событий, сразу поймут, что в этих сложных предметах, чем шире любое обобщение, тем больше вероятность очевидных исключений; и что когда теория охватывает очень большой объем, исключений может быть бесчисленное множество, и все же теория остается совершенно точной. Два фундаментальных положения, которые я надеюсь продемонстрировать, заключаются, во-первых, в том, что существуют определенные природные явления, которые действуют на человеческий разум, возбуждая воображение; и, во-вторых, в том, что эти явления гораздо более многочисленны за пределами Европы, чем в ней самой. Если принять эти два положения, то неизбежно следует, что в тех странах, где воображение получило стимул, должны были быть произведены какие-то специфические эффекты; если, конечно, эти эффекты не были нейтрализованы другими причинами. Были ли антагонистические причины или нет, несущественно для истинности теории, которая основана на двух только что изложенных положениях. Таким образом, с научной точки зрения обобщение является полным; и, возможно, было бы благоразумнее оставить его таким, как оно есть сейчас, вместо того, чтобы пытаться подтвердить его дальнейшими иллюстрациями, поскольку все частные факты могут быть изложены ошибочно и наверняка будут опровергнуты теми, кому не нравятся выводы, которые они подтверждают. Но для того, чтобы ознакомить читателя с принципами, которые я выдвинул, представляется целесообразным привести несколько примеров их действительного действия; и поэтому я вкратце отмечу эффект, который они

произвели в трех великих областях - литературе, Религии и Искусстве. В каждом из этих разделов я постараюсь указать, как аспекты Природы повлияли на ведущие черты; и с целью упрощения исследования я возьму два наиболее ярких примера с каждой стороны и сравню проявления интеллекта Греции с проявлениями интеллекта Индии: это две страны, в отношении которых материалов наиболее много и в которых физические контрасты наиболее разительны.

Итак, если мы обратимся к древней литературе Индии, даже в ее лучший период, мы найдем самые замечательные свидетельства неконтролируемого господства воображения. Во-первых, мы имеем поразительный факт, что сочинению прозы почти не уделялось внимания; все лучшие писатели посвятили себя поэзии, как наиболее соответствующей национальным образцам мышления. Их работы по грамматике, праву, истории, медицине, математике, географии, и метафизике почти все представляют собой стихотворения и составлены в соответствии с обычной системой стихосложения.^[245] Следствием этого является то, что, хотя прозаическое письмо крайне презирается, искусство поэзии культивируется так усердно, что санскрит может похвастаться более многочисленными и сложными метрами, чем когда-либо были у любого из европейских языков.^[246]

Эта особенность формы индийской литературы сопровождается соответствующей особенностью ее духа. Ибо не будет преувеличением сказать, что в этой литературе все рассчитано на то, чтобы открыто бросить вызов разуму человека. Воображение, буйное даже до болезни, буйствует по любому поводу. Это особенно заметно в тех произведениях, которые являются в высшей степени национальными, таких как Рамаяна, Махабхарата и Пураны в целом. Но мы также находим это даже в их географических и хронологических системах, которые из всех других можно было бы считать наименее подверженными полетам воображения. Несколько примеров утверждений, выдвинутых в наиболее авторитетных книгах, дадут возможность провести сравнение с совершенно противоположным состоянием европейского интеллекта и дадут читателю некоторое представление о том, до какой степени может дойти легкоеверие даже среди цивилизованных людей.^[247]

Из всех различных способов, которыми воображение искажало истину, ни один не принес столько вреда, как преувеличенное уважение к прошлым эпохам. Это почтение к древности противоречит всем принципам разума и является всего лишь потворством поэтическому чувству в пользу далекого и неизвестного. Поэтому естественно, что в периоды, когда интеллект был сравнительно инертен, это чувство должно было быть гораздо сильнее, чем сейчас; и не может быть никаких сомнений в том, что оно будет продолжать ослабевать и что в той же пропорции чувство прогресса будет усиливаться; так что на смену почтению к прошлому придет надежда на будущее. Но раньше это почитание было высшим, и бесчисленные следы его можно найти в литературе и народных верованиях каждой страны. Именно это, например, вдохновило поэтов на их представление о золотом веке, когда мир был наполнен покоем, когда порочные страсти были усмирены, а преступления неизвестны. Именно это, опять же, дало богословам их представление о первобытной добродетели и простоте человека и о его последующем падении с этого высокого положения. И именно этот же принцип распространил веру в то, что в древние времена люди были не только более добродетельными и счастливыми, но и физически превосходили их по строению тела; и что благодаря этому они достигли большего роста и дожили до более преклонного возраста, чем это возможно для нас, их слабых и дегенеративных потомков.

Из того, что мнения такого рода принимаются воображением вопреки пониманию, следует, что сила таких мнений становится в любой стране одним из критериев, по которым мы можем оценить преобладание способностей воображения. Применяв этот тест к литературе Индии, мы найдем поразительное подтверждение уже сделанных выводов. Удивительные подвиги древности, которыми изобилуют санскритские книги, так длинны и так сложны, что их краткое изложение заняло бы слишком много места; но есть один класс этих необычных вымыслов, который заслуживает внимания и допускает краткое изложение. Я имею в виду необычайный возраст, которого, как предполагалось, достиг человек в прежние времена. Вера в долголетие человеческой расы в ранний период существования мира была естественным продуктом тех чувств, которые приписывали древним универсальное превосходство над современными; и мы видим примеры этого в некоторых христианских и во многих еврейских писаниях. Но утверждения в этих произведениях банальны и незначительны по сравнению с тем, что сохранилось в литературе Индии. В этом, как и в любом другом вопросе, воображение индусов дистанцировалось от всякой конкуренции. Таким образом, среди огромного количества подобных фактов мы находим зафиксированное, что в древние времена продолжительность жизни простых людей составляла 80 000 лет,^[248] и что святые люди жили более 100 000 лет.^[249] Некоторые умерли немного раньше, другие немного позже; но в самый цветущий период древности, если мы возьмем все классы вместе, средний показатель составлял 100 000 лет.^[250] Об одном царе, которого звали Юдхистхира, случайно упоминается, что он правил 27 000 лет;^[251] в то время как правил другой, по имени Аларка 66 000.^[252] Они были прерваны в расцвете сил, поскольку есть несколько примеров того, как ранние поэты дожили до полумиллиона.^[253] Но самый замечательный случай - это случай очень яркого персонажа в истории Индии, который объединил в своей личности функции короля и святого. Этот выдающийся человек жил в чистую и добродетельную эпоху, и дни его на этой земле были, действительно, долгими; поскольку, когда он стал королем, ему было два миллиона лет; затем он правил 6 300 000 лет; сделав это, он отказался от своей империи и просуществовал еще 100 000 лет.^[254]

То же безграничное почтение к древности заставляло индусов относить все важные вещи к самым отдаленным периодам; и они часто назначают даты, которые совершенно сбивают с толку.^[255] Их великому собранию законов, называемому *Институтами меню*, определено меньше 3000 лет; но индийские хронологи, столь далекие от того, чтобы быть удовлетворенными этим, приписывают им возраст, который трезвому европейскому уму трудно даже представить. Согласно лучшим местным источникам, эти Институты были открыты человеку примерно за две тысячи миллионов лет до нашей эры.^[256]

Все это лишь часть той любви к далекому, того стремления к бесконечному и того безразличия к настоящему, которые характеризуют каждую ветвь индийского интеллекта. Не только в литературе, но также в религии и искусстве эта тенденция преобладает. Подчинять себе разум и возвышать воображение - универсальный принцип. В догмах их теологии, в характере их богов и даже в формах их храмов мы видим, как возвышенные и угрожающие аспекты внешнего мира наполнили сознание людей теми образами великого и ужасного, которые они стремятся воспроизвести в зримой форме и которым они обязаны ведущими особенностями своей национальной культуры.

Наш взгляд на этот обширный процесс может проясниться, если сравнить его с противоположным состоянием Греции. В Греции мы видим страну, совершенно

противоположную Индии. Творения природы, которые в Индии поражают воображение, в Греции гораздо меньше, слабее и во всех отношениях менее опасны для человека. В великом центре азиатской цивилизации энергия человеческой расы ограничена и как бы запугана окружающими явлениями. Помимо опасностей, сопутствующих тропическому климату, здесь есть эти величественные горы, которые, кажется, касаются неба и с чьих боков сбегает могучие реки, которые никакое искусство не может изменить их русла и которые никогда не удавалось перекинуть ни одному мосту. Там тоже непроходимые леса, целые страны, покрытые бесконечными джунглями, а за ними снова унылые и бескрайние пустыни; все это учит Человека его собственной слабости и неспособности справиться с силами природы. Снаружи и по обе стороны от него простираются огромные моря, охваченные бурями, гораздо более разрушительными, чем какие-либо известные в Европе, и такой внезапной силы, что невозможно защититься от их последствий. И, как будто в этих регионах все вместе сдерживает деятельность Человека, на всей береговой линии, от устья Ганга до крайнего юга полуострова, нет ни одной безопасной и просторной гавани, ни одного порта, предоставляющего убежище, которое, возможно, здесь более необходимо, чем в любой другой части мира.[257]

Но в Греции аспекты природы настолько совершенно иные, что изменились сами условия существования. Греция, как и Индия, образует полуостров; но в то время как в азиатской стране все велико и ужасающе, в европейской стране все мало и немощно. Вся Греция занимает площадь несколько меньшую, чем королевство Португалия,[258] это примерно сороковая часть того, что сейчас называется Индостаном.[259] Расположенный в наиболее доступной части узкого моря, он имел легкий контакт на востоке с Малой Азией, на западе с Италией, на юге с Египтом. Всевозможных опасностей было гораздо меньше, чем в тропических цивилизациях. Климат был более здоровым;[260] землетрясения были менее частыми; ураганы были менее разрушительными; дикие звери и вредные животные были менее многочисленны. В отношении других замечательных особенностей действует тот же закон. Самые высокие горы Греции составляют менее трети Гималаев, так что нигде они не достигают предела вечного снега.[261] Что касается рек, то здесь не только нет ничего, что могло бы сравниться с теми внушительными объемами, которые изливаются с гор Азии, но природа настолько необычайно вялая, что ни в Северной, ни в Южной Греции мы не находим ничего, кроме нескольких ручьев, которые легко переходятся вброд и которые, действительно, летом часто пересыхают.[262]

Эти разительные различия в материальных явлениях двух стран породили соответствующие различия в их ментальных ассоциациях. Ибо, поскольку все идеи должны возникать частично из того, что называется спонтанными операциями в уме, а частично из того, что внушается уму внешним миром, было естественно, что столь сильное изменение в одной из причин должно вызывать изменение в следствиях. Тенденция окружающих явлений заключалась в том, чтобы в Индии внушать страх; в Греции - вселять уверенность. В Индии Человека запугивали; в Греции его поощряли. В Индии препятствия любого рода были так многочисленны, так тревожны и, по-видимому, так необъяснимы, что жизненные трудности можно было разрешить, только постоянно обращаясь к непосредственному воздействию сверхъестественных причин. Поскольку эти причины находились за пределами понимания, ресурсы воображения были постоянно заняты их изучением; само воображение было перегружено работой, его активность стала опасной, оно посягнуло на понимание, и равновесие в целом было нарушено. В Греции противоположные обстоятельства привели к противоположным результатам. В Греции природа была менее опасной, менее навязчивой и менее загадочной, чем в Индии. Таким образом, в Греции человеческий разум был менее потрясен и менее суеверен; начали изучать

естественные причины; впервые стала возможной физическая наука; и человек, постепенно осознавая свою собственную силу, стремился исследовать события со смелостью, которой нельзя ожидать в тех других странах, где давление Природы подрывало его независимость и внушало идеи, с которыми знание несовместимо.

Влияние этих привычек мышления на национальную религию должно быть очень очевидным для любого, кто сравнивал популярное вероучение Индии с вероучением Греции. Мифология Индии, как и мифологии любой тропической страны, основана на терроре, причем на терроре самого экстравагантного рода. Свидетельства универсальности этого чувства изобилуют в священных книгах индусов, в их традициях и даже в самой форме и облике их богов. И все это так глубоко запечатлевается в сознании, что самыми популярными божествами неизменно являются те, с кем образы страха наиболее тесно связаны. Так, например, поклонение Шиве более распространено, чем любое другое; а что касается его древности, есть основания полагать, что оно было заимствовано браминами у коренных индийцев.^[263] Во всяком случае, она очень древняя и очень популярная; и сам Шива образует вместе с Брахмой и Вишну знаменитую Индуистскую Триаду. Поэтому нам не нужно удивляться, что с этим богом связаны образы ужаса, которые только тропическое воображение могло бы вообразить. Индийскому сознанию Шива представляется отвратительным существом, опоясанным змеиным поясом, с человеческим черепом в руке и ожерельем из человеческих костей. У него три глаза; о свирепости его нрава свидетельствует то, что он одет в тигровую шкуру; он изображен бродящим как сумасшедший, а над его левым плечом поднимает голову смертоносная кобра ди капелла. У этого чудовищного творения поражающей воображение фантазии есть жена Дверга, которую иногда называют Кали, а иногда и другими именами.^[264] Тело у нее темно-синего цвета, а ладони рук красные, что указывает на ее ненасытную жажду крови. У нее четыре руки, одной из которых она держит череп великана; ее язык высовывается и безвольно свисает изо рта; вокруг ее талии обвиты руки ее жертв; а ее шея украшена человеческими головами, нанизанными друг на друга в жуткий ряд.^[265]

Если мы теперь обратимся к Греции, то не найдем, даже в зачаточном состоянии ее религии, ни малейшего следа чего-либо, приближающегося к этому. Поскольку в Греции причин для страха было меньше, выражение ужаса было менее распространенным явлением. Следовательно, греки никоим образом не были расположены включать в свою религию те чувства страха, которые естественны для индусов. Тенденция азиатской цивилизации заключалась в увеличении дистанции между людьми и их божествами; тенденция греческой цивилизации заключалась в ее уменьшении. Таким образом, в Индостане во всех богах было что-то чудовищное: Вишну с четырьмя руками, Брахма с пятью головами и тому подобное.^[266] Но боги Греции всегда были представлены в формах, полностью человеческих.^[267] В этой стране ни один художник не привлек бы внимания, если бы он осмелился изобразить их в какой-либо другой форме. Он мог бы сделать их сильнее мужчин, он мог бы сделать их красивее; но все же они должны быть мужчинами. Аналогия между Богом и Человеком, возбуждавшая религиозные чувства греков, была бы фатальной для индусов.

Это различие между художественными выражениями двух религий сопровождалось точно таким же различием между их теологическими традициями. В индийских книгах воображение исчерпывается описанием подвигов богов; и чем очевиднее невозможность какого-либо достижения, тем с большим удовольствием оно им приписывалось. Но греческие боги имели не только человеческие формы, но и человеческие атрибуты, человеческие занятия и

человеческие вкусы.[268] Люди Азии, для которых каждый объект природы был источником благоговения, приобрели такие привычки благоговения, что они никогда не осмеливались отождествлять свои собственные действия с действиями своих божеств. Люди Европы, воодушевленные безопасностью и инертностью материального мира, не побоялись провести параллель, от которой они бы отшатнулись, если бы жили среди опасностей тропической страны. Таким образом, греческие божества настолько отличаются от божеств индусов, что, сравнивая их, мы, кажется, переходим от одного творения к другому. Греки обобщили свои наблюдения над человеческим разумом, а затем применили их к богам.[269] Холодность женщин была воплощена в Диане; их красота и чувственность - в Венере; их гордость - в Юноне; их достижения - в Минерве. К обычным занятиям богов применялся тот же принцип. Нептун был моряком; Вулкан был кузнецом; Аполлон был иногда скрипачом, иногда поэтом, иногда погонщиком быков. Что касается Купидона, то он был распутным мальчиком, игравшим со своим луком и стрелами; Юпитер был влюбчивым и добродушным царем; в то время как Меркурий безразлично изображался либо как заслуживающий доверия посланник, либо как обычный и печально известный вор.

Точно такая же тенденция приближать человеческие силы к сверхчеловеческим проявляется в другой особенности греческой религии. Я имею в виду, что в Греции мы впервые встречаемся с поклонением героям, то есть обожествлением смертных. Согласно уже изложенным принципам, этого нельзя было ожидать в тропической цивилизации, где Аспекты Природы наполняли Человека постоянным ощущением собственной несостоятельности. Поэтому естественно, что это не должно быть частью древнеиндийской религии;[270] ни египтянам это не было известно,[271] ни Персы,[272] и, насколько мне известно, не на арабов.[273] Но в Греции Человек, будучи менее униженным и, так сказать, менее затмеваемым внешним миром, больше думал о своих собственных силах, и человеческая природа не подвергалась той дискредитации, в которой она погрязла в других местах. Следствием этого стало то, что обожествление смертных было признанной частью национальной религии в очень ранний период истории Греции;[274] и это было признано настолько естественным для европейцев, что впоследствии этот обычай был с выдающимся успехом возобновлен Римской церковью. Другие обстоятельства совсем иного характера постепенно искореняют эту форму идолопоклонства; но на ее существование стоит обратить внимание как на одну из бесчисленных иллюстраций того, каким образом европейская цивилизация отличалась от всех предшествовавших ей.[275]

Таким образом, в Греции все было направлено на возвышение достоинства человека, в то время как в Индии все было направлено на его подавление.[276] Подводя итог всему, можно сказать, что греки больше уважали человеческие силы; индусы - сверхчеловеческие. Первый имел дело больше с известным и доступным; другой - с неизвестным и таинственным.[277] И благодаря паритету рассуждений воображение, которое индусы, угнетенные пышностью и величием природы, никогда не стремились контролировать, утратило свое господство на маленьком полуострове Древней Греции. В Греции, впервые в мировой истории, воображение было в какой-то степени умерено и ограничено пониманием. Не то чтобы его сила была ослаблена или жизненная сила уменьшилась. Оно было взломано и приручено; его буйство было обуздано, его безумства были наказаны. Но то, что его энергия сохранилась, мы имеем достаточно доказательств в тех произведениях греческого разума, которые сохранились до нашего времени. Таким образом, выигрыш был полным, поскольку были развиты пытливые и скептические способности человеческого разума, не разрушая благоговейных и поэтических инстинктов воображения. Был ли баланс точно отрегулирован, это другой вопрос; но

несомненно, что в Греции к такому выравниванию подошли более близко, чем в какой-либо предыдущей цивилизации.[278] Я думаю, может быть мало сомнений в том, что, несмотря на то, что было сделано, слишком много полномочий было предоставлено способностям воображения, и что способностям чисто рассуждающим не уделялось и никогда не уделялось достаточного внимания. Тем не менее, это не влияет на тот важный факт, что греческая литература является первой, в которой этот недостаток был несколько исправлен, и в которой была предпринята преднамеренная и систематическая попытка проверить все мнения на предмет их соответствия человеческому разуму и, таким образом, отстоять право Человека самостоятельно судить о вопросах высшей и неисчислимой важности.

Я выбрал Индию и Грецию в качестве двух терминов для предыдущего сравнения, потому что наша информация об этих странах наиболее обширна и была наиболее тщательно систематизирована. Но все, что мы знаем о других тропических цивилизациях, подтверждает взгляды, которые я отстаивал в отношении эффектов, производимых Различными Аспектами Природы. В Центральной Америке были проведены обширные раскопки, и то, что удалось обнаружить, доказывает, что национальная религия, как и религия Индии, была системой полного и безудержного террора.[279] Ни там, ни в Мексике, ни в Перу, ни в Египте люди не желали представлять своих божеств в человеческом обличье или приписывать им человеческие атрибуты. Даже их храмы представляют собой огромные здания, часто построенные с большим мастерством, но демонстрирующие явное желание внушить уму страх и представляющие разительный контраст с более легкими и миниатюрными сооружениями, которые греки использовали в религиозных целях. Таким образом, даже в архитектурном стиле мы видим действие того же принципа; опасности тропической цивилизации больше наводят на мысль о бесконечности, в то время как безопасность европейской цивилизации больше наводила на мысль о конечном. Чтобы проследить последствия этого великого антагонизма, было бы необходимо указать, как связаны бесконечное, образное, синтетическое и дедуктивное, которым, с другой стороны, противостоят конечное, скептическое, аналитическое и индуктивное. Полная иллюстрация этого вывела бы меня за рамки плана данного Введения и, возможно, превысила бы ресурсы моих собственных знаний; а теперь я должен предоставить искренности читателя то, что, как я понимаю, является всего лишь несовершенным наброском, но что, тем не менее, может подсказать ему материалы для будущих размышлений и, если я позволю себе надеяться, может открыть историкам новую область, напомнив им, что повсюду на нас действует рука Природы и что историю человеческого разума можно понять, только связав с ней историю и аспекты материальной вселенной.

Примечание 36 к стр. 61.

Поскольку эти взгляды имеют социальное и экономическое значение, совершенно независимое от их физиологической ценности, я попытаюсь в этой заметке еще больше укрепить их, показав, что связь между карбонизированной пищей и функциями дыхания может быть проиллюстрирована более широким обзором животного царства.

Наиболее универсальной железой среди различных классов животных является печень;^[a] и ее основная задача - избавить систему от избыточного углерода, что она выполняет путем выделения желчи, жидкости с высокой степенью карбонизации.^[b] Связь между этим процессом и функциями дыхания весьма любопытна. Ибо, если мы возьмем общий взгляд на

жизнь животных, мы обнаружим, что печень и легкие почти всегда являются компенсаторными; иными словами, когда один орган мал и инертен, другой велик и активен. Так, у рептилий слабые легкие, но значительная печень;[c] и, таким образом, у рыб, у которых нет легких в обычном смысле этого слова, размер печени часто огромен.[d] С другой стороны, насекомые имеют очень большую и сложную систему воздушных трубок; но их печень крошечная, и ее функции обычно вялые.[e] Если вместо сравнения различных классов животных мы сравним различные стадии, через которые проходит одно и то же животное, мы найдем дальнейшее подтверждение этого широкого и поразительного принципа. Ибо закон действует даже до рождения, поскольку у нерожденного младенца легкие почти не функционируют, но есть огромная печень, которая полна энергии и в изобилии выделяет желчь.[f] И это соотношение настолько неизменно, что у человека печень является первым органом, который формируется: она преобладает в течение всего периода материнской жизни; но она быстро уменьшается, когда после рождения в игру вступают легкие и в системе устанавливается новая схема компенсации.[g]

Сноски:

[a] 'Самой постоянной железой в животном мире является печень'. *Сост. Гранта. Анат.* стр. 576. См. также *Беклара, Анат. Gén.* стр. 18, и *Бурдах, Описание физиологии.* том ix. стр. 580. Бурдах говорит: 'Il existe dans presque tout le règne animal'; и последние исследования обнаружили зачатки печени даже у Entozoa и Rotifera. "*Царство животных*" Раймера Джонса, 1855, стр. 183, и "*Беспозвоночные*" Оуэна, 1855, стр. 104.

[b] До анализа, проведенного Демарсе в 1837 году, о составе желчи почти ничего не было известно; но этот опытный химик установил, что ее основным компонентом является холеат соды и что холеиновая кислота содержит почти шестьдесят три процента. из углерода. Сравните "*Химию животных*" Томсона, стр. 59, 60, 412, 602, с "*Химией Саймона*", том ii. стр. 17-21.

[c] 'Размер печени и количество желчи не пропорциональны количеству пищи и частоте приема пищи; но обратно пропорциональны размеру и совершенству легких.... Печень пропорционально больше у рептилий, у которых есть легкие с крупными клетками, неспособными быстро обезуглероживать кровь.' "*Изучение медицины*" Гуда, 1829, том i. стр. 32, 33. See *Cuvier, Règne Animal*, vol. ii. p. 2, on 'la petitesse des vaisseaux pulmonaires' of reptiles.

[d] *Сравнительная анатомия Каруса*, том ii. стр. 230; *Сост. Гранта. Анат.* стр. 385, 596; "*Царство животных*" Раймера Джонса, стр. 646.

[e] Действительно, М. Гаэд предположил, что "vaisseaux biliares" некоторых насекомых не были "секреторами"; но это мнение, по-видимому, ошибочно. См. Латрейля в *книге Кювье*, "*Раннее животное*", том iv. стр. 297, 298.

[f] "Преобладание фуа-гра" замечено Биша (*Анатомия генерала*, том ii, стр. 272) и многими другими физиологами; но доктор Эллиотсон, по-видимому, был одним из первых, кто осознал факт, объяснение которого мы могли бы тщетно искать у более ранних авторов. 'Гипотеза о том, что печень, как и легкие, широко используется для удаления углерода из организма, с той разницей, что изменение емкости воздуха вызывает поступление калорий в кровь в случае

легких, в то время как печеночная экскреция происходит без введения калорий, была, насколько я помню, моей большой любимицей, когда я был студентом Гейдельбергские профессора привели множество аргументов на тот же счет. У плода, для поддержания температуры которого должно быть достаточно тепла матери, легкие не функционируют; но печень имеет большие размеры, и желчь выделяется в изобилии, так что в последние месяцы беременности значительно накапливается меконий." *"Физиология человека" Эллиотсона, 1840, стр. 102. В "Медицинской физиологии" Лепеллетье, т. i, стр. 466, т. ii, стр. 14, 546, 550, все это прискорбно перепутано.*

[g] "Печень является первым сформированным органом у эмбриона. Он развивается из пищеварительного тракта и примерно на третьей неделе заполняет всю брюшную полость и составляет половину веса всего эмбриона.... При рождении она очень большого размера и занимает всю верхнюю часть живота.... Печень быстро уменьшается после рождения, вероятно, из-за облитерации пупочной вены". *"Анатомия человека" Уилсона, 1851, стр. 638. Compare Burdach's Physiologie, vol. iv. p. 447, where it is said of the liver in childhood, 'Cet organe croît avec lenteur, surtout comparativement aux poumons; le rapport de ceux-ci au foie étant à peu près de 1:3 avant la respiration, il était de 1:1.86 après l'établissement de cette dernière fonction.'* См. также стр. 91 и т. iii. стр. 483; а о преобладании печени в жизни плода см. Замечания Серра (*Жоффруа Сент-Илера, Аномалии организма, т. ii. стр. 11*), обобщение которого, возможно, несколько преждевременно.

Эти факты, представляющие интерес для физиолога-философа, имеют большое значение в отношении доктрин, отстаиваемых в этой главе. Поскольку печень и легкие являются компенсаторными в истории своей организации, весьма вероятно, что они также являются компенсаторными и в выполняемых ими функциях; и что то, что не сделано одним, должно быть выполнено другим. Следовательно, печень выполняет обязанность, как учит нас химия, по обезуглероживанию системы путем выделения карбонизированной жидкости, и мы должны ожидать, даже при отсутствии каких-либо дополнительных доказательств, что легкие также будут обезуглероживаться; другими словами, мы должны ожидать, что если по какой-либо причине мы перенасыщены углеродом, наши легкие должны помочь устранить это зло. Это подводит нас другим путем к выводу, что сильно карбонизированная пища имеет тенденцию нагружать легкие; так что связь между карбонизированной диетой и дыхательными функциями, вместо того чтобы быть, как некоторые утверждают, грубой гипотезой, является в высшей степени научной теорией и подтверждается не только химией, но и общей схемой животного царства и даже наблюдением эмбриологических явлений. Взгляды Либиха и его последователей действительно подтверждаются таким количеством аналогий и так хорошо согласуются с другими областями нашего знания, что ничем, кроме извращенной ненависти к обобщениям или неспособности оперировать большими умозрительными истинами, нельзя объяснить враждебность, направленную против выводов, которые постепенно навязывались нам с тех пор, как семьдесят лет назад Лавуазье попытался объяснить функции дыхания, подчиняя их законам химического сочетания.

В этом и предыдущих примечаниях (см., в частности, примечания 30, 31, 35) я подробно рассмотрел связь между дыханием при приеме пищи и выделением тепла животными, что покажется утомительным читателям, не интересующимся физиологическими исследованиями; но исследование стало необходимым из-за трудностей, возникающих у экспериментаторов, которые, не изучив предмет всесторонне, возражают против определенных его частей. Чтобы

упомянуть о том, что, судя по способностям и репутации автора, является ярким примером этого, сэр Бенджамин Броди недавно опубликовал книгу (*Физиологические исследования*, 1851), содержащую несколько остроумно проведенных экспериментов на собаках и кроликах, доказывающих, что тепло вырабатывается скорее нервной системой, чем органами дыхания. Не вдаваясь в подробности этого выдающегося хирурга, мне будет позволено заметить, во-первых, что, как простой исторический факт, никакая великая физиологическая истина никогда еще не была открыта, и никакая великая физиологическая ошибка не была разрушена такими ограниченными экспериментами на одном классе животных; и это отчасти потому, что в физиологии решающий пример невыполним из-за того факта, что мы имеем дело с сопротивляющимися и живыми телами, а отчасти потому, что каждый эксперимент вызывает ненормальное состояние и, таким образом, допускает новые причины, действие которых неисчислимо; если только, как это часто бывает в неорганическом мире, не будет устранен какой-либо важный физиологический сбой. мы можем контролировать все это явление. 2-й, Что другой отдел органического мира, а именно растительное царство, не имеет, насколько нам известно, нервной системы, но, тем не менее, обладает теплом; и более того, мы знаем, что тепло является продуктом кислорода и углерода (см. Примечание 32 к главе ii.). 3-й, что свидетельства путешественников о различных видах пищи и различном количестве пищи, употребляемой в жарких странах и в холодных, объясняются дыхательной и химической теориями происхождения животного тепла, но необъяснимы теорией нервной происхождения тепла.

Сноски:

[38] Я сердечно присоединяюсь к замечанию одного из величайших мыслителей нашего времени, который говорит о предполагаемых расовых различиях: 'из всех вульгарных способов ускользнуть от рассмотрения воздействия социальных и моральных влияний на человеческий разум, самым вульгарным является приписывание различий в поведении и характерах врожденным природным различиям'. *Принципы политической экономии Милля*, том i, стр. 390. Обычные писатели постоянно впадают в ошибку, предполагая существование этого различия, которое может существовать, а может и не существовать, но которое, несомненно, никогда не было доказано. Некоторые единичные примеры этого можно найти в *"Истории Европы" Элисон*, т. ii. стр. 336, т. vi. стр. 136, вып. viii. стр. 525, 526, об. xiii. с. 347; где историк думает, что несколькими росчерками своего пера он может разрешить вопрос величайшей трудности, связанный с некоторыми из самых запутанных проблем физиологии. О предполагаемой связи между расой и темпераментом см. *Конт, Позитивная философия*, том iii. стр. 355.

[39] Что касается надлежащих границ физической географии, см. *Причарда по этнологии*, в *Отчете Британской ассоциации за 1847 год*, стр. 235. Слово 'климат' я всегда использую в узком и популярном смысле. Доктор Форри и многие предыдущие авторы почти совпадают с 'физической географией': 'Климат представляет собой совокупность всех внешних физических обстоятельств, присущих каждой местности в ее отношении к органической природе'. *Форри "Климат Соединенных Штатов и его эндемические влияния"*, Нью-Йорк, 1842, стр. 127.

[40] Под классами безработных я подразумеваю то, что Адам Смит называет непродуктивными классами; и хотя оба выражения, строго говоря, неточны, слово "безработный", кажется, яснее любого другого передает идею текста.

[41] Этим полностью пренебрегли три наиболее философствующих писателя о климате: Монтескье, Юм и М. Шарль Конт в его *Трактате о законодательстве*. Это также опущено в замечаниях М. Гизо о влиянии климата на цивилизацию в Европе, стр. 97.

[42] Смотрите замечательные замечания в книге Лэйнга "Дания", 1852, стр. 204, 366, 367; хотя Норвегия, по-видимому, является лучшей иллюстрацией, чем Дания. В "Социальной науке" Рея, т. i, стр. 195, 196, есть некоторые расчеты относительно средних потерь сельскохозяйственной промышленности, вызванных изменениями погоды; но не уделяется внимания связи между этими изменениями, когда они резкие, и характером нации.

[43] Это выражение использовалось разными географами в разных смыслах; но я беру его в общепринятом виде, без ссылки на более строго физический взгляд Риттера и его последователей в отношении Центральной Азии. См. "Физическую историю человечества" Причарда, том iv. стр. 278, изд. 1844. На стр. 92 Причард называет Гималаи южной границей Центральной Азии.

[44] Есть основания полагать, что татары Тибета получили даже свой алфавит из Индии. Смотрите интересное эссе о татарских монетах в *Журнале Азиатского общества*, т. iv. стр. 276, 277; а о скифском алфавите см. т. xii. стр. 336.

[45] В "Физической географии" Сомервилла, том i, стр. 132, говорится, что в Аравии "нет рек"; но м-р Уэллстед ("Путешествия по Аравии", том ii, стр. 409) упоминает одну, которая впадает в море в пяти милях к западу от Адена. On the streams in Arabia, see Meiners über die Fruchtbarkeit der Länder, vol. i. pp. 149, 150. То, что единственным недостатком является отсутствие орошения, явствует из слов Буркхардта, который говорит (Путешествия по Аравии, т. i, стр. 240): 'В Аравии везде, где землю можно орошать из колодцев, пески могут вскоре стать плодородными'. А поразительное описание одного из оазисов Омана, показывающее, какой могла бы быть Аравия при хорошей речной системе, см. в *Журнале Географического общества*, т. vii. стр. 106, 107.

[46] Г-н Морье (*Журнал геологии. Соц.* том vii. стр. 230) говорит: "завоевание Персии сарацинами в 651 году н.э.". Однако судьбу Персии решили битвы при Кудсии и Нахавунде, которые произошли в 638 и 641 годах: см. *История Персии Малкольма*, том i. стр. xvi. 139, 142.

[47] В 712. *Средние века Халлама*, том i, стр. 369.

[48] Они были основаны в Пенджабе в начале девятого века, но завоевали Гузерат и Малву только пятьсот лет спустя. Сравните примечание Уилсона в *Вишну-пуране*, стр. 481, 482, с *Азиатскими исследованиями*, том ix. стр. 187, 188, 203. Об их продвижении в более южной части полуострова см. *Журнал Азиатского общества*, т. iii. стр. 222, 223, т. iv. стр. 28-30.

[49] 'Раса скотоводческих варваров'. Дикинсон об арабском языке, в *Журнале Азии. Общество*, том v. стр. 323. Сравните Рейнье, *Арабскую экономику*, стр. 27, 28; где, однако, очень простой вопрос излишне усложняется. Древнеперсидские писатели дали им вежливое название 'банда голых ящероедов'. *История Малькольма. о Персии*, т. i., стр. 133. Действительно, в истории мало что доказано лучше, чем варварство народа, которому некоторые авторы желают придать романтический интерес. The eulogy passed on them by Meiners is rather suspicious, for he concludes by saying, 'die Eroberungen der Araber waren höchst selten so blutig und zerstörend, als die Eroberungen der Tataren, Persen, Türken, u.s.w. in ältern und neuern Zeiten waren.' *Fruchtbarkeit*

der Länder, vol. i. p. 153. Если это лучшее, что можно сказать, то сравнение с татарами и турками мало что доказывает; но странно, что этот ученый автор забыл отрывок из Диодора Сицилийского, который дает приятное описание их девятнадцати столетий назад на восточной стороне: Библиотека. История. библиотека. ii. том. ii. стр. 137. ἔχουσι δὲ βίον ληστρικὸν, καὶ πολλὴν τῆς ὁμόρων χώρας κατατρέχοντες ληστεύουσιν, &c.

[50] Единственной отраслью знаний, которую арабы когда-либо возвели в ранг науки, была астрономия, которая начала культивироваться при халифах примерно в середине восьмого века и продолжала совершенствоваться до тех пор, пока "Город Багдад не наступил, подвешенный к диксиеме, главный театр восточной астрономии". Монтукла, *История математики*, том i. стр. 355, 364. Древние арабы-язычники, подобно большинству варварских народов, живших в прозрачной атмосфере, имели такое эмпирическое знакомство с небесными явлениями, которое использовалось в практических целях; но нет никаких доказательств, подтверждающих распространенное мнение, что они изучали этот предмет как науку. Доктор Дорн (*Труды Азиатского общества*, том ii, стр. 371) говорит: 'среди них не может быть обнаружено никаких следов научных знаний в области астрономии'. Бособр (*История манихейства*, том i, стр. 20) с большим энтузиазмом относится к философии арабов во времена Пифагора! и он говорит нам, что "эти люди совершенствуются в науках". Чтобы подтвердить этот факт, он цитирует длинный отрывок из "Жизни Мухаммеда", написанный в начале восемнадцатого века Булэнвилле, которого он называет "un des plus beaux génies de France". Если это точное описание, то те, кто читал произведения Булэнвилле, подумают, что во Франции не хватало гениальных людей; а что касается его "жизни Мухаммеда", то она немногим лучше романа: автор не знал арабского и не знал ничего такого, о чем уже не сообщили Мараччи и Покок. См. *Биографию Вселенной*, том v., стр. 321.

Что касается более поздних арабских астрономов, то одним из их великих достоинств было гораздо более точное приближение к величине годовой прецессии, чем это сделал Птолемей. См. *"Историю физической астрономии" Гранта*, 1852, стр. 319.

[51] На самом деле она выходит за рамки этого: 'непроходимые пески пустыни Сахара, которые даже вдаются на многие мили в Атлантический океан в виде песчаных отмелей'. *"Физическая география Сомервилля"*, том i, стр. 149. Уникальный пример того, как одна из этих песчаных отмелей превращается в остров, см. в *Географическом журнале. Общество*, том ii. стр. 284. Пустыня Сахара, за исключением Борну и Дарфура, занимает площадь в 194 000 квадратных миль, то есть почти в три раза больше Франции или в два раза больше Средиземноморья. Сравните *"Геологию Лайелла"*, стр. 694, с "Связью наук" *Сомервилля*, стр. 294. Что касается вероятных южных границ плато Сахара, см. *"Миссия Ричардсона в Центральную Африку"*, 1853, т. ii, стр. 146, 156; а что касается его части, примыкающей к стране мандинго, см. *"Путешествия Мунго Парка"*, т. i, стр. 237, 238....., Относительно страны к югу от Мандары Денхэм собрал некоторую скудную информацию в окрестностях озера Чад. *Северная и Центральная Африка Денхэма*, стр. 121, 122, 144-146.

[52] Ричардсон, который путешествовал по нему к югу от Триполи, отмечает его 'черты стерильности, непобедимого бесплодия'. *"Сахара" Ричардсона*, 1848, т. i, стр. 86; и посмотрите поразительную картину на стр. 409. Долгий и унылый маршрут из Мурзука в Йеу, на озере Чад, описан Денхемом, одним из крайне немногих европейцев, совершивших это опасное путешествие. *"Центральная Африка" Денхэма*, стр. 2-60. Даже на берегу Чада почти нет

растительности, "жесткая трава и маленький колокольчик - единственные растения, которые я смог обнаружить", стр. 90. Сравните его замечание о Борну, стр. 317. Состояние части пустыни в четырнадцатом веке описано в *"Путешествиях Ибн Батуты"*, стр. 233, которые следует сравнить с отчетом Диодора Сицилийского о путешествии Александра к храму Амона. Библиотека. Историческая. библиотека. xvii. том vii. стр. 348.

[53] Ричардсон, который путешествовал в 1850 году из Триполи в течение нескольких дней до озера Чад, был поражен неподвижным характером людей. Он говорит: "Ни в пустыне, ни в королевствах Центральной Африки нет никаких признаков цивилизации. Все идет по определенному распорядку, установленному веками". *Миссия в Центральную Африку*, том i. стр. 304, 305. Смотрите аналогичные замечания в *"Путешествиях Паллме по Кордофану"*, стр. 108, 109.

[54] Абд-Аллатиф, побывавший в Египте в начале XIII века, дает интересный отчет о подъеме уровня Нила, которому Египет обязан своим плодородием. *Абд-Аллатиф, Египетские отношения*, стр. 329-340, 374-376 и Приложение, стр. 504. Смотрите также об этих периодических наводнениях. *"Древние египтяне" Уилкинсона*, том iv. стр. 101-104; и о связанных с ними полуастрономических, полу теологических представлениях, стр. 372-377, том v. стр. 291, 292. Сравните с "Религиозным значением Нила" *книгу Бунзена "Египет"*, том i, стр. 409. Следовательно, выражение Геродота (книга ii. глава V. том i. стр. 484), *δύρον τοῦ ποταμοῦ* верно в гораздо большем смысле, чем он предполагал; поскольку Нилу Египет обязан всеми физическими особенностями, которые отличают его от Аравии и великой африканской пустыни. Сравните *"Африканские нации" Хирена*, том ii, стр. 58; *Рейнье, "Экономика арабских стран"*, стр. 3; *"О Ниле и Инде" Постака*, в *"Журнале Азиатского общества"*, том vii, стр. 275; а о разнице между почвой Нила и окружающей пустыни см. *"Волни"*, *"Путешествие в Сирию и в Египет"*, том i, стр. 14.

[55] "Средняя ширина долины от одного горного хребта до другого, между Каиром в Нижнем Египте и Эдфу в Верхнем Египте, составляет всего около семи миль; а площадь обрабатываемых земель, границы которых зависят от затопления, едва превышает пять с половиной". *"Древние египтяне" Уилкинсона*, том i. стр. 216. По словам Джерарда, 'средняя ширина долины между Сиеной и Каиром составляет около девяти миль'. Примечание в *книге Хирена "Африканские нации"*, том ii. стр. 62.

[56] Я приведу один пример из уст в остальном здравомыслящего писателя и к тому же человека значительной образованности: 'Что касается физических знаний египтян, то их современники приписывали им удивительную силу их магии; и поскольку мы не можем предположить, что случаи, описанные в Священном Писании, можно было приписать проявлению сверхъестественных сил, мы должны заключить, что они обладали более глубокими знаниями законов и комбинаций природы, чем те, которые исповедуют самые образованные люди современности'. *Египет Гамильтона*, стр. 61, 62. Досадно, что такая бессмыслица была написана в девятнадцатом веке: и все же еще более поздний автор (*Книга о пирамидах*, том i, стр. 28) уверяет нас, что 'египтяне для особых целей были наделены великой мудростью и наукой'. Науки, собственно так называемой, у египтян не было; а что касается их мудрости, то она была достаточно значительной, чтобы отличать их от варварских народов, таких как древние евреи, но она уступала грекам и, конечно, была неизмеримо ниже, чем у современной Европы.

[57] Действительно, многие из них до сих пор неизвестны; ибо, как справедливо замечает М. Рей, большинство авторов уделяют слишком исключительное внимание производству богатства и пренебрегают законами его распределения. *Рей, Социальная наука*, том iii. стр. 271. В подтверждение этого я могу упомянуть теорию ренты, которая была открыта всего около полувека назад и которая связана с таким количеством тонких аргументов, что до сих пор не получила всеобщего признания; и даже некоторые из ее сторонников показали, что не в состоянии защитить свое собственное дело. Великий закон соотношения между стоимостью труда и прибылью на капитал является высшим обобщением, которого мы достигли в отношении распределения богатства; но он не может быть последовательно принят кем-либо, кто считает, что рента входит в цену.

[58] На еще более продвинутой стадии происходит четвертое разделение богатства, и часть продукта труда поглощается рентой. Это, однако, не элемент цены, а ее следствие; и при обычном ходе дел должно пройти значительное время, прежде чем это может начаться. Рента в собственном смысле этого слова - это цена, уплачиваемая за использование естественных и неистребимых сил почвы, и ее не следует путать с рентой, обычно так называемой; ибо эта последняя также включает прибыль от капитала. Я обращаю на это внимание, потому что некоторые оппоненты Рикардо слишком рано положили начало ренте, упустив из виду тот факт, что видимая рента очень часто является замаскированной прибылью.

[59] Следовательно, заработная плата зависит от соотношения между численностью работающего населения и капиталом или другими фондами, направленными на покупку рабочей силы; для краткости мы будем говорить капитал. Если заработная плата в одно время или в другом месте выше, чем в другом, если средства к существованию и комфорт класса наемных рабочих более достаточны, то это происходит и не может происходить ни по какой другой причине, кроме как потому, что капитал составляет большую долю населения. Для рабочего класса важен не абсолютный объем накопления или производства; это даже не сумма средств, предназначенных для распределения между рабочими; это соотношение между этими средствами и числом людей, между которыми они распределяются. Положение класса не может быть улучшено никаким другим способом, кроме как путем изменения этой пропорции в их пользу; и любой план в их пользу, который не исходит из этого в качестве своей основы, является для всех постоянных целей заблуждением'. "*Принципы политической экономии*" Милля, 1849, том i, стр. 425. См. также том ii. стр. 264, 265 и *Политическую экономию Мак-Каллоха*, стр. 379, 380. Рикардо в своем *Эссе о влиянии низких цен на хлеб* с присущей ему лаконичностью изложил три возможные формы решения этого вопроса: 'Повышение или понижение заработной платы характерно для всех состояний общества, будь то стационарное, развивающееся или ретроградное состояние. В стационарном состоянии это полностью регулируется увеличением или убылью населения. В развивающемся состоянии это зависит от того, капитал или население развиваются более быстрыми темпами. В ретроградном государстве это зависит от того, что сокращается быстрее - население или капитал.' *Работы Рикардо*, стр. 379.

[60] Стандарт комфорта, конечно, предполагался прежним.

[61] "Нет более обоснованного положения, чем то, что количество рабочих всегда в конечном счете будет пропорционально средствам их содержания". *Принципы политической экономии*,

глава xxi. в *Работах Рикардо*, стр. 176. Сравните *"Богатство народов"* Смита, книга i, глава xi, стр. 86, и *"Политическую экономию"* Мак-Каллоха, стр. 222.

[62] Говорят, что Магенди впервые указал на разделение пищевых продуктов на азотированные и неазотированные. См. *Физиологию Мюллера*, том i, стр. 525. В настоящее время это признано большинством ведущих авторитетов. См., например, *"Химия животных"* Либиха, стр. 134; *"Физиология человека"* Карпентера, стр. 685; *"Химия Бранде"*, том ii. стр. 1218, 1870. Первые столы с едой, составленные в соответствии с ним, были созданы Буссингом; смотрите *Подробное Эссе господ Дж. Лоус и Гилберт о составе пищевых продуктов*, в *Отчете Британской ассоциации за 1852 г.*, стр. 323: "но эксперименты, проведенные этими джентльменами, недостаточно многочисленны и разнообразны, чтобы установить общий закон; еще меньше мы можем согласиться с их странным утверждением, стр. 346, что сравнительные цены на различные продукты являются критерием питательности, которую они сравнительно содержат".

[63] 'Из всех элементов организма животных азот обладает наименьшим притяжением к кислороду; и, что еще более примечательно, он в большей или меньшей степени лишает все горючие элементы, с которыми он соединяется, способности соединяться с кислородом, то есть подвергаться горению'. *Письма Либиха по химии*, стр. 372.

[64] Доктрина о том, что можно назвать защитной способностью некоторых веществ, все еще недостаточно изучена, и до конца восемнадцатого века о ее существовании едва ли подозревали. Теперь известно, что это связано с общей теорией ядов. См. *Turner's Chemistry*, том i, стр. 516. К этому, вероятно, следует отнести тот факт, что некоторые яды, которые смертельны при нанесении на раненую поверхность, могут быть безнаказанно приняты в желудок. *Физиологические исследования Броди*, 1851, стр. 137, 138. Кажется более разумным отнести это к химическим законам, чем утверждать вместе с сэром Бенджамином Броуди, что некоторые яды "уничтожают жизнь, парализуя дыхательные мышцы, не влияя непосредственно на работу сердца".

[65] Хорошо известное разделение Праута на сахариновые, маслянистые и белковые вещества представляется мне гораздо менее ценным, хотя я замечаяю, что оно принято в последнем издании *"Физиологии человека"* Эллиотсона, стр. 65, 160. Разделение М. Лепеллетье на 'солидных людей и буассонов', конечно, носит чисто эмпирический характер. *Lepelletier, Physiologie Médicale*, vol. ii. p. 100, Paris, 1832. Что касается классификации Праута, сравните *"Физиологическую характеристику"* Бурдаха, том ix, стр. 240, с *"Физиологией Вагнера"*, стр. 452.

[66] Доказательства универсальной связи в организме животных между физической нагрузкой и разложением в настоящее время почти исчерпаны. Что касается мышечной системы, см. *"Физиология человека"* Карпентера, стр. 440, 441, 581, изд. 1846: 'есть веские основания полагать, что отходы или разложение мышечной ткани находятся в точной пропорции к степени ее нагрузки'. Это, возможно, было бы общепринято даже в отсутствие прямых доказательств; но что более интересно, так это то, что тот же принцип справедлив и для нервной системы. Мозг взрослого человека содержит около полутора процентов фосфора; и было установлено, что после интенсивной тренировки мозга фосфаты выводятся из организма и что в случае воспаления мозга их выведение (почками) очень значительно. См. *Лекции Педжета по хирургической патологии*, 1853, том i, стр. 6, 7, 434; *Физиология человека Карпентера*, стр. 192,

193, 222; *Химия животных Саймона*, том ii, стр. 426; *Генле, Анатомия генера*, том ii, стр. 172. Читатель может также ознакомиться с недавней очень умелой работой ММ относительно фосфора мозга . Robin et Verdeil, *Chimie Anatomique*, vol. i. p. 215, vol. ii. p. 348, Paris, 1853. Согласно этим авторам (том iii, стр. 445), о его существовании в мозге впервые объявил Хенсинг в 1779 году.

[67] Хотя обе цели одинаково важны, первая обычно более насущна; и экспериментальным путем было установлено то, чего мы должны ожидать от теории, что когда животных морили голодом до смерти, происходит прогрессирующее снижение температуры их тел; так что непосредственной причиной смерти от голода является не слабость, а холод. См. *"Принципы медицины" Уильямса*, стр. 36; а о связи между потерей животным тепла и появлением *трупного окоченения* в сократительных частях тела см. *"Патологическая анатомия человеческого тела" Фогеля*, стр. 532. Сравните важную и вдумчивую работу Бурдаха, *"Физиология науки наблюдения"*, т. v., стр. 144, 436, т. ix., стр. 231.

[68] До последних двадцати или двадцати пяти лет предполагалось, что это сочетание происходит в легких; но более тщательные эксперименты сделали вероятным, что кислород соединяется с углеродом в кровообращении и что переносчиками кислорода являются кровяные тельца. Сравните *"Химию животных" Либиха*, стр. 78; *"Письма о химии"*, стр. 335, 336; *"Химию Тернера"*, т. ii. стр. 1319; *"Физиологию Мюллера"*, т. i. стр. 92, 159. То, что это соединение не происходит в воздушных камерах, более того, доказывается тем фактом, что легкие не нагреваются сильнее, чем другие части тела. См. *Мюллер*, том i, стр. 348; *Химия животных Томсона*, стр. 633; и *Физиология Броди. Исследования*, стр. 33. Другим аргументом в пользу того, что красные тельца являются переносчиками кислорода, является то, что они наиболее многочисленны у тех классов позвоночных, которые поддерживают самую высокую температуру; в то время как в крови беспозвоночных их содержится очень мало; и было поставлено под сомнение, существуют ли они вообще у нижнечелюстных и моллюсков. См. *Физиология человека Карпентера*. стр. 109, 532; *Сравнительная анатомия Гранта*, стр. 472; *Физиология человека Эллиотсона*. стр. 159. Что касается различных размеров корпускул, см. *Генле, Анатомия генера*, том i, стр. 457-467, 494, 495; *Блейнвилл, Сравнительная физиология*, том i, стр. 298, 299, 301-304; *Милн Эдвардс, Зоология*, часть i, стр. 54-56; *Четвертый отчет Британской ассоциации*, стр. 117, 118; *Simon's Animal Chemistry*, том i, стр. 103, 104; и, выше все, важные наблюдения мистера Гулливера (*Карпентер*, стр. 105, 106). Эти дополнения к нашим знаниям, помимо того, что они связаны с законами тепловыделения животных и питания, при обобщении помогут спекулятивным умам возвести патологию в ранг науки. Между тем я могу упомянуть о связи между исследованием кровяных телец и теорией воспаления, которую Хантер и Бруссе не смогли установить: она заключается в том, что непосредственной причиной воспаления является закупорка сосудов слипанием бледных телец. Учитывая это поразительное обобщение, которое все еще находится в стадии тестирования, сравните *"Принципы медицины" Уильямса*, 1848, стр. 258-265, с *"Хирургической патологией" Педжета*, 1853, т. i, стр. 313-317; *"Патологической анатомией" Джонса и Сивекинга*, 1854, стр. 28, 105, 106. Трудности, связанные с научным изучением воспаления, обойдены в *"Патологической анатомии" Фогеля*, стр. 418; работа, которую, как мне кажется, сильно переоценили.

[69] О количестве тепла, выделяемого соединением углерода и кислорода, см. Эксперименты Дюлонга в книге *Либиха "Химия животных"*, стр. 44; и эксперименты Дебреца в книге *Томсона*

"Химия животных", стр. 634. Точно таким же образом мы обнаруживаем, что температура растений поддерживается за счет сочетания кислорода с углеродом: см. *Ботаника Бальфура*, стр. 231, 232, 322, 323. Что касается количества тепла, выделяемого обычно химическим соединением, то стоит прочесть эссе доктора Томаса Эндрюса в *Отчете Британской ассоциации за 1849 г.*, стр. 63-78. См. также *Отчет за 1852 год, Перевод раздела*, стр. 40, и *Отчеты Либиха и Коппа о прогрессе химии*, том i, стр. 34, том iii, стр. 16, том iv, стр. 20; также *Пуйе, Элементы физики*, Париж, 1832, том i, часть i, стр. 411.

[70] Закон определенных пропорций, который со времен блестящих открытий Дальтона является краеугольным камнем химических знаний, с замечательной ясностью изложен в *"Элементах химии" Тернера*, т. i. стр. 146-151. Сравните *Химию Бранде*, том i, стр. 139-144; *Кювье, Прогресс наук*, том ii, стр. 255; *Связь наук Сомервилля*, стр. 120, 121. Но ни один из этих авторов не рассматривал закон так философски, как М. А. Конт, *Позитивная философия*, том iii. стр. 133-176, одна из лучших глав его очень глубокого, но плохо понятого труда.

[71] 'Ainsi, dans des temps égaux, la quantité d'oxygène consommée par le même animal est d'autant plus grande que la température ambiante est moins élevée.' *Робин и Вердей, Анатомическая химия*, том ii. стр. 44. Сравните *Лекции Саймона по патологии*, 1850, стр. 188, об уменьшении количества дыхания при высокой температуре; хотя можно усомниться в выводе мистера Саймона о том, что *следовательно* в жарких странах кровь более венозная, чем в холодных. При этом не учитывается разница в рационе питания, которая компенсирует разницу в температуре.

[72] 'Потребление кислорода за данное время может быть выражено количеством вдохов'. *"Письма Либиха о химии"*, стр. 314; и см. *"Химию животных" Томсона*, стр. 611. Также несомненно, что физические упражнения увеличивают количество дыханий, а птицы, которые являются наиболее активными из всех животных, потребляют больше кислорода, чем любые другие. *Милн Эдвардс, Зоология*, часть i. стр. 88, часть ii. стр. 371; *Флуранс, Труды Кювье*, стр. 153, 154, 265, 266. Сравните, о связи между дыханием и органами опорно-двигательного аппарата, *Beclard, Anatomie Générale*, стр. 39, 44; *Burdach, Traité de Physiologie*, том ix. стр. 485, 556-559; *"Сравнительная анатомия" Каруса*, том i. стр. 99, 164, 358, том ii. стр. 142, 160; *"Сравнительная анатомия" Гранта*, стр. 455, 495, 522, 529, 537; *Царство животных Раймера Джонса*, стр. 369, 440, 692, 714, 720; *Беспозвоночные Оуэна*, стр. 322, 345, 386, 505. Таким образом, также было экспериментально установлено, что у людей физические упражнения увеличивают количество углекислого газа. *"Физиология человека" Майо*, стр. 64; *Отчеты Либиха и Коппа*, том iii. стр. 359.

Если мы теперь сложим эти факты вместе, их влияние на положения текста станет очевидным; потому что в целом в холодном климате требуется больше физических упражнений, чем в жарком, и, следовательно, должно быть усилено дыхательное действие. Для доказательства того, что более активные упражнения как принимаются, так и требуются, сравните *Полярную экспедицию Врангеля*, стр. 79, 102; *Арктическую экспедицию Ричардсона*, том i, стр. 385; *"Северное побережье Америки" Симпсона*, стр. 49, 88, что следует противопоставить презрению к подобным развлечениям в жарких странах. Действительно, в полярных регионах все это настолько важно для сохранения нормального состояния, что избежать цинги в северной части американского континента можно, только занимаясь значительными физическими упражнениями: см. *Кранц, История Гренландии*, т. i. стр. 46, 62, 338.

[73] Смотрите примечание в конце этой главы.

[74] 'Во фруктах, употребляемых жителями южного климата, в свежем виде содержится не более 12% углерода; в то время как жир, которым питаются жители полярных регионов, содержит от 66 до 80% этого элемента.' *Письма Либиха по химии*, стр. 320; см. также стр. 375 и *Химию Тернера*, том ii. стр. 1315. Согласно Прауту ("*Физиология человека*" Майо, стр. 136), 'доля углерода в маслянистых телах колеблется примерно от 60 до 80 процентов'. Количество масла и жиров, обычно потребляемых в странах с холодным климатом, просто поразительно. Врангель (*Полярная экспедиция*, стр. 21) говорит о племенах северо-востока Сибири: 'жир - их главный деликатес. Они едят его во всех возможных формах: сырым, топленным, свежим или испорченным.' См. также *Открытия Симпсона на Северном побережье Америки*, стр. 147, 404.

[75] "Настолько распространен, что ни одно растение не лишено его". *"Ботаника Линдли"*, том i, стр. 111; и на стр. 121 "крахмал является наиболее распространенным из всех растительных продуктов". Доктор Линдли добавляет (том i, стр. 292), что трудно отличить зерна крахмала, выделяемые растениями, от цитобласты. Смотрите также о гранулах крахмала, впервые замеченных М. Линком, *Отчеты по ботанике Общества Рэя*, стр. 223, 370; и относительно его преобладания в растительном мире сравните *"Химию овощей" Томсона*, стр. 650-652, 875; *"Химию Бранде"*, т. ii. стр. 1160; *Turner's Chemistry*, vol. ii. p. 1236; *Liebig and Kopp's Reports*".

[76] Содержание кислорода составляет 49,39 из 100. Смотрите таблицу в *"Письмах Либиха о химии"*, стр. 379. Амидин, который является растворимой частью крахмала, содержит 53,33% кислорода. См. *"Химию овощей" Томсона*, стр. 654, об авторитете Праута, который имеет репутацию аккуратного экспериментатора.

[77] Из которых один кит даст "цент в тонну". *Кювье, Животное-ренье*, том i, стр. 297. Что касается твердой пищи, сэр Дж. Ричардсон (*Арктическая экспедиция*, 1851, т. i, стр. 243) говорит, что обитатели арктических регионов поддерживают себя только тем, что охотятся на китов и "потребляют жир".

[78] Говорят, что для поддержания здоровья человека его пища, даже в умеренных районах Европы, должна содержать 'на целую восьмую больше углерода зимой, чем летом'. *"Химия животных" Либиха*, стр. 16.

[79] Наиболее сильно карбонизированные из всех пищевых продуктов, несомненно, получают животные; наиболее сильно окисленные - овощи. Однако в растительном царстве углерода так много, что его преобладание в сочетании с редкостью азота побудило ботаников-химиков охарактеризовать растения как карбонизированные, а животных - как азотизированные. Но здесь мы должны обратить внимание на двойную противоположность. Овощи карбонизируются в той мере, в какой они не подвергнуты азотированию; но они окисляются в отличие от сильно карбонизированной животной пищи холодных стран. Кроме того, важно отметить, что углерод в овощах наиболее распространен в древесной и непитательной части, которую не употребляют в пищу; в то время как углерод животных содержится в жирных и маслянистых частях, которые не только употребляются в пищу, но и с жадностью поглощаются в холодных странах.

[80] Сэр Дж. Малкольм (*История Персии*, том ii, стр. 380), говоря о дешевизне овощей на Востоке, говорит: 'в некоторых частях Персии фрукты почти не имеют ценности'. Кювье в поразительном отрывке (*Règne Animal*, том i, стр. 73, 74) противопоставляет растительную пищу животной и считает, что первая, поскольку ее так легко получить, более естественна. Но правда

в том, что и то, и другое в равной степени естественно, хотя, когда Кювье писал, едва ли что-либо было известно о законах, управляющих взаимосвязью между климатом и пищей. О навыках и энергии, необходимых для добывания пищи в холодных странах, см. *Полярную экспедицию Врангеля*, стр. 70, 71, 191, 192; *Открытия Симпсона на Северном побережье Америки*, стр. 249; *Кранц, История Гренландии*, том i. стр. 22, 32, 105, 131, 154, 155, том ii. стр. 203, 265, 324.

[81] 'Cabanis' (*Rapports du Physique et du Moral*, p. 313) says, 'Dans les temps et dans les pays froids on mange et l'on agit davantage.' О том, что в холодных странах едят много еды, а в жарких - мало, упоминают многочисленные путешественники, никто из которых не знает причины. См. *Открытие Симпсона на Северном побережье Америки*, стр. 218; *"Россия"* Кюстина, том iv, стр. 66; *Экспедиция Врангеля*, стр. 21, 327; *Кранц, История Гренландии*, том i, стр. 145, 360; *"Центральная Африка"* Ричардсона, том ii, стр. 46; *"Сахара"* Ричардсона, том i, стр. 137; *"Африка"* Денхэма, стр. 37; *Журнал Азиатское общество*, т. v., стр. 144, вып. viii. с. 188; *"Путешествия Буркхардта по Аравии"*, том ii. стр. 265; *Нибур, Описание Арабии*, стр. 45; *Путешествие Уллоа в Южную Америку*, том i. стр. 403, 408; *Географический журнал. Общество*, том iii. стр. 283, том vi. стр. 85, том xix. стр. 121; *Путешествия Спикса и Мартиуса по Бразилии*, том i. стр. 164; *История Бразилии Саути*, том iii. стр. 848; *Волни, Путешествие в Сирию и в Египет*, том i. стр. 379, 380, 460; *Саравак Лоу*, стр. 140.

[82] Мейен (*География растений*, 1846, стр. 313) говорит, что картофель был завезен в Ирландию в 1586 году; но, согласно мистеру Мак-Куллоху (*Коммерческий словарь*, 1849, стр. 1048), "картофель, как принято считать, не был завезен в Ирландию до 1610 года, когда небольшое количество картофеля было завезено в Ирландию в 1586 году". был отправлен сэром Уолтером Рэли для посадки в саду его поместья в окрестностях Юхолла". Сравните *Энциклопедию Лаудона. of Agriculture*, стр. 845: "впервые посажен сэром Уолтером Рэли в его поместье Югхолл, недалеко от Корка".

[83] Адам Смит ("*Богатство наций*", книга i, глава xi, стр. 67) предполагает, что его поддержит в три раза больше; но статистика этого великого писателя - самая слабая часть его работы, и более тщательные расчеты, сделанные после того, как он написал, подтверждают утверждение в тексте. "Это свидетельствует о том, что акр картофеля прокормит вдвое больше людей, чем можно прокормить с акра пшеницы". *Энциклопедия Лаудона. о сельском хозяйстве*, 5-е изд., 1844, стр. 845. Точно так же, в *Изречении Мак-Каллоха*. стр. 1048, "акр картофеля прокормит вдвое больше особей, чем можно прокормить с акра пшеницы". Среднее ежедневное потребление трудоспособного работника в Ирландии оценивается в девять с половиной фунтов картофеля для мужчин и семь с половиной для женщин. См. *Филлипса о золотухе*, 1846, стр. 177.

[84] *Мальтус, Эссе о народонаселении*, том i. стр. 424, 425, 431, 435, 441, 442; *Политическая экономия Мак-Каллоха*, стр. 381, 382.

[85] Самая низкая заработная плата в сельском хозяйстве в наше время составляла в Англии около 1s. в день; в то время как, судя по свидетельствам, собранным м-ром Торнтоном в 1845 году, самая высокая заработная плата тогда выплачивалась в Линкольншире и составляла более 13s. в неделю; в Йоркшире и Нортумберленде она была почти такой же высокой. *Торнтон о перенаселении*, стр. 12-15, 24, 25. Годвин, писавший в 1820 году, оценивает среднее значение в 1с. 6дней в день. *Годвин о населении*, стр. 574. М-р Филлипс в своей работе *О золотухе*, 1846,

стр. 345, говорит: "В настоящее время соотношение заработной платы составляет от 9ш. до 10ш."

[86] Самая несчастная часть, а именно Коннахт, в 1733 году насчитывала 242 160 жителей, а в 1821 году - 1 110 229. См. *Закон народонаселения Сэдлера*, том ii. стр. 490.

[87] Мистер Инглис, который в 1834 году путешествовал по Ирландии с особым намерением ознакомиться с ее экономическим состоянием, говорит в результате очень тщательных расспросов: "Я совершенно уверен, что если бы весь годовой заработок ирландских рабочих был разделен на все число рабочих, результат был бы ниже этой суммы — *четыре пенса* в день на одного рабочего". рабочие Ирландии. ' *Инглис, Путешествие по Ирландии в 1834 году*, Лондон, 1835, 2-е издание. том ii. стр. 300. В Балинаслоу, графство Голуэй, "Джентльмен, с которым я случайно оказался в компании, предложил нанять, предупредив за час, пару сотен рабочих за четыре пенса даже для временной работы'. *Инглис*, том ii, стр. 17. Тот же автор говорит (том i., стр. 263), что в Трали 'часто случается, что рабочие, проработав на канале с пяти утра до одиннадцати часов утра, увольняются на весь день с жалкими двухпенсовыми'. Сравните в *"Воспоминаниях Клонкарри"*, Дублин, 1849, стр. 310, письмо доктора Дойла, написанное в 1829 году, в котором он описывает Ирландию как "страну, где рынок всегда перенасыщен рабочей силой и в которой труд человека стоит в среднем не более трех пенсов в день".

[88] Удивительно, что такой проницательный мыслитель, как м-р Кей, в своих в остальном справедливых замечаниях об ирландцах совершенно упускает из виду влияние, оказываемое на их заработную плату увеличением численности населения. *"Социальное положение народа" Кея*, том i. стр. 8, 9, 92, 223, 306-324. Это тем более заметно, что недостатки дешевой еды были замечены не только несколькими обычными авторами, но и высшим из всех авторитетов в области народонаселения, мистером Мальтусом: смотрите шестое издание его *Эссе о населении*, т. i. стр. 469, т. ii. стр. 123, 124, 383, 384. Если бы эти вещи рассматривались чаще, мы бы не слышали так много о праздности и легкомыслии кельтской расы; простой факт заключается в том, что ирландцы не желают работать не потому, что они кельты, а потому, что их труд плохо оплачивается. Когда они уезжают за границу, они получают хорошую заработную плату и поэтому становятся такими же трудолюбивыми, как и любые другие люди. Сравните *Журнал статистического общества*, том vii. стр. 24, с *Торнтоном о перенаселении*, стр. 425; очень ценная работа. Даже в 1799 году было замечено, что ирландцы, как только они покидали свою страну, становились трудолюбивыми и энергичными. См. *Парламентскую историю*, vol. xxxiv. с. 222. То же самое и в Северной Америке: "они больше всего готовы усердно работать". *Второй визит Лайелла в Соединенные Штаты*, 1849, т. i, стр. 187.

[89] Под низкой заработной платой я подразумеваю низкое вознаграждение за труд, которое, конечно, не зависит как от стоимости труда, так и от денежной нормы заработной платы.

[90] В недавней работе, отличающейся значительной изобретательностью (*Истинный закон народонаселения Даблдея*, 1847, стр. 25-29, 69, 78, 123, 124, & с.) замечено, что страны более населены, когда обычная пища растительная, чем когда она животного происхождения; и предпринята попытка объяснить это на том основании, что скудное питание более

благоприятно для плодovitости, чем богатое. Но хотя факт большего увеличения населения неоспорим, есть несколько причин для недовольства объяснением мистера Даблдея.

1. То, что сила размножения повышается из-за бедности, - это предположение, которое никогда не было подтверждено физиологически; наблюдения путешественников и правительств недостаточно многочисленны, чтобы подтвердить это статистически.

2. Растительная диета так же полезна для жаркой страны, как животная для холодной; и поскольку мы знаем, что, несмотря на разницу в пище и климате, температура тела между экватором и полюсами мало меняется (сравните *"Химию животных"* Либиха, стр. 19; *"Медицинские заметки Холланда"*, стр. 473; *Пуйе, Элементы физического развития*, том i, часть i, стр. 414; *"Особенности физиологии"* Бурдаха, т. ix. с. 663), у нас нет оснований полагать, что существует какая-либо другая нормальная вариация, но скорее следует предположить, что в отношении всех основных функций растительная диета и внешнее тепло эквивалентны животной диете и внешнему холоду.

3. Даже если допустить, ради аргументации, что растительная пища увеличивает способность к деторождению, это повлияло бы только на число рождений, а не на плотность населения; ибо большее число рождений может быть исправлено и часто исправляется большей смертностью; пункт, в отношении которого Годвин, пытаясь опровергнуть Мальтуса, впадает в серьезную ошибку. *Годвин о населении*, стр. 317.

С момента написания вышеизложенного я обнаружил, что эти взгляды мистера Даблдея были в значительной степени предвосхищены Фурье. См. *Рей, Социальная наука*; том i, стр. 185.

[91] Я использую слово 'Индостан' в общепринятом смысле, как простирающийся на юг до мыса Коморин; хотя, собственно говоря, оно включает в себя только страну к северу от Нербудды. Compare *Mill's History of India*, vol. ii. p. 178; *Bohlen, das alte Indien*, vol. i. p. 11; *Meiners über die Länder in Asien*, vol. i. p. 224. Само это слово не встречается в древнем санскрите и имеет персидское происхождение. *Предисловие Халхеда к законам Генту*, стр. xx. xxi.; *Азиатские исследования*, том iii. стр. 368, 369.

[92] Так что, в дополнение к работам, опубликованным по их философии, религии и юриспруденции, ученый географ заявил несколько лет назад, что "истинный азиатский рейх ист в летцене дрея Джахрундертена фон так вьелен и так эйнзихтсволлен Европаерн дюрхрейст и бешрибен ворден, также Индостан.' *Meiners, Länder in Asien*, vol. i. p. 225. Со времен Майнерса такие свидетельства стали еще более точными и обширными; и, я думаю, ими слишком сильно пренебрегает М. Род в своей ценной работе об Индии: 'О цевеке, который управляет миром гемасса, о том, как лучше управлять индусами, о том, как они живут, о том, как они живут, и о том, как они живут'. *Rhode, Religiöse Bildung der Hindus*, vol. i. p. 43.

[93] Это очевидно из частых и привычных упоминаний о нем в этом замечательном пережитке древности - Институтах Меню. См. *Институты в Работях сэра У. Джонса*, том iii. стр. 87, 132, 156, 200, 215, 366, 400, 403, 434. Таким образом, при перечислении Продуктов питания в *"Вишну Пуране"*, стр. 46, 47, рис упоминается первым. Смотрите дополнительные доказательства в книге Болена, *"Об истории Индии"*, т. i, стр. 22, т. ii, стр. 159, 160; *"Театр индусов Уилсона"*, т. i, часть ii. стр. 15, 16, 37, 92, 95, том ii. часть ii. стр. 35, часть iii. стр. 64; *Заметки о махабхарате*, в *Журнале Азиатского общества*, том vii. стр. 141; *Путешествия Ибн Батуты в четырнадцатом веке*, стр. 164; *Сборник индуистского права Коулбрука*, том i. стр. 499, том ii.

стр. 44, 48, 436, 569, том iii. стр. 11, 148, 205, 206, 207, 266, 364, 530; *Азиатские исследования*, т. vii. стр. 299, 302; *Опека над индусами*, т. i. стр. 209, т. iii. стр. 105.

[94] 'В нем содержится больше питательных веществ, чем в любой другой крупе'. *Физическая география Сомервилла*, том ii. стр. 220.

[95] В нем содержится от 83,8 до 85,07 процента крахмала. *Химия Бранде*, том ii. стр. 1624; *Химия органических тел Томсона*, стр. 883.

[96] Трудно собрать достаточно доказательств, чтобы получить среднее значение; но в Египте, по словам Савари, риса 'дают восемьдесят бушелей на одного'. *Энциклопедия Лаудона. of Agriculture*, стр. 173. В Теннасериме урожайность составляет от 80 до 100. *История Теннасерима Лоу*, в *Журнале Азиатского общества*, том iii, стр. 29. В Южной Америке, согласно Спиксу и Мартиусу (*Путешествия по Бразилии*, том ii, стр. 79), в 250 раз; или от 200 до 300, согласно Саути (*История Бразилии*, том iii, стр. 658, 806). Самая низкая оценка, данная М. Мейеном, составляет сорок раз; самая высокая, которая касается болотного риса на Филиппинских островах, - в 400 раз. *"География растений" Мейена*, 1846, стр. 301.

[97] *История Индии Эльфинстоуна*, стр. 7. Раги - это *Cynposurus Corocanus* Линнея; и, учитывая его важность, авторы-ботаники странным образом пренебрегали им. Лучший отчет, который я видел об этом, содержится в книге Бьюкенена *"Путешествие по странам Майсур, Канара и Малабар"*, том i. стр. 100-104, 285, 286, 375, 376, 403, том ii. с. 103, 104, том iii. с. 239, 240, 296, 297. В крупных городах обычно используется пшено, "которого в количестве, достаточном для двух приемов пищи, можно купить примерно за полпенни". *Гибсон об индийском сельском хозяйстве*, в *Журнале Азиатского общества*, том. viii. с. 100.

[98] *"История Суматры" Марсдена*, стр. 56, 59; *"История Явы" Раффлса*, том i. стр. 39, 106, 119, 129, 240; *"Цейлон Персиваля"*, стр. 337, 364; *Журнал Бомбейского общества*, том ii, стр. 155; *Журнал Азиатского общества*, том i, стр. 510; *Журнал Азиатского общества*, том i, стр. 228, 247, том ii. pp. 44, 64, 251, 257, 262, 336, 344, т. iii. с. 8, 25, 300, 340, т. iv. с. 82, 83, 104, т. v. с. 241, 246; *Азиатские исследования*, т. v. с. 124, 229, т. xii. с. 148, т. xvi. с. 171, 172; *Географический журнал. Общество*, т. ii. с. 86, т. iii. с. 124, 295, 300, т. v. с. 263, вып. viii. с. 341, 359, т. xix. с. 132, 137.

[99] Рис, насколько я смог проследить, переместился на запад. Помимо исторических свидетельств, существуют филологические предположения в пользу того, что он был произрастающим в Азии, и его санскритское название было очень широко распространено. Сравните *"Космос" Гумбольдта*, том ii, стр. 472, с *"Историей Индийского архипелага" Кроуферда*, том i, стр. 358. В четырнадцатом веке это была обычная еда на побережье Зангебар, а сейчас она стала универсальной на Мадагаскаре. *Путешествия Ибн Батуты в четырнадцатом веке*, стр. 56; *История Мадагаскара Эллиса*, т. i. стр. 39, 297-304, т. ii. стр. 292; *Географический журнал. Общество*, том iii. стр. 212. С Мадагаскара его семена, согласно *Коммерческому словарю Мак-Каллоха*, стр. 1105, были доставлены в Каролину в конце семнадцатого века. В настоящее время его культивируют в Никарагуа (*книга Сквайера "Центральная Америка"*, том i, стр. 38) и в Южной Америке (*История Бразилии Хендерсона*, стр. 292, 307, 395, 440, 488), где, как говорят, он растет в диком виде. Сравните *"Географию растений" Мейена*, стр. 291, 297, с *"Азарой, Voyages dans l'Amérique Méridionale"*, т. i. стр. 100", т. ii. стр. 80. Древние греки, хотя и

были знакомы с рисом, не выращивали его; и впервые его выращивание было введено в Европе арабами. См. *Гумбольдт, Новая Испания*, том ii. стр. 409, 410.

[100] Что касается еды, Диодор Сицилийский отмечает замечательное плодородие Индии и последующее накопление богатств. Смотрите два интересных отрывка в *библиотеке. История. библиотека. ii. том ii. стр. 49, 50, 108, 109*. Но об экономических законах распределения он, как и все древние писатели, ничего не знал.

[101] Способный и очень образованный апологет этого несчастного народа говорит: "Раболепие, которое обычно приписывают индуистам, никогда не бросается в глаза так сильно, как когда его рассматривают в качестве доказательства. Но если признать, что он действует как раб, то зачем обвинять его в том, что он не обладает добродетелями свободного человека? *Вековой гнет научил его безоговорочному подчинению.*" Ванс Кеннеди, в *Трудах Бомбейского общества*, т. iii. стр. 144. Сравните наблюдения Чарльза Гамильтона в *"Азиатских исследованиях"*, том i, стр. 305.

[102] На невозможность иметь стандарт ценности ясно указано в *"Размышлениях о формировании и распределении богатств"* Тюрго, в *"Маневрах"*, т. v. стр. 51, 52. Сравните *работы Рикардо*, стр. 11, 28-30, 46, 166, 253, 270, 401, с *"Принципами политической экономии"* Мак-Каллоха, стр. 298, 299, 307.

[103] *"Богатство наций"* Смита, книга i. глава ix. стр. 37; где, однако, предложение сформулировано слишком категорично, поскольку необходимо принимать во внимание риски, возникающие из-за небезопасного состояния общества. Но то, что существует среднее соотношение между процентами и прибылью, очевидно и четко установлено санскритскими юристами. См. *Сборник индуистских законов Коулбрука*, том i. стр. 72, 81.

[104] Рикардо (*Принципы политической экономии*, глава vi. в *Работах*, стр. 65) говорит: 'все, что увеличивает заработную плату, обязательно уменьшает прибыль'. И в главе xv, стр. 122: 'все, что повышает заработную плату за труд, снижает прибыль на капитал'. В нескольких других местах он делает то же самое утверждение, к большому дискомфорту обычного читателя, который знает, что в Соединенных Штатах, например, и заработная плата, и прибыль высоки. Но двусмысленность кроется в языке, а не в мысли; и в этих и подобных отрывках Рикардо под заработной платой подразумевал стоимость труда, и в этом смысле утверждение вполне точно. Если под заработной платой мы подразумеваем вознаграждение за труд, то между заработной платой и прибылью нет никакой связи; ибо когда рента низкая, обе они могут быть высокими, как это имеет место в Соединенных Штатах. Что такова была точка зрения Рикардо, видно из следующего отрывка: 'Прибыль, это нельзя слишком часто повторять, зависит от заработной платы; не от номинальной, а от реальной заработной платы; не от количества фунтов, которые могут ежегодно выплачиваться рабочему, а от количества рабочих дней, необходимых для получения этих фунтов'. *Политическая экономия*, глава vii., *Работы Рикардо*, стр. 82. Сравните *"Принципы политической экономии"* Милля, т. i. стр. 509, т. ii. стр. 225.

[105] Я принимаю оценку г-на Эльфинстоуна (*История Индии*, стр. 225-228) как нечто среднее между сэром Уильямом Джонсом (*Сочинения*, том iii, стр. 56) и г-ном Уилсоном (*Ригведа Санхита*, том i, стр. xlvii).

[106] *Институты меню*, глава. viii. с. 140-142, в *Работах сэра У. Джонса*, т. iii. стр. 295. Последующие санскритские комментаторы признают почти ту же процентную ставку,

минимальная из которых составляет пятнадцать процентов. См. *Сборник законов индуизма Коулбрука*, том i. стр. 29, 36, 43, 98, 99, 237, том ii. стр. 70.

[107] В "*Коулбрук Дайджест*", т. i, стр. 454 и т. iii, стр. 229, Меню названо 'высшим авторитетом мемориального права' и 'основателем мемориального права'. Самый современный историк Индии, мистер Элфинстоун, говорит (*Hist. из Индии*, стр. 83) 'кодекс Мену по-прежнему является основой индуистской юриспруденции; и основные черты остаются неизменными по сей день'. Этот замечательный кодекс также является основой законов Бирмы и даже законов Лаоса. *Журнал Азиатского общества*, том ii. стр. 271, том iii. стр. 28, 296, 332, том v. стр. 252.

[108] Смотрите в "*Истории Индии*" Милля, том i, стр. 317, отчет комитета Палаты общин за 1810 год, в котором утверждается, что ryots выплачивали 'высокие проценты в три, четыре и пять процентов. в месяц.' Уорд, пишущий примерно в то же время, упоминает целых семьдесят пять процентов. предоставляется, и это, очевидно, без какого-либо экстраординарного риска для кредитора. *Опека над индусами*, том ii. стр. 190.

[109] Сравните таблицу в *сельскохозяйственной энциклопедии Лаудона*, стр. 778, с примечанием Мэйвора в книге Тассера "*Пятьсот пунктов земледелия*", стр. 195, 1812 год, и в "Статистическом отчете Британской империи" Мак-Каллоха, 1847 год, том i. с. 560.

[110] Это оценка, которую я получил от людей, хорошо знакомых с французским сельским хозяйством. Рента, конечно, изменяется в каждом отдельном случае в соответствии с естественными свойствами почвы, в соответствии с тем, в какой степени эти свойства были улучшены, и в соответствии с возможностями доставки продукта на рынок. Но, несмотря на эти различия, в каждой стране должна существовать средняя арендная плата, зависящая от действия общих причин.

[111] Из-за огромного запаса земли, предотвращающего необходимость возделывания тех непродуктивных почв, которые более старые страны рады использовать и поэтому готовы платить арендную плату за право пользования. В Соединенных Штатах прибыль и заработная плата (то есть вознаграждение работника, а не стоимость рабочей силы) высоки, что было бы невозможно, если бы арендная плата также была высокой.

[112] См. *Раммохан Рой о судебной и налоговой системах Индии*, 1832, стр. 59-61, 63, 69, 92, 94. На стр. 69 этот высокий авторитет говорит о сельскохозяйственных крестьянах Бенгалии: 'В сезон изобилия, когда цена на кукурузу низкая, требуется продажа всего урожая, чтобы удовлетворить потребности землевладельца, оставляя мало или вообще ничего на семена или средства к существованию рабочему или его семье'. В Кашемире правитель получал половину урожая риса, оставляя другую половину земледельцу. *Заметки Муркрофта о кашемире в журнале Geog. Общество*, том ii. стр. 266.

[113] Хибер (*Путешествие по Индии*, т. i., стр. 209, 356, 357, 359) приводит несколько любопытных примеров чрезвычайно низкой отдачи, с которой местные жители рады работать. Что касается обычной заработной платы в Индии в нынешнем столетии, см. *Журнал Азиатского общества*, том i, стр. 255, том v., стр. 171; *Раммохун Рой о судебной системе и налоговых системах*, стр. 105, 106; *Статистика Сайкса по отчетам Британской ассоциации Дессан*, том vi, стр. 321; *Взгляд Уорда на индусов*, том iii, стр. 207; *Сборник индуистского права Коулбрука*, том ii. стр. 184. О заработной плате на юге Индии наиболее полную информацию можно найти в ценном труде Бьюкенена "*Путешествие по Майсуру, Канарам и Малабару*", том

i. стр. 124, 125, 133, 171, 175, 216, 217, 298, 390, 415, том ii. pp. 12, 19, 22, 37, 90, 108, 132, 217, 218, 315, 481, 523, 525, 562, том iii. pp. 35, 181, 226, 298, 321, 349, 363, 398, 428, 555. Я хотел бы, чтобы все путешественники были столь же скрупулезны в записи заработной платы за труд; это предмет гораздо большей важности, чем те, которыми они обычно заполняют свои бухгалтерские книги.

С другой стороны, богатства, которыми обладали высшие классы, из-за такого неправильного распределения богатств всегда были огромными, а иногда и невероятными. См. *"Восточные мемуары" Форбса, том ii. стр. 297*; Болен, *"Альте Индиан", том ii. стр. 119*; Путешествия Ибн Батуты, стр. 41; *"Индусы" Уорда, том iii. стр. 178*. Автобиография императора Джехангира содержит такие необычные заявления о его огромном богатстве, что редактор, майор Прайс, думает, что переписчик, должно быть, допустил какую-то ошибку; но читатель найдет в *"Истории Греции" Гроте (т. xii. стр. 229, 245)* свидетельства о сокровищах, которые азиатские правители могли собрать при том состоянии общества. Действие этого неравного распределения таким образом изложено м-ром Глином (*Труды Азиатского общества, том i, стр. 482*): 'Народы Европы имеют очень слабое представление о действительном положении жителей Индостана; они более ужасающе бедны, чем мы имеем какое-либо представление. Европейцы до сих пор были слишком склонны черпать свое мнение о богатстве Индостана из великолепной пышности нескольких императоров, султанов, навабов и раджей; в то время как более близкий и точный взгляд на реальное состояние общества показал бы, что эти принцы и знать прибирали к рукам все богатства страны, в то время как основная масса народа зарабатывала лишь на скудное пропитание, стонала под невыносимым бременем и едва ли могла обеспечить себя всем необходимым для жизни, не говоря уже о ее роскоши'.

[114] Тернер, путешествовавший в 1783 году по северо-востоку Бенгалии, говорит: 'Действительно, крайняя бедность и убожество этих людей невольно проявятся, когда мы вспомним, как мало необходимо для существования крестьянина в этих регионах. Стоимость этого редко может превышать один пенни в день, даже если он может приготовить себе обед из двух фунтов отварного риса с должным количеством соли, масла, овощей, рыбы и чили.' *Посольство Тернера в Тибет, стр. 11*. Ибн Батута, путешествовавший по Индостану в четырнадцатом веке, говорит: "Я никогда не видел страны, в которой провизия была бы такой дешевой". *Путешествия Ибн Батуты, стр. 194*.

[115] Уорд оценивает шудр (*Взгляд на индусов, том iii, стр. 281*) как 'три четверти индусов'. Во всяком случае, они составляют весь рабочий класс; вайшьи - не земледельцы, как их часто называют, а землевладельцы, владельцы крупного рогатого скота и торговцы. Сравните *"Институты меню", глава ix. с. 326-333*, в *"Работах сэра У. Джонса", т. iii. стр. 380, 381*, с *"Сборником Коулбрука", т. i. стр. 15*, из которого явствует, что вайшьи всегда были хозяевами, и что шудра должен был "полагаться на сельское хозяйство в своем пропитании". Таким образом, разделение между "трудолюбивыми и подневольными" (*"История Индии" Эльфинстоуна, стр. 12*) сформулировано слишком широко, и мы должны, я думаю, принять определение М. Роуда: 'Каста шудр, которые умирают от ганса арбайтенде, или от Лона диненде, класс народа'. *Религ. Bildung der Hindus, vol. ii. p. 561*.

[116] 'Либо будет изгнан с отметиной на задних частях тела, либо король сделает порез у него на ягодице'. *Институты меню, глава viii. с. 281*, в *Работах сэра У. Джонса, том iii. стр. 315*. См. также *взгляд Уорда на индусов, том iii. стр. 67*.

[117] Меню, глава. viii. с. 271, в *работах Джонса*, том iii. стр. 314.

[118] Меню, глава. viii. с. 270.

[119] "Если Шудра много и часто приставал к брахману, судья должен предать его смерти".
Кодекс законов Генту Халхеда, стр. 262.

[120] *Кодекс законов Генту Халхеда*, стр. 207. Что касается случая нанесения удара брахману, см. *Раммохун Рой в "Ведах"*, стр. 227, 2-е издание. 1832.

[121] 'И если Судящий слушает звуки Шастра, то масло, нагретое, как и прежде, должно быть влито ему в уши; и масло и воск должны быть расплавлены вместе, и отверстия его ушей должны быть заткнуты ими'. *Халхед*, стр. 262. Сравните запрет в *меню*, глава iv. с. 99, глава x. с. 109-111, *работах Джонса*, т. iii. стр. 174, 398.

[122] *Халхед*, стр. 262: 'судья должен приговорить его к смерти'. В Мриччакати судья говорит Шудре: 'Если ты будешь излагать Веды, не отрежут ли тебе язык?' *Театр индусов Уилсона*, том i. часть ii. стр. 170.

[123] *Взгляд Уорда на индусов*, том iv. стр. 308. Единственное исключение было сделано в случае кражи. "*История Индии*" Милля, том i. стр. 193, 260. Брамин 'ни в коем случае не мог быть подвергнут смертной казни'. *Азиатские исследования*, том xv. стр. 44.

[124] Меню, глава xi. раздел 132, в *Работах сэра У. Джонса*, том iii. стр. 422.

[125] 'Брамин, если он берет в свою постель Шудру в качестве своей первой жены, опускается в область мучений'. *Институты меню*, глава iii. раздел 17, в *книге Джонса*, том iii. стр. 121. Сравните отрицание похоронных обрядов в "*Сборнике законов индуизма*" Коулбрука, том iii. стр. 328. А о различных адах, изобретенных индуистским духовенством, см. *Вишну-пурану*, стр. 207; *Взгляд Уорда на индусов*, том ii. стр. 182, 183; "*Мифология индусов*" Коулмана, стр. 113. Любопытные подробности в *Роде*, "*Религиозном мире индусов*", т. i. стр. 392, 393, скорее относятся к буддизму, и их следует сравнить с *журналом Asiaticque*, I. série, vol. viii. стр. 80, 81, Париж, 1826.

[126] Меню, глава ii. раздел 31, в *Jones*, том iii. стр. 87; также замечено в *Rhode, Relig. Bildung*, vol. ii. p. 561: 'sein Name soll schon Verachtung ausdrücken.' То же самое и у мистера Элфинстоуна (*История Индии*, стр. 17): 'собственное имя шудры призвано выражать презрение'. Compare *Origines du Droit*, in *Œuvres de Michelet*, vol. ii. p. 387, Bruxelles, 1840.

[127] Меню, глава x, раздел 129, в *Jones*, том iii, стр. 401. На этот закон указывает Милль (*История Индии*, т. i., стр. 195) как на свидетельство плачевного состояния народа, которого г-н Уилсон (примечание на стр. 213) тщетно пытается избежать.

[128] 'Шудра, хотя и освобожден своим хозяином, не освобожден от состояния рабства; ибо от состояния, которое для него естественно, кто может его освободить?' *Институты меню*, глава i. viii. с. 414, в *Работах сэра У. Джонса*, т. iii. стр. 333.

[129] Умный наблюдатель говорит: "Также примечательно, как мало народу азиатских стран приходится участвовать в революциях своих правительств. Они никогда не руководствуются каким-либо великим и общим порывом чувств и не принимают участия в событиях, наиболее

интересных и важных для их страны и их собственного процветания.' *М'Мердо о стране Синд*, в *Журнале Азиатского общества*, т. i, стр. 250. Сравните аналогичные замечания в *"Идеях из жизни"* Гердера, том iii, стр. 114; и даже в *"Истории Европы"* Элисон, том x, стр. 419, 420.

[130] У Волни (*Путешествие в Египет*, т. i, стр. 58-63) есть хорошая глава о климате Египта.

[131] Однако в Южной Африке она неизвестна. Смотрите описание пальмы в книге Линдли *"Растительное царство"*, 1847, стр. 136, и в *"Геог"* Мейена. о растениях, стр. 337.

[132] 'Из всех блюд, употребляемых арабами, финики являются самыми любимыми'. *"Путешествия Буркхардта по Аравии"*, том i, стр. 56. Смотрите также, чтобы найти доказательства их обилия на западе Аравии, том i, стр. 103, 157, 238, том ii, стр. 91, 100, 105, 118, 209, 210, 214, 253, 300, 331. А о датировках Омана и востока Аравии см. *"Путешествия Уэллстеда по Аравии"*, том i. стр. 188, 189, 236, 276, 290, 349. Сравните Нибура, *Описание Аравии*, стр. 142, 296. Действительно, они настолько важны, что у арабов для них есть разные названия в зависимости от стадий их роста. Djewhari says, 'La dénomination *balah* précède le nom *bosr*; car la datte se nomme d'abord *tala*, en suite *khalal*, puis *balah*, puis *bosr*, puis *rotab*, et enfin *tamr*.' De Sacy's note to Abd-Allatif, *Relation, de l'Egypte*, p. 74, and see p. 118. Другие упоминания о датировках Аравии можно найти в *"Путешествиях Ибн Батуты в четырнадцатом веке"*, стр. 66; *"Журнал Азии"* Соц. том. viii. с. 286; *Географический журнал*. Соч. том iv. стр. 201, том vi. стр. 53, 55, 58, 66, 68, 74, том vii. стр. 32, том ix. стр. 147, 151.

[133] Херен (*Торговля африканских народов*, том i, стр. 182) предполагает, что в Африке финики сравнительно мало известны к югу от 26 ° северной широты. Но этот ученый писатель, безусловно, ошибается; и ссылка на следующие отрывки покажет, что они распространены вплоть до параллели озера Чад, которая является почти южной границей наших знаний о Центральной Африке; *"Центральная Африка Денхэма"*, стр. 295; *"Дневник Клаппертона"*, в приложении к *"Денхэму"*, стр. 34, 59; *"Вторая экспедиция Клаппертона"*, стр. 159. Дальше на восток они несколько реже, но встречаются гораздо южнее, чем предполагает Хирен: см. *Кордофан Паллме*, стр. 220.

[134] Финики являются не только основным источником произрастания оазисов Феццана, но и основным источником пропитания их жителей. Все живут финиками: мужчины, женщины и дети, лошади, ослы и верблюды, овцы, домашняя птица и собаки.' *"Путешествия Ричардсона по Сахаре"*, том ii, стр. 323, и см. том i, стр. 343: что касается тех частей пустыни, где не выдержит пальма первенства, см. Том i, стр. 387, 405, том ii, стр. 291, 363. Что касается дат Западной Африки, см. *Географический журнал*. Общество, том xii. стр. 204.

[135] 'Он расцвел спонтанно в долине Нила'. Книга Уилкинсона *"Древние египтяне"*, том ii. стр. 372. В качестве дополнительной иллюстрации важности этого прекрасного растения для Африки можно упомянуть, что из высокой пальмы готовят своеобразный напиток, который в некоторых регионах пользуется большим спросом. Об этом, которое называется пальмовым вином, см. *Медицинскую экспедицию Мак-Вильяма в Нигер*, стр. 71, 116; *"Золотой берег Африки"* Мередита, 1812, стр. 55, 56; *"Экспедиция Лэрда и Олдфилда во внутренние районы Африки"*, 1837, т. ii. стр. 170, 213; *Боудич, Миссия в Ашанти*, стр. 69, 100, 152, 293, 386, 392. Но я сомневаюсь, что это то же самое, что пальмовое вино, упомянутое в *Ботанике Бальфура*, 1849, стр. 532. Сравните *Экспедицию Такки в Заир*, стр. 155, 216, 224, 356.

[136] "*Древние египтяне*" Уилкинсона, том ii. стр. 175-178. Смотрите также об изобилии дат в выдержках арабского географа в *Quatremère, Исследования Египта*, стр. 220, 221.

[137] Об их связи с законами климата см. Замечания, касающиеся географических пределов их способности к созреванию, в *Ботанике Жюссье*, редактировать. Уилсон, 1849, с. 734.

[138] "В долине Нила на феддане (1½ акра) иногда высаживают 400 деревьев". "*Древние египтяне*" Уилкинсона, том ii. стр. 178. В Мурзуке целая финиковая пальма стоит всего около шиллинга. "*Центральная Африка*" Ричардсона, том i, стр. 111.

[139] О замечательной плодovitости Сказанного см. Абд-Аллатиф, *Египетские отношения*, стр. 3.

[140] Превосходство руин в Южном Египте над руинами в северной части отмечено Хереном (*Африканские народы*, том ii. стр. 69), и, действительно, должно быть очевидным для любого, кто изучал памятники. В Упомянутом регионе коптский язык сохранялся дольше, чем в Нижнем Египте, и известен филологам под названием Миср. See *Quatremère, Recherches sur la Langue de l'Egypte*, pp. 20, 41, 42. Смотрите также на сайдском, стр. 134-140, и несколько хороших замечаний доктора Причарда (*Физическая история*. том ii. стр. 202); который, однако, придерживается парадоксального мнения Джорджи относительно происхождения языка фиваид.

[141] Абд-Аллатиф (*Отношение Египта*, стр. 32) говорит, что в его время его выращивали только в упомянутом регионе. Этот любопытный труд Абд-Аллатифа был написан в 1203 году нашей эры. *Relation*, p. 423. Meiners thinks that Herodotus and other ancient writers refer to the dhourra without mentioning it: 'diese Durra muss daher im Herodot wie in andern alten Schriftstellern vorzüglich verstanden werden, wenn von hundert, zwey hundert, und mehrfältigen Früchten, welche die Erde trage, die Rede ist.' *Meiners, Fruchtbarkeit der Länder*, vol. i. p. 139. Согласно Волнею, это *Holcus Arundinaceus* Линнея, и, по-видимому, он похож на просо; и хотя этот аккуратный путешественник проводит различие между ними, я замечаю, что капитан Хейнс в недавних мемуарах говорит о них как об одном и том же. Сравните Хейнса в *Журнале Geog. Soc.*, том xv, стр. 118, с *Волни, Путешествие в Египет*, том i, стр. 195.

[142] "Доходность, как правило, составляет не менее 240 долларов за штуку; а средняя цена составляет около 3s. 9d. ardeb, что едва составляет 3d. за бушель". *Экиптиака Гамильтона*, стр. 420. В Верхнем Египте 'дура составляет почти все средства к существованию крестьянства', стр. 419. На стр. 96 Гамильтон говорит: 'Я часто насчитывал 3000 зерен в одном колосе дуры, и на каждом стебле, как правило, по четыре или пять початков'. Подробнее о хлебе дхурра см. *Волни, Путешествие в Египет*, том i, стр. 161.

[143] Ἐπεὶ ἂν πλήρης γένηται ὁ ποταμὸς, καὶ τὰ πεδία πελαγίσῃ, φύεται ἐν τῷ ὄρεϊ κρίνεα πολλὰ, τὰ Αἰγύπτιοι καλέουσι λωτόν· ταῦτα ἐπεὶ δρέψωσι, αὐαίνουσι πρὸς ἥλιον· καὶ ἔπειτα τὸ ἐκ τοῦ μέσου τοῦ λωτοῦ τῇ μήκωνι ἐὼν ἐμφερές, πτίσαντες ποιεῦνται ἐξ αὐτοῦ ἄρτους ὀπτοὺς πυρίπυρί. *Геродот. ii. 92, т. i. стр. 688.*

[144] "*Древние египтяне*" Уилкинсона, том ii. стр. 370-372, 400, том iv. стр. 59. Абд-Аллатиф дает любопытный отчет о различных овощах, выращиваемых в Египте в начале XIII века. *Отношение*, стр. 16-36, и заметки Де Саси, стр. 37-134. О κύαρος Геродота есть несколько ботанических замечаний, достойных прочтения в *Переписке сэра Дж. Э. Смита*, т. ii. стр. 224-232; но я

сомневаюсь в утверждении, стр. 227, что Геродот "ничего не знал о каком-либо другом виде κύαρος в Египте, кроме вида обыкновенных бобов".

[145] 'Когда Александрия была взята Амером, наместником халифа Омера, не менее 4000 человек занимались продажей овощей в этом городе'. *"Древние египтяне" Уилкинсона*, том ii, стр. 372, и см. том i, стр. 277, том iv, стр. 60. Нибур (*"Описание Арабии"*, стр. 136) говорит, что окрестности Александрии настолько плодородны, что 'оставляют след в столетии'. Смотрите также о его богатой растительности, *Материю, История школы Александрии*, том i, стр. 52.

[146] Поощрение, оказываемое увеличению населения плодородием, возникающим в результате разлива Нила, отмечается многими авторами, но никто так рассудительно, как Мальтус; *Эссе о населении*, т. i. стр. 161-163. Этот великий труд, принципы которого были представлены в грубом искажении, по-прежнему является лучшим, что было написано по важному вопросу онаселении, хотя автор из-за недостатка чтения часто допускает ошибки в своих иллюстрациях; при этом он, к сожалению, не был знаком с теми отраслями физического знания, которые тесно связаны с экономическими исследованиями.

[147] Τρέφουσι δὲ τὰ παιδία μετὰ τινος εὐχερείας ἀπαάνου, καὶ παντελῶς ἀπίστον ... ἀνυποδέτων δὲ τῶν πλείστων καὶ γυμνῶν τρεφόμενων διὰ τὴν εὐκρασίαν τῶν τόπων, τὴν πᾶσαν δαπάνην οἱ γονεῖς, ἄχρις ἂν εἰς ἡλικίαν ἔλθῃ τὸ τέκνον, οὐ πλείω ποιοῦσι δραχμῶν εἰ κοσι, δὲ ὅς αἱ τς μάλιστα τὴν Αἴ γυπτον συμβαίνει πολυανθρωπία διαθέρειν, καὶ διὰ τοῦτο πλείστας ἔχειν μεγάλων ἔργων κατασκευάς. *Библиотека. История.* книга i. глава. lxxx. том i. стр. 238.

[148] Фредерик Шлегель (*φιλос. of Hist.* стр. 247, Лондон, 1846) верно говорит: 'Чем глубже и всестороннее были исследования современной древней истории, тем больше возрастало их уважение к Геродоту'. Его подробные сведения о Египте и Малой Азии теперь признаны всеми компетентными географами; и я могу добавить, что недавний и очень способный путешественник привел несколько любопытных доказательств своего знания даже западных частей Сибири. См. ценную работу Эрмана *"Путешествия по Сибири"*, том i. стр. 211, 297-301.

[149] 'Ἐπ' Ἀμάσιος δὲ βασιλέος λέγεται Αἴ γυπτος μάλισ-α δῆτότε εὐδαιμονῆσαι, καὶ τὰ ἀπὸ τοῦ ποταμοῦ τῇ χώρῃ τοῖσι ἀνθρώποισι. καὶ πόλις ἐν αὐτῇ γενέσθαι τὰς ἀπάσας τότε δισμυρίας τὰς οἱ κεομένας. *Herodot.* книга ii. глава ii. clxxvii. том i. стр. 881, 882.

[150] Diodorus, who, though an honest and painstaking man, was in every respect inferior to Herodotus, says, impertinently enough, ὅσα μὲν οὖν Ἡρόδοτος καὶ τινες τῶν τὰς Αἰγυπτίων πᾶξεις συνταξαμένων ἐσχεδιάκασιν, ἐκουσίως προκρίναντες τῆς ἀληθείας τὸ παραδοξολογεῖν, καὶ μύθους πλάττειν φυχαγωγίας ἔνεκα, παρήσομεν. *Библиотека. История.* книга i. глава. lxi. том i. стр. 207. В других местах он ссылается на Геродота в том же тоне, фактически не упоминая его.

[151] Πολυανθρωπία δὲ τὸ μὲν παλαιὸν πολὺ προέσχε πάντων τῶν γνωριζομένων τόπων κατὰ τὴν οἰκουμένην, καὶ καθ' ἥμας δὲ οὐδενὸς τῶν ἄλλων δοκεῖ λείπεσθαι. ἐπὶ μὲν γὰρ τῶν ἀρχαίων χρόνων ἔσχε κώμας ἀξιολόγους, καὶ πόλεις πλείους τῶν μυρίων καὶ ὀκτακισχιλίων, ὡς αἱ ἀναγραφαὶ εἰς ὅραν ἔστι κατακεχωρισμένον. *Диод. Так в оригинале. Библиотека. История.* книга i. глава. xxxi. том i. стр. 89.

[152] Несмотря на позитивные утверждения М. Matter (*Hist. de l'Ecole d'Alexandrie*, том ii. стр. 285; сравните *Hist. du Gnosticisme*, том i, стр. 48), нет веских доказательств предполагаемых путешествий ранних греков по Египту, и даже сомнительно, посещал ли Платон когда-либо эту

страну. ('Сомнительно, был ли он когда-либо в Египте'. "Египет Бунзена", том i, стр. 60.) Римляне мало интересовались этим предметом (Бунзен, том i, стр. 152-158); и, как говорит М. Бунзен, стр. 152, 'с появлением Диодора прекращаются все систематические исследования истории Египта не только со стороны греков, но и древних в целом'. Мистер Лик в эссе о кворре приходит к выводу, что после времен Птолемея древние не вносили никаких дополнений в свои знания географии Африки. *Журнал Географического общества*, том ii. стр. 9.

[153] Смотрите по этому поводу несколько хороших замечаний в книге Хирена "Африканские нации", том ii. стр. 202-207; а что касается разницы между традициями Фив и Мемфиса, см. *Matter, Histoire de l'Ecole d'Alexandrie*, том i. стр. 7. Мощь и значение двух городов колебались, оба находились на разные периоды жизни столицы. *Египет Бунзена*, том ii. стр. 54, 55, 244, 445, 446; *Взгляд на пирамиды*, том iii. стр. 27, 100; *История Египта Шарпа*, том i. стр. 9, 19, 24, 34, 167, 185.

[154] Сэр Джон Гершель (*Диск по естественной философии*, стр. 60) подсчитал, что великая пирамида весит двенадцать тысяч семьсот шестьдесят миллионов фунтов. Сравните "*Принципы геологии*" Лайелла, стр. 459, где дается еще большая оценка в шесть миллионов тонн. Но, по словам Перринга, в настоящее время объем каменной кладки составляет 6 316 000 тонн, или 82 110 000 кубических футов. См. *Египет Бунзена*, том ii, стр. 155, Лондон, 1854, и "*Взгляд на пирамиды*", 1840, том ii, стр. 113.

[155] Было выдвинуто множество причудливых гипотез относительно цели, с которой были построены пирамиды; но теперь признано, что они были ни много ни мало, как гробницами египетских царей! См. *Египет Бунзена*, том ii. стр. xvii. 88, 105, 372, 389; и *История Египта Шарпа*, том i. стр. 21.

[156] Для оценки затрат, за которые одна из пирамид могла быть построена в наше время европейскими рабочими, см. *Обзор пирамид*, том ii. стр. 268. Однако из-за большого количества вызывающих беспокойство причин такие расчеты не имеют большой ценности.

[157] Те, кто жалуется, что в Европе этот интервал все еще слишком велик, могут получать своего рода удовлетворение от изучения старых внеевропейских цивилизаций.

[158] "*Древние египтяне*" Уилкинсона, том ii. стр. 8, 9. "Никому не разрешалось вмешиваться в политические дела или занимать какие-либо гражданские должности в государстве". ... "Если какой-либо артист вмешивался в политические дела или занимался какой-либо другой работой, кроме той, для которой он был воспитан, к нему немедленно применялось суровое наказание". Сравните Диод. *Так в оригинале. Библиотека. История.* книга i. глава. lxxiv. том i. стр. 223.

[159] "*Древние египтяне*" Уилкинсона, том i, стр. 263, том ii, стр. 2; "*История Египта*" Шарпа, том ii, стр. 24.

[160] "*Древние египтяне*" Уилкинсона, том ii. стр. 41, 42, том iii. стр. 69, том iv. стр. 131. Сравните Аммиана Марцеллина в "*Египтиаке*" Гамильтона, стр. 309.

[161] *Взгляд на пирамиды*, том i. стр. 61, том ii. стр. 92.

[162] 'Ein König ahmte den andern nach, oder suchte ihn zu übertreffen; indess das gutmüthige Volk seine Lebenstage am Baue dieser Monumente verzehren musste. So entstanden wahrscheinlich die Pyramiden und Obeliskten Aegyptens. Nur in den ältesten Zeiten wurden sie gebauet: denn die spätere Zeit und jede Nation, die ein nützliches Gewerbe treiben lernte, bauete keine Pyramiden mehr. Weit gefehlt also, dass Pyramiden ein Kennzeichen von der Glückseligkeit und Aufklärung des alten Aegyptens seyn sollten, sind sie ein unwidersprechliches Denkmal von dem Aberglauben und der Gedankenlosigkeit sowohl der Armen, die da baueten, als der Ehrgeizigen, die den Bau befahlen.' *Идея Гердера о жизни*, том iii. стр. 103, 104: см. также стр. 293 и некоторые замечательные замечания в книге Волни *"Путешествие в Египет"*, том i. стр. 240, 241. Даже М. Бунзен, несмотря на свое восхищение, говорит об одной из пирамид: 'страдания людей, и без того жестоко угнетенных, усугубились при строительстве этого гигантского сооружения.... Кости угнетателей народа, которые на протяжении целых двух поколений изо дня в день изводили сотни тысяч"и с. *Египет Бунзена*, том ii. стр. 176, ученый труд, исполненный энтузиазма.

[163] Καὶ τοῦτο ἐκόμιζον μὲν ἐπ' ἑτα τρία διοχίλιοι δὲ οἱ οσσετάχато ἄνδρες ἁγωγέες. *Herodot.* книга II. глава. cxxxv. том i. стр. 897. Об огромном весе камней, которые египтяне иногда перевозили, см. *"Египет" Бунзена*, т. i., стр. 379; а что касается используемых машин и использования наклонных дорог для транспортировки, см. *Отрывок о пирамидах*, т. i., стр. 197, т. iii, стр. 14, 38.

[164] *"Древние египтяне" Уилкинсона*, том i, стр. 70: но этот ученый писатель не желает верить утверждению, столь враждебному его любимым египтянам. Вполне вероятно, что здесь есть некоторое преувеличение; тем не менее, никто не может оспорить факт огромной и беспринципной траты человеческой жизни.

[165] Τριάκοντα μὲν γὰρ καὶ ἑξ μυριάδες ἄνδρῶν, ὡς φασι, ταῖς τῶν ἔργων λειτουργίαισιν τέλος ἔσχε μόγις ἐτῶν εἴ κοσι διελθόντων *Diod. Sic. Библиотека. История.* книга i. глава lxiii. том i. стр. 188.

[166] 'По сравнению с другими частями Нового Света Мексику и Перу можно считать безупречными государствами'. *История Америки*, книга vii. в *Работах Робертсона*, стр. 904. С той же целью см. *Географический журнал. Общество*, т. v., стр. 355.

[167] Сравните книгу Сквайера *"Центральная Америка"*, том i. стр. 34, 244, 358, 421, том ii. стр. 307, с *Географическим журналом. Общество*, т. iii. стр. 59, т. viii. стр. 319, 323.

[168] Г-н Сквайер (*Центральная Америка*, том ii, стр. 68), исследовавший Никарагуа, говорит о статуях: "материал, в любом случае, представляет собой черный базальт большой твердости, который с трудом можно разрезать лучшими из современных инструментов". Г-н Стивенс (*Центральная Америка*, том ii, стр. 355) найденные в Паленке "элегантные образцы искусства и модели для изучения". См. также том iii. стр. 276, 389, 406, том iv. стр. 293. О картинах в Чичене он говорит (том iv, стр. 311): "они демонстрируют свободу прикосновений, которая могла быть только результатом дисциплины и обучения у мастеров". В Копане (том i, стр. 151) 'было бы невозможно с помощью лучших инструментов современности более совершенно огранять камни'. А в Ушмале (том ii, стр. 431) 'повсюду укладка и полировка камней столь же совершенны, как и в соответствии с правилами лучшей современной каменной кладки'. Наши знания о Центральной Америке почти полностью почерпнуты из этих двух авторов; и хотя работа м-ра Стивенса гораздо более подробна, говорит м-р Сквайер (т. ii, с. 306), я считаю совершенно верным то, что до появления его собственной книги в 1853 году памятники в Никарагуа были

совершенно неизвестны. Краткие описания останков в Гватемале и на Юкатане можно найти в книге Ларенодьера *"Мексика и Гватемала"*, стр. 308-327, и в журнале *Geograph. Общество*, том iii. стр. 60-63.

[169] Смотрите Замечания о Юкатане в *Физической истории человечества Причарда*, т. v., стр. 348: 'великое и трудолюбивое, хотя, возможно, как замечает цитированный выше автор (Галлатин), порабощенное население. Великолепные храмы и дворцы свидетельствуют о могуществе жрецов и знати, в то время как от хижин, в которых жила основная масса народа, как обычно, не осталось и следа'.

[170] Доктор Мак-Куллох (*Исследования, касающиеся истории аборигенов Америки*, стр. 272-340) собрал у испанских авторов несколько скудных высказываний, касающихся раннего состояния Центральной Америки; но о ее социальном состоянии и истории, собственно так называемой, ничего не известно; и даже точно неизвестно, к какой семье народов принадлежали жители, хотя недавний автор может найти 'гватемальская цивилизация в мистеко-сапотеке и индейцах майя, живите на бис, танцуйте на руинах Митлы и Паленке.' *Мексика и Гватемала, раздел Larenaudière*, стр. 8, Париж, 1843. Доктор Причард также относит руины в Центральной Америке к "расе майя": см. *Причарда по этнологии*, в *Отчете Британской ассоциации за 1847 г.*, стр. 252. Но доказательства этих и подобных утверждений весьма неудовлетворительны.

[171] О связи между производством овощей в стране и ее геогностическими особенностями пока известно мало; но читатель может сравнить *"Географию растений" Мейена*, стр. 64, с *"Отчетами по ботанике Общества Рэя"*, 1846, стр. 70, 71. Химические закономерности почвы гораздо лучше поняты и имеют прямое практическое отношение к использованию навоза. См. *Химию Тернера*, том ii. стр. 1310-1314; *Химию Бранде*, том i. стр. 691, том ii. стр. 1867-1869; *Ботанику Бальфура*, стр. 116-122; *Отчеты Либиха и Коппа*, том ii. стр. 315, 328, том iii. стр. 463, том iv. стр. 438, 442, 446.

[172] Что касается влияния тепла и влаги на географическое распределение растений, см. *"Ботанику" Хенслоу*, стр. 295-300, и *"Ботанику" Бальфура*, стр. 560-563. Мейен (геог. о растениях, стр. 263) говорится: 'Следовательно, я, приняв во внимание местные обстоятельства, подчиняю растительность островов также закону природы, согласно которому число видов постоянно увеличивается с увеличением жары и соответствующей влажности'. Что касается влияния только температуры, сравните заметку в *"Сибири" Эрмана*, том i, стр. 64, 65, с *Отчетами по ботанике Общества Рэя*, стр. 339, 340. В последней работе предполагается, что тепло является наиболее важным из всех отдельных агентов; и хотя это, вероятно, верно, все же влияние влажности огромно. В качестве примера я могу упомянуть, что недавно было установлено, что кислород, используемый семенами во время прорастания, не всегда берется из воздуха, а получается при разложении воды. Смотрите любопытные эксперименты Эдвардса и Колина в книге Линдли *"Ботаника"*, том ii. стр. 261, 262, Лондон, 1848; а о непосредственном питании, которое вода доставляет овощам, смотрите Великую работу Бурдаша *"Особенности физиологии"*, том ix. стр. 254, 398.

[173] Существует разница между водоразделами восточного и западного хребтов, которая объясняет это частично, но не полностью; и даже если бы объяснение было более удовлетворительным, чем оно есть на самом деле, оно слишком близко к явлению, чтобы иметь

большую научную ценность, и само по себе должно быть отнесено к более высоким геологическим соображениям.

[174] Об этом орошении можно составить некоторое представление, исходя из оценки того, что Амазонка осушает площадь в 2 500 000 квадратных миль; что ее устье имеет ширину 96 миль; и что она судоходна в 2 200 милях от устья. *"Физическая география Сомервилля"*, том i, стр. 423. Действительно, об этом говорится в эссе по гидрографии Южной Америки (*Journal of Geograph. Society*, том ii, стр. 250), что 'за исключением одного короткого перехода в три мили, вода течет и по большей части судоходна между Буэнос-Айресом, на 35 ° южной широты, до устья Ориноко, почти на 9 ° северной широты'. Смотрите также об этой речной системе, т. v. с. 93, т. x. с. 267. Что касается Северной Америки, г-н Роджерс (*Геология Северной Америки*, стр. 8, *Брит. Доц. за 1834 год*) говорится: 'площадь, осушаемая Миссисипи и всеми ее притоками, оценивается в 1 099 000 квадратных миль'. Сравните *Арктическую экспедицию Ричардсона*, том ii, стр. 164.

[175] Орегон, или Колумбия, как его иногда называют, образует замечательную ботаническую линию, которая является границей калифорнийской флоры. См. *Отчеты по ботанике Общества Рэя*, стр. 113.

[176] Доказательство того, что средняя температура на западном побережье Северной Америки выше, чем на восточном, см. в *Географическом журнале. Общество*, том ix, стр. 380, том xi, стр. 168, 216; *Гумбольдт, Новая Испания*, том i, стр. 42, 336; *Арктическая экспедиция Ричардсона*, том ii, стр. 214, 218, 219, 259, 260. Это хорошо иллюстрируется ботаническим фактом, что на западном побережье хвойные растут на высоте 68 ° или 70 ° северной широты; в то время как на востоке их северная граница составляет 60 °. Смотрите Эссе о морфологии хвойных в *Отчетах по ботанике Общества Рэя*, стр. 8, которое следует сравнить с *"Форри о климате Соединенных Штатов и его эндемических влияниях"*, Нью-Йорк, 1842, стр. 89.

[177] 'Авторы по климату отметили, что у восточных побережий континентов в северном полушарии средняя температура ниже, чем у западных побережий'. *Ричардсон о североамериканской зоологии*, стр. 129, *Брит. Доц. за 1836 год*; смотрите также *Отчет за 1841 год, Разделы*, стр. 28; *Китай Дэвиса*, том iii, стр. 140, 141; *Географический журнал. Общество*, том. xxii, с. 176.

[178] То немногое, что известно о раннем состоянии североамериканских племен, было сведено воедино доктором Мак-Куллохом в его ученом труде *"Исследования, касающиеся Америки"*, стр. 119-146. Он говорит, стр. 121, что они 'жили вместе без законов и гражданских предписаний'. В этой части света численность населения, вероятно, никогда не была постоянной; и теперь мы знаем, что жители северо-востока Азии в разное время переселялись на северо-запад Америки, как в случае с чукчами, которые встречаются на обоих континентах. Действительно, Добелл был настолько поражен сходством между североамериканскими племенами и некоторыми, с которыми он встречался почти на западе, вплоть до Томска, что считал их происхождение одинаковым. См. *"Путешествия Добелла по Камчатке и Сибири"*, 1830, т. ii, стр. 112. И по этому вопросу о взаимоотношениях между двумя континентами сравните *"Историю Гренландии"* Кранца, т. i, стр. 259, 260, с *"Арктической экспедицией Ричардсона"*, т. i, стр. 362, 363, и *"Физической историей человечества"* Причарда, т. iv, стр. 458, 463, т. v., стр. 371, 378..

[179] Исходя из общих физических соображений, мы должны предположить связь между количеством осадков и протяженностью побережья; и в Европе, где только у нас имеются обширные метеорологические данные, связь была доказана статистически. 'Если измерить количество дождя, выпадающего в разных частях Европы, то окажется, что при прочих равных условиях оно уменьшается по мере удаления от морского берега'. *Метеорология Кемца*, 1845, стр. 139. Сравните стр. 91, 94. Отсюда, без сомнения, большая редкость дождей по мере продвижения на север от Мексики. 'Au nord du 20°, surtout depuis les 22° au 30° de latitude, les pluies, que ne durent que pendant les mois de juin, de juillet, d'août et de septembre, sont peu fréquentes dans l'intérieur du pays.' *Humboldt, la Nouvelle Espagne*, vol. i. p. 46.

[180] 'Разница между климатом восточного и западного побережий континентов и островов также наблюдалась в южном полушарии, но здесь западное побережье холоднее восточного, в то время как в северном полушарии восточное побережье холоднее'. *"География растений" Мейена*, 1846, стр. 24.

[181] Мистер Дарвин, написавший одну из самых ценных работ, когда-либо опубликованных о Южной Америке, был поражен этим превосходством восточного побережья; и он упоминает, что "фрукты, которые хорошо созревают и очень обильны, такие как виноград и инжир, на 41 ° широты восточного побережья, очень плохо растут на более низких широтах на противоположной стороне континента'. *Журнал исследований Дарвина*, Лондон, 1840, стр. 268. Сравните книгу Мейена *"Геология. растений"*, стр. 25, 188. Таким образом, что предложение Даниэля (*Метеорологические очерки*, стр. 104, раздел xiv) выражено слишком обобщенно и должно быть ограничено континентами к северу от экватора.

[182] Пассаты иногда достигают тридцатой параллели. См. *Метеорологические очерки Дэниелла*, стр. 469. Доктор Трейлл (*Физическая география*, изд. 1838, стр. 200) говорит: "Они простираются примерно на 30 ° с каждой стороны экватора": но я полагаю, что они редко встречаются так высоко; хотя Робертсон, безусловно, неправ, предполагая, что они характерны для тропиков; *История Америки*, книга iv. в *Работах Робертсона*, стр. 781.

[183] "В северном полушарии пассат дует с северо-востока, а в южном - с юго-востока". *Геогр. Мейена. о растениях*, стр. 42. Сравните книгу Уолша *"Бразилия"*, том i, стр. 112, том ii, стр. 494; а о "тропическом восточном ветре" Мексиканского залива см. *"Климат Соединенных Штатов" Форри*, стр. 206. Доктор Форри говорит, что это придало росту деревьев "наклон с моря".

[184] О причинах пассатов см. *"Связь физических наук" Сомервилла*, стр. 136, 137; *"Натурфилософия Лесли"*, стр. 518; *"Метеорологические очерки" Даниэля*, стр. 44, 102, 476-481; *"Метеорология" Кемца*, стр. 37-39; *Бриджуотерский трактат Праута*, стр. 254-256. Открытие истинной теории часто приписывают мистеру Дэниеллу, но настоящим первооткрывателем был Хэдди. *Примечание в "Прауте"*, стр. 257. Муссоны, которые популярные авторы часто путают с пассатами, как говорят, вызваны преобладанием суши и разницей между ее температурой и температурой моря: см. *Кемц*, стр. 42-45. О том, что можно назвать преобразованием промыслов в муссоны, в соответствии с законами, совсем недавно обнародованными М. Давом, см. *Отчет Британской ассоциации за 1847 г. (Сборник разделов, стр. 30) и Отчет за 1848 г., стр. 94*. Муссоны описаны в книге Гумбольдта *"Космос"*, том ii. стр. 485; *Азиатские исследования*, том. xviii. часть i. с. 261; *История Греции Терлуолла*, том vii. стр. 13, 55; *Географический журнал*.

Общество, т. ii. с. 90, т. iv. стр. 8, 9, 148, 149, 169, т. xi. с. 162, т. xv. с. 146-149, т. xvi. с. 185, вып. xviii. стр. 67, 68, об. xxiii. с. 112; *Саравак Лоу*, стр. 30.

[185] "*Принципы геологии Лайелла*", стр. 201, 714, 715; см. также "Физическую географию" *Сомервилля*, том ii, стр. 71. А об этой ограничивающей силе Кордильер Анд см. *Азара, Путешествия по Меридиональной Америке*, том i, стр. 33. Согласно доктору Чуди, восточная цепь - это собственно Анды, а западная - Кордильеры; но это различие проводится редко. *Путешествия Чуди по Перу*, стр. 290.

[186] О дожде в Бразилии см. *Метеорологические очерки Даниэля*, стр. 335; *Журнал Дарвина*, стр. 11, 33; "*Путешествия Спик и Мартиуса по Бразилии*", том ii. стр. 113; "*Путешествия Гарднера по Бразилии*", стр. 53, 99, 114, 175, 233, 394.

[187] Доктор Гарднер, который смотрел на эти вещи глазами ботаника, говорит, что вблизи Рио-де-Жанейро тепла и влаги достаточно, чтобы компенсировать даже самую бедную почву; так что "скалы, на которых почти не видно следов земли, покрыты веллозиями, тилландсиями, меластомовыми, кактусами, орхидеями, и папоротники, и все в силе жизни." "*Путешествия Гарднера по Бразилии*", стр. 9. Смотрите также об этом сочетании в "*Бразилии*" Уолша, том ii. стр. 297, 298, любопытное описание сезона дождей: "В течение восьми или девяти часов в день, в течение нескольких недель, у меня никогда не было сухой рубашки; и одежду, которую я снимал на ночь, я надевал утром совершенно мокрой. Когда дождя не было, что случалось очень редко, кое-где светило палящее солнце; и мы шли, покуривая, а влага испарялась от жары, как будто мы растворялись в паре".

[188] Что касается естественной истории Бразилии, я сравнил несколько заметок в "*Географии животных*" Суэйнсона, стр. 75-87, с Кювье, "*Раннее животное*", т. i, стр. 460, т. ii. стр. 28, 65, 66, 89, т. iv. стр. 51, 75, 258, 320, 394, 485, 561, т. v. стр. 40, 195, 272, 334, 553; *Азара, Американская история*, т. i. стр. 244-388, и большая часть томов iii. и iv.; *Винклер, Справочник ботаника*, стр. 378, 576-578; *История Бразилии Саути*, том i, стр. 27, том iii, стр. 315, 823; *Бразилия Гарднера*, стр. 18, 32-34, 41-44, 131, 330; *Бразилия Спик и Мартиуса*, том i. стр. 207-209, 238-248, том ii. стр. 131, 160-163. А что касается лесов, которые входят в число чудес света, *Физическая география Сомервилля*. том ii. стр. 204-206; *Физическая история Причарда*, том v. стр. 497; *Журнал Дарвина*, стр. 11, 24; *Бразилия Уолша*, том i. стр. 145, том ii. стр. 29, 30, 253.

[189] Это необычайное богатство вызвало изумление у всех, кто его видел. М-р Уолш, который путешествовал по некоторым очень плодородным странам, упоминает "чрезвычайное изобилие природы, которое характеризует Бразилию". "*Бразилия*" Уолша, том ii, стр. 19. А очень выдающийся натуралист мистер Дарвин говорит (*Журнал*, стр. 29): "В Англии любой человек, увлекающийся естественной историей, пользуется большим преимуществом во время своих прогулок, поскольку всегда имеет что-то, что привлекает его внимание; но в этих плодородных климатических условиях, изобилующих жизнью, достопримечательностей так много, что он вообще едва может ходить".

[190] *Азара (Amerique Méridionale*, том ii. стр. 1-168) приводит любопытный, но иногда отвратительный отчет о диких туземцах в той части Бразилии к югу от 16°, которой были ограничены его наблюдения. А что касается жителей других частей, см. "*Историю Бразилии*" Хендерсона, стр. 28, 29, 107, 173, 248, 315, 473; *Исследования Мак-Куллоха относительно Америки*, стр. 77; и более свежий отчет доктора Мартиуса в *Журнале Geograph.*

Общество, том ii. стр. 191-199. Даже в 1817 году в Рио-де-Жанейро редко можно было увидеть местного жителя (*"Путешествия Спик и Мартиуса по Бразилии"*, т. i., стр. 142); а доктор Гарднер (*"Путешествия по Бразилии"*, стр. 61, 62) говорит, что "более одного народа индейцев в Бразилии" вернулись к той дикой жизни, от которой они, по-видимому, были избавлены.

[191] Сэр К. Лайелл (*Принципы геологии*, стр. 682) отмечает "невероятное количество насекомых, которые опустошают посевы в Бразилии"; а м-р Суэйнсон, который путешествовал по этой стране, говорит: "Красные муравьи Бразилии настолько разрушительны и в то же время настолько плодовиты, что они часто оспаривают право собственности на землю у земледельцев, бросающий вызов всему своему мастерству, чтобы уничтожить их колонии, и справедливо заставляющий их оставлять свои поля невозделанными." *Swainson on the Geography and Classification of Animals*, стр. 87. Подробнее об этих насекомых читайте в *Darwin's Journal*, стр. 37-43; *История Бразилии Саути*, т. i. стр. 144, 256, 333-335, 343, т. ii. стр. 365, 642, т. iii. стр. 876; *Путешествия Спик и Мартиуса по Бразилии*, т. i. стр. 259, т. ii. стр. 117; *Кювье, Раннее животное*, том iv. стр. 320.

[192] Площадь обрабатываемых земель оценивается от 1½ до 2%. Смотрите *Географическую карту Мак-Каллоха. Диктант*. 1849, том i, стр. 430.

[193] В течение нынешнего столетия численность населения Бразилии в разное время определялась по-разному; самый высокий показатель составлял 7 000 000 человек, а самый низкий - 4 000 000 человек. Комп. Гумбольдт, *Новый. Испания*, том ii. стр. 855; *Бразилия* Гарднера, стр. 12; *География Мак-Каллоха. Dict.* 1849, vol. i. стр. 430, 434. Мистер Уолш описывает Бразилию как "изобилующую землями с самым буйным плодородием, но почти лишенную жителей". *"Бразилия"* Уолша, том i, стр. 248. Это было в 1828 и 1829 годах, с тех пор население Европы увеличилось; но, в целом, 6 000 000 человек, по-видимому, являются справедливой оценкой того, что может быть известно лишь приблизительно. *В.Истории Элисон*, том x, стр. 229, приведено число 5 000 000; но площадь также довольно занижена.

[194] Видака - самая южная точка нынешнего побережья Перу; хотя завоевания Перу, включенного в состав империи, простирались далеко в Чили и в пределах нескольких градусов от Патагонии. Что касается Мексики, то северная граница империи проходила под углом 21° на Атлантическом побережье и 19° на Тихом океане. *История Мексики Прескотта*, том i, стр. 2.

[195] Был поднят вопрос об азиатском происхождении кукурузы: *Рейнье, Экономика арабского мира*, стр. 94, 95. Но более поздние и тщательные исследования, по-видимому, не вызвали особых сомнений в том, что до открытия Америки он был неизвестен. Сравните *"Географию растений"* Мейена, стр. 44, 303, 304; *заметку Валькенера в "Азаре"*, *"Американская история"*, том i, стр. 149; *Кювье, Прогресс естественных наук*, том ii, стр. 354; *Кювье, Исторические рассуждения*, том ii, стр. 178; *Сельскохозяйственная энциклопедия Лаудона*, с. 829; *Коммерческий справочник Мак-Каллоха*, 1849, с. 831. Случайные упоминания о кукурузе, сделанные Икстлильшочитлем, историком-уроженцем Мексики, показывают ее широкое использование в качестве пищевого продукта до прихода испанцев: см. *Икстлильшочитль, История чичимеков*, том i. стр. 53, 64, 240, том ii. стр. 19.

[196] "Кукуруза, действительно, растет на высоте 7200 футов над уровнем моря, но преобладает только на высоте от 3000 до 6000 метров". *"Растительное царство"* Линдли, 1847, стр. 112. Это относится к тропическим частям Южной Америки; но говорят, что Зеа Маис был поднят на

склонах Пиренеев 'на высоте от 3 000 до 4 000 футов'. См. *Статью Остина о сорокадневной кукурузе в отчете Brit. Доц. за 1849 г., Пер. из разд. стр. 68.*

[197] М. Мейен (*Геог. о растениях*, стр. 302) и м-р Бальфур (*Ботаника*, стр. 567) предполагают, что в Америке 40 ° - это примерно ее предел; и это верно в отношении ее экстенсивного культивирования; но ее выращивают, безусловно, до 52 °, возможно, до 54 ° северной широты: см. *Арктическая экспедиция Ричардсона*, 1851, т. ii. стр. 49, 234.

[198] 'Sous la zone tempérée, entre les 33 et 38 degrés de latitude, par exemple dans la Nouvelle Californie, le maïs ne produit, en général, année commune, que 70 à 80 grains pour un.' *Humboldt, la Nouvelle Espagne*, vol. ii. p. 375.

[199] 'La fécondité du Tlaolli, ou maïs mexicain, est au-delà de tout ce que l'on peut imaginer en Europe. La plante, favorisée par de fortes chaleurs et par beaucoup d'humidité, acquiert une hauteur de deux à trois mètres. Dans les belles plaines qui s'étendent depuis San Juan del Rio à Queretaro, par exemple dans les terres de la grande métairie de l'Esperanza, une fanègue de maïs en produit quelquefois huit cents. Des terrains fertiles en donnent, année commune, trois à quatre cents.' *Гумбольдт, Новый. Espagne*, vol. ii. p. 374. Почти такую же оценку дает г-н Уорд: см. "Мексика" Уорда, том i, стр. 32, том ii, стр. 230. В Центральной Америке (Гватемала) кукуруза дает триста долларов за одного. *Mexique et Guatemala, par Larenaudière*, p. 257.

[200] 'Дом земли, который является коренным жителем Перу'. *Гумбольдт, Новый. Espagne*, vol. ii. p. 400. С другой стороны, Кювье (*История естественных наук*, часть ii. стр. 185) безапелляционно заявляет: "или нет ничего невозможного в том, что касается происхождения Перу": см. Также его *Eloges Historiques*, том ii. стр. 171. Compare *Winckler, Gesch. der Botanik*, p. 92: 'Von einem gewissen Carate unter den Gewächsen Peru's mit dem Namen papas aufgeführt.'

[201] И с тех пор используется в пищу. О перуанском картофеле сравните "Путешествия Чуди по Перу", стр. 178, 368, 386; "Путешествие Уллоа в Южную Америку", т. i. стр. 287, 288. На юге Перу, на высоте 13 000 или 14 000 футов, происходит любопытный процесс: картофельный крахмал замораживается в сахарин. Ознакомьтесь с ценной статьей г-на Боллаерта в журнале *Geograph. Общество*, том xxi. стр. 119.

[202] Гумбольдт (*Новый. Espagne*, vol. ii. p. 359) says, 'partout où la chaleur moyenne de l'année excède vingt-quatre degrés centigrades, le fruit du bananier est un objet de culture du plus grand intérêt pour la subsistance de l'homme.' Сравните "Мексику Буллока", стр. 281.

[203] *География Мак-Каллоха. Dict.*, 1849, т. ii. стр. 315.

[204] 'Je doute qu'il existe une autre plante sur le globe, qui, sur un petit espace de terrain, puisse produire une masse de substance nourrissante aussi considérable.' ... 'Le produit des bananes est par conséquent à celui du froment comme 133: 1—à celui des pommes de terre comme 44: l'*Humboldt, Nouvelle Espagne*, vol. ii. pp. 362, 363. См. также *Бриджуотерский трактат Праута*, стр. 333, изд. 1845; *Перу Прескотта*, т. i. стр. 131, 132; *Мексика Прескотта*, т. i. стр. 114. Более ранние, но очень несовершенные упоминания об этом замечательном растении можно найти в книге Уллоа "Южная Америка", том i, стр. 74; и в работах Бойля, том iii, стр. 590.

[205] Единственной наукой, с которой они были хорошо знакомы, была астрономия, которую мексиканцы, по-видимому, культивировали со значительным успехом. Сравните замечание Ла

Плейса в "Гумбольдте, "Новой Испании", т. i, стр. 92, с "Физической историей Причарда", т. v., стр. 323, 329; "Исследованиями Мак-Куллоха", стр. 201-225; "Мексике" Ларенодьера, стр. 51, 52; "Космосе Гумбольдта", т. iv, стр. 456; "Журнале геологии". Общество, том vii. стр. 3. Однако их астрономия, как и следовало ожидать, сопровождалась астрологией: см. *Икстлильшочитль, История чичимеков*, т. i. с. 168, т. ii. с. 94, 111.

[206] Робертсон недооценивает произведения искусства, созданные мексиканцами и перуанцами: он, однако, признает, что никогда их не видел. *История Америки*, книга vii., в трудах Робертсона, стр. 909, 920. Но в течение нынешнего столетия этому предмету уделялось значительное внимание: и в дополнение к свидетельствам мастерства и дорогостоящей экстравагантности, собранным мистером Прескоттом, *История Перу*, т. i, стр. 28, 142; *История Мексики*, т. i, стр. 27, 28, 122, 256, 270, 307, т. ii. стр. 115, 116), я могу сослаться на свидетельство М. Гумбольдта, единственного путешественника в Новом Свете, который обладал достаточным объемом физических, а также исторических знаний. *Гумбольдт, "Новая Испания"*, том ii. стр. 483, и в других местах. Сравните наблюдения г-на Пентленда о гробницах в окрестностях Титикаки (*Журнал геогр. соц.* том x, стр. 554) с *исследованиями Мак-Куллоха*, стр. 364-366; *Мексиканский пар-Ларенаудьер*, стр. 41, 42, 66; *"Южная Америка" Уллоа*, том i, стр. 465, 466.

[207] 'Члены королевского дома, знатные люди, даже государственные чиновники и многочисленное духовенство были освобождены от налогообложения. Вся обязанность по покрытию государственных расходов лежала на народе.' *История Перу Прескотта*, том i, стр. 56.

[208] Ондегардо выразительно говорит: "Соло-эль-трабахо эпохи персонажей, трибуна которых - это дава, порк элос, но не посеянец от козы". *Перу Прескотта*, том i, стр. 57. Сравните *Исследования Мак-Куллоха*, стр. 359. In Mexico the state of things was just the same: 'Le petit peuple, qui ne possédait point de biens-fonds, et qui ne faisait point de commerce, payait sa part des taxes en travaux de différents genres; c'était par lui que les terres de la couronne étaient cultivées, les ouvrages publics exécutés, et les diverses maisons appartenantes à l'empereur construites ou entretenues.' *Larenaudière's Mexique*, p. 39.

[209] Мистер Прескотт замечает это с удивлением, хотя, при данных обстоятельствах, это было на самом деле совершенно естественно. Он говорит (*Hist. of Peru*, vol. i. p. 159), 'При таком необычном государственном устройстве народ, развитый во многих социальных областях, хорошо разбирающийся в мануфактурах и сельском хозяйстве, не был знаком, как мы видели, с деньгами. У них не было ничего, что заслуживало бы называться собственностью. Они не могли заниматься никаким ремеслом, не могли заниматься никаким трудом, никакими развлечениями, кроме тех, которые были специально предусмотрены законом. Они не могли сменить место жительства или одежду без разрешения правительства. Они не могли даже воспользоваться свободой, которая предоставляется самым униженным в других странах, — свободой выбора собственных жен'.

[210] Мексиканцы, как говорит Причард (*Физическая история*, т. v. стр. 467), отличались более жестоким нравом, чем перуанцы; но наша информация слишком ограничена, чтобы позволить нам определить, было ли это вызвано в основном физическими причинами или социальными. Herder preferred the Peruvian civilization: 'der gebildetste Staat dieses Welttheils, Peru.' *Ideen zur Geschichte der Menschheit*, vol. i. p. 33.

[211] Смотрите в книге Гумбольдта *"Новая Испания"*, том i, стр. 101, поразительный обзор состояния мексиканского народа во время испанского завоевания: смотрите также *Историю Америки*, книгу vii., в работах Робертсона, стр. 907.

[212] *История завоевания Мексики Прескотта*, том i, стр. 34. Сравните аналогичное замечание о вторжении в Египет в книге Бунзена *"Египет"*, том ii, стр. 414.

[213] Фирдоуси утверждает, что в Персии существовали касты; и его утверждение, если отбросить его общую вероятность, должно перевесить молчание греческих историков, которые, по большей части, мало знали ни о какой стране, кроме своей собственной. Согласно Малькольму, существование касты во времена Джемшида подтверждается некоторыми "магометанскими авторами"; но он не говорит, кем они были. *История Персии Малкольма*, том i. стр. 505, 506. Было предпринято несколько попыток, но весьма безуспешных, установить период, в который впервые были учреждены касты. Сравните *Азиатские исследования*, том vi, стр. 251; *"Африканские народы"* Хирена, том ii, стр. 121; *"Египет"* Бунзена, том ii, стр. 410; *"Раммохун Рой о ведах"*, стр. 269.

[214] *История Перу Прескотта*, том i. стр. 143, 156.

[215] *История Мексики Прескотта*, том i, стр. 124.

[216] 'Les Américains, comme les habitants de l'Indoustan, et comme tous les peuples qui ont gémi long-temps sous le despotisme civil et religieux, tiennent avec une opiniâtreté extraordinaire à leurs habitudes, à leurs mœurs, à leurs opinions.... Au Mexique, comme dans l'Indoustan, il n'étoit pas permis aux fidèles de changer la moindre chose aux figures des idoles. Tout ce qui appartenait au rite des Aztèques et des Hindous étoit assujéti à des lois immuables.' Гумбольдт, *Новый. Испания*, том i. стр. 95, 97. У Тюрго (*"Маневры"*, том ii. стр. 226, 313, 314) есть несколько замечательных замечаний по поводу этой неизменности мнений, естественной для определенных состояний общества. См. также *"Идея из жизни"* Гердера, том iii, стр. 34, 35; и для других иллюстраций этой нестандартности мышления и приверженности старым обычаям, которые многие авторы считают восточной особенностью, но которые гораздо более широко распространены и являются, как ясно видел Гумбольдт, результатом неравного распределения власти, сравните *"Посольство Тернера в Тибет"*, стр. 41; *"Восточные мемуары Форбса"*, том i, стр. 15, 164, том ii, стр. 236; *История Индии Милля*, том ii. стр. 214; *История Индии Эльфинстоуна*, стр. 48; *Жизнь Кларка Оттера*, том ii. стр. 109; *Журнал Азиатского общества*, том ii. стр. 64; *Журнал Азии. Общество*, том. viii. с. 116.

[217] 'Насколько щепетильными были египтяне, прежде всего люди, разрешавшие введение новых обычаев в вопросах, касающихся богов'. *"Древние египтяне"* Уилкинсона, том iii. стр. 262. Сравните стр. 275. Таким образом, М. Бунзен также отмечает 'упорство, с которым египтяне придерживались старых манер и обычаев'. *Египет Бунзена*, том ii. стр. 64. Смотрите также некоторые замечания о разнице между этим духом и любовью к новизне у греков в *"Истории древней философии"* Риттера, том iv. стр. 625, 626.

[218] *Геродот.* книга ii. глава ii. 79: πατρίοισι δὲ χρεώμενοι νόμοισι, ἕλλον οὐδὲα ἐιτέωνται: and see the note in *Baehr*, vol. i. p. 660: 'νόμους priores interpretes explicarunt *cantilenas, hymnos*; Schweighæuserus rectius intellexit *instituta ac mores*.' Таким же образом, в *Timæus*, Платона представляет собой египетский жрец говорит Солону, Ἕληνες αἰεὶ παῖ δὲς ἐστε, γέρων Ἕλην δὲ οὐκ ἔστιν. And when Solon asked what he meant, Νέοι ἐστε, was the reply, τὰς ψυχὰς πάντες·

οὐδεμίαν γὰρ ἐν αὐταῖς εἴχετε δι' ἀρχαίαν ἀκοήν πολὺν δόξαν οὐδὲ μάθημα χρόνῳ πολὺν οὐδέν. Глава V. в *Опере "Платонис"*, том vii. стр. 242, изд. Беккер, Лондон, 1826 год.

[219] Мексиканцы, по-видимому, были еще более беспричинно расточительными, чем перуанцы. Смотрите, что касается их огромных пирамид, одна из которых, Чолула, имела основание "в два раза шире самой большой египетской пирамиды", *Исследования Мак-Куллоха*, стр. 252-256; *"Мексика Баллока"*, стр. 111-115, 414; *"Новая Испания" Гумбольдта*, том i, стр. 240, 241.

[220] *"История Мексики" Прескотта*, том i, стр. 117, том iii, стр. 341; и *"История Перу" Прескотта*, том i, стр. 145. See also Haüy, *Traité de Minéralogie*, Paris, 1801, vol. iv. p. 372.

[221] *"История Перу" Прескотта*, том i, стр. 18.

[222] Мистер Прескотт (*История Мексики*, том i, стр. 153) говорит: "Нам не сообщают о времени, затраченном на строительство этого дворца; но, как говорят, на нем было занято 200 000 рабочих. Как бы то ни было, несомненно, что монархи Тецукана, подобно монархам Азии и древнего Египта, контролировали огромные массы мужчин и иногда обращали все население завоеванного города, включая женщин, на общественные работы. Самые гигантские памятники архитектуры, которые когда-либо видел мир, никогда бы не были возведены руками свободных людей." Мексиканский историк Икстлильшочитль приводит любопытный рассказ об одном из королевских дворцов. Смотрите его *Историю чичимеков*, переведенную Терно-Компансом, Париж, 1840, том i, стр. 257-262, глава xxxvii.

[223] Это можно проиллюстрировать хорошим замечанием М. Маттера о том, что, когда египтяне однажды потеряли свою расу царей, для нации оказалось невозможным восстановить себя. *Материя, История школы Александрии*, том i, стр. 68; поразительный отрывок. В Персии, опять же, когда угасло чувство лояльности, угасло и чувство национальной мощи. *История Персии Малкольма*, том ii. стр. 130. История наиболее цивилизованных частей Европы представляет картину, прямо противоположную этой.

[224] Я имею в виду физические и экономические обобщения. Что касается литературы по этому предмету, я осознаю многие недостатки, особенно в отношении мексиканской и перуанской истории.

[225] Ощущение страха, даже когда опасности нет, становится достаточно сильным, чтобы разрушить удовольствие, которое в противном случае испытывалось бы. См., например, описание великой горной границы Индостана в *Азиатских исследованиях*, т. xi. стр. 469: "Человеку необходимо поставить себя в нашу ситуацию, прежде чем он сможет сформировать правильное представление об этой сцене. Глубина долины внизу, постепенное возвышение промежуточных холмов и величественное великолепие покрытых облаками Гималаев создавали столь грандиозную картину, что в сознании возникало ощущение скорее страха, чем удовольствия." Сравните том xiv. стр. 116, Калькутта, 1822. В Тироле было замечено, что величие горных пейзажей вселяет в умы туземцев страх и стало причиной появления множества суеверных легенд. *"Европа Элисон"*, том ix. стр. 79, 80.

[226] 'Une augmentation d'électricité s'y manifeste aussi presque toujours, et ils sont généralement annoncés par le mugissement des bestiaux, par l'inquiétude des animaux domestiques, et dans les hommes par cette sorte de malaise qui, en Europe, précède les orages dans les personnes nerveuses.' Кювье, *Прогр. des Sciences*, vol. i. p. 265. Смотрите также об этом "Форгефюле", наблюдении Фон Хоффа, в ценном эссе г-на Маллета о землетрясениях (*Брит. Доц. за 1850 г.*, стр. 68); и "предчувствие" в "Перу Чуди", стр. 165; и письмо в "Иллюстрациях восемнадцатого века" Николса, т. iv. стр. 504. Вероятная связь между землетрясениями и электричеством отмечена в книге Бейквелла "Геология", стр. 434.

[227] 'Перу, возможно, больше, чем любая другая страна, подвержена сильнейшим землетрясениям'. *География Мак-Каллоха. Диктант*. 1849. том ii. стр. 499. Доктор Чуди (*Путешествия по Перу*, стр. 162) говорит о Лиме: 'в среднем за год можно рассчитывать на сорок пять толчков'. Смотрите также о перуанских землетрясениях, стр. 43, 75, 87, 90.

[228] Любопытный пример ассоциации идей, преодолевающей омертвляющее действие привычки. Доктор Чуди (*Перу*, стр. 170), описывая панику, говорит: 'никакое знакомство с феноменом не может притупить это чувство'. Бил (*Китобойное плавание в Южных морях*, 1839, Лондон, стр. 205) пишет: "В Перу говорят, что чем чаще местные жители ощущают эти колебания земли, вместо того чтобы привыкнуть к ним, как это делают люди, постоянно подвергающиеся другим опасностям, они все больше впадают в уныние при каждом повторении потрясения, так что пожилые люди часто находят ужас, вызванный легким потрясением, почти невыносимым". Сравните *Журнал Дарвина*, стр. 422, 423. что касается мексиканских землетрясений, м-р Уорд замечает, что "местные жители более чувствительны к меньшим толчкам, чем незнакомцы, и более встревожены ими". "Мексика" Уорда, том ii, стр. 55. О физиологических эффектах страха, вызванного землетрясениями, см. Замечательное заявление Осиандера в "Физиологии научного наблюдения" Бурдаха, том ii, стр. 223, 224. Что бояться следует не притуплен знакомство, но выросла она, тоже вряд ли можно ожидать от спекулятивного мышления, незнакомому с доказательствами; и мы видим, на самом деле, что Pyrrhonists утверждал, что οὐ γοῦν σεισμὰ παρ' οὓς συνεχῶς ἀποτελοῦνται, οὐ θαυμάζοντο· οὐδ' ὁ ἥλιος, ὅτι καθ' ἡμέραν ὀράται. *Диог. Лаэрт. de Vitis Philos.* библиотека. ix. сегмент. 87, том i. стр. 591.

[229] Мистер Стивенс, который дает поразительное описание землетрясения в Центральной Америке, выразительно говорит: "Я никогда раньше не чувствовал себя таким слабым". "Центральная Америка" Стивенса, том i, стр. 383. См. также отчет о воздействии землетрясения на сознание в *Transac. of Soc. of Bombay*, том iii. стр. 98, и примечание на стр. 105.

[230] Влияние землетрясений на поощрение суеверий отмечено в замечательной работе Лайелла "Принципы геологии", стр. 492. Сравните миф о происхождении землетрясений в *Beausobre, Histoire Critique de Manichée*, том i, стр. 243.

[231] Величайшие люди науки, и фактически все очень великие люди, несомненно, отличались силой своего воображения. Но в искусстве воображение играет гораздо более заметную роль, чем в науке; и именно это я хочу выразить с помощью предложения в тексте. Сэр Дэвид Брюстер действительно считает, что Ньютону не хватало воображения: 'слабость его силы воображения'. "Жизнь Ньютона" Брюстера, 1855, том ii. стр. 133. Невозможно обсудить столь масштабный вопрос в одной заметке; но, насколько я понимаю, ни у одного поэта, за

исключением Данте и Шекспира, никогда не было более яркого и дерзкого воображения, чем у сэра Исаака Ньютона.

[232] Замечания, сделанные мистером Тикнором по поводу отсутствия науки в Испании, могут быть расширены даже дальше, чем он сделал. См. *"Историю испанской литературы"* Тикнора, том iii. Стр. 222, 223. Он говорит, стр. 237, что в 1771 году Университет Саламанки, которому было предложено преподавать физические науки, ответил: "Ньютон не преподает ничего такого, из чего мог бы получиться хороший логик или метафизик, а Гассенди и Декарт не так хорошо согласуются с богооткровенной истиной, как Аристотель".

[233] В *Азиатских исследованиях*, том vi. стр. 35, 36, есть хороший пример землетрясения, породившего теологическую фикцию. См. также том i, стр. 154-157; и сравните *"Мифологию индусов"* Коулмана, стр. 17.

[234] Смотрите, например, *Азиатские исследования*, т. iv. стр. 56, 57, т. vii. стр. 94; и эффект, производимый вулканом, в *Географическом журнале. Общество*, том v., стр. 388. См. также том xx, стр. 8 и практическое признание этого принципа Секстом Эмпириком в книге *Теннемана "Философская книга"*, том i, стр. 292. Сравните, как духовенство использовало извержение вулкана в Исландии (*"История северян"* Уитона, стр. 42); и смотрите далее *"Историю Явы"* Раффлса, том i, стр. 29, 274, и *"Перу"* Чуди, стр. 64, 167, 171.

[235] Индусы в лесах Ируари, говорит мистер Эдай, "поклоняются и уважают все, в чем они видят опасность". *Эдье на побережье Малабара*, в *Журнале Азиатского общества*, том ii. стр. 337.

[236] Доктор Причард (*Физическая история*, том iv, стр. 501) говорит: "Племя хаджин поклоняется тигру в окрестностях Гарроуза или Гаррудуса". Сравните *"Труды азиатского общества"*, том iii, стр. 66. У самих Гарроузов это чувство настолько сильно, что "нос тигра, обвитый вокруг шеи женщины, считается отличным предохранителем при родах". *"Мифология индусов"* Коулмана, стр. 321. У сейков есть любопытное суеверие относительно ран, нанесенных тиграми (*"Бухара"* Берна, 1834, т. iii, стр. 140); а маласиры верят, что эти животные посланы в наказание за безбожие. *Путешествие Бьюкенена по Майсуру*, том ii. стр. 385.

[237] Жители Суматры по суеверным причинам крайне не желают уничтожать тигров, хотя они совершают ужасные опустошительные действия. *"История Суматры"* Марсдена, стр. 149, 254. В русском рассказе о камчатцах говорится: "Помимо вышеупомянутых богов, они с религиозным почтением относятся к нескольким животным, от которых они опасаются". *"История Камчатки"* Грива, стр. 205. Брюс упоминает, что в Абиссинии гиены считаются "чародеями", и местные жители 'не прикасаются к коже гиены, пока над ней не помолился священник и не изгнал нечистую силу'. *"Жизнь Брюса"* Мюррея, стр. 472. С этим связано уважение к медведям (*"Сибирь"* Эрмана, т. i, стр. 492, т. ii, стр. 42, 43); также широко распространенное поклонение змею, чьи коварные движения хорошо рассчитаны, чтобы внушать страх и, следовательно, пробуждать религиозные чувства. Опасность, исходящая от ядовитых рептилий, связана с Росой Зендавесты. См. *Историю гностицизма материи*, том i, стр. 380, Париж, 1828.

[238] Чтобы привести один пример того, до какой степени они действуют, можно упомянуть, что в 1815 году в Сумбаве произошло землетрясение и извержение вулкана, которые сотрясли землю "на площади 1000 миль в окружности", а взрывы были слышны на расстоянии 970

географических миль. "Связь физических наук" Сомервилла, стр. 283; "Религия геологии" Хичкока, стр. 190; "Саравак" Лоу, стр. 10; "Геология" Бейквелла, стр. 438.

[239] In the sixteenth century, 'Les différentes sectes s'accordèrent néanmoins à regarder les maladies graves et dangereuses comme un effet immédiat de la puissance divine; idée que Fernel contribua encore à répandre davantage. On trouve dans Paré plusieurs passages de la Bible, cités pour prouver que la colère de Dieu est la seule cause de la peste, qu'elle suffit pour provoquer ce fléau, et que sans elle les causes éloignées ne sauraient agir.' *Sprengel, Histoire de la Médecine*, vol. iii. p. 112. The same learned writer says of the Middle Ages (vol. ii. p. 372), 'D'après l'esprit généralement répandu dans ces siècles de barbarie, on croyait la lèpre envoyée d'une manière immédiate par Dieu.' См. также стр. 145, 346, 431. Епископ Хибер говорит, что индуисты лишают прокаженных кастового статуса и права владения собственностью, потому что они являются объектами 'гнева Небес'. *Путешествие Хибера по Индии*, том ii. стр. 330. О мнении евреев см. *Le Clerc, Всемирная библиотека*, том iv. стр. 402, Амстердам, 1702. А что касается ранних христиан, см. *Мори, Легенд пьезов*, стр. 68, Париж, 1843: хотя М. Мори приписывает "восточным идеям требования христианства" то, что связано с действием гораздо более широкого принципа.

[240] Под влиянием индуктивной философии теологическая теория болезни была серьезно ослаблена до середины семнадцатого века; и к середине или, во всяком случае, ко второй половине восемнадцатого века она потеряла всех своих сторонников среди ученых. В настоящее время это все еще сохраняется среди простонародья; и следы этого можно найти в трудах духовенства и в работах других людей, мало знакомых с физическими знаниями. Когда в Англии разразилась холера, были предприняты попытки возродить старое представление; но дух времени был слишком силен, чтобы такие попытки увенчались успехом; и можно с уверенностью предсказать, что люди никогда не вернутся к своим прежним взглядам, если только они сначала не вернутся к своему прежнему невежеству. В качестве примера идей, которые имела тенденцию возбуждать холера, и их антагонизма ко всем научным исследованиям, я могу сослаться на письмо, написанное в 1832 году миссис Грант, женщиной с некоторыми достижениями и не лишенной влияния (*Переписка миссис Грант*, Лондон, 1844, т. iii. стр. 216, 217), где она заявляет, что "мне кажется большой самонадеянностью потакать так сильно, как это делают люди, спекуляциям и догадкам о болезни, которая, очевидно, вызывает особые страдания и отличается от всех других видов страданий, известных до сих пор". 'Это желание ограничить человеческие спекуляции - именно то чувство, которое долгое время держало Европу во тьме; поскольку оно эффективно препятствовало тем свободным исследованиям, которым мы обязаны всеми реальными знаниями, которыми мы обладаем. Сомнения Бойля по этому поводу представляют собой любопытный пример переходного состояния, через которое проходил разум в семнадцатом веке и которым был подготовлен путь для великого освободительного движения следующего века. Бойль, изложив обе стороны вопроса, а именно теологическую и научную, добавляет: "и тем менее вероятно, что эти распространяющиеся и заразные болезни всегда следует насыщать для наказания нечестивых людей, потому что я помню, что читал у хороших авторов, что подобно тому, как некоторые эпидемии уничтожали и людей, и животных, так и некоторые другие особым образом уничтожали грубых животных, не представляющих особого внимания или пользы для людей, таких как кошки" и т.д.

‘По этим и подобным причинам я иногда подозревал, что в споре о происхождении чумы, а именно о том, является ли она естественной или сверхъестественной, ни одна из противоборствующих сторон не совсем права; поскольку весьма возможно, что некоторые эпидемии не могут вспыхнуть без экстраординарного, хотя, возможно, и не немедленного вмешательства Всемогущего Бога, спровоцированного грехами людей; и все же другие эпидемии могут быть вызваны трагическим стечением чисто естественных причин’. *Разговор в эфире, в работах Бойля*, том iv. стр. 288, 289. "Ни одна из противоборствующих сторон не совсем права!" — поучительный отрывок для понимания духа компромисса семнадцатого века, стоящего на полпути между легковерием шестнадцатого и скептицизмом восемнадцатого.

[241] Для историка человеческого разума весь этот вопрос настолько интересен, что в этой заметке я сошлюсь на все свидетельства, которые мне удалось собрать: и тот, кто сравнит следующие отрывки, может убедиться, что в каждой части мира существует тесная связь между невежеством в отношении природы и надлежащего лечения болезни и верой в то, что такая болезнь вызвана сверхъестественной силой и должен быть ею излечен. *Синд Бертона*, стр. 146, Лондон, 1851; *Полинезийские исследования Эллиса*, т. i, стр. 395, т. iii, стр. 36, 41, т. iv, стр. 293, 334, 375; *Работы Каллена*, издание 1827, т. ii, стр. 414, 434; *Эскироль, Душевные болезни*, т. i, стр. 274, 482; *Кабанис, Взаимоотношения тела и морали*, стр. 277; *Волни, Путешествие в Сирию*, том i, стр. 426; *Посольство Тернера в Тибет*, стр. 104; *Посольство Сайма в Авуу*, том ii, стр. 211; *Тур Эллиса по Гавайям*, стр. 282, 283, 332, 333; *Ренуар, История медицины*, том i. с. 398; *Бруссе, Экзамен по медицинским доктринам*, т. i, стр. 261, 262; *"История Греции" Гроте*, т. i, стр. 485 (сравните стр. 251 и т. vi, стр. 213); *"История Камчатки" Грива*, стр. 217; *Журнал Statistic. Соч. том x. стр. 10*; *"Североамериканские индейцы" Бьюкенена*, стр. 256, 257; *"Североамериканские индейцы" Хэлкетта*, стр. 36, 37, 388, 393, 394; *"Североамериканские индейцы" Кэтлина*, том i, стр. 35-41; *Бриггс об аборигенных племенах Индии, в отчете Brit. Доц. для 1850*, стр. 172; *операции соц. Бомбей*, объем. второй. стр. 30; *Персиваля Цейлон*, стр. 201; *Бьюкенена путешествие по Майсур*, объем. второй. с. 27, 152, 286, 528, объем. раздел III. с. 23, 188, 253 (так, слишком, М. Жоффруа Сент-Илер, *аномалии де л'Organization*, объем. раздел III. стр. 380, говорит, что когда мы были довольно невежественны причиной чудовищных родов, явление приписывалось божеству,—‘де-ла-аусси л реагирования, supposée-де-ла-divinité; и для точного подтверждения этой, сравнить *Burdach, работе traité de Physiologie*, том. второй. стр. 247, с *Вестник местного комитета. Соц. объем. XVI. стр. 113*); *Эллис истории Мадагаскара*, том. я. с. 224, 225; *Причард физическое истории*, том. я. стр. 207, том. в. п. 492; *журнал Азиатского общества*, том. раздел III. стр. 230, объем. Ив. стр. 158; *азиатских исследований*, Том. раздел III. с. 29, 156, том. Ив. с. 56, 58, 74, объем. XVI. с. 215, 280; *Неандер история Церкви*, том. раздел III. стр. 119; *Crawford истории индийского архипелага*, объем. я. стр. 328; *низкие Саравак*, стр. 174, 261; *Кука рейсов*, том. я. стр. 229; *морской Тонга-ва*, том. я. с. 194, 350-360, 374, 438, объем. второй. С. 172, 230; *ЮК путешествия в Татарию и Тибете*, объем. я. С. 74-77; *Ричардсон едет в Сахару*, объем. я. стр. 27; *м'Culloh исследований*, С. 105; *журнал географов. Соц. объем. я. стр. 41, вып. Ив. стр. 260, Об. XIV. стр. 37*. И в том, что касается Европы, сравните *Спенс, происхождения законов Европа*, стр. 322; *Тернер, кандидат исторических наук. of England*, том iii, стр. 443; *Филлипс о золотухе*, стр. 255; *"Жизнь Кларка" Оттера*, том i, стр. 265, 266, что может быть проиллюстрировано "священной" болезнью Камбиза, несомненно, эпилепсией; см. *Геродота. глава iii. глава xxxiv. том ii. стр. 63*.

[242] Среди причин этого, безусловно, высокая температура, влажность и последующее быстрое разложение растительных веществ; и к ним, возможно, можно добавить электрическое

состояние атмосферы в тропиках. Сравните *Медицинские заметки Холланда*, стр. 477; *Медицинская экспедиция Мак-Уилльяма в Нигер*, стр. 157, 185; *Патология Саймона*, стр. 269; *Климат Форри и его эндемические влияния*, стр. 158. М. Лепеллетье довольно туманно говорит (*Физиологическая медицина*, т. iv. стр. 527), что умеренные зоны "благоприятны для выполнения физических упражнений". феномен вито".

[243] И, должно быть, укрепила власть духовенства; ибо, как с большой откровенностью говорит Шарлевуа, 'эпидемии - это жатва служителей Божьих'. *История Бразилии Саути*, том ii. стр. 254.

[244] Для получения доказательств неевропейского происхождения европейских болезней, некоторые из которых, такие как оспа, перешли из эпидемического состояния в эндемическое, сравните *Encyclop. of the Medical Sciences*, 4to, 1847, стр. 728; *Труды азиатского общества*, том ii. стр. 54, 55; *Михаэлис о законах Моисея*, том iii. стр. 313; *Шпренгель, История медицины*, том ii. стр. 33, 195; *Диссертация Уоллеса о численности человечества*, стр. 81, 82; *Уэтиана*, Amst. 1723, pp. 132-135; *Сандерс о оспе*, Изд. 1813, стр. 3-4; *История Уилкса. о Юге Индии*, том iii. стр. 16-21; *Клот-Бей де ла Песте*, Париж, 1840, стр. 227.

[245] 'So verwandelt das geistige Leben des Hindu sich in wahre Poesie, und das bezeichnende Merkmal seiner ganzen Bildung ist: Herrschaft der Einbildungskraft über den Verstand; im geraden Gegensatz mit der Bildung des Europäers, deren allgemeiner Charakter in der Herrschaft des Verstandes über die Einbildungskraft besteht. Es wird dadurch begreiflich, dass die Literatur der Hindus nur eine poetische ist; dass sie überreich an Dichterwerken, aber arm am wissenschaftlichen Schriften sind; dass ihre heiligen Schriften, ihre Gesetze und Sagen poetisch, und grösstentheils in Versen geschrieben sind; ja dass Lehrbücher der Grammatik, der Heilkunde, der Mathematik und Erdbeschreibung in Versen verfasst sind.' *Rhode, Religiöse Bildung der Hindus*, vol. ii. p. 626. Точно так же нам говорят об одной из их самых знаменитых метафизических систем, что 'лучший текст Санчьи - это краткий трактат в стихах'. *Коулбрук о философии индусов*, в *Трудах азиатского общества*, т. i, стр. 23. И в другом месте тот же высокий авторитет говорит (*Азиатские исследования*, т. x, стр. 439): "метрические трактаты по праву и другим наукам почти полностью составлены этим легким стихом". М. Клапрот в анализе санскритской истории кашемира говорит: "comme presque toutes les compositions hindoues, il est écrit en vers." *Journal Asiatique*, I. série, vol. vii. p. 8, Paris, 1825. See also, in vol. vi. pp. 175, 176, the remarks of M. Burnouf: 'Les philosophes indiens, comme s'ils ne pouvaient échapper aux influences poétiques de leur climat, traitent les questions de la métaphysique le plus abstraite par similitudes et métaphores.' Compare vol. vi. p. 4, 'le génie indien si poétique et si religieux;' and see *Cousin, Hist. de la Philosophie*, II. série, vol. i. p. 27.

[246] Мистер Йейтс говорит об индусах, что ни один другой народ никогда "не представлял такого разнообразия поэтических произведений. Различные метры Греции и Рима повергли Европу в изумление; но что это такое по сравнению с обширным диапазоном санскритских метров в рамках трех классов поэтического письма?' *Йейтс о санскритской аллитерации*, в *Азиатских исследованиях*, том xx. стр. 159, Калькутта, 1836. Смотрите также "Санскритские метры", стр. 321, и Эссе Коулбрука, том x. стр. 389-474. О метрической системе Вед см. Примечание мистера Уилсона в "*Ригведа Санхита*", том ii, стр. 135.

[247] В Европе, как мы увидим в шестой главе этого тома, одно время легковерие было необычайным; но эпоха тогда была варварской, а варварство всегда легковерно. С другой

стороны, примеры, почерпнутые из индийской литературы, будут взяты из произведений образованного народа, написанных на чрезвычайно богатом и настолько отточенном языке, что некоторые компетентные судьи объявили его равным греческому, если не превосходящим его.

[248] 'Пределом жизни был том xvi. стр. 456, Калькутта, 1828. 80 000 лет'. *Азиатские исследования*. Это также было подсчетом тибетских богословов, согласно которым люди раньше были 'священнослужителями в возрасте 80 000 лет'. *Journal Asiatique*, I. série, vol. iii. p. 199, Paris, 1823.

[249] 'Den Hindu macht dieser Widerspruch nicht verlegen, da er seine Heiligen 100,000 Jahre und länger leben lässt.' *Под, релур. Bildung der Hindus*, vol. i. p. 175.

[250] В "Дабистане", том ii. стр. 47, говорится о самых ранних обитателях мира, что "продолжительность человеческой жизни в эту эпоху простиралась до ста тысяч обычных лет".

[251] Уилфорд (*Азиатские исследования*, т. v. стр. 242) говорит: 'Когда Пураники говорят о царях древних времен, они столь же экстравагантны. Согласно им, царь Юдхистхира правил двадцать семь тысяч лет.

[252] "В течение шестидесяти тысяч шестидесяти сотен лет ни один другой молодой монарх, кроме Аларки, не правил землей". *Вишну-Пурана*, стр. 408.

[253] А иногда и больше. В "Очерке индийской хронологии" в *Трудах сэра У. Джонса*, т. i, стр. 325, мы слышим о "беседе между Валмиком и Вьясой, ... двумя бардами, возраст которых разделен периодом в 864 000 лет". Этот отрывок также есть в *Азиатских исследованиях*, том ii. стр. 399.

[254] 'Он был первым царем, первым отшельником и первым святым; и поэтому его называют Пратхама-Раджа, Пратхама Бхиччачара, Пратхама Джина и Пратхама Тиртханкара. На момент его вступления в должность короля его возраст составлял 2 000 000 лет. Он правил 6 300 000 лет, а затем передал свою империю своим сыновьям и, потратив 100 000 лет на прохождение нескольких стадий аскетизма и святости, покинул этот мир на вершине горы под названием Аштапада". *Азиатские исследования*, том ix. стр. 305.

[255] 'Speculationen über Zahlen sind dem Inder so geläufig, dass selbst die Sprache einen Ausdruck hat für eine Unität mit 63 Nullen, nämlich Asanke, eben weil die Berechnung der Weltperioden diese enorme Grössen nothwendig machte, denn jene einfachen 12,000 Jahre schienen einem Volke, welches so gerne die höchstmögliche Potenz auf seine Gottheit übertragen mögte, viel zu geringe zu seyn.' *Bohlen, das alte Indien*, vol. ii. p. 298.

[256] "История Индии" Эльфинстоуна, стр. 136, "период, превышающий 4 320 000, умноженный на шесть семьдесят один".

[257] Саймс (*Посольство в Аве*, том iii, стр. 278) говорит: 'От устья Ганга до мыса Коморин, на всей нашей континентальной территории, нет ни одной гавани, способной предоставить убежище судну грузоподъемностью 500 тонн'. Действительно, по словам Персиваля, за исключением Бомбея, "ни на Коромандельском, ни на Малабарском побережьях нет гавани, в которой корабли могли бы безопасно швартоваться в любое время года". *Рассказ Персиваля о Цейлоне*, стр. 2, 15, 66.

[258] 'В целом его площадь несколько меньше, чем у Португалии'. *"История Греции" Гроте*, том ii, стр. 302; и то же замечание в *"Истории Греции" Терлуолла*, том i, стр. 2, и в *"Древней Греции" Хирена*, 1845, стр. 16. М. Хирен говорит: "Но даже если мы добавим все острова, площадь их на треть меньше площади Португалии".

[259] Территория Индостана, являющаяся, по словам г-на Мак-Каллоха (*Geog. Dict.* 1849, том i, стр. 993), "от 1 200 000 до 1 300 000 квадратных миль".

[260] В лучшие дни Греции о тех тревожных эпидемиях, которые впоследствии опустошили страну, было сравнительно мало известно: см. *"Историю Греции" Терлуолла*, т. iii. стр. 134, vol. viii. с. 471. Это может быть связано с большими космическими причинами или с простым фактом, что различные формы чумы еще не были завезены с Востока при фактическом контакте. О смутных отчетах, которыми мы располагаем о более ранних эпидемиях, см. *Клот-Бей де ла Чума*, Париж, 1840. стр. 21, 46, 184. Отношение даже Фукидида больше удовлетворяет ученых, чем патологов.

[261] Гора Гуино, самая высокая точка Греции, недалеко от ее северной границы, имеет высоту 8 239 футов.... Ни одна гора в Греции не достигает предела вечного снега". *Геогр. Мак-Каллоха. Диктант* 1849 г., том i, стр. 924. Сравните таблицу гор в мемуарах Бейкера о Северной Греции в *Журнале географического общества*, том vii. стр. 94, с *"Геологией Бейквелла"*, стр. 621, 622.

[262] "В Греции нет судоходной реки". *География Мак-Каллоха. Диктант.* том i. стр. 924. 'Ранней весной большинство рек Греции разливаются и пересыхают к концу лета. *История Греции Гроте*, том ii. стр. 286.

[263] См. Стивенсона об *антибрахманической религии индусов*, в *Журнале Азиатского общества*, том. viii. стр. 331, 332, 336, 338. Г-н Уилсон (*Журнал*, том iii. стр. 204) говорит: 'Преобладающей формой индуистской религии на юге полуострова в начале христианской эры и, скорее всего, за некоторое время до нее была религия Шивы'. См. также том v., стр. 85, где утверждается, что Шива "единственный индуистский бог, которому воздают почести в Эллоре". Сравните *Transac. of Soc. of Bombay*, том iii. стр. 521; *"Азиатские нации" Хирена*, 1846, том ii. стр. 62, 66. О философских взаимоотношениях между последователями Шивы и Вишну см. *Историю Риттера. of Ancient Philosophy*, том iv, стр. 334, 335; и примечательный факт ("*Майсур*" *Бьюкенена*, том ii, стр. 410), что даже каста наймаров, чьим 'истинным божеством' является Вишну, 'носит на лбу знак Шивы'. Что касается поклонения Шиве во времена Александра Македонского, см. *"Историю Греции" Терлуолла*, том vii, стр. 36; и для получения дополнительных доказательств его масштабов, *Болен, "Альте Индиан"*, том i, стр. 29, 147, 206, и *"Трансак. Азиатского общества"*, том ii, стр. 50, 294.

[264] Так обычно утверждают индуистские теологи; но, согласно Раммохуну Рою, у Шивы было две жены. См. *Раммохан Рой в Ведах*, стр. 90.

[265] Об этих атрибутах и представлениях Шивы и Двери см. *Род, Религиозное наследие индусов*, том ii. стр. 241; *"Мифология индусов" Коулмана*, стр. 63, 92; *Болен, "Дас альте Индиан"*, том i. с. 207; *"Религия индусов" Уорда*, т. i. стр. xxxvii. 27, 145; *Труды Бомбейского общества*, т. i. стр. 215, 221. Сравните любопытный отчет об изображении, предположительно представляющем Махадео, в *Азиатском журнале*, l. série, том i, стр. 354, Париж, 1822.

[266] *Опека религии индусов*, том i, стр. 35; *Труд Бомбейского общества*, том i, стр. 223. Сравните глянec в *"Дабистане"*, том ii. стр. 202.

[267] "Греческие боги были сформированы как люди, со значительно возросшими силами и способностями, и действовали так, как поступили бы люди при таких обстоятельствах, но с достоинством и энергией, соответствующими их более близкому приближению к совершенству. С другой стороны, индуистские боги, хотя и наделены человеческими страстями, всегда имеют что-то чудовищное в своей внешности и дикое и капризное в своем поведении. Они бывают разных цветов, красных, желтых и синих; у некоторых по двенадцать голов, а у большинства по четыре руки. Они часто впадают в ярость без причины и мирятся без мотива." *"История Индии" Эльфинстоуна*, стр. 96, 97. См. также *Эрскина о храме Элефанта*, в *трудах Бомбейского общества*, том i, стр. 246; *и Дабистан*, том i, стр. cxi.

[268] 'В материальном политеизме других ведущих народов древности, например, египтян, воплощение Божества в основном или исключительно ограничивалось животными, чудовищами или другими причудливыми эмблемами.... С другой стороны, в Греции почти необходимым результатом духа и благодати, с которыми божества воплощались в человеческие формы, было то, что они также были обременены человеческими интересами и страстями. На Небесах, как и на земле, были свои дворы и дворцы, свои профессии, свои браки, интриги, разводы.' *Mure's History of the Literature of Ancient Greece*, vol. i. pp. 471, 472. So, too, Tennemann (*Geschichte der Philosophie*, vol. iii. p. 419): 'Diese Götter haben Menschengestalt.... Haben die Götter aber nicht nur menschliche Gestalt, sondern auch einen menschlichen Körper, so sind sie als Menschen auch denselben Unvollkommenheiten, Krankheiten und dem Tode unterworfen; dieses streitet mit dem Begriffe,' i.e. of Epicurus. Сравните *"Историю Греции"* Грота, том i, стр. 596: 'Мифическая эпоха была населена смешанным сообществом богов, героев и людей, настолько смешанных друг с другом, что часто было невозможно различить, к какому классу принадлежало то или иное отдельное имя'. Смотрите также жалобу Ксенофана в *книге Мюллера "История Греции"*, Лондон, 1856, стр. 251.

[269] То же замечание применимо к красоте форм, на которую они сначала нацелились в статуях людей, а затем применили к статуям богов. Это хорошо изложено в важной работе г-на Гроте *"История Греции"*, том iv. стр. 133, 134, изд. 1847.

[270] "Но поклонение обожествленным героям не является частью этой системы". Коулбрук о Ведах, в *Азиатских исследованиях*, том. viii. с. 495.

[271] *Религиозное развитие Маккея*, том ii. стр. 53, Лондон, 1850. Сравните *книгу Уилкинсона "Древние египтяне"*, том iv, стр. 148, 318; и *"Дело, История школы Александрии"*, том i, стр. 2; "культ великих людей", возникший впоследствии в Александрии (*"Дело"*, том i, стр. 54), должно быть, был обусловлен греческим влиянием.

[272] нет никаких указаний на это в Zendavesta; и Геродот говорит, что персы в отличие от греков, постольку, поскольку они не уверовали в Бога, имеющего человеческий облик; книга у меня. Глава II. и cxxxi. объем. я. стр. 308: οὐκ ἄνθρωποφυέας ἐνόμισαν τοὺς θεοὺς, κατὰ περ Ἑλλήνας εἶναι.

[273] Я не знаком с какими-либо свидетельствами, связывающими это богослужение со старой арабской религией; и оно, безусловно, было крайне чуждо духу мусульманства.

[274] Мюр истории литературы Греции, том. я. с. 28, 500, объем. второй. стр. 402: очень хорошее выступление на тему справился неудовлетворительно по Кольридж; *литературные останки*, объем. я. стр. 185. Терлуолл (*История Греции*, том i, стр. 207) признает, что "взгляды и чувства, из которых это (поклонение героям) возникло, кажутся ясно различимыми в поэмах Гомера". Сравните интеллектуальную систему Кадворта, том ii. стр. 226, 372. В "Кратиле", глава. XXXIII., Сократ представлен как спрашивать, ὅτι Οὐκ οἷ ὅθα ἡμίθεοι ἥρωες; *Платона язык оперы*, том. Ив. стр. 227, редактирование. Беккер, Лондон, 1826 год. А в следующем столетии Александр добился для своего друга Гефестиона права на то, чтобы ему "поклонялись как герою" *"История Греции"* Гроте, том xii, стр. 339.

[275] Почитание мертвых, и особенно мучеников, было одним из главных пунктов противостояния между православной церковью и манихеями (*Beausobre, Историческая критика манихейства*, т. i, стр. 316, т. ii, стр. 651, 669); и это легко объяснить. поймите, насколько отвратительной такая практика, должно быть, была для персидских еретиков.

[276] М. Кузен в своей красноречивой и остроумной работе (*"История философии"*, 3e série, том i, стр. 183, 187) приводит несколько разумных замечаний о том, что он называет "эпоха инфини" Востока, в отличие от "du fini, - которая началась в Европе. Но что касается физических причин этого, он признает только величие природы, упуская из виду те естественные элементы тайны и опасности, которые постоянно возбуждали религиозные чувства.

[277] Ученый востоковед говорит, что ни один народ не прилагал таких усилий, как индусы, "чтобы решить, исчерпать, постичь то, что неразрешимо, неисчерпаемо, непостижимо". *Предварительное рассуждение Тройера о Дабистане*, том i, стр. cviii.

[278] This is noticed by Tennemann, who, however, has not attempted to ascertain the cause: 'Die Einbildungskraft des Griechen war schöpferisch, sie schuf in seinem Innern neue Ideenwelten; aber er wurde doch nie verleitet, die idealische Welt mit der wirklichen zu verwechseln, weil sie immer mit einem richtigen Verstande und gesunder Beurtheilungskraft verbunden war.' *Geschichte der Philosophie*, vol. i. p. 8; and vol. vi. p. 490, he says, 'Bei allen diesen Mängeln und Fehlern sind doch die Griechen die einzige Nation der alten Welt, welche Sinn für Wissenschaft hatte, und zu diesem Behufe forschte. Sie haben doch die Bahn gebrochen, und den Weg zur Wissenschaft geebnet.' С той же целью, Шпренгель, *История медицины*, том i, стр. 215. И об этом различии между восточным и европейским умом см. *Материю, Историю гностицизма*, том i. стр. 18, 233, 234. So, too, Kant (*Logik*, in *Kant's Werke*, vol. i. p. 350), 'Unter allen Völkern haben also die Griechen erst angefangen zu philosophiren. Denn sie haben zuerst versucht, nicht an dem Leitfaden der Bilder die Vernunftkenntnisse zu cultiviren, sondern in abstracto; statt dass die anderen Völker sich die Begriffe immer nur durch Bilder in concreto verständlich zu machen suchten.'

[279] Так, об одном из идолов в Копане говорится: "Намерение скульптора, по-видимому, состояло в том, чтобы внушить ужас". *"Центральная Америка" Стивенса*, том i, стр. 152; на стр. 159: "Наиболее часто используемой формой скульптуры была мертвая голова". В "Майяпане" (том iii, стр. 133): "изображения человеческих фигур или животных с отвратительными чертами и выражениями, на создание которых, по-видимому, было израсходовано мастерство художника"; и снова, стр. 412: "неестественные и гротескные лица".

ГЛАВА III.

ИССЛЕДОВАНИЕ МЕТОДА, ИСПОЛЬЗУЕМОГО МЕТАФИЗИКАМИ ДЛЯ ОТКРЫТИЯ МЕНТАЛЬНЫХ ЗАКОНОВ.

Собранные мной свидетельства, по-видимому, устанавливают два ведущих факта, которые, если их нельзя оспорить, являются необходимой основой всеобщей истории. Первый факт заключается в том, что в цивилизациях за пределами Европы силы природы были намного больше, чем в европейских. Второй факт заключается в том, что эти силы причинили огромный вред; и что, в то время как одно их разделение привело к неравномерному распределению богатства, другое их разделение вызвало неравномерное распределение мыслей, сосредоточив внимание на предметах, которые разжигают воображение. Насколько опыт прошлого может направлять нас, мы можем сказать, что во всех внеевропейских цивилизациях эти препятствия непреодолимы: конечно, ни одна нация еще не преодолела их. Но Европа, построенная по меньшему плану, чем другие части света, — к тому же расположенная в более холодном регионе, с менее плодородной почвой, менее внушительным внешним видом и проявляющая во всех своих физических явлениях гораздо большую слабость, — человеку было легче отбросить суеверия, которые Природа внушала его воображению; и ему также было легче осуществить не справедливый раздел богатства, а нечто более близкое к нему, чем это было практически осуществимо в старых странах.

Следовательно, если рассматривать мировую историю в целом, то в Европе была тенденция подчинять природу человеку; за пределами Европы - подчинять человека природе. Из этого правила в варварских странах есть несколько исключений; но в цивилизованных странах это правило было универсальным. Следовательно, большое разделение между европейской цивилизацией и неевропейской цивилизацией является основой философии истории, поскольку оно предполагает важное соображение, что если мы хотим понять, например, историю Индии, мы должны в первую очередь изучать внешний мир, потому что он повлиял на человека больше, чем человек на него. Если, с другой стороны, мы хотим понять историю такой страны, как Франция или Англия, мы должны сделать человека нашим главным предметом изучения, потому что природа сравнительно слаба, и каждый шаг в великом прогрессе усиливал господство человеческого разума над силами внешнего мира. Даже в тех странах, где могущество человека достигло наивысшей точки, давление природы все еще огромно; но оно уменьшается с каждым последующим поколением, потому что наши растущие знания позволяют нам не столько контролировать природу, сколько предсказывать ее движения и таким образом предотвращать многие бедствия, которые она могла бы вызвать в противном случае. Насколько успешными были наши усилия, видно из того факта, что средняя продолжительность жизни постоянно увеличивается, а количество неизбежных опасностей уменьшается; и что делает это более примечательным, так это то, что любопытство людей обострено, а их контакты друг с другом более тесными, чем в любой предыдущий период; так что, хотя кажущиеся опасности умножаются, мы находим по опыту, что реальные опасности в целом уменьшаются.[\[280\]](#)

Следовательно, если мы возьмем максимально широкий взгляд на историю Европы и полностью ограничимся первопричиной ее превосходства над другими частями света, мы

должны будем объяснить это посягательством человеческого разума на органические и неорганические силы природы. По отношению к этому все остальные причины подчинены.^[281] Ибо мы видели, что везде, где силы природы достигали определенной высоты, национальная цивилизация развивалась неравномерно, и продвижение цивилизации останавливалось. Первое существенное состояло в том, чтобы ограничить вмешательство этих физических явлений; и это, скорее всего, было достигнуто там, где явления были самыми слабыми и наименее внушительными. Так было в случае с Европой; соответственно, только в Европе человек действительно преуспел в укрощении энергий природы, подчинении их своей собственной воле, отклонении их от их обычного течения и принуждении служить его счастьем и общим целям человеческой жизни.

Повсюду вокруг нас видны следы этой славной и успешной борьбы. Действительно, кажется, что в Европе не было ничего, на что человек боялся покушаться. Морские нашествия были отброшены, и целые провинции, как в случае с Голландией, вырваны из-под его власти, горы прорезаны и превращены в ровные дороги; почвы с самой упрямой бесплодностью становятся изобильными благодаря простому прогрессу химических знаний; в то время как в отношении электрических явлений мы видим тончайшую, самую быструю и таинственную из всех сил, ставшую проводником мысли и подчиняющуюся даже самым капризным велениям человеческого разума.

В других случаях, когда продукты внешнего мира оказывались неподатливыми, человеку удавалось разрушить то, что он едва ли надеялся подчинить себе. Самые жестокие болезни, такие как чума, собственно так называемая, и средневековая проказа,^[282] полностью исчезли из цивилизованных частей Европы; и вряд ли возможно, что они когда-либо снова появятся там. Дикие звери и хищные птицы были истреблены, и им больше не позволено наводнять места обитания цивилизованных людей. Тот ужасный голод, которым Европа опустошалась несколько раз в каждом столетии,^[283] прекратились; и мы так успешно боролись с ними, что нет ни малейшего опасения, что они когда-либо вернутся с чем-либо подобным их бывшей жестокости. Действительно, наши ресурсы сейчас настолько велики, что в худшем случае мы могли бы пострадать лишь от незначительного и временного дефицита, поскольку при нынешнем уровне знаний с этим злом с самого начала можно было бы бороться средствами, которые легко могла бы предложить химическая наука.^[284]

Вряд ли нужно замечать, что во многих других случаях прогресс европейской цивилизации был отмечен уменьшением влияния внешнего мира: я имею в виду, конечно, те особенности внешнего мира, которые существуют независимо от желаний человека и не были созданы им. Наиболее развитые нации в их нынешнем состоянии сравнительно немногим обязаны тем изначальным чертам природы, которые в каждой цивилизации за пределами Европы обладали неограниченной властью. Таким образом, в Азии и в других местах ход торговли, масштабы коммерции и многие подобные обстоятельства определялись наличием рек, легкостью судоходства по ним, а также количеством и удобством прилегающих гаваней. Но в Европе определяющей причиной являются не столько эти физические особенности, сколько мастерство и энергия человека. Раньше самыми богатыми странами были те, в которых природа была наиболее обильной; теперь самые богатые страны - это те, в которых человек наиболее активен. Ибо в наш век мира, если природа скупа, мы знаем, как компенсировать ее недостатки. Если река труднопроходима или местность труднопроходима, наши инженеры могут исправить ошибку и устранить зло. Если у нас нет рек, мы строим каналы; если у нас нет естественных

гаваней, мы строим искусственные. И эта тенденция к умалению авторитета природных явлений настолько заметна, что она проявляется даже в распределении людей, поскольку в наиболее цивилизованных частях Европы население городов повсюду превышает население сельской местности; и очевидно, что чем больше людей собирается в больших городах, тем больше они привыкают черпать материал для размышлений из повседневной человеческой жизни и тем меньше внимания они будут уделять тем особенностям природы, которые являются благодатным источником суеверий и из-за которых во всех цивилизациях за пределами Европы прогресс человечества был остановлен. .

Из этих фактов можно справедливо заключить, что развитие европейской цивилизации характеризуется уменьшением влияния физических законов и увеличением влияния законов разума. Полное доказательство этого обобщения может быть получено только из истории; и поэтому я должен приберечь значительную часть свидетельств, на которых оно основано, для будущих томов этой работы. Но тот, кто в дополнение к только что приведенным аргументам признает две посылки, ни одна из которых, по-видимому, не подлежит особому оспариванию, должен признать, что это утверждение фундаментально истинно. Первая предпосылка состоит в том, что мы не располагаем никакими доказательствами того, что силы природы когда-либо постоянно увеличивались; и что у нас нет оснований ожидать, что какое-либо такое увеличение может иметь место. Другая предпосылка заключается в том, что у нас есть множество доказательств того, что ресурсы человеческого разума стали более мощными, более многочисленными и более способными справляться с трудностями внешнего мира; потому что каждое новое дополнение к нашим знаниям предоставляет новые средства, с помощью которых мы можем либо контролировать действия природы, либо, потерпев неудачу в этом, можем предвидеть последствия и, таким образом, избежать того, что невозможно предотвратить; в обоих случаях уменьшая давление, оказываемое на нас внешними агентами.

Если принять эти предпосылки, мы придем к выводу, который имеет большое значение для целей настоящего Введения. Ибо, если мерилом цивилизации является триумф разума над внешними агентами, становится ясно, что из двух классов законов, регулирующих прогресс человечества, ментальный класс более важен, чем физический. Это, действительно, принимается одной школой мыслителей как нечто само собой разумеющееся, хотя я не знаю, чтобы до сих пор кто-либо пытался это продемонстрировать, хотя бы приблизившись к исчерпывающему анализу. Вопрос, однако, относительно оригинальности моих аргументов, имеет весьма незначительный момент; но что мы должны заметить, так это то, что на нынешней стадии нашего исследования проблема, с которой мы начали, упростилась, и открытие законов европейской истории в первую очередь сводится к открытию законов человеческого разума. Эти ментальные законы, когда они будут установлены, станут окончательной основой истории Европы; физические законы будут рассматриваться как имеющие второстепенное значение и просто вызывающие возмущения, сила и частота которых за несколько столетий заметно уменьшились.

Если мы теперь зададимся вопросом о способах открытия законов человеческого разума, у метафизиков готов ответ; и они отсылают нас к своим собственным трудам как к источнику удовлетворительного решения. Поэтому становится необходимым установить ценность их исследований, измерить объем их ресурсов и, прежде всего, проверить действенность того метода, которому они всегда следуют и с помощью которого, как они утверждают, только и можно выявить великие истины.

Метафизический метод, хотя и неизбежно разделяющийся на два раздела, по своему происхождению всегда один и тот же и состоит в том, что каждый наблюдатель изучает действия своего собственного разума.^[285] Это прямая противоположность историческому методу; метафизик изучает один разум, историк - многие умы. Теперь первое замечание, которое следует сделать по этому поводу, состоит в том, что метафизический метод - это метод, с помощью которого еще не было сделано ни одного открытия ни в одной отрасли знания. Все, что мы знаем в настоящее время, было установлено путем изучения явлений, из которых были удалены все случайные нарушения, и закон остается в виде заметного осадка.^[286] И это может быть сделано только с помощью наблюдений, настолько многочисленных, чтобы устранить возмущения, или же с помощью экспериментов, настолько деликатных, чтобы изолировать явления. Одно из этих условий существенно для всей индуктивной науки; но ни одному из них метафизик не подчиняется. Изолировать это явление для него невозможно, поскольку ни один человек, в какое бы состояние задумчивости он ни был погружен, не может полностью отгородиться от влияния внешних событий, которые должны оказывать воздействие на его разум, даже когда он не осознает их присутствия. Что касается другого условия, ему открыто бросает вызов метафизик; ибо вся его система основана на предположении, что, изучая отдельный разум, он может получить законы всех разумов; так что, хотя он, с одной стороны, не в состоянии изолировать свои наблюдения от помех, он, с другой стороны, отказывается принять единственную оставшуюся предосторожность — он отказывается настолько расширить свой обзор, чтобы устранить помехи, которые мешают его наблюдениям.^[287]

Это первое и фундаментальное возражение, с которым сталкиваются метафизики даже на пороге своей науки. Но если мы проникнем немного глубже, то столкнемся с другим обстоятельством, которое, хотя и менее очевидно, является столь же решающим. После того как метафизик принял как должное, что, изучая один разум, он может открыть законы всех разумов, он оказывается втянутым в особую трудность, как только начинает применять даже этот несовершенный метод. Трудность, на которую я намекаю, - это та, с которой мы не сталкивались ни при каких других занятиях, и которая, по-видимому, ускользнула от внимания тех, кто не знаком с метафизическими противоречиями. Следовательно, чтобы понять его природу, необходимо дать краткий отчет об этих двух великих школах, к одной из которых обязательно должны принадлежать все метафизики.

В исследовании природы человеческого разума, согласно метафизической схеме, есть два метода, оба из которых одинаково очевидны, и все же оба они приводят к совершенно разным результатам. Согласно первому методу, исследователь начинает с изучения своих ощущений. Согласно другому методу, он начинает с изучения своих идей. Эти два метода всегда приводили и всегда должны приводить к выводам, диаметрально противоположным друг другу. Причины этого также не так уж трудно понять. В метафизике разум является инструментом, а также материалом, с которым этот инструмент используется. Поскольку средства, с помощью которых должна разрабатываться наука, совпадают, таким образом, с объектом, над которым она работает, возникает трудность очень особого рода. Эта трудность заключается в невозможности получить всеобъемлющий взгляд на все ментальные явления; потому что, каким бы обширным ни был такой взгляд, он должен исключать состояние ума, которым или в котором воспринимается сам этот взгляд. Следовательно, мы можем понять, в чем, я думаю, заключается фундаментальное различие между физическими и метафизическими исследованиями. В физике существует несколько методов исследования, все из которых приводят к одним и тем же результатам. Но в метафизике неизменно обнаруживается, что если

два человека с равными способностями и равной честностью используют разные методы в изучении разума, то выводы, которые они получают, также будут разными. Для тех, кто не сведущ в этих вопросах, несколько иллюстраций представят это в более ясном свете. Метафизики, которые начинают с изучения идей, наблюдают в своем собственном сознании идею пространства. Откуда, спрашивают они, это может возникнуть? Они говорят, что оно не может быть обязано своим происхождением чувствам, потому что чувства дают нам только конечное и случайное, тогда как идея пространства бесконечна и необходима.^[288] Оно бесконечно, поскольку мы не можем постичь, что пространство имеет конец; и это необходимо, поскольку мы не можем постичь возможность его несуществования. Пока идеалист. Но сенсуалист, как его называют,^[289] — тот, кто начинает не с идей, а с ощущений, приходит к совсем другому выводу. Он замечает, что мы не можем иметь представления о пространстве до тех пор, пока сначала не получим представления об объектах; и что идеи объектов могут быть только результатами ощущений, которые эти объекты возбуждают. Что касается идеи необходимости пространства, то это, по его словам, вытекает только из того обстоятельства, что мы никогда не сможем воспринять объект, который не находится в определенном положении по отношению к какому-либо другому объекту. Это образует неразрывную связь между идеей положения и идеей объекта; и поскольку эта ассоциация постоянно повторяется перед нами, мы в конце концов обнаруживаем, что не в состоянии представить себе объект без положения или, другими словами, без пространства.^[290] Что касается бесконечности пространства, то это, по его словам, понятие, которое мы получаем, представляя себе постоянное добавление к линиям, или к поверхностям, или к объему, которые являются тремя модификациями протяженности.^[291] По бесчисленным другим пунктам мы обнаруживаем такое же расхождение между двумя школами. Идеалист,^[292] например, утверждает, что наши понятия причины, времени, личной идентичности и субстанции универсальны и необходимы; что они просты; и что, поскольку они не поддаются анализу, их следует отнести к изначальному строению разума.^[293] С другой стороны, любитель сенсаций, далекий от признания простоты этих идей, считает их чрезвычайно сложными и рассматривает их универсальность и необходимость просто как результат частой и тесной ассоциации.^[294]

Это первое важное различие, которое неизбежно вытекает из применения различных методов. Идеалист вынужден утверждать, что необходимые истины и случайные истины имеют разное происхождение.^[295] Любитель сенсаций вынужден утверждать, что они имеют одно и то же происхождение.^[296] Чем дальше продвигаются эти две великие школы, тем заметнее становится их расхождение. Они находятся в состоянии открытой войны во всех областях морали, философии и искусства. Идеалисты говорят, что все люди имеют, по существу, одинаковое представление о добре, истине и прекрасном. Сенсуалисты утверждают, что такого стандарта не существует, потому что идеи зависят от ощущений, а ощущения людей зависят от изменений в их телах и от внешних событий, которые воздействуют на их тела.

Таков краткий пример противоположных выводов, к которым приводили наиболее способных метафизиков то простое обстоятельство, что они использовали противоположные методы исследования. И это тем более важно соблюдать, что после применения этих двух методов ресурсы метафизики очевидно исчерпаны.^[297] Обе стороны согласны с тем, что ментальные законы могут быть обнаружены только путем изучения индивидуальных умов, и что в уме нет ничего, что не было бы результатом либо отражения, либо ощущения. Следовательно, единственный выбор, который они должны сделать, заключается между подчинением результатов ощущения законам отражения или же подчинением результатов отражения

законам ощущения. Каждая метафизическая система была построена в соответствии с одной из этих схем; и так должно быть всегда, потому что, когда две схемы складываются вместе, они включают в себя совокупность метафизических явлений. Каждый процесс одинаково правдоподобен;[298] сторонники каждого из них одинаково уверены; и по самой природе спора невозможно найти какой-либо промежуточный термин; и никогда не может быть арбитра, потому что никто не может быть посредником между метафизическими противоречиями, не будучи метафизиком, и никто не может быть метафизиком, не будучи метафизиком. либо любитель сенсаций, либо идеалист; другими словами, не принадлежащий ни к одной из тех самых партий, претензии которых он якобы оценивает.[299]

На этих основаниях мы должны, я думаю, прийти к выводу, что поскольку метафизики неизбежно и по самой природе своих исследований распадаются на две совершенно антагонистические школы, относительную истинность которых невозможно установить; поскольку у них, более того, мало ресурсов и поскольку они используют эти ресурсы в соответствии с методом, с помощью которого никогда не развивалась ни одна другая наука, — мы, глядя на эти вещи, не должны ожидать, что они смогут предоставить нам достаточно данных для решения тех великих проблем, которые история человеческого разума представляет нашему взору. И тот, кто возьмет на себя труд беспристрастно оценить современное состояние ментальной философии, должен признать, что, несмотря на влияние, которое она всегда оказывала на некоторые из самых могущественных умов, а через них и на общество в целом, тем не менее, нет другого исследования, которое проводилось бы с таким усердием, продолжалось так долго и все же оставалось столь безрезультатным. Ни в одном другом отделе не было такого большого движения и такого незначительного прогресса. Люди выдающихся способностей и величайшей целеустремленности в каждой цивилизованной стране на протяжении многих веков занимались метафизическими исследованиями; и все же в настоящий момент их системы, столь далекие от приближения к истине, расходятся друг от друга со скоростью, которая, по-видимому, ускоряется прогрессом знания. Непрекращающееся соперничество враждебных школ, насилие, с которым их поддерживали, и исключительная нефилософская уверенность, с которой каждая отстаивала свой собственный метод, — все это привело изучение разума в замешательство, сравнимое только с тем, в которое было повергнуто изучение религии из-за споров теологов.[300] Следствием этого является то, что, если мы исключим очень немногие законы ассоциации и, возможно, я могу добавить современные теории зрения и осязания,[301] во всей метафизике нельзя найти ни одного важного принципа и в то же время неоспоримой истины. При таких обстоятельствах невозможно избежать подозрений в том, что в порядке проведения этих исследований допущена какая-то фундаментальная ошибка. Со своей стороны, я полагаю, что простым наблюдением за нашими собственными умами и даже такими грубыми экспериментами, какие мы способны провести над ними, будет невозможно возвысить психологию до уровня науки; и я почти не сомневаюсь, что метафизику можно успешно изучать только путем исследования истории, настолько всеобъемлющего, чтобы позволить нам понять условия, которые управляют движениями человеческой расы.[302]

Сноски:

[280] Это уменьшение потерь, несомненно, является одной из причин, хотя и незначительной, увеличения продолжительности жизни; но наиболее активной причиной является общее улучшение физического состояния человека: см. *Лекции сэра Б. Броди по патологии и*

хирургии, стр. 212; а доказательство того, что цивилизованные люди сильнее нецивилизованных, см. *Кетле, sur l'Homme*, том ii. стр. 67, 272; *Лекции Лоуренса о человеке*, стр. 275, 276; *Книгу Эллиса "Человек". Полинезийские исследования*, том i, стр. 98; *Лекции Уэтли по политической экономии*, 8 октября 1831 г., стр. 59; *Журнал Статистического общества*, том I. xvii. стр. 32, 33; *Дюфау, Характеристика статистики*, стр. 107; *Медицинская статистика Хокинса*, стр. 232.

[281] Общие социальные последствия этого я рассмотрю позже; но чисто экономические последствия хорошо выражены м-ром Миллем: "Из черт, характеризующих это прогрессивное экономическое движение цивилизованных наций, то, что в первую очередь привлекает внимание благодаря своей тесной связи с производственными явлениями, - это постоянный и, насколько позволяет человеческое предвидение, неограниченный рост могущества человека". над природой. Наше знание свойств и законов физических объектов не показывает никаких признаков приближения к своим конечным границам; оно развивается быстрее и в большем количестве направлений одновременно, чем в любую предыдущую эпоху или поколение, и позволяет так часто заглядывать в неисследованные области за их пределами, что оправдывает веру в то, что наше знакомство с природой все еще находится почти в зачаточном состоянии.' *Принципы политики Милля. Экономика*, том ii. стр. 246-7.

[282] О том, чем когда-то была эта ужасная болезнь, можно судить по тому факту, что "из-за проблем со здоровьем во Франции, из-за двух миллионов болезней и из-за того, что Европа в целом восстанавливает окружающую среду". *Sprengel, Histoire de la Médecine*, vol. ii. p. 374. Что касается смертности, вызванной чумой, см. *Клом-Бей, de la Peste*, Париж, 1840, стр. 62, 63, 185, 292.

[283] Любопытный список случаев голода смотрите в эссе мистера Фарра в *Журнале Статистического общества*, т. ix. стр. 159-163. Он говорит, что в одиннадцатом, двенадцатом и тринадцатом веках в Англии в среднем случался один голод каждые четырнадцать лет.

[284] По мнению одного из величайших авторитетов современности, голод даже при нынешнем состоянии химии 'практически невозможен'. *"Рассуждения Гершеля о натурфилософии"*, стр. 65. Кювье (*Обзор логики*, т. i, стр. 10) говорит, что нам удалось "сделать невозможным голод". См. Также *Годвин о населении*, стр. 500; а чисто экономический аргумент, доказывающий невозможность голода, см. *"Принципы политической экономии" Милля*, т. ii, стр. 258; и сравните примечание в *Работах Рикардо*, стр. 191. Массовый голод в Ирландии может показаться исключением, но его можно было бы легко предотвратить, если бы не бедность народа, которая свела на нет наши усилия по сокращению его масштабов.

[285] 'Поскольку метафизик носит в себе материалы своих рассуждений, ему нет необходимости искать за границей предметы для спекуляций или развлечения'. *Философия разума Стюарта*, том i, стр. 462; и то же замечание, почти буквально повторенное, в томе iii, стр. 260. Локк делает то, что происходит в сознании каждого человека, единственным источником метафизики и единственным критерием ее истинности. *Эссе о человеческом понимании*, в *трудах Локка*, том i. стр. 18, 76, 79, 121, 146, 152, 287, том ii. стр. 141, 243.

[286] Дедуктивные науки составляют, конечно, исключение из этого правила; но вся теория метафизики основана на ее индуктивном характере и на предположении, что она состоит из обобщенных наблюдений и что только из них может быть построена наука о разуме.

[287] Эти замечания применимы только к тем, кто придерживается чисто метафизического метода исследования. Существует, однако, очень небольшое число метафизиков, среди которых М. Кузен является самым выдающимся во Франции, в чьих работах мы находим более широкие взгляды и попытку связать исторические исследования с метафизическими; таким образом, признается необходимость проверки их первоначальных предположений. Против этого метода не может быть возражений при условии, что метафизические выводы рассматриваются просто как гипотезы, которые требуют проверки, чтобы возвести их в ранг теорий. Но вместо этого осторожного подхода почти неизменный план состоит в том, чтобы относиться к гипотезе так, как если бы это была уже доказанная теория, и как будто не оставалось ничего другого, как привести исторические иллюстрации истин, установленных психологом. Эта путаница между иллюстрацией и подтверждением, по-видимому, является универсальным недостатком тех, кто, подобно Вико и Фихте, спекулируют на исторических явлениях *априори*.

[288] Сравните "*Философию разума*" Стюарта, том ii. стр. 194, с Кузеном, *Hist. de la Philosophie*, II. серия, том ii. стр. 92. Среди индийских метафизиков существовала секта, которая объявляла пространство причиной всех вещей. *Журнал Азиатского общества*. том vi. стр. 268, 290. См. также *Дабистан*, том ii. стр. 40, который, однако, противоречил Ведам. *Раммохан Рой о Ведах*, 1832, стр. 8, 111. В Испании доктрина о бесконечности пространства является еретической. *Письма Добладо*, стр. 96; которые следует сравнить с возражением Ириния против валентиниан в *Beausobre*, *История манихейства*, том ii. стр. 275. Более того, что касается различных теорий пространства, я могу обратиться к *Истории Пумпера*. of *Ancient Philosophy*, vol. i. pp. 451, 473, 477, vol. ii. p. 314, vol. iii. pp. 195–204; *Cudworth's Intellectual System*, vol. i. p. 191, vol. iii. pp. 230, 472; *Kritik der reinen Vernunft*, in *Kant's Werke*, vol. ii. pp. 23, 62, 81, 120, 139, 147, 256, 334, 347; *Tennemann, Geschichte der Philosophie*, vol. i. p. 109, vol. ii. p. 303, vol. iii. pp. 130–137, vol. iv. p. 284, vol. v. pp. 384–387, vol. vi. p. 99, vol. viii. c. 87, 88, 683, т. ix. c. 257, 355, 410, т. x. c. 79, т. xi. c. 195, 385–389.

[289] Это титул, присвоенный М. Кузеном почти всем величайшим английским метафизикам, а также Кондильяку и всем его ученикам во Франции, их система получила "псевдоним "мера чувственности"". Кузен, *История философии*, II. серия, том ii. стр. 88. То же название дано той же школе в "Медицинской психологии" *Фейхтерслебена*, стр. 52, и в "Истории медицины" *Ренуара*, т. i. c. 346, т. ii. c. 368. В "*Новой системе философии*" Жобера, том ii, стр. 334, 8 октября 1849 г., это называется "сенсуализмом", что кажется предпочтительным выражением.

[290] Это очень умело доказано мистером Джеймсом Миллем в его *Анализе феноменов человеческого разума*, т. ii. стр. 32, 93–95 и в других местах. Сравните "*Эссе о человеческом понимании*" в "*Работах Локка*", том i, стр. 147, 148, 154, 157, и "гениальное различие", стр. 198, "между идеей бесконечности пространства и идеей бесконечности пространства". На стр. 208 Локк саркастически замечает: "Но все же, после всего этого, есть люди, которые убеждают себя, что у них есть ясные, позитивные, всеобъемлющие идеи бесконечности, и вполне уместно, что они пользуются своей привилегией; и я был бы очень рад (как и некоторые другие мои знакомые, которые признают, что у них их нет) быть лучше информированным их общением".

[291] Анализ сознания Милля, том ii. стр. 96, 97. См. также *Исследование Мальбранша в Работях* Локка, том ii. viii. стр. 248, 249; и *"Элементы физиологии"* Мюллера, том ii. стр. 1081, который следует сравнить с *Кантом*, *Позитивной философией*, том i. стр. 354.

[292] Я говорю об идеалистах в противовес сенсуалистам, хотя слово "идеалист" часто используется метафизиками в совершенно ином смысле. On the different kinds of idealism, see *Kritik der reinen Vernunft*, and *Prolegomena zu jeder künftigen Metaphysik*, in *Kant's Werke*, vol. ii. pp. 223, 389, vol. iii. pp. 204, 210, 306, 307. По его словам, картезианский идеализм эмпиричен.

[293] Так, Дугалд Стюарт (*Философские очерки*, издание 1810 г., стр. 33) говорит нам о 'простой идее личной идентичности'. А Рид (*"Очерки о силах разума"*, том i, стр. 354) говорит: 'Я не знаю идей или понятий, которые больше претендовали бы на то, чтобы считаться простыми и оригинальными, чем идеи пространства и времени'. В санскритской метафизике время является 'независимой причиной'. См. *Вишну-пурану*, стр. 10, 216.

[294] 'Поскольку пространство - это всеобъемлющее слово, включающее все позиции или весь синхронный порядок, поэтому Время - это всеобъемлющее слово, включающее все последовательности или весь последовательный порядок'. *"Анализ разума"* Милля, том ii, стр. 100; и "об отношении времени к памяти", том i, стр. 252. В *"Новой системе философии"* Жобера, том i, стр. 33, говорится, что "время - это не что иное, как последовательность событий, и мы познаем события только по опыту". См. также стр. 133 и сравните по времени Кондильяк, *Характеристика ощущений*, стр. 104-114, 222, 223, 331-333. С той же целью приводится Эссе о человеческом понимании, книга ii. глава xiv., в *Работах* Локка, т. i, стр. 163; и см. Его второй ответ епископу Вустерскому, в *работах*, т. iii, стр. 414-416; а что касается идеи субстанции, см. т. i, стр. 285-290, 292, 308, т. iii, стр. 5, 10, 17.

[295] Рид (*"Очерки о силах разума"*, том i, стр. 281) говорит, что необходимые истины 'не могут быть выводами органов чувств; ибо наши органы чувств свидетельствуют только о том, что есть, а не о том, что обязательно должно быть'. См. Также том ii. стр. 53, 204, 239, 240, 281. То же различие безапелляционно утверждается в *"Философии индуктивных наук"* Уэвелла, 8во, 1847, т. i. стр. 60-73, 140; и см. *"Философские очерки"* Дугалда Стюарта, стр. 123, 124. Сэр У. Гамильтон (*Дополнения к работам Рида*, стр. 754) говорит, что не зависящие от обстоятельств истины 'имеют свою противоположность, абсолютно непостижимую'. Но этот ученый писатель не упоминает, как мы должны знать, когда что-либо "абсолютно непостижимо". То, что мы не можем постичь идею, конечно, не является доказательством того, что она непостижима; ибо она может быть постигнута в какой-то более поздний период, когда знания будут более развиты.

[296] Это утверждают все последователи Локка; и одно из последних произведений этой школы провозглашает, что 'утверждать, что необходимые истины не могут быть приобретены опытом, значит отрицать самые ясные свидетельства наших чувств и разума'. *Новая философская система* Жобера, том i, стр. 58.

[297] Чтобы избежать неправильного понимания, я могу повторить, что здесь и в других местах я подразумеваю под метафизикой тот обширный массив литературы, который построен на предположении, что законы человеческого разума могут быть обобщены *исключительно* на основе фактов индивидуального сознания. Для этой схемы слово "метафизика" довольно неудобно, но оно не вызовет путаницы, если читатель будет иметь в виду это его определение.

[298] То, что знаменитый историк философии говорит о платонизме, в равной степени верно для всех великих метафизических систем: "Dass sie ein zusammenhängendes harmonisches Ganzes ausmachen (*то есть* его ведущие положения) fällt in die Augen". Tennemann, *Geschichte der Philosophie*, vol. ii. p. 527. И все же он признает (том iii, стр. 52) эту и противоположную систему: 'И человек, и умирают люди вместе, поэтому эмпиризм Аристотеля ни к чему не приводит, а также рационализм Платона'. Кант признает, что может быть только одна истинная система, но уверен, что он обнаружил то, что упустили все его предшественники. *Die Metaphysik der Sitten*, in *Kant's Werke*, vol. v. p. 5, where he raises the question, 'ob es wohl mehr, als eine Philosophie geben könne.' В "*Критике*" и в "*Пролегоменах зухедера*" "*Кюнфтиген метафизик*" он говорит, что метафизика не достигла никакого прогресса и что вряд ли можно сказать, что это исследование существует. *Верке*, том ii. стр. 49, 50, том iii. стр. 166, 246.

[299] Любопытный пример этого мы находим в попытке М. Кузена основать эклектическую школу; ибо этот очень способный и образованный человек был совершенно неспособен избежать одностороннего взгляда, который является для каждого метафизика существенной предпосылкой; и он проводит то фундаментальное различие между необходимыми идеями и случайными идеями, которым идеалист отделяется от сенсуалиста: 'главное разделение идей повседневной жизни - это разделение идей случайных и идей несессерных'. Кузен, *Ист. de la Philosophie*, II. série, vol. i. p. 82: см. Также vol. ii. p. 92 и ту же работу, I. série, vol. i. pp. 249, 267, 268, 311, vol. iii. pp. 51-54. М. Кузен постоянно противоречит Локку, а затем говорит, что опроверг этого глубокого и энергичного мыслителя; при этом он даже не приводит аргументы Джеймса Милля, который, как метафизик, является величайшим из наших современных любителей сенсаций, и чьи взгляды, правильные или неправильные, безусловно, заслуживают внимания со стороны эклектичного историка философии.

Другой эклектик, сэр У. Гамильтон, объявляет (*Рассуждения о философии*, стр. 597) 'неразвитую философию, которая, я уверен, основана на истине. К этой уверенности я пришел не только благодаря убеждениям моего собственного сознания, но и найдя в этой системе центр и примирение самых противоположных философских мнений'. Но на стр. 589 он кратко отвергает одно из наиболее важных из этих философских мнений как "поверхностное построение Локка".

[300] Беркли в момент откровенности непреднамеренно признается в том, что очень вредит репутации его собственных занятий: 'В целом, я склонен думать, что гораздо большая часть, если не все, тех трудностей, которые до сих пор забавляли философов и преграждали путь к знанию, полностью связаны с нами самими. Что мы сначала подняли пыль, а потом жалуемся, что ничего не видим.' *Принципы человеческого познания*, в *трудах Беркли*, том i, стр. 74. Каждый метафизик и теолог должен выучить это предложение наизусть: "Что мы сначала подняли пыль, а потом жалуемся, что не можем видеть".

[301] Некоторые законы ассоциации, изложенные Юмом и Хартли, поддаются исторической проверке, которая превратила бы метафизическую гипотезу в научную теорию. Теория зрения Беркли и теория осязания Брауна точно так же были проверены физиологически, так что теперь мы знаем то, о чем в противном случае могли бы только подозревать.

[302] In regard to one of the difficulties stated in this chapter as impeding metaphysicians, it is only just to quote the remarks of Kant: 'Wie aber das Ich, der ich denke, von dem Ich, das sich selbst anschaut, unterschieden (indem ich mir noch andere Anschauungsart wenigstens als möglich vorstellen kann), und doch mit diesem letzteren als dasselbe Subject einerlei sei, wie ich also sagen

könne: Ich als Intelligenz und denkend Subject, erkenne mich selbst als gedachtes Object, so fern ich mir noch über das in der Anschauung gegeben bin, nur, gleich anderen Phänomenen, nicht wie ich vor dem Verstande bin, sondern wie ich mir erscheine, hat nicht mehr auch nicht weniger Schwierigkeit bei sich, als wie ich mir selbst überhaupt ein Object und zwar der Anschauung und innerer Wahrnehmungen sein könne.' *Kritik der reinen Vernunft*, in *Kant's Werke*, vol. ii. p. 144. Я охотно останавлиюсь на этом вопросе, поскольку мне кажется, что оба случая не только одинаково сложны, но и, при нынешнем состоянии наших знаний, одинаково невозможны.

ГЛАВА IV.

МЕНТАЛЬНЫЕ ЗАКОНЫ БЫВАЮТ ЛИБО МОРАЛЬНЫМИ, ЛИБО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫМИ.
СРАВНЕНИЕ МОРАЛЬНЫХ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ЗАКОНОВ И ИССЛЕДОВАНИЕ ВЛИЯНИЯ
КАЖДОГО ИЗ НИХ НА ПРОГРЕСС ОБЩЕСТВА.

В предыдущей главе, я надеюсь, было сделано очевидным, что, что бы ни случилось в дальнейшем, мы, глядя просто на нынешнее состояние наших знаний, должны признать метафизический метод неадекватным часто возлагаемой на него задаче открытия законов, регулирующих движения человеческого разума. Таким образом, мы вынуждены прибегнуть к единственному оставшемуся методу, согласно которому психические явления должны изучаться не просто так, как они предстают в сознании отдельного наблюдателя, но так, как они проявляются в действиях человечества в целом. Существенное противоречие между этими двумя планами совершенно очевидно; но, возможно, было бы неплохо привести дополнительную иллюстрацию ресурсов, которыми обладает каждый из них для исследования истины; и с этой целью я выберу тему, которая, хотя и все еще недостаточно понята, представляет собой прекрасный пример регулярности, с которой при самых противоречивых обстоятельствах великие Законы Природы способны следовать своим чередом.

Случай, на который я ссылаюсь, касается пропорции, поддерживаемой в рождаемости полов; пропорции, которая, если бы она была сильно нарушена в какой-либо стране, даже в течение одного поколения, повергла бы общество в самое серьезное замешательство и безошибочно вызвала бы значительное увеличение пороков людей.[303] Так вот, всегда подозревалось, что в среднем рождаемость мужского и женского пола примерно одинакова; но до самого недавнего времени никто не мог сказать, точно ли они равны, или, если неравны, на чьей стороне избыток.[304] Поскольку рождения являются физическим результатом физических предпосылок, было ясно видно, что законы рождения должны быть в этих предпосылках; то есть, что причины соотношения полов должны заключаться в самих родителях.[305] В этих обстоятельствах возник вопрос, невозможно ли объяснить эту трудность нашими знаниями физиологии животных; ибо вполне правдоподобно было сказано: "Поскольку физиология - это изучение законов организма,[306] и поскольку все рождения являются продуктами, происходящими из тела, из этого следует, что если мы знаем законы тела, мы должны знать законы рождения." Такой точки зрения придерживались физиологи нашего происхождения;[307] и именно такой точки зрения придерживались метафизики нашей истории. Обе стороны верили, что можно сразу докопаться до причины явления и, изучая его законы, предсказать само явление. Физиолог сказал: 'Изучая индивидуальные тела и таким образом устанавливая законы, регулирующие союз родителей, я обнаружу соотношение полов,

потому что соотношение - это всего лишь результат, к которому приводит союз'. Точно таким же образом метафизик говорит: "Изучая индивидуальные умы, я установлю законы, управляющие их движениями; и таким образом я смогу предсказать движения человечества, которые, очевидно, составлены из индивидуальных движений". [308] Таковы ожидания, которые уверенно поддерживались физиологами, уважающими законы пола, и метафизиками, уважающими законы истории. Однако для выполнения этих обещаний метафизики не сделали абсолютно ничего; не добились большего успеха и физиологи, хотя их взгляды опираются на анатомию, которая допускает использование прямого эксперимента, ресурса, неизвестного метафизике. Но для решения настоящего вопроса все это им ничего не дало; и физиологи пока не располагают ни одним фактом, который пролил бы хоть какой-то свет на эту проблему: равно ли число рождений мужского пола рождениям женского - больше или меньше?

Это вопросы, на которые все ресурсы физиологов, от Аристотеля до наших дней, не позволяют дать ответа. [309] И все же в наши дни мы, используя то, что сейчас кажется очень естественным методом, обладаем истиной, которую не смогли открыть объединенные способности целого ряда выдающихся людей. Простым экспериментом по регистрации числа рождений и их пола; продлив эту регистрацию на несколько лет в разных странах, мы смогли устранить все случайные нарушения и установить существование закона, который, выраженный в круглых числах, заключается в том, что на каждые двадцать девочек рождается двадцать один мальчик; и мы можем с уверенностью сказать, что, хотя действие этого закона, конечно, подвержено постоянным отклонениям, сам закон настолько силен, что мы не знаем ни одной страны, в которой в течение одного года рождений мужского пола не было бы больше, чем женского. [310]

Важность и прекрасная регулярность этого закона заставляют нас сожалеть о том, что он все еще остается эмпирической истиной, поскольку еще не связан с физическими явлениями, которыми вызвано его действие. [311] Но это несущественно для моей нынешней цели, которая заключается только в том, чтобы обратить внимание на метод, с помощью которого было сделано открытие. Ибо этот метод, очевидно, аналогичен тому, с помощью которого я предлагаю исследовать операции человеческого разума; в то время как старый и безуспешный метод аналогичен тому, который использовали метафизики. До тех пор, пока физиологи пытались установить законы соотношения полов с помощью индивидуальных экспериментов, они не добились абсолютно ничего из того, чего надеялись достичь. Но когда люди перестали удовлетворяться этими индивидуальными экспериментами и вместо них начали собирать менее подробные, но более всеобъемлющие наблюдения, тогда-то великий закон природы, который они тщетно искали в течение многих веков, впервые открылся их взору. Точно так же, пока человеческий разум изучается только в соответствии с узким и урезанным методом метафизиков, у нас есть все основания думать, что законы, регулирующие его движения, будут оставаться неизвестными. Следовательно, если мы хотим добиться чего-либо действительно важного, становится необходимым, чтобы мы отказались от этих старых схем, недостаточность которых доказана как опытом, так и разумом; и чтобы мы заменили их таким всеобъемлющим обзором фактов, который позволит нам устранить те нарушения, которые из-за невозможности эксперимента мы никогда не сможем изолировать.

Желание, которое я испытываю, чтобы предварительные взгляды этого Введения были предельно ясны, является моим единственным извинением за то, что я ввел отступление, которое, хотя и ничего не добавляет к силе аргументации, может быть сочтено полезным в качестве иллюстрации и, во всяком случае, позволит обычным читателям оценить ценность

предлагаемого метода. Теперь нам остается установить, каким образом с помощью применения этого метода законы умственного прогресса могут быть наиболее легко обнаружены.

Если, во-первых, мы спросим, что это за прогресс, ответ покажется очень простым: что это двойной прогресс, моральный и интеллектуальный; первый имеет более непосредственное отношение к нашим обязанностям, второй - к нашим знаниям. Это классификация, которая часто применялась и с которой знакомо большинство людей. И поскольку история - это изложение результатов, не может быть никаких сомнений в том, что разделение совершенно точное. Не может быть никаких сомнений в том, что люди на самом деле не продвигаются вперед, если, с одной стороны, их возрастающие способности сопровождаются ростом пороков, или если, с другой стороны, в то время как они становятся более добродетельными, они также становятся более невежественными. Это двойное движение, моральное и интеллектуальное, необходимо для самой идеи цивилизации и включает в себя всю теорию умственного прогресса. Быть готовым выполнять свой долг - это моральная часть; знать, как его выполнять, - интеллектуальная часть: в то время как чем теснее эти две части связаны друг с другом, тем больше гармонии, с которой они работают; и чем точнее средства приспособлены к цели, тем полнее будет реализован план нашей жизни и тем надежнее мы зложим фундамент для дальнейшего развития человечества.

Следовательно, сейчас возникает важный вопрос, а именно: какая из этих двух частей или элементов умственного прогресса является наиболее важной. Поскольку сам прогресс является результатом их совместного действия, становится необходимым установить, какой из них действует более мощно, чтобы мы могли подчинить низший элемент законам высшего. Если прогресс цивилизации и общее счастье человечества зависят больше от их моральных чувств, чем от их интеллектуальных знаний, мы, конечно, должны измерять прогресс общества этими чувствами; в то время как если, с другой стороны, он зависит главным образом от их знаний, мы должны принять за наш стандарт объем и успех их интеллектуальной деятельности. Как только мы узнаем относительную энергию этих двух компонентов, мы будем относиться к ним в соответствии с обычным планом исследования истины; то есть мы будем рассматривать продукт их совместного действия как подчиняющийся законам более мощного агента, чьи действия случайно нарушаются подчиненными законами второстепенного агента.

Приступая к этому исследованию, мы сталкиваемся с предварительной трудностью, возникающей из-за расплывчатости и небрежности, с которой обычный язык используется при описании предметов, требующих величайшей аккуратности и точности. Ибо выражение "Моральный и интеллектуальный прогресс" наводит на мысль о серьезной ошибке. В том виде, в каком оно обычно используется, оно передает идею о том, что моральные и интеллектуальные способности людей по мере развития цивилизации, естественно, становятся более острыми и заслуживают большего доверия, чем они были раньше. Но это, хотя, возможно, и правда, никогда не было доказано. Возможно, что вследствие каких-то физических причин, до сих пор неизвестных, средняя способность мозга, если сравнивать длительные периоды времени, постепенно увеличивается; и что, следовательно, ум, действующий через мозг, даже независимо от образования, возрастает в способностях и общей компетентности своих взглядов.^[312] Таким, однако, остается наше незнание физических законов, и настолько мы пребываем в полном неведении относительно обстоятельств, которые регулируют наследственную передачу характера,^[313] и другие личные особенности, что мы должны рассматривать этот предполагаемый прогресс как весьма сомнительный момент; и при

нынешнем состоянии наших знаний мы не можем с уверенностью предположить, что произошло какое-либо постоянное улучшение моральных или интеллектуальных способностей человека, и у нас нет никаких решающих оснований утверждать, что эти способности, вероятно, будут сильнее у младенца, родившегося в самой цивилизованной части Европы, чем у ребенка, родившегося в самом диком районе варварской страны.[314]

Таким образом, каким бы ни был моральный и интеллектуальный прогресс людей, он сводится не к развитию природных способностей,[315] но к развитию, если можно так выразиться, возможностей; то есть к улучшению обстоятельств, при которых эти способности проявляются после рождения. Итак, вот в чем суть всего вопроса. Прогресс заключается не во внутренней силе, а во внешнем преимуществе. Ребенок, родившийся в цивилизованной стране, сам по себе вряд ли будет выше ребенка, родившегося среди варваров; и разница, которая возникает между действиями двух детей, будет вызвана, насколько нам известно, исключительно давлением внешних обстоятельств; под которыми я подразумеваю окружающие мнения, знания, ассоциации; одним словом, всю ментальную атмосферу, в которой оба ребенка соответственно воспитываются.

В связи с этим очевидно, что если мы посмотрим на человечество в совокупности, то их моральное и интеллектуальное поведение регулируется моральными и интеллектуальными представлениями, распространенными в их собственное время. Конечно, есть много людей, которые поднимутся над этими представлениями, и много других, которые опустятся ниже них. Но такие случаи исключительны и составляют очень малую долю от общего числа тех, кто ничем не примечателен ни в добрых, ни в злых делах. Огромное большинство людей всегда должно оставаться в среднем состоянии, не очень глупых и не очень способных, не очень добродетельных и не очень порочных, а дремлющих в мирной и достойной посредственности, без особого труда усваивающих текущие мнения дня, не проводящих никаких исследований, не возбуждающих скандалов, не вызывающих удивления, просто держащихся наравне со своим поколением и бесшумно соответствующих стандартам морали и знаний, общим для эпохи и страны, в которой они живут.

Теперь требуется лишь поверхностное знакомство с историей, чтобы осознать, что этот стандарт постоянно меняется и что он никогда не бывает точно таким же даже в самых похожих странах или у двух сменяющих друг друга поколений в одной и той же стране. Мнения, популярные в любой стране, меняются во многих отношениях почти из года в год; и то, что в один период критикуется как парадокс или ересь, в другой период приветствуется как трезвая истина; которая, однако, в свою очередь заменяется некоторой последующей новизной. Эта крайняя изменчивость обычного стандарта человеческих действий показывает, что условия, от которых зависит стандарт, сами по себе должны быть очень изменчивыми; и эти условия, какими бы они ни были, очевидно, являются источниками морального и интеллектуального поведения значительной части человечества.

Таким образом, здесь у нас есть основа, на которой мы можем безопасно действовать. Мы знаем, что основная причина человеческих действий чрезвычайно изменчива; поэтому нам остается только применить этот тест к любому набору обстоятельств, которые предположительно являются причиной, и если мы обнаружим, что такие обстоятельства не очень изменчивы, мы должны сделать вывод, что они не являются причиной, которую мы пытаемся обнаружить.

Применяя этот критерий к моральным мотивам или к велениям того, что называется моральным инстинктом, мы сразу увидим, насколько чрезвычайно мало влияние, которое эти мотивы оказали на прогресс цивилизации. Ибо, несомненно, в мире нельзя найти ничего, претерпевшего столь незначительные изменения, как те великие догмы, из которых состоят моральные системы. Делать добро другим; жертвовать ради их блага своими собственными желаниями; любить ближнего, как самого себя; прощать своих врагов; обуздывать свои страсти; почитать своих родителей; уважать тех, кто стоит над вами: это и некоторые другие единственные основы морали; но они известны уже тысячи лет, и ни на йоту не были добавлены к ним всеми проповедями, гомилиями и учебниками, которые моралисты и богословы смогли создать.[316]

Но если мы противопоставим этот стационарный аспект моральных истин прогрессивному аспекту интеллектуальных истин, разница действительно будет поразительной.[317] Все великие моральные системы, оказавшие большое влияние, были в основе своей одинаковыми; все великие интеллектуальные системы были в основе своей разными. Что касается нашего морального поведения, то нет ни одного принципа, известного сейчас наиболее образованным европейцам, который не был бы также известен древним. Что касается поведения нашего интеллекта, то современники не только внесли важнейшие дополнения во все области знания, которые когда-либо пытались изучать древние, но, помимо этого, они перевернули старые методы исследования и произвели революцию в них; они объединили в одну великую схему все те средства индукции, которые смутно осознавал только Аристотель; и они создали науки, ни малейшее представление о которых никогда не приходило в голову самому смелому мыслителю древности.

Для каждого образованного человека это признанные и печально известные факты; и вывод, который следует сделать из них, очевиден сразу. Поскольку цивилизация является продуктом моральных и интеллектуальных факторов, и поскольку этот продукт постоянно меняется, он, очевидно, не может регулироваться стационарным агентом; потому что, когда окружающие обстоятельства неизменны, стационарный агент может производить только стационарный эффект. Единственным другим действующим лицом является интеллектуальный; и то, что это реальный движитель, может быть доказано двумя различными способами: во-первых, поскольку, будучи, как мы уже видели, моральным или интеллектуальным, и будучи, как мы также видели, не моральным, он должен быть интеллектуальным; и, во-вторых, поскольку интеллектуальный принцип обладает активностью и способностью к адаптации, чего, как я берусь показать, вполне достаточно для объяснения необычайного прогресса, которого на протяжении нескольких столетий продолжала добиваться Европа.

Таковы основные аргументы, которыми подкрепляется моя точка зрения; но есть и другие, побочные обстоятельства, которые вполне заслуживают рассмотрения. Первый заключается в том, что интеллектуальный принцип не только гораздо более прогрессивен, чем моральный, но и гораздо более постоянен в своих результатах. Достижения, сделанные интеллектом, в каждой цивилизованной стране тщательно сохраняются, регистрируются в определенных, хорошо понятных формулах и защищены использованием технического и научного языка; они легко передаются от одного поколения к другому и, таким образом, принимая доступную или, так сказать, осязаемую форму, они часто оказывают влияние на самых отдаленных потомков, они становятся семейными реликвиями человечества, бессмертным завещанием гения, которому они обязаны своим рождением. Но добрые дела, совершенные нашими моральными

способностями, менее способны к передаче; они носят более частный и уединенный характер; в то время как, поскольку мотивы, которым они обязаны своим происхождением, обычно являются результатом самодисциплины и самопожертвования, они должны вырабатываться каждым человеком самостоятельно; и таким образом, начатые каждым заново, они извлекают мало пользы из максимум предыдущего опыта и не могут быть хорошо сохранены для использования будущими моралистами. Следствием этого является то, что, хотя моральное превосходство более приятно и для большинства людей более привлекательно, чем интеллектуальное, все же следует признать, что, глядя на скрытые результаты, оно гораздо менее активно, менее постоянно и, как я сейчас докажу, менее продуктивно для реального блага. Действительно, если мы исследуем последствия самой активной филантропии и самой большой и бескорыстной доброты, мы обнаружим, что эти последствия, сравнительно говоря, недолговечны; что существует лишь небольшое число людей, с которыми они вступают в контакт и приносят пользу; что они редко переживают поколение, которое было свидетелем их зарождения; и что, когда они принимают более прочную форму основания крупных общественных благотворительных организаций, такие учреждения неизменно подвергаются сначала злоупотреблениям, затем упадку и через некоторое время либо разрушаются, либо отклоняются от своего первоначального намерения, высмеивая усилия, с помощью которых они создаются. тщетно пытались увековечить память даже о самой чистой и энергичной благотворительности.

Эти выводы, без сомнения, очень неприятны; и что делает их особенно оскорбительными, так это то, что опровергнуть их невозможно. Ибо чем глубже мы проникнем в этот вопрос, тем яснее увидим превосходство интеллектуальных достижений над нравственным чувством.^[318] В истории нет ни одного случая невежественного человека, который, имея благие намерения и высшую власть для их осуществления, не совершил гораздо больше зла, чем добра. И всякий раз, когда намерения были очень страстными, а власть - очень обширной, зло было огромным. Но если вы сможете уменьшить искренность этого человека, если вы сможете подмешать какой-то сплав к его мотивам, вы точно так же уменьшите зло, которое он творит. Если он не только невежествен, но и эгоистичен, часто случается, что вы можете использовать его порок против его невежества и, возбуждая в нем страхи, сдерживать его озорство. Если, однако, у него нет страха, если он полностью бескорыстен, если его единственной целью является благо других, если он преследует эту цель с энтузиазмом, в больших масштабах и с бескорыстным рвением, тогда у вас нет контроля над ним, у вас нет средств предотвратить бедствия, которые в невежественный век обязательно навлечет невежественный человек. Насколько полно это подтверждается опытом, мы можем увидеть, изучая историю религиозных преследований. Наказать даже одного человека за его религиозные догматы, несомненно, является тягчайшим преступлением; но наказывать большое количество людей, преследовать целую секту, пытаться искоренить мнения, которые, вырастая из состояния общества, в котором они возникли, сами по себе являются проявлением удивительной и буйной плодовитости человеческого разума, — делать это не только одно из самых пагубных, но и одно из самых глупых действий, которые только можно себе представить. Тем не менее, несомненным фактом является то, что подавляющее большинство религиозных преследователей были людьми с самыми чистыми намерениями, с самой замечательной и незапятнанной моралью. Иначе и быть не может. Ибо они не люди с дурными намерениями, которые стремятся навязать мнения, которые они считают хорошими. Еще меньше они плохие люди, которые настолько пренебрегают мирскими соображениями, что используют все ресурсы своей власти не для собственной выгоды, а для

распространения религии, которую они считают необходимой для будущего счастья человечества. Такие люди, как эти, не плохи, они просто невежественны; невежественны в природе истины, невежественны в последствиях своих собственных поступков. Но с моральной точки зрения их мотивы безупречны. Действительно, именно пылкость их искренности побуждает их к преследованиям. Именно святое рвение, которым они горят, превращает их фанатизм в смертоносную деятельность. Если вы сможете произвести на любого человека впечатление всепоглощающей убежденностью в высшей важности какой—либо моральной или религиозной доктрины; если вы сможете заставить его поверить, что те, кто отвергает эту доктрину, обречены на вечную погибель; если вы затем дадите этому человеку власть и посредством его невежества ослепите его от скрытых последствий его собственного поступка, - он безошибочно будет преследовать тех, кто отрицает его доктрину; и степень его преследования будет зависеть от степени его искренности. Уменьшите искренность, и вы уменьшите преследование: другими словами, ослабляя добродетель, вы можете обуздать зло. Это истина, для подтверждения которой история предоставляет такие бесчисленные примеры, что отрицать ее означало бы не только отвергать самые простые и убедительные аргументы, но и отвергать совпадающие свидетельства всех эпох. Я просто выберу два случая, которые, при всем различии их обстоятельств, очень подходят в качестве иллюстраций: первый случай взят из истории язычества, другой - из истории христианства; и оба доказывают неспособность моральных чувств контролировать религиозные преследования.

I. Римские императоры, как хорошо известно, подвергали первых христиан гонениям, которые, хотя и были преувеличены, были частыми и очень жестокими. Но что некоторым людям должно показаться чрезвычайно странным, так это то, что среди активных исполнителей этих жестокостей мы находим имена лучших людей, когда-либо сидевших на троне; в то время как худшими и наиболее печально известными правителями были именно те, кто щадил христиан и не обращал внимания на их умножение. Двумя наиболее развращенными из всех императоров, несомненно, были Коммод и Элагабал; ни один из них не преследовал новую религию и действительно не принимал никаких мер против нее. Они были слишком безрассудны в отношении будущего, слишком эгоистичны, слишком поглощены своими собственными постыдными удовольствиями, чтобы обращать внимание на то, правда или заблуждение преобладают; и, будучи таким образом безразличными к благополучию своих подданных, они не заботились о распространении вероучения, которое они, как языческие императоры, были вынуждены рассматривать как фатальное и нечестивое заблуждение. Поэтому они позволили христианству идти своим чередом, не сдерживаемое теми уголовными законами, которые, несомненно, ввели бы более честные, но более ошибочные правители.^[319] Мы находим, соответственно, что великим врагом христианства был Марк Аврелий: человек доброго нрава и бесстрашной, непоколебимой честности, но чье правление характеризовалось преследованиями, от которых он воздержался бы, если бы менее серьезно относился к религии своих отцов.^[320] И для завершения аргументации можно добавить, что последним и одним из самых ярких противников христианства, занявшим трон цезарей, был Юлиан: принц исключительной честности, чьи мнения часто подвергались нападкам, но против морального поведения которого даже сама клевета едва ли вызывала подозрение.^[321]

II. Второй пример дает Испания; страна, о которой следует признать, что ни в какой другой стране религиозные чувства не оказывали такого влияния на дела людей. Ни одна другая европейская нация не произвела на свет столько пылких и бескорыстных миссионеров, ревностных самоотверженных мучеников, которые с радостью пожертвовали своей жизнью

ради распространения истин, которые, по их мнению, необходимо было знать. Нигде больше духовные классы не были так долго в расцвете; нигде больше люди не были так набожны, церкви не были так переполнены, духовенство не было так многочисленно. Но искренность и честность намерений, которыми всегда отличался испанский народ в целом, не только не смогли предотвратить религиозные преследования, но и оказались средством их поощрения. Если бы нация была более теплой, она была бы более терпимой. Как бы то ни было, сохранение веры стало первым соображением; и когда все было принесено в жертву этой единственной цели, естественно, получилось, что рвение породило жестокость, и была подготовлена почва, на которой инквизиция пустила корни и расцвела. Сторонники этого варварского института были не лицемерами, а энтузиастами. Лицемеры по большей части слишком податливы, чтобы быть жестокими. Ибо жестокость - это суровая и непреклонная страсть, в то время как лицемерие - это подбострастное и гибкое искусство, которое приспосабливается к человеческим чувствам и льстит слабостям людей, чтобы достичь своих собственных целей. В Испании серьезность нации, сосредоточенная на одной теме, ставила все на первое место; ненависть к ереси вошла в привычку, преследование ереси считалось долгом. Добросовестная энергия, с которой был выполнен этот долг, прослеживается в истории Испанской церкви. Действительно, то, что инквизиторы отличались непоколебимой и неподкупной честностью, может быть доказано различными способами и из разных и независимых источников доказательств. Это вопрос, к которому я вернусь позже; но есть два свидетельства, которые я не могу опустить, потому что, исходя из сопутствующих им обстоятельств, они особенно безупречны. Льоренте, великий историк инквизиции и ее злейший враг, имел доступ к ее частным бумагам; и все же, располагая самыми полными средствами информации, он даже не намекает на обвинение против морального облика инквизиторов; но, осуждая жестокость их поведения, он не может отрицать чистоты их намерений.^[322] Тридцатью годами ранее Таунсенд, священнослужитель Англиканской церкви, опубликовал свою ценную работу об Испании;^[323] и хотя, будучи протестантом и Англичанин, у него были все основания относиться предвзято к позорной системе, которую он описывает, он также не может выдвинуть никаких обвинений против тех, кто ее поддерживал; но, имея возможность упомянуть о ее создании в Барселоне, одном из ее важнейших отделений, он делает замечательное признание, что все ее члены - достойные люди, и что большинство из них - выдающиеся гуманисты.^[324]

Эти факты, какими бы поразительными они ни были, составляют лишь малую часть той огромной массы свидетельств, которые содержит история и которые решительно доказывают полную неспособность моральных чувств уменьшить религиозные преследования. Способ, которым это уменьшение действительно было достигнуто простым прогрессом интеллектуальных достижений, будет показан в другой части этого тома; тогда мы увидим, что великим антагонистом нетерпимости является не человечность, а знание. Именно распространению знаний, и только ему, мы обязаны сравнительным прекращением того, что, несомненно, является величайшим злом, которое люди когда-либо причиняли своему собственному виду. Ибо то, что религиозное преследование является большим злом, чем любое другое, очевидно не столько из огромного и почти невероятного числа его известных жертв,^[325] сколько из того факта, что неизвестных должно быть гораздо больше, и что история не дает отчета о тех, кто был пощажен физически, чтобы они могли пострадать душевно. Мы много слышим о мучениках и исповедниках — о тех, кто был убит мечом или сгорел в огне; но мы мало знаем о том еще большем числе людей, которые простой угрозой преследований были

вынуждены внешне отказаться от своих истинных убеждений; и которые, таким образом вынужденные к отступничеству, которое претит сердцу, провели остаток своей жизни в практике постоянного и унижительного лицемерия. Именно это и является настоящим проклятием религиозных преследований. Ибо таким образом, когда люди вынуждены скрывать свои мысли, возникает привычка обеспечивать безопасность ложью и покупать безнаказанность обманом. Таким образом, мошенничество становится жизненной необходимостью; неискренность становится повседневной привычкой; весь тон общественных настроений искажается, и ужасающе увеличивается количество пороков и ошибок. Тогда, конечно, у нас есть основания сказать, что по сравнению с этим все другие преступления не имеют большого значения; и мы вполне можем быть благодарны за то, что рост интеллектуальных поисков уничтожил зло, которое некоторые из нас даже сейчас охотно восстановили бы.

Принцип, который я отстаиваю, имеет такое огромное значение как на практике, так и в теории, что я приведу еще один пример энергии, с которой он работает. Второе по величине зло, известное человечеству, — то, из-за которого, за исключением религиозных преследований, было причинено больше всего страданий, — это, несомненно, практика войны. То, что это варварское стремление по мере развития общества неуклонно идет на убыль, должно быть очевидно даже самому торопливому читателю европейской истории.^[326] Если мы сравним одну страну с другой, мы обнаружим, что в течение очень длительного периода войны становились все реже; и теперь это движение обозначено настолько явно, что до позднего начала военных действий мы оставались в мире почти сорок лет: обстоятельство, не имеющее аналогов не только в нашей собственной стране, но и в анналах любой другой страны, которая была достаточно важна, чтобы играть ведущую роль в войне. мировые дела.^[327] Возникает вопрос, какую роль сыграли наши моральные чувства в достижении этого значительного улучшения. И если ответить на этот вопрос не в соответствии с предвзятыми мнениями, а в соответствии с имеющимися у нас доказательствами, ответ, безусловно, будет заключаться в том, что эти чувства вообще не разделялись. Ибо, конечно, никто не станет делать вид, что современные люди сделали какие-либо открытия относительно морального зла войны. По этому вопросу сейчас не известно ничего такого, чего не было известно на протяжении многих веков. То, что оборонительные войны справедливы, а наступательные войны несправедливы, — это единственные два принципа, которым по этому вопросу способны научить моралисты. Эти два принципа были так же ясно изложены, так же хорошо поняты и так же общепризнаны в средние века, когда не было ни недели без войны, как и в настоящий момент, когда война считается редким и единичным явлением. Таким образом, поскольку действия людей в отношении войны постепенно менялись, в то время как их моральные знания в отношении нее не менялись, совершенно очевидно, что изменчивый эффект не был вызван неизменной причиной. Невозможно представить себе аргумент более решительный, чем этот. Если можно будет доказать, что в течение последней тысячи лет моралисты или теологи указывали на единственное зло, вызванное войной, о существовании которого не знали их предшественники, — если это можно будет доказать, я откажусь от точки зрения, за которую я борюсь. Но если, как я наиболее уверенно утверждаю, это не может быть доказано, то следует признать, что, поскольку по этому вопросу не было внесено никаких дополнений в базу морали, никакие дополнения не могли быть внесены и в результат, который производит мораль.^[328]

Что касается влияния моральных чувств на усиление нашего отвращения к войне. Но если, с другой стороны, мы обратимся к человеческому интеллекту в самом узком смысле этого слова,

мы обнаружим, что каждое значительное усиление его активности было тяжелым ударом по воинственному духу. Полное доказательство этого я позже подробно изложу; и в этом Введении я могу только претендовать на то, чтобы выдвинуть несколько из тех выдающихся моментов, которые, находясь на поверхности истории, будут сразу поняты.

Из этих моментов один из наиболее очевидных заключается в том, что каждое важное дополнение, вносимое в знания, повышает авторитет интеллектуальных классов за счет увеличения ресурсов, которыми они должны располагать. Итак, антагонизм между этими классами и классом военных очевиден: это антагонизм между мыслью и действием, между внутренним и внешним, между аргументацией и насилием, между убеждением и силой; или, подводя итог, между людьми, которые живут стремлением к миру, и теми, кто живет практикой войны. Следовательно, все, что благоприятно для одного класса, явно неблагоприятно для другого. Предположим, что остальные обстоятельства будут такими же, должно случиться так, что по мере увеличения интеллектуальных достижений народа его любовь к войне будет уменьшаться; и если их интеллектуальные приобретения будут очень малы, их любовь к войне будет очень велика.^[329] В совершенно варварских странах интеллектуальных приобретений нет; а поскольку разум является пустой и унылой тратой, единственным ресурсом является внешняя деятельность,^[330] заслуживают только личного мужества. О человеке ничего не сообщается, если только он не убил врага; и чем больше он убил, тем большей репутацией он пользуется.^[331] Это чисто дикарское государство; и это государство, в котором больше всего ценится военная слава, а военных больше всего уважают.^[332] От этого ужасающего упадка, вплоть до вершины цивилизации, существует длинный ряд последовательных ступеней; градаций, на каждой из которых что-то отнимается у власти силы, а что-то отдается во власть мысли. Медленно, один за другим, начинают возникать интеллектуальные и миролюбивые классы; поначалу воины относились к ним с большим презрением, но, тем не менее, постепенно завоевывают позиции, увеличиваясь в количестве и силе, и с каждым увеличением ослабляя тот старый воинский дух, которым раньше были поглощены все другие тенденции. Торговля, коммерция, мануфактуры, юриспруденция, дипломатия, литература, естественные науки, философия — все эти вещи, первоначально неизвестные, были организованы в отдельные исследования, каждое из которых имело отдельный класс, и каждый класс настаивал на важности своего собственного занятия. Из этих классов некоторые, без сомнения, менее миролюбивы, чем другие; но даже те, которые наименее миролюбивы, конечно, более миролюбивы, чем люди, чьи объединения полностью военные и которые в каждой новой войне видят возможность для личного отличия, от чего в мирное время они совершенно лишены.^[333]

Таким образом, по мере развития цивилизации устанавливается равновесие, и военный пыл уравнивается мотивами, которые не может почувствовать никто, кроме образованных людей. Но среди людей, чей интеллект не развит, такое равновесие никогда не может существовать. Хорошую иллюстрацию этому мы видим в истории нынешней войны.^[334] Ибо особенность великого соперничества, в котором мы участвуем, заключается в том, что оно было вызвано не конфликтом интересов цивилизованных стран, а разрывом между Россией и Турцией, двумя самыми варварскими монархиями, ныне остающимися в Европе. Это очень важный факт. В высшей степени характерно для реального состояния общества, что мир беспрецедентной продолжительности был нарушен не ссорой между двумя цивилизованными нациями, как это было в прежние времена, а посягательствами нецивилизованных русских на еще более нецивилизованных турок. В более ранний период влияние интеллектуальных и, следовательно, миролюбивых привычек действительно постоянно возрастало, но было все еще

слишком слабо, даже в самых передовых странах, чтобы обуздать старые воинственные привычки: отсюда возникло стремление к завоеваниям, которое часто перевешивало все другие чувства и побуждало такие великие нации, как Франция и Англия, нападать друг на друга по малейшему поводу и искать любой возможности удовлетворить мстительную ненависть, с которой обе созерцали процветание своего соседа. Однако сейчас положение дел таково, что эти две нации, отбросив сварливую и раздражительную зависть, которую они когда-то питали, объединились в общем деле и обнажили меч не в эгоистических целях, а для защиты цивилизованного мира от вторжений варварского врага.

Это главная черта, отличающая нынешнюю войну от ее предшественниц. То, что мир должен длиться почти сорок лет, а затем быть прерван не, как раньше, враждебными действиями между цивилизованными государствами, а амбициями единственной империи, которая одновременно могущественна и нецивилизована, — это одно из многих доказательств того, что неприязнь к войне является развитым вкусом, присущим интеллектуальному народу. Ибо никто не станет утверждать, что военные пристрастия России вызваны низким уровнем морали или пренебрежением религиозными обязанностями. Пока что все имеющиеся у нас доказательства показывают, что порочные привычки распространены в России не чаще, чем во Франции или Англии;^[335] и несомненно, что русские подчиняются учению церкви с большей покорностью, чем та, которую демонстрируют их цивилизованные оппоненты.^[336] Следовательно, ясно, что Россия - воинственная страна не потому, что ее жители аморальны, а потому, что они неинтеллектуальны. Вина лежит в голове, а не в сердце. В России национальный интеллект мало развит, интеллектуальные классы не имеют влияния; следовательно, военное сословие является высшим. На этой ранней стадии развития общества среднего ранга еще нет,^[337] и, следовательно, вдумчивых и миролюбивых привычек, которые проистекают из среднего звена, не существует. Умы людей, лишенных интеллектуальных занятий,^[338] естественно обращаются к воинственным, как к единственному оставшемуся у них ресурсу. Отсюда следует, что в России все способности оцениваются по военному стандарту. Армия считается величайшей славой страны: выиграть сражение или перехитрить врага ценится как одно из самых благородных достижений в жизни; а гражданских лиц, каковы бы ни были их достоинства, этот варварский народ презирает как существ совершенно низшего и подчиненного характера.^[339]

С другой стороны, в Англии противоположные причины привели к противоположным результатам. У нас интеллектуальный прогресс идет так быстро, а авторитет среднего класса так велик, что военные не только не имеют никакого влияния в правительстве государства, но одно время казалось, что даже существует опасность, как бы мы не довели это чувство до крайности; и как бы из-за нашего отвращения к войне мы не пренебрегли теми защитными мерами предосторожности, которые враждебность других наций делает целесообразным принять. Но, по крайней мере, мы можем с уверенностью сказать, что в нашей стране любовь к войне как национальный вкус совершенно угасла. И этот огромный результат был достигнут не благодаря моральным учениям или велениям морального инстинкта, а благодаря простому факту, что в ходе прогресса цивилизации сформировались определенные классы общества, которые заинтересованы в сохранении мира и чья объединенная власть достаточна для контроля над теми другими классами, чьи интересы заключаются в ведении войны.

Было бы легко продолжить этот аргумент и доказать, как из-за растущей любви к интеллектуальным занятиям военная служба неизбежно ухудшает не только репутацию, но также и способности. В отсталом обществе люди выдающихся талантов толпами идут в армию и

гордятся тем, что зачисляют себя в ее ряды. Но по мере развития общества открываются новые источники деятельности и возникают новые профессии, которые, будучи по своей сути интеллектуальными, предоставляют гениям возможности для достижения успеха быстрее, чем какие-либо ранее известные. Следствием этого является то, что в Англии, где таких возможностей больше, чем где бы то ни было, почти всегда случается так, что, если у отца есть сын с замечательными способностями, он воспитывает его в одной из непрофессиональных профессий, где интеллект, сопровождаемый трудолюбием, обязательно вознаграждается. Если, однако, неполноценность мальчика очевидна, под рукой есть подходящее средство: его делают либо солдатом, либо священнослужителем; его отправляют в армию или прячут в церкви. И это, как мы увидим позже, является одной из причин, почему по мере развития общества церковный дух и воинский дух никогда не перестают приходить в упадок. Как только выдающиеся люди перестанут желать заниматься какой-либо профессией, блеск этой профессии будет запятнан: сначала пострадает ее репутация, а затем и ее влияние сократится. Это процесс, через который на самом деле проходит Европа, как в отношении церкви, так и в отношении армии. Доказательства, касающиеся церковной профессии, будут найдены в другой части этой работы. Доказательства, касающиеся военной профессии, столь же решающие. Ибо, хотя эта профессия породила в современной Европе нескольких людей, несомненно, гениальных, их число настолько крайне невелико, что нас поражает нехватка оригинальных способностей. То, что военное сословие, взятое в целом, имеет тенденцию к вырождению, станет еще более очевидным, если мы сравним длительные периоды времени. В древнем мире ведущие воины не только обладали значительными достижениями, но и были всесторонне мыслящими людьми как в политике, так и на войне, и во всех отношениях были первыми персонажами своего времени. Таким образом, приводя лишь несколько примеров из жизни одного народа, мы обнаруживаем, что тремя наиболее успешными государственными деятелями, которых когда-либо производила Греция, были Солон, Фемистокл и Эпаминонд, — все они были выдающимися военачальниками. Сократ, которого некоторые считали мудрейшим из древних, был солдатом; таким же был и Платон; таким же был Антисфен, знаменитый основатель киников. Архит, придавший новое направление пифагорейской философии, и Мелисс, развивший элеатскую философию, оба были хорошо известными полководцами, прославившимися как в литературе, так и на войне. Среди самых выдающихся ораторов Перикл, Алкивиад, Андоцид, Демосфен и Эсхин были представителями военной профессии; также как и два величайших трагика, Эсхил и Софокл. Архилох, который, как говорят, изобрел ямбические стихи и которого Гораций взял за образец, был солдатом; и той же профессией могли похвастаться Тиртей, один из основоположников элегической поэзии, и Алкей, один из лучших сочинителей лирической поэзии. Самым философски настроенным из всех греческих историков, несомненно, был Фукидид; но он, так же как Ксенофонт и Полибий, занимал высокие военные посты и не раз преуспевал в изменении хода войны. Посреди спешки и суматохи лагерей эти выдающиеся люди развили свой ум до высшей точки, которую позволяли знания того времени: и так широк диапазон их мыслей, и таковы красота и достоинство их стиля, что их произведения читают тысячи людей, которым нет никакого дела до осад и сражений, в которых они участвовали.

Они были одним из украшений военной профессии в древнем мире; и все они были написаны на одном языке и читались одними и теми же людьми. Но в современном мире эта идентичная профессия, охватывающая многие миллионы людей и охватывающая всю Европу, никогда, начиная с шестнадцатого века, не могла породить и десяти авторов, достигших первого класса

либо как писатели, либо как мыслители. Декарт - пример европейского солдата, сочетающего в себе эти два качества; он столь же примечателен изысканной красотой своего стиля, как и глубиной и оригинальностью своих исследований. Это, однако, единичный случай; и я полагаю, что нет второго случая, когда современный военный писатель таким образом преуспел в обеих областях. Конечно, английская армия за последние двести пятьдесят лет не дала ни одного примера подобного, и, фактически, у нее было только два автора, Роли и Нейпир, чьи работы признаны образцами и изучаются исключительно из-за их внутренних достоинств. Тем не менее, это просто относится к стилю; и эти два историка, несмотря на их мастерство в композиции, никогда не считались глубокими мыслителями по сложным предметам и не добавили ничего существенного к запасу наших знаний. Точно так же у древних самые выдающиеся солдаты были также самыми выдающимися политиками, а лучшие военачальники, как правило, были лучшими губернаторами государства. Но и здесь прогресс общества вызвал столь значительные изменения, что в течение длительного периода подобные случаи были чрезвычайно редки. Даже Густав Адольф и Фридрих Великий потерпели позорную неудачу в своей внутренней политике и показали себя столь же близорукими в искусстве мира, сколь и проницательными в искусстве войны. Кромвель, Вашингтон и Наполеон, пожалуй, единственные первоклассные современные воины, о которых можно справедливо сказать, что они были одинаково компетентны управлять королевством и командовать армией. И если мы посмотрим на Англию как на знакомую иллюстрацию, то увидим, что примером этого замечания являются два наших величайших полководца, Мальборо и Веллингтон. Мальборо был человеком не только самых праздных и легкомысленных занятий, но и настолько прискорбно невежественным, что его недостатки делали его предметом насмешек современников; а о политике у него не было другой идеи, кроме как снискать расположение государя, лгая его любовнице, бросить брата этого государя в крайней нужде, а затем, совершив двойное предательство, обратиться против своего следующего благодетеля и вступить в преступную и глупую переписку с тем самым человеком, которого он позорно бросил несколькими годами ранее. Таковы были характерные черты величайшего завоевателя своего времени, героя ста битв, победителя при Бленхейме и Рамилесе. Что касается другого нашего великого воина, то действительно верно, что имя Веллингтона никогда не должно произноситься англичанином без благодарности и уважения: эти чувства, однако, вызваны исключительно его огромными военными заслугами, важность которых нам не пристало забывать. Но тот, кто изучал гражданскую историю Англии в течение нынешнего столетия, прекрасно знает, что этот военачальник, у которого на поле боя не было соперников и который, к своей еще большей славе, обладал целеустремленностью, непоколебимой честностью и высокими моральными чувствами, которые невозможно было превзойти, тем не менее был совершенно неспособен справиться со сложными требованиями политической жизни. Общеизвестно, что в своих взглядах на важнейшие законодательные меры он всегда ошибался. Общеизвестно, и доказательства этого зафиксированы в наших парламентских дебатах, что каждая крупная мера, которая принималась, каждое значительное улучшение, каждый значительный шаг в реформе, каждая уступка народным желаниям, которым яростно противодействовал герцог Веллингтон, стали законом, несмотря на его противодействие, и после его скорбных заявлений о том, что такими средствами безопасность Англии была бы серьезно поставлена под угрозу. И все же сейчас вряд ли найдется дальновидный школьник, который не знает, что именно этими мерами в основном обязана нынешняя стабильность нашей страны. Опыт, великое испытание мудрости, в полной мере доказал, что те обширные планы реформ, противодействию которым герцог Веллингтон посвятил всю свою политическую жизнь, были, я не скажу,

целесообразными, но были просто необходимы. Та политика сопротивления народной воле, которую он постоянно советовал, - это именно та политика, которая проводилась со времен Венского конгресса во всех монархиях, кроме нашей. Результат этой политики написан для нашего сведения: он написан в том великом взрыве народных страстей, который в момент своего гнева опрокинул самые гордые троны, уничтожил княжеские семьи, разрушил благородные дома, опустошил прекрасные города. И если бы совету нашего великого полководца последовали, если бы справедливым требованиям народа было отказано — этот же урок был бы вписан в летописи нашей собственной страны; и мы, несомненно, не смогли бы избежать последствий той ужасной катастрофы, в которую невежество и эгоизм правителей всего несколько лет назад вовлекли значительную часть цивилизованного мира.

Таким образом, разительный контраст между военным гением древних времен и военным гением современной Европы. Причины этого упадка ясно прослеживаются в том обстоятельстве, что из-за огромного увеличения интеллектуальных занятий мало кто из способных людей в настоящее время хочет заниматься профессией, в которую в древности стремились люди способные, поскольку это обеспечивало наилучшие средства для проявления тех способностей, которые в более цивилизованных странах находят лучшее применение. Это, действительно, очень важное изменение; и таким образом, перевод самых мощных интеллектов из военного искусства в искусство мира был медленной работой многих веков, постепенным, но постоянным продвижением вперед знаний. Написать историю этих посягательств означало бы написать историю человеческого интеллекта — задачу, которую невозможно адекватно выполнить ни одному отдельному человеку. Но этот предмет представляет такой интерес и был так мало изучен, что, хотя я уже продвинулся в этом анализе дальше, чем намеревался, я не могу удержаться от того, чтобы не отметить, как мне кажется, три основных способа ослабления воинственного духа древнего мира прогрессом европейских знаний.

Первое из них возникло в результате изобретения Пороха, который, хотя и был военным изобретением, по своим результатам оказался в высшей степени полезным интересам мира.^[340] Говорят, что это важное изобретение было сделано в тринадцатом веке;^[341] но не было широко использовано до четырнадцатого или даже начала пятнадцатого века. Едва она вступила в действие, как произвела большие изменения во всей схеме и практике ведения войны. До этого времени долгом почти каждого гражданина считалось быть готовым поступить на военную службу либо с целью защиты своей собственной страны, либо с целью нападения на другие.^[342] Постоянные армии были совершенно неизвестны; и на их месте существовало грубое и варварское ополчение, всегда готовое к битве и всегда не желающее заниматься теми мирными занятиями, которые тогда повсеместно презирались. Почти каждый человек был солдатом, военная профессия как таковая не имела отдельного существования; или, говоря точнее, вся Европа составляла одну великую армию, в которой были объединены все другие профессии. Единственным исключением была церковная профессия; но даже на нее повлияла общая тенденция, и не было ничего необычного в том, что большие отряды войск выводились на поле боя епископами и аббатами, большинству из которых военное искусство было в те дни прекрасно знакомо.^[343] Во всяком случае, между этими двумя профессиями люди неизбежно разделялись: единственными увлечениями были война и теология; и если вы отказывались вступить в церковь, вы были обязаны служить в армии. Как естественное следствие, все действительно важное было полностью забыто. Действительно, было много священников и много воинов, много проповедей и много сражений.^[344] Но, с другой стороны, не было ни торговли, ни мануфактур; не было ни науки, ни литературы: полезные искусства были

совершенно неизвестны; и даже высшие слои общества не были знакомы не только с самыми обычными удобствами, но и с самыми обычными приличиями цивилизованной жизни.

Но как только порох вошел в обиход, был заложен фундамент великих перемен. Согласно старой системе, мужчине достаточно было обладать тем, что он обычно унаследовал от своего отца, либо мечом, либо луком, и он был готов к выступлению в поле.^[345] В соответствии с новой системой требовались новые средства, а оборудование становилось более дорогостоящим и более сложным. Во-первых, это были поставки пороха;^[346] затем было владение мушкетами, которые были дорогим оружием и считались сложными в обращении.^[347] Тогда также существовали другие приспособления, к появлению которых естественным образом привел порох, такие как пистолеты, бомбы, минометы, снаряды, мины и тому подобное.^[348] Все это, увеличивая сложность военного искусства, увеличивало необходимость дисциплины и практики; в то же время изменения, которые производились в обычном оружии, лишали подавляющее большинство мужчин возможности добыть его. Чтобы соответствовать этим изменившимся обстоятельствам, была организована новая система: и было признано целесообразным обучать группы людей с единственной целью ведения войны и максимально отделять их от тех других занятий, которыми раньше время от времени занимались все солдаты. Так возникли постоянные армии; первые из которых были сформированы в середине пятнадцатого века,^[349] почти сразу после того, как порох стал общеизвестен. Так также возник обычай использовать наемные войска, о чем мы находим несколько более ранних примеров, хотя эта практика не была полностью установлена до конца четырнадцатого века.^[350]

Важность этого движения вскоре стала очевидна по тем изменениям, которые оно произвело в классификации европейского общества. Поскольку регулярные войска благодаря своей дисциплине были более пригодны для борьбы с врагом, а также находились под более непосредственным контролем правительства, естественно, из этого следовало, что по мере осознания их достоинств старое ополчение сначала приобрело дурную славу, затем им стали пренебрегать, а затем его численность заметно сократилась. В то же время это уменьшение числа недисциплинированных солдат лишило страну части ее военных ресурсов и, следовательно, сделало необходимым уделять больше внимания дисциплинированным и более ограничивать их исключительно выполнением своих военных обязанностей. Таким образом, впервые было широко установлено разделение между солдатом и гражданским лицом; и возникла отдельная военная профессия,^[351] которая, составляя сравнительно небольшое число от общего числа граждан, предоставила остальным заниматься каким-либо другим делом.^[352] Таким образом огромные массы людей были постепенно отлучены от своих старых воинственных привычек; и будучи, так сказать, вынужденными вести гражданскую жизнь, их энергия стала доступной для общих целей общества и для развития тех искусств мира, которыми раньше пренебрегали. Результатом было то, что европейский ум, вместо того чтобы, как прежде, заниматься исключительно войной или теологией, теперь выбрал срединный путь и создал те великие отрасли знания, которым современная цивилизация обязана своим происхождением. В каждом последующем поколении эта тенденция к отдельной организации была более заметной; полезность разделения труда становилась ясно осознанной; и благодаря этому развивались сами знания, соответственно возрастал авторитет этого среднего или интеллектуального класса. Каждое усиление его власти уменьшало вес двух других классов и сдерживало те суеверные чувства и ту любовь к войне, на которых на раннем этапе развития общества сосредоточивался весь энтузиазм. Свидетельства роста и распространения этого интеллектуального принципа настолько полны и решительны, что можно было бы, объединив

все отрасли знания, проследить почти все его последовательные этапы. В настоящее время достаточно сказать, что, принимая общий вид, этот третий, или интеллектуальный, класс впервые проявил независимую, хотя все еще неясную активность в четырнадцатом и пятнадцатом веках; что в шестнадцатом веке эта активность, приняв отчетливую форму, проявилась в религиозных вспышках; что в семнадцатом веке его энергия, став более практичной, была направлена против злоупотреблений правительства и вызвала серию восстаний, от которых едва ли какая-либо часть Европы избежала; и, наконец, что в восемнадцатом и девятнадцатом веках он распространил свою цель на все сферы общественной и частной жизни. , распространяя образование, обучая законодателей, контролируя королей и, прежде всего, устанавливая на прочном фундаменте то верховенство общественного мнения, которому теперь подчиняются не только конституционные князья, но даже самые деспотичные монархи.

Это, действительно, обширные вопросы; и без некоторого знания о них никто не может понять нынешнее состояние европейского общества или составить хотя бы малейшее представление о его будущих перспективах. Однако достаточно того, что теперь читатель может понять, каким образом такой незначительный факт, как изобретение пороха, ослабил воинственный дух, уменьшив число людей, для которых военная практика была привычной. Были, без сомнения, и другие сопутствующие обстоятельства, которые вели в том же направлении; но использование пороха было наиболее эффективным, потому что, увеличивая трудности и расходы войны, оно сделало необходимой отдельную военную профессию; и таким образом, ограничивая действие воинского духа, оставляло излишек, незанятую энергию, которая вскоре нашла свой путь к достижению мира, вдохнула в них новую жизнь и начала контролировать ту жажду завоеваний, которая, хотя и естественна для варварского народа, является великим врагом знания и самой роковой из тех, которые могут привести к смерти. болезненные аппетиты, от которых слишком часто страдают даже цивилизованные страны.

Второе интеллектуальное движение, благодаря которому любовь к войне была уменьшена, возникло гораздо позже и еще не произвело всех своих естественных последствий. Я имею в виду открытия, сделанные Политической экономией: отраслью знания, с которой даже мудрейшие из древних не имели ни малейшего представления, но которая обладает важностью, которую было бы трудно преувеличить, и, более того, замечательна как единственный предмет, непосредственно связанный с искусством управления, который до сих пор возведен в ранг науки. Практическая ценность этого благородного исследования, хотя, возможно, полностью известна только наиболее продвинутым мыслителям, постепенно становится признанной людьми обычного образования: но даже те, кто его понимает, по-видимому, уделяют мало внимания тому, каким образом благодаря его влиянию непосредственно продвигаются интересы мира, а следовательно, и цивилизации.^[353] Каким образом это было достигнуто, я попытаюсь объяснить, поскольку это послужит еще одним аргументом в поддержку того великого принципа, который я хочу установить.

Хорошо известно, что среди различных причин войны коммерческая зависть была раньше одной из наиболее заметных; и известны многочисленные случаи ссор по поводу введения какого-либо особого тарифа или защиты какого-либо любимого производства. Споры такого рода были основаны на очень невежественном, но вполне естественном представлении о том, что преимущества торговли зависят от торгового баланса и что все, что выигрывает одна страна, должно быть потеряно другой. Считалось, что богатство полностью состоит из денег и

что, следовательно, основной интерес каждого народа заключается в том, чтобы импортировать как можно меньше товаров и как можно больше золота. Всякий раз, когда это делалось, считалось, что дела находятся в хорошем состоянии; но если этого не делалось, объявлялось, что мы истощаем наши ресурсы и что какая-то другая страна берет верх над нами и обогащается за наш счет.[354] Для этого единственным средством было заключение торгового договора, который должен был обязать страну-нарушителя забирать больше наших товаров и отдавать нам больше своего золота: если, однако, они отказывались подписывать договор, становилось необходимым образумить их; и с этой целью было предоставлено вооружение для нападения на народ, который, уменьшив наше богатство, лишил нас этих денег путем только с этим можно было бы расширить торговлю на внешних рынках.[355]

Это неправильное представление об истинной природе бартера было раньше универсальным;[356] и, будучи принятым даже самыми способными политиками, было не только непосредственной причиной войны, но и усилило те чувства естественной ненависти, которые поощряют войну; каждая страна думала, что она напрямую заинтересована в уменьшении богатства своих соседей.[357] В семнадцатом или даже в конце шестнадцатого века действительно были один или два выдающихся мыслителя, которые разоблачили некоторые ошибки, на которых основывалось это мнение.[358] Но их аргументы не нашли поддержки у тех политиков, которые тогда управляли европейскими делами. Сомнительно, были ли они известны; и несомненно, что, если бы они были известны, их презирали государственные деятели и законодатели, которые из-за постоянства своих практических занятий не могут обладать достаточным досугом, чтобы осваивать каждое новое открытие, которое делается последовательно; и которые, как следствие, как группа, всегда отстают от своего века. Результатом было то, что они продолжали идти по старому пути, полагая, что никакая торговля не могла бы процветать без их вмешательства, нарушая эту торговлю повторяющимися и изматывающими правилами, и считая само собой разумеющимся, что долг каждого правительства - приносить пользу торговле своего народа, нанося ущерб торговле других.[359]

Но в восемнадцатом веке длительный ход событий, который я прослежу ниже, подготовил почву для духа совершенствования и стремления к реформам, примеров которых мир тогда не видел. Это великое движение проявило свою энергию во всех областях знания; и именно сейчас была впервые предпринята успешная попытка возвести Политическую экономию в ранг науки путем открытия законов, регулирующих создание и распространение богатства. В 1776 году Адам Смит опубликовал свою работу "*Богатство наций*"; которая, судя по ее конечным результатам, является, вероятно, самой важной книгой, когда-либо написанной, и, безусловно, самым ценным вкладом, когда-либо сделанным одним человеком в установление принципов, на которых должно основываться правительство. В этом великом труде старая теория протекционизма применительно к торговле была разрушена почти во всех ее частях;[360] доктрина торгового баланса подверглась не только нападкам, но и была продемонстрирована ее ложность; и бесчисленные нелепости, которые накапливались веками, были внезапно сметены.[361]

Если бы "*Богатство народов*" появилось в любом предыдущем столетии, оно разделило бы судьбу великих работ Стаффорда и Серры; и хотя принципы, которые оно отстаивало, несомненно, привлекли бы внимание спекулятивных мыслителей, они, по всей вероятности, не оказали бы никакого влияния на практических политиков или, во всяком случае, оказали бы

лишь косвенное и ненадежное влияние. Но распространение знаний теперь стало настолько повсеместным, что даже наши обычные законодатели были в какой-то степени подготовлены к этим великим истинам, которые в прежние времена они презрели бы как досужие новшества. Результатом было то, что доктрины Адама Смита вскоре нашли свой путь в Палату общин;^[362] и, будучи приняты несколькими ведущими членами, были с удивлением выслушаны этим великим собранием, мнения которого в основном определялись мудростью их предков, и которые не хотели верить, что современные люди могут открыть что-либо, чего еще не было известно остальным. древние. Но напрасно такие люди, как эти, всегда настраивают себя на сопротивление давлению прогрессирующего знания. Ни одна великая истина, однажды найденная, никогда впоследствии не была утрачена; и еще не было сделано ни одного важного открытия, которое в конечном итоге не раскрыло бы все, что было до нее. Тем не менее, принципы свободной торговли, продемонстрированные Адамом Смитом, и все вытекающие из них последствия были безуспешно отвергнуты подавляющим большинством обеих палат парламента. Год за годом великая истина прокладывала свой путь, всегда продвигаясь вперед, никогда не отступая.^[363] Большинство сначала покинули несколько способных людей, затем обычные люди, затем оно стало меньшинством, затем даже меньшинство начало сокращаться; и в наши дни, спустя восемьдесят лет после публикации *"Богатства народов"* Смита, нельзя найти ни одного человека с приемлемым образованием, который не стыдился бы придерживаться мнений, которые до времен Адама Смита были общеприняты. .

Таков способ, с помощью которого великие мыслители управляют делами людей и своими открытиями регулируют развитие наций. И поистине, истории одного этого триумфа должно быть достаточно, чтобы подавить самонадеянность государственных деятелей и законодателей, которые настолько преувеличивают важность своего ремесла, что приписывают великие результаты своим собственным изменчивым и временным ухищрениям. Ибо, откуда они почерпнули это знание, заслугу которого они всегда готовы присвоить? Как они получили свое мнение? Как они пришли к своим принципам? Это составляющие их успеха; и этому они могут научиться только у своих мастеров — у тех великих учителей, которые, движимые вдохновением гения, оплодотворяют мир своими открытиями. Вполне можно сказать об Адаме Смите, и сказать также, не опасаясь противоречия, что этот одинокий шотландец опубликованием одного-единственного труда внес больший вклад в счастье человека, чем это было достигнуто объединенными способностями всех государственных деятелей и законодателей, о которых история сохранила достоверные сведения.

Результаты этих великих открытий я здесь не собираюсь рассматривать, за исключением того, что они помогли уменьшить энергию воинственного духа. И способ, которым они добились этого, может быть легко описан. До тех пор, пока общепринято считалось, что богатство страны состоит из ее золота, конечно, также считалось, что единственной целью торговли является увеличение притока драгоценных металлов; поэтому стало естественным ожидать, что правительство примет меры, с помощью которых можно было бы обеспечить такой приток. Этого, однако, можно было добиться, только лишив другие страны их золота; результату, которому они, по точно таким же причинам, яростно сопротивлялись. Следствием было то, что любая идея реальной взаимности была невозможна: каждый торговый договор был попыткой одной нации перехитрить другую;^[364] каждый новый тариф был объявлением враждебности; и то, что должно было быть самым мирным из всех занятий, становилось одной из причин национальной зависти и вражды, которые в основном способствуют войне.^[365] Но когда однажды было ясно понято, что золото и серебро не являются богатством, а являются всего

лишь представителями богатства; когда люди начали видеть, что само богатство состоит исключительно из ценности, которую мастерство и труд могут придать сырью материалу, и что деньги не могут быть использованы нацией, кроме как для измерения и обращения своих богатств; когда были признаны эти великие истины, [366] все старые представления о торговом балансе и высшей важности драгоценных металлов разом рухнули на землю. Когда эти огромные ошибки были рассеяны, была легко разработана истинная теория бартера. Было признано, что если торговле будет позволено быть свободной, ее преимущества будут разделены каждой страной, которая ею занимается; что в отсутствие монополии выгоды от торговли по необходимости взаимны; и что они не зависят от количества получаемого золота, а просто проистекают из легкости, с которой нация избавляется от тех товаров, которые она может производить наиболее дешево, и получает взамен те товары, которые она могла бы производить только с большими затратами, но которые другая нация может, благодаря мастерству своих рабочих или щедрости природы, позволить себе поставлять по более низкой цене. оценить. Из этого следовало, что с меркантильной точки зрения было бы столь же абсурдно пытаться разорить народ, с которым мы торгуем, как было бы абсурдно со стороны торговца желать неплатежеспособности богатого и постоянного клиента. В результате коммерческий дух, который раньше часто был воинственным, теперь неизменно миролюбив. [367] И хотя совершенно верно, что ни один торговец из сотни не знаком с аргументами, на которых основаны эти экономические открытия, это не мешает воздействию, которое сами открытия производят на его собственный разум. Класс коммерсантов, как и любой другой, руководствуется причинами, которые способны осознать лишь немногие представители этого класса. Так, например, из всех бесчисленных противников защиты действительно очень немногие могут привести веские причины для оправдания своего несогласия. Но это не мешает проведению несогласия. Ибо огромное большинство людей всегда с безоговорочной покорностью следует духу своего времени; а дух времени - это всего лишь его знание и направление, которое принимает это знание. Подобно тому, как в обычных занятиях повседневной жизни каждый получает пользу в повышении своего комфорта и своей общей безопасности от прогресса многих искусств и наук, названия которых он, возможно, даже не знает, точно так же класс торговцев получает пользу от тех великих экономических открытий, которые в течение двух поколений уже произвели полное изменение в торговом законодательстве этой страны и которые теперь медленно, но неуклонно действуют на те другие европейские государства, где, поскольку общественное мнение менее влиятельно, труднее установить великие истины и искоренить старые. злоупотребления. Следовательно, хотя совершенно верно, что среди купцов сравнительно небольшое число знакомо с политической экономией, не менее верно и то, что они обязаны значительной частью своего богатства политическим экономистам; которые, устранив препятствия, с которыми невежество сменявших друг друга правительств препятствовало торговле, теперь установили на прочном фундаменте коммерческое процветание, которое отнюдь не является наименьшей из наших национальных заслуг. Несомненно также, что то же самое интеллектуальное движение уменьшило вероятность войны, установив принципы, которые должны регулировать наши торговые отношения с зарубежными странами; доказав не только бесполезность, но и несомненный вред, причиняемый вмешательством в них; и, наконец, разоблачив те давно укоренившиеся заблуждения, которые, заставляя людей верить, что нации являются естественными врагами друг друга, поощряли те злые чувства и разжигали ту национальную зависть, силе которой военный дух был обязан немалой долей своего прежнего влияния.

Третья великая причина, ослабившая любовь к войне, заключается в том, что открытия, касающиеся применения пара для целей передвижения, облегчили общение между различными странами и, таким образом, помогли уничтожить то невежественное презрение, которое одна нация слишком склонна испытывать к другой. Так, например, жалкая инаглая ложь, которую значительная часть английских писателей ранее направляла против морали и частной жизни французов и, к их стыду, даже против целомудрия французских женщин, имела немалую тенденцию разжигать враждебные чувства, существовавшие тогда между двумя первыми странами Европы; раздражая англичан против французских пороков, раздражая французов против английской клеветы. Точно так же было время, когда каждый честный англичанин твердо верил, что может победить десять французов; класс существ, к которым он относился с полновластным презрением, как к тощей и низкорослой расе, которые пили кларет вместо бренди, которые питались исключительно лягушками; жалкие неверующие, которые каждое воскресенье посещали мессу, которые преклонялись перед идолами и которые даже боготворили Папу Римского. С другой стороны, французов научили презирать нас, как грубых неграмотных варваров, лишенных ни вкуса, ни человечности; угрюмых, невоспитанных людей, живущих в неблагоприятном климате, где постоянный туман, сменяемый только дождем, не позволяет увидеть солнце; страдающих от такой глубокой и застарелой меланхолии, что врачи называли это английской хандрой; и под влиянием этой жестокой болезни постоянно совершающих самоубийства, особенно в ноябре, когда, как было хорошо известно, мы вешались и застреливались тысячами.[368]

Всякий, кто внимательно изучал старую литературу Франции и Англии, знает, что именно таких мнений придерживались друг о друге два первых народа Европы в невежестве и простоте своих сердец. Но прогресс в совершенствовании, приведший две страны к тесному контакту, рассеял эти глупые предрассудки и научил каждый народ восхищаться и, что еще важнее, уважать друг друга. И чем больше контактов, тем больше уважения. Ибо, что бы ни утверждали теологи, несомненно, что у человечества в целом гораздо больше добродетелей, чем пороков, и что в каждой стране хорошие поступки встречаются чаще, чем плохие. Действительно, если бы это было иначе, преобладание зла давным-давно уничтожило бы человеческую расу и даже не оставило бы ни одного человека, который оплакивал бы вырождение своего вида. Дополнительным доказательством этого является тот факт, что чем больше народов общается друг с другом и чем больше они видят и узнают о своих братьях, тем быстрее исчезает древняя вражда. Это происходит потому, что накопленный опыт доказывает, что человечество не так уж радикально плохо, как нас с младенчества учат верить. Но если бы пороки действительно встречались чаще, чем добродетели, результатом было бы то, что растущее сплочение общества усилило бы наше дурное мнение о других; потому что, хотя мы можем любить свои собственные пороки, мы обычно не любим пороки наших ближних. Однако это настолько далеко от действительного следствия, что всегда обнаруживалось, что те, чьи обширные знания позволяют им лучше всего ознакомиться с общим ходом человеческих действий, являются именно теми, кто придерживается наиболее благоприятного мнения о них. Величайший наблюдатель и самый глубокий мыслитель неизменно является самым снисходительным судьей. Именно одинокий мизантроп, размышляющий о своих воображаемых грехах, наиболее склонен принижать хорошие качества нашей натуры и преувеличивать ее плохие. Или же это какой-нибудь глупый и невежественный монах, который, мечтая о своем существовании в праздном уединении, льстит своему тщеславию, осуждая пороки других; и таким образом, выступая против жизненных радостей, мстит тому обществу, из

которого он исключен своим собственным суеверием. Это тот сорт людей, которые сильнее всего настаивают на испорченности нашей природы и на вырождении, в которое мы впали. Огромное зло, к которому привели такие мнения, хорошо понимают те, кто изучал историю стран, в которых они наиболее распространены. Следовательно, среди бесчисленных преимуществ, получаемых от развития знаний, есть несколько более важных, чем улучшенные средства коммуникации,^[369] которые, увеличивая частоту контактов между нациями и отдельными людьми, в чрезвычайной степени исправили их предрассудки, укрепили мнение, которое они формируют друг о друге, уменьшили их взаимную враждебность и, таким образом, распространили более глубокое понимание. благоприятный взгляд на нашу общую природу побудил нас развивать те безграничные ресурсы человеческого разума, само существование которых когда-то считалось почти ересью.

Именно это и произошло в современной Европе. Французский и английский народы только благодаря возросшим контактам научились думать друг о друге с большей благосклонностью и отбросили то глупое презрение, которому раньше предавались обе нации. В этом, как и во всех случаях, чем лучше одна цивилизованная страна знакома с другой, тем больше она найдет поводов для уважения и подражания. Ибо из всех причин национальной ненависти невежество является самой могущественной. Когда вы усиливаете контакт, вы устраняете невежество и, таким образом, уменьшаете ненависть.^[370] Это истинные узы милосердия; и они стоят всех уроков, которые способны преподать моралисты и богословы. Они следовали своему призванию на протяжении веков, не добиваясь ни малейшего эффекта в уменьшении частоты войн. Но можно без малейшего преувеличения сказать, что каждая проложенная новая железная дорога и каждый новый пароход, пересекающий Ла-Манш, являются дополнительными гарантиями сохранения того длительного и нерушимого мира, который в течение сорока лет связывал судьбы и интересы двух самых цивилизованных наций земли.

Таким образом, насколько позволяют мои знания, я попытался указать на причины, уменьшившие религиозные преследования и войны: два величайших зла, которыми люди до сих пор умудрялись поражать своих братьев. Вопрос об уменьшении религиозных преследований я затронул лишь вкратце, поскольку он будет более полно рассмотрен в следующей части этого тома. Однако было выдвинуто достаточно, чтобы доказать, насколько по существу это интеллектуальный процесс и как мало хорошего может быть достигнуто в этом вопросе действием моральных чувств. Причины упадка воинственного духа я исследовал достаточно подробно и, возможно, для некоторых читателей, утомительно, и результатом этого исследования стало то, что упадок обусловлен ростом интеллектуальных классов, которым военные классы неизбежно враждебны. Продвинув исследование немного глубже, мы путем дальнейшего анализа установили существование трех обширных, хотя и второстепенных причин, благодаря которым общее движение было ускорено. Это изобретение Пороха, открытия в области политической экономии и открытие усовершенствованных средств передвижения. Таковы три великих способа, или канала, с помощью которых прогресс знания ослабил старый воинственный дух; и способ, которым они добились этого, я надеюсь, был ясно указан. Факты и аргументы, которые я привел, были, я могу со всей ответственностью заявить, подвергнуты тщательному и неоднократному изучению; и я совершенно не вижу, на каком возможном основании их точность может быть подвергнута сомнению. Я хорошо понимаю, что они будут неприятны определенным классам; но неприятность утверждения вряд ли следует считать доказательством его ложности. Полностью указаны источники, из которых были получены доказательства; и аргументы, я надеюсь, изложены справедливо. И из них следует

важнейший вывод. Из них мы вынуждены заключить, что два старейших, величайших, самых закоренелых и наиболее широко распространенных зла, которые когда-либо были известны, постоянно, хотя в целом и медленно, уменьшаются; и что их уменьшение было вызвано вовсе не нравственными чувствами или нравственными учениями, а исключительно деятельностью человеческого интеллекта и изобретениями и открытиями, которые человек был способен совершить на протяжении долгих последовательных эпох.

Таким образом, поскольку в двух наиболее важных явлениях, которые представляет собой общественный прогресс, моральные законы были устойчиво и неизменно подчинены интеллектуальным законам, возникает сильное предположение, что в низших материях происходил тот же процесс. Доказать это во всей полноте и таким образом довести предположение до абсолютной достоверности означало бы написать не Введение в историю, а саму Историю. Поэтому читатель должен пока удовлетвориться тем, что, я сознаю, является лишь подходом к демонстрации; и полную демонстрацию необходимо приберечь для будущих томов этого труда, в котором я обязуюсь показать, что прогресс, достигнутый Европой от варварства к цивилизации, полностью обусловлен ее интеллектуальной деятельностью; что ведущие страны сейчас, в течение нескольких столетий, продвинулись достаточно далеко, чтобы избавиться от влияния тех физических факторов, которые в более раннем состоянии могли бы помешать их карьере; и что, хотя моральные факторы все еще могущественны и все еще вызывают случайные беспорядки, это всего лишь отклонения, которые могут повлиять на их карьеру. которые, если сравнивать длительные периоды времени, уравнивают друг друга и, таким образом, в общей сумме полностью исчезают. Таким образом, в широком и всеобъемлющем смысле изменения в каждом цивилизованном народе в своей совокупности зависят исключительно от трех вещей: во-первых, от объема знаний, которыми обладают их наиболее способные люди; во-вторых, от направления, которое принимает это знание, то есть от типа предметов, к которым оно относится; в-третьих, и это прежде всего, от степени распространения знаний и свободы, с которой они проникают во все классы общества.

Это три главных движущих силы каждой цивилизованной страны; и хотя их работе часто мешают пороки или добродетели влиятельных личностей, такие моральные чувства дополняют друг друга, и среднее значение длительных периодов остается неизменным. По причинам, о которых мы не знаем, моральные качества, без сомнения, постоянно меняются; так что у одного человека или, возможно, даже у одного поколения будет избыток добрых намерений; у другого - избыток плохих. Но у нас нет оснований думать, что произошли какие-либо постоянные изменения в той пропорции, в какой те, кто от природы обладает благими намерениями, относятся к тем, кому, по-видимому, присущи плохие. В том, что можно назвать врожденной и изначальной моралью человечества, насколько нам известно, нет никакого прогресса. Из различных страстей, с которыми мы рождаемся, одни более преобладают в одно время, другие - в другое; но опыт учит нас, что, поскольку они всегда антагонистичны, они удерживаются в равновесии силой своего собственного противодействия. Действие одного мотива корректируется действием другого. Ибо каждому пороку соответствует добродетель. Жестокости противодействует доброжелательность; сочувствие возбуждается страданием; несправедливость одних вызывает милосердие других; от новых зол появляются новые средства, и даже самые чудовищные преступления, которые когда-либо были известны, не оставляют после себя постоянного впечатления. Опустошение стран и резня людей - это потери, которые никогда нельзя возместить, и на расстоянии нескольких столетий каждый след от них стирается. Гигантские преступления Александра или Наполеона со временем теряют

силу, и дела в мире возвращаются к своему прежнему уровню. Это приливы и отливы истории, вечный поток, которому по законам нашей природы мы подвержены. Над всем этим существует гораздо более высокое движение; и по мере того, как волна накатывает, то надвигаясь, то отступая, среди ее бесконечных колебаний есть одна вещь, и только одна, которая длится вечно. Действия плохих людей порождают лишь временное зло, действия хороших людей - лишь временное благо; и в конце концов добро и зло полностью утихают, нейтрализуются последующими поколениями, поглощаются непрерывным движением будущих эпох. Но открытия великих людей никогда не покидают нас; они бессмертны, они содержат те вечные истины, которые переживают потрясения империй, переживают борьбу соперничающих вероучений и становятся свидетелями упадка сменяющих друг друга религий. У всего этого разные меры и разные стандарты; один набор мнений для одной эпохи, другой набор для другой. Они проходят, как мечта; они подобны ткани видения, от которой не остается ни следа. Остаются только гениальные открытия: именно им мы обязаны всем, что у нас сейчас есть, они предназначены для всех возрастов и на все времена; никогда не бывают молодыми и никогда не бывают старыми, они несут семена своей собственной жизни; они текут постоянным и неумирающим потоком; они, по сути, накапливаются и, давая начало дополнениям, которые они впоследствии получают, таким образом, они влияют на самое отдаленное потомство и по прошествии веков производят больший эффект, чем они были способны произвести даже в момент их обнародования.

Сноски:

[303] Таким образом, мы обнаруживаем, что крестовые походы, уменьшив соотношение мужчин и женщин в Европе, усилили распущенность. Смотрите любопытный отрывок в *Шпренгеле, История медицины*, том ii. стр. 376. На Юкатане, как правило, женщин значительно больше, и это наносит ущерб морали. *Центральная Америка Стивенса*, том iii. стр. 380, 429. С другой стороны, уважая состояние общества, вызванное избытком мужчин, см. "*Северные древности Маллета*", стр. 259; *Журнал географического общества*, т. xv. стр. 45, т. xvi. стр. 307; "*Банальная книга Сауты*", третья серия, стр. 579.

[304] По этому вопросу у старых авторов можно увидеть множество противоречивых утверждений. Гудмен в начале семнадцатого века предположил, что женщин рождается больше, чем мужчин. "*Банальная книга Сауты*", третья серия, стр. 696. Turgot (*Œuvres*, vol. ii. p. 247) rightly says, 'il naît un peu plus d'hommes que de femmes;' but the evidence was too incomplete to make this more than a lucky guess; and I find that even Herder, writing in 1785, takes for granted that the proportion was about equal: 'ein ziemliches Gleichmass in den Geburten beider Geschlechter' (*Ideen zur Geschichte*, vol. ii. p. 149), and was sometimes in favour of girls, 'ja, die Nachrichten mehrerer Reisenden machen es wahrscheinlich, dass in manchen dieser Gegenden wirklich mehr Töchter als Söhne geboren werden.'

[305] Действительно, был поднят вопрос о влиянии, оказываемом состоянием ума в период оргазма. Но каким бы ни было это влияние, оно может повлиять на последующее рождение только через физические предпосылки, которые в каждом случае следует рассматривать как непосредственную причину. Следовательно, если бы было доказано существование этого влияния, нам все равно пришлось бы искать физические законы, хотя такие законы, конечно,

рассматривались бы просто как вторичные, сводимые к некоторому более высокому обобщению.

[306] Некоторые авторы рассматривают физиологию как изучение законов жизни. Но это, рассматривая предмет в его нынешнем виде, является слишком смелым шагом, и несколько отраслей знания должны быть подняты из их нынешнего эмпирического состояния, прежде чем явления жизни смогут быть научно исследованы. Более рациональным представляется рассмотрение физиологии и анатомии как взаимосвязанных; первая образует динамическую, а вторая - статическую часть изучения органической структуры.

[307] "Ты разбираешься в том, как распределить сексуальность среди девушек?" Fernel vous répond, sur la foi des anciens, qu'il dépend des qualités de la semence du père et de la mère.' Ренуар, *История медицины*, Париж, 1846, т. ii. стр. 106; см. также на стр. 185 мнение Гиппократов, принятое Галеном; и аналогичные взгляды в *Лепеллетье*, *Physiologie Medicale*, т. iv. стр. 332, и *Шпренгеле*, *Hist. de la Médecine*, том i., стр. 252, 10, том ii., стр. 115, том iv., стр. 62. Для получения дополнительной информации о мнениях, которые высказывались относительно происхождения полов, см. *Beausobre*, *История манихейства*, том ii., стр. 417; *Азиатские исследования*, том iii., стр. 358, 361; *Вишну Пурана*, стр. 349; *Работы сэра Уильяма Джонса*, том iii., стр. 126; *История древней философии Риттера*, том iii. стр. 191; *Африка Денхэма и Клаппертона*, стр. 323, 324; *Ментенон, иностранные письма*, том ii. стр. 62; и взгляд Холя (*Физиология Бурдаха*, том ii. стр. 472), "к вопросу о женщинах, которые руководят системой искусства потомства гарсонов, вместо того, чтобы отвечать клетки не являются системой жизнеобеспечения в качестве господствующего фактора в мире женщин." По данным Анаксагора на вопрос был предельно прост: ἄρρενα μὲν καὶ ἀπὸ τῶν δεξιῶν θήλεα δὲ ἀπὸ τῶν ἀριστερῶν. *Диог. Лаэрт.* ii. 9, т. i. стр. 85.

[308] 'Le metaphysicien se voit comme la source de l'évidence et le confident de la nature: Moi seul, dit-il, je puis généraliser les idées, et découvrir le germe des événements qui se développent journellement dans le monde physique et moral; et c'est par moi seul que l'homme peut être éclairé.' *Helvetius*, de *l'Esprit*, vol. i. p. 86. Compare *Herder*, *Ideen zur Geschichte der Menschheit*, vol. ii. p. 105. Таким же образом, М. Кузен (*Hist. de la Philosophie*, II. série, vol. i. p. 131) says, 'Le fait de la conscience transporté de l'individu dans l'espèce et dans l'histoire, est la clef de tous les développements de l'humanité.'

[309] Учитывая очень длительный период, в течение которого изучалась физиология, удивительно, как мало физиологи внесли вклада в достижение великой и конечной цели всей науки, а именно способности предсказывать события. Мне представляется, что двумя основными причинами этого являются отсталость химии и все еще крайне несовершенное состояние микроскопа, который даже сейчас является настолько неточным инструментом, что при использовании высокой мощности ему нельзя доверять; а исследование, например, сперматозоидов привело к самым противоречивым результатам. Что касается химии, то М. Робин и Вердейл в своей недавней большой работе умело доказали, какие разнообразные связи существуют между ней и дальнейшим прогрессом наших знаний о строении животных; хотя я осмеливаюсь думать, что эти выдающиеся авторы иногда проявляли чрезмерную склонность ограничивать применение химических законов физиологическими явлениями. See *Robin et Verdeil*, *Chimie Anatomique et Physiologique*, Paris, 1853, vol. i. pp. 20, 34, 167, 337, 338, 437, 661, vol. ii. pp. 136, 137, 508, vol. iii. pp. 135, 144, 183, 281, 283, 351, 547. Растущая тенденция

химии брать под свой контроль то, что часто считается чисто органическими явлениями, осторожно отмечена в *Turner's Chemistry*, том ii. стр. 1308, Лондон, 1847; и смело в *Liebig's Letters on Chemistry*, 1851, стр. 250, 251. Связь между химией и физиологией затрагивается довольно поспешно в *Bouilland, Philosophie Medicale*, стр. 160, 257; *Broussais, Examen des Doctrines Medicales*, т. iii. стр. 166; *Brodie's Lectures on Pathology*, стр. 48; *Henle, Traité d'Anatomie*, т. i. стр. 25, 26; *Feuchtersleben's Medical Psychology*, стр. 88; но лучше в *Holland's Медицинские записки*, 1839, стр. 270, вдумчивая и наводящая на размышления работа. О необходимости химии для расширения наших знаний об эмбриологии, сравните *Физиологию Вагнера*, стр. 131, примечание 132, с *Burdach, Traité de Physiologie*, том iv. стр. 59, 168.

[310] Раньше предполагалось, что некоторые восточные страны составляли исключение из этого правила; но более точные наблюдения противоречат расплывчатым заявлениям более ранних путешественников, и ни в одной части мира, насколько нам известно, девочек рождается больше, чем мальчиков; в то время как в каждой части мира, по которой у нас есть статистические данные, наблюдается небольшое превышение числа рождений мужского пола. Сравните *"Историю Суматры" Марсдена*, стр. 234; *"Историю Явы" Раффлса*, т. i., стр. 81, 82; *Сайкса о статистике Декана*, в *Отчетах Британской ассоциации*, т. vi., стр. 246, 261, 262; *Нибура, "Описание Арабии"*, стр. 63; *Гумбольдта, Nouv. Испания*, том i, стр. 139; *Макуильям, История медицины экспедиции в Нигер*, стр. 113; *Физиология человека Эллиотсона*, стр. 795; *История Королевского общества Томсона*, стр. 531; *Закон народонаселения Сэдлера*, том i, стр. 507, 511, том ii, стр. 324, 335; *Медицинская юриспруденция Парижа и Фонбланка*, том i. р. 259; *Государственный журнал. Соч. том iii. Стр. 263, 264, вып. xvii. стр. 46, 123; Журнал географического общества. том xx. стр. 17; Четвертый отчет Британской ассоциации*, стр. 687, 689, *Отчет за 1842 г.*, стр. 144, 145; *Сборник разделов за 1840 г.*, стр. 174, *за 1847 г.*, стр. 96, *за 1849 г.*, стр. 87; *Дюфау, Статистические данные*, стр. 24, 209, 210; *Бурдах, Особенности физиологии*, том ii. стр. 56, 57, 273, 274, 281, т. v., стр. 373; *Медицинская статистика Хокинса*, стр. 221, 222.

[311] В *"Физиологии" Мюллера*, т. ii. стр. 1657, работе большого авторитета, говорится, что 'причины, определяющие пол эмбриона, неизвестны, хотя, по-видимому, относительный возраст родителей оказывает некоторое влияние на пол потомства'. То, что относительный возраст родителей действительно влияет на пол их детей, можно считать, исходя из огромного количества собранных в настоящее время доказательств, почти несомненным; но М. Мюллеру, вместо того чтобы ссылаться на авторов, пишущих о физиологии, следовало бы упомянуть, что статистики, а не физиологи, были первыми, кто сделал это открытие. По этому любопытному вопросу см. *"Физиология человека" Карпентера*, стр. 746; *Закон народонаселения Садлера*, том ii. стр. 333, 336, 342; *Журнал статистического общества*, том iii. стр. 263, 264. Что касается животных ниже человека, то из многочисленных экспериментов мы находим, что у овец и лошадей возраст родителей 'оказывает очень большое общее влияние на пол' потомства. *Физиология Эллиотсона*, стр. 708, 709; и см. *Кювье, Прогресс естественных наук*, том ii. стр. 406. Что касается связи между происхождением пола и законами замедленного развития, сравните *Жоффруа Сент-Илера, Hist. "Аномалии организации"*, том ii. стр. 33, 34, 73, том iii. стр. 278, с *"Ботаникой" Линдли*, том ii. стр. 81. В книге *Эскироля, "Душевные болезни"*, том i, стр. 302, Ламоттом зарегистрирован единичный случай, который, по-видимому, связывает этот вопрос с патологическими явлениями, хотя неясно, была ли эпилепсия следствием или родственным симптомом.

[312] То, что естественные способности человеческого мозга улучшаются, потому что они способны к передаче, является любимой доктриной последователей Галла и принята М. А. Контом (*Позитивная философия*, том iv. стр. 384, 385); кто бы ни признавал, что это никогда не было достаточно проверено: 'sans que toutefois l'expérience ait encore suffisamment prononcé.' Доктор Причард, чьи привычки мышления были совсем иными, кажется, тем не менее, склонен склоняться в этом направлении; поскольку проведенное им сравнение черепов привело его к выводу, что нынешние жители Британии, "либо как *результат многих веков более высокого интеллектуального развития*, либо по какой-то другой причине, имеют, как я убежден, гораздо более вместительный мозг, чем их предки". *"Физическая история человечества"* Причарда, том i, стр. 305. Даже если бы в этом можно было быть уверенным, это не доказывало бы, что содержимое черепа было изменено, хотя это могло бы создать предположение; и общий вопрос, я думаю, должен оставаться нерешенным до тех пор, пока исследования, начатые Блюменбахом и недавно продолженные Мортоном, не будут проведены в масштабе, гораздо более всеобъемлющем, чем предпринимались до сих пор. Сравните *Burdach, Traité de Physiologie*, том ii. стр. 253; где, однако, вопрос сформулирован недостаточно осторожно.

[313] Ни один из законов наследственного происхождения, связанных с формированием характера, еще не был обобщен; и наши знания не намного продвинулись вперед в отношении теории темпераментов, которая все еще остается главным препятствием на пути френологов. Трудности, связанные с изучением темпераментов, и неясность, которой окутан этот важный предмет, могут быть оценены тем, кто сравнит то, что было сказано по этому поводу следующими авторами: *"Физиология Мюллера"*, том ii, стр. 1406-1410; *"Физиология человека"* Эллиотсона, стр. 1059-1062; *"Бленвилль"*, *"Физиология мужчин и сравнение"*, том i, стр. 168, 264, 265, том ii. стр. 43, 130, 214, 328, 329, том iii. стр. 54, 74, 118, 148, 149, 284, 285; *"Принципы медицины Уильямса"*, стр. 16, 17, 112, 113; *Жоффруа Сент-Илер, Аномалии организации*, т. i. стр. 186, 190; *Бруссе, Экзамен по медицинским доктринам*, т. i. стр. 204, 205, т. iii. стр. 276; *Ренуар, История. de la Médecine*, vol. i. p. 326; *Sprengel, Hist. de la Médecine*, том i. с. 380, том ii. с. 408, том iii. с. 21, том v. с. 325, том vi. с. 492; *Эскироль, Душевные болезни*, том i. с. 39, 226, 429, 594, том ii. с. 29; *Лепеллетье, Физиология. Медицина*, том i. стр. 139, 281, том iii. стр. 372-429, том iv. стр. 93, 123, 133, 143, 148, 177; *Генле, Анатомия женерала*, т. i. стр. 474, т. ii. стр. 288, 289, 316; *Биша, Анатомия женерала*, т. i. стр. 207, т. ii. стр. 444, т. iii. стр. 310, 507, т. iv. стр. 281, 399, 400, 504; *Биша сюр ля Ви*, стр. 80, 81, 234, 235; *Филлипс о золотухе*, стр. 9; *Медицинская психология Фейхтерслебена*, стр. 143-145; *Книги Фонтенеля*, Париж, 1766, т. v., стр. 110; *Работы Каллена*, изд. 1827, т. i., стр. 214-221; *Кабанис, Взаимоотношения тела и морали*, стр. 76-83, 229-261, 520-533; *Нобл о мозге*, стр. 370-376; *Северная Америка Комба*, том i. стр. 126-128. В последнее время было обращено внимание на химический состав крови, поскольку он различается у разных темпераментов; и этот метод кажется более удовлетворительным, чем старый план простого описания очевидных симптомов темперамента. *Кларк о физиологии животных*, в *Четвертом отчете Британской ассоциации*, стр. 126; *Химия животных Саймона*, том i, стр. 236; *Физиология Вагнера*, стр. 262.

[314] Мы часто слышим о наследственных талантах, наследственных пороках и наследственных добродетелях; но тот, кто критически изучит свидетельства, обнаружит, что у нас нет доказательств их существования. Способ, которым они обычно доказываются, в высшей степени нелогичен; писатели обычно собирают примеры какой-либо психической особенности, обнаруженной у родителя и у его ребенка, а затем делают вывод, что эта особенность была

передана по наследству. С помощью такого способа рассуждения мы могли бы продемонстрировать любое утверждение, поскольку во всех обширных областях исследования имеется достаточное количество эмпирических совпадений, чтобы привести правдоподобные доводы в пользу любой точки зрения, которую человек предпочитает отстаивать. Но это не тот путь, которым открывается истина; и мы должны исследовать не только то, сколько существует примеров наследственных талантов и т. Д., Но и то, сколько существует примеров того, что такие качества не являются наследственными. Пока не будет предпринято что-либо в этом роде, мы ничего не сможем узнать об этом индуктивно; в то время как до тех пор, пока физиология и химия не станут намного более продвинутыми, мы ничего не сможем узнать об этом дедуктивно.

Эти соображения должны были бы помешать нам получить утверждения ("*Медицинская юриспруденция*" Тейлора, стр. 644, 678 и многие другие книги), которые положительно подтверждают существование наследственного безумия и наследственного самоубийства; и то же замечание применимо к наследственным заболеваниям (о которых см. Несколько замечательных наблюдений в *книге Филлипса о золотухе*, стр. 101-120, Лондон, 1846); и с еще большей силой это применимо к наследственным порокам и наследственным добродетелям; поскольку этические явления не были зарегистрированы так тщательно, как физиологические, и поэтому наши выводы относительно них неверны. еще более ненадежный.

[315] К тому, что уже было сказано, я добавлю мнения двух самых глубоких современных мыслителей. 'Я думаю, что мужчины во все времена были примерно одинаковы в отношении природных дарований'. *Поведение понимания*, в *работах* Локка, том ii. стр. 361. 'Les dispositions primitives agissent également chez les peuples barbares et chez les peuples policés; ils sont vraisemblablement les mêmes dans tous les lieux et dans tous les tems.... Plus il y aura d'hommes, et plus vous aurez de grands hommes ou d'hommes propres à devenir grands.' *Progrès de l'Esprit Humain*, in *Œuvres de Turgot*, vol. ii. p. 264. Замечания доктора Брауна (*Лекции о разуме*, стр. 57), если я правильно понимаю его риторический язык, относятся не к природным способностям, а к тем, которые приобретаются: смотрите конец его девятой лекции.

[316] То, что система морали, предлагаемая в Новом Завете, не содержит максимы, которая не была бы сформулирована ранее, и что некоторые из самых красивых отрывков в апостольских писаниях являются цитатами языческих авторов, хорошо известно каждому ученому; и это не только не является, как некоторые предполагают, возражением против христианства, но и является настоящей рекомендацией, поскольку указывает на тесную связь между христианством и христианством. между учениями Христа и моральными симпатиями человечества в разные эпохи. Но утверждение о том, что христианство сообщило человеку моральные истины, ранее неизвестные, свидетельствует со стороны утверждающего либо о грубом невежестве, либо о преднамеренном мошенничестве. Для доказательства знания моральных истин, которыми обладали варварские народы независимо от христианства и по большей части до его распространения, сравните "*Религиозное развитие*" Маккея, т. ii. стр. 376-380; "*Историю греческой литературы*" Мура, т. ii. стр. 398, т. iii. стр. 380; "*Историю Мексики*" Прескотта, т. i. стр. 31; "*Историю Индии*" Эльфинстоуна, стр. 47; *Работы сэра У. Джонс*, том i, стр. 87, 168, том iii, стр. 105, 114; *История Индии* Милля, том i, стр. 419; *Болен*, *История Индии*, том i, стр. 364-366; *Бособр*, *История манихейства*, том i, стр. 318, 319; "*Мифология индусов*" Коулмана, стр. 193; *Перевод Соч. из Бомбея*, том iii, стр. 198; *Журнал Азиатского общества*, том i, стр. 5, том iii, стр. 283, 284; *Азиатские исследования*, том vi, стр. 271, том vii, стр. 40, том xvi, стр. 130, 277, том xx, стр. 460, 461; *Дабистан*, том i, стр. 328, 338;

Североамериканские индейцы Кэтлины, том ii. с. 243; *Посольство Сайма в Авуу*, т. ii. с. 389; *Китайский язык Дэвиса*, т. i. с. 196, т. ii. с. 136, 233; *Азиатский журнал*, I. сери, т. iv. с. 77, Париж, 1824.

[317] Сэр Джеймс Макинтош был настолько поражен неизменным характером моральных принципов, что отрицал возможность их продвижения вперед и смело утверждал, что в области морали нельзя делать дальнейших открытий: 'Мораль не допускает открытий... Со времени составления Пятикнижия прошло более трех тысяч лет; и пусть любой человек, если он в состоянии, скажет мне, в каком важном отношении правила жизни изменились с того далекого периода. Давайте рассмотрим Институты Меню с той же точки зрения; мы придем к тому же выводу. Пусть будут открыты книги ложной религии; вы обнаружите, что их моральная система во всех ее великих чертах одна и та же.... Очевиден тот факт, что никаких улучшений в практической морали сделано не было.... Факты, которые приводят к формированию моральных правил, столь же доступны и должны быть столь же очевидны как простому варвару, так и самому просвещенному философу.... Случай с физическими и спекулятивными науками прямо противоположен. Там факты отдаленны и едва доступны.... Из бесчисленного разнообразия фактов, с которыми они знакомы, невозможно установить какие-либо границы их будущего совершенствования. Иначе обстоит дело с моралью. До сих пор они были неподвижны; и, по моему мнению, они, вероятно, всегда будут оставаться такими". *Жизнь Макинтоша, под редакцией его сына*, Лондон, 1835, т. i. стр. 119-122. Condorcet (*Vie de Turgot*, p. 180) says, 'La morale de toutes les nations a été la même;' and Kant (*Logik*, in *Kant's Werke*, vol. i. p. 356), 'In der Moral-philosophie sind wir nicht weiter gekommen, als die Alten.'

[318] Одна часть аргументации хорошо изложена Кювье, который говорит: 'Дело в том, что люди свершают, что они великие люди, что они такие, что они пассажиры; верности в том, что они живут по-восточному'. *Cuvier, Eloges Historiques*, vol. ii. p. 304.

[319] 'Первый год правления Коммода должен быть эпохой терпимости. Из всех этих источников без исключения следует, что Коммод положил конец преследованиям в первый год своего правления.... Ни один писатель, будь то язычник или христианин, не делает Коммода гонителем.' *Письма, касающиеся Громоподобного легиона*, в *Сочинениях Мойла*, том ii. стр. 266, Лондон, 1726. 'Гелиогабал также, хотя и был в других отношениях самым печально известным из всех правителей и, возможно, самым отвратительным из всех смертных, не проявлял никаких признаков горечи или отвращения к ученикам Иисуса'. *Экл. Мосхайма. История*, том i, стр. 66: см. Также *Историю Милмана. о христианстве*, Лондон, 1840, том ii. стр. 225.

[320] Доктор Милман (*История христианства*, 1840, том ii, стр. 159) говорит: "Безупречный ученик самой суровой школы философской морали, аскетизм Марка соперничал с христианским презрением к глупостям и развлечениям жизни; однако его врожденная доброта характера не была ожесточенной или озлобленной суровостью или гордостью своей философии. Тем не менее, в Аврелии христианство нашло не только честного и благородного соперника в борьбе за власть над человеческим разумом; не только соперника в возвышении души человека к более высоким взглядам и более благородным побуждениям; но и жестокого и нетерпимого преследователя". Гизо сравнивает его с Людовиком IX Французским; и, безусловно, у обоих была очевидная связь между искренностью и преследованием: "Марк Орель и сын святого Людовика - люди двух сыновей принцев qui, en toute occasion, a fait de leurs". круанс Моралес, премьера фильма "Леур кондитер": Марк Орель, Стойсен; Сент-Луис,

кретьен.'Гизо, *Цивилизация во Франции*, том iv. стр. 142. Даже Дюплесси Морней (*Воспоминания*, том iv, стр. 374) называет его "слугой императоров", а Риттер (*История. из Philos.* том iv. стр. 222), "добродетельный и благородный император".

[321] Неандер (*История церкви*, том i, стр. 122) отмечает, что лучшие императоры выступали против христианства, а худшие были равнодушны к его посягательствам. То же замечание в отношении Марка и Коммода делает Гиббон (*Упадок*, глава xvi. стр. 220, Lond. 1836). Другой автор, совершенно иного характера, приписывает эту особенность козням дьявола: 'В первобытные времена замечено, что некоторые из лучших императоров были натравлены сатаной на самых ожесточенных гонителей Церкви'. *Воспоминания полковника Хатчинсона*, стр. 85.

[322] Чем, действительно, он сильно озадачен. 'On reconnâtra mon impartialité dans quelques circonstances où je fais remarquer chez les inquisiteurs des dispositions généreuses; ce qui me porte à croire que les atroces sentences rendues par le Saint-Office, sont plutôt une conséquence de ses lois organiques, qu'un effet du caractère particulier de ses membres.' Llorente, *Histoire Critique de l'Inquisition d'Espagne*, vol. i. p. xxiii.: compare vol. ii. pp. 267, 268, vol. iv. p. 153.

[323] О нем высоко отзывался покойный Бланко Уайт, самый компетентный судья. См. *Письма Добладо из Испании*, стр. 5.

[324] 'Однако, к чести корпуса в Барселоне, общепризнано, что все его члены - достойные люди, и большинство из них отличаются гуманностью'. *Путешествие Таунсенда по Испании в 1786 и 1787 годах*, том i, стр. 122, конец 1792 года.

[325] В 1546 году венецианский посол при дворе императора Карла V. В официальном отчете своему правительству по возвращении домой заявил, 'что в Голландии и Фрисландии более 30 000 человек погибли от рук правосудия за ошибки анабаптистов'. *Переписка Карла V и его послов*, под редакцией Уильяма Брэдфорда, № 8vo, 1850, стр. 471. В Испании инквизиция за восемнадцать лет служения Торквемады наказала, по самым скромным подсчетам, свыше 105 000 человек, из которых 8800 были сожжены. "*История Фердинанда и Изабеллы*" Прескотта, том i, стр. 265. Только в Андалусии в течение одного года инквизиция казнила 2000 евреев, "помимо 17 000, которые подверглись менее суровому наказанию, чем костер". *История испанской литературы Тикнора*, том i, стр. 410. Для получения других статистических данных по этому ужасному вопросу см. Льоренте, *История инквизиции*, том i. стр. 160, 229, 238, 239, 279, 280, 406, 407, 455, том ii. стр. 77, 116, 376, том iv. стр. 31; и, прежде всего, краткое изложение на стр. 242-273.

[326] Об уменьшении любви к войне, которое даже более заметно, чем фактическое уменьшение войны, см. Некоторые интересные замечания в *Конте, Позитивная философия*, т. iv. стр. 488, 713, т. vi. стр. 68, 424-436, где антагонизм между военным духом и индустриальным духом заключается, с одной стороны, в целостный, хорошо проработанный; хотя некоторые из ведущих явлений ускользнули от внимания этого выдающегося философа из-за его недостаточного знакомства с историей и современным состоянием политической экономии.

[327] В книге Пеллю "Жизнь Сидмута", 1847, том iii, стр. 137, этот длительный мир серьезно приписывается "мудрости урегулирования 1815 года"; другими словами, материалам Венского конгресса!

[328] Если только не было проявлено большего рвения в распространении моральных и религиозных принципов; в этом случае принципы могли бы оставаться неизменными, и все же их воздействие было бы прогрессивным. Но пока это далеко не так, несомненно, что в средние века относительно населения было больше церквей, чем сейчас; духовные классы были гораздо более многочисленными, дух прозелитизма был гораздо более пылким, и была гораздо более сильная решимость не допустить, чтобы чисто научные выводы вторгались в этические. Действительно, в Средние века нравственная и религиозная литература перевешивала всю светскую литературу, вместе взятую, и превосходила ее не только по объему, но и по способностям ее носителей. Однако теперь обобщения моралистов перестали управлять делами людей и уступили место более широкой доктрине целесообразности, которая включает в себя все интересы и все классы. Систематические писатели о морали достигли своего расцвета в XIII веке, после этого периода быстро сошли на нет, им, как хорошо сказал Кольридж, противостоял "гений протестантизма", и к концу XVII века они исчезли в большинстве цивилизованных стран; *Ductor Dubitantium* Джереми Тейлора была последней всеобъемлющей попыткой гениального человека сформировать общество исключительно в соответствии с максимами моралистов. Сравните два интересных отрывка из книги Мосхайма "Экклезиаст". *История.*, том i, стр. 338, и *Друг Кольриджа*, том iii, стр. 104.

[329] Гердер смело утверждает, что человек изначально и в силу своей организации миролюбив; но это мнение решительно опровергается огромными дополнениями, которые со времен Гердера были внесены в наши знания о чувствах и привычках дикарей. 'Indessen ist's wahr, dass der Bau des Menschen vorzüglich auf die Vertheidigung, nicht auf den Angriff gerichtet ist: in diesem muss ihm die Kunst zu Hülfe kommen, in jener aber ist er von Natur das kräftigste Geschöpf der Erde. Seine Gestalt selbst lehret ihn also Friedlichkeit, nicht räuberische Mordverwüstung,—der Humanität erstes Merkmal.' *Ideen zur Geschichte*, vol. i. p. 185.

[330] Отсюда, без сомнения, та острота чувств, естественная и действительно необходимая для раннего состояния общества, которая за счет рефлекторных способностей уподобляет человека низшим животным. See *Carpenter's Human Physiology*, p. 404; and a fine passage in *Herder's Ideen zur Geschichte*, vol. ii. p. 12: 'Das abstehende thierische Ohr, das gleichsam immer lauscht und horchet, das kleine scharfe Auge, das in der weitesten Ferne den kleinsten Rauch oder Staub gewahr wird, der weisse hervorbleckende, knochenbenagende Zahn, der dicke Hals und die zurückgebogene Stellung ihres Kopfes auf demselben.' Сравните физическую характеристику Причарда. *человечества*, т. i. стр. 292, 293; Азара, *Американская история*, т. ii. стр. 18; *Полярная экспедиция Врангеля*, стр. 384; *Путешествия Пальме в Кордофана*, стр. 132, 133.

[331] 'У некоторых македонских племен человек, который никогда не убивал врага, был отмечен знаком унижения'. *"История Греции" Grote*, том xi. стр. 397. У даяков Борнео 'мужчина не может жениться, пока не добудет человеческую голову; а тот, у кого их несколько, может отличаться гордой осанкой, ибо это составляет его патент на благородство'. *Отчет Эрла о Борнео*, в *Журнале Азиатского общества*, том iv. стр. 181. Смотрите также *Crawford на Борнео*, в *Журнале Geog. Soc.*, vol. xxiii. стр. 77, 80. И для подобных примеров такого поглощения всех других идей воинственными сравните *Journal of Geog. Soc.*, том x, стр. 357; *"Северные древности" Маллета*, стр. 158, 159, 195; *"История Греции" Терлуолла*, том i, стр. 226, 284, vol. viii. с. 209; *История Бразилии Хендерсона*, стр. 475; *История Бразилии Саути*, т. i. стр. 126, 248; *Азиатские исследования*, т. ii. стр. 188, т. vii. стр. 193; *Труды Бомбейского общества*, т. ii. стр. 51, 52; *Путешествия Хоскинса по Эфиопии*, стр. 163; *Происхождение права*, в *Трудах*

Мишле, том ii. стр. 333, 334 примечание. So also the Thracians: γῆς δὲ ἑργάτην καὶ ληιστύος, κάλλιστον. Геродот, книга v. глава 6, том iii. стр. 10, изд. Baehr.

[332] Малькольм (*История Персии*, том i, стр. 204) говорит о татарах: 'Есть только один путь к возвышению - военная слава'. Так же, в "*Институтах Тимура*", стр. 269: "Только тот равен по силе и достоинству, кто хорошо знаком с военным искусством и с различными способами разбивания и разгрома враждебных армий". Тот же склад ума проявляется в частоте и очевидном восторге, с которым Гомер рассказывает о битвах, — особенность, отмеченная в "*Греческой литературе*" Муре, том ii. стр. 63, 64, где предпринята попытка превратить это в аргумент, доказывающий, что все гомеровские поэмы принадлежат одному и тому же автору; хотя более законным выводом было бы то, что все поэмы были написаны в варварскую эпоху.

[333] К перспективе личного отличия раньше добавлялась перспектива богатства; а в Европе в средние века война была очень прибыльной профессией из-за обычая требовать большой выкуп за свободу пленных. См. научную работу Баррингтона, *Наблюдения над статутами*, стр. 390-393. В правление Ричарда II. 'война с Францией считалась чуть ли не единственным способом, с помощью которого английский джентльмен мог разбогатеть'. Сравните *Историю Тернера. of England*, vol. vi. p. 21. Sainte Palaye (*Mémoires sur l'ancienne Chevalerie*, vol. i. p. 311) says, 'La guerre enrichissoit alors par le butin, et par les rançons, celui qui la faisoit avec le plus de valeur, de vigilance et d'activité. La rançon étoit, ce semble, pour l'ordinaire, une année des revenus du prisonnier.' Аналогию с этим см. в *Ригведа Санхита*, том i, стр. 208, раздел 3, и том ii, стр. 265, раздел 13. В Европе обычай выплаты выкупа за военнопленных пережил Средние века и был положен конец только Мюнстерскому миру в 1648 году. *Комментарии Мэннинга к международному праву*, 1839, стр. 162; и о полученной ранее прибыли, стр. 157, 158.

[334] Я написал это в 1855 году.

[335] Действительно, некоторые предполагали, что в России меньше безнравственности, чем в Западной Европе; но эта идея, вероятно, ошибочна. См. *Книгу Стирлинга "Россия"*, Лондон, 1841, стр. 59, 60. Благожелательность и милосердный настрой русских засвидетельствованы Пинкертоном, который располагал хорошими средствами получения информации и ни в коем случае не был настроен в их пользу предвзято. См. "*Россия*" Пинкертона, Лондон, 1833, стр. 335, 336. Сэр Джон Синклер также говорит, что они 'склонны к проявлениям доброты и милосердия'. *Переписка Синклера*, том ii. стр. 241.

[336] Почитание русского народа своим духовенством привлекло внимание многих наблюдателей и, действительно, слишком печально известно, чтобы требовать доказательств.

[337] Очень наблюдательный и умный писатель говорит: "У России есть только два ранга — высший и низший". *Письма с Балтики*, Лондон, 1841, т. ii. стр. 185. 'Les marchands, qui formeraient une classe moyenne, sont en si petit nombre qu'ils ne peuvent marquer dans l'état: d'ailleurs presque tous sont étrangers; ... où donc trouver cette classe moyenne qui fait la force des états?' "*Россия*" Кюстина, том ii. стр. 125, 126: см. также том iv. стр. 74.

[338] Недавняя писательница, имевшая замечательные возможности изучить общество Санкт-Петербурга, которое она оценивала с тонким тактом, свойственным образованной женщине, была поражена таким положением вещей среди классов, окруженных всевозможной роскошью и богатством: 'полное отсутствие каких-либо рациональных вкусов или литературных тем.... Здесь абсолютно в стиле *моветона* обсуждать рациональную тему — просто *педантичность*,

когда тебя зацепляют за какие-либо темы, кроме переодеваний, танцев и *турнюра Джоли*.’ *Letters from the Baltic*, 1841, vol. ii. p. 233. М. Custine (*La Russie en 1839*, vol. i. p. 321) says ‘Règle générale, personne ne profère jamais un mot qui pourrait intéresser vivement quelqu’un.’ At vol. ii. p. 195, ‘De toutes les facultés de l’intelligence, la seule qu’on estime ici c’est le tact.’ Другой известный писатель, М. Коль, презрительно замечает, что в России "о глубинах науки даже не догадываются". "*Россия*" Коля, 1842, Лондон, стр. 142.

[339] По словам Шницлера, "Старшинство в России определяется воинским званием; и прапорщик будет иметь *ras* дворянина, не зачисленного в армию или занимающего какую-либо должность, дающую воинское звание". *География Мак-Каллоха. Диктант*. 1849, том ii. стр. 614. То же самое говорится в книге Пинкертонна "*Россия*", 1833, стр. 321. М. Эрман, путешествовавший по большей части Российской империи, говорит: 'В современном языке Санкт-Петербурга постоянно слышится различие величайшей важности, выражающееся в вопросе, который обычно задается в отношении представителей образованного класса: он в штатском или в униформе?' "*Сибирь*" Эрмана, т. i, стр. 45. См. Также об этом преобладании военных классов, которое является неизбежным плодом национального невежества, "*Россия*" Коля, стр. 28, 194; "*Россия при Николае Первом*" Стирлинга, стр. 7; "*Россия*" Кюстина, т. i. стр. 147, 152, 252, 266, т. ii. стр. 71, 128, 309, т. iii. стр. 328, т. iv. стр. 284. Сэр А. Элисон (*История Европы*, том ii. стр. 391, 392) говорит: 'Вся энергия нации направлена на армию. Коммерция, юриспруденция и все гражданские занятия не в почете; вся сколько-нибудь уважаемая молодежь посвящает себя военной профессии'. Тот же автор (т. x, с. 566) цитирует замечание Бремнера о том, что "ничто так не удивляет российскую или польскую знать, как то, что в Великобритании высоко ценят гражданские профессии, и особенно адвокатуру".

[340] Последствия изобретения пороха очень поверхностно рассмотрены Фредериком Шлегелем (*Лекции по истории литературы*, том ii, стр. 37, 38) и Дугалдом Стюартом (*Философия разума*, том i, стр. 262). Они рассмотрены с гораздо большим мастерством, хотя и ни в коем случае не исчерпывающе, в книге Смита "*Богатство народов*", книга v. глава i, стр. 292, 296, 297; "*Идея цура Гешихте дер Меншейт*", том iv, стр. 301; "*Средние века*" Халлама, том ii, стр. 470.

[341] Судя по следующим источникам, кажется невозможным проследить это дальше тринадцатого века; и сомнительно, были ли арабы, как обычно предполагается, изобретателями: "*Космос Гумбольдта*", т. ii. стр. 590; Кох, *Таблицы революций*, т. i. п. 242; *История изобретений Бекмана*, 1846, т. ii. стр. 505; *История литературы. де ла Франс*, том xx, стр. 236; *История химии Томсона*, том i, стр. 36; *Средние века Халлама*, том i, стр. 341. Утверждения, содержащиеся в "*Сибири*" Эрмана, том i, стр. 370, 371, более позитивны, чем могут подтвердить имеющиеся у нас доказательства; но не может быть никаких сомнений в том, что в ранний период в Китае и в других частях Азии использовался порох определенного типа.

[342] *Ваттель, Право рода*, том ii. стр. 129; *История Англии Лингарда*, том ii. стр. 356, 357. У англосаксов 'все свободные люди и землевладельцы, за исключением священнослужителей, были обучены владению оружием и всегда находились в готовности выйти на поле боя по малейшему предупреждению'. "*Английские древности*" Экклстона, стр. 62. 'Не было различия между солдатом и гражданином'. *Англосаксонское содружество Пэлгрейва*, том i, стр. 200.

[343] Об этих воинственных священнослужителях сравните *Военный антик Гроуза*. том i. стр. 67-8; *История Лингарда. из Англии*, том ii. стр. 26, 183, том iii. стр. 14; *История Тернера. из*

Англии, том iv. стр. 458, том v., стр. 92, 402, 406; *Eccl. История*, том i, стр. 173, 193, 241; *Скандинавия Крайтона*, Эдинбург, 1838, том i, стр. 220. Такие противники были тем более грозными, что в те счастливые дни для мирянина было святотатством поднимать руку на епископа. В 1095 году его Святейшество папа созвал собор, который провозгласил: "Что делать, если арестовать епископом omnino по собственному усмотрению". *Matthæi Paris Historia Major*, стр. 18. Поскольку контекст не содержит ограничений на этот счет, из этого следует, что человек становился духовно вне закона, если он, даже в целях самообороны, брал в плен епископа.

[344] Как замечает Шэрон Тернер об Англии при англосаксонском правительстве, 'война и религия были всепоглощающими темами этого периода'. *История Англии Тернера*, том iii. стр. 263. And a recent scientific historian says of Europe generally: 'alle Künste und Kenntnisse, die sich nicht auf das edle Kriegs-, Rauf- und Raubhandwerk bezogen, waren überflüssig und schädlich. Nur etwas Theologie war vonnöthen, um die Erde mit dem Himmel zu verbinden.' *Winckler, Geschichte der Botanik*, 1854, p. 56.

[345] В 1181 году Генрих II. король Англии приказал, чтобы у каждого мужчины были либо меч, либо лук; которые он не должен был продавать, но оставить своему наследнику: "царь всегда жил в ванбасиаме, железном капеллуме, копье и гладиум, великая стрела и сагитты: и запрет на ношение оружия для вендерета и вторжения; пусть кто-нибудь еще вернется, пусть попробует приблизиться к нему". *Рог. де Хов. Летопись. в Scriptorum post Bedam*, стр. 348 rev. В правление Эдуарда I. Было приказано, чтобы каждый мужчина, владеющий землей стоимостью в сорок шиллингов, имел 'меч, лук со стрелами и кинжал.... Те, у кого должны были остаться луки и стрелы, могли забрать их из леса.' *"Военные древности Гроуза"*, том ii. стр. 301, 302. Сравните *"Историю шведов" Гейера*, часть i, стр. 94. Даже в конце пятнадцатого века в Оксфордском и Кембриджском университетах 'было от четырех до пяти тысяч ученых, все взрослые, с мечами и луками, и по большей части дворяне'. *Сэр Уильям Гамильтон об истории университетов в книге Гамильтона "Философия". Обсуждения*, стр. 414. Одной из последних попыток возродить стрельбу из лука был ордер, выданный Елизаветой в 1596 году и напечатанный мистером Колльером в *газетах Эгертона*, стр. 217-220, редактировать. Camden Soc. 1840. На юго-западе Англии луки и стрелы окончательно исчезли из списков личного состава только в 1599 году; а тем временем мушкет завоевал популярность. См. *Дневник Йонга*, редактирование. Camden Soc. 1848, стр. xvii.

[346] Многие авторы утверждают, что до правления Елизаветы в Англии не производили пороха. *"Элизабет Кэмдена"*, в *"Истории Кеннета"*, том ii, стр. 388, Лондон, 1719; *"Королевы Англии" Стрикленда*, том vi, стр. 223, Июнь 1843; *"Военные древности" Гроуза*, том i, стр. 378. Но Шэрон Тернер (*История Англии*, том vi. стр. 490, 491, 1839) показала, исходя из приказа Ричарда III. в *"Харлейских рукописях"* сказано, что он был изготовлен в Англии в 1483 году; а г-н Экклстон (*Английские древности*, стр. 182, Июнь 1847 г.) утверждает, что англичане изготовили и экспортировали его еще в 1411 году: сравните стр. 202. Как бы то ни было, это долгое время оставалось дорогостоящим предметом; и даже в царствование Карла I. Я нахожу жалобы на его дороговизну, 'из-за чего железнодорожные оркестры сильно обескуражены в своих упражнениях'. *Парламент. История*. том ii. стр. 655. В 1686 году, как явствует из *переписки Кларендона*, том i, стр. 413, оптовая цена колебалась примерно от 2l. 10 фунтов до 3л. за баррель. О затратах на его создание в нынешнем столетии см. *Отчеты Либиха и Коппа по химии*, том iii. стр. 325, Июнь 1852 г.

[347] мушкеты были такими жалкими машинами, что в середине пятнадцатого века на зарядку и выстрел одного из них уходило четверть часа. *Средние века Халлама*, том i, стр. 342. Гроуз (*Военные древности*, том i, стр. 146, том ii, стр. 292, 337) говорит, что первое упоминание о мушкетах в Англии относится к 1471 году; и что остатки их не устарели до правления Карла I. В недавнем издании книги Бекмана "*История изобретений*", 1846, том ii, стр. 535, странным образом предполагается, что мушкеты "впервые были использованы в битве при Павии". Сравните Даниэля, *Историю милиции*, том i, стр. 464, с военными рассуждениями Смайта, в оригинальных письмах Эллиса, стр. 53, правка. Общество Кэмдена.

[348] Говорят, что пистолеты были изобретены в начале шестнадцатого века. *Военный сборник Гроуза*. том i. стр. 102, 146. Порох впервые применили в шахтерских городах в 1487 году. *Prescott's Hist. of Ferdinand and Isabella*, vol. ii. p. 32; *Koch, Tableaux des Révolutions*, vol. i. p. 243; *Daniel, Histoire de la Milice Française*, vol. i. p. 574. Даниэль (*Французская милиция*, том i, стр. 580, 581) говорит, что бомбы были изобретены только в 1588 году; и то же самое утверждается в *Всемирной биографии*, том xv, стр. 248: но, согласно Гроузу (*Военный сборник*, том i, стр. 387), они упоминаются Валтурином в 1472 году. Об общем состоянии французской артиллерии в шестнадцатом веке см. *Relations des Ambassadeurs Vénitiens*, том i. стр. 94, 476, 478, Париж, 1838, 4то: любопытная и ценная публикация. Есть некоторые сомнения относительно точного периода, в который впервые были известны пушки, но они определенно использовались на войне до середины четырнадцатого века. See *Bohlen, das alte Indien*, vol. ii. p. 63; *Daniel, Histoire de la Milice*, vol. i. pp. 441, 442.

[349] *Комментарии Блэкстоуна*, том i, стр. 413; *Дэниел, История. de la Milice*, vol. i. p. 210, vol. ii. pp. 491, 493; *Œuvres de Turgot*, vol. viii. c. 228.

[350] Основные факты, касающиеся использования наемных войск, с большой проницательностью указаны мистером Халламом в его книге "*Средние века*", том i, стр. 328-337.

[351] Гроуз (*Военные древности*, т. i. стр. 310, 311) говорит, что до XVI века английские солдаты не носили профессиональной одежды, но 'отличались значками с гербами своих командиров, подобными тем, которые сейчас носят водники'. Также в начале шестнадцатого века впервые возникла отдельная военная литература. *Даниил, Hist. de la Milice*, vol. i. p. 380: 'Les auteurs, qui ont écrit en détail sur la discipline militaire: or ce n'est guères que sous François I, et sous l'Empereur Charles V, que les Italiens, les François, les Espagnols et les Allemans ont commencé à écrire sur ce sujet.'

[352] Перемены по сравнению с теми временами, когда каждый мирянин был солдатом, очень примечательны. Адам Смит ("*Богатство наций*", книга V. глава i., стр. 291) говорит: 'Среди цивилизованных наций современной Европы обычно подсчитывают, что не более сотой части жителей любой страны могут быть наняты в качестве солдат без разорения страны, которая оплачивает расходы по их службе'. Та же пропорция приведена в "*Законе народонаселения*" Сэдлера, т. i, стр. 292; и в "*Величии и декадансе Римлян*", глава iii.— "*Опыты Монтескье*", стр. 130; также в "*Истории Египта*" Шарпа, т. i, стр. 105; и в "*Истории Европы*" Элисон, т. xii, стр. 318.

[353] Тихоокеанские тенденции политической экономии очень кратко затронуты в *Бланки, История политической экономии*, том ii. стр. 207; и в "*Прогрессе политической экономии*" Твисса, стр. 240.

[354] Эта излюбленная доктрина проиллюстрирована в любопытном "Рассуждении", написанном в 1578 году и напечатанном в *Stow's London*, в котором утверждается, что если наш экспорт превышает наш импорт, мы выигрываем от торговли; но если он меньше, мы теряем. *Stow's London*, изд. Томс, 1842, стр. 205. Всякий раз, когда это равновесие нарушалось, политики впадали в агонию страха. В 1620 году Яков I сказал в одной из своих длинных речей: "Странно, что мой Монетный двор не работает уже восемь или девять лет; но я думаю, что виной нехватки денег является неравномерный баланс торговли". *Парл. История*, том i, стр. 1179; см. Также дебаты 'О нехватке денег', стр. 1194-1196. В 1620 году Палата общин в состоянии большой тревоги приняла резолюцию, "Согласно которой импорт табака из Испании является одной из причин нехватки денег в этом королевстве". *Парл. История*, том i, стр. 1198. В 1627 году в Палате общин фактически утверждалось, что Нидерланды ослаблены своей торговлей с Ост-Индией, потому что из-за нее деньги вывозились из страны! *Часть. История*, том ii, стр. 220. Полвека спустя тот же принцип отстаивал сэр Уильям Темпл в своих Письмах, а также в своих Наблюдениях за Соединенными Провинциями. *Труды Темпла*, том i, стр. 175, том ii, стр. 117, 118.

[355] В 1672 году знаменитый граф Шафтсбери, тогдашний лорд-канцлер, объявил, что пришло время, когда англичане должны начать войну с голландцами; ибо 'невозможно, чтобы оба держались на балансе; и что, если мы не овладеем их торговлей, они овладеют нашей. Они или мы должны торговать. Один должен и передаст закон другому. Здесь нет компромисса, когда конкуренция ведется за торговлю всего мира.' *Трактаты Сомерса*, т. viii, стр. 39. Несколько месяцев спустя, все еще настаивая на целесообразности войны, он привел в качестве одной из своих причин то, что 'для торговли Англии было необходимо справедливое урегулирование торговли в Ост-Индии'. *Часть. История*, том iv, стр. 587. В 1701 году Степни, дипломат и один из торговых лордов, опубликовал эссе, решительно настаивая на выгодах, которые принесет английской торговле война с Францией. *Трактаты Сомерса*, т. xi, стр. 199, 217; и он говорит, стр. 205, что одним из последствий мира с Францией было бы 'полное разорение нашей торговли'. См. Также, в т. xiii, стр. 688, замечания о политике Вильгельма III. В 1743 году лорд Хардвик, один из самых выдающихся людей своего времени, сказал в Палате лордов: 'Если наше богатство уменьшилось, пришло время разрушить торговлю этой нации, которая вытеснила нас с рынков Континента, — затопив моря их кораблями и блокировав их порты'. *"Жизнь канцлеров" Кэмпбелла*, т. v., стр. 89.

[356] Что касается семнадцатого века, см. *"Историю Индии" Милля*, том i, стр. 41, 42. К этому я могу добавить, что даже у Локка были очень запутанные представления об использовании денег в торговле. См. *Эссе о деньгах* в *Работах* Локка, том iv.; и, в частности, стр. 9, 10, 12, 20, 21, 49-52. Беркли, каким бы глубоким мыслителем он ни был, впал в те же ошибки и исходит из необходимости поддержания торгового баланса и уменьшения нашего импорта пропорционально тому, как мы уменьшаем наш экспорт. Смотрите *Запрос*, № xcix. clxi., в *Работах* Беркли, т. ii, стр. 246, 250: смотрите также его предложение о законе о расходах в *Эссе о предотвращении разорения Великобритании*, в *Работах*, т. ii, стр. 190. Экономические взгляды Монтескье (*Дух Лоис*, livre xx, глава xii, в *"Маневрах"*, стр. 353) столь же безнадежно ошибочны; в то время как Ваттель (*"Праве рода"*, т. i, стр. 111, 117, 118, 206) изо всех сил восхваляет злонамеренное вмешательство английского правительства, которое он рекомендует в качестве образца другим государствам.

[357] Граф Бристольский, человек с определенными способностями, заявил в Палате лордов в 1642 году, что для Англии было большим преимуществом, если другие страны вступали в войну друг с другом; потому что таким образом мы должны были получить их деньги, или, как он это называл, их 'богатство'. Смотрите его речь в *части. История*, том ii. стр. 1274-1279.

[358] Серра, написавший в 1613 году, как говорят, был первым, кто доказал абсурдность запрета экспорта драгоценных металлов. См. *"Твисс о прогрессе политической экономии"*, стр. 8, 12, 13. Но я считаю, что самым ранним подходом к современным экономическим открытиям является поразительное эссе, опубликованное в 1581 году и приписываемое Уильяму Стаффорду. Это можно найти в *сборнике Harleian*, том ix. стр. 139-192, редактировать. Park, 1812; и название *"Краткое представление об английской политике"* дает неадекватное представление о том, что в целом является наиболее важной работой по теории политики, которая тогда появилась: поскольку автор не только демонстрирует понимание природы цены и ценности, которым не обладал ни один предыдущий мыслитель, но и четко указывает на причины той системы огораживания, которая является ведущим экономическим фактом в царствование Елизаветы и тесно связана с появлением законов о бедных. Некоторый отчет об этом эссе дан доктором Твиссом; но оригинал легкодоступен и должен быть прочитан каждым изучающим английскую историю. Среди других еретических положений он рекомендует свободную торговлю зерном.

[359] В отношении вмешательства английского законодательного органа г-н Мак-Каллох (*Полит. Эсеп.* стр. 269), опираясь на авторитет комитета Палаты общин, утверждает, что до 1820 года 'в разные периоды было принято не менее двух тысяч законов, касающихся торговли'. Можно с уверенностью утверждать, что каждый из этих законов был абсолютным злом, поскольку ни одна торговля и, по сути, ни один интерес любого рода не могут быть защищены правительством без нанесения неизмеримо большего ущерба незащищенным интересам и профессиям; в то время как, если защита будет всеобщей, потери будут всеобщими. Некоторые поразительные примеры абсурдных законов, которые были приняты в отношении торговли, собраны в *"Наблюдениях Баррингтона за статутами"*, стр. 279-285. Действительно, считалось необходимым, чтобы каждый парламент делал что-то в этом направлении; и Карл II в одной из своих речей сказал: 'Я молюсь, разработайте какие-нибудь хорошие короткие законопроекты, которые могут улучшить промышленность нации ... и так Бог благословит ваши советы'. *Часть. История*, том iv. стр. 291. Сравните замечания о рыболовстве в *"Трактатах Сомерса"*, том xii, стр. 33.

[360] Единственным исключением на данный момент является взгляд на законы о ростовщичестве, который Джереми Бентам имеет честь опровергнуть.

[361] Перед Адамом Смитом основная заслуга принадлежит Юму; но работы этого глубокого мыслителя были слишком фрагментарными, чтобы произвести большой эффект. Действительно, Юм, несмотря на свои огромные способности, уступал Смиту как во всесторонности, так и в трудолюбии.

[362] Первое упоминание о *богатстве наций*, которое я заметил в парламенте, относится к 1783 году; и с тех пор до конца столетия на него ссылаются несколько раз, а в последнее время все чаще. См. *Парламентскую историю*, том. xxiii. стр. 1152, том. xxvi. стр. 481, 1035, том. xxvii. с. 385, т. xxix. с. 834, 905, 982, 1065, т. xxx. с. 330, 333, т. xxxii. стр. 2, том. xxxiii. стр. 353, 386, 522, 548, 549, 563, 774, 777, 778, 822, 823, 824, 825, 827, 1249, том. xxxiv. стр. 11, 97, 98, 141, 142, 304,

473, 850, 901, 902, 903. Возможно, один или два отрывка были пропущены; но я полагаю, что это единственные примеры упоминания Адама Смита за семнадцать лет. Из отрывка из книги Пеллю "Жизнь в Сидмуте", том i, стр. 51, следует, что даже Аддингтон изучал Адама Смита в 1787 году.

[363] В 1797 году Палтни в одной из своих финансовых речей апеллировал к "авторитету доктора Смита, который, как было хорошо сказано, убедит нынешнее поколение и будет управлять следующим". *Парл. История*. том. xxxiii. стр. 778. В 1813 году Дугалд Стюарт (*Философия человеческого разума*, том ii, стр. 472) объявил, что доктрина свободной торговли 'теперь, я полагаю, стала преобладающим кредо мыслящих людей по всей Европе'. А в 1816 году Рикардо сказал: "Аргументы, которыми поддерживается свобода торговли, настолько убедительны, что они ежедневно привлекают новообращенных. Я с удовольствием наблюдаю прогресс, которого добивается этот великий принцип среди тех, от кого мы должны были ожидать, что они дольше всех будут цепляться за старые предрассудки". *Предложения по созданию экономической валюты*, в работах Рикардо, стр. 407.

[364] Сэр Теодор Джэнсон в своих *Общих принципах торговли*, опубликованных в 1713 году, излагает в качестве общепризнанного принципа, что "Все нации Европы, похоже, борются за то, чтобы перехитрить друг друга в вопросах торговли; и они согласны с этой максимой, что чем меньше они потребляют иностранных товаров, тем лучше для них". *Трактаты Сомерса*, т. xiii. с. 292. Так, в *Диалоге между англичанином и голландцем*, опубликованном в 1700 году, голландец представлен хвастающимся тем, что его правительство 'навязало торговые договоры исключительно всем другим нациям'. *Трактаты Сомерса*, том xi. стр. 376. Это система "узкого эгоизма", осужденная доктором Стори в его благородном труде "Конфликт законов", 1841, стр. 32.

[365] 'Действительно, нельзя отрицать, что ошибочные взгляды на коммерцию, подобно тем, которые столь часто разделяются в отношении религии, были причиной многих войн и большого кровопролития'. *"Принципы политической экономии" Мак-Каллоха*, стр. 140. См. также стр. 37, 38: "Это заставило каждую нацию считать благосостояние своих соседей несовместимым с ее собственным: отсюда взаимное желание причинять вред и разорять друг друга; и отсюда тот дух коммерческого соперничества, который был непосредственной или отдаленной причиной большего числа современных войн".

[366] О быстром распространении в текущем столетии принципов, разработанных экономистами, сравните *"Швецию" Лэйнга*, стр. 356-358, с примечанием к последнему изданию *"Мальтуса о народонаселении"*, 1826, том ii. стр. 354, 355.

[367] 'Чувства конкурирующих торговцев, преобладавшие между нациями, на протяжении веков подавляли всякое ощущение общей общности выгод, которые торговые страны извлекают из процветания друг друга; и этот коммерческий дух, который сейчас является одним из сильнейших препятствий войнам, был в определенный период европейской истории их главной причиной'. *Политическая экономия Милля*, 1849, том ii. стр. 221. Эта великая перемена в чувствах коммерческих классов началась не ранее нынешнего столетия и не была заметна обычным наблюдателям до последних двадцати пяти или тридцати лет; но она была предсказана в замечательном отрывке, написанном Гердером в 1787 году; см. Его *Идеи о жизни*, т. iii. стр. 292, 293.

[368] То, что в пасмурную погоду самоубийств больше, чем в хорошую, всегда считалось само собой разумеющимся и было любимой темой французских острословов, которые не уставали разглагольствовать о нашей любви к самоубийствам и о связи между ней и нашим мрачным климатом. К несчастью для подобных спекуляций, факт прямо противоположен тому, что обычно предполагается, и у нас есть убедительные доказательства того, что летом самоубийств больше, чем зимой. См. *Quetelet sur l'Homme*, том ii. стр. 152, 158; *Tissot de la Manie du Suicide*, Париж, 1840, стр. 50, 149, 150; *Журнал статистического общества*, том i. стр. 102; "Анатомия самоубийства" Уинслоу, 1840, стр. 131, 132; "Медицинская статистика Хокинса", стр. 170.

[369] В связи с чем я упомяну только один факт, касающийся нашей собственной страны. Согласно отчетам Министерства торговли, число пассажиров, ежегодно путешествующих по железной дороге, составляло в 1842 году девятнадцать миллионов, но в 1852 году оно увеличилось до более чем восьмидесяти шести миллионов. *Журнал статистического общества*, том xvi. стр. 292.

[370] По этому поводу мистер Стивенс (в своей ценной работе "*Центральная Америка*", т. i, стр. 247-8) приводит интересный пример из жизни этого замечательного человека Карреры: "Действительно, ни в чем конкретно он не изменился больше, чем в своем мнении об иностранцах; удачная иллюстрация эффекта личного общения в разрушении предрассудков против иностранцев". индивиды или классы". М-р Эльфинстон (*История Индии*, стр. 195) говорит: "Те, кто дольше всех знает индийцев, всегда имеют о них самое лучшее мнение: но это скорее комплимент человеческой природе, чем им самим, поскольку это справедливо для любого другого народа". Сравните поучительный отрывок из *Журнала исследований Дарвина*, стр. 421, с *Burdach, Traité de Physiologie comme Science d'Observation*, том ii. стр. 61.

ГЛАВА V.

ИССЛЕДОВАНИЕ ВЛИЯНИЯ РЕЛИГИИ, ЛИТЕРАТУРЫ И ПРАВИТЕЛЬСТВА.

Применяя к истории человека те методы исследования, которые были признаны успешными в других отраслях знания, и отвергая все предвзятые представления, которые не выдержали бы проверки этими методами, мы пришли к определенным результатам, основные из которых теперь, возможно, будет удобно резюмировать. Мы видели, что наши действия, являясь исключительно результатом действия внутренних и внешних факторов, должны быть объяснимы законами этих факторов, то есть законами разума и законами физики. Мы также видели, что законы разума в Европе более могущественны, чем законы физики; и что по мере прогресса цивилизации их превосходство постоянно возрастает, потому что прогрессирующее знание умножает ресурсы разума, но оставляет старые ресурсы природы неизменными. По этой причине мы рассматривали ментальные законы как великие регуляторы прогресса; и мы рассматривали физические законы как занимающие подчиненное место и просто проявляющиеся в случайных нарушениях, сила и частота которых долгое время снижались и сейчас, в среднем, почти не действуют. Сведя, таким образом, изучение того, что можно назвать динамикой общества, к изучению законов разума, мы подвергли эти последние аналогичному анализу; и мы обнаружили, что они состоят из двух частей, а именно моральных

законов и интеллектуальных законов. Сравнивая эти две части, мы ясно убедились в огромном превосходстве интеллектуальных законов; и мы увидели, что, поскольку прогресс цивилизации отмечен триумфом ментальных законов над физическими, точно так же он отмечен триумфом интеллектуальных законов над моральными. Этот важный вывод основывается на двух различных аргументах. Во-первых, поскольку моральные истины неизменны, а интеллектуальные истины прогрессивны, крайне маловероятно, что прогресс общества должен быть обусловлен моральным знанием, которое на протяжении многих веков оставалось неизменным, а не интеллектуальным знанием, которое на протяжении многих веков непрерывно развивалось. Другой аргумент состоит в том факте, что два величайших зла, известных человечеству, не были уменьшены моральным совершенствованием; но они были и остаются подверженными влиянию интеллектуальных открытий. Из всего этого очевидно следует, что если мы хотим установить условия, регулирующие прогресс современной цивилизации, мы должны искать их в истории объема и распространения интеллектуальных знаний; и мы должны рассматривать физические явления и моральные принципы как вызывающие, без сомнения, большие отклонения в короткие периоды, но в длительные периоды исправляющие и уравнивающие себя, и, таким образом, оставляющие интеллектуальные законы действовать бесконтрольно для этих низших и подчиненных агентов.

Таков вывод, к которому нас привели последовательные анализы и на котором мы сейчас основываемся. На поступки индивидов в значительной степени влияют их моральные чувства и их страсти; но они, будучи антагонистичны страстям и чувствам других индивидов, уравниваются ими; так что их влияние в большинстве человеческих дел нигде не проявляется; и совокупные действия человечества, рассматриваемые в целом, предоставлены регулироваться совокупным знанием, которым обладает человечество. И о том, каким образом индивидуальные чувства и индивидуальные прихоти таким образом поглощаются и нейтрализуются, мы находим ясную иллюстрацию в уже приведенных фактах из истории преступности. Ибо эти факты убедительно доказывают, что количество преступлений, совершаемых в стране, год за годом воспроизводится с поразительным единообразием, ни в малейшей степени не подверженное влиянию тех капризных и личных чувств, к которым слишком часто относят человеческие поступки. Но если бы вместо того, чтобы изучать историю преступности год за годом, мы изучали бы ее месяц за месяцем, мы обнаружили бы меньше закономерности; а если бы мы изучали ее час за часом, мы бы вообще не обнаружили закономерности; и ее регулярность не была бы видна, если бы вместо криминальных сводок по целой стране мы знали только сводки по одной улице или одной семье. Это происходит потому, что великие социальные законы, которыми управляется преступность, могут быть поняты только после наблюдения за большим количеством людей или длительными периодами; но в небольшом количестве и за короткий период индивидуальный моральный принцип торжествует и нарушает действие более крупного и интеллектуального закона. Следовательно, хотя моральные чувства, побуждающие человека совершить преступление или воздержаться от него, окажут огромное влияние на количество его собственных преступлений, они не окажут никакого влияния на количество преступлений, совершенных обществом, к которому он принадлежит; потому что в долгосрочной перспективе они наверняка будут нейтрализованы противоположными моральными чувствами, которые вызывают у других людей противоположное поведение. Точно так же мы все осознаем, что моральные принципы влияют почти на все наши действия; но у нас есть неопровержимые доказательства того, что они не оказывают ни малейшего влияния на человечество в целом или даже на людей в очень больших

массах, при условии, что мы принимаем меры предосторожности и изучаем социальные явления в течение достаточно длительного периода и в достаточно большом масштабе, чтобы позволить высшим законам вступить в неконтролируемое действие.

Поскольку совокупность человеческих действий, таким образом, с высшей точки зрения регулируется совокупностью человеческих знаний, может показаться простым делом собрать свидетельства этого знания и, подвергая их последовательным обобщениям, установить всю совокупность законов, регулирующих прогресс цивилизации. И в том, что это в конечном итоге будет сделано, у меня нет ни малейших сомнений. Но, к сожалению, история была написана людьми, настолько неадекватными той великой задаче, которую они взяли на себя, что до сих пор собрано лишь немного из необходимых материалов. Вместо того, чтобы рассказывать нам о вещах, которые сами по себе имеют какую—либо ценность, — вместо того, чтобы давать нам информацию о прогрессе знаний и о том, как распространение этих знаний повлияло на человечество, - вместо всего этого подавляющее большинство историков наполняют свои работы самыми незначительными и жалкими подробностями: личными анекдотами королей и дворов; бесконечными сопоставлениями того, что было сказано одним министром и что думал другой; и, что хуже всего, длинными отчетами о кампаниях, сражениях и осадах, очень интересными для тех, кто ими занимается, но для нас совершенно бесполезными, потому что они не дают ни новых истин, ни средств, с помощью которых новые истины могут быть открыты. Это реальное препятствие, которое сейчас останавливает наше продвижение. Именно этот недостаток суждений и это незнание того, что наиболее достойно отбора, лишает нас материалов, которые давным-давно должны были быть накоплены, упорядочены и припасены для использования в будущем. В других великих отраслях знания открытию предшествовало наблюдение; сначала были зарегистрированы факты, а затем найдены их законы. Но при изучении истории человека важными фактами пренебрегли, а несущественные сохранили. Следствием этого является то, что тот, кто сейчас пытается обобщить исторические явления, должен собрать факты, а также провести обобщение. Он не находит ничего готового под рукой. Он должен быть не только архитектором, но и каменщиком; он должен не только составить план здания, но и выкопать карьер. Необходимость выполнения этой двойной работы влечет за собой для философа такую огромную тяжелую работу, что пределы целой жизни не позволяют выполнить эту задачу; и история, вместо того чтобы созреть, как ей следовало бы быть, для полных и исчерпывающих обобщений, все еще находится в столь грубом и неформальном состоянии, что даже самая решительная и длительная работа не позволит кому-либо понять действительно важные действия человечества даже за такой короткий период, как два последовательных столетия.

Из-за всего этого я уже давно отказался от своей первоначальной схемы; и я неохотно решил написать историю не общей цивилизации, а цивилизации отдельного народа. Однако, хотя таким образом мы сокращаем область исследования, мы, к сожалению, уменьшаем ресурсы, которыми располагает исследование. Ибо, хотя совершенно верно, что совокупность человеческих действий, если рассматривать их в течение длительных периодов, зависит от совокупности человеческих знаний, следует допустить, что этот великий принцип, применяемый только к одной стране, в некоторой степени теряет свою первоначальную ценность. Чем больше мы уменьшаем количество наших наблюдений, тем больше становится неопределенность среднего значения; другими словами, тем больше вероятность того, что действие более крупных законов будет нарушено действием меньших. Вмешательство иностранных правительств; влияние, оказываемое мнениями, литературой и обычаями

иностранного народа; их вторжения, возможно, даже завоевания; насильственное введение ими новых религий, новых законов и новых нравов — все это пертурбации, которые, с точки зрения всеобщей истории, уравнивают друг друга, но которые в любой отдельно взятой стране способны нарушить естественный ход событий и, таким образом, затруднить расчет движений цивилизации. Способ, которым я пытался преодолеть это затруднение, будет сейчас изложен; но прежде всего я хотел бы указать на причины, побудившие меня выбрать историю Англии как более важную, чем любая другая, и, следовательно, как наиболее достойную того, чтобы быть подвергнутой полному философскому исследованию.

Итак, очевидно, что, поскольку огромное преимущество изучения событий прошлого состоит в возможности установления законов, по которым они управлялись, история любого народа станет более ценной по мере того, как его движениям в наименьшей степени будут мешать факторы, не возникающие сами по себе. Каждое иностранное влияние, оказываемое на нацию, является вмешательством в ее естественное развитие и, следовательно, усложняет обстоятельства, которые мы стремимся исследовать. Упрощение сложностей во всех отраслях знания является первым необходимым условием успеха. Это хорошо знакомо приверженцам физической науки, которые часто способны с помощью единственного эксперимента открыть истину, которую тщетно искали бесчисленные наблюдения; причина в том, что, экспериментируя с явлениями, мы можем распутать их во всей их сложности; и таким образом, изолируя их от вмешательства неизвестных сил, мы как бы оставляем их идти своим чередом и раскрываем действие их собственного закона.

Таким образом, это истинный стандарт, по которому мы должны измерять ценность истории любой нации. Важность истории страны зависит не от великолепия ее подвигов, а от того, в какой степени ее действия обусловлены причинами, проистекающими из нее самой. Следовательно, если бы мы могли найти какой-нибудь цивилизованный народ, который создал свою цивилизацию полностью самостоятельно; который избежал всякого иностранного влияния и которому личные особенности его правителей не принесли ни пользы, ни замедления, - история такого народа имела бы первостепенное значение; потому что она представила бы условие нормального и неотъемлемого развития; она показала бы законы прогресса, действующие в состоянии изоляции; фактически это был бы готовый эксперимент, и он обладал бы всей ценностью того искусственного изобретения, которому естествознание столь многим обязано.

Найти такой народ, как этот, очевидно, невозможно; но долг историка-философа состоит в том, чтобы выбрать для своего специального изучения страну, в которой условия были наиболее точно соблюдены. Теперь будет легко признать, не только нами самими, но и интеллигентными иностранцами, что в Англии, во всяком случае, в течение последних трех столетий, это делалось более постоянно и успешно, чем в какой-либо другой стране. Я ничего не говорю о количестве наших открытий, о блеске нашей литературы или об успехах нашего оружия. Это вызывающие зависть темы; и другие нации, возможно, могут отрицать перед нами те высшие достоинства, которые мы склонны преувеличивать. Но я взялся за такую единую позицию, что из всех стран Европы, Англии, где, в течение самого длительного периода, правительство имеет большинство в состоянии покоя, и люди самых активных; где популярен свободы расположились на широком основании, где каждый человек способен говорить то, что думает, и делать то, что он любит; там, где каждый может следовать своей собственной согнутой, и распространяют свое собственное мнение; где, религиозных гонений, будучи малоизвестным, играть и поток

человеческого разума может быть хорошо видно, не тех ограничений, к которым он подвергается в другом месте; где профессия ересь является наименее опасным, и практика несогласных наиболее распространенные; где враждебные вероучения процветать бок о бок, и рост и спад, без помех, в соответствии с желаниями людей, не зависит от воли церкви и бесконтрольной властью государства, где все интересы, и все классы, как духовные, так и мирские, наиболее ушел, чтобы позаботиться о себе; где, что, возвращаясь доктрины защиты был впервые атакован, и, где только было уничтожено; и где, одним словом, те опасные крайности, к которым вмешательство порождает было избежать, деспотизм и бунта столь же редки, и концессии признается как основу политики, национальной прогресс был бы нарушен властью привилегированных сословий, под влиянием конкретных сект, или посредством насилия произвола правителей.

То, что таковы характерные черты английской истории, общеизвестно; для одних людей это повод для хвастовства, для других - повод для сожаления. И когда к этим обстоятельствам мы добавим, что Англия, из-за ее островного образования,^[371] до середины прошлого века иностранцы редко посещали ее, становится очевидным, что на наш прогресс как народа в меньшей степени, чем на любой другой, повлияли два основных источника вмешательства, а именно авторитет правительства и влияние иностранцев. В шестнадцатом веке среди английской знати стало модным путешествовать за границу;^[372] но путешествовать по Англии для иностранной знати ни в коем случае не было модой. В семнадцатом веке обычай путешествовать ради развлечения распространился настолько, что среди богатых и праздных классов было мало англичан, которые хотя бы раз в жизни не пересекали Ла-Манш; в то время как те же классы в других странах, отчасти потому, что они были менее богаты, отчасти из-за закоренелой нелюбви к морю, почти никогда не заходили на наш остров, если только не были вынуждены делать это по какому-то особому делу. Результатом было то, что в других странах, и особенно во Франции и Италии, жители больших городов постепенно привыкли к иностранцам и, как и все люди, незаметно испытывали влияние того, что они часто видели. С другой стороны, было много наших городов, в которых никогда не ступала нога человека, кроме англичан;^[373] и жители, даже метрополии, могли состариться, ни разу не увидев ни одного иностранца, за исключением, возможно, какого-нибудь скучного и напыщенного посла, выходящего проветриться на берегах Темзы. И хотя часто говорят, что после реставрации Карла II наш национальный характер начал испытывать сильное влияние французского примера,^[374] это, как я полностью докажу, касалось только той небольшой и незначительной части общества, которая окружала двор; и это не произвело какого-либо заметного влияния на два наиболее важных класса - интеллектуальный класс и трудолюбивый класс. Это движение действительно можно проследить в самых ничемных частях нашей литературы — в бесстыдных произведениях Бекингема, Дорсета, Этериджа, Киллигрю, Малгрейва, Рочестера и Седли. Но ни тогда, ни в гораздо более поздний период ни один из наших великих мыслителей не находился под влиянием интеллекта Франции;^[375] напротив, мы находим в их идеях и даже в их стиле определенную грубоватую и природную энергию, которая, хотя и оскорбительна для наших более утонченных соседей, имеет, по крайней мере, то достоинство, что является коренным продуктом нашей собственной страны. ^[376] Происхождение и степень той связи между французским и английским интеллектами, которая возникла впоследствии, является темой огромной важности; но, как и большинство других, имеющих реальную ценность, историки полностью пренебрегли ею. В настоящей работе я попытаюсь восполнить этот недостаток: пока же я могу сказать, что, хотя мы были и остаемся в большом долгу перед

французами за наше улучшение вкуса, утонченности, манер, и, действительно, во всех удобствах жизни, мы не позаимствовали у них ничего абсолютно существенного, ничего, что могло бы навсегда изменить судьбы наций. С другой стороны, французы не только позаимствовали у нас некоторые очень ценные политические институты, но даже самое важное событие во французской истории в немалой степени связано с нашим влиянием. Их революция 1789 года была, как хорошо известно, спровоцирована или, правильнее сказать, была главным образом спровоцирована несколькими великими людьми, чьи работы, а впоследствии и речи, побудили народ к сопротивлению; но что менее известно, но, тем не менее, безусловно верно, так это то, что эти выдающиеся лидеры усвоили в Англии ту философию и те принципы, с помощью которых, будучи перенесенными в их собственную страну, были достигнуты такие страшные и в то же время такие благотворные результаты.^[377]

Надеюсь, никто не подумает, что этими замечаниями я хочу бросить тень на французов: великий и достойный восхищения народ; народ, во многих отношениях превосходящий нас; народ, у которого нам еще многому предстоит поучиться, и чьи недостатки, какими бы они ни были, являются результатом постоянного вмешательства длинной череды деспотичных правителей. Но, рассматривая этот вопрос исторически, бесспорно верно, что мы создали нашу цивилизацию без особой помощи с их стороны, в то время как они создали свою при большой помощи с нашей. В то же время следует также признать, что наши правительства меньше мешали нам, чем их правительства мешали им. И ни в малейшей степени не предвосхищая вопрос о том, какая страна больше, исключительно на этом основании я считаю нашу историю более важной, чем их; и я выбираю для специального изучения прогресс английской цивилизации просто потому, что, будучи в меньшей степени подверженными влияниям, не вытекающим из нее самой, мы можем более ясно различить в нем нормальное развитие общества и безмятежное действие тех великих законов, которыми в конечном счете регулируются судьбы человечества.

После этого сравнения относительной ценности французской и английской истории вряд ли представляется необходимым рассматривать претензии, которые могут быть выдвинуты к истории других стран. Действительно, есть только двое, в пользу которых что-либо можно сказать: я имею в виду Германию, рассматриваемую в целом, и Соединенные Штаты Северной Америки. Что касается немцев, то, несомненно, верно, что с середины восемнадцатого века они произвели на свет большее число глубоких мыслителей, чем любая другая страна, я бы, пожалуй, сказал, чем все остальные страны, вместе взятые. Но возражения, которые применимы к французам, все же в большей степени применимы к немцам. Ибо принцип защиты был и остается сильнее в Германии, чем во Франции. Даже лучшие из немецких правительств постоянно вмешиваются в дела людей; никогда не предоставляют их самим себе, всегда заботятся об их интересах и вмешиваются в самые обычные дела повседневной жизни. Кроме того, немецкая литература, хотя и является в настоящее время первой в Европе, обязана своим происхождением, как мы увидим позже, тому великому скептическому движению, которое предшествовало Революции во Франции. До середины восемнадцатого века у немцев, несмотря на несколько выдающихся имен, таких как Кеплер и Лейбниц, не было литературы реальной ценности; и первый импульс, который они получили, был вызван их контактом с французским интеллектом и влиянием тех выдающихся французов, которые в царствование Фридриха Великого стекались в Берлин,^[378] город, который с тех пор был центром философии и науки. Из этого вытекли некоторые очень важные обстоятельства, на которые я могу здесь лишь кратко указать. Немецкий интеллект, стимулированный французами к внезапному росту, был

развит нерегулярно; и таким образом, он был привлечен к деятельности, большей, чем требует средняя цивилизация страны. Следствием этого является то, что в Европе нет ни одной нации, в которой мы не обнаружили бы столь широкого разрыва между высшими и низшими умами. Немецкие философы обладают ученостью и размахом мысли, которые ставят их во главе цивилизованного мира. Немецкий народ более суеверен, более предубежден и, несмотря на заботу, которую правительство проявляет об их образовании, на самом деле более невежествен и более неспособен руководить собой, чем жители Франции или Англии.[379] Это разделение и дивергенция двух классов являются естественным результатом того искусственного стимула, который столетие назад применялся к одному из классов и который, таким образом, нарушил нормальные пропорции общества. Вследствие этого высшие умы Германии настолько опередили общий прогресс нации, что между двумя партиями нет симпатии; и в настоящее время нет никаких средств, с помощью которых их можно было бы привести в соприкосновение. Их великие авторы обращаются не к своей стране, а друг к другу. Они уверены в избранной и образованной аудитории и используют то, что на самом деле является образованным языком; они превращают свой родной язык в диалект, действительно красноречивый и очень мощный, но такой трудный, такой тонкий и такой полный сложных инверсий, что для их собственных низших классов он совершенно непонятен.[380] Из этого возникли некоторые из наиболее заметных особенностей немецкой литературы. Ибо, будучи лишенной обычных читателей, она отрезана от влияния обычных предрассудков; и, следовательно, она продемонстрировала смелость исследования, безрассудство в стремлении к истине и пренебрежение традиционными мнениями, которые дают ей право на высшую похвалу. Но, с другой стороны, то же самое обстоятельство привело к тому отсутствию практических знаний и тому безразличию к материальным и телесным интересам, за которые справедливо порицается немецкая литература. Разумеется, все это расширило первоначальную брешь и увеличило дистанцию, отделяющую великих немецких мыслителей от того тупого и трудолюбивого класса, который, хотя и находится непосредственно под ними, все еще остается неподвластным их знаниям и не воодушевлен сиянием и огнем их гения.

С другой стороны, в Америке мы видим цивилизацию, прямо противоположную этой. Мы видим страну, о которой справедливо сказано, что ни в одной другой нет так мало людей великой учености и так мало людей великого невежества.[381] В Германии спекулятивные классы и практические классы совершенно разобщены; в Америке они полностью слиты. В Германии почти каждый год появляются новые открытия, новые философии, новые средства, с помощью которых должны быть расширены границы знания. В Америке подобными исследованиями почти полностью пренебрегают: со времен Джонатана Эдвардса не появилось ни одного великого метафизика; физическим наукам уделялось мало внимания; и, за единственным исключением юриспруденции,[382] почти ничего не было сделано для тех обширных дисциплин, над которыми немцы непрестанно трудятся. Запас американских знаний невелик, но он распределен по всем классам; запас немецких знаний огромен, но он ограничен одним классом. Какая из этих двух форм цивилизации более выгодна - это вопрос, который мы сейчас не призваны решать. Для нашей нынешней цели достаточно того, что в Германии наблюдается серьезный сбой в распространении знаний, а в Америке - не менее серьезный сбой в их накоплении. И поскольку цивилизация регулируется накоплением и распространением знаний, очевидно, что ни одна страна не может даже приблизиться к полному и совершенному образцу, если, чрезмерно культивируя одно из этих условий, она пренебрегает культивированием другого. Действительно, из-за этого недостатка равновесия между двумя элементами

цивилизации, в Америке и Германии возникли те великие, но противоположные бедствия, которые, следует опасаться, нелегко устранить; и которые, пока не будут устранены, несомненно, замедлят прогресс обеих стран, несмотря на временные преимущества, которые такая односторонняя энергия на данный момент всегда приносит.

Я очень кратко, но, надеюсь, справедливо и, конечно, без сознательной пристрастности, попытался оценить относительную ценность истории четырех ведущих стран мира. Что касается реального величия самих стран, я не высказываю своего мнения, потому что каждая считает себя первой. Но, если только факты, которые я изложил, не могут быть оспорены, из этого, безусловно, следует, что история Англии для философа более ценна, чем любая другая; потому что он может более ясно увидеть в ней накопление и распространение знаний, идущих рука об руку; потому что на эти знания меньше влияли иностранные и внешние агентства; и потому что в них меньше вмешивались, как во благо, так и во зло, те могущественные, но часто некомпетентные люди, которым доверено управление государственными делами.

Именно из-за этих соображений, а вовсе не из тех побуждений, которые достойны названия патриотизма, я решил написать историю моей собственной страны, отдав предпочтение истории любой другой; и написать ее настолько полно и исчерпывающе, насколько позволяют мне имеющиеся в настоящее время материалы. Но, поскольку уже изложенные обстоятельства делают невозможным обнаружение законов общества исключительно путем изучения истории одной нации, я составил настоящее Введение, чтобы устранить некоторые трудности, которыми окружен этот великий предмет. В предыдущих главах я попытался обозначить границы предмета, рассматриваемого в целом, и установить максимально возможную основу, на которую он может опираться. С этой точки зрения я рассматривал цивилизацию как разделенную на два обширных подразделения: европейское подразделение, в котором Человек могущественнее Природы; и неевропейское подразделение, в котором Природа могущественнее Человека. Это привело нас к выводу, что национальный прогресс в связи с народной свободой не мог зародиться ни в какой части мира, кроме Европы; следовательно, только там следует изучать подъем настоящей цивилизации и посягательства человеческого разума на силы природы. Превосходство ментальных законов над физическими, таким образом, было признано основой европейской истории, и следующим шагом было разделение ментальных законов на моральные и интеллектуальные и доказательство превосходящего влияния интеллектуальных законов на ускорение прогресса человека. Эти обобщения представляются мне существенными предварительными этапами истории, рассматриваемой как наука; и для того, чтобы связать их со специальной историей Англии, мы должны теперь просто установить фундаментальное условие интеллектуального прогресса, поскольку, пока это не сделано, летописи любого народа могут представлять только эмпирическую последовательность событий, связанных такими случайными звеньями, которые придуманы разными авторами в соответствии с их различными принципами. Таким образом, оставшаяся часть этого Введения будет в основном посвящена завершению схемы, которую я набросал, исследованию истории различных стран в связи с теми интеллектуальными особенностями, о которых история нашей собственной страны не дает адекватной информации. Так, например, в Германии накопление знаний происходило гораздо быстрее, чем в Англии; по этой причине законы накопления знаний удобнее всего изучать на примере немецкой истории, а затем дедуктивно применять к истории Англии. Точно так же американцы распространили свои знания гораздо полнее, чем это сделали мы; поэтому я намереваюсь объяснить некоторые явления английской цивилизации с помощью тех законов распространения, действие которых в

американской цивилизации можно увидеть наиболее отчетливо и, следовательно, легче всего сделать открытие. Опять же, поскольку Франция - самая цивилизованная страна, в которой очень силен дух защиты, мы можем проследить оккультные тенденции этого духа среди нас самих, изучая его очевидные тенденции среди наших соседей. С этой точки зрения я приведу отчет о французской истории, чтобы проиллюстрировать принцип защиты, показав ущерб, который он нанес очень способному и просвещенному народу. И, анализируя Французскую революцию, я укажу, как это великое событие было реакцией против духа покровительства; в то время как материалы для реакции были взяты из Англии, мы также увидим в ней способ, которым интеллект одной страны воздействует на интеллект другой; и мы придем к некоторым результатам, касающимся того обмена идеями, который, вероятно, станет самым важным регулятором европейских дел. Это прольет много света на законы международной мысли; и в связи с этим две отдельные главы будут посвящены истории Духа Покровительства и исследованию его относительной интенсивности во Франции и Англии. Но французы, как народ, с начала или середины семнадцатого века были удивительно свободны от суеверий; и, несмотря на усилия своего правительства, они испытывают сильное отвращение к церковной власти: так что, хотя их история демонстрирует принцип защиты в его политической форме, она дает мало свидетельств относительно его религиозной формы; в то время как в нашей собственной стране свидетельства также скудны. Следовательно, мое намерение состоит в том, чтобы дать представление об испанской истории; потому что в ней мы можем проследить все результаты той защиты от ошибок, которую всегда стремятся обеспечить духовные классы. В Испании церковь с самого раннего периода обладала большим авторитетом, а духовенство имело большее влияние как на народ, так и на правительство, чем в любой другой стране; поэтому будет удобно изучить в Испании законы церковного развития и то, как это развитие влияет на национальные интересы. Другим обстоятельством, влияющим на интеллектуальный прогресс нации, является метод исследования, которым обычно пользуются ее наиболее способные люди. Этот метод может быть только одного из двух видов; он должен быть либо индуктивным, либо дедуктивным. Каждый из них принадлежит к другой форме цивилизации и всегда сопровождается другим стилем мышления, особенно в отношении религии и науки. Эти различия имеют такое огромное значение, что до тех пор, пока не будут известны их законы, нельзя сказать, что мы понимаем реальную историю прошлых событий. Итак, двумя крайними точками различия, несомненно, являются Германия и Соединенные Штаты; немцы в высшей степени дедуктивны, американцы - индуктивны. Но Германия и Америка во многих других отношениях диаметрально противоположны друг другу, что я счел целесообразным изучить действия дедуктивного и индуктивного духа в странах, между которыми существует более тесная аналогия; потому что чем больше сходство между двумя нациями, тем легче мы можем проследить последствия любого отдельного расхождения и тем более заметными становятся законы этого расхождения. Такая возможность предоставляется в истории Шотландии по сравнению с историей Англии. Здесь у нас есть две нации, граничащие друг с другом, говорящие на одном языке, читающие одну и ту же литературу и объединенные одними и теми же интересами. И все же это истина, которая, по-видимому, ускользнула от внимания, но доказательство которой я приведу полностью подробно, а именно, что до последних тридцати или сорока лет шотландский интеллект был даже более дедуктивным, чем английский интеллект был индуктивным. Индуктивные тенденции английского ума и почти суеверное благоговение, с которым мы цепляемся за них, были с сожалением замечены немногими, и очень немногими, из наших самых способных людей.^[383] С другой стороны, в Шотландии, особенно в восемнадцатом веке, великие мыслители, почти без исключения, применяли

дедуктивный метод. Итак, характерной чертой дедукции, применяемой к отраслям знания, которые еще не созрели для нее, является то, что она увеличивает количество гипотез, исходя из которых мы рассуждаем нисходящим образом, и создает дурную славу медленному и терпеливому восхождению, свойственному индуктивному исследованию. Это желание постичь истину с помощью умозрительных и, так сказать, заранее сделанных выводов часто приводило к великим открытиям; и никто, должным образом обученный, не станет отрицать его огромной ценности. Но когда этому следуют все, возникает неминуемая опасность, чтобы наблюдением простых эмпирических единообразий не пренебрегли; и чтобы мыслящие люди не стали нетерпеливыми к тем малым и приблизительным обобщениям, которые, согласно индуктивной схеме, должны неизменно предшествовать более крупным и возвышенным. Всякий раз, когда это нетерпение действительно возникает, возникает серьезный вред. Ибо эти низшие обобщения образуют нейтральную почву, которой обладают спекулятивные умы и практические умы, и на которой они встречаются. Если эта почва будет отрезана, встреча будет невозможна. В таком случае среди научных кругов возникает неоправданное презрение к выводам, к которым приводит опыт вульгарных людей, но законы которых кажутся необъяснимыми; в то время как среди практических классов возникает пренебрежение к спекуляциям, столь широким, столь величественным, промежуточные и предварительные этапы которых скрыты от их взора. Результаты этого в Шотландии в высшей степени любопытны и в некоторых отношениях сходны с теми, которые мы находим в Германии; поскольку в обеих странах интеллектуальные классы издавна отличались смелостью исследований и свободой от предрассудков, а люди в целом в равной степени отличались количеством своих суеверий и силой своих предрассудков. В Шотландии это еще более поразительно, чем в Германии; потому что шотландцы, в силу причин, которые мало изучены, в практических вопросах не только трудолюбивы и предусмотрительны, но и необычайно проницательны. Это, однако, в высших сферах жизни им ничего не дало; и, хотя нет страны, обладающей более оригинальной, пылкой и новаторской литературой, чем Шотландия, точно так же нет страны, столь же цивилизованной, в которой все еще сохранилось так много духа средневековья, в которой все еще верят в так много нелепостей и в которой было бы так легко пробудить старые чувства религиозной нетерпимости.

Расхождение и даже враждебность, установившиеся таким образом между практическими и спекулятивными классами, являются наиболее важным фактом в истории Шотландии и частично являются причиной, а частично следствием преобладания дедуктивного метода. Ибо эта нисходящая схема, противоположная восходящей или индуктивной схеме, пренебрегает теми низшими обобщениями, которые являются единственными, понятными обоим классам, и, следовательно, единственными, в которых они симпатизируют друг другу. Индуктивный метод, популяризированный Бэконом, придавал большое значение этим низшим или ближайшим истинам; и это, хотя часто делало интеллектуальные классы Англии слишком утилитарными, во всяком случае, спасло их от того состояния изоляции, в котором они в противном случае оставались бы. Но в Шотландии изоляция была почти полной, потому что дедуктивный метод был почти универсальным. Полные доказательства этого будут собраны в третьем томе; но, чтобы я не мог оставить тему полностью без иллюстрации, я очень кратко отмечу основные примеры, имевшие место в течение тех трех поколений, при которых шотландская литература достигла своего наивысшего совершенства.

В течение этого периода, длящегося почти столетие, тенденция была настолько очевидной, что стала поразительным явлением в анналах человеческого разума. Первым важным симптомом

было движение, начатое Симсоном, профессором Университета Глазго, и продолженное Стюартом, профессором Эдинбургского университета. Эти способные люди прилагали напряженные усилия, чтобы возродить чистую греческую геометрию и обесценить алгебраический или символический анализ.[384] Отсюда у них и у их учеников возникла любовь к самым изысканным методам решения и презрение к тем более простым, но менее элегантным, которыми мы обязаны алгебре.[385] Здесь мы ясно видим изолирующий и эзотерический характер схемы, которая презирает то, с чем обычное понимание может быстро справиться, и которая скорее идет от идеального к осязаемому, чем поднимается от осязаемого к идеальному. Точно в то же время тот же дух был проявлен в другой области исследований Хатчесоном, который, хотя и был ирландцем по происхождению, получил образование в Университете Глазго и был там профессором. В своих знаменитых моральных и эстетических исследованиях он заменил индуктивные рассуждения на основе осязаемых фактов дедуктивными рассуждениями на основе неосязаемых принципов; игнорируя непосредственные и практические подсказки органов чувств и полагая, что, гипотетически предположив определенные законы, он мог бы спуститься к фактам, вместо того чтобы подниматься от фактов, чтобы изучить законы.[386] Его философия оказала огромное влияние среди метафизиков;[387] и его метод работы сверху вниз, от абстрактного к конкретному, был принят другим и еще более великим шотландцем, прославленным Адамом Смитом. Насколько Смит отдавал предпочтение дедуктивной форме исследования, видно из его *Теории моральных чувств*, также в его *Эссе о языке*,[388] и даже в его фрагменте из *Истории астрономии*, в котором он, исходя из общих соображений, взялся доказать, каким должно было быть направление астрономических открытий, вместо того, чтобы сначала установить, что это было. был.[389] *Богатство наций*, опять же, полностью дедуктивно, поскольку в нем Смит обобщает законы богатства не из феноменов богатства и не из статистических отчетов, а из феноменов эгоизма; таким образом, дедуктивно применяя один набор ментальных принципов ко всему набору экономических фактов.[390] Иллюстрации, которыми изобилует его великая книга, не являются частью настоящего аргумента: они следуют за концепцией; и если бы они все были приняты, работа, хотя и менее интересная и, возможно, менее влиятельная, была бы, с научной точки зрения, столь же ценной. Приведу другой пример: все работы Юма, за исключением только его метафизических эссе, являются дедуктивными; его глубокие экономические исследования по существу *априорны* могли быть написаны без какого-либо знакомства с теми деталями торговли и финансов, из которых, согласно индуктивной схеме, они должны были быть обобщены. Таким же образом, в своей *Естественной истории религии* он попытался простым размышлением и независимо от доказательств провести чисто умозрительное исследование происхождения религиозных мнений.[392] Точно так же в своей *Истории Англии* вместо того, чтобы сначала собирать доказательства, а затем делать из них выводы, он начал с предположения, что отношения между народом и правительством должны были следовать определенному порядку, и он либо пренебрег, либо исказил факты, которые опровергали это предположение.[393] Эти разные авторы, хотя и различались в своих принципах и в предметах, которые они изучали, все были согласны относительно своего метода; иными словами, все они были согласны исследовать истину скорее по нисхождению, чем по восхождению. Огромную социальную значимость этой особенности я рассмотрю в третьем томе, где попытаюсь установить, как она повлияла на национальную цивилизацию и вызвала некоторые любопытные контрасты с противоположным и более эмпирическим характером английской литературы. Между тем, и просто для того, чтобы изложить то, что будет доказано далее, я могу добавить, что дедуктивный метод использовался не только теми выдающимися шотландцами, которых я упомянул, но и был применен в

спекулятивной *истории гражданского общества* Фергюсоном; в изучении законодательства Миллем; в изучении юриспруденции Макинтошем; в геологии Хаттоном; в термотике Блэком и Лесли; в физиологии Хантером, Александром Уокером и Чарльзом Беллом; в патологии Калленом; в терапии Брауном и Карри.

Это краткое изложение плана, которому я намереваюсь следовать в настоящем Введении и с помощью которого я надеюсь достичь некоторых результатов, имеющих постоянную ценность. Ибо, изучая различные принципы в тех странах, где они были наиболее развиты, законы принципов будет легче раскрыть, чем если бы мы изучали их в странах, где они очень неясны. И поскольку в Англии цивилизация следовала более упорядоченным и менее беспорядочным курсом, чем в любой другой стране, становится тем более необходимым при написании ее истории использовать некоторые ресурсы, подобные тем, которые я предложил. Что делает историю Англии столь в высшей степени ценной, так это то, что нигде больше национальному прогрессу не препятствовали так мало, ни во благо, ни во зло. Но сам факт того, что таким образом наша цивилизация была сохранена в более естественном и здоровом состоянии, возлагает на нас обязанность изучать болезни, которым она подвержена, путем наблюдения за теми другими странами, где социальные заболевания более распространены. Безопасность и долговечность цивилизации должны зависеть от регулярности, с которой сочетаются ее элементы, и от гармонии, с которой они работают. Если какой-либо один элемент будет слишком активен, вся композиция окажется в опасности. Следовательно, хотя законы состава элементов будут лучше всего установлены там, где мы сможем найти наиболее полный состав, мы должны, тем не менее, искать законы каждого отдельного элемента везде, где мы можем найти сам элемент наиболее активным. Поэтому, хотя я и выбрал историю Англии как ту, в которой дольше всего сохранялась гармония различных принципов, я именно по этой причине счел целесообразным изучить каждый принцип отдельно в стране, где он был наиболее силен и где из-за его чрезмерного развития было нарушено равновесие всей структуры.

Приняв эти меры предосторожности, мы сможем устранить многие трудности, которые все еще препятствуют изучению истории. Однако прежде чем перейти к тому широкому полю, которое сейчас лежит у нас на пути, было бы неплохо прояснить некоторые предварительные моменты, на которые я еще не обратил внимания и обсуждение которых может устранить определенные возражения, которые могли бы возникнуть в противном случае. Темы, на которые я ссылаюсь, - это Религия, Литература и государственное управление: три темы огромной важности, которые, по мнению многих людей, являются главными движущими силами человеческих дел. То, что это мнение совершенно ошибочно, будет подробно доказано в настоящей работе; но поскольку это мнение широко распространено и весьма правдоподобно, необходимо, чтобы мы немедленно пришли к некоторому пониманию относительно него и исследовали реальную природу того влияния, которое эти три великие державы действительно оказывают на прогресс цивилизации.

Итак, во-первых, очевидно, что если бы люди были предоставлены полностью самим себе, их религия, их литература и их правительство были бы не причинами их цивилизации, а ее следствиями. Из определенного состояния общества естественным образом вытекают определенные результаты. Эти результаты, без сомнения, могут быть искажены каким-либо внешним фактором; но если этого не сделать, невозможно, чтобы высокоцивилизованный народ, привыкший к разуму и сомнениям, когда-либо принял религию, вопиющая абсурдность которой бросает вызов разуму и сомнению. Есть много примеров, когда страны меняли свою религию, но нет ни одного примера, когда прогрессивная страна добровольно принимала

регрессивную религию; нет ни одного примера, когда страна, находящаяся в упадке, улучшала свою религию. Конечно, верно, что хорошая религия благоприятствует цивилизации, а плохая - неблагоприятна для нее. Однако, если не будет какого-либо вмешательства извне, ни один человек никогда не обнаружит, что его религия плоха, пока их разум не скажет им об этом; но если их разум бездействует, а их знания неподвижны, открытие никогда не будет сделано. Страна, которая продолжает пребывать в своем старом невежестве, всегда будет придерживаться своей старой религии. Конечно, ничто не может быть яснее этого. Очень невежественный народ в силу своего невежества склонится к религии, полной чудес; религии, которая хвастается бесчисленными богами и которая приписывает каждое событие непосредственному авторитету этих богов. С другой стороны, людям, чьи знания позволяют им лучше разбираться в доказательствах, и которые привыкли к этой самой трудной задаче - практике сомнения, потребуется религия, менее чудесная, менее навязчивая; такая, которая не так сильно обременяет их доверчивость. Но скажете ли вы, следовательно, что дурность первой религии вызывает невежество; и что доброта второй религии вызывает знание? Скажете ли вы, что когда одно событие предшествует другому, то то, которое наступает первым, является следствием, а то, которое следует за ним, является причиной? Это не тот способ, которым люди рассуждают об обычных делах жизни; и трудно понять, почему они должны рассуждать таким образом, уважая историю прошлых событий.

Истина заключается в том, что религиозные мнения, преобладающие в любой период, являются одними из симптомов, которыми отмечен этот период. Когда мнения глубоко укореняются, они, без сомнения, влияют на поведение людей; но прежде чем они смогут глубоко укорениться, сначала должны произойти некоторые интеллектуальные изменения. С таким же успехом мы можем ожидать, что семя прорастет в бесплодной скале, как и того, что среди невежественных и свирепых дикарей должна быть установлена мягкая и философская религия. С этим были проведены бесчисленные эксперименты, и всегда с одним и тем же результатом. Люди с прекрасными намерениями и полные пылко, хотя и ошибочного рвения, пытались и продолжают пытаться распространять свою собственную религию среди жителей варварских стран. Напряженной и неустанной деятельностью, часто обещаниями и даже настоящими подарками, они во многих случаях убедили сообщества дикарей исповедовать христианскую религию. Но тот, кто сравнит победоносные сообщения миссионеров с длинной цепью свидетельств, предоставленных компетентными путешественниками, вскоре обнаружит, что такое исповедание является лишь номинальным и что эти невежественные племена действительно приняли церемонии новой религии, но ни в коем случае не приняли саму религию. Они получают внешнее, но на этом они останавливаются. Они могут крестить своих детей; они могут принимать причастие; они могут собираться в церковь. Все это они могут делать, и все же быть так же далеки от духа христианства, как тогда, когда они преклоняли колена перед своими прежними идолами. Обряды и формы религии лежат на поверхности; они сразу видны, их быстро усваивают, их легко копируют те, кто неспособен проникнуть в то, что лежит за ними. Только это более глубокое и внутреннее изменение долговечно; и этого дикарь никогда не сможет испытать, пока он погружен в невежество, которое ставит его в один ряд с животными, которыми он окружен. Устраните невежество, и тогда религия сможет войти. Это единственный путь, которым можно достичь конечной пользы. После тщательного изучения истории и состояния варварских народов я с полной уверенностью утверждаю, что нет ни одного хорошо засвидетельствованного случая постоянного обращения какого-либо народа в христианство, за исключением тех очень немногих случаев, когда миссионеры, будучи людьми

образованными, а также набожными, ознакомили дикаря с образцом мышления и, стимулируя таким образом его интеллект, подготовили его к восприятию тех религиозных принципов, которые без такого стимула он никогда не смог бы понять.[\[394\]](#)

Именно таким образом, если смотреть на вещи в широком масштабе, религия человечества является следствием их совершенствования, а не причиной его. Но, рассматривая вещи в малом масштабе или принимая то, что называется практическим взглядом на какой-то короткий и особый период, время от времени будут возникать обстоятельства, которые нарушают этот общий порядок и, по-видимому, обращают естественный процесс вспять. И это, как и во всех подобных случаях, может проистекать только из особенностей отдельных людей; которые, движимые второстепенными законами, регулирующими индивидуальные действия, способны, благодаря своему гению или энергии, вмешиваться в действие тех более важных законов, которые регулируют большие общества. По неизвестным пока обстоятельствам время от времени появляются великие мыслители, которые, посвятив свою жизнь единственной цели, способны предвидеть прогресс человечества и создать религию или философию, с помощью которых в конечном итоге достигаются важные результаты. Но если мы заглянем в историю, то ясно увидим, что, хотя возникновение нового мнения может быть, таким образом, обязано одному человеку, результат, к которому приводит новое мнение, будет зависеть от состояния людей, среди которых оно распространяется. Если религия или философия слишком опережают нацию, они не могут оказать никакой услуги в настоящее время, но должны выжидать своего часа, пока умы людей не созреют для их восприятия. Большинству читателей придут на ум бесчисленные примеры этого. У каждой науки и каждого вероучения были свои мученики; люди, подвергавшиеся поношению или даже смерти, потому что они знали больше, чем их современники, и потому что общество было недостаточно развито, чтобы воспринять истины, которые они сообщали. Согласно обычному ходу дел, проходит несколько поколений, и затем наступает период, когда на эти самые истины смотрят как на банальные факты; а немного позже наступает другой период, когда они объявляются необходимыми, и даже самые тупые умы удивляются, как их вообще можно было отрицать. Это то, что происходит, когда человеческому разуму позволено вести честную игру и с приемлемой свободой проявлять себя в накоплении и распространении знаний. Однако, если насильственными, а следовательно, искусственными средствами этому же обществу помешать развивать свой интеллект, то истины, какими бы важными они ни были, никогда не смогут быть получены. Ибо почему определенные истины должны быть отвергнуты в одну эпоху и признаны в другую? Истины остаются теми же; следовательно, их окончательное признание должно быть вызвано изменениями в обществе, которое теперь принимает то, что раньше презирало. Действительно, история полна свидетельств полной неэффективности даже самых благородных принципов, когда они провозглашаются среди очень невежественной нации. Таким образом, доктрина о Едином Боге, которой в древности учили евреев, на протяжении многих веков оставалась совершенно неработоспособной. Люди, которым это было адресовано, еще не вышли из состояния варварства; поэтому они были неспособны возвысить свои умы до столь возвышенной концепции. Как и все другие варвары, они жаждали религии, которая подпитывала бы их легкое верие непрекращающимися чудесами; и которая, вместо того чтобы сводить Божество к одной сущности, умножала бы их богов до тех пор, пока они не покрыли бы каждое поле и не кишели в каждом лесу. Это идолопоклонство, которое является естественным плодом невежества; и именно к этому постоянно возвращались евреи. Несмотря на самые суровые и непрекращающиеся наказания, они при каждом удобном случае отказывались от

того чистого теизма, который их умы были слишком отсталыми, чтобы воспринять, и возвращались к суевериям, которые им было легче понять, — к поклонению золотому тельцу и медному змею. Сейчас, в наш век, они давно перестали делать подобные вещи. И почему? Не потому, что их религиозные чувства легче возбудить или их религиозные страхи возбуждаются чаще. Настолько далекие от этого, они оторвались от своих старых ассоциаций; они навсегда утратили те сцены, которые вполне могли бы тронуть людей. На них больше не влияют те причины, которые вызывали эмоции, иногда ужаса, иногда благодарности. Они больше не видят облачный столп днем или огненный столп ночью; они больше не видят Закона, данного с Синая, и не слышат раскатов грома, доносящихся с Хорива. Несмотря на эти великие призывы, они оставались идолопоклонниками в своих сердцах, и всякий раз, когда появлялась возможность, они становились идолопоклонниками в своей практике, и это они делали, потому что находились в том состоянии варварства, естественным продуктом которого является идолопоклонство. Какому возможному обстоятельству можно приписать их последующее изменение, кроме того простого факта, что евреи, как и все другие народы, по мере развития цивилизации начали абстрагироваться и совершенствовать свою религию и, презирая старое поклонение многим богам, таким образом, постепенно возвысили свои умы до того устойчивого восприятия Единой Великой Причины, которое в более ранний период тщетно пытались им внушить?

Столь тесна связь между мнениями народа и его знаниями; и столь необходимо, чтобы интеллектуальная деятельность, насколько это касается наций, предшествовала религиозному совершенствованию. Если нам потребуются дополнительные иллюстрации этой важной истины, мы найдем их в событиях, которые произошли в Европе вскоре после распространения христианства. Римляне были, за редкими исключениями, невежественной и варварской расой; свирепой, распутной и жестокой. Для такого народа политеизм был естественным вероучением; и мы читаем, соответственно, что они практиковали идолопоклонство, которое немногие великие мыслители, и лишь немногие, осмеливались презирать. Христианская религия, пришедшая к этим людям, обнаружила, что они неспособны оценить ее возвышенные и достойные восхищения доктрины. И когда немного позже Европа была наводнена новыми иммигрантами, захватчики, которые были еще более варварскими, чем римляне, принесли с собой те суеверия, которые соответствовали их реальному положению. Именно на материалах, полученных из этих двух источников, христианство теперь было призвано выполнять свою работу. Результат наиболее примечателен. Ибо после того, как новая религия, казалось, превзошла все ожидания и получила почтение лучшей части Европы, вскоре обнаружилось, что на самом деле ничего не произошло. Вскоре было обнаружено, что общество находится на той ранней стадии, на которой суеверие неизбежно; и на которой люди, если они не имеют его в одной форме, будут иметь его в другой. Напрасно христианство учило простой доктрине и предписывало простое богослужение. Умы людей были слишком отсталыми для такого большого шага и требовали более сложных форм и более сложной веры. То, что последовало за этим, хорошо известно изучающим церковную историю. Суеверия Европы, вместо того чтобы уменьшиться, были лишь направлены в новое русло. Новая религия была испорчена старыми безумствами. Поклонение идолам сменилось поклонением святым; поклонение Деве было заменено поклонением Кибеле; [395] Языческие церемонии были установлены в христианских церквях; не только ряженые идолопоклонники, но также и их доктрины были быстро дополнены, были включены и переработаны в духе новой религии; пока, по прошествии нескольких

поколений, христианство не приняло столь гротескную и отвратительную форму, что его лучшие черты были утрачены, а черты его прежней красоты полностью уничтожены.[396]

По прошествии нескольких столетий христианство постепенно избавилось от этих искажений, от многих из которых, однако, даже самые цивилизованные страны до сих пор не смогли избавиться.[397] Действительно, оказалось невозможным осуществить даже начало реформы, пока европейский интеллект не был в какой-то степени пробужден от своей летаргии. Знания людей, постепенно расширявшиеся, вызвали у них негодование по поводу суеверий, которыми они прежде восхищались. То, как росло их возмущение, пока в шестнадцатом веке оно не вылилось в то великое событие, которое уместно назвать Реформацией, составляет одну из самых интересных тем современной истории. Но для нашей настоящей цели достаточно помнить о памятном и важном факте, что на протяжении веков после того, как христианство стало установившейся религией Европы, оно не приносило своих естественных плодов, потому что его жребий был брошен среди людей, чье невежество вынудило их быть суеверными, и которые из-за своего суеверия исказили систему, которую они не смогли принять в ее первоначальной чистоте.[398]

Действительно, на каждой странице истории мы встречаемся со свежими свидетельствами того, какое незначительное влияние религиозные доктрины могут оказать на народ, если им не предшествует интеллектуальная культура. Интересным примером этого является влияние протестантизма по сравнению с католицизмом. Католическая религия имеет к протестантской религии точно такое же отношение, какое Темные века имеют к шестнадцатому веку. В Темные века люди были легковерны и невежественны; поэтому они создали религию, которая требовала большой веры и мало знаний. В шестнадцатом веке их доверчивость и невежество, хотя и все еще значительные, быстро уменьшались, и было сочтено необходимым организовать религию, соответствующую изменившимся обстоятельствам: религию, более благоприятствующую свободному исследованию; религию, менее полную чудес, святых, легенд и идолов; религию, церемонии которой были менее частыми и менее обременительными; религию, которая не поощряла бы покаяние, пост, исповедь, безбрачие и те другие умерщвления плоти, которые долгое время были универсальными. Все это было достигнуто установлением протестантизма - способа богослужения, который, будучи таким образом соответствующим эпохе, способствовал, как хорошо известно, быстрому прогрессу. Если бы этому великому движению было позволено продолжаться без перерыва, оно бы в течение нескольких поколений свергло старое суеверие и установило на его месте более простое и менее вызывающее беспокойство вероучение; скорость, с которой это было сделано, была, конечно, пропорциональна интеллектуальной активности различных стран. Но, к сожалению, европейские правительства, которые всегда вмешиваются в дела, которые их не касаются, считали своим долгом защищать религиозные интересы народа; и, объединившись с католическим духовенством, они во многих случаях насильственно пресекали ересь и тем самым останавливали естественное развитие эпохи. Это вмешательство было почти во всех случаях преднамеренным, и его следует приписать исключительно невежеству правителей в отношении надлежащих пределов своих функций; но зло, вызванное этим невежеством, было бы трудно преувеличить. В течение почти ста пятидесяти лет Европа страдала от религиозных войн, резни на религиозной почве и религиозных преследований; ни одно из которых не возникло бы, если бы была признана великая истина, что государство не имеет никакого отношения к мнениям людей и не имеет права вмешиваться, даже в малейшей степени, в форму богослужения, которую они могут выбрать. Этот принцип был, однако, ранее неизвестен или, во

всяком случае, не принимался во внимание; и только в середине семнадцатого века великие религиозные распри были окончательно завершены, и различные страны утвердились в своих общественных верованиях; которые в существенных моментах с тех пор никогда не менялись окончательно; ни одна нация на протяжении более чем двухсот лет не вела войны против другой из-за своей религии; и все великие католические страны в течение того же периода оставались католическими, все великие протестантские страны оставались протестантскими.

Из этого следует, что в некоторых европейских странах религиозное развитие не следовало своему естественному порядку, а было искусственно приведено к неестественному. Согласно естественному порядку вещей, все самые цивилизованные страны должны быть протестантами, а самые нецивилизованные - католиками. В большинстве случаев это действительно так; так что многие люди были введены в странную ошибку, приписывая все современное просвещение влиянию протестантизма; упуская из виду важный факт, что до начала просвещения протестантизм никогда не был необходим. Но хотя при обычном ходе дел продвижение Реформации было бы мерой и симптомом того прогресса знаний, который ей предшествовал, все же во многих случаях авторитет правительства и церкви действовал как тревожные факторы и препятствовал естественному прогрессу религиозного совершенствования. И после того, как Вестфальский мирный договор установил политические отношения в Европе, любовь к теологическим спорам настолько сильно поутихла, что люди больше не считали нужным поднимать религиозную революцию и рисковать своими жизнями в попытке ниспровергнуть государственную веру. В то же время правительства, сами не будучи особенно любителями революций, поощряли это неподвижное состояние; и очень естественно и, как мне кажется, очень мудро, не произвели больших изменений, но оставили национальные учреждения такими, какими они их нашли; то есть протестантские - протестантскими, а католические - католическими. Следовательно, национальная религия, исповедуемая какой-либо страной в настоящий момент, не является решающим критерием нынешней цивилизации страны; потому что обстоятельства, определившие религию, произошли давным-давно, и религия остается одаренной и утвержденной благодаря простому продолжению импульса, который был дан ранее.

Что касается происхождения церковных учреждений Европы. Но в их практических последствиях мы видим некоторые результаты, которые в высшей степени поучительны. Для многих стран, обязанных своим национальным вероучением не своему собственному происхождению, а авторитету могущественных личностей, неизменно обнаруживается, что в таких странах вероучение не производит того эффекта, которого от него можно было бы ожидать и который, согласно его условиям, оно должно производить. Так, например, католическая религия более суеверна и нетерпима, чем протестантская; но из этого никоим образом не следует, что те страны, которые исповедуют первую веру, должны быть более суеверными и нетерпимыми, чем те, которые исповедуют вторую. Несмотря на это, французы не только столь же свободны от этих одиозных качеств, как и самые цивилизованные протестанты, но и более свободны от них, чем некоторые протестантские нации, такие как шотландцы и шведы. Я здесь говорю не о высокообразованном классе, но о духовенстве и о народе в целом, следует признать, что в Шотландии больше фанатизма, больше суеверий и более глубокого презрения к религии других, чем во Франции. А в Швеции, которая является одной из старейших протестантских стран в Европе,^[399] не случайно, а обычно существуют нетерпимость и дух преследования, которые были бы дискредитирующими католическую страну; но которые

вдвойне позорны, когда исходят от людей, заявляющих, что их религия основана на праве частного суждения.^[400]

Эти факты показывают то, что было бы легко доказать с помощью более широкой индукции, а именно, что когда по особым или, как их называют, случайным причинам какой-либо народ исповедует религию более развитую, чем они сами, это не произведет своего законного эффекта.^[401] Превосходство протестантизма над католицизмом заключается в уменьшении суеверий и нетерпимости, а также в сдерживании церковной власти. Но опыт Европы учит нас, что когда высшая религия утверждается среди низшего народа, ее превосходство больше не проявляется. Шотландцы и шведы, — и к ним можно было бы добавить некоторые швейцарские кантоны, — менее цивилизованны, чем французы, и поэтому более суеверны. В таком случае им мало помогает то, что у них религия лучше, чем у французов. Им мало помогает то, что в силу обстоятельств, которые давно миновали, они три столетия назад приняли вероучение, которого сила привычки и влияние традиции теперь вынуждают их придерживаться. Тот, кто путешествовал по Шотландии с достаточным вниманием, чтобы понаблюдать за идеями и мнениями людей, и тот, кто изучит шотландскую теологию и прочтет историю Шотландской церкви и работы шотландских ассамблей и консисторий, увидит, как мало пользы принесла стране ее религия и как велик разрыв между ее духом нетерпимости и естественными тенденциями протестантской реформации. С другой стороны, тот, кто подвергнет Францию подобному обследованию, увидит нелиберальную религию, сопровождающуюся либеральными взглядами, и вероучение, полное суеверий, исповедуемое народом, среди которого суеверия сравнительно редки.

Простой факт заключается в том, что у французов религия хуже, чем у них самих; у шотландцев религия лучше, чем у них самих. Либеральность Франции так же плохо подходит католицизму, как фанатизм Шотландии плохо подходит протестантизму. В этих, как и во всех подобных случаях, характеристики вероучения пересиливаются характеристиками народа; инациональная вера в наиболее важных моментах совершенно не действует, потому что она не гармонирует с цивилизацией страны, в которой она основана. Насколько же тогда бессмысленно приписывать цивилизацию вероучению; и насколько хуже, чем глупы, попытки правительства защитить религию, которая, если подходит людям, не будет нуждаться в защите, а если не подходит им, то не принесет никакой пользы!

Если читатель уловил дух предыдущих рассуждений, он вряд ли потребует, чтобы я с такой же тщательностью проанализировал вторую тревожащую причину, а именно литературу. Очевидно, что то, что уже было сказано относительно религии того или иного народа, в значительной степени применимо к его литературе. Литература,^[402] когда она находится в здоровом и непринужденном состоянии, это просто форма, в которой регистрируются знания о стране; форма, по которой они отливаются. В этом, как и в других рассмотренных нами случаях, отдельные мужчины, конечно, могут сделать большие шаги и подняться на большую высоту над уровнем своего возраста. Но если они поднимаются выше определенной точки, их нынешняя полезность снижается; если они поднимаются еще выше, она разрушается.^[403] Когда интервал между интеллектуальными занятиями и практическими занятиями слишком велик, первые не будут обладать никаким влиянием, вторые не получат никакой пользы. Это то, что происходило в древнем мире, когда расстояние между невежественным идолопоклонством людей и утонченными системами философов было совершенно непреодолимым;^[404] и это основная причина, по которой греки и римляне не смогли сохранить цивилизацию, которой они

обладали в течение короткого времени. Точно такой же процесс в настоящее время происходит в Германии, где наиболее ценная часть литературы образует эзотерическую систему, которая, не имея ничего общего с самой нацией, не оказывает никакого влияния на национальную цивилизацию. Правда в том, что, хотя Европа получила большую пользу от своей литературы, это связано не с тем, что литература возникла, а с тем, что она сохранила. Знание должно быть приобретено до того, как его можно будет записать; и единственное применение книг состоит в том, чтобы служить хранилищем, в котором надежно хранятся сокровища интеллекта и где их можно легко найти. Литература сама по себе - дело пустяковое; она ценна лишь как арсенал, в котором хранится оружие человеческого разума и из которого, при необходимости, его можно быстро извлечь. Но он был бы жалким рассуждателем, если бы из-за этого предложил пожертвовать целью, чтобы получить средства; кто надеялся бы защитить оружейный склад, сдав оружие, и кто уничтожил бы сокровище, чтобы улучшить магазин, в котором хранится сокровище.

Однако именно к этому склонны многие люди. В частности, от литераторов мы слишком много слышим о необходимости защищать и награждать литературу и слишком мало - о необходимости той свободы и смелости, без которых самая великолепная литература совершенно ничего не стоит. Действительно, существует общая тенденция не преувеличивать преимущества знания, — ибо это невозможно, — а неправильно понимать, в чем же на самом деле состоит знание. Истинное знание, знание, на котором основана вся цивилизация, состоит исключительно в знакомстве с отношениями, которые вещи и идеи поддерживают друг к другу и к самим себе; другими словами, в знакомстве с физическими и ментальными законами. Если когда-нибудь наступит время, когда все эти законы будут известны, круг человеческих знаний тогда станет полным; а тем временем ценность литературы зависит от того, в какой степени она передает либо знание законов, либо материалы, с помощью которых законы могут быть открыты. Задача образования - ускорить это великое движение и, таким образом, повысить физическую форму и способности людей за счет увеличения ресурсов, которыми они обладают. Для достижения этой цели литература, поскольку она является вспомогательной, в высшей степени полезна. Но рассматривать знакомство с литературой как одну из целей образования - значит ошибочно понимать порядок событий и ставить цель в зависимость от средств. Именно потому, что это делается, мы часто встречаем так называемых высокообразованных людей, прогресс знаний которых на самом деле был замедлен деятельностью по их образованию. Мы часто находим их отягощенными предрассудками, которые их чтение, вместо того чтобы рассеять, сделало еще более закоренелыми.^[405] Ибо литература, являясь хранилищем мыслей человечества, полна не только мудрости, но и абсурда. Таким образом, польза, получаемая от литературы, будет зависеть не столько от самой литературы, сколько от мастерства, с которым она изучается, и от суждения, с которым она выбирается. Таковы предварительные условия успеха, и если они не соблюдаются, количество и ценность книг в стране становятся совершенно неважными. Даже на продвинутой стадии цивилизации всегда существует тенденция отдавать предпочтение тем разделам литературы, которые одобряют древние предрассудки, а не тем, которые им противостоят; и в тех случаях, когда эта тенденция очень сильна, единственным результатом большой учености будет предоставление материалов, которые могут подтвердить старые ошибки и предрассудки. В наше время такие случаи не редкость; и мы часто встречаемся с людьми, чья эрудиция способствует их невежеству и которые чем больше они читают, тем меньше знают. Были состояния общества, в которых эта склонность была настолько распространена, что литература приносила гораздо больше вреда,

чем пользы. Так, например, за весь период с шестого по десятый века во всей Европе было не более трех-четырех человек, которые осмеливались думать самостоятельно; и даже они были вынуждены скрывать свой смысл за неясным и мистическим языком. Остальная часть общества в течение этих четырех столетий пребывала в самом унижительном невежестве. В этих обстоятельствах те немногие, кто умел читать, ограничивались изучением произведений, которые поощряли и укрепляли их суеверия, таких как легенды о святых и проповеди отцов церкви. Из этих источников они черпали те лживые и дерзкие басни, из которых в основном состояло богословие того времени.^[406] Эти печальные истории получили широкое распространение и были оценены как достоверная и важная правда. Чем больше читалось литературы, тем больше верили рассказам; другими словами, чем больше знаний, тем больше невежества.^[407] И я не сомневаюсь, что если в седьмом и восьмом веках, которые были худшей частью того периода,^[408] все знания алфавита какое-то время были если бы Европа была утрачена, так что люди больше не могли читать книги, которыми они восхищались, последующий прогресс Европы был бы более быстрым, чем это было на самом деле. Ибо, когда начался прогресс, его главным антагонистом была та доверчивость, которую воспитала литература. Дело было не в том, что не хватало книг получше, а в том, что вкус к таким книгам угас. Существовала литература Греции и Рима, которую монахи не только сохраняли, но даже иногда просматривали и копировали. Но что это могло дать таким читателям, как они? Столь далекие от признания достоинств древних писателей, они были неспособны ощутить даже красоту их стиля и трепетали перед смелостью своих исследований. При первом же проблеске света их глаза ослепли. Они никогда не переворачивали страницы языческого автора, не приходя в ужас от того риска, которому подвергались; и они были в постоянном страхе, как бы, усвоив какое-либо из его мнений, не впутать себя в смертный грех. Результатом было то, что они охотно отложили в сторону великие шедевры древности; и на их место они заменили те жалкие компиляции, которые развратили их вкус, усилили их легковерие, усилили их ошибки и продлили невежество Европы, воплощая каждое отдельное суеверие в письменной и доступной форме, таким образом увековечивая его влияние и позволяя ему ослабить понимание даже отдаленных потомков.

Именно таким образом, характер литературы, которой обладает тот или иной народ, имеет гораздо меньшее значение по сравнению с настроениями людей, которые должны читать эту литературу. В эпоху, которую справедливо называют Темными веками, существовала литература, в которой можно было найти ценные материалы; но не было никого, кто знал бы, как их использовать. В течение значительного периода латинский язык был народным диалектом;^[409] и, если бы люди захотели, они могли бы изучать великих латинских авторов. Но чтобы сделать это, они должны были находиться в состоянии общества, сильно отличающемся от того, в котором они жили на самом деле. Они, как и любой другой народ, оценивали заслуги по стандарту, общепринятому в их эпоху; и, согласно их стандарту, шлак был лучше золота. Поэтому они отказались от золота и скопили шлак. То, что произошло тогда, в меньшем масштабе происходит и сейчас. В каждой литературе есть что-то правдивое и много ложного; и эффект, который она производит, будет главным образом зависеть от умения отличать правду от лжи. Новые идеи и новые открытия в перспективе обладают важностью, которую трудно преувеличить; но до тех пор, пока идеи не получены и открытия не приняты на вооружение, они не оказывают никакого влияния и, следовательно, не приносят никакой пользы. Никакая литература никогда не принесет пользы людям, если она не застанет их в состоянии

предварительной подготовки. В этом отношении аналогия с религиозными взглядами полна. Если религия и литература страны не соответствуют ее потребностям, они будут бесполезны, потому что литературой будут пренебрегать, а религии не будут повиноваться. В таких случаях даже самые талантливые книги остаются непрочитанными, а самые чистые доктрины презируются. Труды предаются забвению; вера искажается ересью.

Другое мнение, на которое я ссылался, состоит в том, что цивилизация Европы в основном обязана способностям, которые были продемонстрированы различными правительствами, и проницательности, с которой зло общества смягчалось законодательными средствами. Любому, кто изучал историю по ее первоисточникам, это представление должно показаться настолько экстравагантным, что его трудно опровергнуть с подобающей серьезностью. Действительно, из всех социальных теорий, которые когда-либо выдвигались, нет ни одной столь же совершенно несостоятельной и несостоятельной во всех своих частях, как эта. Во-первых, у нас есть очевидное соображение, что правители страны при обычных обстоятельствах всегда были жителями этой страны, воспитанными на ее литературе, воспитанными в соответствии с ее традициями и впитавшими ее предрассудки. Такие люди в лучшем случае являются лишь порождениями эпохи, но никак не ее творцами. Их меры являются результатом социального прогресса, а не его причиной. Это может быть доказано не только умозрительными аргументами, но и практическими соображениями, в которых любой читатель истории может убедиться сам. Ни одно крупное политическое улучшение, ни одна крупная реформа, как законодательная, так и исполнительная, никогда не инициировались ни в одной стране ее правителями. Первыми, кто предлагал такие шаги, неизменно были смелые и способные мыслители, которые замечали злоупотребления, осуждали их и указывали, как их можно исправить. Но еще долго после того, как это сделано, даже самые просвещенные правительства продолжают поддерживать злоупотребления и отвергают средства правовой защиты. В конце концов, если обстоятельства складываются благоприятно, давление извне становится настолько сильным, что правительство вынуждено уступить; и, поскольку реформа завершена, ожидается, что народ будет восхищаться мудростью своих правителей, с помощью которых все это было сделано. То, что это курс на политическое совершенствование, должно быть хорошо известно каждому, кто изучал своды законов различных стран в связи с предыдущим прогрессом своих знаний. Полное и решительное доказательство этого будет приведено в настоящей работе; но в качестве иллюстрации я могу сослаться на отмену хлебных законов, несомненно, один из самых замечательных фактов в истории Англии этого столетия. Уместность и, более того, необходимость их отмены теперь признается каждым, обладающим достаточной информацией; и возникает вопрос о том, как это было достигнуто. Те англичане, которые мало сведущи в истории своей страны, скажут, что настоящей причиной была мудрость парламента; в то время как другие, пытаясь заглянуть немного дальше, припишут это деятельности Лиги против Хлебного закона и последовавшему за этим давлению, оказанному на правительство. Но тот, кто детально проследит различные стадии, через которые последовательно проходил этот великий вопрос, обнаружит, что правительство, Законодательный орган и Лига были невольными инструментами силы, гораздо более могущественной, чем все другие силы, вместе взятые. Они были просто выразителями того марша общественного мнения, который по этому вопросу начался почти за столетие до них. Этапы этого обширного движения я рассмотрю в другой раз; сейчас же достаточно сказать, что вскоре после середины восемнадцатого века абсурдность защитных ограничений на торговлю была настолько полно продемонстрирована политэкономистами, что была признана каждым

человеком, который понимал их аргументы и ознакомился с доказательствами, связанными с ними. С этого момента отмена хлебных законов стала делом не партии и не целесообразности, а просто знания. Те, кто знал факты, выступали против законов; те, кто не знал фактов, поддерживали законы. Таким образом, было ясно, что всякий раз, когда распространение знаний достигает определенной точки, законы должны нарушаться. Заслуга Лиги состояла в том, чтобы способствовать этому распространению; заслуга парламента состояла в том, чтобы уступить ему. Однако несомненно, что члены как Лиги, так и Законодательного органа могли бы в лучшем случае лишь немного ускорить то, что прогресс знаний сделал неизбежным. Если бы они жили столетием раньше, они были бы совершенно бессильны, потому что тот век еще не созрел для их трудов. Они были порождениями движения, которое зародилось задолго до того, как кто-либо из них родился; и максимум, что они могли сделать, это применить на практике то, чему учили другие, и повторить, более громким тоном, уроки, которые они получили от своих учителей. Ибо никто не притворялся, они даже сами не притворялись, что в доктринах, которые они проповедовали с самого начала и распространяли во всех частях королевства, было что-то новое. Открытия были сделаны уже давно и постепенно делали свое дело, вторгаясь в старые заблуждения и привлекая прозелитов во всех направлениях. Реформаторы нашего времени плыли по течению: они помогали тому, чему невозможно было долго сопротивляться. И это не следует рассматривать как легкомысленную или неохотную похвалу несомненно оказанным ими услугам. Оппозиция, с которой им пришлось столкнуться, все еще была огромной; и всегда следует помнить, как доказательство отсталости политических знаний и некомпетентности политических законодателей, что, хотя принципы свободной торговли почти столетие утверждались цепью аргументов, столь же веских, как те, на которых основаны математические истины, им до последнего момента яростно сопротивлялись; и только с величайшим трудом парламент был вынужден предоставить то, что народ твердо решил иметь, и необходимость чего была доказана наиболее способными людьми в течение трех последовательных поколений. .

Я выбрал этот случай в качестве иллюстрации, потому что факты, связанные с ним, неоспоримы и, действительно, свежи в памяти всех нас. Ибо в то время это не скрывалось, и потомки должны знать, что эта великая мера, которая, за исключением Билля о реформе, безусловно, является самой важной из когда-либо принятых британским парламентом, была, как и Билль о реформе, вырвана у законодательного органа давлением извне; что она была принята не с радостью, а со страхом; и что ее проводили государственные деятели, которые потратили свою жизнь на противодействие тому, что они теперь внезапно отстаивали. Такова была история этих событий; и такова была история всех тех усовершенствований, которые достаточно важны, чтобы считаться эпохами в истории современного законодательства.

Помимо этого, есть еще одно обстоятельство, заслуживающее внимания тех авторов, которые приписывают значительную часть европейской цивилизации мерам, инициированным европейскими правительствами. Это означает, что каждая великая реформа, которая была осуществлена, заключалась не в создании чего-то нового, а в отмене чего-то старого. Наиболее ценными дополнениями, внесенными в законодательство, были акты, разрушающие предыдущее законодательство; а лучшими законами, которые были приняты, были те, которыми были отменены некоторые прежние законы. В только что упомянутом случае с хлебными законами все, что было сделано, - это отмена старых законов и предоставление торговле ее естественной свободы. Когда эта великая реформа была завершена, единственным результатом стало то, что все стало на свои места, как если бы законодатели вообще никогда не

вмешивались. Точно такое же замечание применимо к другому важному усовершенствованию современного законодательства, а именно к уменьшению числа религиозных преследований. Это, несомненно, огромное благо, хотя, к сожалению, оно все еще несовершенно даже в самых цивилизованных странах. Но очевидно, что уступка заключается всего лишь в следующем: законодатели пошли по своим собственным следам и свели на нет свою собственную работу. Если мы рассмотрим политику самых гуманных и просвещенных правительств, мы обнаружим, что именно этого курса они придерживались. Весь размах и тенденция современного законодательства заключаются в том, чтобы вернуть ситуацию в то естественное русло, из которого ее вытеснило незнание предшествующего законодательства. Это одно из величайших дел нашего века; и если законодатели сделают это хорошо, они заслужат благодарность человечества. Но хотя мы, таким образом, можем быть благодарны отдельным законодателям, мы не обязаны быть благодарными законодателям, рассматриваемым как класс. Поскольку наиболее ценными улучшениями в законодательстве являются те, которые ниспровергают предыдущее законодательство, ясно, что баланс сил не может быть на их стороне. Ясно, что прогресс цивилизации не может быть достигнут благодаря тем, кто в наиболее важных вопросах причинил столько вреда, что их преемники считаются благодетелями, просто потому, что они меняют свою политику и таким образом возвращают дела к тому состоянию, в котором они бы оставались, если бы политики позволили им идти тем курсом, которого требовали потребности общества.

В самом деле, степень вмешательства правящих классов и вред, причиненный этим вмешательством, настолько замечательны, что заставляют вдумчивых людей задуматься, как цивилизация могла продвигаться вперед перед лицом таких повторяющихся препятствий. В некоторых европейских странах препятствия, по сути, оказались непреодолимыми, и национальный прогресс, таким образом, остановлен. Даже в Англии, где по причинам, о которых я сейчас расскажу, высшие чины на протяжении нескольких столетий были менее могущественны, чем где бы то ни было, было причинено количество зла, которое, хотя и гораздо меньшее, чем в других странах, достаточно серьезно, чтобы составить печальную главу в истории человеческого разума. Суммировать эти пороки значило бы написать историю английского законодательства; ибо в общих чертах можно сказать, что, за исключением некоторых необходимых актов, касающихся сохранения порядка и наказания за преступления, почти все, что было сделано, было сделано неправильно. Таким образом, если взять только такие бросающиеся в глаза факты, которые не допускают противоречий, то несомненно, что все наиболее важные интересы были серьезно повреждены попытками законодателей помочь им. Среди атрибутов современной цивилизации нет ничего важнее торговли, распространение которой, вероятно, сделало больше, чем любой другой отдельный фактор для повышения комфорта и счастья человека. Но каждое европейское правительство, которое издавало законы, касающиеся торговли, действовало так, как будто его главной целью было подавить торговлю и разорить торговцев. Вместо того, чтобы предоставить национальной промышленности идти своим чередом, она была обеспокоена бесконечной серией нормативных актов, все из которых направлены на ее благо и все они наносят серьезный вред. Это было доведено до такой степени, что коммерческие реформы, которыми отличалась Англия в течение последних двадцати лет, состояли исключительно в отмене этого вредного и навязчивого законодательства. Законы, ранее принятые по этому вопросу, и слишком многие из них все еще действуют, поражают воображение. Не будет преувеличением сказать, что история торгового законодательства Европы представляет всевозможные ухищрения для того, чтобы

препятствовать развитию торговли. Действительно, очень высокий авторитет, который зрело изучил этот предмет, недавно заявил, что если бы не контрабанда, торговля не могла бы вестись, а должна была бы погибнуть в результате этого непрекращающегося вмешательства.[410] Каким бы парадоксальным ни казалось это утверждение, его не опровергнет никто, кто знает, насколько слабой когда-то была торговля и насколько сильными были препятствия, стоявшие на ее пути. В каждом квартале и в каждый момент чувствовалась рука правительства. Пошлины на ввоз и пошлины на вывоз; премии для увеличения убыточной торговли и налоги для сокращения прибыльной; эта отрасль промышленности запрещена, а та поощряется; один товар нельзя выращивать, потому что он был выращен в колониях; другой товар можно выращивать и покупать, но не продавать снова, в то время как третий товар можно покупать и продавать, но не покидать страну. Кроме того, мы находим законы, регулирующие заработную плату; законы, регулирующие цены; законы, регулирующие прибыль; законы, регулирующие денежный процент; таможенные соглашения самого досадного рода, которым помогает сложная схема, удачно названная скользящей шкалой, — схема такой извращенной изобретательности, что пошлины на один и тот же товар постоянно варьировались, и ни один человек не мог заранее рассчитать, сколько ему придется заплатить. К этой неопределенности, которая сама по себе была проклятием всей торговли, добавилась суровость требований, ощущаемая всеми классами потребителей и производителей. Сборы были настолько обременительными, что удваивали, а часто и вчетверо увеличивали себестоимость продукции. Была организована и строго соблюдалась система вмешательства в работу рынков, мануфактур, оборудования и даже магазинов. Города охранялись акцизными сборами, а порты кишели офицантами, единственной обязанностью которых было проверять почти каждый процесс отечественной промышленности, заглядывать в каждую упаковку и облагать налогом каждый товар; хотя этот абсурд мог быть доведен до крайности, значительная часть всего этого была в порядке защиты: то есть деньги собирались открыто, и неудобства терпели не для пользы правительства, а для блага народа; другими словами, трудолюбивые классы были ограблены, чтобы промышленность могла процветать.

Таковы некоторые из преимуществ, которыми европейская торговля обязана отеческой заботе европейских законодателей. Но худшее все еще остается позади. Ибо экономическое зло, каким бы великим оно ни было, было намного превзойдено моральным злом, порожденным этой системой. Первым неизбежным следствием этого было то, что во всех частях Европы возникли многочисленные и могущественные банды вооруженных контрабандистов, которые жили, не подчиняясь законам, установленным их невежественными правителями. Эти люди, доведенные до отчаяния страхом наказания,[411] и привыкшие к совершению любого преступления, заражали окружающее население; привносили в мирные деревни пороки, ранее неизвестные; разоряли целые семьи; распространяли, куда бы они ни пришли, пьянство, воровство и распущенность; и знакомили своих сообщников с теми грубыми и свинскими распутствами, которые были естественными привычками местных жителей. такая бродячая и незаконная жизнь.[412] Бесчисленные преступления, вытекающие из этого,[413] Ответственность непосредственно за европейские правительства, которые их спровоцировали. Преступления были вызваны законами; и теперь, когда законы отменены, преступления исчезли. Но вряд ли можно будет делать вид, что подобная политика способствовала продвижению интересов цивилизации. Вряд ли можно утверждать, что мы многим обязаны системе, которая, вызвав к существованию новый класс преступников, в конце концов

возвращается по своим следам; и, хотя таким образом она кладет конец преступлению, она лишь разрушает то, что было создано ее собственными действиями.

Нет необходимости говорить, что эти замечания не затрагивают реальных услуг, оказываемых обществу каждым сносно организованным правительством. Во всех странах где-то должна быть сила, карающая преступления и устанавливающая законы; в противном случае нация находится в состоянии анархии. Но обвинение, которое историк обязан выдвинуть против каждого правительства, существовавшего до сих пор, состоит в том, что оно превышало свои надлежащие функции и на каждом шагу наносило неисчислимый вред. Было обнаружено, что любовь к осуществлению власти настолько повсеместна, что ни один класс людей, обладавших властью, не смог избежать злоупотребления ею. Поддержание порядка, недопущение того, чтобы сильные угнетали слабых, и принятие определенных мер предосторожности в отношении общественного здравоохранения - вот единственные услуги, которые любое правительство может оказать интересам цивилизации. Никто не будет отрицать, что это услуги огромной ценности; но нельзя сказать, что благодаря им развивается цивилизация или ускоряется прогресс человека. Все, что делается, - это предоставить возможность прогресса; сам прогресс должен зависеть от других вопросов. И то, что это здравый взгляд на законодательство, более того, очевидно из того факта, что по мере того, как знания становятся все более распространенными, а возрастающий опыт позволяет каждому последующему поколению лучше разбираться в сложных отношениях жизни, точно в такой же пропорции люди настаивают на отмене тех охранительных законов, введение которых было расценено политиками как величайший триумф политического предвидения.

Следовательно, видя, что усилия правительства в пользу цивилизации, когда они наиболее успешны, полностью отрицательны; и видя также, что, когда эти усилия более чем отрицательны, они становятся вредными, — из этого ясно следует, что ошибочны все предположения, которые приписывают прогресс Европы мудрости ее правителей. Этот вывод основывается не только на уже приведенных аргументах, но и на фактах, которые можно было бы приумножать на каждой странице истории. Поскольку ни одно правительство не признало своих надлежащих пределов, результатом является то, что каждое правительство нанесло своим подданным большой ущерб; и делало это почти всегда с самыми благими намерениями. Только что были замечены последствия его протекционистской политики, заключающиеся в нанесении ущерба торговле и, что гораздо хуже, в росте преступности; и к этим примерам можно было бы добавить бесчисленное множество других. Таким образом, на протяжении многих веков каждое правительство считало своим прямым долгом поощрять религиозную истину и препятствовать религиозным заблуждениям. Вред, который это принесло, неисчислимо. Оставляя в стороне все другие соображения, достаточно упомянуть о двух его ведущих последствиях, а именно: росте лицемерия и росте лжесвидетельства. Рост лицемерия является неизбежным результатом увязывания любого описания наказания с исповеданием определенных мнений. Как бы то ни было с отдельными людьми, несомненно, что большинству мужчин крайне трудно долго сопротивляться постоянному искушению. И когда к ним приходит искушение в виде чести и вознаграждения, они слишком часто готовы исповедовать господствующие мнения и отказываться, на самом деле, не от своей веры, а от внешних признаков, с помощью которых эта вера становится достоянием общественности. Каждый человек, который делает этот шаг, является лицемером; и каждое правительство, которое поощряет этот шаг, является подстрекателем лицемерия и создателем лицемеров. Что ж, поэтому мы можем сказать, что когда правительство использует в качестве приманки то, что те,

кто придерживается определенных взглядов, должны пользоваться определенными привилегиями, оно играет роль древнего искусителя и, подобно Дьяволу, подло предлагает блага этого мира тому, кто изменит свое вероисповедание и отречется от своей веры. В то же время, как часть этой системы, рост числа лжесвидетельств сопровождается ростом лицемерия. Ибо законодатели, ясно видя, что на привлеченных таким образом прозелитов нельзя положиться, встретили опасность самыми чрезвычайными мерами предосторожности; и, принуждая людей подтверждать свою веру повторными клятвами, они таким образом стремились защитить старую веру от новообращенных. Именно это подозрение относительно мотивов других людей породило всевозможные клятвы во всех направлениях. В Англии даже мальчика в колледже заставляют ругаться по поводу вещей, в которых он не может разобраться и с которыми более зрелые умы не в состоянии справиться. Если он впоследствии попадет в парламент, он должен снова поклясться в своей религии; и почти на каждом этапе политической жизни он должен приносить новые клятвы; торжественность которых часто странно контрастирует с тривиальными церемониями, к которым они являются прелюдией. Поскольку торжественное обращение к Божеству произносилось таким образом на каждом шагу, случилось, как и следовало ожидать, что клятвы, произносимые как нечто само собой разумеющееся, в конце концов выродились в формальность. То, к чему относятся легкомысленно, легко ломается. И лучшие наблюдатели английского общества, — также наблюдатели, характеры которых очень различны и которые придерживаются самых противоположных мнений, — все согласны с тем, что лжесвидетельство, обычно практикуемое в Англии и непосредственным творцом которого является правительство, настолько широко распространено, что стало источником национальной коррупции, уменьшило ценность человеческих показаний и поколебало доверие, которое люди естественным образом питают к слову своих ближних.[\[414\]](#)

Явные пороки и, что гораздо опаснее, скрытая коррупция, порожденная таким образом в среде общества невежественным вмешательством христианских правителей, действительно являются болезненной темой; но это та, которую я не мог опустить при анализе причин цивилизации. Было бы легко продвинуть расследование еще дальше и показать, как законодатели в каждой попытке, которую они предпринимали для защиты некоторых конкретных интересов и отстаивания некоторых конкретных принципов, не только потерпели неудачу, но и добились результатов, диаметрально противоположных тем, которые они предлагали. Мы видели, что их законы в пользу промышленности нанесли ущерб промышленности; что их законы в пользу религии усилили лицемерие; и что их законы о защите истины поощряли лжесвидетельство. Точно таким же образом почти каждая страна предпринимала шаги по предотвращению ростовщичества и снижению денежного процента; и неизменным результатом было увеличение ростовщичества и повышение денежного процента. Ибо, поскольку никакой запрет, каким бы строгим он ни был, не может разрушить естественную связь между спросом и предложением, из этого следует, что когда одни люди хотят брать займы, а другие давать займы, обе стороны обязательно находят средства обойти закон, который нарушает их взаимные права.[\[415\]](#) Если бы обеим сторонам было предоставлено возможность самостоятельно урегулировать свою сделку, ростовщичество зависело бы от обстоятельств кредита; таких как сумма обеспечения и вероятность возврата. Но это естественное устройство было осложнено вмешательством правительства.[\[416\]](#) Поскольку те, кто не подчиняется закону, всегда подвергаются определенному риску, ростовщик вполне обоснованно отказывается давать займы свои деньги, если ему также не будет выплачена

компенсация за опасность, которой он подвергается в результате нависшего над ним наказания. Эта компенсация может быть произведена только заемщиком, который, таким образом, обязан выплатить то, что на самом деле является двойным процентом: один процент за естественный риск по кредиту, а другой - за дополнительный риск, предусмотренный законом. Таким образом, такова позиция, в которую поставил себя каждый европейский законодательный орган. Издав законы против ростовщичества, оно увеличило то, что хотело уничтожить; оно издало законы, которые настоятельная необходимость людей вынуждает их нарушать; в то время как, в конечном счете, наказание за такое нарушение ложится на заемщиков, то есть на тот самый класс, в пользу которого вмешались законодатели.^[417]

В том же духе вмешательства и с теми же ошибочными представлениями о защите великие христианские правительства совершали другие вещи, еще более пагубные. Они предпринимали энергичные и неоднократные попытки уничтожить свободу прессы и помешать людям выражать свои чувства по наиболее важным вопросам политики и религии. Почти в каждой стране они с помощью церкви организовали обширную систему литературной полиции, единственной целью которой является отмена несомненного права каждого гражданина излагать свое мнение своим согражданам. В очень немногих странах, где они не пошли на эти крайние меры, они прибегли к другим, менее жестоким, но столь же неоправданным. Ибо даже там, где они открыто не запрещали свободное распространение знаний, они делали все, что могли, чтобы это проверить. На все орудия знания и на все средства, с помощью которых оно распространяется, такие как бумага, книги, политические журналы и тому подобное, они наложили столь тяжелые пошлины, что вряд ли могли бы поступить хуже, если бы были заклетыми защитниками народного невежества. Действительно, глядя на то, чего они на самом деле достигли, можно решительно сказать, что они нагрузили человеческий разум. Они заставили платить за это сами мысли людей. Тот, кто желает донести свои идеи до других и таким образом сделать все возможное для увеличения запасов наших достижений, должен сначала внести свой вклад в имперскую казну. Таково наказание, наложенное на него за наставление своих братьев. Это шантаж, который правительство вымогает у литературы; и по получении которого оно оказывает свое благосклонность и соглашается воздерживаться от дальнейших требований. И что делает все это еще более невыносимым, так это использование этих и подобных им поборов, выжимаемых из любого вида труда, как физического, так и умственного. Это поистине ужасное соображение, что познанию должно быть затруднено и что доходы от честного труда, терпеливой мысли, а иногда и глубокого гения должны быть уменьшены, чтобы значительная часть их скудных заработков могла идти на увеличение пышности праздного и невежественного двора, потакание капризам нескольких могущественных личностей и слишком часто снабжать их средствами для обращения против народа ресурсов, которые народ вызвал к существованию.

Эти и предшествующие утверждения относительно воздействия политического законодательства на европейское общество не являются сомнительными или гипотетическими выводами, а таковы, что каждый читатель истории может убедиться в этом сам. Действительно, некоторые из них все еще действуют в Англии; и в той или иной стране все они могут быть замечены в полную силу. Взятые вместе, они составляют столь внушительную совокупность, что мы вполне можем задаться вопросом, как перед лицом них цивилизация смогла продвинуться вперед. То, что при таких обстоятельствах она продвинулась вперед, является решающим доказательством необычайной энергии Человека; и оправдывает уверенную веру в то, что по мере ослабления давления законодательства и уменьшения помех человеческому разуму

прогресс будет продолжаться с ускоренной скоростью. Но абсурдно, это было бы насмешкой над всеми здравыми рассуждениями приписывать законодательству какую-либо долю в прогрессе; или ожидать какой-либо выгоды от будущих законодателей, за исключением той выгоды, которая заключается в сведении на нет работы их предшественников. Это то, на что претендует нынешнее поколение; и следует помнить, что то, чего одно поколение требует как блага, следующее поколение требует как права. И когда этому праву упорно отказывают, всегда происходит одно из двух: либо нация отступает, либо народ восстает. Если правительство останется твердым, это жестокая дилемма, в которую поставлены люди. Если они подчинятся, они нанесут ущерб своей стране; если они взбунтуются, они могут нанести ей еще больший ущерб. В древних монархиях Востока их обычным планом было уступить; в монархиях Европы это было сопротивление. Отсюда те восстания, которые занимают так много места в современной истории и которые являются всего лишь повторением старой истории, неумирающей борьбы между угнетателями и угнетенными. Было бы, однако, несправедливо отрицать, что в одной стране фатальный кризис уже на протяжении нескольких поколений успешно предотвращен. В одной европейской стране, и только в одной, народ был так силен, а правительство так слабо, что история законодательства, взятая в целом, является, несмотря на некоторые отклонения, историей медленных, но постоянных уступок: реформы, которые не подлежали обсуждению, были проведены из страха; в то время как из-за неуклонного роста демократических мнений защита за защитой и привилегия за привилегией были отменены даже в наше время; до тех пор, пока старые институты, хотя они и сохранили свое прежнее название, не утратили своей прежней силы, и больше не остается сомнений относительно их судьбы. в конечном счете так и должно быть. Нам также не нужно добавлять, что в этой же стране, где больше, чем в какой-либо другой части Европы, законодатели являются выразителями и слугами народной воли, прогресс в этом отношении был более неуклонным, чем где бы то ни было; там не было ни анархии, ни революции; и мир был ознакомлен с великой истиной, что одним из главных условий процветания народа является то, что его правители должны обладать очень небольшой властью, что они должны пользоваться этой властью очень экономно, и что они ни в коем случае не должны возводить себя в ранг высших судей национальных интересов или считают себя уполномоченными перечить желаниям тех, исключительно ради блага кого они занимают вверенный им пост.

Сноски:

[371] Кольридж хорошо сказал: "Это главное из многих благословений, проистекающих из островного характера и обстоятельств нашей страны, что наши социальные институты сформировались исходя из наших собственных потребностей и интересов". *Кольридж о конституции Церкви и государства*, 8 ст. 1830, стр. 20, 21. Политические последствия этого были широко замечены во времена Французской революции. See *Mémoires de La Fayette*, vol. i. p. 404, Bruxelles, 1837.

[372] В другом месте я собираю свидетельства быстро растущей любви к путешествиям в шестнадцатом веке; но интересно отметить, что во второй половине столетия впервые установился обычай назначать путешествующих наставников. Сравните *Замечания Баррингтона о статутах*, стр. 218, с письмом Безы, написанным в 1598 году, в *Воспоминаниях и переписке Плесси Морней*, т. ix. стр. 81.

[373] Что касается женского общества, то это было еще более заметно, даже в гораздо более поздний период; и когда графиня де Буффлерс посетила Англию в начале правления Георга III., "о луи фейсуа, о том, как узнать о курьезах английского языка"; car о ремарке вопрос о качестве для жены франсуазы как о месте проведения в путешествии за два цента и далее: не по адресу, танцует в высшем классе, в посольствах, ни в герцогине Мазарини, в других местах, где нет необходимости. ' *Dutens, Mémoires d'un Voyageur*, vol. i. p. 217. Compare *Mémoires de Madame de Genlis*, vol. viii. c. 241.

[374] *Orme's Life of Owen*, p. 288; *Mahon's History of England*, том ii, стр. 211; и многие другие писатели.В

[375] Единственным гениальным англичанином, который в этот период находился под влиянием французского мышления, был Драйден; но это проявляется главным образом в его пьесах, все они сейчас заслуженно забыты. Его великие произведения, и, прежде всего, те замечательные сатиры, в которых он дистанцирует всех соперников, за исключением Ювенала, насквозь национальны и, как простые образцы английского языка, должны, если мне позволено высказать собственное суждение, быть поставлены в один ряд сразу после Шекспира. В трудах Драйдена, несомненно, много галлицизмов выражения, но мало галлицизмов мысли; и именно по этим последним мы должны оценивать реальную величину иностранного влияния. Сэр Вальтер Скотт заходит так далеко, что говорит: 'Вызывает сомнение, было ли натурализовано какое-либо французское слово исключительно по указанию Драйдена'. "*Жизнь Драйдена*" *Скотта*, стр. 523, 8 в. 1808. Довольно смелое утверждение. Что касается мнения Фокса, см. предисловие лорда Холланда к книге Фокса "*Джеймс II*", 4 т. 1808, стр. xxxii.

[376] Еще одно обстоятельство, которое сохранило независимость и, следовательно, повысило ценность нашей литературы, заключается в том, что ни в одной великой стране литераторы не были так мало связаны с правительством или вознаграждены им. То, что это истинная политика и что защищать литературу - значит наносить ей вред, - это утверждения, за доказательством которых я должен обратиться к главе xi этого тома, посвященной системе Людовика XIV. Тем временем я процитирую следующие слова образованного и, что гораздо лучше, вдумчивого писателя: 'Тот, кто хочет понять английские институты, также не должен упускать из виду характер непреходящих трудов, возникших благодаря выдающейся энергии английского ума. Литературе было предоставлено развиваться самой. Вильгельму Оранскому она была чужда; Анне это было безразлично; первый Георг плохо знал английский; второй - не очень.' *История американской революции Бэнкрофта*, том ii. стр. 48. Сравните *"Жизнь Голдсмита"* Форстера, 1854, том i. стр. 93-96, том ii. стр. 480.

[377] Доказательства этого влияния Англии см. в главе v. второго тома.

[illegible]

говорить в словах, и что значит говорить в словах, и что значит говорить в словах, и что значит говорить в словах. Gegen die Mitte des achtzehnten Jahrhunderts, als mehrere englische und französische Werke gelesen und übersetzt wurden, und durch die Vorliebe des Königs von Preussen Friedrichs II., der von Franzosen gebildet worden war, französische Gelehrte besonders geehrt und angestellt wurden, entstand ein Wettstreit der Deutschen, auch in dem schriftlichen Vortrage nicht zurück zu bleiben, und die Sprache hob sich bald zu einem hohen Grade von Vollkommenheit.' *Tennemann, Geschichte der Philosophie*, vol. xi. pp. 286, 287.

[379] Популярный взгляд на систему национального образования, созданную в Германии, можно найти в книге Кей *"Социальное положение и образование народов Европы"*, том ii. стр. 1-344. Но мистер Кей, как и большинство литераторов, переоценивает преимущества литературных познаний и недооценивает то воспитание способностей, которое ни книги, ни школы не могут привить людям, лишенным возможности пользоваться гражданскими и политическими правами. В "Истории защитного духа" (главы ix и x настоящего тома) я вернусь к этой теме в связи с Францией; а в следующем томе я рассмотрю ее применительно к немецкой цивилизации. Между тем, мне должно быть позволено выразить протест против отчета мистера Кей о результатах обязательного образования; приятная картина, нарисованная дружелюбным и умным писателем, но о неточности которой я располагаю неопровержимыми доказательствами. Сейчас я коснусь только двух моментов: 1. Печально известный факт, что немецкий народ, несмотря на свое так называемое образование, неспособен принимать какое-либо участие в политических вопросах и не имеет способностей к практической и административной части правления. 2. Факт, столь же известный тем, кто изучал этот предмет, что в Пруссии, наиболее образованной части Германии, больше популярных суеверий, чем в Англии; и что упорство, с которым люди цепляются за них, в Пруссии больше, чем в Англии. Чтобы проиллюстрировать практическую эффективность обязательного образования в отдельных случаях и трудности, которые оно вызывает, см. Скандальный случай, описанный в *"Записках путешественника" Лэйнга*, 8 т. 1842 г., стр. 165, первая серия; а о физическом зле, порождаемом немецким образованием, см. *"Филлипс о золотухе"*, Лондон, 1846, стр. 253, 254, где есть несколько полезных свидетельств последствий "этого великого немецкого греха чрезмерной регламентации".

[380] Это хорошо подмечено мистером Лэйнгом, безусловно, самым способным путешественником, опубликовавшим наблюдения о европейском обществе: 'Немецкие авторы, как философские, так и поэтические, обращаются к публике гораздо более интеллектуальной и более высокообразованной, чем наша читающая публика В нашей литературе самые неясные и заумные авторы-метафизики или философы *рассматривают общественное сознание в гораздо более низком состоянии*, просто осознающее значение языка и обладающее обычными способностями к рассуждению.... Следовательно, социальное влияние немецкой литературы ограничено более узким кругом. Это не оказывает никакого влияния на умы низших или даже занятых активной жизнью средних классов, у которых нет возможности или досуга доводить свои способности до уровня своих великих писателей. Читающая публика должна уделять много времени приобретению знаний, эмоционального тонуса и воображения, необходимых для того, чтобы следовать за пишущей публикой. Соответственно, социал-экономист обнаруживает в Германии самую экстраординарную тупость, инертность ума и невежество ниже определенного уровня при самом экстраординарном интеллектуальном развитии, образованности и гениальности на уровне или выше этого'. *"Записки*

путешественника" Лэйнга, первая серия, стр. 266, 267. Тот же проникательный наблюдатель говорит в более поздней работе (*Заметки*, третья серия, 8 т. 1852, стр. 12): 'Два класса говорят и думают на разных языках. Культурный немецкий язык, язык немецкой литературы - это не язык простого человека и даже не человека, стоящего далеко в средних слоях общества, — фермера, торговца, лавочника.' См. также стр. 351, 352, 354. Удивительно, что такой ясный и энергичный мыслитель, каким, очевидно, является мистер Лэйнг, потерпел неудачу в обнаружении причины этого необычного явления.

[381] 'Je ne pense pas qu'il y ait de pays dans le monde où, proportion gardée avec la population, il se trouve aussi peu d'ignorants et moins de savants qu'en Amérique.' *Tocqueville de la Démocratie en Amérique*, vol. i. p. 91.

[382] Причины этого исключения я попытаюсь проследить в следующем томе; но интересно отметить, что еще в 1775 году Берка поразило пристрастие американцев к работам по юриспруденции. См. *Речь Берка в Истории парламента*, том. xviii. с. 495; или в *Работах Берка*, т. i. с. 188. Он говорит: 'Пожалуй, ни в одной стране мира юриспруденция не является столь общим предметом изучения. Сама по себе профессия многочисленна и влиятельна; и в большинстве провинций она занимает лидирующие позиции. Большинство депутатов, посланных в Конгресс, были юристами. Но все, кто читает, — а читает большинство — пытаются получить хоть какие-то сведения об этой науке. Один известный книготорговец рассказывал мне, что ни в одной отрасли его бизнеса после трактатов о народном благочестии на плантации не вывозилось столько книг, сколько по юриспруденции. Теперь колонисты стали печатать их для собственного использования. Я слышал, что в Америке продано почти столько же комментариев Блэкстоуна, сколько и в Англии. "При таком состоянии общества великие труды Кента и Стори были естественным результатом более позднего периода. Об уважении, которое в настоящее время испытывают к профессии юриста, см. *Второй визит Лайелла в Соединенные Штаты*, 1849, т. i, стр. 45; а что касается судей, "*Северная Америка*" Комба, т. ii, стр. 329.

[383] Особенно Кольридж и мистер Джон Милл. Но, при всем возможном уважении к глубокому труду м-ра Милля по логике, я должен рискнуть предположить, что он слишком много приписывал влиянию Бэкона в поощрении индуктивного духа и слишком мало тем другим обстоятельствам, которые породили бэконовскую философию и которым эта философия обязана своим успехом.

[384] Симсон был назначен на должность в 1711 году; и еще до того, как он начал читать лекции, он составил 'перевод трех первых книг "Конических сечений" Л'Оспиталья, в котором геометрические демонстрации заменены алгебраическими в оригинале, в соответствии с ранними вкусами мистера Симсона в этом вопросе'. *Жизнь и труды Роберта Симсона Трейла*, 1812, 4 т. стр. 4. Вероятно, это был зачаток его работы о конических сечениях, опубликованной в 1735 году. *Монтукла, История математики*, том iii. стр. 12. О разнице между древними и современными схемами есть несколько остроумных, хотя, возможно, едва ли обоснованных замечаний в "*Философии разума*" Дугалда Стюарта, том ii. стр. 354 и далее. и стр. 380. См. также *Конта, Позитивную философию*, том i. стр. 383-395. Мэтью Стюарт, профессор математики в Эдинбурге, был отцом Дугалда. См., уважая его и его крестовый поход против современного анализа, "*Историю Эдинбургского университета*" Бауэра, том ii. стр. 357-360, том iii. стр. 249; и странный отрывок в *Первом отчете Британской ассоциации*, стр. 59.

[385] Одной из главных причин, по которой Симсон рекомендовал старый анализ, было то, что он был "более элегантным", чем сравнительно современная практика введения алгебраических вычислений в геометрию. См. *Книгу Трейла "Симсон"*, 1812, 4 т. стр. 27, 67; ценный труд, который лорд Броэм в своей книге "Поспешная жизнь Симсона" называет "очень ученой и чрезвычайно плохо написанной, действительно трудночитаемой" книгой. *"Люди литературы и науки" Броэма*, т. i., стр. 482, 8 в. 1845 г. Стиль доктора Трейла более четкий, а его предложения менее запутанные, чем у лорда Броэма; и, кроме того, у него было большое преимущество в понимании предмета, на который он писал.

[386] Сэр Джеймс Макинтош (*Диссертация по этической философии*, стр. 208) говорит о Хатчесоне: 'Ему также можно приписать ту склонность к умножению конечных и изначальных принципов в природе человека, которая характеризовала шотландскую школу до второго угасания страсти к метафизическим спекуляциям в Шотландии'. У Кузена, *Histoire de la Philosophie*, I. série, том iv. стр. 31 и далее.; написано с ясностью и красноречием, но, возможно, переоценивает Хатчесона. В

[387] О его влиянии см. Письмо Макинтоша Парру в *Воспоминаниях Макинтоша*, написанных его Сыном, том i, стр. 334. Сравните *Письма Уорбертона к Херд*, стр. 37, 82.

[388] Который добавлен к его *Теории моральных чувств*, изд. 1822, 2 тома. Сравните письмо, написанное Смитом в 1763 году о происхождении языка (в книге Николса *"Литературные иллюстрации восемнадцатого века"*, том iii. стр. 515, 516), в котором в небольшом масштабе демонстрируется та же трактовка, в отличие от обобщения фактов, которые получены в результате всестороннего сравнения различных языков. Доктор Арнольд пренебрежительно отзывается о таких исследованиях. Он говорит: "Попытки *априори* объяснить феномены языка кажутся мне неразумными". *Разные произведения Арнольда*, стр. 385. Это привело бы к слишком долгому обсуждению для примечания, но мне кажется, что эти *априорные* выводы для филолога являются тем же, чем гипотезы для индуктивного натурфилософа; и если это так, то они чрезвычайно важны, потому что ни один действительно плодотворный эксперимент никогда не может быть проведен, если ему не предшествует обоснованная гипотеза. В отсутствие такой гипотезы люди могут веками блуждать ощупью в темноте, накапливая факты, но не получая знаний.

[389] Посмотрите, например, его попытку доказать на основе общих рассуждений о человеческом разуме, что существует необходимая связь в отношении порядка, в котором люди провозгласили систему концентрических сфер и систему эксцентрических сфер и эпициклов. *История астрономии*, в "Философских очерках Смита", 1795, 4 т. стр. 31, 36, которые, возможно, будет удобно сравнить с "Философией индуктивных наук" Уэвелла, 1847, том ii. стр. 53, 60, 61. Этот поразительный фрагмент Адама Смита, вероятно, сейчас мало кто читает; но он тепло оценен одним из величайших ныне живущих философов М. А. Контом в его *"Позитивной философии"*, т. vi. стр. 319.

[390] Два автора, которые наиболее тщательно исследовали метод, которому должны следовать политические экономисты, - это г-н Джон Милль (*"Очерки нерешенных вопросов политической экономики"*, 1844, стр. 120-164) и г-н Рей (*"Новые принципы политической экономики"*, 1834, стр. 328-351). Г-н Рей в своей гениальной работе возражает Адаму Смиту за то, что он нарушил правила философии Бэконизма и таким образом помешал своим выводам стать такими ценными, какими они были бы, если бы он рассматривал свой предмет индуктивно. Но мистер

Милль с большой силой рассуждения доказал, что дедуктивный план - единственный, с помощью которого политическую экономию можно возвести в ранг науки. На стр. 143 он говорит, что политическая экономия "по существу является *абстрактной* наукой, а ее метод - это метод *априорный*"; а на стр. 146 - что *апостериорный* метод 'совершенно неэффективен'. К этому я могу добавить, что современная теория ренты, которая в настоящее время является краеугольным камнем политической экономики, была получена не путем обобщения экономических фактов, а путем рассуждений сверху вниз в манере геометров. Действительно, те, кто выступает против теории ренты, всегда делают это на том основании, что ей противоречат факты; и затем, при полном незнании философии метода, они делают вывод, что, следовательно, теория неверна. См., например, "*Джонс о распределении богатства*", 8 октября 1831 г.: книга, содержащая несколько интересных фактов, но искаженная этим серьезным недостатком метода. См. также *Журнал статистического общества*, том i, стр. 317, том vi, стр. 322; где говорится, что экономические теории должны быть обобщены на основе статистических фактов. Сравните т. xvii. с. 116, т. xviii. с. 101.

[391] Недавно был выявлен поразительный пример проницательности, с которой Юм использовал этот метод. См. "*Жизнь и переписка Юма*" Бертоне, том ii, стр. 486; где мы находим, что сразу после прочтения "*Богатства народов*" Юм обнаружил ошибку Смита относительно того, что рента является элементом цены: так что теперь кажется, что Юм был первым, кто сделал это великое открытие, насколько это касается идеи; хотя заслуга Рикардо в том, что он доказал это.

[392] Приводимые им исторические факты являются всего лишь иллюстрациями; в этом убедится любой, кто прочтет "*Естественную историю религии*" в "*Философии*" Юма. *Сочинения*, Изд. 1826, т. iv. стр. 435-513. Я могу упомянуть, что существует значительное сходство между взглядами, отстаиваемыми в этом замечательном эссе, и религиозными этапами *Позитивной философии* Конта; ибо ранняя форма политеизма Юма, очевидно, такая же, как фетишизм М. Конта, из которого, по мнению обоих этих авторов, впоследствии возник монотеизм, как более поздняя и утонченная абстракция. То, что это был курс, принятый человеческим разумом, весьма вероятно и подтверждается учеными исследованиями мистера Грота. См. Его *Историю Греции*, т. i., стр. 462, 497, т. v., стр. 22. Противоположного и более популярного мнения о том, что монотеизм предшествует идолопоклонству, придерживалось большинство великих ранних авторов, и его защищают многие современные исследователи, и среди прочих доктор Уэвелл (*Бриджуотерский трактат*, стр. 256), который выражает себя с большой уверенностью: см. Также *Письма Уорбертона к Херду*, стр. 239. Compare Thirlwall's *History of Greece*, vol. i. p. 183, Lond. 1835, with the 'einige Funken des Monotheismus' of Kant, *Kritik der reinen Vernunft*, in *Kant's Werke*, vol. ii. p. 455.

[393] Иными словами, он рассматривал исторические факты просто как иллюстрацию определенных общих принципов, которые, по его мнению, могли быть доказаны без фактов; так что, как хорошо говорит М. Шлоссер (*История восемнадцатого века*, том ii, стр. 76), "История для Юма была всего лишь второстепенным занятием, всего лишь средством, с помощью которого он мог представить свою философию" и т.д. Учитывая, как мало известно о принципах, управляющих социальными и политическими изменениями, не может быть сомнений в том, что Юм был преждевременен в применении этого метода; но абсурдно называть метод нечестным, поскольку целью его Истории было *недоказать* выводы, а *проиллюстрировать* их: и поэтому

он считал себя вправе выбирать иллюстрации. Я просто излагаю его взгляды, нисколько не защищая их; более того, я считаю, что в этом отношении он был серьезно неправ.

[394] Один автор, пользующийся большим авторитетом, сделал по этому поводу несколько замечаний, на которые стоит обратить внимание: 'Се, кроме того, к вопросу о приключениях в Китае для проповедника Авангарда. Ils ne tardèrent pas à s'apercevoir qu'un des moyens les plus efficaces pour s'y maintenir, en attendant le moment que le ciel avoit marqué pour éclairer ce vaste empire, étoit d'étaler des connoissances astronomiques.' *Montucla, Histoire des Mathématiques*, vol. i. p. 468; and see vol. ii. pp. 586, 587. Кювье деликатно намекает на тот же вывод. He says of Emery: 'Il se souvenait que l'époque où le christianisme a fait le plus de conquêtes, et où ses ministres ont obtenu le plus de respect, est celle où ils portaient chez les peuples convertis les lumières des lettres, en même temps que les vérités de la religion, et où ils formaient à la fois dans les nations l'ordre le plus éminent et le plus éclairé.' *Cuvier, Eloges Historiques*, vol. iii. p. 170. Даже Саути (*История Бразилии*, том ii, стр. 378) говорит: "Миссионеры всегда жаловались на непостоянство своих новообращенных; и они всегда должны жаловаться на это, пока не обнаружат, что определенная степень цивилизации должна предшествовать обращению или, по крайней мере, сопровождать его". И смотрите с той же целью, *Заметки Хэлкетта о североамериканских индейцах*, стр. 352, 353; и "*Северная Америка*" Комба, том i, стр. 250, том ii, стр. 353.

[395] Это любопытно иллюстрируется тем фактом, что 25 марта, которое сейчас называется Днем Богородицы, в честь Девы Марии, в языческие времена называлось Иларией и было посвящено Кибеле, матери богов. Сравните книгу Бланта "*Пережитки древних нравов*", 8 т. 1823, стр. 51-55, с "*Календари Медиевистов*" Хэмпсона, 8 т. 1841, т. i. стр. 56, 177.

[396] По этому интересному предмету две лучшие английские книги - это "*Письмо Миддлтона из Рима*" и "*История искажения христианства*" Пристли; первая работа ценна главным образом для ритуального искажения, вторая - для доктринального. "*Пережитки древних нравов*" Бланта также заслуживает прочтения; но он значительно уступает двум только что названным трактатам и выдержан в гораздо более узком духе.

[397] Большое количество язычества, которое все еще существует в каждой христианской секте, служит аргументом против остроумного различия, которое М. Бунзен провел между сменой религии и языка; изменения в религии, как он полагает, всегда более резкие, чем изменения в языке. *Египет Бунзена*, том i. стр. 358, 359.

[398] Было необходимо, говорит М. Мори, чтобы церковь "стремилась к сближению с духом грубости, культуры, невежества варваров". *Мори, Легенд о пиетах моего века*, стр. 101. Точно такой же процесс произошел в Индии, где Пураны для Вед являются тем же, чем труды Отцов Церкви для Нового Завета. Сравните "*Историю Индии*" Элфинстоуна, стр. 87, 88, 98; Предисловие Уилсона к "*Вишну Паране*", стр. 7; и *Труды Бомбейского общества*, том i, стр. 205. Таким образом, как хорошо выразился М. Макс Мюллер, Пураны являются 'вторичным образованием индийской мифологии'. *Мюллер о языках Индии*, в *Отчетах Британской ассоциации за 1847 г.*, стр. 324.

[399] Доктрины Лютера впервые были проповеданы в Швеции в 1519 году; а в 1527 году принципы Реформации были официально приняты на ассамблее штатов в Вестераасе, что позволило Густавусу Васе наложить арест на собственность церкви. "*История шведов*" Гейера,

часть i. стр. 110, 118, 119; *"Церковная история" Мосхайма*, том ii. стр. 22; *"История Скандинавии" Крайтона и Уитона*, том i. стр. 399, 400. Отступничество протекало настолько благоприятно, что De Thou (*Histoire Univ.* vol. xiii. p. 312) says, in 1598, 'Il y avoit déjà si long-tems que ce culte étoit établi en Suède, qu'il étoit comme impossible de trouver, soit parmi le peuple, soit parmi les seigneurs, quelqu'un qui se souvînt d'avoir vu dans ce royaume l'exercice public de la religion catholique.'

[400] О положении вещей в 1838 году смотрите некоторые любопытные и действительно постыдные подробности в книге Лэйнга *"Швеция"*, 8в. Лондон, 1839. Мистер Лэйнг, хотя сам и протестант, верно говорит, что в протестантской Швеции 'закон инквизиции действует в руках лютеранской государственной церкви так же сильно, как в Испании или Португалии в руках римско-католической церкви'. *"Швеция" Лэйнга*, стр. 324. В семнадцатом веке шведская церковь распорядилась, и этот приказ был подтвержден правительством, что 'если какой-либо шведский подданный изменит свою религию, он будет изгнан из королевства и потеряет все права наследования, как для себя, так и для своих потомков.... Если кто-либо привезет в страну учителей другой религии, он будет оштрафован и изгнан'. *Дневник Бертона*, том iii. стр. 387, 8 в. 1828. К этому можно добавить, что только в 1781 году римским католикам было разрешено исповедовать свою религию в Швеции. См. *"Историю Скандинавии" Крайтона*, Эдинбург, 1838, т. ii. стр. 320. Смотрите также, об этом духе нетерпимости, *"Дневник шведского посольства" Уайтлока*, т. i. стр. 164, 412, т. ii. стр. 312.

[401] Мы видим хороший пример этого в случае с абиссинцами, которые веками исповедовали христианство; но, поскольку не прилагалось никаких усилий для развития их интеллекта, они сочли религию слишком чистой для себя: они, следовательно, извратили ее, и вплоть до настоящего момента они не добились ни малейшего прогресса. Рассказы Брюса о них хорошо известны; и путешественник, посетивший их в 1839 году, говорит: "Ничто не может быть более развращенным, чем номинальное христианство этой несчастной нации. Это смешано с иудаизмом, магометанством и идолопоклонством и представляет собой массу обрядов и суеверий, которые не могут исцелить сердце". *Дневник Краффа в Анкобаре*, в *Журнале географического общества*, т. x., стр. 488; см. Также т. xiv, стр. 13: а о подобном положении вещей в Америке см. Рассказ об индейцах киче в *"Центральной Америке" Стивенса*, т. ii., стр. 191, 192. Сравните *"Центральную Америку" Сквайера*, том i, стр. 322, 323, с "североамериканскими индейцами" Хэлкетта, стр. 29, 212, 268. Для дальнейшего подтверждения этой точки зрения в другой части света см. *"Экспедицию Такки в Заир"*, стр. 79, 80, 165.

[402] Я использую слово "литература" не в противовес науке, а в его более широком смысле, включая все, что написано — "используя термин "литература" в его первичном значении, как применение букв к записям фактов или мнений". *История греческой литературы Муре*, том iv. стр. 50.

[403] Сравните *Токвиля, Демократию в Америке*, том ii. стр. 130, с некоторыми замечательными замечаниями о софистах в *"Истории Греции" Грота*, том ii. viii. с. 481. Сэр У. Гамильтон, чьи познания в области истории мнений хорошо известны, говорит: 'Именно в той мере, в какой автор опережает свой возраст, велика вероятность того, что его работами будут пренебрегать'. *Рассуждения Гамильтона о философии*, стр. 186. Таким же образом, в отношении линейных искусств сэр Джошуа Рейнольдс (*Четвертое рассуждение*, в *Работах*, т. i, стр. 363) говорит:

"Настоящее время и будущее можно рассматривать как соперников; и тот, кто стремится к одному, должен ожидать, что другое не будет поддержано".

[404] Отсюда интеллектуально исключительный и, как хорошо выразился М. Неандер, 'аристократический дух древности'. *История церкви Неандера*, том i, стр. 40, 97, том ii, стр. 31. Авторы, которые используют слово "демократия" в широком смысле, постоянно упускают это из виду, забывая, что в ту же эпоху политические демократии могут быть очень распространены, в то время как мыслительные демократии очень редки. Для доказательства повсеместного распространения ранее этого эзотерического и аристократического духа смотрите Следующие отрывки: *"История древней философии" Риттера*, т. i, стр. 338, т. iii, стр. 9, 17; *Теннеманн, "Философское учение"*, т. ii, стр. 200, 205, 220; *Бособр, Историческая критика манихейства*, т. ii, стр. 41; *Материя, История религии. Gnosticisme*, vol. i. p. 13, vol. ii. pp. 83, 370; *Шпренгель, История медицины*, vol. i. p. 250; *История Греции Гроте*, vol. i. p. 561, vol. iv. p. 544; *История Греции Терлуолла*, vol. ii. p. 150, vol. vi. p. 95; *Работы Уорбертона*, vol. vii. с. 962, 972, 4 до 1788 г.; *История Египта Шарпа*, том ii. стр. 174; *Интеллект Кадворта. Система*, том ii. стр. 114, 365, 443, том iii. стр. 20.

[405] Локк заметил это 'ученое невежество', которым примечательны многие люди. Посмотрите прекрасный отрывок из *Эссе о человеческом понимании*, книга iii. глава x. в *"Работах Локка"*, т. ii. стр. 27, и аналогичные замечания в его *"Поведении разумного"*, т. ii. стр. 350, 364, 365, и в его *"Мыслях об образовании"*, т. viii. стр. 84-87. Если бы этот глубокий писатель был сейчас жив, какую войну он развязал бы против наших великих университетов и государственных школ, где все еще преподают бесчисленные вещи, которые никто не стремится понять и которые мало кто потрудится запомнить. Сравните *Кондорсе, "Жизнь Тюрго"*, стр. 255, примечание 256.

[406] Статистика такого рода литературы оказалась бы любопытным предметом для исследования. Никто, я полагаю, не счел нужным суммировать их; но мсье Гизо подсчитал, что коллекция болландистов содержит более двадцати пяти тысяч жизнеописаний святых; 'в самом общем приближении, на всем континенте плюс 25 000 жизней святых'. *Guizot, Histoire de la Civilisation en France*, vol. ii. p. 32. Сказано (*"Ледвичские древности Ирландии"*, стр. 62), что только о святом Патрике до Джоселина было шестьдесят шесть биографов.

[407] For, as Laplace observes, in his remarks on the sources of error in connexion with the doctrine of probabilities, 'C'est à l'influence de l'opinion de ceux que la multitude juge les plus instruits, et à qui elle a coutume de donner sa confiance sur les plus importants objets de la vie, qu'est due la propagation de ces erreurs qui, dans les temps d'ignorance, ont couvert la face du monde.' *Bouillaud, Philosophie Médicale*, p. 218.

[408] М. Гизо (*Цивилизация во Франции*, том ii. стр. 171, 172) считает, что в целом седьмой был даже хуже восьмого; но выбирать между ними трудно.

[409] Некоторые результаты использования монахами латыни в разговорной речи разумно изложены в книге *Гердера "Идея общего дела людей"*, том iv. стр. 202, 203. Замечания Дугалда Стюарта об этом обычае относятся к более позднему периоду. *Философия разума Стюарта*, том iii. стр. 110, 111.

[410] 'C'est à la contrebande que le commerce doit de n'avoir pas péri sous l'influence du régime prohibitif; tandis que ce régime condamnait les peuples à s'approvisionner aux sources les plus

éloignées, la contrebande rapprochait les distances, abaissait les prix, et neutralisait l'action funeste des monopoles.' *Blanqui, Histoire de l'Economie, Politique en Europe*, Paris, 1845, vol. ii. pp. 25, 26.

[411] 19 Гео. II. с. 34, признал "все насильственные акты контрабанды, осуществляемые вопреки законам или даже замаскированные, чтобы избежать их, уголовным преступлением без выгоды духовенства'. *Комментарии Блэкстоуна*, том iv. стр. 155. Таунсенд, путешествовавший по Франции в 1786 году, говорит, что когда кто-либо из многочисленных контрабандистов был схвачен, 'некоторых из них повесили, некоторых раскололи на колесе, а некоторых сожгли заживо'. *Испания Таунсенда*, том i, стр. 85, изд. 1792. Что касается общего действия французских законов против контрабандистов в восемнадцатом веке, сравните "Жизнь Джефферсона" *Такера*, том i, стр. 213, 214, с "Парламентской историей", том ix, стр. 1240.

[412] В работе значительного качества дается следующий отчет о положении дел в Англии и Франции вплоть до 1824 года: "Пока это происходило на английском побережье, контрабандисты на противоположном берегу были заняты, с гораздо большим трудом, риском и затратами, поставкой английской шерсти с помощью обширной системы мошенничества и лжи, в города, мимо ряда таможен. В обеих странах наблюдалась крайняя распущенность нравов, связанная с этими сделками. Мошенничество и ложь были необходимы для всей системы; пьянство сопровождало ее; при ней выросло презрение ко всем законам; при ней погиб честный трудолюбивый народ; и она увенчалась убийством'. "История Англии во время тридцатилетнего мира" *Мартино*, том i, стр. 341, 8в. 1849.

[413] Доказательства необычайных масштабов, до которых раньше осуществлялась контрабанда, и не тайно, а мощными группами вооруженных людей, см. в "Парламентской истории", т. ix. стр. 243, 247, 1290, 1345, т. x. стр. 394, 405, 530, 532, т. xi. стр. 935. А о количестве людей, вовлеченных в это, сравните "Жизнь Питта" *Томлайна*, том i, стр. 359: смотрите также "Историю государственных доходов" *Синклера*, том iii, стр. 232; "Жизнь Кларка" *Оттера*, том i, стр. 391. In France, the evil was equally great. M. Lemontey says, that early in the eighteenth century, 'la contrebande devenait une profession ouverte, et des compagnies de cavalerie désertèrent tout entières leurs étendards pour suivre contre le fisc cette guerre populaire.' *Lemontey, Essai sur l'Etablissement monarchique de Louis XIV*, p. 430. По словам Таунсенда, в 1786 году в Пиренеях насчитывалось 'более 1500 контрабандистов'. *Путешествие Таунсенда по Испании*, том i, стр. 84.

[414] Архиепископ Уэйтли говорит то, что сейчас вряд ли кто—нибудь из мыслящих людей станет отрицать: "Если бы клятвы были отменены, оставив наказание за лжесвидетельство (немаловажную часть нашей безопасности) неизменным, я убежден, что в целом свидетельским показаниям можно было бы доверять больше, чем они есть". "Элементы риторики" Уэйтли, 8 т. 1850 г., стр. 1. Я убежден, что в целом свидетельские показания были бы более достоверными, чем они есть". . 47. См. также о количестве случаев лжесвидетельства, вызванных английским законодательством, *Работы Джереми Бентама*, редактировать. Боуринг, т. ii. стр. 210, т. v. стр. 191-229, 454-466, т. vi. стр. 314, 315; "Жизнь Оуэна" *Орма*, стр. 195; *Работы Локка*, т. iv. стр. 6; *Работы Беркли*, т. ii. стр. 196; *Воспоминания Уистона*, стр. 33, 411-413; "Рассуждения Гамильтона о философии и литературе", стр. 454, 522, 527, 528. Сэр У. Гамильтон подводит итог: 'Но если лжесвидетельство Англии является выдающимся явлением в мире, то лжесвидетельство английских университетов, и Оксфорда в

частности,, является выдающимся явлением в Англии', стр. 528. Сравните *"Мемуары Пристли"*, том i, стр. 374 и *"Жизнь сэра Томаса Бернарда" Бейкера*, 1819, стр. 188, 189.

[415] 'L'observation rigoureuse de ces loix seroit destructive de tout commerce; aussi ne sont-elles pas observées rigoureusement.' *Mémoire sur les Prêts d'Argent*, sec. xiv., in *Œuvres de Turgot*, vol. v. pp. 278, 279. Сравните *Работы Рикардо*, стр. 178, 179, с Кондорсе, *"Жизнь Тюрго"*, стр. 53, 54, 228.

[416] С помощью церкви. Ecclesiastical councils contain numerous regulations against usury; and, in 1179, Pope Alexander ordered that usurers were not to be buried: 'Quia in omnibus ferè locis crimen usurarum invaluit; ut multi negotiis prætermisissis quasi licitè usuras exercean; et qualiter utriusque testamenti pagina condemnetur, non attendunt: ideò constituimus, ut usurarii manifesti nec ad communionem recipiantur altaris, nec Christianam, si in hoc peccato decesserint, accipiant sepulturam, sed nec oblationem eorum quisquam accipiat.' *Rog. de Hoved. Летопись. in Rerum Anglicarum Scriptores post Bedam*, p. 335, Lond. 1596, folio. В Испании инквизиция взяла на себя ответственность за ростовщичество. См. *Льоренте, История инквизиции*, том i, стр. 339. Сравните *"Ледвичские древности Ирландии"*, стр. 133.

[417] Вся тема законов о ростовщичестве была рассмотрена Бентамом настолько полно и исчерпывающим образом, что я не могу поступить лучше, чем отсылать читателя к его замечательным 'Письмам'. Только часть этого вопроса обсуждается, и то очень несовершенно, в книге Рея *"Социальная наука"*, том iii. стр. 64, 65. О необходимости ростовщичества для смягчения последствий коммерческой паники см. *"Принципы политической экономии" Милля*, том ii. стр. 185.

ГЛАВА VI.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ИСТОРИИ И СОСТОЯНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В СРЕДНИЕ ВЕКА.

Теперь я представил читателю исследование тех бросающихся в глаза обстоятельств, которым обычно приписывают прогресс цивилизации; и я доказал, что такие обстоятельства столь далеки от того, чтобы быть причиной цивилизации, в лучшем случае являются лишь ее последствиями; и что, хотя религия, литература и законодательство, несомненно, изменяют условия существования человечества, они изменяются еще сильнее. Действительно, как мы ясно видели, они, даже в своем наиболее благоприятном положении, могут быть лишь второстепенными агентами; потому что, каким бы благотворным ни было их кажущееся влияние, они сами являются продуктом предшествующих изменений, и их результаты будут варьироваться в зависимости от особенностей общества, на которое они воздействуют.

Таким образом, с каждым последующим анализом область настоящего исследования сужалась, пока мы не нашли основания полагать, что рост европейской цивилизации обусловлен исключительно прогрессом знания, и что прогресс знания зависит от количества истин, которые открывает человеческий интеллект, и от степени их распространения. В поддержку этого предположения я пока привел только такие общие аргументы, которые устанавливают очень высокую вероятность; для повышения достоверности которых

потребуется обращение к истории в самом широком смысле этого термина. Таким образом, проверка умозрительных выводов путем исчерпывающего перечисления наиболее важных частных фактов является задачей, которую я намереваюсь выполнить, насколько позволят мои полномочия; и в предыдущей главе я кратко изложил метод, согласно которому будет проводиться расследование. Кроме того, мне показалось, что принципы, которые я изложил, могут быть также проверены с помощью метода действий, о котором я еще не упоминал, но который тесно связан с предметом, который сейчас находится перед нами. Это, если соединить с исследованием прогресса истории человека, еще одно исследование прогресса самой Истории. Таким образом, будет пролит большой свет на движения общества; поскольку всегда должна существовать связь между тем, как люди созерцают прошлое, и тем, как они созерцают настоящее; оба взгляда на самом деле являются различными формами одного и того же образа мышления и, следовательно, представляют в каждую эпоху определенную симпатию и соответствие друг другу. Более того, будет обнаружено, что такое исследование того, что я называю историей истории, установит два ведущих факта, имеющих значительную ценность. Первый факт заключается в том, что в течение последних трех столетий историки, взятые как класс, проявляли постоянно растущее уважение к человеческому интеллекту и отвращение к тем бесчисленным ухищрениям, которыми он раньше был скован. Второй факт заключается в том, что в течение того же периода они проявляли растущую тенденцию пренебрегать вопросами, которые когда-то считались первостепенно важными, и с большей готовностью обращали внимание на темы, связанные с положением людей и распространением знаний. Эти два факта будут окончательно установлены в настоящем Введении; и следует признать, что их существование подтверждает принципы, которые я выдвинул. Если можно установить, что по мере совершенствования общества историческая литература постоянно развивалась в одном заданном направлении, возникает очень большая вероятность в пользу истинности тех взглядов, к которым она явно приближается. Действительно, именно вероятность такого рода делает столь важным для изучающего какую-либо конкретную науку знакомство с ее историей; потому что всегда существует справедливое предположение, что по мере развития общих знаний любой отдельный ее раздел, если его изучают компетентные люди, также развивается, даже когда результаты могут быть настолько незначительными, что кажутся недостойными внимания. Следовательно, становится чрезвычайно важным наблюдать за тем, как на протяжении последовательных эпох историки меняли свои позиции; поскольку мы обнаружим, что такие изменения в долгосрочной перспективе всегда указывали на одну и ту же сторону и в действительности являются лишь частью того обширного движения, посредством которого человеческий интеллект с бесконечным трудом отстоял свои права и медленно освободился от тех закоренелых предрассудков, которые долгое время препятствовали его деятельности.

С учетом этих соображений представляется целесообразным, чтобы при изучении различных цивилизаций, на которые разошлись великие страны Европы, я также рассказал о том, как обычно писалась история в каждой стране. При использовании этого источника я буду руководствоваться главным образом желанием проиллюстрировать тесную связь между действительным состоянием народа и его мнениями относительно прошлого; и, чтобы не упускать эту связь из виду, я буду рассматривать состояние исторической литературы не как отдельный предмет, а как составляющую часть интеллектуальной истории каждой нации. Настоящий том будет содержать обзор основных характеристик французской цивилизации довеликой революции; и вместе с этим будет включен отчет о французских историках и о замечательных усовершенствованиях, которые они внесли в свои собственные области знаний.

Связь, которую эти улучшения имели с состоянием общества, из которого они исходили, очень поразительна и будет рассмотрена несколько подробнее; в то время как в следующем томе цивилизация и историческая литература других ведущих стран будут рассматриваться аналогичным образом. Однако, прежде чем перейти к этим различным темам, мне пришло в голову, что предварительное исследование происхождения европейской истории было бы интересно, поскольку оно дает информацию о малоизвестных вещах, а также позволяет читателю понять чрезвычайные трудности, с которыми история достигла своего нынешнего продвинутого, но все еще очень несовершенного состояния. Материалы для изучения древнейшего состояния Европы давно исчезли; но обширная информация, которой мы теперь располагаем о варварских народах, снабдит нас полезным источником, потому что у всех них много общего; мнения людей крайнего невежества, действительно, везде одинаковы, за исключением тех случаев, когда они изменены различиями, которые природа представляет в различных странах. Поэтому я без колебаний использую свидетельства, собранные компетентными путешественниками, и делаю из них выводы относительно того периода развития европейского сознания, о котором у нас нет прямых сведений. Такие выводы, конечно, будут умозрительными; но в течение последней тысячи лет мы совершенно независимы от них, поскольку каждая великая страна имела своих собственных летописцев с девятого века, в то время как у французов их непрерывный ряд с шестого века. В настоящей главе я намерен привести примеры того, как до шестнадцатого века история обычно писалась высшими европейскими авторитетами. Ее последующее улучшение в течение семнадцатого и восемнадцатого веков будет описано отдельными главами стран, где был достигнут прогресс; и поскольку история, предшествовавшая улучшению, была не чем иным, как переплетением грубейших ошибок, я, в первую очередь, рассмотрю ведущие причины ее повсеместного разложения и укажу шаги, благодаря которым она была настолько изуродована, что в течение нескольких столетий в Европе не было ни одного человека, критически изучавшего прошлое или даже способного с приемлемой точностью описать события своего времени.

На очень раннем этапе развития народа, задолго до того, как он познакомился с использованием букв, он чувствует нехватку какого-либо средства, которое в мирное время могло бы развлечь его досуг, а на войне - стимулировать его мужество. Это обеспечено им изобретением баллад, которые составляют основу всех исторических знаний и которые в той или иной форме встречаются у некоторых из самых грубых племен земли. По большей части их поют люди, чьей особой обязанностью является сохранение запаса традиций. Действительно, это любопытство к событиям прошлого настолько естественно, что существует мало народов, которым неизвестны эти барды или менестрели. Таким образом, если выбрать несколько примеров, то именно они сохранили народные традиции не только Европы,^[418] но и Китая, Тибета и Татарии;^[419] аналогично из Индии,^[420] из Китая,^[421] из Белочистана,^[422] Западной Азии,^[423] островов Черного моря,^[424] Египта,^[425] Западной Африки,^[426] Северной Америки,^[427] Южной Америки,^[428] и островов в Тихом океане.^[429]

Во всех этих странах письменность долгое время была неизвестна; и, поскольку у народа в этом государстве нет средств увековечить свою историю, кроме как с помощью устных преданий, они выбирают форму, наилучшим образом рассчитанную на поддержку их памяти; и я полагаю, будет обнаружено, что первые зачатки знаний всегда состоят из поэзии, и часто из рифмы.^[430] Звон радует слух варвара и дает гарантию того, что он передаст его своим детям в том же состоянии, в каком он его получил.^[431] Эта гарантия от ошибок еще больше повышает ценность этих баллад; и вместо того, чтобы рассматриваться как простое развлечение, они

возвышаются до достоинства судебных органов.[432] Содержащиеся в них намеки являются удовлетворительными доказательствами для определения достоинств соперничающих семей или даже для определения границ тех грубых сословий, которыми может обладать такое общество. Таким образом, мы обнаруживаем, что признанные декламаторы и композиторы этих песен являются признанными судьями во всех спорных вопросах; и поскольку они часто являются священниками и считаются вдохновенными, вероятно, именно таким образом впервые возникло представление о божественном происхождении поэзии.[433] Эти баллады, конечно, будут варьироваться в зависимости от обычаев и темперамента разных народов, а также в зависимости от климата, к которому они привыкли. На юге они принимают страстную и сладострастную форму; на севере они весьма примечательны своим трагическим и воинственным характером.[434] Но, несмотря на эти различия, все подобные разработки имеют одну общую черту. Они не только основаны на правде, но и, принимая во внимание поэтическую окраску, все они строго правдивы. Люди, которые постоянно повторяют песни, которые они постоянно слышат, и которые обращаются к их авторитетным исполнителям в качестве конечных судей в спорных вопросах, вряд ли ошибутся в вопросах, в точности изложения которых они так живо заинтересованы.[435]

Это самый ранний и самый простой из различных этапов, через которые приходится проходить истории. Но, с течением времени, если не вмешаются неблагоприятные обстоятельства, общество развивается, и, среди прочих изменений, есть одно, в частности, величайшей важности: я имею в виду внедрение искусства письма, которое, прежде чем сменятся многие поколения, должно полностью изменить характер национальных традиций. Насколько мне известно, способ, которым это происходит, никогда не указывался; и поэтому будет интересно попытаться проследить некоторые из его деталей.

Первое и, возможно, наиболее очевидное соображение заключается в том, что внедрение искусства письма придает постоянство национальным знаниям и, таким образом, снижает полезность той устной информации, в которой должны содержаться все достижения неграмотного народа. Следовательно, по мере развития страны влияние традиций уменьшается, а сами традиции становятся менее надежными.[436] Кроме того, на данном этапе развития общества хранители этих традиций теряют большую часть своей прежней репутации. Среди совершенно неграмотного народа исполнители баллад, как мы уже видели, являются единственными хранителями тех исторических фактов, от которых в основном зависят слава, а часто и имущество их вождей. Но когда эта же нация знакомится с искусством письма, у нее пропадает желание доверять эти вопросы памяти странствующих певцов и она пользуется своим новым искусством, чтобы сохранить их в неизменной и материальной форме. Как только это будет сделано, важность тех, кто повторяет национальные традиции, ощутимо снизится. Они постепенно превращаются в низший класс, который, утратив свою прежнюю репутацию, больше не состоит из тех выдающихся людей, способностям которых он был обязан своей былой славой.[437] Таким образом, мы видим, что, хотя без писем не может быть никаких важных знаний, тем не менее верно, что их введение наносит ущерб историческим традициям двумя различными способами: во-первых, ослабляя традиции, а во-вторых, ослабляя класс людей, чье занятие заключается в их сохранении.

Но это еще не все. Искусство письма не только уменьшает количество традиционных истин, но и напрямую поощряет распространение лжи. Это осуществляется с помощью того, что можно назвать принципом накопления, которому глубоко обязаны все системы верований. В древние

времена, например, имя Геркулес было дано нескольким из тех великих общественных грабителей, которые бичевали человечество и которым, если их преступления были успешными, а также огромными, после их смерти обязательно поклонялись как героям.[438] Неизвестно, как возникло это прозвище; но, вероятно, сначала оно было присвоено одному человеку, а затем тем, кто походил на него по характеру своих достижений.[439] Такой способ расширения использования единого имени естествен для варварского народа;[440] и не вызовет путаницы, если традиции страны соблюдаются. оставался локальным и не подключенным. Но как только эти предания были закреплены письменным языком, собиратели их, обманутые сходством названий, собрали разрозненные факты и, приписав одному человеку эти накопленные подвиги, низвели историю до уровня чудесной мифологии.[441] Таким же образом, вскоре после того, как использование букв стало известно на Севере Европы, Саксон Грамматик составил жизнеописание знаменитого Рагнара Лодброка. То ли случайно, то ли намеренно этот великий скандинавский воин, научивший Англию трепетать, получил то же имя, что и другой Рагнар, который был принцем Ютландии около ста лет назад. Это совпадение не вызвало бы никакой путаницы, если бы в каждом округе сохранилось отдельное и независимое повествование о своем собственном Рагнаре. Но, обладая таким писательским ресурсом, люди стали способны объединить отдельные цепочки событий и, так сказать, сплавить две истины в одно заблуждение. И это было то, что произошло на самом деле. Легковерный Саксон собрал воедино различные подвиги обоих Рагнаров и, приписав их все своему любимому герою, погрузил в безвестность одну из самых интересных частей ранней истории Европы.[442]

"Анналы Севера" представляют собой еще один любопытный пример этого источника ошибок. Племя финнов, называемое квенами, занимало значительную часть восточного побережья Ботнического залива. Их страна была известна как Квинландия; и это название породило веру в то, что к северу от Балтийского моря существовал народ амазонок. Это легко было бы исправить с помощью местных знаний; но благодаря использованию письменности распространившийся слух был немедленно зафиксирован; и существование такого народа положительно подтверждается в некоторых из самых ранних европейских исторических источников.[443] Таким образом, Або, древняя столица Финляндии, также называлась Турку, что на шведском языке означает рыночную площадь. Адам Бременский, имея случай рассматривать страны, прилегающие к Балтике,[444] был настолько введен в заблуждение словом Турку, что этот знаменитый историк уверяет своих читателей, что в Финляндии были турки.[445]

К этим иллюстрациям можно было бы добавить много других, показывающих, как простые названия вводили в заблуждение ранних историков и порождали связи, которые были совершенно ложными и могли быть исправлены на месте; но которые, благодаря искусству письма, были перенесены в отдаленные страны и, таким образом, оказались вне досягаемости противоречий. Из таких случаев можно упомянуть еще один, поскольку он касается истории Англии. Ричард I, самый жестокий из наших принцев, был известен своим современникам как Лев; это прозвище было дано ему за его бесстрашие и свирепый нрав.[446] Отсюда было сказано, что у него было сердце льва; и титул "Львиный король" не только стал неразрывно связан с его именем, но фактически дал начало истории, повторяемой бесчисленными авторами, согласно которой он убил льва в единоборстве.[447] Название дало начало рассказу; история подтвердила название; и еще один вымысел был добавлен к тому длинному ряду лжи, из которых в основном состояла история в средние века.

Искажению истории, столь естественным образом вызванному простым введением букв, в Европе способствовала дополнительная причина. Вместе с искусством письма в большинстве случаев передавались и знания о христианстве; и новая религия не только разрушила многие языческие традиции, но и фальсифицировала остальные, смешав их с монашескими легендами. Степень, в которой это было распространено, составила бы любопытный предмет для исследования; но одного или двух примеров этого, возможно, будет достаточно, чтобы удовлетворить большинство читателей.

О самом раннем состоянии великих северных народов у нас мало достоверных свидетельств; но несколько стихотворений, в которых скандинавские поэты описывали подвиги своих предков или современников, все еще сохранились; и, несмотря на их последующее искажение, наиболее компетентные судьи признают, что они воплощают реальные исторические события. Но в девятом и десятом веках христианские миссионеры пересекли Прибалтику и распространили знания о своей религии среди жителей Северной Европы.^[448] Едва это было сделано, как источники истории начали отравляться. В конце одиннадцатого века Семунд Сигфуссен, христианский священник, собрал популярные и до сих пор ненаписанные истории Севера в так называемую "Старшую Эдду"; и он был удовлетворен добавлением к своему сборнику исправления христианского гимна.^[449] Сто лет спустя был составлен еще один сборник туземных историй; но принцип, о котором я упоминал, действовал дольше, и теперь его действие проявилось еще более отчетливо. В этом втором сборнике, известном под названием "Младшая Эдда", есть приятная смесь греческих, еврейских и христианских басен; и впервые в скандинавских летописях мы встречаемся с широко распространенной выдумкой о троянском происхождении.^[450]

Если в качестве дополнительной иллюстрации мы обратимся к другим частям света, то найдем ряд фактов, подтверждающих эту точку зрения. Мы обнаружим, что в тех странах, где не произошло смены религии, история более достоверна и взаимосвязана, чем в тех странах, где такая смена произошла. В Индии брахманизм, который до сих пор является верховным, утвердился в столь ранний период, что его происхождение теряется в глубочайшей древности.^[451] Следствием этого является то, что местные летописи никогда не были искажены никакими новыми суевериями; и индусы обладают историческими традициями, более древними, чем можно найти у любого другого азиатского народа.^[452] Таким же образом китайцы более 2000 лет сохраняли религию Фо, которая является формой буддизма.^[453] Таким образом, хотя цивилизация Китая никогда не была равной цивилизации Индии, в Китае существует история, на самом деле не такая древняя, как местные жители хотели бы, чтобы мы верили, но все же уходящая корнями за несколько веков до христианской эры, откуда она в непрерывной последовательности дошла до наших дней.^[454] С другой стороны, персы, интеллектуальное развитие которых, безусловно, превосходило китайское, тем не менее, не располагают какой-либо достоверной информацией о ранних деяниях своей древней монархии.^[455] Для этого я не вижу никакой возможной причины, кроме того факта, что Персия вскоре после обнародования Корана была завоевана мусульманами, которые полностью ниспровергли религию парсов и таким образом прервали поток национальных традиций.^[456] Следовательно, если оставить в стороне мифы о Зендавесте, у нас нет сколь-либо ценных источников по истории персии до появления в одиннадцатом веке Шах-наме; в котором, однако, Фирдоуси смешал чудесные связи этих двух религий, которым последовательно подчинялась его страна.^[457] Результатом является то, что если бы не было сделано различных открытий памятников, надписей и монет, мы были бы вынуждены полагаться на скудные и

неточные сведения греческих авторов в наших знаниях об истории одной из важнейших азиатских монархий.[458]

Даже среди более варварских народов мы видим действие того же принципа. Малайско-полинезийская раса хорошо известна этнологам как населяющая огромную серию островов, простирающихся от Мадагаскара до западного побережья Америки в пределах 2000 миль.[459] Религией этих широко разбросанных людей изначально был политеизм, наиболее чистые формы которого долгое время сохранялись на Филиппинских островах.[460] Но в пятнадцатом веке многие полинезийские народы были обращены в мусульманство;[461] и за этим последовал процесс, точно такой же, как тот, который я указал в других странах. Новая религия, изменив течение национальных мыслей, извратила чистоту национальной истории. Из всех островов Индийского архипелага Ява был тем, на котором достигла наивысшей цивилизации.[462] Однако сейчас яванцы не только утратили свои исторические традиции, но даже те списки своих царей, которые сохранились, дополнены именами мусульманских святых.[463] С другой стороны, мы обнаруживаем, что на соседнем острове Бали, где все еще сохраняется старая религия,[464] легенды Явы помнят и лелеют люди.[465]

Было бы бесполезно приводить дополнительные доказательства того, каким образом среди несовершенного цивилизованных народов установление новой религии всегда влияет на точность их ранней истории. Мне нужно только заметить, что таким образом христианские священники скрывали летописи каждого европейского народа, который они обратили, и уничтожили или извратили традиции галлов,[466] валлийцев, ирландцев,[467] англосаксов,[468] славянских народов,[469] финнов,[470] и даже исландцев.[471]

Помимо всего этого, произошли и другие обстоятельства, имеющие тенденцию в том же направлении. Вследствие событий, о которых я расскажу позже, литература Европы незадолго до окончательного распада Римской империи полностью перешла в руки духовенства, которое долгое время почиталось как единственные наставники человечества. В течение нескольких столетий было крайне редко встретить непрофессионала, умевшего читать или писать; и, конечно, еще реже было встретить человека, способного сочинить произведение. Литература, оказавшись, таким образом, монополизированной одним классом, приобрела особенности, естественные для ее новых хозяев.[472] И поскольку духовенство, взятое в целом, всегда считало своим делом насаждать веру, а не поощрять расследование, неудивительно, что в своих трудах они демонстрировали дух, присущий привычкам их профессии. Следовательно, как я уже отмечал, литература на протяжении многих веков вместо того, чтобы приносить пользу обществу, вредила ему, усиливая легкоеверие и тем самым останавливая прогресс знания. Действительно, склонность ко лжи стала настолько велика, что не было ничего, во что люди не хотели бы верить. Для их жадных и доверчивых ушей не было ничего неподходящего. Истории о предзнаменованиях, чудесах, видениях, странных предзнаменованиях, чудовищных явлениях на небесах, самых диких и бессвязных нелепостях передавались из уст в уста и переписывались из книги в книгу с такой тщательностью, как если бы они были лучшими сокровищами человеческой мудрости.[473] То, что Европа когда-либо должна была выйти из такого состояния, является самым решающим доказательством необычайной энергии Человека, поскольку мы даже представить себе не можем состояние общества, более неблагоприятное для его прогресса. Но очевидно, что до тех пор, пока не была осуществлена эмансипация, легкоеверие и распушенность мышления, которые были всеобщими, не приучали людей к

привычкам расследования и делали невозможным для них успешное изучение прошлых событий или даже точную запись того, что происходило вокруг них.[\[474\]](#)

Таким образом, если мы вернемся к только что приведенным фактам, то можем сказать, что, исключая некоторые обстоятельства, совершенно второстепенные, существовало три ведущие причины искажения истории Европы в средние века. Первой причиной было внезапное распространение искусства письма и последующее слияние различных местных традиций, которые, будучи разделенными, были точными, но объединяясь, оказывались ложными. Второй причиной была смена религии, которая действовала двояко, приводя не просто к прерыванию старых традиций, но и к их интерполяции. И третья причина, вероятно, самая мощная из всех, заключалась в том, что история оказалась монополизированной классом людей, чьи профессиональные привычки заставляли их быстро верить, и которые, более того, были прямо заинтересованы в повышении общей доверчивости, поскольку это была основа, на которой строился их собственный авторитет.

В результате действия этих причин история Европы была искажена до такой степени, что мы не можем найти аналогов ни в одном другом периоде. То, что, собственно говоря, не существовало истории, было наименьшей частью неудобства; но, к несчастью, люди, недовольные отсутствием истины, заменили ее изобретением лжи. Среди бесчисленных примеров этого есть один вид изобретений, на который стоит обратить внимание, потому что они демонстрируют ту любовь к старине, которая является заметной чертой тех классов, которыми тогда писалась история. Я имею в виду выдумки о происхождении различных народов, во всех из которых очень заметен дух Средневековья. На протяжении многих веков каждый народ верил, что он является прямым потомком предков, присутствовавших при осаде Трои. Это было предположение, в котором никто и не думал сомневаться.[\[475\]](#) Единственный вопрос касался деталей столь прославленного происхождения. В этом, однако, было определенное единодушие мнений; поскольку, не говоря уже о низших странах, было признано, что французы произошли от Франка, которого все знали как сына Гектора; и было также известно, что бритты произошли от Брута, отцом которого был не кто иной, как сам Эней.[\[476\]](#)

Касаясь происхождения тех или иных мест, великие историки Средневековья столь же общительны. В рассказах, которые они приводят о них, а также в жизнеописаниях выдающихся людей, история обычно начинается в очень отдаленный период; и события, относящиеся к их предмету, часто прослеживаются непрерывной чередой с того момента, когда Ной покинул ковчег, или даже когда Адам миновал врата Рая.[\[477\]](#) В других случаях древность, которую они приписывают, несколько меньше; но диапазон их информации всегда необычайен. Говорят, что столица Франции названа в честь Париса, сына Приама, потому что он бежал туда, когда была низвергнута Троя.[\[478\]](#) Они также упоминают, что Тур получил свое название из-за того, что был местом захоронения Турона, одного из троянцев;[\[479\]](#) в то время, когда город Труа был фактически построен троянцами, что ясно доказывает его этимология.[\[480\]](#) Было достоверно установлено, что Нюрнберг был назван в честь императора Нерона;[\[481\]](#) и Иерусалим в честь царя Иевуса,[\[482\]](#) человек огромной известности в средние века, но существование которого более поздние историки так и не смогли проверить. Река Хамбер получила свое название потому, что в древние времена в ней утонул царь гуннов.[\[483\]](#) Галлы вели свое происхождение, по мнению одних, от Галатии, женского потомка Иафета; по мнению других, от Гомера, сына Иафета.[\[484\]](#) Пруссия была названа в честь Прусса, брата Августа.[\[485\]](#) Это было удивительно современно; но Силезия получила свое название от пророка Елисея, от которого,

действительно, произошли силезцы;[486] что касается города Цюрих, то его точная дата является предметом споров, но он, несомненно, был построен во времена Авраама.[487] Точно так же от Авраама и Сарры немедленно произошли цыгане.[488] Кровь сарацин была менее чистой, поскольку они происходили только от Сарры — каким образом, не упоминается; но она, вероятно, родила их от другого брака или, возможно, как плод египетской интриги.[489] Во всяком случае, шотландцы, несомненно, пришли из Египта, поскольку изначально они происходили от Скотты, которая была дочерью фараона и завещала им свое имя.[490] По многим подобным вопросам средневековые обладали не менее ценной информацией. Было хорошо известно, что город Неаполь был основан на яйцах;[491] и также было известно, что орден Святого Михаила был учрежден лично архангелом, который сам был первым рыцарем, и которому, собственно, рыцарство обязано своим происхождением.[492] Что касается татар, то этот народ, конечно, произошел из Тартара, который, по словам одних теологов, был низшим видом ада, но другие утверждали, что это сам ад.[493] Как бы то ни было, факт того, что они родились снизу, был неоспорим и подтверждался многими обстоятельствами, которые свидетельствовали о роковом и таинственном влиянии, которое они могли оказывать. Ибо турки были идентичны татарам; и было печально известно, что с тех пор, как Крест попал в руки турок, у всех христианских детей стало на десять зубов меньше, чем раньше; всеобщее бедствие, исправить которое, казалось, было невозможно.[494]

Другие моменты, относящиеся к истории прошлых событий, были прояснены с такой же легкостью. В Европе на протяжении многих веков единственной широко используемой животной пищей была свинина; говядина, телятина и баранина были сравнительно неизвестны.[495] Поэтому было немаловажно, что крестоносцы, вернувшись с Востока, рассказали своим соотечественникам, что они были среди народа, который, подобно евреям, считал свинину нечистой и отказывался ее есть. Но чувство живого удивления, которое вызвало это известие, было уничтожено, как только была объяснена причина этого факта. Этой темой занимался Мэтью Пэрис, самый выдающийся историк XIII века и один из самых выдающихся в Средние века.[496] Этот знаменитый писатель сообщает нам, что мусульмане отказываются есть свинину из-за необычного обстоятельства, которое произошло с их пророком. Оказывается, что Мохаммед, однажды объевшись едой и питьем до потери сознания, заснул на навозной куче, и в этом позорном состоянии его увидел выводок свиней. Свиньи напали на падшего пророка и задушили его до смерти; по этой причине его последователи питают отвращение к свиньям и отказываются вкушать их мясо.[497] Этот поразительный факт объясняет одну большую особенность мусульман;[498] и другой факт, не менее поразительный, объясняет, как получилось, что их секта возникла в существование. Ибо было хорошо известно, что Мухаммед изначально был кардиналом и стал еретиком только потому, что потерпел неудачу в своем замысле быть избранным папой.[499]

Что касается ранней истории христианства, великие писатели средневековья были особенно любознательны; и они сохранили память о событиях, о которых в противном случае мы были бы в полном неведении. После Фруассара самым знаменитым историком четырнадцатого века, безусловно, был Мэтью Вестминстерский, с именем которого, по крайней мере, знакомо большинству читателей. Этот выдающийся человек обратил свое внимание, среди прочего, на историю Иуды, чтобы выяснить обстоятельства, при которых сформировался характер этого главного отступника. Его исследования, по-видимому, были очень обширными; но их главными результатами было то, что Иуда, будучи младенцем, был оставлен своими родителями и выставлен на всеобщее обозрение на острове под названием Скарifo, откуда он получил имя

Иуда Искарот. К этому историк добавляет, что после того, как Иуда вырос, он, помимо прочих чудовищных поступков, убил своего собственного отца, а затем женился на собственной матери.^[500] Тот же автор в другой части своей истории упоминает факт, интересный для тех, кто изучает древности Святого Престола. Были подняты некоторые вопросы относительно приличия целовать папе палец на ноге, и даже у богословов были свои сомнения относительно столь необычной церемонии. Но и эта трудность была устранена Мэтью Вестминстерским, который объясняет истинное происхождение этого обычая. Он говорит, что раньше было принято целовать руку его святейшеству; но ближе к концу восьмого века некая распутная женщина, делая подношение папе, не только поцеловала его руку, но и пожалала ее. Папа римский — его звали Лев — увидев опасность, отрубил себе руку и таким образом избежал заражения, которому подвергся. С тех пор из предосторожности целовали папе палец на ноге, а не руку; и чтобы никто не усомнился в точности этого рассказа, историк уверяет нас, что рука, отрубленная пятьсот или шестьсот лет назад, все еще находилась в Риме и действительно была настоящим чудом, поскольку сохранилась в Латеране в своем первоначальном виде, свободной от порчи.^[501] И поскольку некоторые читатели, возможно, пожелают узнать о самом Латеране, где хранилась рука, это также рассматривается историком в другой части его великого труда, где он восходит к императору Нерону. Ибо говорят, что однажды этого нечестивого гонителя веры вырвало лягушкой, покрытой кровью, которую он считал своим собственным потомством, и поэтому велел запереть ее в склепе, где она оставалась спрятанной в течение некоторого времени. Теперь, на латинском языке, *latente* означает скрытый, а *rana* означает лягушку; так что, соединяя эти два слова вместе, мы получаем происхождение Латерана, который, фактически, был построен там, где была найдена лягушка.^[502]

Было бы легко заполнить тома подобными представлениями, во все из которых свято верили в те темные века, или, как их правильно называют, Эпохи Веры. Это действительно были золотые дни для церковной профессии, поскольку доверчивость людей достигла такой высоты, которая, казалось, обеспечивала духовенству долгое и повсеместное господство. О том, как впоследствии были омрачены перспективы церкви и как человеческий разум начал бунтовать, будет рассказано в другой части этого Введения, где я попытаюсь проследить подъем того светского и скептического духа, которому европейская цивилизация обязана своим происхождением. Но, прежде чем завершить эту главу, возможно, будет полезно привести еще несколько иллюстраций мнений, существовавших в средние века; и с этой целью я выберу два исторических рассказа, которые из всех остальных были наиболее популярны, оказали наибольшее влияние и пользовались наибольшим всеобщим доверием.

Истории, на которые я ссылаюсь, — это истории Артура и Карла Великого; оба они носят имена сановников церкви и были восприняты с уважением, подобающим их прославленным авторам. То, что касается Карла Великого, называется Хроникой Турпена и якобы написано Турпеном, архиепископом Реймса, другом императора и его соратником на войне.^[503] Из некоторых отрывков, содержащихся в нем, есть основания полагать, что он действительно был составлен в начале двенадцатого века;^[504] но в средние века мужчины они не были хороши в этих вопросах, и никто, вероятно, не стал бы оспаривать их подлинность. Действительно, имя архиепископа Реймса было достаточной рекомендацией; и, соответственно, мы находим, что в 1122 году оно получило официальное одобрение папы римского;^[505] и что Винсент де Бове, один из самых знаменитых писателей тринадцатого века и наставник сыновей Людовика IX, упоминает его как ценное произведение и как главный авторитет в области правления Карла Великого.^[506]

Книга, которую таким образом обычно читают и которая одобрена такими компетентными судьями, должна быть приемлемым стандартом для проверки знаний и мнений того времени. В связи с этим краткое упоминание об этом будет полезно для нашей настоящей цели, поскольку оно позволит нам понять чрезвычайную медлительность, с которой совершенствовалась история, и почти незаметные шаги, которыми она продвигалась, пока великие мыслители восемнадцатого века не вдохнули в нее новую жизнь.

В Хронике Турпена нам сообщается, что вторжение Карла Великого в Испанию произошло по прямому наущению святого Иакова, брата святого Иоанна.[507] Апостол, будучи причиной нападения, принял меры для обеспечения его успеха. Когда Карл Великий осадил Памплону, этот город оказал упорное сопротивление; но как только захватчики вознесли молитвы, стены внезапно рухнули.[508] После этого император быстро захватил всю страну, почти истребил мусульман и построил бесчисленное количество церквей.[509] Но ресурсы сатаны неисчерпаемы. Теперь на стороне врага появился гигант, которого звали Фенакуте, и который был потомком древнего Голиафа.[510] Этот Фенакуте был самым грозным противником, с которым когда-либо сталкивались христиане. Его сила была равна силе сорока мужчин;[511] его лицо было в один локоть; его руки и ноги в четыре локтя; его общий рост составлял двадцать локтей. Против него Карл Великий послал самых выдающихся воинов, но они были легко разбиты великаном, о чьей чудовищной силе можно составить некоторое представление из того факта, что длина даже его пальцев составляла три ладони.[512] Христиане были полны ужаса. Напрасно более двадцати отборных воинов выступили против великана; ни один не вернулся с поля боя; Фенакуте взял их всех под руки и увел в плен.[513] Наконец знаменитый Орландо вышел вперед и вызвал его на смертный бой. Последовала упорная борьба, и христианин, не добившись ожидаемого успеха, втянул своего противника в богословскую дискуссию.[514] Здесь язычник был легко побежден; и Орландо, подогретый спором, наседа на своего врага, поразил гиганта своим мечом и нанес ему смертельную рану. После этого последняя надежда мусульман угасла; христианское оружие наконец восторжествовало, и Карл Великий разделил Испанию между теми доблестными последователями, которые помогали ему в ее завоевании.[515]

Об истории Артура средние века располагали столь же достоверными сведениями. Об этом знаменитом короле ходили разные рассказы;[516] но их сравнительная ценность все еще оставалась неопределенной, когда в начале двенадцатого века этот предмет привлек внимание Джеффри, хорошо известного архидьякона Монмута. Этот выдающийся человек в 1147 году н.э. опубликовал результаты своих изысканий в труде, который он назвал *История бриттов*. [517] В этой книге он всесторонне рассматривает весь вопрос; и не только рассказывает о жизни Артура, но и прослеживает обстоятельства, подготовившие путь для появления этого великого завоевателя. Что касается действий Артура, историку исключительно повезло, поскольку материалы, необходимые для этой части его предмета, были собраны Уолтером архидьяконом Оксфордским, который был другом Джеффри и, как и он, проявлял большой интерес к изучению истории.[518] Таким образом, это произведение является совместным сочинением двух архидьяконов и заслуживает уважения не только по этой причине, но и потому, что оно было одним из самых популярных из всех произведений средневековья.

Предыдущая часть этой великой истории посвящена результатам тех исследований, которые архидьякон Монмутский провел в британском государстве до восшествия на престол Артура. Это нас не так сильно интересует, хотя можно упомянуть, что архидьякон установил, что после

взятия Трои Асканий бежал из города и родил сына, который стал отцом Брута.[519] В те дни Англию населяли гиганты, все из которых были убиты Брутом; который, истребив всю расу, построил Лондон, уладил дела страны и назвал ее в свою честь Британией.[520] Архидьякон продолжает рассказывать о деяниях длинной череды королей, сменивших Брута, большинство из которых были замечательны своими способностями, а некоторые прославились чудесами, произошедшими в их время. Таким образом, во время правления Ривалло три дня подряд лил кровавый дождь;[521] а когда на троне был Морвидус, побережья были наводнены ужасным морским чудовищем, которое, пожрав бесчисленное количество людей, в конце концов проглотило самого короля.[522]

Эти и подобные им вопросы излагает архидьякон Монмутского как плод его собственных изысканий; но в последующем рассказе об Артуре ему помогал его друг, архидьякон Оксфордский. Два архидиакона сообщают своим читателям, что король Артур обязан своим существованием магическому изобретению Мерлина, знаменитого волшебника; подробности они излагают с подробностью, которая, учитывая священный характер историков, весьма примечательна.[523] Последующие действия Артура не опровергали его сверхъестественного происхождения. Его мощи ничто не могло противостоять. Он убил огромное количество саксов; он захватил Норвегию, вторгся в Галлию, поселил свой двор в Париже и готовился к завоеванию всей Европы.[524] Он сразился с двумя гигантами один на один и убил их обоих. Один из этих великанов, обитавший на горе Святого Михаила, наводил ужас на всю страну и уничтожил всех посланных против него солдат, за исключением тех, кого он взял в плен, чтобы съесть их, пока они были еще живы.[525] Но он пал жертвой доблести Артура; как и другой великан по имени Рито, который был, если возможно, еще более грозным. Ибо Рито, не довольствуясь войной с людьми более низкого пошиба, на самом деле облачился в меха, которые были полностью сшиты из бород убитых им королей.[526]

Таковы были утверждения, которые под названием истории были представлены миру в двенадцатом веке; и это тоже было сделано не малоизвестными авторами, а высокими сановниками церкви. Не было также недостатка ни в чем, с помощью чего можно было бы обеспечить успех работы. Ее авторами были архидьякон Монмута и архидьякон Оксфорда; она была посвящена Роберту графу Глостерскому, сыну Генриха I. И считалась настолько важным вкладом в национальную литературу, что ее главный автор был возведен в сан епископа Асафа — привилегией, которой, как говорят, он обязан своим успехом в исследовании анналов английской истории.[527] Книга, отмеченная всеми возможными знаками одобрения, несомненно, является неплохим показателем эпохи, в которой ею восхищались. Действительно, это чувство было настолько всеобщим, что на протяжении нескольких столетий было не более двух-трех случаев, когда какой-либо критик сомневался в его точности.[528] Латинское сокращение этого было опубликовано известным историком Альфредом из Беверли;[529] и, чтобы оно было более общеизвестным, оно было переведено на английский Лайамоном,[530] и на англо-нормандский, сначала Гаймаром, а затем Уэйсом;[531] ревностные люди, которые беспокоились о том, чтобы содержащиеся в нем важные истины были распространены настолько широко, насколько позволяют обстоятельства.

Вряд ли есть необходимость в том, чтобы я приводил дополнительные доказательства того, каким образом писалась история в средние века; ибо приведенные выше образцы взяты не наугад, а были отобраны у самых способных и прославленных авторов; и как таковые представляют собой очень благоприятный тип знаний и суждений Европы тех дней. В

четырнадцатом и пятнадцатом веках впервые появились слабые признаки приближающихся изменений;^[532] но это улучшение было не очень заметным до конца шестнадцатого века или даже начала семнадцатого. Основные этапы этого интересного движения будут прослежены в другой части Введения, где я покажу, что, хотя в семнадцатом веке прогресс был очевиден, попыток выработать всеобъемлющий взгляд на историю не предпринималось почти до середины восемнадцатого века, когда предмет изучался сначала великими французскими мыслителями, затем одним или двумя шотландцами, анесколькими годами позже - немцами. Это преобразование истории было связано, как я укажу, с другими интеллектуальными изменениями, которые соответствовали ему и которые повлияли на социальные отношения всех основных стран Европы. Но, не предвосхищая того, что будет найдено в другой части этого тома, достаточно сказать, что история не только не была написана до конца шестнадцатого века, но и что состояние общества было таково, что ее написание было невозможно. Знания о Европе были еще недостаточно развиты, чтобы их можно было успешно применять для изучения событий прошлого. Ибо мы не должны предполагать, что недостатки ранних историков были вызваны отсутствием природных способностей. Средний интеллект людей, вероятно, всегда одинаков, но давление, оказываемое на них обществом, постоянно меняется. Таким образом, общее состояние общества в прежние времена заставляло даже самых способных писателей верить в самые детские нелепости. Пока это условие не было изменено, существование истории было невозможно, потому что невозможно было найти кого-либо, кто знал бы, что наиболее важно рассказать, что отвергнуть и во что верить.

Следствием этого было то, что даже когда историю изучали люди с такими выдающимися способностями, как Макиавелли и Боден, они не могли найти лучшего применения, чем использовать ее как средство для политических спекуляций; и ни в одной из их работ мы не находим ни малейшей попытки подняться до обобщений, достаточно широких, чтобы охватить все социальные явления. То же замечание относится и к Коминсу, который, хотя и уступал Макиавелли и Бодену, был наблюдателем незаурядной проницательности и, безусловно, проявлял редкую проницательность в оценке конкретных персонажей. Но это было связано с его собственным интеллектом, в то время как эпоха, в которую он жил, сделала его суеверным и, для более масштабных целей истории, крайне близоруким. Его близорукость поразительно проявляется в его полном незнании того великого интеллектуального движения, которое в его время быстро ниспровергало феодальные институты средневековья; но на которое он ни разу не ссылается, уделяя свое внимание тем тривиальным политическим интригам, в связи с которыми, по его мнению, состоит история.^[533] Что касается его суеверия, было бы бесполезно приводить множество примеров этого, поскольку ни один человек не мог жить в пятнадцатом веке, не ослабив свой разум всеобщей доверчивостью. Можно, однако, заметить, что, хотя он был лично знаком с государственными деятелями и дипломатами и, следовательно, имел полную возможность видеть, как предприятия, обещавшие самые прекрасные результаты, постоянно терпят крах просто из-за неспособности тех, кто за них берется, он во всех важных случаях приписывает такую неудачу не действительной причине, а непосредственному вмешательству Божества. Тенденция пятнадцатого века была настолько заметной и непреодолимой, что этот выдающийся политик, человек светский и искусный в искусстве жизни, намеренно утверждает, что сражения проиграны не потому, что армия плохо снабжена, и не потому, что кампания плохо продумана, и не потому, что полководец некомпетентен; но потому, что народ или его правитель порочны, и Провидение стремится наказать их. Ибо, говорит Коминс, война - это великая тайна; и, будучи использована Богом как средство

исполнения своих желаний, Он дарует победу, иногда одной стороне, иногда другой.[534] Следовательно, также беспорядки происходят в государстве исключительно по божественному велению; и они никогда бы не произошли, если бы князья или королевства, став процветающими, не забыли источник, из которого происходило их процветание.[535]

Подобные попытки превратить политику в простую отрасль теологии,[536] характерны для того времени; и они тем более интересны, что являются работой человека с большими способностями, к тому же состарившегося в опыте общественной жизни. Когда взгляды такого рода отстаивал не монах в своем монастыре, а выдающийся государственный деятель, хорошо разбирающийся в общественных делах, мы можем легко представить, каково было среднее интеллектуальное состояние тех, кто был во всех отношениях ниже его. Слишком очевидно, что от них ничего нельзя было ожидать; и что еще предстояло предпринять много шагов, прежде чем Европа смогла бы освободиться от суеверия, в котором она погрязла, и преодолеть те серьезные препятствия, которые препятствовали ее будущему прогрессу.

Но, хотя многое еще предстояло сделать, не может быть сомнений в том, что движение вперед было непрерывным и что даже во время написания книги Коминсом наблюдались недвусмысленные симптомы великих и решающих перемен. Тем не менее, это были лишь признаки того, что приближалось; и после его смерти прошло около ста лет, прежде чем прогресс стал очевиден во всех его результатах. Ибо, хотя протестантская реформация была следствием этого прогресса, она некоторое время препятствовала ему, поощряя наиболее способных людей к обсуждению вопросов, недоступных человеческому разуму, и таким образом отвлекая их от предметов, в которых их усилия были бы полезны для общих целей цивилизации. Таким образом, мы обнаруживаем, что на самом деле мало что было достигнуто до конца XVI века, когда, как мы увидим в следующих двух главах, теологический пыл в Англии и Франции начал спадать и был подготовлен путь для той чисто светской философии, выразителями которой, но ни в коем случае не создателями, были Бэкон и Декарт.[537] Эта эпоха относится к семнадцатому веку, и от него мы можем датировать интеллектуальное возрождение Европы; точно так же, как от восемнадцатого века мы можем датировать его социальное возрождение. Но на протяжении большей части шестнадцатого века легкое верие все еще было всеобщим, поскольку оно затрагивало не только низшие и наиболее невежественные классы, но даже тех, кто был наиболее образован. Этому можно привести бесчисленное множество доказательств; хотя, ради краткости, я ограничусь двумя примерами, которые особенно поразительны по сопутствующим им обстоятельствам и по тому влиянию, которое они оказывали на людей, которые, как можно было бы предположить, мало подвержены подобным заблуждениям.

В конце пятнадцатого и начале шестнадцатого века знаменитый астроном Штоффлер был профессором математики в Тюбингене. Этот выдающийся человек оказал большие услуги астрономии и был одним из первых, кто указал способ исправления ошибок в юлианском календаре, по которому тогда вычислялось время.[538] Но ни его способности, ни его знания не могли защитить его от духа его эпохи. В 1524 году он опубликовал результат некоторых сложных вычислений, которыми он долгое время занимался и с помощью которых он установил замечательный факт, что в том же году мир снова будет уничтожен потопом. Это заявление, сделанное человеком столь высокого положения, да к тому же с предельной уверенностью, вызвало живую и всеобщую тревогу.[539] Новости о приближающемся событии быстро распространились, и Европа наполнилась ужасом. Чтобы избежать первого шока, те, у кого

были дома у моря или на реках, покинули их;[540] в то время как другие, понимая, что такие меры могут быть только временными, приняли более активные меры предосторожности. Было предложено, чтобы в качестве предварительного шага император Карл V. назначил инспекторов для обследования страны и отметил те места, которые, будучи наименее подвержены надвигающемуся наводнению, с наибольшей вероятностью могли бы послужить убежищем. То, что это должно быть сделано, было желанием императорского генерала, который в то время находился во Флоренции и по желанию которого была написана работа, рекомендуя это.[541] Но умы людей были слишком отвлечены для столь продуманного плана; и, кроме того, поскольку высота наводнения была неопределенной, невозможно было сказать, не достигнет ли оно вершин самых высоких гор. В разгар этих и подобных им замыслов роковой день приближался, а до сих пор не было придумано ничего достаточно масштабного, чтобы противостоять злу. Перечисление различных предложений, которые были выдвинуты и отклонены, заняло бы длинную главу. Однако стоит обратить внимание на одно предложение, поскольку оно было реализовано с большим рвением и, более того, очень характерно для той эпохи. Священнослужитель по имени Ориоль, который в то время был профессором канонического права в Университете Тулузы, прокручивал в уме различные способы, с помощью которых можно было бы смягчить это вселенское бедствие. Наконец ему пришло в голову, что практически возможно повторить курс, который в аналогичной чрезвычайной ситуации с выдающимся успехом избрал Ной. Едва идея была задумана, как ее привели в исполнение. Жители Тулузы оказали свою помощь, и был построен ковчег в надежде, что по крайней мере какая-то часть человеческого рода может быть сохранена, чтобы продолжить свой род и снова заселить землю после того, как спадут воды и земля снова станет сухой.[542]

Примерно через семьдесят лет после того, как эта тревога утихла, произошло еще одно обстоятельство, которое на некоторое время дало занятие самым знаменитым людям в одной из главных стран Европы. В конце шестнадцатого века страшное волнение вызвало сообщение о том, что в челюсти ребенка, родившегося в Силезии, появился золотой зуб. После расследования этот слух оказался слишком правдивым. Скрывать это от публики стало невозможно, и вскоре о чуде стало известно по всей Германии, где, поскольку на него смотрели как на таинственное предзнаменование, ощущалась всеобщая тревога по поводу того, что может означать это новое явление. Его истинное значение впервые раскрыл доктор Хорст. В 1595 году этот выдающийся врач опубликовал результаты своих исследований, из которых следует, что при рождении ребенка солнце находилось в соединении с Сатурном в знаке Овна. Таким образом, это событие, хотя и было сверхъестественным, ни в коей мере не вызывало тревоги. Золотой зуб был предвестником золотого века, в который император изгонит турок из христианского мира и заложит основы империи, которая просуществует тысячи лет. И на это, говорит Хорст, явно ссылается Даниил в своей хорошо известной второй главе, где пророк говорит о статуе с золотой головой.[543]

Сноски:

[418] Сведения о древних бардах Галлии см. В *Бенедиктинской истории. де ла Франс*, том i. часть i. стр. 25-28. Шотландцы отмечены в *Истории Барри. об Оркнейских островах*, стр. 89; и современный пример с острова Кол, недалеко от Малла, см. *"Жизнь Оттера Кларка"*, том i, стр. 307. Что касается ирландских бардов седьмого века, см. *Историю Шарон Тернер. из Англии*,

том iii. стр. 571. Рассказ Спенсера о них в шестнадцатом веке (*"Трактаты Сомерса"*, т. i, стр. 590, 591) показывает, что орден тогда впадал в неуважение; а в семнадцатом веке это подтверждается сэром Уильямом Темплом; *Эссе о поэзии*, в *Сочинениях Темпла*, т. iii. стр. 431, 432. Но они вымерли только в восемнадцатом веке; ибо мистер Прайор (*"Жизнь Голдсмита"*, том i, стр. 36, 37) говорит, что Каролан, 'последний из древних ирландских бардов', умер в 1738 году. Без них память о многих событиях была бы полностью утрачена; поскольку даже в конце семнадцатого века в Ирландии не было реестров, обычные средства записи фактов были настолько малоизвестны, что родители часто из предосторожности отмечали имена и возраст детей на своих руках порохом. См. *"Воспоминания Киркмана о Чарльзе Маклине"*, 8 октября 1799 г., т. i, стр. 144, 145, любопытная книга. Сравните, уважая Каролана, *Иллюстрации Николса восемнадцатого века*, том vii. стр. 688-694.

[419] Об этих, как их еще называют, голографиях см. *"Путешествия Хука по Татарии, Тибету и Китаю"*, том i, стр. 65-67. Хук говорит, стр. 67: "Эти поэты-певцы, напоминающие нам менестрелей ирапсодов Греции, также очень многочисленны в Китае; но, вероятно, нигде они не так многочисленны и не так популярны, как в Тибете".

[420] О деканских бардах см. *"Историю юга Индии"* Уилкса, 4-е издание 1810 г., т. i, стр. 20, 21, и издание Бомбейского общества. том i, стр. 162. О других частях Индии см. *Путешествие Хиберы*, том ii. стр. 452-455; *Бернс на северо-западной границе Индии*, в *Журнале Geog. Soc.*, том iv. стр. 110, 111; *Принсеп*, в *Журнале Азии. Соч.* том. viii. с. 395; *Восточные мемуары Форбса*, том i. стр. 376, 377, 543; и *Азиатские исследования*, том ix. стр. 78. Они упоминаются в древнейшей Веде, которая также является древнейшей из всех индийских книг. См. *"Ригведа Санхита"*, том i, стр. 158.

[421] См. *Синд Бертона*, стр. 56, 8 в. 1851.

[422] *Синдх Бертона*, стр. 59.

[423] *Burnes's Travels into Bokhara* "Путешествия Бернса в Бухару".

[424] *Путешествия Кларка*, 8 в. 1816, т. ii. стр. 101.

[425] Сравните книгу Уилкинсона *"Древние египтяне"*, том ii. стр. 304, с книгой Бунзена *"Египет"*, том i. стр. 96, том ii. стр. 92.

[426] Я потерял свою заметку о бардах Западной Африки и могу сослаться только на поспешное уведомление в *"Путешествиях Мунго Парка"*, том i, стр. 70. 8vo. 1817.

[427] *"Очерки североамериканских индейцев"* Бьюкенена, стр. 337.

[428] *История Перу Прескотта*, том i. стр. 31, 32, 117.

[429] *Эллис, Полинезийские исследования*, т. i. стр. 85, 199, 411; *Эллис, Тур по Гавайям*, стр. 91. Сравните *"Путешествия Кука"*, т. v. стр. 237, с "Путешествием Бичи в Тихий океан", т. i. ii. стр. 106. Некоторые из этих баллад были собраны, но, я полагаю, не опубликованы. См. *Сандвичевы острова Чивера*, 8 в. 1851, стр. 181.

[430] То, что авторы постоянно утверждают, что рифма была изобретена сравнительно недавно; и даже Пинкертон в письме Лэйну в 1799 году говорит: 'Рифма не была известна в Европе

примерно до девятого века'. *Литературная переписка Пинкертон*, том ii. стр. 92. Правда в том, что рифма была известна не только древним грекам и римлянам, но и использовалась задолго до даты, которую упоминает Пинкертон, англосаксами, ирландцами, валлийцами и, я полагаю, бретонами. Посмотри *биографию Мура. из литературы Греции*, том ii. стр. 113; *Литература Халлама. Европы*, том i, стр. 31; *Вильмарке, Народные песнопения Бретани*, том i, стр. lviii. lix. по сравнению с *Сувестром, les Derniers Bretons*, стр. 143; *История Тернера. из Англии*, том iii. стр. 383, 643, том vii. стр. 324, 328, 330. Рифма также используется фанатиками (Бодич, *Миссия в Ашанти*, стр. 358); персами (*Перевод Бомбейского сборника*, том ii, стр. 82); китайцами (*перевод Азиатского сборника*, том ii, стр. 407, 409 и *"Китайский" Дэвиса*, том ii, стр. 269); малайцами (*Азиатские исследования*, том x, стр. 176, 196); у яванцев (*История Кроуферда. Индийского архипелага*, том ii. стр. 19, 20); и сиамцами (*Transac. of Asiatic Soc.* том iii. стр. 299).

[431] Приобретенная таким образом привычка надолго переживает обстоятельства, которые сделали ее необходимой. На протяжении многих веков любовь к стихосложению была настолько широко распространена, что сочинения в рифму были написаны почти на все темы, даже в Европе; и эта практика, свидетельствующая о господстве воображения, является, как я показал, характерной чертой великой индийской цивилизации, где понимание всегда было в застое. О ранних французских историках, писавших в рифму, см. *Monteil, Hist. des divers Etats*, vol. vi. p. 147. Монтукла (*Хисм. des Mathémat.* том i, стр. 506) упоминает математический трактат, написанный в тринадцатом веке, 'en vers techniques'. Сравните замечания Материи (*Hist. de l'Ecole d'Alexandrie*, том ii. стр. 179-183) о научной поэзии Арата; и о поэзии Гигина, стр. 250. Таким образом, мы также находим англо-нормандское сочинение "Институты Юстиниана в стихах"; *История Тернера. из Англии*, том vii. стр. 307: и польский историк, сочиняющий "свои многочисленные работы по генеалогии и геральдике в основном в рифму". *"Язык и литература славянских народов" Талви*, 8в. 1850, стр. 246. Compare *Origines du Droit Français*, in *Œuvres de Michelet*, vol. ii. p. 310.

[432] Мистер Эллис, миссионер с островов Южного моря, говорит о жителях: 'Их традиционные баллады были своего рода стандартом, или классическим авторитетом, на который они ссылались с целью определения любого спорного факта в их истории'. А когда возникали сомнения, 'поскольку у них не было записей, на которые они могли бы в такие моменты сослаться, они могли только противопоставлять одну устную традицию другой, что неизбежно вовлекало стороны в длительные и часто упорные дебаты'. *Эллис, Полинезийские исследования*, том i. стр. 202, 203. Сравните *историю Эльфинстоуна. из Индии*, стр. 66; *"Хеймскрингла" Лэйнга*, 8 т. 1844, т. i, стр. 50, 51; *"Жизнь Покока" Твелла*, изд. 1816, стр. 143.

[433] Вдохновение поэзии иногда объясняется ее спонтанностью (*Кузен, Hist. de la Philosophie*, IIe série, vol. i. стр. 135, 136); и не может быть сомнений в том, что одной из причин благоговения, испытываемого к великим поэтам, является необходимость, которую они, по-видимому, испытывают, изливать свои мысли без оглядки на свои собственные желания. Тем не менее, я полагаю, будет обнаружено, что представление о поэзии как о божественном искусстве наиболее распространено в тех слоях общества, в которых знание монополизировано бардами и в которых барды являются одновременно священниками и историками. Об этом сочетании занятий сравните заметку в *Истории Малькольма. из Персии*, том i, стр. 90, с *Историей Мюра. греческой литературы*, том i, стр. 148, том ii, стр. 228, и *ученый труд* Петри, *Церковная архитектура Ирландии*, Дублин, 1845, стр. 354. Свидетельства большого уважения,

оказываемого бардам, см. в "*Северных древностях*" Маллета, стр. 234-236; "*Истории Уитона*". о северянах, стр. 50, 51; *Биография Райта*. Брит. лит. том i, стр. 3; *История Уортонна*. of *English Poetry*, 1840, т. i. стр. xxvi. xl.; *История Греции Грота*, т. ii. стр. 182, 1-е издание.; и об их важных обязанностях см. *Законы Мальмунда*, *Вильмарке*, *Народные песни Бретани*, 1846, т. i. стр. v. и vi.; *История Греции Терлуолла*, т. i. стр. 229; и *Происхождение права*, в *трудах де Мишле*, том ii. стр. 372.

[434] *Вильмарке*, *Популярные песнопения*, том i. p. lv.

[435] Что касается общей точности ранних баллад, на которую опрометчиво нападали несколько авторов, в том числе сэр Вальтер Скотт, см. *Villemarqué, Chants Populaires*, vol. i. pp. xxv.-xxxii., и "*Славянские нации*" *Талви*, стр. 150. О живучести устной традиции сравните "*Историю Рима*" *Нибура*, 1847, т. i, стр. 230, с "*Данией*" *Лэйнга*, стр. 197, 198, 350; "*Историей*" *Уитона*. о *норманнах*, стр. 38, 39, 57-59. Другой любопытной иллюстрацией этого является то, что несколько варварских народов продолжают повторять старые традиции старыми словами на протяжении столь многих поколений, что в конце концов сам язык становится непонятным для большинства тех, кто их повторяет. См. *Отчет моряка об островах Тонга*, том i, стр. 156, том ii, стр. 217, и книгу *Кэтлина* "*Североамериканские индейцы*", том i, стр. 126.

[436] То, что изобретение букв сначала ослабило бы память, замечено в "*Федре*" Платона, глава. 135 (*Опера "Платонис"*, том i, стр. 187, изд. Беккер, Лондон, 1826); где, однако, аргумент заходит слишком далеко.

[437] Это неизбежное снижение способностей бардов замечено, хотя, как мне кажется, с неверной точки зрения, в *Литературе Мюра*. о *Греции*, том ii. стр. 230.

[438] Варрон упоминает сорок четыре таких бродяги, которых всех звали Геркулес. Смотрите научную статью в *Биографии Смита*. и *мифологии*, том ii. стр. 401, 8во. 1846. См. также книгу *Маккея* "*Религиозное развитие греков и евреев*", том ii. стр. 71-79. Что касается отношений между Геркулесом и Мелькартом, сравните *Материю*, *Hist. du Gnosticisme*, том i, стр. 257, с "*Азиатскими нациями*" *Хирена*, том i, стр. 295, 8в. 1846. А что касается египетского Геркулеса, *Анализ египетской мифологии Причарда*, 1838, стр. 109, 115-119. Что касается смешения разных Геркулесов дорийцами, см. *Историю Греции Терлуолла*, том i, стр. 257; и сравните стр. 130.

[439] Похоже, это мнение Фредерика Шлегеля; *Лекции Шлегеля по истории литературы*, издание 1818 года, том i, стр. 260.

[440] Привычка обобщать названия предшествует тому более продвинутому состоянию общества, при котором люди обобщают явления. Если это утверждение универсально верно, а я полагаю, что так оно и есть, оно прольет некоторый свет на историю споров между номиналистами и реалистами.

[441] Мы можем составить представление об изобилии этого источника ошибок из того факта, что в Египте было пятьдесят три города, носящих одно и то же название: "Мастер Камуса, ты ученик иль иль в Египте-труа-вилль-дю-ном-де-Шобра: в действии, в ретруве". все эти имена даны двумя героями в дежавю. ' *Quatremère, Recherches sur la Langue et la Littérature de l'Egypte*, p. 199.

[442] Об этой путанице в отношении Рагнара Лодброка см. *"Историю Швеции" Гейера*, часть i. стр. 13, 14; *"Англосаксонские короли" Лаппенберга*, том ii. стр. 31; *"Историю Уитона". о норманнах*, стр. 150; *"Северные древности" Маллета*, стр. 383; *"Скандинавия" Крайтона*, том i, стр. 116. Сравнение этих отрывков оправдывает саркастическое замечание Коха об истории шведских и датских героев; *Koch, Tableau des Révolutions*, vol. i. p. 57 примечание.

[443] *Физическая история Причарда. о человечестве*, том iii. стр. 273. Норвежцы до сих пор называют финляндцев Кенерами. См. *"Лапландию и Исландию" Диллона*, 8в. 1840, т. ii. стр. 221. Сравните *"Швецию" Лэйнга*, стр. 45, 47. Река Амазонка в Южной Америке обязана своим названием похожей басне. *История Бразилии Хендерсона*, стр. 453; *История Бразилии Саути*, том i, стр. 112; *Исследования Мак-Куллоха, касающиеся Америки*, стр. 407, 408; и *Журнал геологии. Соц.* том xv. стр. 65, в котором рассказывается о широком распространении этой ошибки.

[444] Шэрон Тернер (*Hist. of England*, vol. iv. p. 30) называет его "Страбоном Балтийским"; и именно от него большинство географов Средневековья черпали свои знания о Севере.

[445] По-фински это называлось *Турку*, от шведского слова *torg*, что означает рыночная площадь. Звучание этого имени ввело Адама Бременского в заблуждение, заставив поверить, что в Финляндии были турки'. *История Кули. о морских и внутренних открытиях*, Лондон, 1830, том i, стр. 211.

[446] Летописец его крестового похода говорит, что его называли Львом из-за того, что он никогда не прощал оскорблений: "Ничто не причиняет вреда реликвии в результате: unde et unus (т.е. король Франции) диктует Агнус а Griffonibus, alter Leonis nomen accipit". *Chronicon Ricardi Divisiensis de Rebus gestis Ricardi Primi*, edit. Стивенсон, Лондон, 1838, стр. 18. Некоторые из египетских царей получили имя Лев 'за свои героические подвиги'. *Книга о пирамидах*, том iii. стр. 116.

[447] Смотрите Ученое Предисловие Прайса к *"Истории английской поэзии" Уортона*, том i, стр. 21; а о похожей истории Генриха Льва см. *Мори, Легенд о возрасте Мойен*, стр. 160. Сравните отчет о конфликте герцога Годфри с медведем в *книге Matthæi Paris Historia Major*, стр. 29, последний выпуск 1684 года, фолио. Я бы не удивился, если бы история Александра и Льва (*"История Греции" Терлуолла*, том vi, стр. 305) была столь же сказочной.

[448] Первым миссионером был Эббо, примерно в 822 году. За ним последовал Аншар, который впоследствии продвинул свое предприятие до Швеции. Прогресс, однако, был медленным; и только во второй половине 11 века христианство прочно утвердилось на Севере. Посмотрите биографию Неандера. *о Церкви*, т. v. стр. 373, 374, 379, 380, 400-402; *Экклз Мосхейма. История.* том i. стр. 188, 215, 216; *История Барри. Оркнейских островов*, стр. 125. Часто предполагается, что некоторые датчане в Ирландии были христианами еще во времена правления Ивара I. Но это ошибка, в которую впал Ледвич, полагаясь на монету, которая на самом деле относится к Ивару II. *"Церковная архитектура Ирландии" Петри*, стр. 225; и *"Древности Ирландии" Ледвича*, стр. 159.

[449] Мистер Уитон (*История норманнов*, стр. 60) говорит, что Семунд "просто добавил одну песню собственного сочинения, морального и христианского религиозного направления; чтобы таким образом освятить и, так сказать, заквасить всю массу язычества".

[450] *История Уитона. о норманнах*, стр. 89, 90; *"Северные древности"* Маллета, стр. 377, 378, 485; *"Лекции по истории литературы"* Шлегеля, том i, стр. 265. Действительно, эти вставки настолько многочисленны, что более ранние немецкие антиквары считали "Эдду" подделкой северных монахов, — парадокс, который Мюллер опроверг более сорока лет назад. *Примечание в Уитоне*, стр. 61. Сравните *"Английское содружество"* Пэлгрейва, *англосаксонский период*, том i, стр. 135.

[451] Как видно из противоречивых заявлений, сделанных лучшими востоковедами, у каждого из которых есть своя любимая гипотеза относительно его происхождения. Достаточно сказать, что у нас нет сведений об Индии, существовавшей без брахманизма; а что касается ее реальной истории, то ничего нельзя понять, пока не будут предприняты дополнительные шаги к обобщению законов, регулирующих рост религиозных мнений.

[452] Доктор Причард (*Физиология. of Mankind*, том iv. стр. 101-105) считает, что история индусов начинается в 1391 году до нашей эры. Сравните *Работы сэра У. Джонса*, том i, стр. 311, 312. Г-н Уилсон говорит, что даже генеалогии в Пуранах, 'по всей вероятности, гораздо более достоверны, чем иногда предполагалось'. Примечание Уилсона в *Истории Милля. об Индии*, том i. стр. 161, 162. См. также его предисловие к *"Вишну-пуране"*, стр. lxx.; и *"Азиатские исследования"*, т. v., стр. 244.

[453] *Journal of Asiatic Soc.* vol. vi. p. 251; *Herder, Ideen zur Geschichte*, vol. iv. p. 70; *Works of Sir W. Jones* Я узнаю из заметки в книге Эрмана *"Сибирь"*, том ii, стр. 306, что один из миссионеров серьезно предполагает, что "буддизм возник из заблуждений манихеев и, следовательно, является всего лишь имитацией христианства".

[454] М. Бунзен говорит, что у китайцев "правильная хронология, простирающаяся на 3000 лет назад до н.э.". *Египет Бунзена*, том i, стр. 240. См. также *"Космос"* Гумбольдта, т. ii. стр. 475, т. iv. стр. 455; *Ренуар, История. "о медицине"*, том i, стр. 47, 48; и заявления Клапрота и Ремюза в *"Физической истории Причарда"*. том iv, стр. 476, 477. Превосходную точность китайских летописей иногда приписывают их раннему знанию книгопечатания, с которым, как они утверждают, они были знакомы в 1100 году до нашей эры. *Эссе Мейдингера, в Журнале статистического общества*, том iii. стр. 163. Но факт остается фактом, что книгопечатание было неизвестно в Китае до девятого или десятого века после Рождества Христова, а подвижные шрифты были изобретены не ранее 1041 года. *"Космос Гумбольдта"*, том ii, стр. 623; *Журнал Азиатского общества*, том i, стр. 7; *Азиатский журнал*, том i, стр. 137, Париж, 1822; *"Китайский язык"* Дэвиса, том i, стр. 174, 178, том iii, стр. 1. В *"Азиатском журнале"* есть несколько интересных статей по ранней истории Китая. *Соч.* том i. с. 57-86, 213-222, том ii. с. 166-171, 276-287.

[455] 'От смерти Александра (323 г. до н.э.) до правления Ардешира Бабегана (Артахсеркса), основателя династии Сасанидов (200 г. н.э.), период продолжительностью более пяти столетий, является почти пустым местом в истории Персии'. *Предварительная речь Тройера к Дабистану*, 8 в. 1843, т. i, стр. lv. lvi. См. с той же целью *Эрскина о Зенд-Авесте*, в *издании Soc. of Bombay*, том ii. стр. 303-305; и *"История" Малкольма. о Персии*, том i, стр. 68. Говорят, что древними персидскими традициями были Пехлеви; *Малькольм*, т. i, стр. 501-505; но если это так, то все они погибли, стр. 555: сравните заметку Роулинсона в *Журнале геологии. Соч.* т. x. стр. 82.

[456] Об антагонизме между магометанством и древнеперсидской историей см. Заметку в *"Истории Греции" Гроте*, том i, стр. 623. Даже в настоящее время или, во всяком случае, в течение этого столетия, лучшее образование в Персии состояло в изучении элементов арабской грамматики, "логики, юриспруденции, традиций их пророка и комментариев к Корану". *Ван Кеннеди о персидской литературе*, в *трудах Бомбейского общества*, т. ii. стр. 62. Точно так же мусульмане пренебрегали древней историей Индии и, без сомнения, уничтожили бы или извратили ее; но у них никогда не было такого влияния на Индию, какое они имели на Персию, и, прежде всего, они были неспособны вытеснить местную религию. Однако их влияние, насколько это было возможно, было неблагоприятным; и мистер Элфинстон (*Hist. of India*, стр. 468) говорится, что до шестнадцатого века не было случая, чтобы мусульманин внимательно изучал индуистскую литературу.

[457] О Шахнаме см. *Работы сэра У. Джонса*, т. iv. стр. 544, 545, т. v. стр. 594; *История Милля. Индии*, том ii. стр. 64, 65; *Журнал Азиатского общества*, том iv. стр. 225. Очень высокий авторитет предполагает, что персидские клинописные надписи 'позволят нам, в конце концов, внести нечто вроде хронологической точности и порядка в мифы и традиции, воплощенные в "Шахнаме"'. *Роулинсон о надписях Ассирии и Вавилонии*, в *Журнале Азии*. Соч. т. xii. с. 446.

[458] О невежестве греков в отношении персидской истории см. Vans Kennedy, в *Transac. of Soc. of Bombay*, том ii. стр. 119, 127-129, 136. Действительно, этот ученый писатель говорит (стр. 138), что он "склонен подозревать, что ни один греческий автор никогда не черпал свои сведения от кого-либо из уроженцев собственно Персии, то есть страны к востоку от Евфрата". Смотрите также о затруднениях в персидской хронологии, *"История Греции" Гроте*, т. vi. стр. 496, т. ix. стр. 3, т. x. стр. 405; и *"Новый Кратилус" Дональдсона*, 1839, стр. 87 примечание. Что касается глупых историй, которые греки рассказывают об Ахименесе, сравните с *Историей Малькольма. о Персии*, том i, стр. 18, с *"Азиатскими народами" Хирена*, том i, стр. 243. Даже на Геродота, который бесценен в отношении Египта, нельзя полагаться в отношении Персии; как давно заметил сэр У. Джонс в предисловии к его *"Надер Шах" (Работы Джонса)*, т. v., стр. 540), и частично признается мистером Мюром (*История литературы Древней Греции*, т. iv., стр. 338, 8в. 1853).

[459] То есть на остров Пасхи, который, по-видимому, является его самой дальней границей (*Физика Причарда. История*. т. v., стр. 6); и о котором есть хороший отчет в *"Путешествии Бичи в Тихий океан"*, т. i, стр. 43-58, и заметка в *журнале Geog. Общество*, том i, стр. 195. Давно известно, что язык острова Пасхи является малайско-полинезийским, поскольку его понимал уроженец островов Общества, сопровождавший Кука (*"Путешествия Кука"*, т. iii, стр. 294, 308; и *Причард*, т. v., стр. 147: сравните *"Историю Суматры" Марсдена*, стр. 164). Этнологи обычно не воздают должного уважения этому великому мореплавателю, который первым заметил сходство между различными языками собственно Полинезии. *Путешествия Кука*, том ii. стр. 60, 61, том iii. стр. 230, 280, 290, том iv. стр. 305, том vi. стр. 230, том vii. стр. 115. Что касается Мадагаскара, являющегося западной границей этой обширной расы людей, см. *Азиатские исследования*, том iv. стр. 222; *Отчеты по этнологии Брит. Доц. за 1847 г.*, стр. 154, 216, 250; и *История Эллиса. о Мадагаскаре*, том i, стр. 133.

[460] Также является родиной языка тагала; который, согласно Уильяму Гумбольдту, является наиболее совершенной из всех форм малайско-полинезийского. *Физическая история Причарда*. том v. стр. 36, 51, 52.

[461] *"История Суматры" Марсдена*, стр. 281. Де Ты (*История. Унив. том. хiii. с. 59*) предполагает, что яванцы стали мусульманами только в конце шестнадцатого века; но теперь известно, что их обращение произошло по меньшей мере на сто лет раньше, а старая религия была окончательно отменена в 1478 году. Посмотрите *биографию Кроуферда. индийского архипелага*, том ii. стр. 312; *Саравак Лоу*, стр. 96; и *История Раффлса. о Яве*, том i. стр. 309, 349, том ii. стр. 1, 66, 254. Доктрины Мухаммеда быстро распространились, и малайские паломники в наше время пользуются репутацией самых скрупулезно религиозных из тех, кто отправляется в Хадж. *"Аравия" Буркхардта*, том ii. стр. 96, 97.

[462] Яванская цивилизация очень подробно исследована Уильямом Гумбольдтом в его знаменитой работе *"Смерть Кави Спрахе"*, Берлин, 1836. Судя по некоторым ранним китайским трудам, которые были опубликованы лишь недавно, есть веские основания полагать, что индийские колонии были основаны на Яве в первом веке после Рождества Христова. См. *статью Уилсона о Фо Куэ Ки в Журнале Азии. Соч. т. v., стр. 137; сравните т. vi, стр. 320.*

[463] *История Кроуферда. индийского архипелага*, том ii. стр. 297. Сравните с этим точность, с которой даже на острове Целебес сохранялись даты "до введения магометанства". *Crawford, vol. i. p. 306.* Аналогичную сноску: примеры того, как королевские генеалогии были затемнены введением в них имен богов, см. в *книге Кембла "Саксы в Англии"*, т. i. стр. 27, 335.

[464] *Азиатские исследования*, т. x. стр. 191, вып. хiii. стр. 128. В Приложении к *Истории Раффлса. о Яве*, том ii, стр. cxlii., говорится, что 'на Бали не более одного из двухсот, если не больше, являются мусульманами'. См. также стр. 65 и том i, стр. 530.

[465] Действительно, у яванцев, похоже, нет другого способа усвоить старые традиции кави, кроме как перенять их у уроженцев Бали. См. Примечание к Эссе об острове Бали, в *Азиатских исследованиях*, том. хiii. стр. 162, Калькутта, 1820, 4 т. Сэр Стэмфорд Раффлс (*Hist. о Яве*, том i, стр. 400) говорится: 'В основном на Бали мы должны искать иллюстрации древнего государства яванцев'. См. также стр. 414.

[466] О искажении друидических традиций в Галлии христианскими священниками см. *Вильмарке, Народные песнопения Бретани*, Париж, 1846, том i, стр. xviii. xix.

[467] Ущерб, нанесенный традициям, переданным валлийскими и ирландскими бардами, отмечен в ценной работе доктора Причарда *"Физическая история". of Mankind*, том iii. стр. 184, 8vo, 1841. См. Также *Историю Уортонна. из английской поэзии*, том i, стр. xxxvii. примечание.

[468] Смотрите Замечания о Беовульфе в биографии *Райта. Брит. лит. т. i. стр. 7, 8vo, 1842.* См. также стр. 13, 14: и сравните *книгу Кембла "Саксы в Англии"*, том i, стр. 331.

[469] *"Язык и литература славянских народов" Талви*, 8vo, 1850, стр. 231. Языческие песни словаков на северо-западе Венгрии какое-то время сохранялись, но даже они теперь утрачены. *Талви*, стр. 216.

[470] Монашеские хронисты пренебрегли старыми финскими традициями; и, позволив им погибнуть, предпочли изобретения Саксона и Иоганна Магнуса. *Физическая история Причарда*. том iii. стр. 284, 285.

[471] Пример, в котором монахи фальсифицировали старые исландские традиции, см. В Ученой книге мистера Кейтли по *волшебной мифологии*, 8vo, 1850, стр. 159.

[472] Преподобный мистер Доулинг, который с большим сожалением вспоминает этот счастливый период, говорит: 'Писатели почти повсеместно были церковниками. Литература была едва ли не чем иным, как религиозным упражнением; ибо все, что изучалось, изучалось со ссылкой на религию. Следовательно, люди, писавшие историю, писали историю церкви.' *"Введение Доулинга в критическое изучение церковной истории"*, 8vo, 1838, стр. 56; произведение не без таланта, но в основном интересное как манифест активной партии.

[473] Так, например, знаменитый историк, писавший в конце XII века, говорит о правлении Вильгельма Руфа: 'Ejusdem regis tempore, ut ex parte supradictum est, in sole, луна и стеллис мульты сигна виза сант, место, где живут маленькие персоны, и люди, и животные погружаются, виллы и дома разрушаются. In pago qui Barukeshire nominatur, ante occisionem regis sanguis de fonte tribus septimanis emanavit. Multis etiam Normannis diabolus in horribili specie se frequenter in silvis ostendens, plura cum eis de rege et Ranulfo, et quibusdam aliis locutus est. Nec mirum, nam illorum tempore ferè omnis legum siluit justitia, causisque justitiæ subpositis, sola in principibus imperabat pecunia.' *Rog. de Hoveden Annal. в Scriptores post Bedam*, стр. 268. Смотрите также ту же работу, стр. 356-358; и сравните *Вестмонаст Матфей. Flores Historiarum*, часть i. стр. 266, 289, часть ii. стр. 298.

[474] Даже описания природных объектов, которые историки пытались делать в средние века, были отмечены той же небрежностью. Посмотрите несколько хороших наблюдений доктора Арнольда по поводу рассказа Беды о Солент-Си. *Лекции Арнольда по современной истории*, стр. 102, 103.

[475] В книге Ле Лонга *"Историческая библиотека Франции"*, том ii, стр. 3, говорится, что до XVI века повсеместно верили в происхождение королей Франции от троянцев: "Это происхождение является одним из самых достоверных источников человеческих ценностей и, в частности, сутенеров". истории нотр-дама; история фассете после повторного знакомства с началом нового года. 'Полидор Вергилий, умерший в середине шестнадцатого века, выступил против этого мнения в отношении Англии и тем самым сделал свою историю непопулярной. См. *Предисловие Эллиса к книге Полидора Вергилия*, стр. xx. 4to, 1844, опубликованное Кэмденским обществом. 'Он отбросил Брута, как нереальную личность'. В 1128 году Генрих I, король Англии, спросил у ученого человека о ранней истории Франции. Ответ сохранился у историка XIII века: 'Regum potentissime, inquiring, sicut pleræque gentes Europæ, ita Franci a Trojanis originem duxerunt'. *Матвей Парижский историк. Major*, стр. 59. См. также *Rog. de Nov. в Scriptores post Bedam*, стр. 274. О происхождении бриттов от Приама и Энейса см. *Вестмонаст Матфея. Flores Historiarum*, часть i. стр. 66. Действительно, в начале четырнадцатого века их троянское происхождение было заявлено как общеизвестный факт в письме, написанном папе Бонифацию Эдуардом I. и подписанном английской знатью. Посмотрите *биографию Уортона. из английской поэзии*, том i, стр. 131, 132; и *"Жизнь канцлеров" Кэмпбелла*, том i, стр. 185.

[476] Общее мнение было таково, что Брут, или Брут, был сыном Эния; но некоторые историки утверждали, что он был правнуком. Посмотрите *Биографию Тернера. из Англии*, том i, стр. 63, том vii, стр. 220.

[477] В *Примечаниях к хронике Лондона с 1089 по 1483 год*, стр. 183-187, редактировать. с 4 по 1827 год существует родословная, в которой история лондонских епископов восходит не только к переселению Брута из Трои, но и к Ною и Адаму. Так же и Горопиус в своей "Истории Антверпена", написанной в шестнадцатом веке: "Вонд зоуэлл из Голландии таал и де

Вайсбегерте ван Орфея в "Ковчеге ван Ноаха" ".*Ван Кампен, Книги о письмах*, 8vo, 1821, т. i, стр. 91; см. также стр. 86. В тринадцатом веке Мэтью Пэрис (*Главная история*, стр. 352) говорит об Альфреде: 'Я использую генеалогию в английской исторической литературе и Адама первого родителя'. Смотрите, с той же целью, *Вестмонаст Матфея. Исторический музей Флореса*, часть i. стр. 323, 324, 415. В "Хронике Уильяма Малмсберийского" (*Scriptores post Bedam*, стр. 22 rev.) генеалогия саксонских королей восходит к Адаму. О других и подобных примерах см. Примечание в "*Истории Англии*" Лингарда, том i, стр. 403. А мистер Тикнор (*История испанской литературы*, том i, стр. 509) упоминает, что испанские хронисты представляют "непрерывную преемственность испанских королей от Тубала, внука Ноя".

[478] Монтейль в своей любопытной книге "*История различных эпох*", т. v. стр. 70, упоминает старую веру "о парижском сыне, который пел о королевстве древних троянцев, в Париже, о сыновьях Приама". Даже в семнадцатом веке эта идея не исчезла; и Кориат, путешествовавший по Франции в 1608 году, приводит другую версию этого. Он говорит: 'Что касается ее имени Парис, то оно у нее (как пишут некоторые) от Париса, восемнадцатого царя Кельтской Галлии, который, как пишут некоторые, происходил по прямой линии от Иафета, одного из трех сыновей Ноя, и основал этот город'. "*Грубости Кориата*", 1611, переиздано в 1776 году, т. i. стр. 27, 28.

[479] 'Эрат иби квидам Трос номине Туронус Брути непос.... De nomine ipsius prædicta civitas Turonis vocabulum nacta est; quia ibidem sepultus fuit.' *Памятник Гальфреду. Хусм. Briton. lib. i. cap. xv. стр. 19.* И Мэтью Вестминстерский, писавший в четырнадцатом веке, говорит (*Flores Historiarum*, часть i. стр. 17): 'Tros nomine Turnus... De nomine verò ipsius Turonorum civitas vocabulum traxit, quia ibidem, ut testatur Homerus, sepultus fuit.'

[480] 'On convient bien que les Troyens de notre Troyes sont du sang des anciens Troyens.' *Monteil, Divers Etats*, vol. v. p. 69.

[481] Монконис, побывавший в Нюрнберге в 1663 году, обнаружил, что этого мнения там все еще придерживаются; и, кажется, он сам наполовину склонен в это верить; ибо, посещая замок, он замечает: "Может быть, я и не уверен, что это единственное увлечение Нероном, comme l'on le dit и que настоящее имя Нюрнберга." "*Путешествия Монкониса*", том iv. стр. 141, изд. Париж, 1695.

[482] 'Deinceps regnante in ea Jebusæo, dicta Jebus, et sic ex Jebus et Salem dicta est Jebussalem. Unde post dempta *b* littera et addita *r*, dicta est Hierusalem'. *Matthæi Paris Historia Major*, стр. 43. Это напоминает мне о другом великом писателе, который был одним из отцов церкви и, более того, святым, и который, как говорит М. Маттер, "поведал о самаритянах короля Самария, сыновьях Ханаана". *Маттер, история. о гностицизме*, том i, стр. 41.

[483] 'Humber rex Hunnorum ... ad flumen diffugiens, submersus est intra ipsum, et nomen suum flumini reliquit.' *Вестмонаст Матфея. Исторический музей Флореса*, часть i. стр. 19.

[484] Эти два мнения, которые долгое время разделяли ученый мир, изложены в книге "*Ле Лонг*", *Историческая библиотека Франции*, том ii. стр. 5, 49.

[485] Смотрите любопытный намек на это в *De Thou, Hist. Univ.* т. viii. с. 160; где, однако, ошибочно предполагается, что это российское изобретение.

[486] 'Силезцы не лишены объемистых авторов, пишущих о своих древностях; и один из них серьезно ведет название и происхождение своей страны от пророка Елисея'. *Письма Адамса о Силезии*, стр. 267, Последнее 8-е издание, 1804.

[487] В 1608 году Кориат, находясь в Цюрихе, "узнал от ученого Хоспинианца, что их город основан во времена Авраама". *"Грубости Кориата"*, том i. Послание к читателю, с. Д. Я всегда привожу самый свежий пример, с которым я встречался, потому что в истории европейского интеллект, важно знать, как долго дух Средневековья сохранялся в разных странах.

[488] Они были 'сыновьями-легитимами' Авраама и Сарры. *Monteil, Divers Etats*, vol. v. p. 19.

[489] Мэтью Пэрис, опасаящийся, как бы не пострадала репутация Сары, говорит: "Сарацинский извращенец se putant ex Sara dici; верифицировал Агарени в отношении Агара; и Исмаэлиты, в отношении Исмаэля филио Абраха". *История. Майор*, стр. 357. Compare a similar passage in *Mezeray, Histoire de France*, vol. i. p. 127: 'Sarrasins, ou de la ville de Sarai, ou de Sara femme d'Abraham, duquel ils se disent faussement légitimes héritiers.' После этого идея или страх перед идеей вскоре угасли; и Бособр (*Историческая критика манихейства*, том i, стр. 24) говорит: 'О вульгарном названии Саррасин в арабском языке Сара, о Сараке, о значении и действительности воли'. Хороший пример светского обращения к теологической этимологии. Аналогичный случай из истории севера см. в "Дневнике шведского посольства" *Уайтлока*, том i, стр. 190, 191.

[490] В начале четырнадцатого века об этом говорилось в письме папе римскому как о хорошо известном историческом факте. Посмотрите *Биографию Лингарда. из Англии*, том ii, стр. 187: "Они происходят от Скотты, дочери фараона, которая высадилась в Ирландии и чьи потомки силой оружия отвоевали северную половину Британии у потомства Брута".

[491] М-р Райт (*"Повествования о колдовстве"*, 8во, 1851, т. i, стр. 115) говорит: "Основание города Неаполя яйцами и яйцо, от которого зависела его судьба, по-видимому, были легендами, широко распространенными в средние века"; и он ссылается на *Монфокон, Монументы Мон. Фр.* том ii. стр. 329, в доказательство того, что по уставу ордена Святого Духа "было назначено ежегодное заседание рыцарского ордена в кастелло ови инкантати в мирабили перикуло".

[492] 'Орден Святого Михаила во Франции претендует на обладание прямым происхождением от Михаила Архангела, который, согласно просвещенному мнению французских антикваров, был главным кавалером в мире; и именно он, как говорят, учредил самый ранний рыцарский орден в самом Раю'. *История Миллса. о рыцарстве*, том i. стр. 363, 364.

[493] Этимология слова "Татары" от "Тартар" приписывается благочестию Людовика Святого в *"Физической истории" Причарда*, т. iv. стр. 278; но я думаю, что встречался с этим до него, хотя сейчас не могу восстановить отрывок. Самый ранний случай, который я помню, относится к 1241 году, когда святому было двадцать шесть лет. Смотрите письмо императора Фридриха в журнале *Matthæi Paris Historia Major*, стр. 497: 'Первобытные слова тартарцев (imo Tartarei)' и т. Д.; А о выражении Людовика смотрите стр. 496: 'Quos vocamus Tartaros ad suas Tartareas sedes'. С XIII века этот предмет привлекает внимание английских богословов; и знаменитый теолог Уистон упоминает 'мое последнее знаменитое открытие, или, скорее, мое возрождение знаменитого открытия доктора Джайлса Флетчера, что татары - это не что иное, как десять колен Израилевых, которых так долго и тщетно искали'. *Воспоминания о жизни и трудах Уильяма*

Уистона, стр. 575. Сравните мнения, высказанные в отношении татар, из *Азиатского журнала*, 1re série, т. vi. стр. 374, Париж, 1825.

[494] Пеньо ("*Дневник Ливров*", том ii, стр. 69, Париж, 1806) говорит, что Ригор в своей "Истории Филиппа Августа" заверяет своих читателей, что "в качестве заместителя короля Круа он получит приз среди турок, без поклонников и без лишних вопросов". 20 23 вмятины вместо обычных 30 или 32 вмятин. "Даже в пятнадцатом веке считалось, что количество зубов уменьшилось с 32 до 22, или, самое большее, до 24. See *Sprengel, Hist. de la Médecine*, vol. ii. pp. 481, 482, Paris, 1815. Сравните статью Хеккера о черной смерти, стр. 31, 32, в его ученом труде "*Эпидемии средневековья*", опубликованном Сайденхемским обществом.

[495] В священных книгах скандинавов свинина представлена как основная пища даже на небесах. См. "*Северные древности*" Маллета, стр. 105. Это была главная еда ирландцев в двенадцатом веке: *Ледвич, Древности Ирландии*, Дублин, 1804, стр. 370; а также англосаксов в более ранний период: *История Тернера. из Англии*, том iii. стр. 22. Во Франции это было столь же распространено, и Карл Великий держал в своих лесах огромные стада свиней. *Note in Esprit des Lois*, in *Œuvres de Montesquieu*, p. 513. В Испании инквизиция судила тех, кто не любил свинину, как подозреваемых евреев: *Льоренте, Хист. расследование*, том i. стр. 269, 442, 445. В конце шестнадцатого века в Венгрии появилась особая болезнь, которая, как говорят, была вызвана количеством съеденного мяса. *Sprengel, Hist. de la Médecine*, том iii, стр. 93; и даже в настоящее время латыши-варвары страстно любят его. *Россия Коля*, стр. 386, 387. Я обнаружил, что в середине шестнадцатого века Филипп II, находясь в Англии, обычно обедал беконом, которого онел так много, что часто сильно заболел. See *Ambassades de Messieurs de Noailles en Angleterre*, vol. v. pp. 240, 241, edit. 1763. Посол пишет, что Филипп был 'великим мастером своего дела' и употреблял в больших количествах 'свиное сало, не требующее особого ухода'. In the Middle Ages, 'les Thuringiens payaient leur tribut en porcs, la denrée la plus précieuse de leur pays.' *Œuvres de Michelet*, vol. ii. p. 389.

[496] Сисмонди (*Hist. des Français*, vol. vii. pp. 325, 326) воздает ему хвалебные почести; и Мосхайм (*Ecclesiast. История*, том i, стр. 313) говорится: "Среди историков (тринадцатого века) первое место принадлежит Мэтью Пэрису; писателю высочайших достоинств как с точки зрения знаний, так и с точки зрения благоразумия".

[497] *Matthæi Paris Historia Major*. Он завершает свой отчет словами: 'Unde adhuc Saraceni подает в суд на cæteris animalibus exosas habent et abominabiles'. Мэтью Пэрис получил свою информацию от священнослужителя, 'quendam magni nominis celebrem prædicatorem', стр. 360. Согласно Мэтью Вестминстерскому, свиньи не только задушили Мохаммеда, но и фактически съели большую его часть: 'В максимальной части porcis corrosus invenerunt'. *Вестмонаст Матфея. Исторический музей Флореса*, часть i. стр. 215.

[498] Из-за странного противоречия африканские мусульмане теперь 'верят, что между свиньями и христианами существует великая вражда'. *Путешествия Мунго Парка*, том i, стр. 185. Многие медицинские авторы предполагали, что свинина особенно вредна для здоровья в жарких странах; но это требует подтверждения: несомненно, что она рекомендована арабскими врачами и употребляется в пищу чаще как в Азии, так и в Африке, чем обычно считается. Комп. *Sprengel, Hist. de la Médecine*, т. ii. с. 323; *Волни, Путешествие в Сирию*, т. i. с. 449; *Путешествие Бьюкенена по Майсуру*, т. ii. с. 88, т. iii. с. 57; *История Раффлса. о Яве*, том ii. стр. 5; *История Эллиса. о Мадагаскаре*, том i. стр. 201, 403, 416; *Путешествия Кука*, том ii. стр. 265;

Путешествия Бернса в Бухару, том iii. стр. 141. Поскольку факты такого рода важны с физиологической и социальной точек зрения, желательно, чтобы они были собраны; и поэтому я добавляю, что североамериканские индейцы, как говорят, испытывают "отвращение к свинине". *Журнал геог. Общество*, том xv, стр. 30; и что Добелл (*Путешествия*, том ii, стр. 260, 8во, 1830) говорит: "Я полагаю, что в Китае едят больше свинины, чем во всем остальном мире, вместе взятом".

[499] Говорят, что эта идея, которая была излюбленной в Средние века, была изобретением раввинов. See *Lettres de Gui Patin*, vol. iii. p. 127: 'que Mahomet, le faux prophète, avait été cardinal; et que, par dépit de n'avoir été pape, il s'étoit fait hérésiarque.'

[500] Смотрите подробные сведения в *Вестмонасте Матфея. Flores Historiarum*, part i. pp. 86, 87; and at p. 88, 'Judas matrem suam uxorem duxerat, et quòd patrem suum occiderat.'

[501] Это произошло в 798 году. *Вестмонаст Матфея. Исторический музей Флореса*, часть i. стр. 293. Историк так завершает свое отношение: 'Et statutum est nunc quòd numquam extunc manus Papæ ab offerentibus deoscularetur, после этого. Cùm ante fuerat consuetudo quòd manus, non pes, deoscularetur. In hujus miraculi memoriam reservatur adhuc manus abscissa in thesauro lateranensi, quam dominus custodit incorruptam ad laudem matris suæ.'

[502] '... Ita ut Nero se puero gravidum existimaret.... Tandem dolore nimio vexatus, medicis ait: Accelerate tempus partus, quia languore vix anhelitum habeo respirandi. Tunc ipsum ad vomitum impotionaverunt, et ranam visu terribilem, humoribus infectam, et sanguine edidit cruentatam.... Unde et pars illa civitatis, ut aliqui dicunt, ubi rana latuerat, Lateranum, à latente rana, nomen accepit.' *Matthæi Westmonast.* часть i. стр. 98. Сравните рассказ Роджера из Ховедена о женщине, которую вырвало двумя жабами. *Сценарий. post Bedam*, стр. 457 rev. В средние века существовало множество суеверий в отношении этих животных, и, по-видимому, они использовались вестниками как знаки деградации. См. "*Мемориалы Рэя*" Ланкестера, стр. 197.

[503] "... Ego Turpinus в долине Кароли, безумный король" и с. *De Vita Caroli Magni*, стр. 74, редактировать. Ciampi.

[504] Тернер (*История Англии*, том vii, стр. 250-268) попытался доказать, что она была написана Каликстом II; но его аргументы, хотя и остроумные и ученые, не являются решающими. Уортон (*История. англ. Поэзия*, том i, стр. 128) говорит, что это было написано около 1110 года.

[505] The pope 'statuit historiam Sancti Caroli descriptam a beato Turpino Remensi Archiepiscopo esse authenticam.' *Note in Turner*, vol. vii. p. 250.

[506] In his famous Speculum, 'il recommande spécialement les études historiques, dont il paraît que la plupart de ses contemporains méconnaissaient l'utilité; mais lorsqu'il indique les sources où il puisera ce genre d'instruction, c'est Turpin qu'il désigne comme le principal historien de Charlemagne.' *Histoire Littéraire de la France*, vol. xviii. стр. 474, Париж, 1835, 4то; см. также стр. 517; а о его влиянии в Испании см. "*Историю испанской литературы*" Тикнора, том i. стр. 222, 223.

[507] *История Кароли Магни*, редактировать. Ciampi, pp. 3-5.

[508] '... Разрушение глазного дна'. *De Vita Caroli*, p. 5. On this, Ciampi, in his notes on Turpin, gravely says (pp. 94, 95): 'Questo fatto della presa di Pamplona è reso maraviglioso per la subitanea

caduta delle mura, a somiglianza delle mura di Gerico.’ Это напоминает мне об обстоятельстве, упомянутом Монкони, которому при посещении Оксфорда в 1663 году показали рог, сохранившийся в этом древнем городе, потому что, как говорили, он был сделан тем же способом, что и тот, которым были разрушены стены Иерихона: ‘Сокрушитель предков, служитель парейлей для аббатства, убийца Джерико’. *"Путешествия Монкониса"*, том iii. стр. 95, изд. Париж, 1695.

[509] *De Vita Caroli.*"

[510] ‘Гигас номинант Фенакутус, будущий генер Голиат’. *De Vita Caroli*, p. 39.

[511] ‘Vim xl. fortium possidebat.’ стр. 39.

[512] ‘Erat enim statura ejus quasi cubitis xx., facies erat longa quasi unius cubiti, et nasus illius unius palmi mensurati, et brachia et crura ejus quatuor cubitorum erant, et digiti ejus tribus palmis,’ p. 40.

[513] *О жизни Кароли*, стр. 40.

[514] Там же. стр. 43-47.

[515] *De Vita Caroli*, p. 52. On the twelve peers of Charlemagne, in connexion with Turpin, see *Sismondi, "des Français*, vol. v. pp. 246, 537, 538, vol. vi. p. 534.

[516] Валлийцы, однако, обвинили Гильдаса в том, что он выбросил свою историю "в море". *"Англосаксонское содружество" Пэлгрейва*, том i, стр. 453. Трудолюбивая Шэрон Тернер (*Хист. of England*, том i, стр. 282-295) собрал множество свидетельств, касающихся Артура, в существовании которого он, конечно, не сомневается. Действительно, на стр. 292 он сообщает нам об обнаружении в двенадцатом веке тела Артура!

[517] В *истории Тернера. of England*, vol. vii. pp. 269, 270, говорят, что оно появилось в 1128 году; но м-р Райт (*Biog. Brit. lit.* том ii. стр. 144), по-видимому, доказал, что реальная дата - 1147 год.

[518] Geoffrey says, ‘A Gualtero Oxinefordensi in multis historiis peritissimo viro audivit’ (*i.e. ille* Geoffrey) ‘vili licet stylo, breviter tamen propalabit, quæ prælia inclutus ille rex post victoriam istam, in Britanniam reversus, cum nepote suo commiserit.’ *Гальфреду Монументальная история Британии*, lib. xi. sec. i. стр. 200. И в посвящении графу Глостерскому, стр. 1, он говорит: ‘Walterus Oxinefordensis archidiaconus, мастер ораторского искусства в экзотической исторической науке’. Сравните *Вестмонаст Матфея. Flores Historiarum*, часть i. стр. 248.

[519] *История Британии Гальфреду*, стр. 3, 4.

[520] ‘Erat tunc nomen insulæ Albion, quæ a nemine, exceptis paucis gigantibus, inhabitabatur.... Denique Brutus de nomine suo insulam Britanniam, sociosque suos Britones appellat.’ *Галф. История. Britonum*, стр. 20.

[521] ‘Во время смерти триба кровянистых выделений и изобилие мускулатуры; причина смерти человека’. *История. Брит.* стр. 36.

[522] ‘Advenerat namque ex partibus Hibernici maris inauditæ feritatis bellua, quæ incolas maritimos sine intermissione devorabat. Cumque fama aures ejus attigisset, accossit ipse ad illam, et solus cum

sola congressus est. At cum omnia tela sua in illam in vanum consumpsisset, acceleravit monstrum illud, et apertis faucibus ipsum velut pisciculum devoravit.' *История. Брит.* стр. 51.

[523] Подробности интриги приведены в *Галф. История. Брит.* стр. 151, 152. Для получения информации о Мерлине см. Также *Вестмонаст Матфея. Flores Historiarum*, part i. pp. 161, 162; and *Naudé, Apologie pour les Grands Hommes*, pp. 308, 309, 318, 319, edit. Амстердам, 1712 год.

[524] *История. Britonum*, стр. 167-170; блестящая глава.

[525] "Sed et plures capiebat quos semivivos devorabat." *История. Брит.* стр. 181.

[526] 'Hic namque ex barbis regum quos peremerat, fecerat sibi pelles, et mandaverat Arturo ut barbam suam diligenter excoriaret, atque excoriatam sibi dirigeret: ut quemadmodum ipse ceteris præerat regibus, ita quoque in honorem ejus ceteris barbis ipsam superponeret.' *Галф. История. Брит.* стр. 184.

[527] "Возможно, отчасти репутация этой книги принесла ее автору епископство Святого Асафа". *Жизнь Джеффри Монмутского*, в биографии *Райта. Брит. лит.* том ii. стр. 144, 8vo, 1846. Согласно валлийским писателям, он был епископом Лландаффа. См. *Книгу Стивенса "Кимрская литература"*, 8vo, 1849, стр. 323.

[528] Мистер Райт (*биог. Brit. Lit.* vol. ii. p. 146) говорится: 'В течение столетия после его первой публикации он был в целом принят авторами по английской истории; и в течение нескольких столетий встречаются лишь один или два редких случая, когда люди осмеливались высказываться против его правдивости'. А сэр Генри Эллис говорит о Полидоре Вергилии, писавшем в начале шестнадцатого века: 'Из-за отказа от "истории Джеффри Монмута" Полидора Вергилия считали чуть ли не человеком, лишенным разума. Таковы были предрассудки того времени'. *"Английская история" Полидора Вергилия.* том i. p. x. править. Эллис, 1846, 4-е издание. См. также, о его популярности, *Историю Лаппенберга. об англосаксонских королях*, том i, стр. 102. В семнадцатом веке, который был первым веком скептицизма в Европе, у людей начали открываться глаза на эти вопросы; и Бойль, например, объединяет 'сказочные подвиги Геркулеса и подвиги Артура Британского'. *Работы Бойля*, том iv. стр. 425.

[529] *Брит. лит.* т. ii. с. 156; *История Тернера. из Англии*, том vii. стр. 282.

[530] Согласно мистеру Райту (*Biog. Brit.* vol. ii. p. 439), она была переведена через посредство Wase. Но правильнее было бы сказать, что Лайамон положил абсурдности Джеффри в основу своей работы, а не перевел их; поскольку он расширил 15 000 строк *Брута Уэйса* до 32 000 своих собственных жаргонизмов. См. *Предисловие сэра Ф. Мэддена к "Бруту" Лайамона*, 8vo, 1847, том i, стр. xiii. Я не могу удержаться от того, чтобы не засвидетельствовать огромную филологическую ценность этого труда Лайамона, публикацией которого его опытный редактор внес важный вклад в изучение истории английского языка. Однако пока что, что касается Лайамона, мы можем только с удивлением размышлять о эпохе, украшении которой он считался.

[531] *Брит. лит.* том ii. стр. 151, 207; *"Литература Европы" Халлама*, том i. стр. 35.

[532] Из которых Фруассар является самым ранним примером; поскольку он первым придерживался светского взгляда на дела, все предшествующие историки были по сути

богословами. В Испании мы также обнаруживаем, что в конце четырнадцатого века среди историков начинает проявляться политический дух. Смотрите Замечания об Айале в *"Истории испанской литературы" Тикнора*, том i, стр. 165, 166; где, однако, мистер Тикнор представляет Фруассара более не от мира сего, чем он был на самом деле.

[533] По этому поводу Арнольд совершенно справедливо говорит: "Мемуары Коминса поражают своей совершенной бессознательностью: похоронный звон по Средневековью уже прозвучал, но у Коминса нет других представлений, кроме тех, которые они имели тенденцию развивать; он описывает их события, их персонажей, их отношения так, как если бы они продолжались веками". *Лекции Арнольда по современной истории*, стр. 118. К этому я могу добавить, что всякий раз, когда у Коминса появляется повод упомянуть низшие классы, что случается очень редко, он говорит о них с большим презрением. Смотрите два поразительных примера в *Воспоминаниях Филиппа де Комина*, том ii. стр. 277, 287, редактировать. Париж, 1826 год.

[534] He says, that a field of battle is 'un des accomplissemens des œuvres que Dieu a commencées aucunes fois par petites mouvetes et occasions, et en donnant la victoire aucunes fois à l'un, et aucunes fois à l'autre: et est cecy mystère si grand, que les royaumes et grandes seigneuries en prennent aucunes fois fins et désolations, et les autres accroissement, et commencement de régner.' *Mém. de Comines*, vol. i. pp. 361, 362. Говоря о бессмысленном вторжении в Италию, он говорит, что экспедиция могла бы легко сорваться, если бы враг додумался отравить колодцы или продукты питания: "Может быть, я ошибся в оценке Юссента, может быть, я ошибся в эссе юссента; может быть, я и есть тот, кто ищет спасения в совести и во власти Иисуса Христа, который остался в вульгаре". том iii. стр. 154. So, he adds, p. 155, 'pour conclure l'article, semble que nostre seigneur Jésus-Christ ait voulu que toute la gloire du voyage ait esté attribuée à luy.' Сравните *Институты Тимура*, стр. 7; поучительное сочетание суеверия и жестокости.

[535] 'Mais mon advis est que cela ne se fait que par disposition divine; car quand les princes ou royaumes out esté en grande prospérité ou richesses, et ils ont mesconnoissance dont procède telle grâce, Dieu leur dresse un ennemi ou ennemie, dont nul ne se douteroit, comme vous pouvez voir par les rois nommez en la Bible, et par ce que puis peu d'années en avez veu en cette Angleterre, et en cette maison de Bourgogne et autres lieux que avez veu et voyez tous les jours.' *Mém. de Comines*, vol. i. pp. 388, 389. См. также его замечания о герцоге Бургундском, том ii, стр. 179; и, в частности, его необычное отступление, livre v. глава I. xviii. том ii. стр. 290-298.

[536] Доктор Лингард (*Hist. of England*, том i, стр. 357) говорится: 'Из доктрины о руководящем провидении благочестие наших предков сделало поспешный, но очень удобный вывод, что успех является признаком Божественной воли и что, конечно, противостоят победоносному конкуренту - значит противостоят суду небес': см. Также стр. 114. Последним пережитком этого некогда универсального мнения является выражение, которое постепенно выходит из употребления: "обращение к Богу Битв".

[537] See Guizot, *Civilisation en Europe*, p. 166; the best passage in that able, but rather unequal work: 'Parcourez l'histoire du ve au xvie siècle; c'est la théologie qui possède et dirige l'esprit humain; toutes les opinions sont empreintes de théologie; les questions philosophiques, politiques, historiques, sont toujours considérées sous un point de vue théologique. L'église est tellement souveraine dans l'ordre intellectuel, que même les sciences mathématiques et physiques sont tenues de se soumettre à ses doctrines. L'esprit théologique est en quelque sort le sang qui a coulé dans les veines du monde européen jusqu'à Bacon et Descartes. Pour la première fois, Bacon en Angleterre, et Descartes en

France, ont jeté l'intelligence hors des voies de la théologie.' Благородный пассаж и совершенно верный: но какой эффект произвели бы Бэкон и Декарт, если бы они жили не в семнадцатом веке, а в седьмом? Была бы их философия столь же светской; или, будучи столь же светской, была бы она столь же успешной?

[538] Сравните *биографию*. *Univ.* vol. xliii. стр. 577, с *Монтуклой*, *Hist. des Mathématiques*, vol. i. p. 678.

[539] Ноде упоминает, что во Франции это почти сводило с ума многих людей: 'In Gallia parum afeit quin ad insaniam homines non paucos periculi metu (diluvium) adegerit'. *Бейль*, в устах *Стоффлеруса*, примечание В.

[540] 'Nam Petrus Cirvellus Hispanorum omnium sui temporis doctissimus, cum theologiæ, in almo Complutensi gymnasio, lectoris munere fungeretur, et vero multos, ut ipsemet inquit, fluviis vel mari finitimos populos, jam stupido metu percussos, domicilia ac sedes mutare vidisset, ac prædia, supellectilem, bonaque omnia, contra justum valorem sub actione distrahere, ac alia loca vel altitudine, vel siccitate magis secura requirere, sui officii esse putavit, in publica illa consternatione, quam de nihilo excitare persuasum non habebat,' &c. *Бейл*, примечание В.

[541] Там же.

[542] В дополнение к учетной записи в Bayle читатель может сослаться на *биографию*. *Univ.* том iii. стр. 88, том II. xxxi. стр. 283, том III. xliii. pp. 577, 578; *Sprengel*, *Hist. de la Médecine*, vol. iii. p. 251; *Delambre*, *Hist. de l'Astronomie du Moyen Age*, Paris, 1819, 4to, p. 376; *Montucla*, *Hist. des Mathématiques*, vol. i. p. 622; *Dict. Philosoph.*, article *Astrologie*, in *Œuvres de Voltaire*, vol. xxxvii. стр. 148, 149.

[543] Эта история золотого зуба частично изложена Де Ту: см. Его *Историю*. *Univ.* том xi. стр. 634, 635. А о противоречиях, которые это вызвало, сравните *Hist. des Oracles*, chap. iv., in *Œuvres de Fontenelle*, vol. ii. pp. 219, 220, ed. Paris, 1766; *Sprengel*, *Hist. de la Médecine*, vol. iii. pp. 247–249; *Biog. Universum*, том xx. стр. 579.

ГЛАВА VII.

ОЧЕРК ИСТОРИИ АНГЛИЙСКОГО ИНТЕЛЛЕКТА С СЕРЕДИНЫ ШЕСТНАДЦАТОГО До КОНЦА ВОСЕМНАДЦАТОГО ВЕКА.

Обычному читателю, живущему в середине девятнадцатого века, трудно понять, что всего за триста лет до его рождения общественное сознание находилось во мраке, описанном в предыдущей главе. Ему еще труднее понять, что темноту разделяли не просто люди со средним образованием, но и люди значительных способностей, люди во всех отношениях выдающиеся в своем возрасте. Читатель такого рода может убедиться, что доказательства неоспоримы; он может проверить выдвинутые мной утверждения и признать, что в них нет никаких сомнений; но даже тогда ему будет трудно представить, что когда-либо существовало состояние общества, в котором подобные жалкие нелепости приветствовались как трезвые и важные истины и предполагалось, что они составляли существенную часть общего запаса европейских знаний.

Но более тщательное изучение многое сделает для того, чтобы рассеять это естественное изумление. На самом деле, я далек от того, чтобы удивляться тому, что в такие вещи верили, удивительным было бы, если бы они были отвергнуты. Ибо в те времена, как и во все другие, каждая вещь была цельной. Не только в исторической литературе, но и во всех видах литературы, по любому предмету — в науке, в религии, в законодательстве — главенствующим принципом была слепая и без колебаний доверчивость. Чем больше изучается история Европы до XVII века, тем полнее будет подтверждаться этот факт. Время от времени появлялся великий человек, у которого были свои сомнения относительно всеобщей веры; который шепотом высказывал подозрения относительно существования гигантов высотой в тридцать футов, драконов с крыльями и армий, летающих по воздуху; который думал, что астрология может быть обманом, а некромантия - пузырем; и который даже зашел так далеко, что поднял вопрос о целесообразности утопления каждой ведьмы и сожжения каждого еретика. Несколько таких людей, несомненно, были; но их презирали как простых теоретиков, праздных мечтателей, которые, не знакомые с практикой жизни, высокомерно противопоставляли свой собственный разум мудрости своих предков. При том состоянии общества, в котором они родились, было невозможно, чтобы они производили какое-либо постоянное впечатление. Действительно, у них было достаточно дел, чтобы позаботиться о себе и обеспечить собственную безопасность; ибо до конца шестнадцатого века не было страны, в которой человек не подвергался бы большой личной опасности, если бы открыто выражал сомнения относительно убеждений своих современников.

Однако очевидно, что до тех пор, пока не начались сомнения, прогресс был невозможен. Ибо, как мы ясно видели, прогресс цивилизации зависит исключительно от достижений человеческого интеллекта и от степени распространения этих достижений. Но люди, которые полностью удовлетворены своими знаниями, никогда не будут пытаться увеличить их. Люди, которые полностью убеждены в точности своих мнений, никогда не возьмут на себя труд исследовать основу, на которой они построены. Они всегда с удивлением, а часто и с ужасом взирают на взгляды, противоположные тем, которые они унаследовали от своих отцов; и пока они находятся в таком состоянии ума, невозможно, чтобы они восприняли какую-либо новую истину, которая противоречит их заранее сделанным выводам.

По этой причине, хотя приобретение свежих знаний является необходимой предпосылкой каждого шага в социальном прогрессе, такому приобретению сама по себе должна предшествовать любовь к исследованию и, следовательно, дух сомнения; потому что без сомнения не будет исследования, а без исследования не будет знания. Ибо знание - это не инертный и пассивный принцип, который приходит к нам независимо от того, хотим мы того или нет; но его нужно искать, прежде чем его можно будет завоевать; это продукт великого труда и, следовательно, великих жертв. И абсурдно предполагать, что люди возьмут на себя труд и принесут жертвы ради предметов, в отношении которых они уже совершенно довольны. Те, кто не чувствует тьмы, никогда не будут искать свет. Если в каком-либо пункте мы достигли уверенности, мы не проводим дальнейших исследований по этому вопросу; потому что исследование было бы бесполезным или, возможно, опасным. Сомнение должно вмешаться, прежде чем можно будет начать расследование. Таким образом, здесь мы имеем дело с актом сомнения как источника или, во всяком случае, необходимой предпосылки всякого прогресса. Здесь мы имеем дело со скептицизмом, само название которого вызывает отвращение у невежд; потому что он тревожит их ленивые и самодовольные умы; потому что он тревожит их лелеемые суеверия; потому что он налагает на них усталость от исследования; и потому что он

побуждает даже вялое понимание задаваться вопросом, так ли обстоят дела, как их обычно предполагают, и действительно ли все так, как их с детства учили верить.

Чем больше мы исследуем этот великий принцип скептицизма, тем отчетливее мы увидим огромную роль, которую он сыграл в прогрессе европейской цивилизации. Чтобы изложить в общих чертах то, что в этом Введении будет полностью доказано, можно сказать, что скептицизму мы обязаны тем духом исследования, который в течение последних двух столетий постепенно проникал во все возможные области; реформировал каждую область практического и умозрительного знания; ослабил авторитет привилегированных классов и, таким образом, поставил свободу на более прочную основу; наказал деспотизм монархов; обуздал высокомерие знати; и даже уменьшил предрассудки духовенства. Одним словом, именно это исправило три фундаментальные ошибки прошлого: ошибки, которые делали людей в политике слишком доверчивыми; в науке - слишком легковерными; в религии - слишком нетерпимыми.

Это краткое изложение того, что на самом деле было сделано, возможно, удивит тех читателей, которым такие масштабные расследования незнакомы. Важность, однако, рассматриваемого принципа настолько велика, что я намереваюсь в этом Введении проверить его путем изучения всех выдающихся форм европейской цивилизации. Такое исследование приведет к замечательному выводу, что ни один отдельный факт не оказал столь сильного влияния на различные нации, как продолжительность, количество и, прежде всего, распространение их скептицизма. В Испании церковь при поддержке инквизиции всегда была достаточно сильна, чтобы наказывать писателей-скептиков и предотвращать не то что само существование, но и распространение скептических мнений.^[544] Это означает, что дух сомнения угас, знание в течение нескольких столетий оставалось почти неизменным; и цивилизация, которая является плодом знания, также была неподвижной. Но в Англии и Франции, которые, как мы сейчас увидим, являются странами, где скептицизм впервые открыто проявился и где он был наиболее распространен, результаты совершенно иные; и поскольку поощряется любовь к исследованию, возникает то постоянно прогрессирующее знание, которому эти две великие нации обязаны своим процветанием. В оставшейся части этого тома я прослежу историю этого принципа во Франции и Англии и рассмотрю различные формы, в которых он проявлялся, и то, как эти формы влияли на национальные интересы. В порядке исследования я отдам предпочтение Англии; потому что по уже изложенным причинам ее цивилизацию следует считать более нормальной, чем французскую; и поэтому, несмотря на свои многочисленные недостатки, она ближе подходит к естественному типу, чем это удалось сделать ее великому соседу. Но поскольку наиболее подробные сведения об английской цивилизации можно найти в основной части настоящего труда, я намереваюсь во Введении посвятить ей всего одну главу и рассмотреть нашу национальную историю просто в связи с непосредственными последствиями скептического движения, приберегая для будущего случая те второстепенные вопросы, которые, хотя и менее всеобъемлющи, все же представляют большую ценность. И поскольку рост религиозной терпимости, несомненно, является самым важным из всех, я, во-первых, изложу обстоятельства, при которых она появилась в Англии в шестнадцатом веке; и затем я укажу, как другие события, которые немедленно последовали, были частью того же прогресса и действительно были просто теми же принципами, действующими в разных направлениях.

Тщательное изучение истории религиозной терпимости докажет, что в каждой христианской стране, где она была принята, духовенству она была навязана властью светских классов.^[545] В наши дни это все еще неизвестно тем народам, среди которых церковная власть сильнее светской; и поскольку это на протяжении многих веков было общим состоянием, неудивительно, что в ранней истории Европы мы едва ли найдем следы столь мудрого и благожелательного мнения. Но в тот момент, когда Елизавета взошла на английский трон, наша страна была примерно поровну разделена между двумя враждебными конфессиями; и королева, обладая замечательными способностями, ухитрилась в течение некоторого времени так уравновесить соперничающие силы, чтобы ни одна из них не имела решающего перевеса. Это был первый случай, который был замечен в Европе, когда правительство успешно осуществлялось без активного участия духовной власти; и следствием этого было то, что в течение нескольких лет принцип терпимости, хотя и все еще крайне несовершенно понятый, был выдвинут до такой степени, которая поистине удивительна для столь варварской эпохи.^[546] К несчастью, спустя некоторое время различные обстоятельства, о которых я расскажу в надлежащем месте, побудили Елизавету изменить политику, которую она, даже при всей своей мудрости, возможно, считала опасным экспериментом, и для которого знание страны еще едва созрело. Но хотя теперь она позволила протестантам удовлетворить свою ненависть к католикам, среди последовавших за этим кровавых сцен было одно обстоятельство, весьма достойное внимания. Хотя многие люди, несомненно, были казнены только за свою религию, никто не осмелился назвать свою религию причиной казни.^[547] К ним были применены самые варварские наказания; но им сказали, что они могут избежать наказания, отказавшись от определенных принципов, которые, как утверждалось, наносят ущерб безопасности государства.^[548] Это правда, что многие из этих принципов были такими, от которых ни один католик не мог отказаться, не отказавшись при этом от своей религии, существенную часть которой они составляли. Но сам факт того, что дух преследования был доведен до такой уловки, показывал, что за это время был достигнут огромный прогресс. Действительно, наиболее важный момент был достигнут, когда фанатик превратился в лицемера; и когда духовенство, хотя и желало сжигать людей ради блага их душ, было вынуждено оправдывать свою жестокость, ссылаясь на соображения более мирского и, как они считали, менее важного характера.^[549]

Замечательное свидетельство происходивших тогда перемен содержится в двух важнейших богословских трудах, появившихся в Англии во время правления Елизаветы. *"Церковная политика"* Хукера была опубликована в конце шестнадцатого века,^[550] и до сих пор считается одним из величайших оплотов нашей национальной церкви. Если мы сравним эту работу с *"Апологией Джуэл для Англиканской церкви"*, которая была написана за тридцать лет до нее,^[551] мы сразу же будем поражены различными методами, которые использовали эти выдающиеся авторы. И Хукер, и Джуэл были образованными и гениальными людьми. Оба они были знакомы с Библией, Отцами Церкви и Соборами. Оба они писали с общепризнанной целью защиты Англиканской церкви; и оба они были хорошо знакомы с обычным оружием теологических споров. Но на этом сходство заканчивается. Мужчины были очень похожи; их работы совершенно разные. За прошедшие тридцать лет английский интеллект добился огромного прогресса; и к аргументам, которые во времена Джуэла были признаны вполне удовлетворительными, не стали бы прислушиваться во времена Хукера. Работа Джуэла полна цитат из Отцов Церкви и Соборов, простые утверждения которых, когда они не опровергаются Священным Писанием, он, по-видимому, рассматривает как положительные доказательства.

Хукер, хотя и проявляет большое уважение к Советам, мало акцентирует внимание на Отцах Церкви и, очевидно, считает, что его читатели не обратят особого внимания на их ничем не подкрепленные мнения. Джуэл подчеркивает важность веры; Хукер настаивает на применении разума.^[552] Первый использует все свои таланты, чтобы собрать решения древности и определить значение, которое они, как можно предположить, несут. Другой цитирует древних, не столько из уважения к их авторитету, сколько с целью иллюстрации своих собственных аргументов. Так, например, и Хукер, и Джуэл утверждают несомненное право суверена вмешиваться в церковные дела. Джуэл, однако, считал, что доказал свою правоту, когда указал, что ею пользовались Моисей, Иисус Навин, Давид и Соломон.^[553] С другой стороны, Хукер утверждает, что это право существует не потому, что оно древнее, а потому, что оно целесообразно; и потому, что несправедливо предполагать, что люди, не являющиеся церковниками, согласятся быть связанными законами, которые сформулировали только церковники.^[554] В том же противоположном духе эти великие писатели выступают в защиту своей собственной церкви. Джуэл, как и все авторы его времени, больше упражнял свою память, чем рассудок; и он думает разрешить весь спор, объединив тексты из Библии с мнениями комментаторов к ним.^[555] Но Хукер, живший в эпоху Шекспира и Бэкона, оказался вынужден придерживаться взглядов гораздо более всеобъемлющего характера. Его защита не опирается ни на традицию, ни на комментаторов, ни когда-либо на откровение; но он довольствуется тем, что претензии враждебных сторон будут определяться их применимостью к великим потребностям общества и легкостью, с которой они приспосабливаются к общим целям обычной жизни.^[556]

Требуется совсем немного проницательности, чтобы увидеть огромную важность перемен, которые представляют эти два великих произведения. До тех пор, пока какое-либо богословское мнение защищалось старым догматическим методом, было невозможно оспаривать его, не навлекая на себя обвинения в ереси. Но когда она была защищена главным образом человеческим разумом, ее поддержка была серьезно ослаблена. Поскольку таким образом был допущен элемент неопределенности. Можно было бы утверждать, что аргументы одной секты так же хороши, как и аргументы другой, и что мы не можем быть уверены в истинности наших принципов, пока не услышим, что будет сказано с противоположной стороны. Согласно старой теологической теории, было легко оправдать самые варварские преследования. Если бы человек знал, что единственной истинной религией является та, которую он исповедует, и если бы он также знал, что те, кто умер, придерживаясь противоположного мнения, были обречены на вечную погибель, — если бы он знал эти вещи вне малейшего сомнения, он мог бы справедливо утверждать, что милосердно наказывать тело, чтобы спасти душу и обеспечить бессмертным существам их будущее спасение, даже если бы он использовал такое острое средство, как веревка или кол.^[557] Но если того же человека научить думать, что вопросы религии должны решаться разумом, так же как и верой, он вряд ли сможет избежать размышлений о том, что разум даже самых сильных умов не является непогрешимым, поскольку он привел самых способных людей к самым противоположным выводам. Когда эта идея однажды распространяется среди людей, она не может не влиять на их поведение. Ни один человек, обладающий здравым смыслом и обычной честностью, не осмелится наложить на другого из-за его религии суровое наказание по закону, когда он знает, что его собственное мнение может быть неправильным, а мнение человека, которого он наказал, может быть правильным. С того момента, как вопросы религии начинают выходить из-под юрисдикции веры и подчиняться юрисдикции разума, преследование становится

преступлением самой страшной окраски. Так было в Англии в семнадцатом веке. По мере того как теология становилась более разумной, она становилась менее уверенной и, следовательно, более милосердной. Через семнадцать лет после публикации великого труда Хукера английские епископы публично сожгли двух человек за то, что они придерживались еретических взглядов.[558] Но это был последний вздох угасающего фанатизма; и с того памятного дня земля Англии никогда не была запятнана кровью человека, пострадавшего за свои религиозные убеждения.[559]

Таким образом, мы стали свидетелями роста того скептицизма, который в физике всегда должен быть началом науки, а в религии - началом терпимости. Действительно, нет никаких сомнений в том, что в обоих случаях отдельные мыслители могут, приложив огромные усилия оригинального гения, освободиться от действия этого закона. Но при прогрессе наций такая эмансипация невозможна. До тех пор, пока люди приписывают движение комет непосредственному указанию Божьего перста и до тех пор, пока они верят, что затмение является одним из способов выражения Божеством своего гнева, они никогда не будут виновны в богохульной самонадеянности пытаться предсказать такие сверхъестественные явления. Прежде чем они осмелятся исследовать причины этих таинственных явлений, необходимо, чтобы они поверили или, по крайней мере, заподозрили, что сами явления могут быть объяснены человеческим разумом. Точно так же, пока люди не довольствуются в какой-то степени тем, что ставят свою религию выше пределов собственного разума, они никогда не смогут понять, почему должно существовать разнообразие вероисповеданий или как кто-то может отличаться от них самих, не будучи виновным в самом огромном и непростительном преступлении.[560]

Если мы теперь продолжим следить за развитием мнений в Англии, мы увидим всю силу этих замечаний. Всеобщий дух исследования, сомнения и даже неподчинения начал овладевать умами людей. В физике это позволило им почти одним ударом сбросить оковы древности и породить науки, основанные не на старых представлениях, а на индивидуальных наблюдениях и индивидуальных экспериментах.[561] В политике это побудило их восстать против правительства и в конечном итоге привести своего короля на эшафот. В религии это проявилось в тысяче сект, каждая из которых провозглашала и часто преувеличивала эффективность частного суждения.[562] Подробности этого масштабного движения образуют одну из самых интересных частей истории Англии: но, не предвосхищая того, что я должен рассказать далее, я сейчас упомяну только один случай, который, судя по сопутствующим ему обстоятельствам, очень характерен для той эпохи. Знаменитый труд Чиллингворта о *религии протестантов*, по общему признанию, является лучшей защитой, которую реформаторы смогли выдвинуть против Римской церкви.[563] Она была опубликована в 1637 году,[564] и позиция автора побудила бы нас искать наиболее полное проявление фанатизма, которое соответствовало духу его времени. Чиллингворт недавно отказался от вероучения, на которое он теперь выступил с нападками; и поэтому можно было ожидать, что он обладает той естественной склонностью к догматизации, которой обычно сопровождается отступничество. Кроме того, он был крестником и близким другом Лауда,[565] память о котором до сих пор вызывает отвращение, как о самом подлом, жестоком и ограниченном человеке, который когда-либо сидел на епископской скамье.[566] Более того, он был стипендиатом Оксфорда и постоянно проживал в этом древнем университете, который всегда считался прибежищем суеверий и сохранил до наших дней свою незавидную славу.[567] Если теперь мы обратимся к произведению, написанному под этим покровительством, мы с трудом можем поверить, что оно было создано в том же поколении и в

той же стране, где всего двадцать шесть лет назад двое мужчин были публично сожжены за то, что они отстаивали мнения, отличные от взглядов официальной церкви. Это, действительно, самое замечательное доказательство огромной энергии того великого движения, которое происходило сейчас, что его давление ощущалось при обстоятельствах, наиболее враждебных ему, какие только можно себе представить; и что друг Лауда и стипендиат Оксфорда в серьезном теологическом трактате изложил принципы, совершенно подрывающие тот теологический дух, который на протяжении многих веков поработал всю Европу.

В этом великом труде открыто бросается вызов всем авторитетам в вопросах религии. Хукер, действительно, апеллировал от юрисдикции Отцов Церкви к юрисдикции разума; он, однако, был осторожен, добавив, что разум отдельных людей должен преклоняться перед разумом церкви, как мы находим это выраженным на великих Соборах и в общем голосе церковной традиции.^[568] Но Чиллингворт и слышать не хотел ни о чем из этого. Он не допустил бы никаких оговорок, которые имели бы тенденцию ограничивать священное право на частное суждение. Он не только пошел далеко за пределы Хукера, пренебрегая Отцами,^[569] но он даже осмелился презирать Советы. Хотя единственной целью его работы было принять решение по противоречивым претензиям двух величайших сект, на которые распалась христианская церковь, он никогда не цитирует в качестве авторитетов Соборы той самой церкви, в отношении которых разгорелись споры.^[570] Его сильный и тонкий интеллект, проникающий в глубины предмета, презирал такого рода споры, которые издавна занимали умы людей. Обсуждая вопросы, по которым спорили католики и протестанты, он не спрашивает, получили ли рассматриваемые доктрины одобрение ранней церкви, но спрашивает, соответствуют ли они человеческому разуму; и он без колебаний говорит, что, какими бы истинными они ни были, ни один человек не обязан верить им, если он обнаруживает, что они противоречат требованиям его собственного понимания. Он также не согласится с тем, что вера должна восполнять отсутствие авторитета. Даже этот излюбленный принцип теологов Чиллингворт заставляет уступить верховенству человеческого разума.^[571] Разум, по его словам, дает нам знание; в то время как вера дает нам только веру, которая является частью знания и, следовательно, ниже его. Именно разумом, а не верой, мы должны различать в религиозных вопросах; и только с помощью разума мы можем отличить истину от лжи. Наконец, он торжественно напоминает своим читателям, что в вопросах религии от кого-либо не следует ожидать, что он будет делать строгие выводы из несовершенных предпосылок или доверять невероятным утверждениям на основании скудных доказательств; еще меньше, говорит он, когда-либо предполагалось, что люди настолько извращают свой разум, чтобы с непогрешимой верой верить в то, что они не в состоянии доказать непогрешимыми аргументами.^[572]

Ни один человек, занимающийся обычным размышлением, не может не заметить явной тенденции этих мнений. Но что более важно для наблюдения, так это процесс, через который на пути развития цивилизации был вынужден пройти человеческий разум, прежде чем он смог прийти к таким возвышенным взглядам. Реформация, разрушив догму о непогрешимости церкви, конечно, ослабила то почтение, которое уделялось церковной древности. И все же сила старых ассоциаций была такова, что наши соотечественники долго продолжали уважать то, перед чем они перестали преклоняться. Таким образом, Джуэл, хотя и признавал высший авторитет Библии, в тех случаях, когда она была безмолвной или двусмысленной, с тревогой взывал к ранней церкви, решением которой, как он полагал, можно было легко разрешить все трудности. Поэтому он использовал свой разум только для того, чтобы установить расхождения, которые существовали между Священным Писанием и традицией; но когда они не

противоречили друг другу, он проявлял то, что сейчас считается суеверным почтением к древности. Через тридцать лет после него пришел Хукер;[573] который сделал шаг вперед и изложил принципы, от которых Джуэл содрогнулась бы от страха, многое сделал для ослабления того, что Чиллингворту было поручено полностью уничтожить. Таким образом, эти три великих человека представляют три различные эпохи трех последовательных поколений, в которых они соответственно жили. В Jewel разум - это, если можно так выразиться, надстройка системы; но авторитет - это основа, на которой строится эта надстройка. По Хукеру, авторитет - это только надстройка, а разум - основа.[574] Но в Чиллингворте, чьи труды были предвестниками надвигающейся бури, авторитет полностью исчезает, и вся структура религии строится на том, как человеческий разум без посторонней помощи интерпретирует постановления всемогущего Бога.

Огромный успех этой великой работы Чиллингворта, должно быть, способствовал тому движению, свидетельством которого она сама является.[575] Это послужило решительным оправданием религиозного инакомыслия;[576] и, таким образом, оправдало распад англиканской церкви, свидетелем которого стало то же поколение, дожившее до наших дней. Его фундаментальный принцип был принят самыми влиятельными писателями семнадцатого века, такими как Хейлз, Оуэн, Тейлор, Бернет, Тиллотсон, Локк и даже осторожным и прилежным Темплом; все они настаивали на авторитете частного суждения, как образующего трибунал, в который никто не может обратиться. Вывод, который следует сделать из этого, кажется очевидным.[577] Если высшим критерием истины является индивидуальное суждение, и если никто не может утверждать, что суждения людей, которые часто противоречивы, когда-либо могут быть непогрешимыми, с необходимостью следует, что решающего критерия религиозной истины не существует. Это печальный и, как я твердо убежден, в высшей степени неточный вывод; но именно его должна принять каждая нация, прежде чем она сможет достичь той великой работы по терпимости, которая даже в нашей собственной стране и в наше время еще не завершена. Необходимо, чтобы люди научились сомневаться, прежде чем они начнут терпеть; и чтобы они осознали ошибочность своих собственных мнений, прежде чем они начнут уважать мнения своих оппонентов.[578] Этот великий процесс далек еще от завершения ни в одной стране; и европейский разум, едва освободившийся от своей ранней легковёрности и чрезмерной уверенности в собственной вере, все еще находится на средней и, так сказать, испытательной стадии. Когда эта стадия будет окончательно пройдена, когда мы научимся оценивать людей исключительно по их характеру и поступкам, а вовсе не по их теологическим догмам, мы сможем формировать наши религиозные мнения с помощью того чисто трансцендентального процесса, проблески которого во все века удавалось увидеть немногим одаренным умам. То, что именно в этом направлении сейчас все ускоряется, должно быть ясно каждому, кто изучал прогресс современной цивилизации. За короткий промежуток в три столетия старый теологический дух был вынужден не только отказаться от своего давнего господства, но и оставить те твердыни, к которым он тщетно пытался вернуться перед лицом развивающегося знания. От всех своих самых заветных притязаний она была вынуждена постепенно отказаться.[579] И хотя в Англии в последнее время некоторым религиозным спорам было уделено временное внимание, все же сопутствующие им обстоятельства показывают изменение характера эпохи. Споры, которые столетие назад охватили бы пламенем все королевство, сейчас воспринимаются с безразличием подавляющим большинством образованных людей. Сложности современного общества и огромное разнообразие интересов, на которые оно разделено, во многом отвлекли интеллект и помешали ему сосредоточиться на

предметах, которые менее занятые люди сочли бы первостепенно важными. Кроме того, научные достижения намного превосходят достижения любой предшествующей эпохи и предлагают предложения такого исключительного интереса, что почти все наши величайшие мыслители посвящают им все свое время и отказываются заниматься вопросами простой умозрительной веры. Следствием этого является то, что то, что раньше считалось самым важным из всех вопросов, теперь передано низшим людям, которые подражают усердию, не обладая влиянием тех действительно великих богословов, чьи труды входят в число достояний нашей ранней литературы. Эти бурные споры, действительно, отвлекли церковь своим шумом, но они не произвели ни малейшего впечатления на большую часть английского интеллекта; и подавляющее большинство нации, как известно, настроено против той монашеской и аскетической религии, которую сейчас тщетно пытаются воссоздать. Правда в том, что время для таких вещей прошло. Богословские интересы давно перестали быть первостепенными, и дела наций больше не регулируются в соответствии с церковными взглядами.[580] В Англии, где движение было более быстрым, чем где бы то ни было, это изменение очень заметно. Во всех других областях у нас был ряд великих и могущественных мыслителей, которые сделали честь своей стране и завоевали восхищение человечества. Но за более чем столетие мы не создали ни одной оригинальной работы во всей области противоречивого богословия. На протяжении более чем столетия апатия по этому вопросу была настолько заметной, что не было сделано ничего ценного для той огромной массы божественного, которая среди мыслящих людей с каждым последующим поколением теряет что-то из своего бывшего интереса.[581]

Это лишь некоторые из бесчисленных признаков, которые должен различать каждый человек, не ослепленный предрассудками несовершенного образования. Огромное большинство духовенства, — некоторые из честлюбивых чувств, но большая часть, я полагаю, из добросовестных побуждений, — стремятся остановить распространение того скептицизма, который сейчас накапливается на нас со всех сторон.[582] Настало время, чтобы эти исполненные благих намерений, хотя и заблуждающиеся, люди увидели, в каком заблуждении они находятся. То, что их так сильно встревожило, является промежуточной ступенью, ведущей от суеверия к терпимости. Умы высшего порядка прошли через эту стадию и приближаются к тому, что, вероятно, является конечной формой религиозной истории человечества. Но люди в целом и даже некоторые из тех, кого обычно называют образованными людьми, только сейчас вступают в ту более раннюю эпоху, в которую скептицизм[583] является ведущей чертой ума. Следовательно, пока наши опасения не вызваны этим быстро растущим духом, мы должны скорее делать все, что в наших силах, чтобы поощрять то, что, хотя и болезненно для некоторых, полезно для всех; потому что только этим можно эффективно уничтожить религиозный фанатизм. Мы также не должны удивляться тому, что, прежде чем это может быть сделано, сначала должна вмешаться определенная степень страдания.[584] Если одна эпоха верит слишком много, это всего лишь естественная реакция на то, что другая эпоха должна верить слишком мало. Несовершенство нашей природы таково, что сами законы ее развития вынуждают нас проходить через кризисы скептицизма и душевного расстройства, которые для простого человека являются состояниями национального упадка и национального позора; но которые являются лишь огнем, при помощи которого золото должно быть очищено, прежде чем оно сможет оставить свой шлак в горне рафинера. Если воспользоваться образами великого аллегориста, необходимо, чтобы бедный паломник, обремененный грузом накопленных суеверий, пробрался через Трясину Уныния и Долину Смерти, прежде чем он сможет достичь

этого славного города, сверкающего золотом и драгоценными камнями, первый взгляд на который является достаточной компенсацией за его труды и его страхи.

В течение всего семнадцатого века это двойное движение скептицизма и терпимости продолжало развиваться, хотя его прогресс постоянно сдерживался двумя преемниками елизаветы, которые во всем перечеркивали просвещенную политику великой королевы. Эти принцы истощили свои силы в борьбе с тенденциями эпохи, которые они были неспособны понять; но, к счастью, дух, который они хотели подавить, достиг такой высоты, что стал насмешкой над их контролем. В то же время продвижению английского разума еще больше способствовал характер тех споров, которые в течение полувека разделяли страну. В царствование Елизаветы Петровны великая борьба развернулась между церковью и ее противниками; между теми, кто был православным, и теми, кто был еретиком. Но в царствование Якова и Карла богословие впервые было объединено с политикой. Это больше не было борьбой вероучений и догм, но это была борьба между теми, кто благоволил короне, и теми, кто поддерживал парламент. Умы людей, таким образом, сосредоточенные на вещах реальной важности, пренебрегали теми низшими занятиями, которые поглощали внимание их отцов.^[585] Когда, наконец, общественные дела достигли своего пика, тяжелая судьба короля, которая в конечном итоге способствовала продвижению интересов трона, нанесла наибольший ущерб интересам церкви. Действительно, не может быть никаких сомнений в том, что обстоятельства, связанные с казнью Карла, нанесли удар по всей системе церковной власти, от которого в этой стране она так и не смогла оправиться. Насильственная смерть короля возбудила сочувствие народа и, укрепив таким образом руки роялистов, ускорила восстановление монархии.^[586] Но само название этой великой партии, пришедшей к власти, наводило на мысль о переменах, которые с религиозной точки зрения происходили в национальном сознании. Действительно, нелегко было, чтобы Англией правили люди, называвшие себя независимыми; и которые под этим титулом не только отвергали притязания духовенства, но и выражали безграничное презрение ко всем тем обрядам и догмам, которые духовенство на протяжении многих веков продолжало насаждать.^[587] Верно, что независимые не всегда в полной мере использовали последствия своих собственных доктрин.^[588] Тем не менее, признание этих доктрин официальными властями государства имело большое значение. Кроме того, важно отметить, что пуритане были скорее фанатичны, чем суеверны.^[589] Они были настолько невежественны в отношении реальных принципов правления, что направляли уголовные законы против частных пороков и полагали, что безнравственность можно пресечь с помощью законодательства.^[590] Но, несмотря на эту серьезную ошибку, они всегда сопротивлялись агрессии даже своего собственного духовенства; и разрушение старой епископальной иерархии, хотя, возможно, и произведенное слишком поспешно, должно было привести ко многим благотворным результатам. Когда великая партия, которой все это было совершено, была, наконец, свергнута, развитие событий все еще продолжало развиваться в том же направлении. После реставрации церковь, хотя и была восстановлена в своем прежнем великолепии, очевидно, утратила свою древнюю мощь.^[591] В то же время новый король скорее из легкомыслия, чем из разума, презирал споры теологов и относился к вопросам религии с тем, что он считал философским безразличием.^[592] Придворные последовали его примеру и думали, что не ошибутся, подражая ему, которого они считали помазанником Господним. Результаты были таковы, что должны быть знакомы даже самым поверхностным читателям английской литературы. Тот серьезный и взвешенный скептицизм, которым были характеризованы независимые, утратил всю свою благопристойность, когда его перенесли в

негениальную атмосферу двора. Люди, окружавшие короля, были не в силах выдержать тяготы неизвестности; и они попытались укрепить свои сомнения богохульным заявлением о дикой и отчаянной неверности. Почти без исключения, все те писатели, которые пользовались наибольшим благоволением Карла, исчерпали все возможности своего непристойного духа, высмеивая религию, о природе которой они были в глубоком невежестве. Эти нечестивые шутовства сами по себе не оставили бы постоянного впечатления в эпоху; но они заслуживают внимания, потому что были развращенными и преувеличенными представителями более общей тенденции. Они были нездоровым порождением того духа неверия и того дерзкого бунта против власти, который характеризовал самых выдающихся англичан семнадцатого века. Именно это сделало Локка новатором в своей философии и приверженцем унитаризма в своем вероучении. Именно это сделало Ньютона социнианцем; это вынудило Мильтона стать злейшим врагом церкви и это не только превратило поэта в бунтаря, но и запятнало арианством *Потерянный рай*. Одним словом, это было то же презрение к традиции и та же решимость сбросить иго, которое, будучи впервые введено в философию Бэконом, впоследствии было перенесено Кромвелем в политику; и которое в течение того же поколения насаждалось в теологии Чиллингвортом, Оуэном и Хейлзом; в метафизике Гоббсом и Глэнвилем; и в теории правления Харрингтоном, Сиднеем и Локком.

Прогрессу, который английский интеллект теперь делал в направлении избавления от древних суеверий, [593] was еще больше способствовало необычайное рвение, проявленное в развитии физических наук. Это, как и все великие общественные движения, четко прослеживается до событий, которые ему предшествовали. Отчасти это было причиной, а отчасти следствием растущего недоверия эпохи. Скептицизм образованных классов вызывал у них неудовлетворенность этими устоявшимися мнениями, которые опирались только на неподтвержденный авторитет; и это породило желание выяснить, насколько такие представления могут быть проверены или опровергнуты реальным положением вещей. Любопытный пример быстрого развития этого духа можно найти в произведениях автора, который был одним из самых выдающихся среди простых литераторов своего времени. Когда Гражданская война едва завершилась, и за три года до казни короля сэр Томас Браун опубликовал свою знаменитую работу под названием "*Расследования вульгарных и распространенных ошибок*". [594] Это умелое и ученое произведение имеет то достоинство, что предвосхищает некоторые из тех результатов, которые получили более современные исследователи; [595] но в основном оно примечательно как первое систематическое и преднамеренное нападение, когда-либо предпринятое в Англии на те суеверные представления, которые были тогда распространены относительно внешнего мира. И что еще более интересно, обстоятельства, при которых она появилась, делают очевидным, что, хотя ученость и гениальность автора принадлежали ему самому, скептицизм, который он проявлял по отношению к распространенным верованиям, был навязан ему давлением эпохи.

В или около 1633 года, когда на престол был еще оккупирован суеверный князь; когда Церковь Англии была на пике своей полной мощности; и когда мужчины были беспрестанно преследовали за их религиозные убеждения—это же сэр Томас Браун писал его *религиозно Медичи*, [596] , в котором мы находим все качества его дальнейшей работы, кроме скептицизм. Действительно, в *Религии Медичи* проявляется доверчивость, которая, должно быть, обеспечила симпатии тех классов, которые тогда были господствующими. Из всех предрассудков, которые в то время считались неотъемлемой частью народного вероучения, не было ни одного, который Браун осмелился бы отрицать. Он объявляет о своей вере в

философский камень;^[597] в духов и ангелов-хранителей;^[598] и в хиромантию.^[599] Он не только безапелляционно подтверждает реальность ведьм, но и говорит, что те, кто отрицает их существование, не просто неверующие, но и атеисты.^[600] Он осторожно сообщает нам, что отсчитывает свое рождение не от своего рождения, а от своего крещения; ибо до того, как он был крещен, о нем нельзя было сказать, что он существовал.^[601] К этим штрихам мудрости он, кроме того, добавляет, что чем невероятнее какое-либо предложение, тем больше его готовность согласиться с ним; но что когда что-то действительно невозможно, он именно по этой причине готов в это поверить.^[602]

Таковы были мнения, высказанные сэром Томасом Брауном в первой из двух великих работ, которые он представил миру. Но в его *Расследованиях вульгарных ошибок* проявляется дух, настолько совершенно иной, что, если бы не самые убедительные доказательства, мы вряд ли могли бы поверить, что это написано одним и тем же человеком. Истина, однако, заключается в том, что за двенадцать лет, прошедших между двумя работами, была завершена та масштабная социальная и интеллектуальная революция, свержение церкви и казнь короля были лишь незначительными инцидентами. Мы знаем из литературы, из частной переписки и из публичных актов того времени, насколько невозможно было даже самым сильным умам избежать воздействия всеобщего опьянения. Поэтому неудивительно, что Браун, который, безусловно, уступал некоторым своим современникам, был затронут движением, которому они не смогли противостоять. Действительно, было бы странно, если бы он один остался неподвластен влиянию этого скептического духа, который, будучи произвольно подавлен, теперь перешел все границы и в ходе реакции вскоре смел те учреждения, которые тщетно пытались остановить его течение.

Именно с этой точки зрения сравнение двух работ становится в высшей степени интересным и, действительно, очень важным. В этом, его более позднем произведении, мы больше не слышим о вере во что-либо, потому что это невозможно; но нам говорят о "двух великих столпах истины: опыте и твердом рассудке".^[603] Нам также напоминают, что одной из основных причин ошибки является "приверженность авторитету";^[604] другая - "пренебрежение запросом";^[605] и, как ни странно, третий - это "доверчивость".^[606] Все это не очень соответствовало старому теологическому духу; и поэтому нам не нужно удивляться, что Браун не только разоблачает некоторые из бесчисленных ошибок Отцов Церкви,^[607] но, поговорив об ошибках в целом, коротко добавляет: "Есть много других, которые мы приписываем божественности и, возможно, не заслуживают оспаривания".^[608]

Разница между этими двумя работами является неплохим показателем быстроты того обширного движения, которое в середине семнадцатого века наблюдалось во всех отраслях практической и умозрительной жизни. После смерти Бэкона одним из самых выдающихся англичан, безусловно, был Бойль, который, если сравнивать его с современниками, можно сказать, что он стоит сразу же после Ньютона, хотя, конечно, сильно уступает ему как оригинальный мыслитель.^[609] Дополнения, которые он внес в наши знания, нас непосредственно не интересуют; но можно упомянуть, что он был первым, кто провел точные эксперименты по изучению связи между цветом и теплом;^[610] и, следовательно, не всего лишь установил некоторые очень важные факты, но заложил основу для того союза между оптикой и термотикой, который, хотя и еще не завершен, теперь просто ждет, когда какой-нибудь великий философ сделает обобщение, достаточно широкое, чтобы охватить обе науки, и таким образом объединит две науки в единое исследование. Кроме того, Бойлю, больше, чем какому-либо

другому англичанину, мы обязаны наукой гидростатики в том состоянии, в котором мы ею сейчас обладаем.[611] Он является первооткрывателем этого прекрасного закона, столь плодотворного в ценных результатах, согласно которому эластичность воздуха изменяется в зависимости от его плотности.[612] И, по мнению одного из самых выдающихся современных естествоиспытателей, именно Бойль положил начало этим химическим исследованиям, которые продолжали накапливаться, пока столетие спустя они не предоставили средства, с помощью которых Лавуазье и его современники установили реальную основу химии и позволили ей впервые занять надлежащее место среди тех наук, которые имеют дело с внешним миром.[613]

Применение этих открытий к счастью человека, и особенно к тому, что можно назвать материальными интересами цивилизации, будет прослежено в другой части этой работы; но то, что я сейчас хочу понаблюдать, - это то, как такие исследования согласуются с движением, которое я пытаюсь описать. Во всех своих физических исследованиях Бойль постоянно настаивает на двух фундаментальных принципах, а именно: важности индивидуальных экспериментов и сравнительной неважности фактов, которые по этим предметам передала древность.[614] Это два великих ключа к его методу: это взгляды, которые он унаследовал от Бэкона, а также взгляды, которых придерживался каждый человек, который за последние два столетия добавил что-либо важное в запас человеческих знаний. Сначала сомневаться,[615] затем задавать вопросы, а затем открывать - вот процесс, которому повсеместно следуют наши великие учителя. Чувство Бойля было настолько сильным, что, хотя он был в высшей степени религиозным человеком,[616] он присвоил самой популярной из своих научных работ титул "*Химик-скептик*"; это означает, что до тех пор, пока люди не будут скептически относиться к химии своего времени, они не смогут далеко продвинуться по пути, который им предстоял. Мы также не можем не заметить, что эта замечательная работа, в которой был нанесен такой ущерб старым представлениям, была опубликована в 1661 году,[617] через год после восшествия на престол Карла II., в правление которого распространение недоверия было действительно быстрым, поскольку оно было замечено не только среди интеллектуальных классов, но даже среди знати и личных друзей короля. Это правда, что в том ранге общества это приняло оскорбительную и дегенеративную форму. Но движение, должно быть, отличалось необычной энергией, которая на столь ранней стадии могла таким образом проникнуть в тайники дворца и взволновать умы придворных; ленивого и слабого народа, который из-за легкомыслия своих привычек при обычных обстоятельствах предрасположен к суевериям и готов верить всему, что завещала им мудрость их отцов.

Теперь эта тенденция проявлялась во всем. Все свидетельствовало о растущей решимости подчинить старые представления новым исследованиям. В тот самый момент, когда Бойль продолжал свои труды, Карл II. инкорпорировал Королевское общество, которое было сформировано с общепризнанной целью расширения знаний путем прямого эксперимента.[618] И вполне достойно замечания, что устав, впервые предоставленный этому знаменитому учреждению, декларирует, что его целью является расширение естественных знаний, в противоположность тому, что является сверхъестественным.[619]

Легко представить, с каким ужасом и отвращением на эти вещи смотрели те чрезмерные поклонники древности, которые, занятые исключительно почитанием прошлых эпох, неспособны ни уважать настоящее, ни надеяться на будущее. Эти великие препятствия человечеству играли в семнадцатом веке ту же роль, что и в наши дни, отвергая всякую новизну

и, следовательно, противодействуя любому усовершенствованию. Ожесточенное соперничество, возникшее между двумя партиями, и враждебность, направленная против Королевского общества, как первого учреждения, в котором отчетливо воплотилась идея прогресса, относятся к числу наиболее поучительных эпизодов нашей истории, и в другой раз я расскажу о них довольно подробно. В настоящее время достаточно сказать, что реакционная партия, хотя и возглавляемая подавляющим большинством духовенства, потерпела полное поражение; как, впрочем, и следовало ожидать, учитывая, что на стороне их противников был почти весь интеллект страны, и, кроме того, они были подкреплены той помощью, которую мог оказать двор. По правде говоря, прогресс был настолько быстрым, что унес с собой некоторых из самых способных представителей даже церковной профессии; их любовь к знаниям оказалась слишком сильной для старых традиций, в которых они были воспитаны. Но это были исключительные случаи, и, говоря в целом, нет никаких сомнений, что в правление Карла II. антагонизм между физической наукой и теологическим духом был таков, что побудил почти все духовенство настроиться против науки и стремиться дискредитировать ее. Нам также не следует удивляться, что они избрали этот курс. Тот пытливый и экспериментальный дух, который они хотели обуздать, был не только оскорбителен для их предрассудков, но и пагубен для их власти. Ибо, во-первых, простая привычка заниматься физическими науками научила людей требовать строгих доказательств, которые, как вскоре выяснилось, духовенство в своем собственном ведомстве было не в состоянии предоставить. И, во-вторых, дополнения, внесенные в физические знания, открыли новые области мысли и, таким образом, еще больше отвлекли внимание от церковных тем. Оба эти эффекта, конечно, были бы ограничены сравнительно небольшим числом людей, которые были заинтересованы в научных исследованиях: однако следует отметить, что конечные результаты таких исследований должны были распространяться на гораздо более широкую поверхность. Это можно назвать их вторичным влиянием; и способ, которым оно действовало, заслуживает нашего внимания, потому что знакомство с ним поможет далеко продвинуться в объяснении причины того заметного противостояния, которое всегда существовало между суевением и знанием.

Очевидно, что нация, совершенно не знающая физических законов, будет относить к сверхъестественным причинам все явления, которые ее окружают.^[620] Но как только естественные науки начинают выполнять свою работу, появляются элементы великих перемен. Каждое последующее открытие, устанавливающее закон, управляющий определенными событиями, лишает их той очевидной тайны, в которую они были вовлечены раньше.^[621] Любовь к чудесному пропорционально уменьшается; и когда какая-либо наука достигает такого прогресса, что позволяет тем, кто знаком с ней, предсказывать события, с которыми она имеет дело, становится ясно, что все эти события сразу выводятся из-под юрисдикции сверхъестественного и передаются под власть естественных сил.^[622] Задачей физической философии является объяснение внешних явлений с целью их предсказания; и каждое успешное предсказание, признанное людьми, приводит к разрушению одной из тех связей, которые, так сказать, привязывают воображение к оккультному и невидимому миру. Следовательно, при прочих равных условиях суевение нации всегда должно быть точно пропорционально объему ее физических знаний. Это может быть в некоторой степени подтверждено обычным опытом человечества. Ибо, если мы сравним различные классы общества, мы обнаружим, что они суеверны в той мере, в какой явления, с которыми они соприкасаются, объясняются или не объясняются законами природы. Доверчивость моряков печально известна, и в любой литературе есть свидетельства о разнообразии их суеверий и о

том упорстве, с которым они за них цепляются.[623] Это прекрасно объясняется принципом, который я изложил. Метеорология еще не возведена в ранг науки; и законы, регулирующие ветры и бури, вследствие этого все еще неизвестны, из чего естественным образом следует, что класс людей, наиболее подверженных их опасностям, должен быть как раз тем классом, который наиболее суеверен.[624] С другой стороны, солдаты живут за счет стихии, гораздо более послушной человеку, и они в меньшей степени, чем моряки, подвержены тем рискам, которые не поддаются научным расчетам. Таким образом, у солдат меньше поводов апеллировать к сверхъестественному вмешательству; и повсеместно замечено, что в целом они менее суеверны, чем моряки. Если мы снова сравним земледельцев с промышленниками, то увидим действие того же принципа. Для земледельцев одним из самых важных обстоятельств является погода, которая, если она окажется неблагоприятной, может сразу же опровергнуть все их расчеты. Но наука еще не преуспела в открытии законов дождя, и люди в настоящее время не в состоянии предсказать его на какой-либо значительный период; поэтому жители страны вынуждены верить, что это результат действия сверхъестественных сил, и мы все еще видим необычайное зрелище молитв, возносимых в наших церквях о сухой или дождливой погоде; суеверие, которое будущим векам будет казаться таким же детским, как чувство благоговейного трепета, с которым наши отцы относились к присутствию кометы или приближению затмения. Теперь мы знакомы с законами, определяющими движение комет и затмения; и поскольку мы можем предсказать их появление, мы перестали молиться о том, чтобы уберечься от них.[625] Но поскольку наши исследования феномена дождя оказались менее успешными,[626] мы прибегаем к нечестивому ухищрению призвать на помощь Божество, чтобы восполнить те пробелы в науке, которые являются результатом нашей собственной лени; и мы не стыдимся в наших общественных церквях извращать религиозные обряды, используя их как прикрытие для сокрытия невежества, в котором мы должны откровенно признаться.[627] агроном, таким образом, учил приписывать сверхъестественные агентство важнейших явлений, с которыми он связан;[628] и не может быть никаких сомнений, что это одна из причин тех суеверных чувств, с помощью которых жители страны негативно контрастировали с теми города.[629] Но у фабриканта и, действительно, почти у каждого, кто занят в городском бизнесе, есть занятия, успех в которых определяется его собственными способностями и не имеет никакой связи с теми необъяснимыми событиями, которые поражают воображение земледельцев. Тот, кто благодаря своей изобретательности перерабатывает сырье, очевидно, меньше подвержен неконтролируемым явлениям, чем тот, кем сырье изначально выращено. Ясная погода или мокрая, он с одинаковым успехом продолжает свои труды и учится полагаться исключительно на собственную энергию и ловкость собственной руки. Как моряк от природы более суеверен, чем солдат, потому что ему приходится иметь дело с более неустойчивой стихией, так и земледelec более суеверен, чем механик, потому что он чаще и серьезнее подвергается воздействию событий, которые невежество одних людей заставляет их называть капризными, а невежество других - сверхъестественными.

Было бы легко, развивая эти замечания, показать, как промышленный прогресс, помимо увеличения национального богатства, оказал огромную услугу цивилизации, вселив в человека уверенность в своих собственных ресурсах;[630] и как, породив новый класс занятий, он, если можно так выразиться, изменил обстановку, в которой, скорее всего, обитают суеверия. Но проследить это значило бы вывести меня за пределы моих нынешних возможностей; и уже приведенных иллюстраций достаточно, чтобы объяснить, насколько теологический дух, должно

быть, был ослаблен той любовью к экспериментальной науке, которая составляет одну из главных черт правления Карла II.[631]

Теперь я изложил читателю то, что, по моему мнению, является точкой зрения, с которой мы должны оценивать период, истинная природа которого, как мне кажется, была прискорбно неправильно понята. Те политические писатели, которые судят о событиях без оглядки на то интеллектуальное развитие, частью которого они сами являются, найдут в правлении Карла II много поводов для осуждения и едва ли что-то для одобрения. Такие авторы будут порицать меня за то, что я сошел с того узкого пути, которым слишком часто ограничивалась история. И все же я затрудняюсь понять, как можно, кроме как приняв такой курс, понять период, который, на поверхностный взгляд, полон грубейших несоответствий. Эта трудность станет совершенно очевидной, если мы на мгновение сравним характер правления Карла с теми великими делами, которые при этом правительстве были осуществлены мирным путем. Никогда прежде не было такого отсутствия очевидной связи между средствами и целью. Если мы посмотрим только на характеры правителей и на их внешнюю политику, мы должны констатировать правление Карла II. быть худшим, что когда-либо видели в Англии. Если, с другой стороны, мы ограничимся нашими наблюдениями за законами, которые были приняты, и принципами, которые были установлены, мы будем вынуждены признать, что то же самое правление образует одну из самых ярких эпох в нашей национальной летописи. В политическом и моральном плане в правительстве можно было обнаружить все элементы неразберихи, слабости и преступности. Сам король был подлым и бездуховным сластолюбцем, без христианской морали и почти без человеческих чувств.[632] Его министры, за исключением Кларендона, которого он ненавидел за его добродетели, не обладали ни одним из атрибутов государственных деятелей, и почти все они были отправлены на пенсию короной Франции.[633] Вес налогообложения был увеличен,[634] в то время как безопасность королевства была ослаблена.[635] Из-за принудительной сдачи городских уставов наши муниципальные права оказались под угрозой.[636] Закрытие казначейства привело к уничтожению нашего национального кредита.[637] Хотя на поддержание нашего военно-морского флота и военной мощи были потрачены огромные суммы, мы остались настолько беззащитными, что, когда разразилась война, к которой долго готовились, нас, казалось, внезапно застали врасплох. Жалкая неспособность правительства была такова, что флоты Голландии смогли не только триумфально проехать вокруг наших берегов, но и подняться вверх по Темзе, напасть на наши арсеналы, сжечь наши корабли и нанести оскорбление метрополии Англии.[638] Тем не менее, несмотря на все это, неоспоримым фактом является то, что в это самое правление Карла II было предпринято больше шагов в правильном направлении, чем за любой аналогичный период в течение двенадцати столетий, мы оккупировали землю Британии. Одной лишь силой этого интеллектуального движения, невольно поддержанного короной, в течение нескольких лет были проведены реформы, изменившие облик общества.[639] Два великих препятствия, с которыми нация долгое время сталкивалась, состояли из духовной тирании и территориальной тирании: тирании церкви и тирании знати. Теперь была предпринята попытка исправить это зло; не паллиативами, а ударом по власти классов, причинивших вред. Ибо теперь в свод законов был внесен закон, отменяющий это знаменитое предписание, которое позволяло епископам или их делегатам предавать сожжению тех людей, чья религия отличалась от их собственной.[640] Теперь дело было в том, что духовенство было лишено привилегии взимать налоги самостоятельно и было вынуждено подчиняться оценке, проводимой обычным законодательным органом.[641] Теперь также был принят закон, запрещающий любому

епископу или любому церковному суду приносить присягу *ex-officio*, с помощью которой церковь до сих пор обладала властью принуждать подозреваемого к совершению преступления.[642] Что касается дворян, то это было также во времена правления Карла II. что Палата лордов после острой борьбы была вынуждена отказаться от своих претензий на первоначальную юрисдикцию в гражданских исках; и таким образом навсегда потеряла важный ресурс для расширения своего собственного влияния.[643] Именно в то же время было установлено право народа взимать налоги исключительно своими представителями; Палата общин с тех пор сохранила за собой исключительную власть предлагать денежные законопроекты и регулировать размер налогов, просто предоставив пэрам форму согласия с тем, что уже было определено.[644] Это были попытки обуздать духовенство и знать. Но были также предприняты другие вещи, не менее важные. С уничтожением скандальных прерогатив Снабжения и вытеснения был установлен предел власти суверена раздражать своих непокорных подданных.[645] Законом о Хабеас корпус свобода каждого англичанина была гарантирована настолько, насколько это было возможно по закону; ему было гарантировано, что в случае обвинения в преступлении он, вместо того, чтобы томиться в тюрьме, как это часто случалось, должен предстать перед справедливым и скорым судом.[646] В соответствии с Законом о мошенничестве и лжесвидетельстве частной собственности была предоставлена неизвестная ранее защита.[647] С отменой всеобщих импичментов был положен конец мощному механизму тирании, с помощью которого могущественные и беспринципные люди часто разоряли своих политических противников.[648] С отменой тех законов, которые ограничивали свободу печати, был заложен фундамент той великой Общественной печати, которая больше, чем какая-либо другая отдельная причина, распространила среди людей осознание своей собственной силы и, таким образом, в почти невероятной степени способствовала прогрессу английской цивилизации.[649] И, чтобы завершить эту благородную картину, были окончательно уничтожены те феодальные обычаи, которые навязали наши нормандские завоеватели, — военное положение; опекунский суд; штрафы за отчуждение; право конфискации при вступлении в брак по причине владения жильем; вспомогательные средства, дань уважения, эскуажи, начальные сейзины; и все те вредные обычаи. тонкости, простые названия которых звучат в современных ушах как дикий и варварский жаргон, но которые давили на наших предков как реальное и серьезное зло.[650]

Таковы были дела, которые совершались в царствование Карла II.; и если мы примем во внимание жалкую некомпетентность короля, праздную расточительность его двора, неприкрытую продажность его министров, постоянные заговоры, которым страна подвергалась изнутри, и беспрецедентные оскорбления, которым она подвергалась извне; если мы, более того, примем во внимание, что ко всему этому добавились два стихийных бедствия самого тяжкого характера — Великая чума, которая проредила общество во всех его рядах и посеяла смуту по всему королевству, и Огромная Пожар, который, помимо увеличения смертности от чумы, в одно мгновение уничтожил те промышленные накопления, за счет которых питалась сама промышленность; — если мы сложим все это вместе, как мы сможем примирить несоответствия, кажущиеся столь вопиющими? Как можно было добиться такого замечательного прогресса перед лицом этих беспрецедентных бедствий? Как могли такие люди при таких обстоятельствах добиться таких улучшений? Это вопросы, на которые наши политические составители не в состоянии ответить, потому что они слишком много внимания уделяют особенностям отдельных людей и слишком мало - характеру эпохи, в которую эти люди

живут. Такие авторы не понимают, что история каждой цивилизованной страны - это история ее интеллектуального развития, которое короли, государственные деятели и законодатели скорее замедляют, чем ускоряют; потому что, каким бы ни было их могущество, они в лучшем случае случайные и недостаточные представители духа своего времени; и потому что, будучи столь далеки от того, чтобы регулировать движения национального разума, они сами составляют наименьшую его часть, и, с общей точки зрения прогресса человечества, их следует рассматривать всего лишь как марионеток, которые важничают и тратят время на мелочь. стадия; в то время как за их пределами и по обе стороны от них формируются мнения и принципы, которые они едва ли могут воспринимать, но которые одни в конечном счете управляют всем ходом человеческих дел.

Правда заключается в том, что были проведены обширные законодательные реформы, ради которых началось правление Карла II. столь примечательные, они просто являются частью того движения, которое, хотя и прослеживается с гораздо более раннего периода, открыто действовало только на протяжении трех поколений. Эти важные улучшения были результатом того смелого, скептического, пытливого и реформаторского духа, который теперь овладел тремя великими кафедрами теологии, науки и политики. Старые принципы традиции, авторитета и догмы постепенно ослабевали; и, конечно, в той же пропорции уменьшалось влияние классов, которые главным образом поддерживали эти принципы. По мере того как власть отдельных слоев общества, таким образом, ослабевала, власть народа в целом возрастала. Истинные интересы нации начали осознаваться, как только были рассеяны суеверия, из-за которых эти интересы долгое время были затемнены. Это, я полагаю, и есть реальное решение того, что на первый взгляд кажется любопытной проблемой, а именно: как получилось, что такие всеобъемлющие реформы были проведены в столь плохое и во многих отношениях столь печально известное правление. Несомненно, верно, что эти реформы были, по существу, результатом интеллектуального марша эпохи; но они были проведены не вопреки порокам монарха, а фактически благодаря им. За исключением нуждающихся распутников, которые толпились при его дворе, все классы людей вскоре научились презирать короля, который был пьяницей, распутником и лицемером; у которого не было ни стыда, ни чувствительности; и который, с точки зрения чести, был недостойн появляться в присутствии самого низкого из своих подданных. То, что трон в течение четверти века занимал такой человек, как этот, было самым верным способом ослабить ту невежественную и неразборчивую лояльность, ради которой люди часто приносили в жертву свои самые дорогие права. Таким образом, характер короля, рассматриваемый только с этой точки зрения, был в высшей степени благоприятен для роста национальной свободы.^[651] Но преимущество на этом не заканчивалось. Безрассудный распутство Чарльза внушило ему отвращение ко всему, что хоть как-то приближалось к сдержанности; и это вызвало у него неприязнь к классу, профессия которого, по крайней мере, предполагает поведение более чем заурядной чистоты. Следствием этого было то, что он, не из соображений просвещенной политики, а просто из любви к порочному потворству своим желаниям, всегда испытывал отвращение к духовенству; и, будучи далек от того, чтобы продвигать их власть, часто выражал к ним открытое презрение.^[652] Его самые близкие друзья направляли против них те грубые и непристойные шутки, которые сохранились в литературе того времени; и которые, по мнению придворных, должны были быть причислены к благороднейшим образцам человеческого остроумия. От людей такого сорта церкви, действительно, было мало чего ожидать; но их язык и благосклонность, с которой он был принят, являются частью симптомов, по которым мы можем изучать нравы того времени.

Большинству читателей придут на ум многие другие иллюстрации; я могу, однако, упомянуть одну, которая интересна из-за выдающегося философа, о котором идет речь. Самым опасным противником духовенства в семнадцатом веке, несомненно, был Гоббс, тончайший диалектик своего времени; к тому же писатель необычайной ясности, уступавший среди британских метафизиков только Беркли. Этот глубокий мыслитель опубликовал несколько рассуждений, крайне неблагоприятных для церкви и прямо противоречащих принципам, которые необходимы для церковной власти. Как естественное следствие, духовенство возненавидело его; его доктрины были объявлены в высшей степени пагубными; и его обвинили в желании ниспровергнуть национальную религию и развратить национальную мораль.^[653] Это зашло так далеко, что при его жизни и в течение нескольких лет после его смерти каждый человек, осмелившийся мыслить самостоятельно, подвергался клейму хоббиста, или, как его иногда называли, гоббийца.^[654] Эта явная враждебность со стороны духовенства была достаточной рекомендацией в пользу Карла. Король еще до своего восшествия на престол усвоил многие из его принципов;^[655] и после Реставрации он относился к автору с тем, что считалось скандальным уважением. Он защищал его от врагов; он несколько демонстративно повесил его портрет в своей личной комнате в Уайтхолле;^[656] и он даже назначил пенсию этому самому грозному противнику, который когда-либо выступал против духовной иерархии.^[657]

Если мы на мгновение взглянем на церковные назначения Карла, мы найдем свидетельства той же тенденции. Во время его правления высшие звания в церкви неизменно присваивались людям, которым не хватало ни способностей, ни честности. Возможно, было бы излишней утонченностью приписывать королю преднамеренный план по снижению репутации епископальной скамьи; но несомненно, что если у него был такой план, то он следовал курсом, наиболее вероятным для достижения своей цели. Ибо не будет преувеличением сказать, что при его жизни все без исключения ведущие английские прелаты были либо неспособны, либо неискренни; они были неспособны защищать то, во что действительно верили, либо не верили в то, что открыто исповедовали. Никогда еще интересы англиканской церкви не охранялись так слабо. Первым архиепископом Кентерберийским, назначенным Чарльзом, был Джуксон, чьи недостатки были печально известны; и о ком его друзья могли только сказать, что недостаток способностей компенсировался благими намерениями.^[658] Когда он умер, король назначил своим преемником Шелдона, которого он ранее поставил епископом Лондона; и который не только дискредитировал свой орден актами грубой нетерпимости,^[659] но и который был настолько не считался с общепринятыми приличиями своего положения, что развлекал своих соратников, устраивая выставки в своем собственном доме, имитируя то, как ведет себя король. Пресвитериане произносили свои проповеди.^[660] После смерти Шелдона Чарльз был назначен архиепископом Санкрофтом; чьи суеверные фантазии навлекли на него презрение даже его собственной профессии, и которого презирали так же сильно, как ненавидели Шелдона.^[661] В рейтинге, расположенном непосредственно под этим, мы находим тот же принцип в действии. Три архиепископа Йоркскими в царствование Карла II были Фревен, Стерн и Долбен; они были настолько лишены способностей, что, несмотря на их высокое положение, они совершенно забыты, и ни один читатель из тысячи никогда не слышал их имен.^[662]

Подобные назначения действительно поразительны; и что делает их еще более поразительными, так это то, что в них ни в коем случае не было необходимости; они не были навязаны королю придворными интригами, и недостатка в более компетентных людях не было. Истина, по-видимому, заключается в том, что Чарльз не желал даровать церковное

продвижение кому-либо, кто обладал достаточными способностями, чтобы повысить авторитет церкви и восстановить ее прежнее превосходство. На момент его восшествия на престол двумя наиболее способными представителями духовенства, несомненно, были Джереми Тейлор и Исаак Барроу. Оба они были печально известны своей лояльностью; оба они были людьми незапятнанной добродетели; и оба они оставили после себя репутацию, которая вряд ли погибнет, пока будут помнить английский язык. Но Тейлор, хотя и был женат на сестре короля,^[663] к Тейлору относились с явным пренебрежением; и, будучи сосланным в ирландское епископство, ему пришлось провести остаток своей жизни в том, что в то время действительно называлось варварской страной.^[664] Что касается Барроу, который по гениальности, вероятно, превосходил Тейлора,^[665] ему было обидно видеть, как самые неспособные люди поднимались на высшие посты в церкви, в то время как сам он был незамечен; и, несмотря на то, что его семья сильно пострадала за королевское дело,^[666] он не получал никаких привилегий до тех пор, пока за пять лет до своей смерти король не присвоил ему звание магистра Тринити-колледжа в Кембридже.^[667]

Вряд ли нужно указывать, насколько все это должно было ослабить церковь и ускорить то великое движение, ради которого началось правление Карла II. это замечательно.^[668] В то же время было много других обстоятельств, которые в этом предварительном очерке невозможно заметить, но которые носили общий характер восстания против древней власти. В следующем томе это будет представлено в еще более ясном свете, поскольку у меня будет возможность привести доказательства, которые из-за обилия подробностей не подходили бы для настоящего Введения. Однако изложено достаточно, чтобы указать на общее направление развития английского разума и дать читателю ключ, с помощью которого он может понять те еще более сложные события, которые по мере продвижения семнадцатого века начали надвигаться на нас.

За несколько лет до смерти Карла II духовенство предприняло большие усилия, чтобы восстановить свою былую власть, возродив доктрины Пассивного повиновения и Божественного Права, которые, очевидно, благоприятствовали распространению суеверий.^[669] Но поскольку английский интеллект был теперь достаточно развит, чтобы отвергать подобные догмы, эта тщетная попытка только усилила противостояние между интересами народа как совокупности и интересами духовенства как класса. Едва этот план был сорван, как внезапная смерть Карла возвела на трон принца, самым искренним желанием которого было восстановить католическую церковь и восстановить среди нас ту пагубную систему, которая открыто хвастается подчинением человеческого разума. Эта перемена в делах была, если рассматривать ее с точки зрения конечных результатов, самым счастливым обстоятельством, которое могло случиться с нашей страной. Несмотря на разницу в их вероисповедании, английское духовенство всегда проявляло привязанность к Джеймсу, чьим почтением к священству они очень восхищались; хотя они и стремились, чтобы тепло его чувств было излито на Англиканскую церковь, а не на Римскую. Они отдавали себе отчет в преимуществах, которые получили бы их орден, если бы его благочестие можно было направить в новое русло.^[670] Они видели, что в его интересах отказаться от своей религии; и они думали, что для такого жестокого и порочного человека его собственные интересы будут единственным соображением.^[671] Следствием стало то, что в один из самых критических моментов его жизни они предприняли в его пользу большие и успешные усилия; и они не только использовали все свои силы, чтобы отклонить законопроект, которым предлагалось исключить его из права наследования, но когда мера была отклонена, они представили Чарльзу обращение,

поздравляя его с результатом.[672] Когда Джеймс действительно взошел на трон, они продолжали демонстрировать тот же дух. Неизвестно, надеялись ли они все еще на его обращение, или же в своем стремлении преследовать инакомыслящих они упустили из виду опасность для своей собственной церкви; но это один из самых необычных и неоспоримых фактов в нашей истории, что в течение некоторого времени существовал строгий союз между протестантской иерархией и папским королем.[673] Ужасные преступления, ставшие результатом этого соглашения, слишком печально известны. Но что более достойно внимания, так это обстоятельство, которое привело к расторжению этого заговора между короной и церковью. Поводом для ссоры послужила попытка короля в какой-то степени добиться религиозной терпимости. Знаменитым Законом об испытаниях и корпорациях было предписано, чтобы все лица, работающие на правительство, были вынуждены под страхом сурового наказания принимать причастие в соответствии с обрядами английской церкви. Преступление Джеймса заключалось в том, что он теперь опубликовал то, что называлось Декларацией о снисхождении, в которой он объявил о своем намерении приостановить исполнение этих законов.[674] С этого момента позиция двух великих партий полностью изменилась. Епископы ясно понимали, что статуты, которые таким образом пытались отменить, были в высшей степени благоприятны для их собственной власти; и следовательно, по их мнению, составляли существенную часть конституции христианской страны. Они охотно объединились с Иаковом, в то время как он помогал им в преследовании людей, которые поклонялись Богу не так, как они сами.[675] Пока действовал этот договор, они были безразличны к вопросам, которые считали второстепенными. Они молча наблюдали, как король собирал материалы, с помощью которых он надеялся превратить свободное правительство в абсолютную монархию.[676] Они видели, как Джефрис и Кирк пытали своих сограждан; они видели тюрьмы, переполненные заключенными, и эшафот, залитый кровью.[677] Они были очень довольны тем, что некоторые из лучших и способнейших людей королевства подверглись варварскому преследованию; что Бакстера бросили в тюрьму, а Хоу отправили в изгнание. Они хладнокровно наблюдали за самыми отвратительными проявлениями жестокости, потому что жертвами их были противники английской церкви. Хотя умы людей были полны ужаса и отвращения, епископы не жаловались. Они сохранили свою верность непоколебимой и настаивали на необходимости смиренного подчинения помазаннику Господню.[678] Но в тот момент, когда Джеймс предложил защитить от преследований тех, кто был враждебен церкви; в тот момент, когда он объявил о своем намерении разрушить монополию на должности и почести, которые епископы долгое время обеспечивали своей собственной партии; — в тот момент, когда это произошло, иерархия осознала опасности, которые угрожали стране из-за насилия столь деспотичного монарха.[679] Царь возложил руку на ковчег, и стражи храма взяли за оружие. Как могли они терпеть князя, который не позволял им преследовать своих врагов? Как они могли поддерживать государя, который стремился благоволить тем, кто отличался от национальной церкви? Вскоре они определились с линией поведения, которой им следовало придерживаться. Почти единодушно они отказались подчиниться приказу короля, которым он приказал им зачитать в своих церквях эдикт о религиозной терпимости.[680] И на этом они не остановились. Так велика была их вражда к нему, которую они недавно лелеяли, что они фактически обратились за помощью к тем самым инакомыслящим, которых всего несколько недель назад они яростно преследовали; стремясь пышными обещаниями привлечь на свою сторону людей, за которыми они до сих пор охотились даже до смерти.[681] Самые выдающиеся из неконформистов были далеки от того, чтобы быть обманутыми этой внезапной привязанностью.[682] Но их ненависть к папству и их

страх перед скрытыми замыслами короля возобладали над всеми другими соображениями; и возникло то необычное сочетание между церковниками и раскольниками, которое с тех пор никогда не повторялось. Эта коалиция, поддержанная общим голосом народа, вскоре свергла трон и положила начало тому, что по праву считается одним из важнейших событий в истории Англии.

Таким образом, непосредственной причиной той великой революции, которая стоила Якову короны, было опубликование королем эдикта о веротерпимости и последовавшее за этим возмущение духовенства при виде столь дерзкого поступка, совершенного христианским монархом. Это правда, что если бы не сговор других факторов, одно это никогда не привело бы к столь значительным переменам. Но это было непосредственной причиной этого, потому что это было причиной раскола между церковью и престолом, а также союза между церковью и раскольниками. Это факт, который никогда не следует забывать. Мы никогда не должны забывать, что первый и единственный раз, когда Англиканская церковь объявила войну короне, был, когда корона заявила о своем намерении терпимо относиться и в некоторой степени защищать конкурирующие религии страны.^[683] Нет никаких сомнений в том, что Декларация, которая была тогда опубликована, была незаконной и что она была задумана в коварном духе. Но заявления, столь же незаконные, столь же коварные и гораздо более тиранические, в других случаях делались государем, не вызывая гнева духовенства.^[684] Это вещи, над которыми нам полезно поразмыслить. Это уроки неоценимой ценности для тех, кому дано, на самом деле, не направлять, а в какой-то степени изменять ход общественного мнения. Что касается людей в целом, то для них невозможно преувеличивать обязательства, которыми они и все мы обязаны Революции 1688 года. Но пусть они позаботятся о том, чтобы суеверие не смешивалось с их благодарностью. Пусть они восхищаются этим величественным зданием национальной свободы, которое одиноко возвышается в Европе подобно маяку посреди вод; но пусть они не думают, что они чем-то обязаны людям, которые, внося свой вклад в его возведение, стремились к удовлетворению своего собственного эгоизма и укреплению той духовной силы, которую они наивно надеялись обрести с его помощью.

Действительно, трудно представить себе в полной мере импульс, приданный английской цивилизации изгнанием Дома Стюартов. Среди наиболее непосредственных результатов можно упомянуть ограничения, которые были установлены для королевской прерогативы;^[685] важные шаги, которые были предприняты в направлении религиозной терпимости;^[686] замечательные и постоянные улучшения в отправлении правосудия;^[687] окончательная отмена цензуры в прессе;^[688] и, что не привлекло достаточного внимания, быстрый рост тех крупных денежных интересов, благодаря которым, как мы увидим далее, предрассудки суеверных классов были в немалой степени уравновешены.^[689] Таковы основные характеристики правления Вильгельма III.; правление, которое часто искажают и мало понимают,^[690] но о котором действительно можно сказать, что, принимая во внимание его трудности, оно является самым успешным и великолепным за всю историю любой страны. Но эти темы скорее относятся к последующим томам этого труда; и в настоящее время мы заинтересованы только в том, чтобы проследить влияние Революции на ту церковную власть, благодаря которой она была немедленно осуществлена.

Едва духовенству удалось изгнать Иакова, как большинство из них раскаялись в своем поступке.^[691] Действительно, еще до того, как его изгнали из страны, произошло несколько событий, которые заставили их усомниться в политике проводимого ими курса. В течение

последних нескольких недель, когда ему было позволено править, он проявлял признаки растущего уважения к английской иерархии. Архиепископство Йоркское так долго оставалось вакантным, что возникло убеждение, что корона намеревалась либо назначить на него католика, либо наложить арест на его доходы.^[692] Но Джеймс, к радости церкви, теперь занял этот важный пост, выдвинув Лэмплафа, который был хорошо известен как стойкий церковник и ревностный защитник епископальных привилегий.^[693] Незадолго до этого король также отменил приказ, по которому епископ Лондонский был отстранен от исполнения своих обязанностей.^[694] Епископам в целом он дал большие обещания будущих благосклонностей;^[695] некоторые из них, как говорили, должны были быть призваны в его тайный совет; и, тем временем, он отменил эту церковную комиссию, которая, ограничив их власть, вызвала их гнев.^[696] Помимо этого, произошли некоторые другие обстоятельства, которые теперь духовенству предстояло рассмотреть. Ходили слухи, и во все это верили, что Вильгельм не был большим поклонником церковных учреждений; и что, будучи другом терпимости, он скорее стремился уменьшить власть, чем увеличить привилегии английской иерархии.^[697] Было также известно, что он благоволил пресвитерианам, которых Церковь небезосновательно считала своими злейшими врагами.^[698] И когда, в дополнение ко всему этому, Вильгельм, руководствуясь исключительно соображениями целесообразности, фактически отменил епископство в Шотландии, стало очевидно, что, таким образом, отвергнув доктрину божественного права, он нанес сильный удар по тем мнениям, на которых в Англии основывалась церковная власть.^[699]

В то время как эти события будоражили общественное сознание, взоры людей, естественно, были обращены на епископов, которые, хотя и утратили большую часть своей былой власти, все еще пользовались уважением подавляющего большинства людей как хранители национальной религии. Но в этот критический момент они были настолько ослеплены либо своими амбициями, либо предрассудками, что избрали курс, который из всех других был наиболее пагубным для их репутации. Они предприняли внезапную попытку обратить вспять то политическое движение, главными зачинателями которого они сами были. Их поведение в этом случае полностью подтверждает то объяснение их мотивов, которое я уже приводил. Если бы, содействуя тем предварительным мерам, с помощью которых была осуществлена Революция, ими двигало желание освободить нацию от деспотизма, они бы с радостью приветствовали этого великого человека, при приближении которого деспот обратился в бегство. Это то, что сделало бы духовенство, если бы оно любило свою страну больше, чем свой орден. Но они следовали прямо противоположным курсом; потому что они предпочитали мелкие интересы своего собственного класса благосостоянию большей части народа, и потому что они предпочли бы, чтобы страна была угнетена, чем чтобы церковь была унижена. Почти все епископы и духовенство всего несколько недель назад скорее отважились на гнев своего монарха, чем зачитали в своих церквях эдикт о веротерпимости, и семь наиболее влиятельных представителей епископального ордена по той же причине добровольно подверглись риску публичного разбирательства в обычных судах страны. Они утверждали, что пошли на этот смелый курс не потому, что им не нравилась терпимость, а потому, что ненавидели тиранию. И все же, когда Вильгельм прибыл в Англию, и когда Яков крадучись покинул королевство, как вор в ночи, те же самые священнослужители выступили против этого великого человека, который, не нанеся ни единого удара, одним своим присутствием спас страну от рабства, которым ей угрожали. Нам нелегко будет найти в современной истории другой пример такой вопиющей непоследовательности, или, скорее, скажем так, таких эгоистичных и безрассудных амбиций.

Ибо это изменение плана отнюдь не было скрыто, а было так открыто продемонстрировано, и причины его были так очевидны, что скандал разгорелся на всю страну. В течение нескольких недель отступничество было завершено. Первым на поле боя выступил архиепископ Кентерберийский, который, стремясь сохранить свой пост, пообещал прислуживать Уильяму. Но когда он увидел, какое направление, вероятно, примут события, он отказался от своего обещания и не признал бы принца, который проявил такое безразличие к священному ордену.[700] Действительно, его гнев был настолько велик, что он резко упрекнул своего капеллана за то, что он осмелился молиться за Уильяма и Мэри, хотя они были провозглашены с полного согласия нации, и хотя корона была вручена им торжественным и обдуманном актом публичного собрания сословий королевства.[701] Хотя таково было поведение примаса Англии, его собратья не желали видеть его в этой великой чрезвычайной ситуации их общей судьбы. От присяги на верность отказался не только архиепископ Кентерберийский, но и епископ Бата и Уэллса, епископ Честерский, епископ Чичестерский, епископ Элийский, епископ Глостерский, епископ Норвичский, епископ Питерборо и епископ Вустерский.[702] Что касается низшего духовенства, то наша информация менее точна; но говорят, что около шестисот из них подражали своим начальникам, отказываясь признать своим королем того, кого избрала страна.[703] Другие члены этой мятежной фракции не желали столь смелой мерой подвергаться тому лишению средств к существованию, с которым, вероятно, столкнулся бы Вильгельм. Поэтому они предпочли более безопасную и бесславную оппозицию, с помощью которой они могли бы поставить в неловкое положение правительство, не навредив себе, и могли бы завоевать репутацию ортодоксии, не подвергаясь мукам мученичества.

Можно легко представить себе эффект, который все это произвело на настроение нации. Теперь вопрос сузился до проблемы, которую каждый простой человек мог сразу понять. С одной стороны, там было подавляющее большинство духовенства.[704] На другой стороне был весь интеллект Англии и все ее самые дорогие интересы. Сам факт того, что такая оппозиция могла существовать, не разжигая гражданской войны, показывал, как растущий интеллект людей ослабил авторитет церковной профессии. Кроме того, оппозиция была не только бесполезной, но и вредной для класса, который ее создавал.[705] Ибо теперь было видно, что духовенство заботилось о людях только до тех пор, пока люди заботились о них. Жестокость, с которой эти разгневанные люди[706] противопоставили себя интересам нации, ясно доказала эгоистичность того рвения против Джеймса, в котором они ранее так высоко ценили. Они продолжали надеяться на его возвращение, интриговать ради него и в некоторых случаях переписываться с ним, хотя они хорошо знали, что его присутствие вызовет гражданскую войну и что его так ненавидели, что он не осмеливался показаться в Англии, если его не защищали войска иностранной и враждебной державы.[707]

Но это был далеко не весь ущерб, который в те тревожные времена церковь нанесла самой себе. Когда епископы отказались принести присягу новому правительству, были приняты меры по отстранению их от престолов; и Уильям без колебаний изгнал силой закона архиепископа Кентерберийского и пятерых его братьев.[708] Прелаты, страдавшие от нанесенного оскорбления, были подстрекаемы к необычной активности. Они громогласно провозгласили, что власть церкви, которая долгое время шла на убыль, теперь угасла.[709] Они отрицали право законодательной власти принять закон против них. Они отрицали право суверена приводить этот закон в исполнение.[710] Они не только продолжали присваивать себе титул епископов, но и приняли меры к увековечиванию раскола, порожденного их собственным насилием. Архиепископ Кентерберийский, как он настаивал на том, чтобы его называли, официально

отказался от своего воображаемого права в руки Ллойда,[711] который все еще считал себя епископом Норвича, хотя Уильям недавно изгнал его со своей кафедры. План этих мятежных священников был затем доведен до сведения Джеймса, который охотно поддержал их план по установлению постоянной вражды в английской церкви.[712] Результатом этого заговора между мятежными прелатами и мнимым королем стало назначение ряда людей, которые выдавали себя за настоящих епископов и которые пользовались уважением каждого, кто предпочитал притязания церкви авторитету государства.[713] Эта ложная преемственность воображаемых епископов продолжалась более века;[714] и, разделив верность церковников, уменьшила власть церкви.[715] В нескольких случаях было продемонстрировано неприличное зрелище двух епископов на одно и то же место; один был выдвинут духовной властью, другой - светской властью. Те, кто считал церковь выше государства, конечно, примкнули к фальшивым епископам; в то время как назначения Вильгельма были признаны той быстро растущей партией, которая предпочитала светские преимущества церковным теориям.[716]

Таковы были некоторые из событий, которые в конце семнадцатого века расширили давно существовавшую пропасть между интересами нации и интересами духовенства.[717] Было и еще одно обстоятельство, которое значительно усилило это отчуждение. Многие английские священнослужители, хотя и сохранили свою привязанность к Джеймсу, предпочли не подвергаться гневу правительства и не рисковать лишиться средств к существованию. Чтобы избежать этого и примирить свою совесть со своими интересами, они воспользовались предполагаемым различием между королем по праву и королем во владении.[718] Следствием этого было то, что, хотя устами они приносили клятву верности Вильгельму, в сердцах они отдавали дань уважения Джеймсу; и, хотя они молились за одного короля в своих церквях, они были обязаны молиться за другого в своих каморках.[719] Благодаря этой жалкой уловке значительная часть духовенства была сразу превращена в скрытых мятежников; и мы знаем со слов современного епископа, что уклончивость, в которой, как известно, были виновны эти люди, была еще одним подспорьем к тому скептицизму, распространение которого он горько осуждает.[720]

По мере продвижения восемнадцатого века великое освободительное движение быстро развивалось. Одним из важнейших церковных ресурсов раньше были Соборы, при которых духовенство, собираясь в единое целое, могло внушительным образом отвергать все, что могло быть враждебным церкви; и, более того, у него была возможность, которой они усердно пользовались, разрабатывать схемы, благоприятные для духовной власти.[721] Но с течением времени это оружие также было отнято у них. В течение нескольких лет после революции Созыв стал всеобщим неуважением;[722] и в 1717 году это знаменитое собрание было, наконец, приостановлено актом короны, справедливо посчитав, что у страны больше не было повода для его проведения.[723] С того периода этому великому совету англиканской церкви ни разу не разрешалось собираться с целью обсуждения своих собственных дел, пока несколько лет назад, при попустительстве слабого правительства, ему не разрешили собраться вновь. Однако перемена в настроении нации была настолько заметной, что этот некогда грозный орган теперь не сохраняет даже подобия своего бывшего влияния; его решений больше не боятся, его дискуссии больше не изучают; и дела страны продолжают вестись без учета тех интересов, которые всего несколько поколений назад каждый государственный деятель считал первостепенно важными.[724]

Действительно, сразу после Революции тенденция развития событий стала слишком очевидной, чтобы ошибиться даже самым поверхностным наблюдателям. Самые способные люди в стране больше не стекались в церковь, а предпочитали те светские профессии, в которых способности с большей вероятностью вознаграждались.[725] В то же время, и как естественная часть великого движения, духовенство увидело, что все должности власти и вознаграждения, которые они привыкли занимать, постепенно выпадают из их рук. Не только в темные века, но даже в пятнадцатом веке они все еще были достаточно сильны, чтобы монополизировать самые почетные и прибыльные должности в империи.[726] В шестнадцатом веке ситуация начала поворачиваться против них и продвигалась с такой устойчивостью, что с семнадцатого века не было ни одного случая, чтобы какой-либо священнослужитель был назначен лордом канцлером;[727] и с начала восемнадцатого века не было ни одного случая, чтобы кто-либо получал какое-либо дипломатическое назначение или, действительно, занимал какой-либо важный пост в государстве.[728] Это растущее влияние непрофессионалов не ограничивалось исполнительной властью. Напротив, мы обнаруживаем, что в обеих палатах парламента действует один и тот же принцип. В ранние и варварские периоды нашей истории одна половина Палаты лордов состояла из светских пэров, другая половина - из духовных.[729] К началу восемнадцатого века духовные пэры, вместо того чтобы составлять половину верхней палаты, сократились до одной восьмой;[730] а в середине девятнадцатого века они еще больше сократились до одной четырнадцатой:[731] таким образом, мы получаем поразительный числовой пример того уменьшения церковной власти, которое является существенным условием современной цивилизации. Точно так же прошло более пятидесяти лет с тех пор, как какой-либо священнослужитель мог занять свое место в качестве представителя народа; Палата общин в 1801 году официально закрыла свои двери для представителей профессии, которые в прежние времена были бы с радостью приняты даже самым гордым и избранным собранием.[732] В Палате лордов епископы по-прежнему сохраняют свои места; но их ненадежное пребывание в Палате лордов повсеместно отмечается, и развитие общественного мнения постоянно указывает на период, который теперь не может быть далеко отдаленным, когда пэры последуют примеру Палаты общин и побудят законодательный орган освободить верхнюю палату от ее духовных членов; поскольку они, по своим привычкам, вкусам и их традиции, очевидно, непригодны для мирских нужд политической жизни.[733]

В то время как ткань суеверий, таким образом, шаталась от внутреннего разложения, и в то время как церковный авторитет, ранее игравший столь важную роль, постепенно уступал место прогрессу знания, внезапно произошло событие, которое, хотя его, естественно, можно было ожидать, очевидно, застало врасплох даже тех, кого оно больше всего интересовало. Я имею в виду, конечно, ту великую религиозную революцию, которая была подходящим дополнением к политической революции, предшествовавшей ей. Раскольники, укрепившиеся после изгнания Иакова, ни в коем случае не забыли тех жестоких наказаний, которым Англиканская церковь в дни своего могущества постоянно подвергала их; и они чувствовали, что теперь настал момент, когда они могли выступить по отношению к ней более смело, чем те, на которые они отваживались до сих пор.[734] Помимо этого, они тем временем получили новые поводы для провокации. После смерти нашего великого короля Вильгельма III трон заняла глупая и невежественная женщина, чья любовь к духовенству в более суеверный век привела бы к опасным последствиям.[735] Несмотря на то, что это было, имела место временная реакция, и во время ее правления к церкви относились с почтением, которое Уильям пренебрегал демонстрировать.[736] Немедленно последовало естественное следствие. Были разработаны

новые меры преследования, и были приняты новые законы против тех протестантов, которые не соответствовали доктринам и дисциплине английской церкви.[737] Но после смерти Анны раскольники быстро сплотились; их надежды возродились,[738] их число продолжало увеличиваться, и, несмотря на противодействие духовенства, раскольники законы, направленные против них, были отменены.[739] Поскольку таким образом они были поставлены на один уровень со своими противниками, и поскольку их характер был испорчен недавно полученными травмами, было ясно, что большая борьба между двумя сторонами неизбежна.[740] Ибо к этому времени затянувшаяся тирания английского духовенства полностью уничтожила те чувства уважения, которые даже в разгар вражды часто сохраняются в сознании; и под влиянием которых, если бы они все еще существовали, противостояние, возможно, удалось бы предотвратить. Но такие мотивы сдержанности теперь презирались; и раскольники, раздраженные непрекращающимися преследованиями,[741] решили воспользоваться падающим могуществом церкви. Они сопротивлялись ей, когда она была сильной; вряд ли можно было ожидать, что они пощадят ее, когда она была слаба. При двух самых замечательных людях восемнадцатого века, Уайтфилде, первом из теологических ораторов,[742] и Уэсли, первом из теологических государственных деятелей,[743] была организована великая религиозная система, которая имела такое же отношение к Англиканской церкви, какое Англиканская церковь имела к Римской церкви. Таким образом, с интервалом в двести лет в нашей стране была произведена вторая духовная реформация. В восемнадцатом веке Уэсли были для епископов тем же, чем в шестнадцатом веке были реформаторы для пап.[744] Действительно, диссиденты из Англиканской церкви, в отличие от диссидентов из Римской церкви, вскоре утратили ту интеллектуальную энергию, которой они поначалу отличались. Со времени смерти своих великих лидеров они не произвели на свет ни одного оригинального гениального человека; а со времен Адама Кларка среди них не было ни одного ученого, пользовавшегося европейской репутацией. Эта умственная скудость, возможно, объясняется не какими-либо обстоятельствами, характерными для их секты, а просто общим упадком теологического духа, из-за которого были ослаблены не только они сами, но и их противники.[745] Как бы то ни было, во всяком случае, несомненно, что ущерб, который они нанесли английской церкви, намного больше, чем обычно предполагается, и, я склонен думать, вряд ли уступает тому, который в шестнадцатом веке протестантизм нанес папству. Оставляя в стороне фактическую потерю числа своих членов,[746] не может быть никаких сомнений в том, что простое формирование протестантской фракции, не встречающей сопротивления со стороны правительства, было опасным прецедентом; и мы знаем из современной истории, что так считали те, кто был больше всего заинтересован в результате.[747] Кроме того, уэсли продемонстрировали организацию, настолько превосходящую организацию их предшественников пуритан, что вскоре они стали центром, вокруг которого враги церкви могли удобно сплотиться. И, что, возможно, еще важнее, порядок, регулярность и публичность, которыми обычно отличались их действия, отличали их от других сект; и, возвышая их, так сказать, до достоинства конкурирующего учреждения, способствовали ослаблению того исключительного и суеверного уважения, которое когда-то оказывалось англиканской иерархии.[748]

Но эти события, какими бы интересными они ни были, были лишь одним из этапов того обширного процесса, в результате которого церковная власть была ослаблена, и наши соотечественники, таким образом, получили возможность обеспечить религиозную свободу, действительно несовершенную, но намного превосходящую ту, которой обладает любой другой

народ. Среди бесчисленных симптомов этого великого движения были два особенно важных. Это было отделение теологии, сначала от морали, а затем от политики. Отделение от морали произошло в конце семнадцатого века; отделение от политики - до середины восемнадцатого века. И это поразительный пример упадка старого церковного духа, что оба этих великих изменения были начаты самим духовенством. Камберленд, епископ Питерборо, был первым, кто попытался построить систему морали без помощи теологии.[749] Уорбертон, епископ Глостерский, был первым, кто установил, что государство должно рассматривать религию со ссылкой не на откровение, а на целесообразность; и что оно должно отдавать предпочтение любому конкретному вероучению не пропорционально его истинности, а исключительно с учетом его общей полезности.[750] И это не были просто бесплодные принципы, которые последующие исследователи не смогли применить. Мнения Камберленда, максимально выдвинутые Юмом,[751] вскоре были применены Пейли к практическому поведению,[752] и к спекулятивной юриспруденции Бентам и Милль;[753] в то время как мнения Уорбертона, распространяющиеся с еще большей быстротой, повлияли на нашу законодательную политику, и теперь их исповедуют не только передовые мыслители, но даже те обычные люди, которые, живи они на пятьдесят лет раньше, отшатнулись бы от них с неприкрытым страхом.[754]

Таким образом, в Англии богословие было окончательно отделено от двух великих департаментов - этики и государственного управления. Поскольку, однако, это важное изменение поначалу носило не практический, а исключительно интеллектуальный характер, его действие в течение многих лет ограничивалось небольшим классом и еще не привело ко всем тем результатам, которые у нас есть все основания ожидать. Но были и другие обстоятельства, которые развивались в том же направлении и которые, будучи известны всем людям сносно образованным, производили последствия более непосредственные, хотя, возможно, и менее постоянные. Проследить их детали и указать на связь между ними будет задачей части будущих томов этой работы: в настоящее время я могу лишь кратко остановиться на основных чертах. Из них наиболее известными были: великий Арианский, что, опрометчиво затеянная Уайстон, Кларк, и аквапарк Waterland, распространены сомнения среди почти всех классов;[755] в Bangorian полемику, которая, связанных с вопросами церковной дисциплины доселе нетронутой, привело к дискуссии опасны для власти церкви;[756] великая работа Блакбурне на исповеди, который в один момент едва не вызвал раскол в создании самого;[757] знаменитый спор ожидал, между Миддлтон, Церкви и Dodwell, продолжил, с еще большим видом, по Юму, Кэмпбелл, и Дуглас; [758] экспозиция грубых нелепостей отцов, которые уже начали Daillé и Barbeyrac, после чего пещера, Миддлтон, и Jortin; важные и не опровергнутые заявления Гиббон в своей пятнадцатой и шестнадцатой главах; дополнительные прочность, возложенных на тех глав, хромые атаки Дэвиса, Chelsum, Уитакер, и Уотсон;[759] а, не говоря уже уступает вопросы, века была закрыта на фоне непонимания, что решающие противоречия между Porson и Трэвис, соблюдая текста небесных свидетелей, которые волновали огромное внимание,[760] и был сразу же сопровождается открытиями геологов, в которой была не только верность Моисеева космогония оспоренный, но ее точность была показана невозможно.[761] Эти события, следующие одно за другим в быстрой и поразительной последовательности, поколебали веру людей, нарушили их легкомысленную доверчивость и произвели на общественное сознание воздействие, которое могут оценить только те, кто изучал историю того времени по ее первоисточникам. Действительно, их нельзя понять даже в общих чертах, если не принять во внимание некоторые другие обстоятельства, с которыми был тесно связан великий прогресс.

Ибо тем временем начались огромные перемены не только среди спекулятивных умов, но и среди самих людей. Рост скептицизма стимулировал их любопытство, а распространение образования давало средства для его удовлетворения. Следовательно, мы обнаруживаем, что одной из ведущих характеристик восемнадцатого века, которая в высшей степени отличала его от всего предшествующего, была жажда знаний со стороны тех классов, от которых знание до сих пор было закрыто. Именно в ту великую эпоху были впервые созданы школы для низших сословий в единственный день, когда у них было время посещать их,[762] и газеты в единственный день, когда у них было время их читать.[763] Именно тогда в нашей стране впервые были замечены распространяемые библиотеки;[764] и именно тогда искусство книгопечатания, вместо того чтобы быть практически ограниченным Лондоном, начало широко практиковаться в провинциальных городах.[765] Также в восемнадцатом веке были предприняты первые систематические усилия по популяризации наук и облегчению усвоения их общих принципов путем написания трактатов о них в простом и нетехническом стиле:[766] в то же время изобретение энциклопедий позволило свести их результаты воедино и изложить в форме, более доступной, чем любая из ранее использовавшихся.[767] Тогда же мы впервые встречаемся с обзорами периодических изданий по литературе; с помощью которых большие группы практиков приобрели информацию, действительно скудную, но во всех отношениях превосходящую их прежнее невежество.[768] Формирование обществ покупки книг в настоящее время стало повсеместным;[769] и до конца столетия мы слышим о клубах, учрежденных читателями среди трудолюбивых классов.[770] В каждом отделе было проявлено одинаковое нетерпеливое любопытство. В середине восемнадцатого века среди торговцев возникли дискуссионные общества;[771] и за этим последовало еще более смелое нововведение, поскольку в 1769 году было проведено первое публичное собрание, когда-либо проводившееся в Англии, первое, на котором была предпринята попытка просветить англичан относительно их политических прав.[772] Примерно в то же время люди начали изучать судопроизводство в наших судах и доводить его до их сведения через ежедневную прессу.[773] Незадолго до этого возникли политические газеты,[774] и между ними разгорелась острая борьба и двумя палатами парламента за право публикации дебатов; концом которой стало то, что обе палаты, несмотря на помощь короны, потерпели полное поражение; и впервые народ смог изучить работу национального законодательного органа и, таким образом, получить некоторое представление о национальных делах.[775] Едва этот триумф был завершен, как был дан новый стимул обнародованию этой великой политической доктрины личного представительства,[776] которая в конечном итоге должна была увлечь за собой все; и зародыш из которых можно проследить конец семнадцатого века, когда истинная идея личной независимости начала пускать корни и процветать.[777] Наконец, восемнадцатому веку было отведено подать первый пример обращения к людям с призывом выносить решения по тем важным вопросам религии, по которым до сих пор с ними никогда не советовались, хотя теперь повсеместно признано, что к их растущему разуму эти и все другие вопросы в конечном итоге должны быть переданы.[778]

В связи со всем этим произошли соответствующие изменения в самой форме и марке нашей литературы. Жесткий и педантичный метод, к которому издавна привыкли прибегать наши великие писатели, плохо подходил для импульсивного и любознательного поколения, жаждущего знаний и поэтому нетерпимого к неясностям, на которые раньше не обращали внимания. Поэтому в начале восемнадцатого века мощный, но громоздкий язык и длинные, запутанные предложения, столь естественные для наших древних авторов, были, несмотря на

их красоту, внезапно отброшены, и им на смену пришел более легкий и упрощенный стиль, который, будучи более понятным, лучше соответствовал требованиям эпохи.[779]

Расширение знаний, сопровождавшееся, таким образом, большей простотой в способах их передачи, естественно, привело к большей независимости литераторов и большей смелости в литературных исследованиях. До тех пор, пока книги, либо из-за сложности их стиля, либо из-за общей неискушенности людей, находили мало читателей, было очевидно, что авторам приходится полагаться на покровительство государственных органов или богатых и титулованных особ. И поскольку мужчины всегда склонны льстить тем, от кого они зависят, слишком часто случалось, что даже наши величайшие писатели prostituteвали свои способности, подлизываясь к предрассудкам своих покровителей. Следствием этого было то, что литература, столь далекая от того, чтобы нарушать древние суеверия и побуждать умы к новым исследованиям, часто принимала робкий и раболепный вид, естественный для ее подчиненного положения. Но теперь все это изменилось. Эти раболепные и постыдные посвящения;[780] этот подлый и пресмыкающийся дух; это непрестанное преклонение перед простым рангом и рождением; это постоянное смешение силы и права; это невежественное восхищение всем старым и это еще более невежественное презрение ко всему новому: все эти черты постепенно ослабевали: и авторы, полагаясь на пользуясь покровительством народа, они начали отстаивать притязания своих новых союзников со смелостью, на которую они не отважились бы ни в одну предыдущую эпоху.[781]

Из всего этого вытекали последствия огромной важности. Благодаря этому упрощению, независимости и распространению[782] знаний неизбежно случилось так, что проблема тех великих споров, на которые я ссылался, стала в восемнадцатом веке более широко известной, чем это было возможно в любом предыдущем столетии. Теперь было известно, что постоянно поднимались богословские и политические вопросы, в которых гений и ученость были на одной стороне, а ортодоксия и традиция - на другой. Стало известно, что обсуждавшиеся вопросы касались не только достоверности конкретных фактов, но и истинности общих принципов, с которыми были тесно связаны интересы и счастье человека. Споры, которые до сих пор касались лишь очень небольшой части общества, начали распространяться повсюду и порождать сомнения, которые послужили материалом для национальной мысли. Следствием этого было то, что дух исследования с каждым годом становился все активнее и шире; стремление к реформам постоянно возрастало; и если бы делам было позволено течь своим естественным чередом, восемнадцатый век не мог бы пройти без решительных и благотворных перемен как в церкви, так и в государстве. Но вскоре после середины этого периода, к сожалению, возник ряд политических комбинаций, которые нарушили ход событий и в конечном итоге вызвали кризис, настолько опасный, что для любого другого народа он, несомненно, закончился бы либо потерей свободы, либо роспуском правительства. Эта катастрофическая реакция, от последствий которой Англия, возможно, едва оправилась, никогда не изучалась с той тщательностью, какой требует ее важность; более того, она так мало изучена, что ни один историк не проследил противоречия между ней и тем великим интеллектуальным движением, контуры которого я только что набросал. По этой причине, а также с целью придания большей полноты настоящей главе, я намерен рассмотреть ее наиболее важные эпохи и указать, насколько смогу, на то, каким образом они связаны друг с другом. Согласно схеме этого Введения, такое исследование, конечно, должно быть очень поверхностным, поскольку его единственная цель - заложить фундамент для тех общих принципов, без которых история является простым набором эмпирических наблюдений,

несвязанных и, следовательно, неважных. Следует также помнить, что, поскольку обстоятельства, которые мы собираемся рассмотреть, были не социальными, а политическими, мы более склонны ошибаться в наших выводах относительно них; и это отчасти потому, что материалы для истории народа более обширны, более косвенны и, следовательно, менее подвержены искажениям, чем материалы для истории правительства; и отчасти потому, что поведение небольших групп людей, таких как министры и короли, всегда более капризно, то есть менее регулируется известными законами, чем поведение тех больших групп, которые в совокупности называются обществом или нацией.[783] С этим предупредительным замечанием я сейчас попытаюсь проследить, что с чисто политической точки зрения является реакционным и регрессивным периодом английской истории.

Следует рассматривать как самое счастливое обстоятельство, что после смерти Анны[784] Почти пятьдесят лет трон занимали два принца, чужие по манерам и по стране, из которых один говорил на нашем языке, но безразлично, а другой его совсем не знал.[785] Непосредственные предшественники Георга III. действительно, они обладали настолько вялым нравом и были настолько глубоко невежественны в отношении людей, которыми они взялись управлять,[786] что, несмотря на их деспотичный нрав, не было никакой опасности, что они организуют партию для расширения границ королевской прерогативы.[787] И поскольку они были иностранцами, у них никогда не было достаточной симпатии к английской церкви, чтобы побудить их помочь духовенству в их естественном желании восстановить свою былую власть.[788] Помимо этого, капризное и нелояльное поведение многих иерархов, должно быть, имело тенденцию к отчуждению от суверена, поскольку это уже стоило им любви народа.[789]

Эти обстоятельства, хотя сами по себе они могут считаться незначительными, на самом деле имели огромное значение, потому что они обеспечили в стране развитие того духа исследования, который, если бы между короной и церковью существовала коалиция, ее попытались бы задушить. Несмотря на это, время от времени предпринимались некоторые попытки; но они были сравнительно редки, и им не хватало энергии, которой они обладали бы, если бы существовал тесный союз между светскими и духовными властями. Действительно, положение дел было настолько благоприятным, что фракция старых тори, прижатая народом и покинутая короной, более сорока лет не могла принимать никакого участия в правительстве.[790] В то же время, как мы увидим ниже, значительный прогресс был достигнут в законодательстве; и наш свод законов за этот период содержит достаточно свидетельств упадка могущественной партии, которая когда-то безраздельно управляла Англией.

Но из-за смерти Георга II. политический аспект внезапно изменился, и желания суверена снова стали противоречить интересам народа. Что делало это более опасным, так это то, что для поверхностного наблюдателя восшествие на престол Георга III. было одним из самых удачных событий, которые могли произойти. Новый король родился в Англии, говорил по-английски как на родном языке,[791] и, как говорили, рассматривал Ганновер как иностранную страну, интересы которой следует рассматривать как второстепенные.[792] В то же время последние надежды Дома Стюартов теперь были разрушены;[793] сам претендент томился в Италии, где вскоре после этого умер; а его сын, раб пороков, которые, казалось, были наследственными в этой семье, проводил свою жизнь в безжалостной безвестности.[794]

И все же эти обстоятельства, казавшиеся такими благоприятными, неизбежно влекли за собой самые катастрофические последствия. Опасаясь, что спорный вопрос о престолонаследии будет устранен, государь осмелился пойти по пути, на который в противном случае он бы не отважился.[795] Все эти чудовищные доктрины о правах королей, которые, как предполагалось, уничтожила Революция, внезапно возродились.[796] Духовенство, отказавшись от безнадежного теперь дела Самозванца, проявило к Ганноверскому дому такое же рвение, какое прежде проявляло к Дому Стюартов. Кафедры оглашались восхвалениями нового короля, его семейных добродетелей, его благочестия, но прежде всего его искренней привязанности к английской церкви. Результатом стало установление союза между двумя партиями, более тесного, чем любой из тех, что наблюдались в Англии со времен Карла I.[797] Под их эгидой старая фракция тори быстро сплотилась и вскоре смогла лишить своих соперников руководства правительством. Этому реакционному движению в значительной степени способствовал личный характер Георга III, ибо он, будучи как деспотичным, так и суеверным, в равной степени стремился расширить прерогативы и укрепить церковь. Любое либеральное чувство, все, что приближалось к реформе, более того, даже простое упоминание о расследовании было мерзостью в глазах этого ограниченного и невежественного принца. Без знаний, без вкуса, даже без проблеска какой-либо науки или чувства к одному из изящных искусств образование ничего не сделало для расширения ума, который природа ограничила больше, чем обычно.[798] Совершенно не разбираясь в истории и ресурсах зарубежных стран и едва зная их географическое положение, он едва ли обладал более обширной информацией о народе, которым он был призван править. В той огромной массе свидетельств, дошедших до нас и состоящих из всех описаний частной переписки, записей частных разговоров и публичных актов, нельзя найти ни малейшего доказательства того, что он знал что-либо из тех многочисленных вещей, которые должен знать губернатор страны; или, более того, что он был знаком хотя бы с одной обязанностью своего положения, за исключением простой механической рутины обычных дел, которой мог бы заниматься самый низший клерк в самой низкой должности в его королевстве.

Курс действий, которому, вероятно, последует такой король, как этот, можно было легко предвидеть. Он собрал вокруг своего трона ту великую партию, которая, цепляясь за традиции прошлого, всегда хвасталась тем, что сдерживает прогресс своего века. За шестьдесят лет своего правления он, за единственным исключением Питта, никогда добровольно не допускал в свои советы ни одного человека больших способностей;[799] ни одного, чье имя ассоциировалось бы с каким-либо показателем ценности как во внутренней, так и во внешней политике. Даже Питт сохранил свое положение в государстве только благодаря тому, что забыл уроки своего прославленного отца и отказался от тех либеральных принципов, в которых он был воспитан и с которыми он вступил в общественную жизнь. Потому что Георг III. ненавидя идею реформы, Питт не только отказался от того, что он ранее объявил абсолютно необходимым,[800], но и, не колеблясь, до смерти преследовал партию, с которой он когда-то был связан, чтобы добиться этого.[801] Потому что Георг III. рассматривая рабство как один из тех старых добрых обычаев, которые были освящены мудростью его предков, Питт не осмелился использовать свою власть для его отмены, но оставил своим преемникам славу уничтожения этого позорного ремесла, на сохранение которого его царственный повелитель положил свое сердце.[802] Поскольку Георг III ненавидел французов, о которых он знал столько же, сколько о жителях Камчатки или Тибета, Питт, вопреки своему собственному суждению, ввязался в войну с Францией, в результате которой Англия оказалась в серьезной опасности, а английский народ

обременен долгом, который не смогут выплатить даже самые отдаленные потомки.[803] Но, несмотря на все это, когда Питт всего за несколько лет до своей смерти проявил решимость уступить ирландцам некоторую малую долю их несомненных прав, король отстранил его от должности; и друзья короля, как их называли,[804] выразили свое возмущение самонадеянностью министра, который мог пойти наперекор желаниям столь доброго и милосердного хозяина.[805] И когда, к несчастью для собственной славы, этот великий человек решил вернуться к власти, он мог восстановить свой пост, только уступив тот самый пункт, по которому он отказался от него; таким образом, подавая пагубный пример министра свободной страны, приносящего свои суждения в жертву личным предрассудкам правящего монарха.

Поскольку вряд ли можно было найти других министров, которые к равным способностям добавили бы равное раболепие, неудивительно, что высшие должности постоянно занимали люди заведомой неспособности.[806] Действительно, король, казалось, испытывал инстинктивную антипатию ко всему великому и благородному. Во время правления Георга II. Питт-старший завоевал себе репутацию, охватившую весь мир, и поднял на небывалую высоту славу английского имени.[807] Однако он, как общепризнанный друг народных прав, яростно выступал против деспотических принципов двора; и по этой причине Георг III ненавидел его. с ненавистью, которая, казалось, едва ли была совместима со здравым умом.[808] Фокс был одним из величайших государственных деятелей восемнадцатого века и был лучше, чем кто-либо другой, знаком с характером и ресурсами тех иностранных государств, с которыми были тесно связаны наши собственные интересы.[809] К этому редкому и важному знанию он добавил мягкость и покладистый нрав, которые заслужили похвалы даже его политических противников.[810] Но он тоже был стойким сторонником гражданских и религиозных свобод; и его тоже так ненавидел Георг III., что король собственноручно вычеркнул его имя из списка тайных советников,[811] и заявил, что скорее отречется от престола, чем допустит его к участию в правительстве.[812]

В то время как эта неблагоприятная перемена происходила в монархе и министрах страны, столь же неблагоприятная перемена происходила во второй ветви имперского законодательного органа. До правления Георга III Палата лордов явно превосходила Палату общин по либеральности и общим достижениям своих членов. Это правда, что в обоих домах царил дух, который следовало бы назвать узким и суеверным, если судить по более широким стандартам нынешнего века. Но среди пэров такие чувства умерялись образованием, которое возвышало их намного над теми деревенскими джентльменами и невежественными сквайрами, охотящимися на лис, из которых в то время в основном состояла нижняя палата. Из этого превосходства в их знаниях естественным образом вытекал более широкий и либеральный поворот мысли, чем тот, которым обладали те, кого называли представителями народа. Результатом было то, что дух старых тори, постепенно ослабевавший в верхней палате, нашел убежище в нижней, где в течение примерно шестидесяти лет после революции партия высшей церкви и друзья Стюартов образовывали опасную фракцию.[813] Так, например, двумя людьми, оказавшими наиболее выдающиеся услуги ганноверской династии, а следовательно, и свободам Англии, несомненно, были Сомерс и Уолпол. Оба они отличались принципами терпимости, и своей безопасностью оба были обязаны вмешательству Палаты лордов. В начале восемнадцатого века Сомерс был защищен пэрами от скандального судебного преследования, возбужденного против него другой палатой парламента.[814] Через сорок лет после этого Палата общин, желавшая до смерти выследить Уолпола, поддержала законопроект, поощряющий свидетелей выступать против него, назначая им наказания, которым они могут

быть подвергнуты.[815] Эта варварская мера была принята нижней палатой без малейших затруднений; но в палате лордов она была отклонена перевесом почти два к одному.[816] Точно так же Закон о расколе, которым друзья церкви подвергли раскольников жестокому преследованию,[817] был поспешно проведен через Палату Общин большим и нетерпеливым большинством.[818] Однако в Палате лордов голоса были почти сбалансированы; и хотя законопроект был принят, были добавлены поправки, благодаря которым жестокость его положений была в некоторой степени смягчена.[819]

Это превосходство верхней палаты над нижней в целом неуклонно сохранялось во время правления Георга II.;[820] министры не стремились укрепить партию верховной церкви в палате лордов, а сам король так редко предлагал свежие идеи, что возникло убеждение, что ему особенно не нравится увеличивать их число.[821]

Георгу III было предоставлено путем беспощадного использования своих prerogatives полностью изменить характер верхней палаты и, таким образом, заложить основу для той дурной репутации, в которую с тех пор постоянно падали пэры. Созданные им творения были беспрецедентно многочисленны; их целью, очевидно, было нейтрализовать господствовавший до сих пор либеральный дух и таким образом превратить Палату лордов в механизм противодействия желаниям народа и остановки прогресса реформ.[822] Насколько полностью удался этот план, хорошо известно читателям нашей истории; действительно, он был уверен в успехе, учитывая характер людей, получивших повышение. Они почти полностью состояли из двух классов: сельских джентльменов, не замечательных ничем, кроме своего богатства, и количества голосов, которые их богатство позволяло им контролировать;[823] и простых юристов, которые достигли судебных должностей частично благодаря своим профессиональным знаниям, но главным образом благодаря рвению, с которым они подавляли народные свободы и выступали за королевские prerogatives.[824]

В том, что это не преувеличенное описание, может убедиться любой, кто ознакомится со списками новых пэров, составленными Георгом III. То тут, то там мы находим выдающихся людей, чьи общественные заслуги пользовались такой дурной славой, что было невозможно не вознаградить их; но, оставляя в стороне тех, кого монарху каким-то образом навязали, было бы напрасно отрицать, что остальные, и, конечно, подавляющее большинство, были отмечены узостью и нелиберальностью чувств, которые больше, чем что-либо другое, вызывали презрение всего ордена.[825] Среди поддельной знати, созданной Георгом III, не было ни великих мыслителей, ни великих писателей, ни великих ораторов, ни великих государственных деятелей, ни представителей истинной знати страны. Не лучше были представлены материальные интересы страны и в этом странном составе. Среди самых важных людей Англии те, кто занимался банковским делом и торговлей, занимали высокое место: с конца семнадцатого века их влияние быстро возросло; в то время как их интеллект, четкие, методичные привычки и общее знание дел во всех отношениях превосходили те классы, из которых теперь набиралась верхняя палата. Но в царствование Георга III. на заявления такого рода мало обращали внимания; и Берк, чей авторитет в этом вопросе никто не оспаривает, заверил нас, что никогда не было времени, когда так мало людей, связанных с торговлей, были возведены в ранг пэров.[826]

Было бы бесконечно перечислять все симптомы, отмечающие политическое вырождение Англии в этот период; вырождение тем более поразительное, что оно противоречило духу

времени и происходило вопреки огромному прогрессу, как социальному, так и интеллектуальному. Как этот прогресс в конечном итоге остановил политическую реакцию и даже заставил ее пойти по своим собственным стопам, будет показано в другой части этой работы; но есть одно обстоятельство, от внимания которого я не могу удержаться, поскольку оно представляет собой интереснейшую иллюстрацию тенденции развития общественных отношений и в то же время демонстрирует характер одного из величайших людей и, за исключением одного Бэкона, величайшего мыслителя, который когда-либо посвящал себя практике английской политики.

Малейший набросок правления Георга III. действительно, было бы прискорбно несовершенно, если бы в нем не упоминалось имя Эдмунда Берка. Исследования этого выдающегося человека не только охватывали всю область политических исследований,^[827] но и распространялись на огромное разнообразие предметов, которые, хотя и кажутся не связанными с политикой, на самом деле являются ее важными дополнениями; поскольку для философского ума каждая отрасль знания освещает даже те, которые кажутся наиболее отдаленными от нее. Хвалебная речь, произнесенная ему человеком, который не был скупым судьей людей,^[828] может быть оправдана, и более чем оправдана, отрывками из его работ, а также мнениями самых выдающихся его современников.^[829] Таким образом, в то время как его понимание философии юриспруденции вызвало аплодисменты юристов,^[830] его знакомство со всем спектром и теорией изящных искусств вызвало восхищение художников;^[831] поразительное сочетание двух занятий, которые часто, хотя и ошибочно, считаются несовместимыми друг с другом. В то же время, несмотря на занятия политической жизнью, мы знаем из достоверных источников, что он уделял большое внимание истории и происхождению языков;^[832] обширный предмет, который за последние тридцать лет стал важным источником для изучения человеческого разума, но сама идея которого в широком смысле начала осмысливаться лишь несколькими мыслителями-одиночками. И, что еще более примечательно, когда Адам Смит приехал в Лондон, полный открытий, обессмертивших его имя, он, к своему изумлению, обнаружил, что Берк предвосхитил выводы, созревание которых стоило самому Смиту многих лет напряженного и неустанного труда.^[833]

К этим великим исследованиям, затрагивающим основы социальной философии, Берк добавил значительное знакомство с физической наукой и даже с практикой и распорядком механических профессий. Все это было настолько переварено и обработано в его уме, что было готово на любой случай; не так, как знания обычных политиков, разбитые и растроченные по частям, но сведенные в единое целое, сплавленное гением, который давал жизнь даже самым скучным занятиям. Это, действительно, было характерной чертой Берка: в его руках ничто не было бесплодным. Сила и изобилие его интеллекта были таковы, что они приносили плоды во всех направлениях и могли придать достоинство самым незначительным предметам, показывая их связь с общими принципами и ту роль, которую они должны играть в великой схеме человеческих дел.

Но что всегда казалось мне еще более примечательным в характере Берка, так это исключительная трезвость, с которой он использовал свои экстраординарные знания. В течение лучшей части своей жизни его политические принципы были далеки от умозрительных, а в целом практичны. Это особенно поразительно, потому что у него были все соблазны избрать противоположный курс. Он обладал гораздо более обширным материалом для обобщений, чем любой политик его времени, и обладал умом, в высшей степени склонным к широким взглядам.

Во многих случаях, и действительно, при любой возможности, он проявлял свои способности оригинального и спекулятивного мыслителя. Но как только он ступил на политическую почву, он изменил свой метод. В вопросах, связанных с накоплением и распределением богатства, он увидел, что, исходя из нескольких простых принципов, можно построить дедуктивную науку, доступную для коммерческих и финансовых интересов страны. Дальше этого он отказался продвигаться, потому что знал, что, за этим единственным исключением, все области политики были чисто эмпирическими и, вероятно, еще долго будут оставаться таковыми. Следовательно, он признал во всех смыслах ту великую доктрину, о которой даже в наши дни слишком часто забывают, что целью законодателя должна быть не истина, а целесообразность. Рассматривая действительное состояние знаний, он был вынужден признать, что все политические принципы были выведены путем поспешной индукции из ограниченных фактов; и что, следовательно, мудрый человек, когда он дополняет факты, пересматривает индукцию и, вместо того чтобы приносить практику в жертву принципам, модифицирует принципы, чтобы он мог изменить практику. Или, выражаясь иначе, он утверждает, что политические принципы в лучшем случае являются продуктом человеческого разума; в то время как политическая практика имеет дело с человеческой природой и человеческими страстями, из которых разум является лишь частью;[834] и что, исходя из этого, надлежащее занятие государственного деятеля состоит в том, чтобы изобретать средства, с помощью которых могут быть достигнуты определенные цели. осуществил, предоставив общему голосу страны определять, какими должны быть эти цели, и формируя свое собственное поведение не в соответствии со своими собственными принципами, а в соответствии с пожеланиями людей, для которых он издает законы и которым он обязан повиноваться.[835]

Именно эти взгляды и необычайные способности, с которыми они отстаивались, делают появление Берка запоминающейся эпохой в нашей политической истории.[836] У нас, без сомнения, были и другие государственные деятели до него, которые отрицали значимость общих принципов в политике; но их отрицание было всего лишь счастливой догадкой невежества, и они отвергали теории, которые никогда не брали на себя труд изучать. Берк отверг их, потому что знал их. Его редкой заслугой было то, что, несмотря на все побуждения полагаться на свои собственные обобщения, он устоял перед искушением; что, хотя он был богат всевозможными политическими знаниями, он подчинял свои мнения ходу событий; что он признавал целью правительства не сохранение определенных институтов или распространение определенных догматов, а счастье народа в целом; и, прежде всего, что он настаивал на подчинении народным желаниям, чего не делал ни один государственный деятель до него и о чем слишком многие государственные деятели после него забыли. Наша страна, действительно, все еще полна тех вульгарных политиканов, против которых возвысил свой голос Берк; слабых и поверхностных людей, которые, потратив свои небольшие силы на сопротивление прогрессу реформ, оказываются в конце концов вынужденными уступить; а затем, как только они исчерпали хитрость своих мелких планов и своими запоздалыми и нелюбезными уступками посеяли семя будущего недовольства, они обращаются к эпохе, которая поставила их в тупик; они оплакивают вырождение человечества; они оплакивают упадок человечества. общественного духа; и они оплакивают судьбу народа, который был настолько безразличен к мудрости своих предков, что вмешивался в конституцию, уже потрепанную вековой давностью.

Те, кто изучал правление Георга III. вы легко поймете огромное преимущество наличия такого человека, как Берк, который противостоит этим жалким заблуждениям; заблуждениям, которые

были фатальными для многих стран и не раз чуть не погубили нашу собственную.[837] Они также поймут, что, по мнению короля, этот великий государственный деятель был в лучшем случае красноречивым оратором, которого следует отнести к одной категории с Фоксом и Чатемом; все трое гениальные люди, но ненадежные, неустойчивые, совершенно непригодные для серьезных забот и никоим образом не рассчитанные на такую высокую честь, как прием в королевские советы. Фактически, за те тридцать лет, что Берк был вовлечен в общественную жизнь, он ни разу не занимал должности в кабинете министров;[838] и единственные случаи, когда он занимал даже подчиненный пост, были в те очень короткие промежутки времени, когда политические колебания вынуждали назначать либеральное министерство.

Действительно, роль Берка в государственных делах, должно быть, очень раздражала короля, который считал все хорошее старым и все правильное установленным.[839] Ибо этот замечательный человек настолько опередил своих современников, что мало найдется великих достижений нынешнего поколения, которые он не предвосхитил бы и рьяно не защищал. Он не только атаковал абсурдные законы против предупреждения и повторной регистрации,[840] но, выступая за свободу торговли, он подорвал основы всех подобных запретов.[841] Он поддерживал те справедливые требования католиков,[842] которые при его жизни упорно отвергались; но которые были признаны спустя много лет после его смерти, как единственное средство сохранения целостности империи. Он поддержал петицию раскольников о том, чтобы их освободили от ограничений, которым они подвергались в интересах Англиканской церкви.[843] В другие политические ведомства он внес тот же дух. Он выступал против жестоких законов против неплатежеспособных,[844] которыми во времена Георга III наш свод законов все еще был искажен; и он тщетно пытался смягчить уголовный кодекс,[845] возрастающая суровость которого была одной из худших черт того плохого правления.[846] Он хотел отменить старый план пожизненного набора солдат;[847] варварская и невежливая практика, поскольку английское законодательное собрание начало воспринимать несколько годы спустя.[848] Он напал на работорговлю;[849] который, будучи древним обычаем, король пожелал сохранить как часть британской конституции.[850] Он опроверг,[851] но из-за предрассудков эпохи не смог опровергнуть опасную власть, которой обладают судьи, которые при уголовном преследовании за клевету, ограничили присяжных простым вопросом публикации; таким образом, взяв реальную проблему в свои руки и сделав себя вершителями судеб тех, кому посчастливилось оказаться на их скамье подсудимых.[852] И, что многие сочтут не последним из его достоинств, он был первым в том длинном ряду финансовых реформаторов, которым мы глубоко обязаны.[853] Несмотря на трудности, возникшие на его пути, он провел через парламент серию законопроектов, которыми несколько бесполезных мест были полностью упразднены, и в единственном офисе генерального казначейства стране была обеспечена экономия в размере 25 000 фунтов стерлингов в год.[854]

Одного этого достаточно, чтобы объяснить враждебность принца, который хвастался, что завещает правительство своему преемнику в том же состоянии, в каком он его получил. Было, однако, еще одно обстоятельство, которое еще больше уязвило королевские чувства. Решимость короля угнетать американцев была настолько печально известна, что, когда война действительно разразилась, ее называли 'королевской войной', а тех, кто выступал против нее, считали личными врагами своего государя.[855] Однако в этом, как и во всех других вопросах, поведение Берка регулировалось не традициями и принципами, такими как Георг III. лелеемый, но с точки зрения общей целесообразности. Берк, формируя свое мнение относительно этого позорного состязания, отказался руководствоваться аргументами, уважающими права любой

из сторон.[856] Он не стал бы вступать ни в какие дискуссии относительно того, имеет ли метрополия право облагать налогом свои колонии, или же колонии имеют право облагать налогом самих себя. Такие моменты он оставил на обсуждение тех политиков, которые, притворяясь, что руководствуются принципами, на самом деле находятся в плену предрассудков.[857] Со своей стороны, он был доволен тем, что сравнил затраты с выгодой. Берку было достаточно того, что, принимая во внимание мощь наших американских колоний, принимая во внимание их удаленность от нас и принимая во внимание вероятность оказания им помощи со стороны Франции, было нежелательно использовать власть; и, следовательно, было бесполезно говорить о праве. Поэтому он выступал против налогообложения Америки не потому, что оно было беспрецедентным, а потому, что оно было нецелесообразным. Как естественное следствие, он также выступил против законопроекта о Бостонском порту и этого позорного законопроекта о запрете любых сношений с Америкой, который не случайно называли планом уничтожения от голода; насильственных мер, с помощью которых король надеялся обуздать колонии и сломить дух этих благородных людей, которых он ненавидел даже больше, чем боялся.

То, что такой человек, как Берк, посвятивший политике способности, равные гораздо более благородным вещам, в течение тридцати лет не получал от своего принца ни благосклонности, ни награды, безусловно, является характерной чертой тех времен. Но Георг III. был королем, которому доставляло удовольствие возвышать смиренных и кротких. Его правление, действительно, было золотым веком успешной посредственности; веком, когда мелкие люди пользовались благосклонностью, а великие подавлялись; когда Аддингтона ценили как государственного деятеля, а Битти отправляли на пенсию как философа; и когда во всех сферах общественной жизни первыми условиями продвижения по службе были заискивание перед старыми предрассудками и поддержка установленных злоупотреблений.

Такое пренебрежение к самому выдающемуся из английских политиков в высшей степени поучительно; но последовавшие за этим обстоятельства, хотя и чрезвычайно болезненные, представляют еще более глубокий интерес и заслуживают внимания тех, чей склад ума побуждает их изучать интеллектуальные особенности великих людей.

Ибо на таком расстоянии во времени, когда его ближайших родственников больше нет, было бы притворством отрицать, что Берк в последние несколько лет своей жизни впадал в состояние полных галлюцинаций. Когда разразилась Французская революция, его разум, уже ослабевший под тяжестью непрерывного труда, не мог выдержать созерцания события столь беспрецедентного, столь ужасающего и угрожающего результатами такого ужасающего масштаба. И когда преступления той великой революции, вместо того чтобы уменьшиться, продолжали увеличиваться, именно тогда чувства Берка наконец взяли верх над его разумом; равновесие пошатнулось; пропорции этого гигантского интеллекта были нарушены. С этого момента его сочувствие нынешним страданиям было настолько сильным, что он потерял всякую память о тирании, которой были спровоцированы эти страдания. Его разум, когда-то такой устойчивый, так мало подверженный влиянию предрассудков и страстей, пошатнулся под давлением событий, которые перевернули умы тысяч людей.[859] И тот, кто сравнит дух его последних работ с датами их публикации, увидит, насколько эта меланхолическая перемена усугубилась той горькой утратой, от которой он так и не оправился, и которой одной было достаточно, чтобы поколебать понимание того, в ком суровость разума была так смягчена, так приятно уравновешена теплотой автора. о своих привязанностях. Поистине, никогда нельзя

забыть эти трогательные, эти изысканные намеки на смерть единственного сына, который был радостью его души и гордостью его сердца и которому он нежно надеялся завещать свое нетленное имя. Мы никогда не сможем забыть тот образ опустошения, под которым благородный старик представлял свое неизмеримое горе: "Я живу в перевернутом порядке. Те, кто должен был стать моим преемником, ушли раньше меня. Те, кто должны были стать для меня потомками, заняли место предков.... Буря миновала меня, и я лежу, как один из тех старых дубов, которые разметал вокруг меня недавний ураган. Я лишен всех своих почестей; я вырван с корнем и лежу распростертый на земле".[860]

Возможно, было бы проявлением нездорового любопытства попытаться приподнять завесу и проследить упадок столь могущественного ума.[861] Действительно, во всех подобных случаях большая часть свидетельств исчезает; ибо те, у кого есть наилучшие возможности свидетельствовать о немощах великого человека, - это не те, кто больше всего любит рассказывать о них. Но несомненно, что перемена впервые была отчетливо заметна сразу после начала Французской революции; что она усугубилась смертью его сына; и что она становилась все хуже, пока смерть не закрыла сцену.[862] В его *размышлениях о Французской революции*; в его *замечаниях о политике союзников*: в его *письме Эллиоту*; в его *письме Благородному лорду*; и в его *письмах о цареубийственном мире* мы можем отметить последовательные шаги нарастающего и, наконец, неконтролируемого насилия. Ради единственного принципа ненависти к Французской революции он пожертвовал своими старейшими связями и самыми дорогими друзьями. Фокс, как хорошо известно, всегда относился к Берку как к мастеру, из уст которого он извлек уроки политической мудрости.[863] Берк, со своей стороны, полностью признавал огромные способности своего друга и любил его за нежный нрав и за те обаятельные манеры, перед которыми, как часто говорилось, не мог устоять ни один из видевших их. Но теперь, без малейшего намека на личную ссору, эта давняя интимная[864] была грубо разорвана. Поскольку Фокс не отказался от той любви к народной свободе, которую они так долго лелеяли вместе, Берк публично и на своем месте в парламенте заявил, что их дружбе пришел конец; ибо он никогда больше не будет общаться с человеком, который оказывал поддержку французскому народу.[865] В то же время и даже в тот самый вечер, когда это произошло, Берк, который до сих пор отличался вежливостью своих манер,[866] намеренно оскорбил другого своего друга, который вез его домой в своем экипаже; и в состоянии безумного возбуждения настоял на том, чтобы его немедленно высадили посреди ночи под проливным дождем, потому что он не мог, по его словам, оставаться на месте рядом с "другом революционных доктрин Франции".[867]

Также неверно, как некоторые предполагали, что эта мания враждебности была направлена исключительно против преступной части французского народа. Было бы трудно в ту или иную эпоху найти двух более активных или даже восторженно доброжелательных людей, чем Кондорсе и Лафайет. Кроме того, Кондорсе был одним из самых глубоких мыслителей своего времени, и его будут помнить до тех пор, пока среди нас почитают гения.[868] Лафайет, без сомнения, уступал Кондорсе в способностях; но он был близким другом Вашингтона, поведение которого он моделировал самостоятельно,[869] и на чьей стороне он был боролся за свободы Америки: его честность была и остается незапятнанной, а в его характере были рыцарские и благородные черты, которыми Берк в лучшие свои дни восхищался бы в первую очередь.[870] Однако оба были уроженцами этой ненавистной страны, свобод которой они тщетно пытались добиться. По этому поводу Берк объявил Кондорсе виновным в "нечестивой софистике".[871] быть "фанатичным атеистом и яростным республиканцем-демократом";[872] и быть способным

на "самые низкие, а также самые высокие и решительные злодейства".[873] Что касается Лафайета, то, когда была предпринята попытка смягчить жестокое обращение, которому он подвергался со стороны прусского правительства, Берк не только выступил против предложения, внесенного с этой целью в Палату общин, но и воспользовался возможностью грубо оскорбить несчастного пленника, который в то время томился в темнице.[874] Он стал настолько мертв в этом вопросе, даже по отношению к обычным инстинктам нашей природы, что на своем месте в парламенте он не мог найти лучшего способа говорить об этом раненом и благородном человеке, чем назвать его негодяем: "Я бы не стал, - говорит Берк, — я бы не унизил свою человечность, поддерживая заявление в защиту такого человека". ужасный негодяй.[875]

Что касается самой Франции, то это "Замок каннибалов";[876] это "республика ассасинов";[877] это "ад";[878] его правительство состоит из "самых грязных, низких, мошеннических, лживых мошенников";[879] его Национальное собрание - "негодяи";[880] его народ - "союзная армия амазонок и парижан-каннибалов мужского пола";[881] они - "нация убийц";[882] они "низшие представители человечества";[883] они "кровожадные атеисты";[884] они - "банда грабителей";[885] они - "проститутки-изгои человечества";[886] они "отчаянная банда грабителей, убийц, тиранов и атеистов".[887] Идти на малейшие уступки такой стране ради сохранения мира - значит приносить жертвы "на алтари богохульного цареубийства";[888] даже для вступления в переговоры является "выставлением напоказ наших болячек лазаря у дверей каждого гордого слуги французской республики, где придворные псы не соизволят их лизать".[889] Когда наш посол действительно находился в Париже, он "имел честь проводить утро в почтительном присутствии в офисе цареубийцы";[890] и над нами насмехались за то, что мы послали "пэра королевства к отбросам общества".[891] "Франции больше нет места в Европе; она стерта с карты; само ее название следует забыть.[892] Зачем же тогда мужчинам путешествовать в нем? Зачем нашим детям учить его язык? и почему мы должны подвергать опасности мораль наших послов? которые вряд ли смогут не вернуться из такой страны с испорченными принципами и с желанием устроить заговор против своей собственной страны.[893]

Это действительно печально для такого человека, каким когда-то был Берк; но то, что осталось, еще яснее показывает, как изменились ассоциации и состав его ума. Он, который, проявляя гуманность не меньше, чем мудрость, усердно трудился, чтобы предотвратить американскую войну, посвятил последние несколько лет своей жизни разжиганию новой войны, по сравнению с которой война с Америкой была легким и тривиальным эпизодом. В моменты спокойствия никто бы с большей готовностью не признал, что мнения, преобладающие в любой стране, являются неизбежным результатом обстоятельств, в которых оказалась эта страна. Но теперь он пытался изменить эти мнения силой. С самого начала Французской революции он настаивал на праве и даже необходимости заставить Францию изменить свои принципы;[894] и, в более поздний период, он обвинил союзных суверенов в том, что они не продиктовали великому народу правительство, которое они должны принять.[895] Обстоятельства произвели такой хаос в его упорядоченном интеллекте, что ради этого единственного принципа он пожертвовал всеми соображениями справедливости, милосердия и целесообразности. Как будто война, даже в ее самой мягкой форме, не была достаточно ненавистной, он стремился придать ей характер крестового похода[896] который растущее знание давно изгнало: и громко заявляя, что борьба была религиозной, а не мирской, он возродил старые предрассудки, чтобы вызвать новые преступления.[897] Он также заявил, что война должна вестись как для мести, так и для

обороны, и что мы никогда не должны складывать оружие, пока не уничтожим полностью людей, которые совершили Революцию.^[898] И, как будто всего этого было недостаточно, он настаивал на том, что эта, самая ужасная из всех войн, раз уж она началась, не следует торопиться с окончанием; хотя она должна была вестись ради мести, а также ради религии, и ресурсы цивилизованных людей должны были быть увеличены свирепыми страстями крестоносцев, все же ей не суждено было скоро закончиться; она должна была быть длительной; она должна была закончиться так же быстро. должно быть постоянство; оно должно, говорит Берк в духе жгучей ненависти, затянуться в долгой войне: "Я говорю это решительно и с желанием, чтобы это было отмечено в *долгой* войне".^[899]

Это должна была быть война, чтобы заставить великий народ сменить свое правительство. Это должна была быть война, ведущаяся с целью наказания. Это также должна была быть религиозная война. Наконец, это должна была быть долгая война. Был ли когда-нибудь другой человек, желавший обрушить на человечество такие масштабные, изощренные и затяжные бедствия? Такие жестокие, такие безрассудные и в то же время такие обдуманнные мнения, если бы они исходили от здравомыслящего человека, увековечили бы даже самого безвестного государственного деятеля, потому что они навлекли бы на его имя вечный позор. Ибо где мы можем найти, даже среди самых невежественных или самых кровожадных политиков, подобные настроения? И все же они исходят от того, кто всего несколько лет назад был самым выдающимся политическим философом, который когда-либо был в Англии. Нам дано только оплакивать столь благородное крушение. Большого этого никто не должен делать. Мы можем с благоговением созерцать могучие руины; но в тайны их упадка не осмелится вторгнуться ни один человек, если, выражаясь языком величайшего из наших учителей, он не сможет рассказать, как помочь больному разуму, вырвать печали, которые укоренились в памяти, и искоренить неприятности, которые записаны в мозгу.

Для меня облегчение отвлечься от столь болезненной темы, даже если мы опускаемся до мелочной, торгашеской политики английского двора. И действительно, история обращения, которому подвергся самый прославленный из наших политиков, в высшей степени характерна для принца, при котором он жил. В то время как Берк посвящал свою жизнь великой государственной службе, трудясь над реформированием наших финансов, совершенствованием наших законов и совершенствованием нашей коммерческой политики, — в то время как он был занят этими вещами, король относился к нему с холодностью и отвращением.^[900] Но когда великий государственный деятель превратился в разъяренного скандалиста; когда, измученный болезнью, он поставил единственной целью своих преклонных лет разжечь смертельную войну между двумя первыми странами Европы и заявил, что ради этой варварской цели он пожертвует всеми другими вопросами политики, какими бы важными они ни были;^[901] — именно тогда осознание его огромных способностей начало зарождаться в сознании короля. До этого никто не осмеливался распространять во дворце даже шепотом о его заслугах. Однако теперь, в последовательном и, в конечном счете, быстром упадке своих сил, он опустился почти до уровня королевского интеллекта; и теперь он впервые был согрет лучами королевской милости. Теперь он был человеком по сердцу самому королю.^[902] Менее чем за два года до его смерти ему, по прямому желанию Георга III, были назначены две значительные пенсии;^[903] и король даже пожелал возвысить его до звания пэра, чтобы Палата лордов могла воспользоваться услугами столь выдающегося советника.^[904]

Это отступление о характере Берка оказалось длиннее, чем я ожидал; но, я надеюсь, оно не будет сочтено неважным, поскольку, в дополнение к внутреннему интересу предмета, оно иллюстрирует чувства Георга III. по отношению к великим людям, и это показывает, каких мнений считалось необходимым придерживаться в его правление. В продолжении этой работы я прослежу влияние таких мнений на интересы страны, рассматриваемой как целое; но для целей настоящего Введения будет достаточно указать на связь еще в одном или двух из этих выдающихся примеров, характер которых слишком печально известен, чтобы допускать обсуждение.

Из этих ведущих и заметных событий американская война была самым ранним, и на несколько лет она почти полностью поглотила внимание английских политиков. В правление Георга II. было внесено предложение увеличить доходы за счет налогообложения колоний; что, поскольку американцы были совершенно не представлены в парламенте, было просто предложением обложить налогом весь народ, даже не спрашивая его согласия. Этот план общественного грабежа был отвергнут тем способным и умеренным человеком, который тогда стоял во главе дела; и предложение, которое все сочли невыполнимым, было отвергнуто и, по-видимому, действительно едва ли привлекло внимание.^[905] Но то, что считало правительство Георга II. как опасное проявление произвола власти, оно было горячо приветствовано правительством Георга III. Ибо новый король, имея самое завышенное представление о собственной власти и будучи, в силу своего убогого образования, совершенно несведущим в государственных делах, считал, что обложить американцев налогами в пользу англичан было бы шедевром политики. Поэтому, когда старая идея была возрождена, она встретила его сердечное согласие; и когда американцы показали свое намерение сопротивляться этой чудовищной несправедливости, он только еще больше утвердился в своем мнении, что необходимо обуздать их непокорную волю. Нам также не нужно удивляться быстроте, с которой вспыхнули такие гневные чувства. В самом деле, глядя, с одной стороны, на деспотические принципы, которые впервые после Революции возродились при английском дворе, а с другой стороны, на независимый дух колонистов, было невозможно избежать борьбы между двумя партиями; и единственными вопросами были, какую форму примет это соперничество и на чью сторону вероятнее склонится победа.^[906]

Со стороны английского правительства времени даром не терялось. Через пять лет после восшествия на престол Георга III в парламент был внесен законопроект о налогообложении американцев;^[907] перемены в политических делах были настолько полными, что не возникло ни малейших трудностей с принятием меры, которую в правление Георга II не осмелился предложить ни один министр. Раньше такое предложение, если бы оно было сделано, несомненно, было бы отклонено; теперь самые могущественные партии в государстве объединились в его пользу. Король при каждом удобном случае оказывал любезность духовенству, к чему оно не привыкло со времени смерти Анны; поэтому он был уверен в их поддержке, и они ревностно помогали ему в каждой попытке угнетения колоний.^[908] Аристократия, за исключением нескольких ведущих вигов, была на той же стороне и смотрела на налогообложение Америки как на средство уменьшения своих собственных взносов.^[909] Что касается Георга III, то его чувства по этому поводу были печально известны;^[910] и более либеральная партия, еще не оправившаяся от потери власти в результате после смерти Георга II можно было не опасаться трудностей со стороны кабинета министров; хорошо известно, что трон занимал принц, первой целью которого было держать министров в строгой зависимости от

себя, и который, когда это было практически возможно, назначал на должность таких слабых и покладистых людей, которые без колебаний подчинялись его желаниям.[911]

Когда все было подготовлено таким образом, последовали те события, которых следовало ожидать от такой комбинации. Не останавливаясь на деталях, которые известны каждому читателю, можно кратко упомянуть, что при этом новом положении вещей мудрая и терпеливая политика предыдущего правления была сведена на нет, и национальными советами руководили опрометчивые и невежественные люди, которые вскоре обрушили на страну величайшие бедствия и в течение нескольких лет фактически расчленили империю. Чтобы привести в исполнение чудовищное требование о налогообложении целого народа без его согласия, против Америки была развязана война, плохо проведенная, безуспешная и, что гораздо хуже, сопровождавшаяся жестокостями, позорящими цивилизованную нацию.[912] К этому можно добавить, что огромная торговля была почти уничтожена; каждая отрасль торговли была повергнута в смятение;[913] мы были опозорены в глазах Европы; [914] мы понесли расходы в размере 140 000 000 *фунтов стерлингов*.;[915] и мы потеряли, безусловно, самые ценные колонии, которыми когда-либо обладала какая-либо нация.

Таковы были первые плоды политики Георга III. Но зло на этом не остановилось. Мнения, которые было необходимо отстаивать, чтобы оправдать эту варварскую войну, отшатнулись от нас самих. Чтобы защитить попытку уничтожить свободы Америки, были заложены принципы, которые, если бы были приведены в исполнение, подорвали бы свободы Англии. Не только в суде, но и в обеих палатах парламента, с епископальной скамьи и с кафедр церковной партии провозглашались доктрины самого опасного рода — доктрины, непригодные для ограниченной монархии и, по сути, несовместимые с ней. Степень, до которой дошла эта реакция, известна очень немногим читателям, потому что свидетельства этого в основном можно найти в парламентских дебатах и в богословской литературе, особенно в проповедях того времени, ни одна из которых сейчас особо не изучена. Но, не предвосхищая вопросов, относящихся к другой части этой работы, достаточно сказать, что опасность была настолько неминуемой, что заставила самых способных защитников народной свободы поверить, что на карту поставлено все; и что, если американцы будут побеждены, следующим шагом будет нападение на свободы Англии и попытка распространить на метрополию такое же деспотическое правительство, которое к тому времени было бы установлено в колониях.[916]

Были ли эти опасения преувеличены или нет, - это вопрос значительной сложности; но после тщательного изучения того времени, а также изучения источников, которыми историки пользуются нечасто, я чувствую удовлетворение от того, что те, кто лучше всех знаком с тем периодом, охотнее всего признают, что, хотя опасность, возможно, и преувеличивали, она была гораздо серьезнее, чем люди сейчас склонны считать. Во всяком случае, несомненно, что общий аспект политических событий был рассчитан на то, чтобы вызвать большую тревогу. Несомненно, что в течение многих лет авторитет короны продолжал расти, пока не достиг высоты, примера которой не видели в Англии на протяжении нескольких поколений. Несомненно, что Англиканская церковь использовала все свое влияние в пользу тех деспотических принципов, которые король хотел навязать. Также несомненно, что из-за постоянного появления новых пэров, придерживающихся одних и тех же взглядов, характер Палаты лордов претерпевал медленные, но решительные изменения; и что всякий раз, когда появлялась благоприятная возможность, высокие судебные и церковные должности получали люди, известные своей склонностью к королевским прерогативам. Это факты, которые нельзя

отрицать; и, собирая их вместе, я думаю, не остается никаких сомнений в том, что американская война была великим кризисом в истории Англии, и что, если бы колонисты потерпели поражение, наши свободы на какое-то время оказались бы в значительной опасности. От этого риска нас спасли американцы, которые с героическим духом сопротивлялись королевским армиям, разбивали их на каждом шагу и, в конце концов, отделившись от метрополии, начали ту замечательную карьеру, которая менее чем за восемьдесят лет привела их к беспрецедентному процветанию и которая для нас должна быть глубоко интересной, поскольку показывает, чего можно добиться без посторонней помощи со стороны свободного народа.

Через семь лет после того, как это великое соревнование было успешно завершено, и американцы, к счастью для интересов человечества, наконец-то добились своей независимости, другая нация восстала и обратилась против своих правителей. История причин Французской революции будет изложена в другой части этого тома; в настоящее время нам достаточно взглянуть на последствия, которые она произвела на политику английского правительства. Во Франции, как хорошо известно, движение было чрезвычайно быстрым; старые институты, которые были настолько испорчены, что пришли в полную непригодность, были быстро разрушены; и народ, обезумевший от столетий угнетения, совершал самые отвратительные жестокости, омрачая час своего триумфа преступлениями, которые позорили благородное дело, за которое он боролся.

Все это, каким бы ужасным оно ни было, тем не менее составляло часть естественного хода вещей; это была старая история о тирании, возбуждающей месть, а месть ослепляет людей ко всем последствиям, кроме удовольствия от утоления собственных страстей. Если бы при таких обстоятельствах Франция была предоставлена самой себе, революция, как и все другие революции, вскоре утихла бы и возникла форма правления, соответствующая реальному положению вещей. Какой была бы форма, сейчас сказать невозможно; однако это был вопрос, которым ни одна иностранная страна не интересовалась ни в малейшей степени. Должна ли это быть олигархия, или деспотическая монархия, или республика, решать должна была Франция; но, очевидно, ни одна другая нация не должна была решать за нее. Еще менее вероятно, что в столь деликатном вопросе Франция подчинилась бы диктату страны, которая всегда была ее соперницей и которая нередко становилась ее злейшим и успешным врагом.

Но эти соображения, какими бы очевидными они ни были, были утеряны Георгом III и теми классами, которые тогда были на подъеме. Тот факт, что великий народ восстал против своих угнетателей, встревожил совесть высокопоставленных людей. Те же злые страсти и даже тот же злой язык, которые несколько лет назад были направлены против американцев, теперь были обращены против французов; и было слишком ясно, что последуют те же результаты.^[917] В нарушение всех принципов разумной политики английский посол был отозван из Франции просто потому, что эта страна решила покончить с монархией и заменить ее республикой. Это был первый решительный шаг к открытому разрыву, и сделан он был не потому, что Франция нанесла ущерб Англии, а потому, что Франция сменила свое правительство.^[918] Несколько месяцев спустя французы, копируя пример англичан в предыдущем столетии,^[919] привлекли своего короля к публичному суду, приговорили его к смерти и нанесли удар оторвать ему голову посреди его собственной столицы. Следует признать, что этот акт был ненужным, что он был жестоким и что он был крайне невежливым. Но совершенно очевидно, что те, кто согласился на казнь, были ответственны только перед Богом и своей страной; и что любое уведомление об этом из-за границы, которое носило вид угрозы, подняло бы дух Франции, объединило бы все

партии в одну и побудило бы нацию признать своим преступлением преступление, в котором она могла бы иначе раскаяться, но от которого она не могла теперь отречься, не навлекая на себя позора за то, что поддалась диктату иностранной державы.

Однако в Англии, как только стала известна судьба короля, правительство, не дожидаясь объяснений и не требуя никаких гарантий относительно будущего, отнеслось к смерти Людовика как к преступлению против самого себя и властно приказало французским жителям покинуть страну:[920] таким образом, бессмысленно развязав войну, которая длилась двадцать лет и стоила жизней французам. миллионы, повергли всю Европу в смятение и больше, чем какие-либо другие обстоятельства, остановили продвижение цивилизации, отложив на целое поколение те реформы, которые в конце восемнадцатого века ход событий сделал необходимыми.

Европейские результаты этой, самой ненавистной, самой несправедливой и самой жестокой войны, которую Англия когда-либо вела против какой-либо страны, будут рассмотрены ниже:[921] в настоящее время я ограничиваюсь кратким изложением ее ведущих последствий для английского общества.

Что отличает это кровопролитное противостояние от всех предыдущих и что придает ему худшую черту, так это то, что это была в высшей степени война мнений, война, которую мы вели не с целью территориальных приобретений, а с целью подавления того стремления к реформам любого рода, которое теперь стало характерной чертой ведущих стран Европы.[922] Поэтому, как только начались военные действия, у английского правительства возникла двойная обязанность: оно должно было уничтожить республику за границей и предотвратить улучшение ситуации внутри страны. Первую из этих обязанностей оно выполнило, пролив кровь и растратив сокровища Англии, пока не погрузило почти каждую семью в траур и не поставило страну на грань национального банкротства. Другую обязанность оно пыталось выполнить, приняв ряд законов, призванных положить конец свободному обсуждению политических вопросов и задушить тот дух исследования, который с каждым годом становился все более активным. Эти законы были настолько всеобъемлющими и так хорошо рассчитаны для достижения своей цели, что, если бы энергия нации не помешала их надлежащему исполнению, они либо уничтожили бы все остатки народной свободы, либо спровоцировали всеобщее восстание. В самом деле, в течение нескольких лет опасность была настолько неотвратимой, что, по мнению некоторых высокопоставленных лиц, ничто не могло предотвратить ее, кроме смелости, с которой наши английские присяжные своими враждебными вердиктами сопротивлялись действиям правительства и отказывались санкционировать законы, предложенные короной и с которыми робкий и раболепный законодательный орган охотно согласился.[923]

Мы можем составить некоторое представление о масштабах кризиса, рассмотрев шаги, которые на самом деле были предприняты против двух важнейших из всех наших институтов, а именно свободы публичной печати и права собираться на собрания с целью общественного обсуждения. Таковы, с политической точки зрения, две наиболее поразительные особенности, отличающие нас от любого другого европейского народа. До тех пор, пока они сохраняются в неприкосновенности и до тех пор, пока они бесстрашно и часто используются, всегда будет достаточная защита от тех посягательств со стороны правительства, за которыми нельзя слишком ревностно следить и которым подвержена даже самая свободная страна. К этому

можно добавить, что эти институты обладают другими преимуществами высочайшего порядка. Поощряя политические дискуссии, они повышают уровень интеллекта, применяемого в политических делах страны. Они также увеличивают общую мощь нации, заставляя большие классы людей проявлять способности, которые в противном случае бездействовали бы, но которые благодаря этим средствам активизируются и становятся доступными для других целей, представляющих общественный интерес.

Но в период, который мы сейчас рассматриваем, считалось целесообразным, чтобы влияние людей было уменьшено; поэтому считалось неправильным, чтобы они укрепляли свои способности, упражняя их. Пересказ подробностей той ожесточенной войны, которую в конце восемнадцатого века английское правительство вело против всякого рода свободных дискуссий, увел бы меня далеко за пределы этого Введения; и я могу лишь поспешно сослаться на мстительные преследования и, когда бы ни был вынесен вердикт, на мстительные наказания таких людей, как Адамс, Бонни, Кроссфилд, Фрост, Джеральд, Харди, Холт, Ходсон, Холкрофт, Джойс, Кидд, Ламберт, Маргаро, Мартин, Мьюир, Палмер, Перри, Скирвинг, Стэннард, Телуолл, Тук, Уэйкфилд, Уорди, Уинтерботэм: всем им были предъявлены обвинения, и многие из них были оштрафованы, заключены в тюрьму или отправлены в ссылку, потому что они свободно выражали свои чувства и потому что они использовали выражения, которые в наше время совершенно безнаказанно используются ораторами на публичных собраниях и писателями в публичной прессе.

Однако, поскольку присяжные в нескольких случаях отказались вынести обвинительный приговор мужчинам, которые были привлечены к ответственности за эти преступления, было решено прибегнуть к еще более решительным мерам. В 1795 году был принят закон, явно направленный на то, чтобы навсегда положить конец всем популярным дискуссиям как по политическим, так и по религиозным вопросам. Ибо по нему запрещалось любое публичное собрание, если только уведомление о нем не помещалось в газете за пять дней до этого;^[924] такое уведомление должно содержать указание целей собрания, а также времени и места, где оно должно было собраться. И чтобы полностью поставить все это под надзор правительства, было приказано, чтобы не только опубликованное таким образом уведомление было подписано домовладельцами, но и чтобы оригинальная рукопись была сохранена для сведения мировых судей, которым могла потребоваться ее копия: серьезная угроза, которая в те дни была легко понятна.^[925] Было также установлено, что даже после принятия этих мер предосторожности любой судья в отдельности может принудить собрание разойтись, если, по его мнению, высказывания ораторов были рассчитаны на то, чтобы вызвать неуважение к суверену или правительству; в то же время он был уполномочен арестовывать тех, кого он считал нарушителями.^[926] Таким образом, полномочия по роспуску общественного собрания и аресту его лидеров были предоставлены обычному магистрату, и притом без малейших мер против злоупотреблений. Другими словами, право прекращать все публичные дискуссии по наиболее важным темам было передано в руки человека, назначенного короной и смещаемого короной по своему усмотрению. К этому было добавлено, что если собрание будет состоять из двенадцати или более двенадцати человек и они останутся вместе в течение одного часа после того, как им будет приказано разойтись, — в таком случае должно быть назначено смертное наказание, даже если только двенадцать человек не подчинятся этому произвольному приказу единственного и безответственного судьи.^[927]

В 1799 году был принят еще один закон, запрещающий использовать любое открытое поле или место любого рода для чтения лекций или проведения дебатов, если только от магистратов не была получена специальная лицензия на такое место. Аналогичным образом было предписано, чтобы на все общедоступные библиотеки и все читальные залы распространялось одно и то же положение; ни одному лицу без разрешения официальных властей не разрешалось давать напрокат в своем собственном доме газеты, брошюры или даже книги любого рода.^[928] Прежде чем можно было открыть магазины такого рода, необходимо было сначала получить лицензию у двух мировых судей; которая, однако, должна была продлеваться не реже одного раза в год и могла быть отозвана в любой промежуточный период.^[929] Если человек давал книги напрокат без разрешения магистратов или если он разрешал проводить лекции или диспуты "на любую тему" под своей крышей, то за такое тяжкое преступление он должен был быть оштрафован на 100 фунтов в день; и каждый, кто помогал ему, либо председательствуя на обсуждении, либо предоставляя книгу, подлежал наказанию в виде штрафа. каждое нарушение влечет наложение штрафа в размере 20 фунтов стерлингов. Владелец столь пагубного заведения не только пострадал от этих разорительных штрафов, но и был объявлен подлежащим еще большему наказанию как содержатель приюта для беспорядков.^[930]

Для современного уха звучит несколько странно, что владелец публичной читальни должен не только понести непомерные штрафы, но и быть наказан как содержатель беспорядочного заведения; и что все это должно случиться с ним просто потому, что он открыл свою лавку, не спросив разрешения у местных властей. Однако, как это ни странно, во всяком случае, это было последовательно, поскольку составляло часть регулярного плана по постановке не только действий людей, но даже их мнений под прямой контроль исполнительной власти. Таким образом, законы, впервые принятые против газет, были настолько строгими, а преследование авторов - столь безжалостным, что было очевидное намерение разорить каждого публичного писателя, выразившего независимые чувства.^[931] Эти меры и другие подобного характера, о которых будет сказано ниже, вызвали такую тревогу, что, по мнению некоторых наиболее способных наблюдателей, положение общественных дел становилось отчаянным, возможно, непоправимым. Крайнее уныние, с которым в конце восемнадцатого века лучшие друзья свободы смотрели в будущее, очень заметно и является поразительной чертой их частной переписки.^[932] И хотя сравнительно немногие люди отваживаются выражать подобные чувства публично, Фокс, чей бесстрашный характер делал его невнимательным к риску, открыто заявил, что остановил бы правительство, если бы что-нибудь могло это сделать. Ибо этот выдающийся государственный деятель, который не раз был министром, а впоследствии снова был министром, не колеблясь заявил со своего места в парламенте в 1795 году, что, если эти и другие предложенные позорные законы действительно будут приняты, насильственное сопротивление правительству будет всего лишь вопросом благоразумия; и что народ, если он почувствует себя равным в конфликте, будет оправдан в противостоянии произвольным мерам, с помощью которых его правители пытались лишить его свобод.^[933]

Однако ничто не могло остановить стремительную карьеру правительства. Министры, получив большинство в обеих палатах парламента, смогли осуществить свои меры вопреки народу, который выступал против них всеми способами, за исключением реального насилия.^[934] И поскольку целью этих новых законов было сдерживать дух исследований и предотвращать реформы, которые прогресс общества сделал необходимыми, были также задействованы другие средства, служащие той же цели. Не будет преувеличением сказать, что в течение

нескольких лет Англией правила система абсолютного террора.[935] Министры того времени, превратив партийную борьбу в войну за запрет, наполнили тюрьмы своими политическими противниками и позволили обращаться с ними, когда они находились в заключении, с позорной жестокостью.[936] Если человек был известен как реформатор, ему постоянно грозила опасность быть арестованным; а если он этого избегал, за ним следили на каждом шагу, и его личные письма вскрывали, когда они проходили через почтовое отделение.[937] В таких случаях не допускалось никаких колебаний. Была нарушена даже уверенность в семейной жизни. Ни один противник правительства не был в безопасности под собственной крышей, защищенный от рассказов подслушивающих и сплетен слуг. Раздор был внесен в лоно семей, и между родителями и их детьми возникли разногласия.[938] Не предпринимались не только самые энергичные попытки заставить прессу замолчать, но и книготорговцев так постоянно преследовали, что они не осмеливались публиковать произведение, если его автор вызывал недовольство суда.[939] Действительно, тот, кто выступал против правительства, был объявлен врагом своей страны.[940] Политические объединения и публичные собрания были строго запрещены. Каждый популярный лидер подвергался личной опасности; и каждое народное собрание разгонялось либо угрозами, либо военной казнью. Этот ненавистный механизм, знакомый по худшим дням семнадцатого века, был приведен в движение. Шпионам платили, свидетелей подкупали, присяжных было полно.[941] Кофейни, гостиницы и клубы были заполнены правительственными эмиссарами, которые сообщали о самых поспешных выражениях в обычных разговорах.[942] Если с помощью этих средств не удавалось собрать никаких доказательств, существовал другой ресурс, который использовался нещадно. Поскольку действие закона о хабеас-корпус постоянно приостанавливалось, корона имела право заключать в тюрьму без расследования и без ограничений любое лицо, оскорбляющее министерство, но преступление которого не пытались доказать.[943]

Таков был способ, которым в конце восемнадцатого века правители Англии под предлогом защиты институтов страны угнетали народ, только для блага которого эти институты должны были существовать. И даже это был не весь ущерб, который они на самом деле нанесли. Их попытки остановить распространение мнений были тесно связаны с той чудовищной системой внешней политики, которая наложила на нас долг беспрецедентных размеров. Чтобы выплачивать проценты с этого и покрывать текущие расходы, связанные с расточительной и безрассудной администрацией, налоги были наложены почти на каждый продукт промышленности и природы. В подавляющем большинстве случаев эти налоги ложились на большую часть народа,[944] которые, таким образом, были поставлены в исключительно тяжелое положение. Для высших классов, не только отказали остальной части нации в реформах, которые были срочно необходимы, но и вынудили страну оплатить меры предосторожности, которые вследствие отказа было сочтено необходимым предпринять. Таким образом, правительство ограничило свободы народа и растратило плоды его трудолюбия впустую, чтобы защитить этот самый народ от мнений, которые рост его знаний непреодолимо навязал ему.

Неудивительно, что перед лицом этих обстоятельств некоторые из наиболее способных наблюдателей пришли в отчаяние от свобод Англии и поверили, что в течение нескольких лет будет прочно установлено деспотическое правительство. Даже мы, которые, глядя на эти события спустя полвека после того, как они произошли, способны смотреть спокойнее и, более того, обладаем преимуществами более обширных знаний и более зрелого опыта, должны, тем не менее, признать, что в том, что касается политических событий, опасность была более

неизбежной, чем когда-либо со времен правления Карла I. Но что было забыто тогда и что слишком часто забывается сейчас, так это то, что политические события составляют лишь одну из многих частей, составляющих историю великой страны. В рассматриваемый нами период политическое движение, без сомнения, было более угрожающим, чем на протяжении нескольких поколений. С другой стороны, интеллектуальное движение было, как мы видели, весьма благоприятным, и его влияние быстро распространялось. Следовательно, в то время как правительство страны двигалось в одном направлении, знание страны двигалось в другом; и в то время как политические события сдерживали нас, интеллектуальные события подталкивали нас вперед. Таким образом, насаждавшиеся деспотические принципы были в некоторой степени нейтрализованы; и хотя было невозможно предотвратить причинение ими больших страданий, все же результатом этих страданий было усиление решимости людей реформировать систему, при которой такое зло могло быть причинено. Ибо, хотя они и ощущали зло, знание, которое они получили, заставило их увидеть средство от него. Они видели, что люди, стоявшие во главе дел, были деспотичны; но они видели также, что система, должно быть, ошибочна, раз она могла обеспечить таким людям такую власть. Это подтвердило их недовольство и оправдало их решение ввести какие-то новые меры, которые позволили бы их голосам быть услышанными в государственных советах.^[945] И вряд ли нужно добавлять, что резолюция эта становилась все сильнее и сильнее, пока, в конце концов, не привела к тем великим законодательным реформам, которые уже ознаменовали нынешнее столетие, придали новый тон характеру общественных деятелей и изменили структуру английского парламента.

Таким образом, во второй половине XVIII века рост и распространение знаний в Англии были прямо противоположны политическим событиям, которые происходили в течение того же периода. Степень и природу этого антагонизма я попытался объяснить настолько ясно, насколько это позволяют сложность предмета и пределы этого Введения. Мы видели, что, рассматривая нашу страну в целом, очевидная тенденция состояла в том, чтобы ограничить авторитет церкви, знати и короны и таким образом придать больший вес власти народа. Рассматривая, однако, страну не в целом, а просто рассматривая ее политическую историю, мы обнаруживаем, что личные особенности Георга III и обстоятельства, при которых он взошел на трон, позволили ему остановить великий прогресс и в конечном итоге вызвать опасную реакцию. К счастью для судьбы Англии, те принципы свободы, которые он и его сторонники хотели разрушить, еще до его правления стали настолько могущественными и так широко распространились, что они не только сопротивлялись этой политической реакции, но, казалось, получили новую силу в результате борьбы. То, что борьба была тяжелой и в свое время чрезвычайно критической, отрицать невозможно. Однако сила либеральных взглядов, когда они однажды укоренились в массовом сознании, такова, что, несмотря на испытания, которым они подвергались, и несмотря на наказания, которым подвергались их защитники, оказалось невозможным подавить их; оказалось невозможным даже предотвратить их распространение. Доктрины, подрывающие все принципы свободы, лично одобрялись сувереном, открыто признавались правительством и ревностно защищались наиболее могущественными классами; законы, соответствующие этим доктринам, были внесены в наш свод законов и применялись в наших судах. Все, однако, было напрасно. Через несколько лет это поколение начало уходить из жизни; его место заняло лучшее; и система тирании рухнула на землю. И таким образом, во всех странах, которые хотя бы сносно свободны, любая система должна пасть, если она противостоит ходу мнений и дает убежище принципам и институтам, противоречащим духу эпохи. В такого рода состязаниях конечный результат никогда не вызывает сомнений. Ибо сила

деспотичного правительства зависит всего лишь от нескольких человек, которые, каковы бы ни были их способности, после их смерти могут быть заменены робкими и некомпетентными преемниками. Но сила общественного мнения не подвержена этим потерям; на нее не влияют законы смертности; она не процветает сегодня и не приходит в упадок завтра; и она далека от того, чтобы зависеть от жизней отдельных людей, она управляется крупными общими причинами, которые из-за своей всеохватности в короткие периоды едва заметны, но при сравнении длительных периодов оказывается, что они перевешивают все другие соображения и сводят на нет те мелкие уловки, с помощью которых князья и государственные деятели думают нарушить порядок событий и подчинить своей воле общество. судьбы великого и цивилизованного народа.

Это общие истины, которые вряд ли будут подвергнуты сомнению человеком, обладающим компетентным знанием истории и много размышлявшим о природе и условиях современного общества. Но в рассматриваемый нами период наши политические правители совершенно пренебрегали ими, которые не только считали себя способными сдерживать рост мнений, но и совершенно ошибочно понимали саму цель правления. В те дни считалось, что правительство создано для меньшинства, чьим желаниям большинство обязано смиренно подчиняться. Считалось, что право принимать законы всегда должно находиться в руках нескольких привилегированных классов; что нация в целом не имеет отношения к этим законам, кроме как подчиняться им;[946] и что долг мудрого правительства обеспечить послушание людей, не допуская их просвещения путем распространения знаний.[947] Мы, конечно, можем счесть замечательным обстоятельством, что эти понятия и основанные на них законодательные схемы должны были в течение полувека настолько полностью исчезнуть, что их больше не отстаивают даже люди с самыми обычными способностями. Что еще более примечательно, так это то, что эта великая перемена должна была произойти не в результате какого-либо внешнего события или внезапного народного восстания, а благодаря действию моральной силы без посторонней помощи — молчаливому, хотя и подавляющему давлению общественного мнения. Это всегда казалось мне решающим доказательством естественного и, если можно так выразиться, здорового развития английской цивилизации. Это доказательство гибкости и в то же время трезвости духа, какой никогда не демонстрировала ни одна другая нация. Ни одна другая нация не смогла бы избежать такого кризиса, кроме как пройдя через революцию, цена которой вполне могла превысить выгоду. Истина, однако, заключается в том, что в Англии ход событий, который я пытался проследить с шестнадцатого века, распространил среди людей знание своих собственных ресурсов, а также умение и независимость в их использовании, конечно, несовершенные, но все же намного превосходящие те, которыми обладает любая другая из великих европейских стран. Помимо этого, другие обстоятельства, о которых будет рассказано ниже,[948] уже в XI веке начали влиять на наш национальный характер и помогли привить ему ту непоколебимую смелость и, в то же время, те привычки к предвидению и осторожной сдержанности, которым английский ум обязан своими ведущими особенностями. Таким образом, у нас любовь к свободе была умерена духом благоразумия, который смягчил ее неистовство, не уменьшив ее силы. Именно это не раз учило наших соотечественников переносить даже значительные притеснения, а не рисковать восстанием против своих угнетателей. Это научило их держать себя в руках; это научило их беречь свою силу до тех пор, пока они не смогут использовать ее с неотразимым эффектом. Этой великой и ценной привычке мы обязаны безопасностью Англии в конце восемнадцатого века. Если бы люди восстали, они поставили бы на карту все; и каков был бы результат этой отчаянной игры, никто не может

сказать. К счастью для них и для их потомков, они были довольны тем, что подождали еще немного; они были готовы выждать свое время и понаблюдать за развитием событий. За это благородное поведение их потомки пожинают плоды. По прошествии нескольких лет политический кризис начал спадать, и народ вновь вступил в свои прежние права. Ибо, хотя их права были приостановлены, они не были уничтожены просто потому, что все еще существовал дух, благодаря которому они были изначально завоеваны. Никто также не может сомневаться в том, что, если бы те злые дни продлились, тот же дух, который воодушевлял их отцов в царствование Карла I. снова вырвался бы наружу, и общество было бы потрясено революцией, сама мысль о которой ужасает. Тем временем всего этого удалось избежать; и хотя народные волнения действительно возникали в разных частях страны, и хотя меры правительства вызвали недовольство самого серьезного рода,^[949] все же народ, взятый в целом, оставался твердым и терпеливо приберегал свою силу до лучших времен, когда для их блага в государстве была организована новая партия. , которые успешно отстаивали их интересы даже в стенах парламента.

Эта великая и спасительная реакция началась в начале нынешнего столетия; но обстоятельства, которые ее сопровождали, настолько чрезвычайно сложны и были так мало изучены, что я не могу претендовать на то, чтобы в этом Введении предложить хотя бы их краткое описание. Достаточно сказать то, что должно быть общеизвестно, что почти пятьдесят лет движение продолжалось с неослабевающей скоростью. Все, что было сделано, усилило влияние народа. Удар за ударом был направлен против тех классов, которые когда-то были единственными хранителями власти. Билль о реформе, Эмансипация католиков и Отмена Хлебных законов признаются тремя величайшими политическими достижениями нынешнего поколения. Каждая из этих масштабных мер привела к подавлению влиятельной партии. Расширение избирательного права уменьшило влияние наследственного ранга и разрушило ту великую олигархию землевладельцев, которая долгое время управляла Палатой общин. ОтменаЗащиты еще больше ослабила территориальную аристократию; в то время как те суеверные чувства, с помощью которых в основном поддерживается церковный порядок, получили серьезный удар, сначала из-за отмены Законов об испытаниях и корпорациях, а затем из-за допуска католиков в законодательный орган; шаги, которые с полным основанием рассматриваются как создающие прецеденты, имеющие пагубное значение для интересов Официальной Церкви.^[950] Эти меры и другие, которые сейчас, очевидно, неизбежны, отняли и будут продолжать отнимать власть у определенных слоев общества, чтобы передать ее людям в целом. Действительно, быстрый прогресс демократических взглядов - это факт, который в наши дни никто не осмеливается отрицать. Робкие и невежественные люди встревожены этим движением; но то, что такое движение существует, печально известно всему миру. Сейчас никто не осмеливается говорить об обуздании людей или о сопротивлении их объединенным желаниям. Максимум, что говорится, это то, что следует приложить усилия, чтобы проинформировать их об их реальных интересах и просветить общественное мнение; но все допускают, что, как только общественное мнение сформировано, ему больше нельзя противостоять. В этом пункте все согласны; и этой новой власти, которая постепенно вытесняет все другие, теперь повинуются те самые государственные деятели, которые, живи они шестьдесят лет назад, первыми отвергли бы ее авторитет, высмеяли бы ее притязания и, если возможно, лишили бы ее свободы.

Такой большой разрыв, который отделяет публичные люди нашего времени от тех, кто питается в том, что плохая система, которая Георга III. стремились увековечить. И очевидно, что этот

огромный прогресс был достигнут скорее за счет разрушения системы, чем за счет улучшения людей. Также очевидно, что система погибла, потому что она не соответствовала эпохе; другими словами, потому что прогрессивный народ никогда не потерпит непрогрессивного правительства. Но это просто исторический факт, что наши законодатели даже до последнего момента были настолько напуганы идеей инноваций, что отказывались от любой реформы, пока голос народа не поднялся достаточно высоко, чтобы внушить им благоговейный страх и заставить их подчиниться тому, на что без такого давления они бы ни в коем случае не согласились.

Эти вещи должны послужить уроком нашим политическим правителям. Они также должны умерить самонадеянность законодателей и научить их тому, что их наилучшие меры - всего лишь временные средства, искоренение которых будет делом более позднего и зрелого века. Было бы хорошо, если бы подобные соображения подорвали уверенность и заставили замолчать болтливость тех поверхностных людей, которые, придя к временной власти, считают себя обязанными гарантировать определенные институты и отстаивать определенные мнения. Они должны ясно понимать, что в их функции не входит таким образом предвосхищать ход событий и предусматривать отдаленные непредвиденные обстоятельства. В мелочах, действительно, это можно делать без опасности; хотя, как убедительно доказывают постоянные изменения в законах каждой страны, это также делается без пользы. Но по отношению к тем крупным и фундаментальным мерам, которые влияют на судьбу народа, такое предвосхищение хуже, чем бесполезно, — оно в высшей степени вредно. При нынешнем уровне знаний политика, столь далекая от того, чтобы быть наукой, является одним из самых отсталых искусств; и единственный безопасный путь для законодателя - смотреть на свое ремесло как на приспособление временных ухищрений к временным чрезвычайным ситуациям.^[951] Его дело - следовать за эпохой, а вовсе не пытаться руководить ею. Он должен быть удовлетворен изучением того, что происходит вокруг него; и должен изменять свои схемы не в соответствии с представлениями, которые он унаследовал от своих отцов, а в соответствии с реальными требованиями своего времени. Ибо он может положиться на то, что общественные движения в настоящее время стали настолько быстрыми, что нужды одного поколения не являются мерилom потребностей другого; и что люди, побуждаемые сознанием собственного прогресса, устают от праздных разговоров о мудрости своих предков и быстро отбрасывают те банальные и сонные принципы, которые до сих пор навязывались им, но которыми они не согласятся больше беспокоиться.

Сноски:

^[544] О влиянии французской литературы, которая в конце восемнадцатого века проникла в Испанию вопреки церкви и посеяла значительный скептицизм среди наиболее образованных слоев населения, сравните *Льоренте, Hist. de l'Инквизиция*, т. i. с. 322, т. ii. с. 543, т. iv. с. 98, 99, 102, 148; *Письма Добладо из Испании*, стр. 115, 119, 120, 133, 231, 232; *Зарубежные воспоминания лорда Холланда*, редактировать. 1850, с. 76; *История Бразилии Саути*, том iii. стр. 607; и несовременное изложение того же факта в *Истории Элисон. of Europe*, vol. x. стр. 8. Что касается испанских колоний, сравните *Гумбольдта, Nouv. Испания*, том ii. стр. 818, с работой Уорда "*Мексика*", том i. стр. 83.

[545] Почти двести лет назад сэр Уильям Темпл заметил, что в Голландии духовенство обладает меньшей властью, чем в других странах; и что, следовательно, там существует необычная степень терпимости. *Наблюдения над Соединенными Провинциями*, в *Трудах Темпла*, т. i. стр. 157-162. Примерно семьдесят лет спустя к тому же выводу пришел другой проникательный наблюдатель, Ле Блан, который, упомянув о либеральности, которую различные секты проявляли друг к другу в Голландии, добавляет: "Главный смысл единой гармонии в том, что вы являетесь частью нашего режима в области охраны порядка в этих религиях, и в том, что касается суфражизма перед министерствами, не допускайте неосторожности в том, что касается соответствия". *Le Blanc, Lettres d'un Français*, vol. i. p. 73. Я просто привожу их в качестве иллюстраций важного принципа, который я позже докажу.

[546] 'За первые одиннадцать лет ее правления ни один католик не был привлечен к уголовной ответственности за религию'. *История Нила. о пуританах*, том i, стр. 444; и то же замечание в *книге Collier's Eccles. История*. том vii. стр. 252, изд. 1840.

[547] Не цитируя дерзкую защиту, с которой верховный судья Попхэм выступил в 1606 году в защиту варварского обращения с католиками ("*Главные судьи Кэмпбелла*", том i, стр. 225), я приведу слова двух непосредственных преемников Елизаветы. Джеймс I. говорит: 'Дело в том, что, насколько мне известно, покойная королева знаменитой памяти никогда не наказывала ни одного паписта за религию'. *Сочинения короля Якова*, Лондон, 1616, фолио, стр. 252. И Карл I говорит: 'Мне сообщили, что ни королева Елизавета, ни мой отец никогда не признавались, что в их времена какой-либо священник был казнен только за религию'. *Парл. История*. том ii. стр. 713.

[548] Это была защита, созданная в 1583 году в работе под названием "*Исполнение правосудия в Англии*" и приписываемая Берли. Смотрите *Константу Халлама. История*. том i. стр. 146, 147; и *Трактаты Сомерса*, том i. стр. 189-208: 'ряд лиц, которых они называют мучениками', стр. 195; а на стр. 202 автор нападает на тех, кто 'причислил некоторых, пострадавших за государственную измену, к мученикам за религию'. Точно так же противники католической эмансипации в наше время оказались вынуждены отказаться от старой теологической почвы и защищать преследование католиков скорее политическими аргументами, чем религиозными. Лорд Элдон, который был, безусловно, самым влиятельным лидером партии нетерпимости, сказал в речи в Палате лордов в 1810 году, что "законодательные акты против католиков были призваны защитить не от абстрактных взглядов их религии, а от политических опасностей веры, которая признает иностранное превосходство". "*Жизнь Элдона*" *Твисса*, том i, стр. 435; см. также стр. 483, 501, 577-580. Сравните *Историю Элисон*. том vi. стр. 379 и далее, краткое изложение дебатов 1805 года.

[549] Мистер Сьюэлл, похоже, имеет в виду это изменение в своей *христианской политике*, 8vo, 1844, стр. 277. Сравните *заметку Кольриджа в книге Саути "Жизнь Уэсли"*, том i, стр. 270. Способный писатель рассказывает о гонениях, которые в семнадцатом веке Англиканская церковь направила против своих противников: 'Это устаревшее притворство духовенства во всех странах, после того, как они потребовали от правительства принять уголовные законы против тех, кого они называют еретиками или раскольниками, и побудили магистратов к жестокой казни, затем они возлагают всю ненависть на гражданскую власть, для которой у них нет оправдания утверждать, что такие люди пострадали не за религию, а за неповиновение

законам'. *Трактаты Сомерса*, том xii. стр. 534. См. также *Воспоминания Батлера о католиках*, т. i, стр. 389, и т. ii, стр. 44-46.

[550] Первые четыре книги, которые с каждой точки зрения являются наиболее важными, были опубликованы в 1594 году. *"Жизнь Хукера" Уолтона* в *"Экклезиасте" Вордсворта*. *Биог.* том iii. стр. 509. Говорят, что шестая книга не является подлинной; и были высказаны сомнения в отношении седьмой и восьмой книг; но мистер Халлам считает, что они, безусловно, подлинные. *Литература Европы*, том ii. стр. 24, 25.

[551] *Апология Джуэл* была написана в 1561 или 1562 году. См. *"Экклз" Вордсворта*. *Биография*. том iii. стр. 313. Это произведение, Библию и *"Мучеников Фокса"*, в царствование Елизаветы было приказано "установить во всех приходских церквях для чтения народом". *Письма Обри*, том ii. стр. 42. Приказ в отношении *защиты* Джуэл был повторен Джеймсом I. и Чарльзом I. *Записки Батлера о католиках*, том iv. стр. 413.

[552] 'Поэтому естественной мерой, с помощью которой можно судить о наших поступках, является приговор Разума, определяющий и устанавливающий, что хорошего следует сделать'. *Еккл. Политика*, книга i. раздел viii. в *Работах Хукера*, т. i, стр. 99, Он требует от своих оппонентов "не требовать от нас за каждое действие знания какого-либо места Священного Писания, из которого мы обязаны это вывести, поскольку они стремятся подкрепить это различными свидетельствами; но, скорее, поскольку истина такова, признать, что *достаточно, если такие действия будут оформлены в соответствии с законом разума*'. Книга ii. раздел i. *Сочинения*, том i. стр. 151. 'Для людей быть связанными и ведомыми властью, так сказать, в своего рода плену суждения, и, хотя есть основания для обратного, не прислушиваться к ней, но следовать, как звери, за первыми в стаде, они не знают и не заботятся о том, куда идут: это было жестоко. Опять же, то, что авторитет людей должен преобладать над людьми, либо вопреки Разуму, либо выше Его, не является частью нашей веры. Компании ученых людей, какими бы великими и почтенными они ни были, должны подчиняться Разуму.' Книга ii. раздел vii. том i. стр. 182, 183. В книге v. раздел viii. том ii. стр. 23 он говорит, что даже "голос церкви" следует считать ниже разума. Смотрите также длинный отрывок в книге vii. раздел xi. том iii. стр. 152; а о применении разума к общей теории религии см. том i. стр. 220-223, книга iii. раздел viii. И снова, на стр. 226: 'Теология, что это такое, как не наука о божественных вещах? Какой науки можно достичь без помощи естественного дискурса и разума?' И он с негодованием спрашивает тех, кто настаивает на верховенстве веры: "Можем ли мы сделать так, чтобы наша вера без причины казалась разумной в глазах людей?" т. i, с. 230.

[553] After referring to Isaiah, he adds: 'Præter, inquam, hæc omnia, ex historiis et optimorum temporum exemplis videmus pios principes procuracionem ecclesiarum ab officio suo nunquam putasse alienam.

'Moses civilis magistratus, ac ductor populi, omnem religionis, et sacrorum rationem, et accepit a Deo, et populo tradidit, et Aaronem episcopum de aureo vitulo, et de violata religione, vehementer et graviter castigavit. Josue, etsi non aliud erat, quàm magistratus civilis, tamen cùm primùm inauguraretur et præficeretur populo, accepit mandata nominatim de religione, deque colendo Deo.

'David rex, cùm omnis jam religio, ab impio rege Saule prorsus esset dissipata, reduxit arcam Dei, hoc est, religionem restituit: nec tantùm adfuit ut admonitor aut hortator operis, sed etiam psalmos et hymnos dedit, et classes disposuit, et pompam instituit, et quodammodo præfuit sacerdotibus.

‘Salomon rex ædificavit templum Domino, quod ejus pater David animo tantum destinaverat: et postremò orationem egregiam habuit ad populum de religione, et cultu Dei; et Abiatharum episcopum postea summovit, et in ejus locum Sadocum surrogavit.’ *Прошу прощения. Экклз. Английский.* стр. 161, 162.

[554] Он говорит, что, хотя духовенство можно считать более компетентным, чем миряне, в регулировании церковных вопросов, это практически ничего им не даст: "Было бы неестественно не считать, что пастыри и епископы наших душ гораздо более пригодны, чем люди светских профессий и призваний; однако, когда все, что может сделать мудрость всех видов, сделано для разработки законов в церкви, именно общее согласие всех придает им форму и силу законов; без чего они могли бы быть для нас не более чем советами врачей больному". . ‘*Церковное устройство*, книга viii. раздел vi. том iii. стр. 303. Он добавляет, стр. 326: "Пока не будет доказано, что какой-то особый закон Христа навсегда закрепил за одним духовенством право издавать церковные законы, мы должны считать, что это наиболее соответствует справедливости и разуму, что никакие церковные законы не могут издаваться в христианском государстве без согласия как мирян, так и духовенства, но меньше всего без согласия высшей власти".

[555] ‘Quòd si docemus sacrosanctum Dei evangelium, et veteres episcopos, atque ecclesiam primitivam nobiscum facere.’ If this be so, then, indeed, ‘speramus, neminem illorum’ (his opponents) ‘ita negligentem fore salutis suæ, quin ut velit aliquando cogitationem suscipere, ad utros potius se adjungat.’ *Прошу прощения. Экклз. Anglic.* стр. 17. На стр. 53 он с негодованием спрашивает, осмелится ли кто-нибудь обвинить Отцов Церкви: "Следовательно, Оригена, Амвросия, Августина, Златоуста, Геласия, Феодорета, дезертировавшего из веры католической? Ergo tot veterum episcoporum et doctorum virorum tanta consensio nihil aliud erat quàm conspiratio hæreticorum? Aut quod tum laudabatur in illis, id nunc damnatur in nobis? Quodque in illis erat catholicum, id nunc mutatis tantum hominum voluntatibus, repente factum est schismaticum? Aut quod olim erat verum, nunc statim, quia istis non placet, erit falsum?" Его работы полны такого рода красноречивых, но, как кажется нашему веку, бессмысленных декламаций.

[556] Этот широкий взгляд лежит в основе всего *Церковного устройства*. Я могу выделить место лишь для нескольких выдержек, которые будут скорее иллюстрациями, чем доказательствами: доказательство будет очевидным для каждого компетентного читателя самой работы. "Верно, что чем древнее религиозные обряды, тем они лучше; однако это не абсолютно верно и без исключений; но верно лишь постольку, поскольку эти разные эпохи согласуются в состоянии тех вещей, для которых изначально были учреждены эти обряды, распоряжения и церемонии". т. i, стр. 36. 'Мы считаем совершенными те вещи, которые не нуждаются ни в чем необходимом для достижения цели, ради которой они были учреждены'. том i, стр. 191. "Потому что, когда вещь перестает быть доступной для той цели, которая дала ей существование, ее продолжение должно тогда по необходимости казаться излишним". И даже о законах Божьих он смело добавляет: 'Несмотря на авторитет их Создателя, изменчивость той цели, для которой они созданы, также делает их изменчивыми'. т. i, с. 236. 'И поэтому законы, хотя и предписанные самим Богом, и цель, для которой они были предписаны, продолжают действовать, могут, тем не менее, прекратиться, если из-за смены лиц или времен они окажутся недостаточными для достижения этой цели'. т. i, стр. 238. На стр. 240: 'Следовательно, я прихожу к выводу, что ни то, что Бог является автором законов для управления своей церковью, ни то, что он закрепляет их в Священном Писании, не является достаточной причиной, по

которой все церкви должны быть навсегда обязаны соблюдать их без изменений'. Смотрите также, том iii, стр. 169, о "неотложности необходимости'. Сравните стр. 182, 183 и т. i. стр. 323, т. ii. стр. 273, 424. Ни малейшего следа таких аргументов нельзя найти у Джуэла; который, напротив, говорит (*Апология*, стр. 114): 'Certè in religionem Dei nihil gravius dici potest, quàm si ea accusetur novitatis. Ut enim in Deo ipso, ita in ejus cultu nihil oportet esse novum.'

[557] Архиепископ Уэйтли сделал несколько очень хороших замечаний по этому поводу. Смотрите его *Ошибки романизма, прослеженные до их истоков в природе человека*, стр. 237, 238.

[558] Их звали Легат и Уайтман, и они пострадали в 1611 году: смотрите Рассказ современника в *"Трактатах Сомерса"*, том ii. стр. 400-408. Сравните *комментарий Блэкстоуна*. т. iv. стр. 49; *"Жизнь Стюартов" Харриса*, т. i. стр. 143, 144; и заметку в *Дневнике Бертона*, т. i. стр. 118. Об этих мучениках своего мнения мистер Халлам говорит: 'Первый был сожжен Кингом, епископом Лондона; второй - Нейлом из Личфилда'. *Const. История*. том i. стр. 611, 612.

[559] К чести Канцлерского суда следует упомянуть, что в конце шестнадцатого и начале семнадцатого века его полномочия были направлены против исполнения тех жестоких законов, по которым Англиканской церкви разрешалось преследовать людей, отличавшихся от ее собственных взглядов. См. *"Канцлеры Кэмпбелла"*, том ii. стр. 135, 176, 231.

[560] Поэтому обвинять кого-либо в недостатке почтения, потому что он не проявляет уважения к тому, что мы почитаем, либо неуместно, либо является простой путаницей. Этот факт, насколько он верен, является не упреком, а честью; потому что почитать всех людей и все вещи абсолютно неправильно: почтение, проявляемое к тому, что его не заслуживает, - это не добродетель; нет, и даже не приятная слабость, но явное безумие и грех. Но если имеется в виду, что ему недостает должного почтения, что он не уважает то, что действительно заслуживает уважения, то это предполагает весь обсуждаемый вопрос, потому что то, что мы называем божественным, он называет идолом; и как, предполагая, что мы правы, мы обязаны пасть ниц и поклоняться, так и, предполагая, что он прав, он не менее обязан сровнять это с землей и уничтожить". *Лекции Арнольда по современной истории*, стр. 210, 211. Принимая во внимание способности доктора Арнольда, принимая во внимание его огромное влияние, а также принимая во внимание его профессию, его прошлое и характер университета, в котором он выступал, следует признать, что это замечательный отрывок, достойный внимания тех, кто желает изучить тенденции английского мышления нынешнего поколения.

[561] О связи между подъемом философии Бэконизма и изменением духа теологов, сравните *Конта, Позитивную философию*, т. v., стр. 701, с Уэтли *"Об опасностях для христианской веры"*, стр. 148, 149. Это благоприятствовало, поскольку Теннеманн (*Gesch. der Philos.* vol. x. p. 14) говорится: "Объяснение истинного смысла человеческой жизни"; и, следовательно, атака на индуктивную философию в *"Развитии христианской доктрины" Ньюмена*, стр. 179-183. Но мистер Ньюман, похоже, не осознает, насколько бесспорно мы теперь привержены движению, которое он стремится обратить вспять.

[562] Быстрый рост ереси в середине семнадцатого века очень примечателен, и это очень помогло цивилизации в Англии, поощряя привычки к независимому мышлению. В феврале 1646-7 Бойл пишет из Лондона: 'Здесь проходит несколько дней, которые несправедливо можно обвинить в вызревании или выдвигании какого-то нового мнения. Более того, некоторые

настолько старательно меняют это конкретное мнение, что считают его ежедневным, по прошествии дня или двух едва ли заслуживающим сохранения. Если кто-то утратил свою религию, пусть отправляется в Лондон, и я ручаюсь, что он ее найдет: я тоже чуть было не сказал "и если у кого-то есть религия, пусть он только приедет сюда сейчас, и он будет близок к тому, чтобы потерять ее". *"Жизнь Бойля" Берча, в работах Бойля, т. i. стр. 20, 21. См. также Отчет Бейтса о последних смутах, изд. 1685, часть ii. стр. 219, о "той необузданной распущенности еретиков, которая с каждым днем становилась все больше и больше". Сравните с тем же эффектом "Кромвель" Карлайла, том i, стр. 289; "Конст. История. том i, стр. 608; и История Карвитена. об Англиканской церкви, том ii. стр. 203: "сектанты начали кишеть".*

[563] Чтобы не цитировать мнения низших людей о Чиллингворте, достаточно упомянуть, что лорд Мэнсфилд назвал его 'совершенным образцом аргументации'. *Воспоминания Батлера, том i, стр. 126. Сравните письмо Уорбертона из книги Николса "Иллюстрации восемнадцатого века", том iv. стр. 849.*

[564] *Де Мезо, Жизнь Чиллингворта, стр. 141.*

[565] *Письма и жизнь Обри, том ii. стр. 285; Де Мезо, Жизнь Чиллингворта, стр. 2, 9.* Предполагается, что переписка между Лаудом и Чиллингвортом утеряна. *Де Мезо, стр. 12. Карвитен (История. Англиканской церкви, том ii, стр. 214) говорится: "Лауд был крестным отцом Чиллингворта".*

[566] Характер Laud теперь хорошо понятен и общеизвестен. Его отвратительная жестокость вызвала такую ненависть современников, что после его осуждения многие люди закрыли свои лавки и отказывались открывать их до тех пор, пока он не будет казнен. Об этом упоминает Уолтон, очевидец. Смотрите *"Жизнь Сандерсона" Уолтона в "Экклзе" Вордсворта. Биограф. том iv. стр. 429.*

[567] Современный писатель с изысканной простотой предполагает, что Чиллингворт перенял свои либеральные принципы из Оксфорда: 'того самого колледжа, который воспитал высокий интеллект и принципы терпимости Чиллингворта'. *"Жизнь епископа Кена" Боулза, том i, стр. xxi.*

[568] Чрезмерное уважение Хукера к Советам Церкви замечено мистером Халламом, *Const. История. том i. с. 213. Сравните неуверенные замечания в "Литературных остатках" Кольриджа, том iii. стр. 35, 36.*

[569] Читая Отцов Церкви, он презрительно называет путешествие "открытием северо-запада". *"Религия протестантов" Чиллингворта, стр. 366. Даже к Августину, который, вероятно, был самым способным из них, Чиллингворт не проявляет никакого почтения. Посмотрите, что он говорит на стр. 196, 333, 376; а что касается авторитета Отцов Церкви в целом, см. стр. 252, 346. Чиллингворт, к счастью, заметил, что церковники "считают их отцами, когда они за них, и детьми, когда они против них". Жизнь Калами, том i, стр. 253.*

[570] Что касается предполагаемого авторитета Соборов, см. *Религия протестантов, стр. 132, 463. Наблюдение за тем, в каком ином духе некоторые из наших священнослужителей рассматривают эти вопросы, дает любопытное свидетельство медленного прогресса богословов. См., например, Палмера о церкви, 1839, т. ii. стр. 150-171. Ни в одной другой области исследования мы не находим такой упрямой решимости придерживаться теорий, которые все мыслящие люди отвергали на протяжении последних двух столетий.*

[571] Действительно, он пытается навязать ту же доктрину католикам; что, если бы он мог это сделать, конечно, положило бы конец разногласиям. Он говорит, довольно несправедливо: 'Вы признаете свою церковь, потому что считаете, что у вас есть для этого основания; так что вами, так же как и протестантами, все, наконец, разрешается по вашему собственному разумению'. *Религия. протеста.* стр. 134.

[572] "Бог желает только, чтобы мы верили в заключение настолько, насколько того заслуживают предпосылки; чтобы сила нашей веры была равна или пропорциональна достоверности мотивов для этого". *Религ. в знак протеста.* стр. 66. "Со своей стороны, я уверен, что Бог дал нам разум для различения истины и лжи; и тот, кто не использует его таким образом, но верит в то, чего не знает, почему, я говорю, что он верит в истину случайно, а не по выбору; и я не могу не опасаться, что Бог не примет эту жертву глупцов'. стр. 133. 'Дух Божий, если ему угодно, может действовать больше — уверенность в приверженности превышает уверенность в доказательствах; но ни Бог, ни человек не могут требовать от нас, как от нашего долга, большего согласия с выводом, чем того заслуживают предпосылки; строить непогрешимую веру на мотивах, которые только в высшей степени правдоподобны, но не безошибочны; как если бы это было великое и тяжелое здание на фундаменте, прочность которого несоизмерима'. стр. 149. 'Ибо вера - это не знание, не более чем три -четыре, но в высшей степени содержащееся в нем; так что тот, кто знает, верит и в нечто большее; но тот, кто верит много раз, не знает — более того, если он едва и просто верит, он никогда не узнает'. стр. 412. См. также стр. 417.

[573] О связи между Реформацией и взглядами, отстаиваемыми в *церковном государстве*, сравните "*Развитие христианской доктрины*" Ньюмена, стр. 47, с некоторыми меткими замечаниями Локка в "*Жизни короля Локка*", том ii. стр. 99-101. Локк, который был кем угодно, только не другом церкви, был большим поклонником Хукера и в одном месте называет его "архифилософом". *Эссе о правительстве, в Работы Локка*, т. iv. стр. 380.

[574] Противостояние между Джуэл и Хукером было настолько заметным, что некоторые оппоненты Хукера процитировали извинения Джуэл против него. См. *Еккл. Вордсворта. Biog.* том iii. стр. 513. Доктор Вордсворт называет это 'любопытным'; но было бы гораздо любопытнее, если бы этого не произошло. Сравните замечания, сделанные епископом Лимерика (*Сочинения Парра*, том ii, стр. 470, *Заметки о проповеди в Спитале*), который говорит, что Хукер "открыл этот источник разума" и т. Д.; формулировки, которые вряд ли сочтут слишком сильными теми, кто сравнивал *Церковное устройство* с богословскими трудами, ранее созданными английской церковью.

[575] Де Мезо (*Жизнь Чиллингворта*, стр. 220, 221) говорит: 'Его книга была встречена всеобщими аплодисментами; и, чего, возможно, никогда не случилось с какой-либо другой спорной работой такого объема, два ее издания были опубликованы менее чем за пять месяцев Быстрая продажа книги, особенно полемической, in folio, является хорошим доказательством того, что автор попал во вкус своего времени.' См. также *Биографию Британника*, редактировать. Киппис, том iii. стр. 511, 512.

[576] Или, как осторожно выразился Калами, работа Чиллингворта 'показалась мне отличным шагом к оправданию умеренного конформизма'. *Жизнь Калами*, том i, стр. 234. Сравните "*Палмер о церкви*", том i, стр. 267, 268; и то, что, вероятно, является намеком на Чиллингворта в

"Корреспонденте" *Доддриджа. и Дневник*, том ii. стр. 81. См. Также мнение Гоббса в "*Письмах и жизнях Обри*", том ii. стр. 288, 629.

[577] Краткий, но емкий обзор того аспекта, который теперь начал приобретать английский разум, можно найти в *Штейдлне, Geschichte der theologischen Wissenschaften*, том ii. стр. 95 и далее.

[578] В книге Уэтли "*Опасности для христианской веры*", стр. 188-198, приводится наглядное изложение аргументов, которые в настоящее время широко используются против принуждения мужчин к выражению своих религиозных убеждений. Но самые веские из этих аргументов полностью основаны на целесообразности, которая обеспечила бы их неприятие в эпоху сильных религиозных убеждений. Некоторые, и только некоторые, теологические трудности, связанные с веротерпимостью, отмечены в *Литературе Кольриджа. Остается*, т. i, с. 312-315; и в другой работе (*Друг*, т. i., с. 73) он упоминает, что является реальным фактом, 'то самое безразличие, которое делает терпимость у нас такой легкой добродетелью'. Смотрите также "*Догадки архидьякона Хэйра об истине*", 2-я серия, 1848, стр. 278; и *Иллюстрации Николса к лит. История*. том v., стр. 817: "возник дух взаимной терпимости (по крайней мере, одно хорошее следствие религиозного безразличия)".

[579] Было бы бесполезно приводить доказательства столь печально известного факта; но читателя заинтересуют некоторые поразительные замечания в *Capefigue, Hist. de la Réforme*, vol. i. pp. 228, 229.

[580] Писатель, близко знакомый с социальным состоянием великих европейских стран, говорит: 'Церковная власть почти исчезла как активный элемент в политических или социальных делах наций или отдельных людей, в кабинете министров или в семейном кругу; и новый элемент, литературная власть, занимает свое место в правительстве мира'. *Laing's Denmark*, 1852, стр. 82. Об этой естественной тенденции в отношении законодательства см. *Мейер, Дух инстинкта. Judiciaires*, том i, стр. 267 примечание; и хорошее резюме в *Stäudlin, Gesch. der theolog. Wissenschaften*, vol. ii. pp. 304, 305. Неудивительно, что многие священнослужители жалуются на движение, столь подрывающее их собственную власть. Сравните "*Идеал христианской церкви*" Уорда, стр. 40, 108-111, 388; "*Христианская политика*" Сьюэлла, стр. 276, 277, 279; "*Трактат Палмера о церкви*", том ii. стр. 361. Таким образом, все стремится подтвердить замечательное предсказание сэра Джеймса Макинтоша о том, что "церковная власть (если только какая-нибудь революция, благоприятствующая священничеству, не погрузит Европу в невежество), безусловно, не переживет девятнадцатого века". *Воспоминания Макинтоша*, том i, стр. 67.

[581] "Богословы" в Англии в наши дни, ее епископы, профессора и пребендарии, не являются богословами. Они логики, химики, сведущие в математике, историки, плохие комментаторы греческих поэтов.' *Критические и прочие работы Теодора Паркера*, 1848, стр. 302. На стр. 33 тот же авторитетный источник говорит: 'Но в течение нынешнего столетия что было написано на английском языке в какой-либо области богословской науки, что представляет ценность и накладывает отпечаток на эпоху?' "*Трактаты Бриджуотера*" и новое издание "*Пейли*—, — нам стыдно признаться в этом, - это лучшие вещи.' Сэр Уильям Гамильтон ("*Рассуждения о философии*", 1852, стр. 699) замечает упадок "британской теологии", хотя, по-видимому, не знает о его причине. Преподобный мистер Уорд (*Идеал христианской церкви*, стр. 405) отмечает, что 'мы не можем удивляться, как бы сильно мы ни скорбели, упадку догматического

богословия'. См. также *Эссе лорда Джеффри*, том iv, стр. 337: 'Уорбертон, как мы думаем, был последним из наших великих богословов Времена Кадуортов и Бэрроузов, Хукеров и Тейлоров давно прошли.' Доктор Парр был единственным английским теологом со времен Уорбертона, который обладал достаточной образованностью, чтобы занять эту позицию; но он всегда отказывался это делать, будучи, подсознательно для себя, сдерживаемым духом своего времени. Так, в 1823 году мы находим его письмо архиепископу Маги: "Что касается меня, то я давно решил не принимать никакого активного участия в полемическом богословии'. *Сочинения Парра*, том vii. стр. 11.

Точно так же с начала восемнадцатого века вряд ли кто-нибудь внимательно читал Отцов Церкви, за исключением чисто исторических и светских целей. Первый шаг был сделан примерно в середине семнадцатого века, когда от обычая цитировать их в проповедях начали отказываться. *Собственное время Бернета*, том i, стр. 329, 330; *"Жизнь Оуэна" Орма*, стр. 184. После этого они быстро впали в неуважение; и преподобный мистер Доулинг (*Изучение Экклезиаста. История*, стр. 195) утверждает, что 'Уотерленд, умерший в 1740 году, был последним из наших великих ученых-отцов Церкви'. К этому я могу добавить, что через девять лет после смерти Уотерленда очевидный упадок профессионального образования настолько поразил Уорбертона, впоследствии епископа Глостерского, что он несколько грубо написал Джортину: 'Среди наших священников все становится божественным'. Смотрите его *Письмо*, написанное в 1749 году, в *"Иллюстрациях Николса к литературе". История*. том ii. стр. 173; и другие свидетельства пренебрежения духовенством к своим древним исследованиям см. в *Воспоминаниях Джонса о Хорне, епископе Норвичском*, стр. 68, 184; и жалобе доктора Ноулера в 1766 году в *Литературе Николса. Анекдот*. том ii. стр. 130. С тех пор в Оксфорде предпринимались попытки исправить эту тенденцию; но таким попыткам противостоял общий ход событий, которые были и должны быть тщетными. Действительно, ущербность этих недавних усилий настолько очевидна, что один из самых активных земледельцев в этой области откровенно признает, что, с точки зрения знаний, его собственная партия ничего не добилась; и он даже с большой горечью утверждает, что 'печально это говорить, но главный, возможно, единственный английский писатель, который может претендовать на то, чтобы считаться церковным историком, - это неверующий Гиббон'. *Ньюман о развитии Христа. Докт.* стр. 5.

[582] Поскольку некоторые авторы, движимые скорее своими желаниями, чем своими знаниями, пытаются отрицать это, нелишне заметить, что рост скептицизма со второй половины восемнадцатого века подтверждается огромной массой свидетельств, как это покажется тому, кто сравнит следующие авторитетные источники: *"Опасности Уэтли для христианской веры"*, стр. 87; *"Социальное положение народа" Кея*, т. ii. стр. 506; *"Токвиль"*, *"О демократии"*, т. iii. стр. 72; Дж. Х. Ньюман *о развитии*, стр. 28, 29; *Естественная история души Ф. У. Ньюмана*, стр. 197; *Работы Парра*, том ii. стр. 5, том iii. стр. 688, 689; *Моральная статистика Фелкина*, в *Журнале Statistic. Соч.* том i. стр. 541; *Наблюдения Уотсона за жизнью Уэсли*, стр. 155, 194; *Дело, История. du Gnosticisme*, том ii. стр. 485; *Идеал христианской церкви Уорда*, стр. 266, 267, 404; *История Тернера. Англии*, том ii. стр. 129, 142, том iii. стр. 509; *Мемуары Пристли*, том i. стр. 127, 128, 446, том ii. стр. 751; *Мемуары Каппе*, стр. 367; *Литература Николса. Анекдот восемнадцатого века*, т. iv. с. 671, т. viii. с. 473; *Иллюзия Николса. из Лит. История*. том v., стр. 640; *Заметки Комба о Соединенных Штатах*, том ii. стр. 171, 172, 183.

[583] Один способный друг подсказал мне, что есть класс людей, которые неправильно поймут это выражение; и что есть другой класс, который, не понимая его неправильно, намеренно

искажит его значение. Следовательно, возможно, было бы неплохо четко сформулировать то, что я хочу передать словом 'скептицизм'. Под скептицизмом я просто подразумеваю твердость веры; так что повышенный скептицизм - это повышенное восприятие трудности доказательства утверждений; или, другими словами, это более широкое применение и распространение правил рассуждения и законов доказывания. Это чувство колебания и взвешенности суждений в каждой области мысли было неизменной предпосылкой всех интеллектуальных революций, через которые прошел человеческий разум; и без него не могло бы быть ни прогресса, ни перемен, ни цивилизации. В физике это необходимая предпосылка науки; в политике - свободы; в теологии - терпимости. Это три ведущие формы скептицизма; следовательно, ясно, что в религии скептик выбирает средний путь между атеизмом и ортодоксией, отвергая обе крайности, потому что он видит, что обе они не поддаются доказательству.

[584] То, что сказал ученый историк о воздействии, которое метод Сократа произвел на очень немногие греческие умы, применимо к тому состоянию, через которое сейчас проходит большая часть Европы: 'Сократовская диалектика, рассеявшая туман воображаемого знания и обнажившая истинное невежество, произвела немедленный эффект, подобный прикосновению торпеды. Вновь возникшее сознание невежества было столь же неожиданным, болезненным и унижительным — период сомнений и дискомфорта, но в сочетании с внутренней работой и стремлением к истине, никогда ранее не испытываемыми. Такое интеллектуальное оживление, которое никогда не могло начаться до тех пор, пока разум не избавился от своей первоначальной иллюзии ложного знания, рассматривалось Сократом не просто как показатель и предвестник, но и как необходимое условие будущего прогресса.' *История Греции Grote*, том. viii. стр. 614, 615, 8vo, 1851. Compare *Kritik der reinen Vernunft*, in *Kant's Werke*, vol. ii. pp. 572, 577. 'So ist der Skeptizismus ein Ruheplatz für die menschliche Vernunft, da sie sich über ihre dogmatische Wanderung besinnen und den Entwurf von der Gegend machen kann, wo sie sich befindet, um ihren Weg fernerhin mit mehrerer Sicherheit wählen zu können, aber nicht ein Wohnplatz zum beständigen Aufenthalte.... So ist das skeptische Verfahren zwar an sich selbst für die Vernunftfragen nicht befriedigend, aber doch vorüberend, um ihre Vorsichtigkeit zu erwecken und auf gründliche Mittel zu weisen, die sie in ihren rechtmässigen Besitzen sichern können.'

[585] Доктор Арнольд, чей острый глаз отметил это изменение, говорит (*Лекции по современной истории*, стр. 232): 'Что нас поражает больше всего, так это то, что то, что во времена Елизаветы было спором между богословами, теперь стало большим политическим состязанием между короной и парламентом'. Обычные компиляторы, такие как сэр А. Элисон (*Hist. of Europe*, том i, стр. 51) и другие полностью исказили это движение; ошибка тем более странная, что в высшей степени политический характер борьбы признавался несколькими современниками. Даже Кромвель, несмотря на трудную игру, в которую ему пришлось играть, четко заявил в 1655 году, что причина войны не была религиозной. См. "*Кромвель*" Карлайла, том iii, стр. 103; и подтверждающие доказательства в "*Истории независимости*" Уокера, часть i, стр. 132. Яков I. также видел, что пуритане были более опасны для государства, чем для церкви: "они отличаются от нас не столько в вопросах религии, сколько в своей запутанной форме политики и паритета; они всегда недовольны нынешним правительством и нетерпеливы к любому превосходству; что делает их секты невыносимыми в любом хорошо управляемом государстве". *Речь Якова I.*, в *Парл. История*. том i. с. 982. Смотрите также наблюдения, приписываемые Де Фо, в *Трактатах Сомерса*, т. ix. стр. 572: "Король и парламент поссорились по вопросам гражданского права; ... первое различие между королем и английским парламентом касалось не религии, а гражданской собственности".

[586] Смотрите *Историю Кларендона. о восстании*, стр. 716. Сэр У. Темпл в своих *Мемуарах* отмечает, что трон Карла II. был укреплен 'тем, что произошло в последнее царствование'. *Труды Темпла*, том ii. стр. 344. Это можно проиллюстрировать замечаниями М. Ламартина о казни Людовика XVI. *История. des Girondins*, vol. v. pp. 86–7: 'Sa mort, au contraire, aliénait de la cause française cette partie immense des populations qui ne juge les événements humains que par le cœur. La nature humaine est pathétique; la république l'oublia, elle donna à la royauté quelque chose du martyr, à la liberté quelque chose de la vengeance. Elle prépara ainsi une réaction contre la cause républicaine, et mit du côté de la royauté la sensibilité, l'intérêt, les larmes d'une partie des peuples.'

[587] Энергия, с которой Палата общин в 1646 году отвергла притязания 'Собрания богословов', является одним из многих доказательств решимости правящей партии не допускать церковных посягательств. Смотрите замечательные подробности в *Частии. История.* том iii. стр. 459-463; смотрите также стр. 1305. Как естественное следствие, независимые были первой сектой, которая, обладая властью, выступала за веротерпимость. Сравните "*Жизнь Оуэна*" Орма, стр. 63-75, 102-111; "*Трактаты Сомерса*", том xii. стр. 542; "*История Уокера. о независимости*", часть ii. стр. 50, 157, часть iii. стр. 22; *История Кларендона. о восстании*, стр. 610, 640. Некоторые авторы приписывают большую заслугу Джереми Тейлору за его пропаганду терпимости ("*Жизнь Тейлора*" Хиберы, стр. xxvii; и "*Работы Парра*", т. iv, стр. 417); но правда в том, что, когда он писал знаменитую "*Свободу пророчествовать*", у власти были его враги; так что он отстаивал свои собственные интересы. Когда, однако, Англиканская церковь снова взяла верх, Тейлор отказался от уступок, на которые он пошел в период невзгод. См. Возмущенные замечания Кольриджа (букв. *Remains*, vol. iii. p. 250), который, хотя и является большим поклонником Тейлора, решительно высказывается по поводу этого пренебрежения: смотрите также недавно опубликованное *Письмо Перси, епископу Дроморскому*, в "*Иллюстрациях Николса к литературе*". *История*, том vii. с. 464.

[588] Однако епископ Шорт (*История Англиканской церкви*, 8vo, 1847, стр. 452, 458) говорит, что, несомненно, верно, что враждебность Кромвеля к церкви была не теологической, а политической. То же замечание делает епископ Кеннет. *Примечание в дневнике Бертоне*, том ii. стр. 479. См. также "*Кромвель*" Воана, том i, стр. xcvi.; а о духе терпимости этого великого человека в целом см. "*Const. История.* том ii. стр. 14; и свидетельства в книге Харриса "*Жизнь Стюартов*", том iii. стр. 37-47. Но наиболее отчетливое признание этого принципа содержится в *Письме Кромвеля генерал-майору Кроуфорду*, недавно опубликованном в книге Карлайла "*Кромвель*", т. i. стр. 201, 202, 8vo, 1846. В нем Кромвель пишет: 'Сэр, государство, выбирая людей для своей службы, не обращает внимания на их мнения; если они готовы верно служить ему — это удовлетворяет'. Смотрите дополнительное доказательство в *Истории Карвитена. Английской церкви.* том ii. стр. 245, 249.

[589] Никто не сможет понять реальную историю пуритан, если не примет это во внимание. В настоящем Введении невозможно обсуждать столь обширную тему; и я должен приберечь ее для будущей части этой работы, в которой история Англии будет специально рассмотрена. Между тем, я могу упомянуть, что различие между фанатизмом и суеверием четко указано, но не проанализировано архиепископом Уэтли в его *Ошибках романизма, прослеживаемых до их происхождения в природе человека*, стр. 49. Это следует сравнить с философскими работами Юма, т. iii. стр. 81-89, Эдинбург, 1826, о разнице между энтузиазмом и суеверием; разница, которая замечена, но, как мне кажется, неправильно понята Маклейном в его *Дополнениях к Мосхейму. это Экклезиаст. История.* том ii. стр. 38.

[590] Сравните *Наблюдения Баррингтона над статутами*, стр. 143, с *"Дневником парламентов Кромвеля" Бертон*, том i, стр. xcvi. 145, 392, том ii, стр. 35, 229. В 1650 году повторное осуждение за блуд было признано уголовным преступлением без привлечения духовенства; но после Реставрации Карл II и его друзья сочли этот закон довольно неудобным, поэтому он был отменен. См. *Комментарии Блэкстоуна*, том iv. стр. 65.

[591] См. *"Жизнь Кена"*, написанная непрофессионалом, изд. 1854, том i, стр. 51. На стр. 129 тот же автор с грустью говорит: 'Церковь вернула себе большую часть своего мирского имущества, но не свое духовное правление'. Власть епископов была ограничена 'уничтожением суда высших должностных лиц'. *История Шорта. об Англиканской церкви*, стр. 595. Смотрите также, об уменьшении влияния духовенства Англиканской церкви после Реставрации, *"Жизнь Уэсли" Саути*, том i, стр. 278, 279; и *"Наблюдения Уотсона о жизни Уэсли"*, стр. 129-131.

[592] Бекингом и Галифакс, два человека, которые, возможно, были лучше всех знакомы с Карлом II., оба заявили, что он был деистом. Сравните *Историю Лингарда. из англ. vol. viii. c. 127*, с книгой Харриса *"Жизнь Стюартов"*, том v. стр. 55. Его последующее обращение в католицизм в точности аналогично возросшей набожности Людовика XIV. в последние годы своей жизни. В обоих случаях суеверие было естественным прибежищем измученного и неудовлетворенного распутника, исчерпавшего все ресурсы самых низких и пресмыкающихся удовольствий.

[593] Один из наиболее любопытных примеров этого можно увидеть в разрушении старых представлений о колдовстве. Эта важная революция в наших взглядах произошла, насколько это касается образованных классов, между Реставрацией и Революцией; иными словами, в 1660 году большинство образованных людей все еще верили в колдовство; в то время как в 1688 году большинство в это не верило. В 1665 году старообрядческий взгляд был изложен вождем бароном Хейлом, который на суде над двумя женщинами за колдовство сказал присяжным: 'Я несколько не сомневаюсь в том, что ведьмы существуют; ибо, во-первых, Священное Писание многое подтверждает; во-вторых, мудрость всех народов установила законы против таких людей, что является аргументом в пользу их уверенности в совершении такого преступления'. *"Жизнь главных судей" Кэмпбелла*, том i. стр. 565, 566. Перед этим доводом нельзя было устоять, и ведьмы были повешены; но изменение общественного мнения начало влиять даже на судей, и после этого меланхолического выступления главного барона подобные сцены постепенно стали происходить реже; хотя лорд Кэмпбелл ошибается, полагая (стр. 563), что это был "последний приговор к высшей мере наказания в Англии за преступление колдовства". Помимо этого, в 1682 году в Эксетере за колдовство были казнены три человека. См. *Исторический очерк Хатчинсона о колдовстве*, 1720, стр. 56, 57. Хатчинсон говорит: 'Я полагаю, это последние трое, кого повесили в Англии'. Если, однако, можно полагаться на заявление доктора Парра, то две ведьмы были повешены в Нортгемптоне в 1705 году; а в '1712 году та же участь постигла еще пятерых ведьм в том же месте'. *Сочинения Парра*, том iv. стр. 182, 8vo, 1828. Это тем более постыдно, что, как я докажу позже, из литературы того времени неверие в существование ведьм стало почти повсеместным среди образованных людей; хотя старое суеверие все еще защищалось на судебном месте и с кафедры. Что касается мнений духовенства, сравните *Интеллект Кадворта. Система*. том iii. стр. 345, 348; *Корреспондент Вернона*. том ii. стр. 302, 303; *Письма Берта с Севера Шотландии*, том i. стр. 220, 221; *Дневники Уэсли*, стр. 602,

713. Уэсли, который имел больше влияния, чем все епископы, вместе взятые, говорит: 'Верно и то, что англичане в целом и, действительно, большинство ученых людей в Европе отказались от всех рассказов о ведьмах и привидениях как от простых бабушкиных басен. Я сожалею об этом Отказ от колдовства - это, по сути, отказ от Библии Но я не могу признать, перед всеми деистами Великобритании, существование колдовства, пока не откажусь от признания всей истории, священной и мирской'.

Однако все было напрасно. С каждым годом старая вера ослабевала; и в 1736 году, за поколение до того, как Уэсли записал эти мнения, законы против колдовства были отменены, и еще один пережиток суеверия был стерт из английского свода законов. См. *Баррингтон о уставах*, стр. 407; *Заметка в Дневнике Бертоне*, том i, стр. 26; *"Жизнь Хардвика" Харриса*, том i, стр. 307.

К этому может быть интересно добавить, что в Испании ведьма была сожжена еще в 1781 году. *История испанской литературы Тикнора*, том iii. стр. 238.

[594] Первое издание вышло в 1646 году. *Сочинения сэра Томаса Брауна*, том ii. стр. 163.

[595] Смотрите примечания в издании *сочинений Брауна г-на Уилкина*, Конец 1836 г., том ii. стр. 284, 360, 361.

[596] Точная дата неизвестна, но мистер Уилкин предполагает, что оно было написано "между 1633 и 1635 годами". Предисловие к *"Религии Медичи"*, в *"Трудах Брауна"*, том ii. стр. 4.

[597] Там же. том ii. стр. 58.

[598] Там же. том ii. стр. 47.

[599] Или, как он это называет, 'хиромантия'. *Религия Медичи*, в *"Трудах Брауна"*, том ii. стр. 89.

[600] "Что касается меня, я всегда верил и теперь знаю, что ведьмы существуют. Те, кто сомневается в них, отрицают не только их, но и духов; и косвенно, а следовательно, являются своего рода не неверующими, а атеистами." Там же. том ii. стр. 43, 44.

[601] 'Исходя из этого, я вычисляю свое рождение'. Там же. том ii. стр. 64.

[602] *Религия Медичи*, раздел ix. в *работах Брауна*, том ii. стр. 13, 14: к сожалению, слишком длинный для извлечения. Это "credo quia impossibile est", первоначально одно из абсурдных высказываний Тертуллиана, которое герцог Аргайл однажды процитировал в Палате лордов как "древнюю религиозную максиму". *Парл. История*. том xi. стр. 802. Сравните саркастическое замечание по поводу этой максимы в *Эссе о человеческом понимании*, книга iv. глава. xviii. *Сочинения Локка*, том ii. стр. 271. Именно дух, воплощенный в этом предложении, снабдил Цельса некоторыми убедительными аргументами против Отцов Церкви. *История Неандера. о Церкви*, том i. стр. 227, 228.

[603] *Исследования вульгарных и распространенных ошибок*, книга iii. глава. xxviii. в *работах Брауна*, том ii. стр. 534.

[604] Там же. книга i. глава vii. том ii. стр. 225.

[605] "Пассивность или пренебрежение расследованием". Там же. книга i. глава v. том ii. стр. 211.

[606] 'Третьей причиной распространенных ошибок является доверчивость мужчин'. Книга i. глава v. том ii. стр. 208.

[607] Смотрите два забавных примера в т. ii. стр. 267, 438.

[608] *Вульгарные и распространенные ошибки*, книга vii. глава xi., в *Работах Брауна*, том iii. стр. 326.

[609] Монк (*Жизнь Бенгли*, том i, стр. 37) говорит, что открытия Бойля "поставили его имя на второе место после Ньютона"; и это, я полагаю, верно, несмотря на огромное превосходство Ньютона.

[610] Сравните *Пауэлла с теорией лучистого тепла* (брит. Доц. том i, стр. 287), с *Отчетом Ллойда по физической оптике*, 1834, стр. 338. Замечания о цветах см. в *Работах Бойля*, т. ii. стр. 1-40; и отчет о его экспериментах, стр. 41-80; и небольшое примечание в *книге Брюстера "Жизнь Ньютона"*, т. i. стр. 155, 156, 236. Я думаю, не всем известно, что Пауэр, как говорят, обязан Бойлю некоторыми своими экспериментами с цветами. Смотрите письмо Гука в *Работах Бойля*, т. v., стр. 533.

[611] Доктор Уэвелл (*Бриджуотерский трактат*, стр. 266) хорошо отмечает, что Бойль и Паскаль для гидростатики то же, что Галилей для механики, а Коперник, Кеплер и Ньютон для астрономии. Смотрите также о Бойле, как основателе гидростатики, *Историю Томсона. Королевского общества*, стр. 397, 398; и его *История. из химии*, том i, стр. 204.

[612] Это было обнаружено Бойлем около 1650 года и подтверждено Мариоттом в 1676 году. Посмотрите *биографию Уэвелла. из индуктивных наук*, том ii. стр. 557, 588; *История Томсона. of Chemistry*, том i, стр. 215; *Химия Тернера*, том i, стр. 41, 200; *Химия Бранде*, том i, стр. 363. Этот закон был эмпирически проверен Французским институтом и оказался справедливым даже для давления в двадцать семь атмосфер. См. *Статью Чаллиса о математической теории жидкостей в Шестом отчете Brit. Доц.* с. 226; и *Гершелевский нац. Философ.* стр. 231. Хотя Бойль опередил Мариотта на четверть века, это открытие довольно несправедливо называют законом Бойля и Мариотта; в то время как иностранные авторы, уточняя это, часто вообще опускают имя Бойля и называют его законом Мариотта! См., например, *Письма Либиха по химии*, стр. 126; *Monteil Divers Etats*, vol. viii. с. 122; *Метеорология Кемца*, стр. 236; *Конт, Философ. Поз.* том i. стр. 583, 645, том ii. стр. 484, 615; *Пуйе, Элементы телосложения*, том i. стр. 339, том ii. стр. 58, 183.

[613] 'L'un des créateurs de la physique expérimentale, l'illustre Robert Boyle, avait aussi reconnu, dès le milieu du dix-septième siècle, une grande partie des faits qui servent aujourd'hui de base à cette chimie nouvelle.' *Cuvier, Progrès des Sciences*, vol. i. p. 30. 'Австралиец' означает Рей. Смотри также *Кювье, История. des Sciences Naturelles*, part ii. pp. 322, 346-349. Еще более свежий автор говорит, что Бойль 'фактически стоял на самом пороге пневматической химии Пристли; в его руках был ключ к великому открытию Лавуазье'. *Джонстон о диморфных телах, в отчетах Brit. Доц.* том vi. с. 163. Смотрите далее о Бойле, *Робине и Вердейле, Анатомическая химия*, Париж, 1853, т. i. стр. 576, 577, 579, т. ii. стр. 24; и *Шпренгель, История. de la Médecine*, vol. iv. p. 177.

[614] Это пренебрежение древними авторитетами так часто встречается в его работах, что трудно выбрать среди бесчисленного множества отрывков, которые можно было бы процитировать. Я выберу тот, который кажется мне хорошо выраженным и, безусловно, очень характерным. В своем *Свободном исследовании общепринятого представления о природе* он говорит (*Работы Бойля*, том iv, стр. 359): 'Ибо я привык судить о мнениях, как о монетах: я гораздо меньше обращаю внимания на то, чью надпись они несут, чем на то, из какого металла они сделаны. Мне достаточно безразлично, была ли она отчеканена много лет назад или только вчера поступила с монетного двора.' В других местах он говорит о "схоластах" и "халатниках" с презрением, немногим уступающим тому, которое выразил сам Локк.

[615] В своих соображениях, касающихся экспериментальных эссе, он говорит (*Работы Бойля*, том i, стр. 197): "Возможно, ты удивишься, Пирофил, что почти в каждом из следующих эссе я говорю с таким сомнением и так часто использую *возможно, это кажется, это не является невероятным*, и такие другие выражения, которые доказывают неуверенность в истинности мнений, к которым я склоняюсь", и т. д. Действительно, этот дух виден на каждом шагу. Так, его *Эссе о кристаллах*, которое, учитывая тогдашний уровень знаний, является замечательным произведением, озаглавлено "Сомнения и эксперименты, касающиеся любопытных фигур солей". *Сочинения*, том ii, стр. 488. Поэтому не без оснований М. Гумбольдт называет его 'осторожным и сомневающимся Робертом Бойлем'. *Космос Гумбольдта*, том ii, стр. 730.

[616] Об искреннем христианстве Бойля, сравните *жизни и характеры Бернета*, отредактируйте. Джебб, 1833, стр. 351-360; *Жизнь Кена, написанная непрофессионалом*, том i, стр. 32, 33; *Бриджвотерский трактат Уэвелла*, стр. 273. Он предпринял несколько попыток примирить научный метод с защитой устоявшихся религиозных взглядов. Смотрите один из лучших примеров этого в *Работах Бойля*, т. v., стр. 38, 39.

[617] *Химик-скептик* находится в *работах Бойля*, т. i, стр. 290-371. При жизни автора она выдержала два издания, что является необычным успехом для книги такого рода. *Работы Бойля*, т. i, с. 375, т. iv, с. 89, т. v., с. 345. Я нахожу из письма, написанного в 1696 году (*Переписка с Фэрфаксом*, том. iv, стр. 344), что работ Бойля в то время становилось все меньше и что было намерение перепечатать их полностью. Что касается *химика-скептика*, то он был настолько популярен, что привлек внимание Монкони, французского путешественника, посетившего Лондон в 1663 году, от которого мы узнаем, что его можно было купить за четыре шиллинга, 'pour quatre chelins'. "*Путешествия Монкониса*", том iii, стр. 67, изд. 1695; книга, содержащая некоторые очень любопытные факты, касающиеся Лондона в правление Карла II.; но, насколько мне известно, не цитируется ни одним английским историком. In *Sprengel's Hist. v. "de la Médecine"*, т. v., стр. 78-9, приводится краткое изложение взглядов, отстаиваемых в "*Химике-скептике*", в отношении которого Шпренгель говорит: "Се будущий зависимый австралиец в "Англетерре" - это вечный источник премьерных исследований точности химических реакций".

[618] 'Исходя из характера и структуры Королевского общества, объекты их внимания были обязательно неограниченными. Физические науки, однако, или те, которые развиваются с помощью эксперимента, были их объявленными целями; а эксперимент был методом, которому они якобы следовали для достижения своей цели.' *История Томсона. Королевского общества*, стр. 6. Когда общество только было учреждено, эксперименты были настолько необычными, что в Лондоне было трудно найти необходимых рабочих. Посмотрите любопытный отрывок из *Истории Уэлда. Королевского общества*, 1848, том ii, стр. 88.

[619] Доктор Пэрис (*Жизнь сэра Х. Дэви*, 1831, том ii, стр. 178) говорит: "В уставе Королевского общества говорится, что оно было создано для совершенствования *естественных наук*. Этот эпитет *естественный* изначально подразумевал значение, о котором, я полагаю, осведомлены очень немногие люди. В период основания общества искусство колдовства и гадания очень широко поощрялось; и поэтому было введено слово *естественный* в отличие от *сверхъестественный*." Хартии, пожалованные Карлом II. напечатаны в книге Уэлда "*История Королевского общества*", том ii. стр. 481-521. Эвелин (*Дневник*, 13 августа 1662 г., т. ii. стр. 195) упоминает, что целью Королевского общества было 'естественное знание'. См. также "*Письма и жизнеописание*" Обри, том ii, стр. 358; "*История ботаники*" Поултни, том ii, стр. 97, 98; а о различии, установленном таким образом в массовом сознании между естественным и сверхъестественным, сравните *работы Бойля*, том ii, стр. 455, том iv, стр. 288, 359.

[620] Спекулятивный взгляд на эту тенденцию был недавно наиболее исчерпывающим образом проиллюстрирован М. Огюстом Контом в его *Позитивной философии*; и его выводы относительно ранней стадии развития человеческого разума подтверждаются всем, что мы знаем о варварских народах; и они также подтверждаются, как он решительно доказал, историей физической науки. В дополнение к приведенным им фактам я могу упомянуть, что история геологии предоставляет свидетельства, аналогичные тем, которые он собрал в других отделах.

Популярное представление о действии этой веры в сверхъестественную причинность можно увидеть в обстоятельствах, описанных Комбом. Он говорит, что в середине восемнадцатого века местность к западу от Эдинбурга была настолько нездоровой, 'что каждую весну фермеров и их слуг охватывали лихорадка'. До тех пор, пока причина этого была неизвестна, 'считалось, что эти посещения были посланы Провидением'; но через некоторое время земля была осушена, лихорадка исчезла, и жители поняли, что то, что они считали сверхъестественным, было совершенно естественным, и что причиной было состояние земли, а не вмешательство Божества. "*Конституция человека*" Комба, Изд. 1847, стр. 156.

[621] Я говорю "кажущаяся тайна", потому что это несколько не уменьшает реальной тайны. Но это не влияет на точность моего замечания, поскольку люди в целом никогда не вникают в такие тонкости, как различие между Законом и Причиной; различие, действительно, которым настолько пренебрегают, что его часто упускают из виду даже в научных книгах. Все, что люди знают, это то, что события, которые, как они когда-то верили, непосредственно контролировались Божеством и изменялись Им, не только предсказаны человеческим разумом, но и изменены человеческим вмешательством. Попытки, которые предпринимали Пейли и другие разрешить эту тайну, поднимаясь от законов к причине, очевидно, тщетны, потому что с точки зрения разума решение так же непостижимо, как и проблема; и аргументы естественных теологов, в той мере, в какой они являются аргументами, должны зависеть от разума. Как верно говорит мистер Ньюман, 'Беспричинный и существующий от вечности Бог в полной мере так же непостижим, как беспричинный и существующий от вечности мир. Мы не должны отвергать последнюю теорию как непостижимую, ибо такова же и любая другая возможная теория.' "*Естественная история души*" Ньюмена, 1849, стр. 36. Истинность этого вывода непреднамеренно подтверждается защитой старого метода, изложенной доктором Уэвеллом в его *Бриджуотерском трактате*, стр. 262-5; потому что замечания, сделанные этим способным автором, относятся к людям, которые, благодаря своим огромным способностям, с наибольшей вероятностью могли подняться до того трансцендентального взгляда на религию,

который медленно, но неуклонно завоевывает популярность среди нас. Кант, вероятно, самый глубокий мыслитель восемнадцатого века, ясно видел, что никакие аргументы, почерпнутые из внешнего мира, не могут доказать существование Первопричины. See, among other passages, two particularly remarkable in *Kritik der reinen Vernunft*, Kant's *Werke*, vol. ii. pp. 478, 481, on 'der physikotheologische Beweis.'

[622] Это лаконично выразил М. Ламенне: 'Откуда берется сила тяжести в корпусе - откуда берутся силы версаля? Parceque Dieu l'a voulu, disaient les anciens. Parceque les corps s'attirent, dit la science.' *Мори, Легенд моего века*, стр. 33. Смотрите с той же целью *Религиозное развитие Маккея*, 1850, т. i. стр. 5, 30, 31 и в других местах. Смотрите также частичное изложение антитезиса в книге Коплстона *"Исследование необходимости и предопределения"*, стр. 49; остроумная, но переоцененная книга.

[623] Я очень сожалею, что не собрал доказательств этого на более раннем этапе моего чтения. Но, не сделав необходимых заметок, я могу только сослаться на "Путешествие по Индии" *Хибера*, том i, стр. 423; *"Путешествия Ричардсона по Сахаре"*, том i, стр. 11; *"Путешествия по Аравии" Буркхардта*, том ii, стр. 347; *"Китайский" Дэвиса*, том iii, стр. 16, 17; *"Путешествия Ибн Батуты в четырнадцатом веке"*, стр. 43; *"Журнал Азиат. Соч. том i. стр. 9; Сочинения сэра Томаса Брауна, том i. стр. 130; История Элисон. Европы, т. iv. с. 566; Путешествия Бернса в Бухару, т. iii. с. 53; Автобиография Ли Ханта, 1850, т. ii. с. 255; Мемуары Камберленда, 1807, т. i. с. 422-425; "Бразилия" Уолша, т. i. с. 96, 97; Арктическая экспедиция Ричардсона, т. i. с. 93; Мемуары Холкрофта, т. i. с. 207, т. iii. с. 197.*

[624] Андокид, обвиняемый в дикастерии в Афинах, сказал: 'Нет, дикасты; опасности обвинения и суда присущи людям, но опасности, с которыми сталкиваются на море, божественны'. *История Греции Грота*, том xi. стр. 252. Таким образом, также было замечено, что опасности китобойного промысла стимулировали суеверия англосаксов. См. *Книгу Кембла "Саксы в Англии"*, том i. стр. 390, 391. Эрман, который упоминает об опасном судоходстве по озеру Байкал, говорит: 'В Иркутске есть поговорка, что только на Байкале, осенью, человек учится молиться от всего сердца'. *Путешествия Эрмана по Сибири*, том ii. с. 186.

[625] В Европе в десятом веке целая армия обратилась в бегство перед одним из тех появлений, которые сейчас вряд ли испугали бы ребенка: "Путь армии к рассредоточению, а не к аппарату единственного клипа солей, который контролирует территорию и не касается командос". приглашение на малолетство для участия в длительных поездках.' *Sprengel, Hist. de la Médecine*, vol. ii. p. 368. Ужас, вызванный затмениями, был окончательно уничтожен только в восемнадцатом веке; и во второй половине семнадцатого века они все еще вызывали большой страх как во Франции, так и в Англии. Увидеть *Эвелин Дневник*, том. второй. стр. 52, вып. раздел III. стр. 372; *Карлайла Кромвель*, объем. второй. стр. 366; *литературы-де-патине*, объем. раздел III. стр. 36. Сравниваем *рейсов де Монсопус*, объем. в. п. 104, с *Заячий догадки в истину*, 2-я серия, стр. 194, 195. Вероятно, никогда еще не было невежественной нации, чье суеверие не возбуждалось бы затмениями. Доказательства универсальности этого чувства см. в *"Посольстве Саймса к Аве"*, том ii. стр. 296; *"История Раффлза". о Яве*, том i, стр. 530; *История Бразилии Саути*, том i, стр. 354, том ii, стр. 371; *История Суматры Марсдена*, стр. 159; *Нибур, Описание Аравии*, стр. 105; *Южная Африка Моффата*, стр. 337; *Путешествия Мунго Парка*, том i, стр. 414; *Путешествия Муркрофта по Гималайским провинциям*, том ii. стр. 4; *История Кроуферда. индийского архипелага*, том i, стр. 305; *"Полинезийские исследования Эллиса"*, том

i, стр. 331; "Религиозное развитие Маккея", том i, стр. 425; "Работы сэра У. Джонса", том iii, стр. 176, том vi, стр. 16; "Примечание Уилсона" в "Вишну-Пуране", стр. 140; "Театр индусов Уилсона", том i, часть ii, стр. 90; "Монтукла", "История.", математические исследования, том i, стр. 444; Азиатские исследования, том xii, стр. 484; Взгляд Уорда на индусов, том i, стр. 101; История Прескотта. Перу, т. i. стр. 123; Россия Коля, стр. 374; История Греции Терлуолла, т. iii. стр. 440, т. vi. стр. 216; Жизнь Брюса Мюррея, стр. 103; Посольство Тернера в Тибет, стр. 289; История Греции Громе, т. vii. стр. 432, т. xii. стр. 205, 557; Азиатский журнал, то есть^e série, т. iii. стр. 202, Париж, 1823; Клот-Бей, де ла Песте, Париж, 1840, стр. 224.

Что касается чувств, вызванных кометами, и влияния Бейля на устранение этих суеверий в конце семнадцатого века, сравните Теннеманна, *Gesch. der Philosoph.*, vol. xi. p. 252; *Le Vassor, Hist. de Людовик XIII*, том iii. стр. 415; *Письма де Севинье*, том iv. стр. 336; *Автобиография сэра С. Д'Юэса*, изд. Холливелл, том i. стр. 122, 123, 136.

[626] О специфических осложнениях, которые замедлили развитие метеорологии и, таким образом, помешали нам точно предсказывать погоду, сравните *Forbes по метеорологии*, во *Втором отчете Британской ассоциации*, стр. 249-251; Кювье, *Прогресс наук*, том i, стр. 69, 248; *Метеорология Кемца*, стр. 2-4; *Бриджуотерский трактат Праута*, стр. 290-295; *Физическая география Сомервилля*. том ii. стр. 18, 19. Но все лучшие авторитеты согласны с тем, что это невежество не может длиться долго; и что постоянный прогресс, которого мы сейчас добиваемся в физической науке, в конечном итоге позволит нам объяснить даже эти явления. Так, например, сэр Джон Лесли говорит: "Однако нельзя оспаривать, что все изменения, происходящие в массе нашей атмосферы, какими бы сложными, капризными и нерегулярными они ни казались, все же являются необходимыми результатами действия принципов, столь же неизменных и, возможно, столь же простых, как те, которые управляют вращением солнечной системы. Если бы мы могли распутать этот запутанный лабиринт, мы могли бы проследить действие каждой отдельной причины и, следовательно, вывести конечные следствия, возникающие в результате их совместного действия. Располагая такими данными, мы могли бы с уверенностью предсказывать состояние погоды на любой будущий период, подобно тому как сейчас мы вычисляем солнечное или лунное затмение или предсказываем соединение планет." *Натурфилософия Лесли*, стр. 405: см. также стр. 185 и замечания мистера Сноу Харриса (*брит. Доц. за 1844 г.*, стр. 241) и мистера Гамильтона (*Journal of Geog. Soc.* том xix. стр. xci.) Точно так же доктор Уэвелл (*Бриджуотерский трактат*, стр. 3) говорит, что "перемены ветров и неба вызываются причинами, в неизменности правил которых" ни один философский ум не усомнится".

[627] Эта связь между невежеством и набожностью настолько четко обозначена, что у многих народов есть отдельный бог погоды, которому они возносят свои молитвы. В странах, где мужчины останавливаются на достигнутом, они приписывают изменения колдовству или какой-то другой сверхъестественной силе. См. *Mariner's Tonga Islands*, том ii. стр. 7, 108; *Экспедиция Такки. к Заиру*, стр. 214, 215; *История Эллиса. Мадагаскара*, том ii. стр. 354; *Азиатские исследования*, том vi. стр. 193, 194, 297, том xvi. стр. 223, 342; *История Бразилии Саути*, том iii. стр. 187; *Китайский Дэвиса*, том ii. стр. 154; *Бособре, История. де Манише*, том ii. стр. 394; *Интеллект Кадворта. Система*. том ii. стр. 539. Индусы относят дождь к сверхъестественным причинам в *Ригведе*, которая является старейшей из их религиозных книг; и с тех пор они придерживаются схожих представлений. *Ригведа Санхита*, том i. стр. XXX. 10, 19, 26, 145, 175, 205, 224, 225, 265, 266, том ii. стр. 28, 41, 62, 110, 153, 158, 164, 166, 192, 199, 231, 258, 268, 293,

329; *Журнал азиатских обществ*. том iii. стр. 91; *Мифология Коулмена. об индусах*, стр. 111; *Взгляд Уорда на индусов*, том i, стр. 38. Смотрите далее два любопытных отрывка в "Дабистане", том i, стр. 115, том ii, стр. 337; а о "Создателях дождя" сравните "североамериканских индейцев" *Кэтлина*, том i, стр. 134-140, с "североамериканскими индейцами" *Бьюкенена*, стр. 258, 260: также точно такой же класс в Африке (*Южная Африка Моффата*, стр. 305-325) и в Аравии (*Нибур, Описание Аравии*, стр. 237, 238).

Переходя к состоянию общества, более близкому к нашему, мы обнаруживаем, что в IX веке в христианских странах считалось само собой разумеющимся, что ветер и град - дело рук волшебников (*История Неандера. о Церкви*, том vi. стр. 118, 139); что подобные взгляды перешли в шестнадцатый век и были одобрены Лютером (*Мори, Легенд пьезов*, стр. 18, 19); и, наконец, что, когда Суинберн был в Испании, всего восемьдесят лет назад, он обнаружил, что духовенство готово прекратить оперу, потому что они 'приписали отсутствие дождя влиянию этого безбожного развлечения'. *Путешествия Суинберна по Испании в 1775 и 1776 годах*, том i, стр. 177, 2-е изд. Лондон, 1787 год.

[628] Смотрите некоторые замечания преподобного мистера Уорда, которые кажутся мне довольно неосторожными и которые, безусловно, опасны для его собственной профессии, поскольку усиливают враждебность между ит и наукой, в книге Уорда "*Идеал христианской церкви*", стр. 278. К тому, что сказал Кольридж, стоит прислушаться: см. "*Друг*", том iii. стр. 222, 223.

[629] М. Коль, чья проницательность путешественника хорошо известна, обнаружил, что сельскохозяйственные классы являются 'наиболее слепо невежественными и предвзятыми' из всех. *Россия Коля*, стр. 365. А сэр Р. Мерчисон, который пользовался обширными средствами наблюдения, фамильярно упоминает "доверчивых фермеров". *Сибурия Мерчисона*, стр. 61. В Азии была замечена точно такая же тенденция: см. *Историю Суматры Марсдена*, стр. 63. Некоторые любопытные свидетельства сельскохозяйственных суеверий, касающихся погоды, можно увидеть в *Монтейле, Hist. des divers Etats*, vol. iii. pp. 31, 39.

[630] С этой точки зрения противоположные тенденции в сельском хозяйстве и обрабатывающей промышленности разумно противопоставлены мистером Портером в конце его эссе о *статистике сельского хозяйства*, *Journal of Statistic*. Соч. том ii. стр. 295, 296.

[631] Действительно, в Англии никогда не было периода, когда физические эксперименты были бы так модны. Это стоит рассматривать просто как симптом эпохи, начиная с Карла II. и зная вряд ли могла что-то добавить к нашим знаниям; и их покровительство науке, каким бы оно ни было, скорее ухудшало ее, чем продвигало вперед. Тем не менее, распространенность этого вкуса любопытна; и в дополнение к картине, нарисованной мистером Макколеем (*Hist. of England*, 1-е издание. т. i. стр. 408-412), я могу отослать читателя к *Путешествиям Монкониса*, т. iii. стр. 31; *Путешествию Сорбьера в Англию*, стр. 32, 33; *Дневнику Эвелин*, т. ii. стр. 199, 286; *Дневнику Пеписа*, т. i. стр. 375, т. ii. стр. 34, т. iii. стр. 85, т. iv. стр. 229; *Собственное время Бернета*, том i, стр. 171, 322, том ii, стр. 275; *Жизни Бернета*, стр. 144; *Главные судьи Кэмпбелла*, том i, стр. 582.

[632] Его обращение со своей молодой женой сразу после женитьбы, пожалуй, худшее, что можно сказать об этом низком и презренном принце. "*Жизнь Кларендона*" *Листера*, том ii. стр. 145-153. Это требует доказательств; но Бернет ("*Собственное время*", т. i, стр. 522 и т. ii, стр.

467) высказывает ужасное подозрение, в правдивость которого я не могу поверить даже в отношении Карла II и о котором Харрис, собравший некоторые свидетельства его поразительной расточительности, не упоминает, хотя и цитирует один из отрывков в "Бернете". *"Жизнь Стюартов" Харриса*, том v., стр. 36-43. Однако, как говорит доктор Парр, ссылаясь на другое обвинение против него, 'Нет особого повода очернять память этого нечестивого монарха, Карла II, с помощью отвратительных домыслов'. *Заметки о Якове II. в работах Парра*, том iv. стр. 477. Сравните *"Историю Якова II" Фокса*. стр. 71.

[633] Даже Кларендону были предъявлены обвинения в получении взяток от Людовика XIV.; но для этого, похоже, нет веских оснований. Сравните *константу Халлама. История*. том ii. стр. 66, 67 примечание, совместно с *Канцлерами Кэмпбелла*, том. iii, стр. 213.

[634] *"Жизнь Кларендона" Листера*, том ii. стр. 377; *"Жизнь Стюартов" Харриса*, том iv. стр. 340-344.

[635] Сразу после Реставрации вошло в обычай назначать в военно-морские командования некомпетентных молодых людей по рождению, к разочарованию тех способных офицеров, которые служили при Кромвеле. Сравните *Время самого Бернета*, том i, стр. 290, с *Дневником Пеписа*, том ii, стр. 413, том iii, стр. 68, 72.

[636] *"Жизнь Стюартов" Харриса*, том v., стр. 323-328. Суд был настолько настроен на отмену хартии Лондонского сити, что Сондерс был назначен главным судьей специально для этой цели. См. *"Главные судьи Кэмпбелла"*, том ii, стр. 59. Роджер Норт говорит (*"Жизни северян"*, том ii, стр. 67): "Ничто не считалось при дворе столь похвальным, как составление хартий, каким был язык в то время". Сравните *"Мемуары Булстроуда"*, стр. 379, 388.

[637] Паника, вызванная этим скандальным ограблением, описана Де Фо; *"Жизнь де Фо" Уилсона*, том i, стр. 52. Смотрите также *"Жизнь самого Калами"*, том i, стр. 78; *История Паркера. из его Собственного времени*, стр. 141-143. Сумма, украденная королем, оценивается в 1 328 526 фунтов стерлингов. *История Синклера. о доходах*, том i, стр. 315. По словам лорда Кэмпбелла, "почти полтора миллиона". *Жизни канцлеров*, том iv. стр. 113.

[638] В *Дневнике Пеписа*, т. iii, стр. 242-264, есть очень любопытный отчет об ужасе, охватившем лондонцев по этому поводу. Пепис сам закопал свое золото (стр. 261 и стр. 376-379). Эвелин (*Дневник*, том ii, стр. 287) говорит: "Тревога была настолько велика, что повергла страну и город в панику, страх и оцепенение, каких, я надеюсь, я больше никогда не увижу; все бежали, никто не знал, почему и куда".

[639] Наиболее важные из этих реформ были проведены, как это почти всегда бывает, вопреки реальным желаниям правящих классов. Карл II и Яков II часто говорили о законе Habeas Corpus, "что правительство не могло бы существовать с таким законом". *Воспоминания Далримпла*, том ii. стр. 104. Лорд-хранитель Гилфорд был даже против отмены срока военной службы. 'Он считал,' говорит его брат, 'что лишение срока службы нанесет ужасную рану свободам народа Англии'. *Жизнь северян*, том ii. стр. 82. Вот такого рода люди управляют великими нациями. Отрывок из *Жизни Джеймса, написанный Им Самим*, редактировать. Кларк, том ii, стр. 621, подтверждает утверждение Далримпла, насколько это касается Джеймса. Это следует сравнить с письмом Людовика XIV из переписки Барийона. Приложение к книге Фокса *"Джеймс II"*. стр. cxiv.

[640] *Комментарии Блэкстоуна*, том iv. стр. 48; *Канцлеры Кэмпбелла*, том iii. стр. 431. Это уничтожение судебного приказа об *Эретико комбурендо* произошло в 1677 году. Это замечено в *Трактате Палмера о Церкви*, т. i, стр. 500; и в книге Коллиера *"Экклезиаст"*. История. том. viii. с. 478.

[641] Это было в 1664 году. Смотрите отчет об этом в книге Кольера *"Экклезиаст"*. История. том. viii. стр. 463-466. Колльер, который явно недоволен этим изменением, говорит: 'Следовательно, согласие на взимание налогов светским сообществом делает духовенство более зависимым от иностранного органа, лишает его права распоряжаться своими собственными деньгами и в некоторой степени распоряжается своим имуществом по своему усмотрению'. Смотрите также о вреде, который это нанесло церкви, в книге Ламберти *"История"*. о созыве, стр. 259, 260. И Кольридж (*Литературные останки*, том iv. стр. 152, 153) указывает на это как на характеристику одной из трех 'эпох великого зла нашей нынешней церкви'. Однако тенденция того времени была настолько заметной, что эта важнейшая мера была мирно осуществлена по соглашению между Шелдоном и Кларендоном. См. Заметки Онслоу в *"Собственном времени Бернета"*, том i, стр. 340, том iv, стр. 508, 509. Сравните заявление лорда Кэмдена (*Parl. Hist. vol. xvi. p. 169*) с речью лорда Батерста (*vol. xxii. p. 77*); и лорда Темпла по делу Тука (*vol. xxxv. p. 1357*). Мистер Карвитен (*Hist. Англиканской церкви*, том ii. стр. 354, Оксфорд, 1849) скорбит по поводу "этого лишения свобод английского духовенства".

[642] 13 Цар. II. с. 12. Сравните книгу Стивенса *"Жизнь Тука"*, том i, стр. 169, 170, с *Комментариями Блэкстоуна*, том iii, стр. 101. Мистер Халлам (*Const. Hist. vol. i. pp. 197, 198*) привел доказательства того, каким образом духовенство имело обыкновение причинять вред своим оппонентам с помощью *клятвы ex-officio*.....

[643] Это было предметом знаменитого спора о Скиннере в 1669 году; и 'с этого времени, - говорит мистер Хэллем, - лорды молчаливо отказались от всех претензий на первичную юрисдикцию в гражданских исках'. *Конст. История*. том ii. стр. 184. В *Истории Милля есть отчет об этом случае со Скиннером, который был связан с Ост-Индской компанией. об Индии*, том i. стр. 102, 103.

[644] *Константа Халлама. История*. том ii. стр. 189-192; и *"Английские древности"* *Экклстона*, стр. 326. Споры между двумя палатами, касающиеся налогообложения, очень кратко описаны в *Истории Паркера. о его Собственном времени*, стр. 135, 136.

[645] "Известные права на поставку и преимущественное использование" были отменены 12 Кар. II. с. 24. *Закон Халлама. История*. том ii. стр. 11. Берк в своей великолепной речи об экономической реформе описывает злоупотребления старой системы снабжения. *Работы Берка*, том i, стр. 239. См. также книгу Кембла *"Саксы в Англии"*, том ii. стр. 88, примечание; *Баррингтон о статутах*, стр. 183-185, 237; *История Лингарда. из Англии*, том ii. стр. 338, 339; *История Синклера. о доходах*, том i, стр. 232; *Парл. История*. том iii. стр. 1299. Эти отрывки дадут представление о беззакониях, совершавшихся в рамках этого "права", которое, как и большинство вопиющих несправедливостей, было одним из старых добрых обычаев британской конституции, по крайней мере, таким же древним, как Канут. См. *Аллена о королевской прерогативе*, стр. 152. Действительно, недавний автор значительной учености (*Спенс, Происхождение законов Европы*, стр. 319) выводит его из римского права. В 1656 году был внесен законопроект об его отмене. См. *"Кромвелевский дневник" Бертона*, том i, стр. 81.

Когда Адам Смит писал, это все еще существовало во Франции и Германии. *Богатство наций*, книга III. глава ii. стр. 161.

[646] Об Акте Хабеас корпус, который стал законом в 1679 году, см. *"Канцлеры Кэмпбелла"*, том iii. стр. 345-347; *Макинтош, Революция 1688 года*, стр. 49; и *История Лингарда. из Англии*, т. viii. с. 17. Особенности этого закона по сравнению с его имитациями в других странах четко изложены в книге Мейера *"Дух судебных учреждений"*, том ii, стр. 283. Г-н Листер (*"Жизнь Кларендона"*, том ii, стр. 454) говорит: "Заключение в тюрьмы за морями не запрещалось законом до принятия Закона о Хабеас корпус в 1679 году".

[647] Блэкстоун (*Комментарии*, том iv, стр. 439) называет это "великой и необходимой гарантией частной собственности"; а лорд Кэмпбелл (*Канцлеры*, том iii, стр. 423) называет это "самым важным и наиболее полезным законодательным актом, которым мы можем похвастаться". О его последствиях сравните ценный комментарий Джонса к Исаусу. (*Труды сэра У. Джонса*, том iv. стр. 239) с *Коллизией законов Стори*, стр. 521, 522, 627, 884; и *Тейлер о статутном праве*, в *Журнале статистического общества*, том. xvii. с. 150.

[648] Лорд Кэмпбелл (*Жизнеописания канцлеров*, т. iii. стр. 247) говорит, что борьба 1667 года "положила конец всеобщим импичментам".

[649] Печать сначала регулировалась королевскими прокламациями; затем Звездной палатой; а затем Долгим парламентом. Декреты Звездной палаты были взяты за основу 13 и 14 Кар. II. с. 33; но срок действия этого закона истек в 1679 году и не возобновлялся во время правления Карла II. Сравните комментарий Блэкстоуна. том iv. стр. 152, с *Историей Ханта. из газет*, том i, стр. 154, и *История Фокса. о Джеймсе II.* стр. 146.

[650] Самый полный отчет, который я видел в какой-либо истории об этой великой революции, которая смела традиции и язык феодализма, дан в книге Харриса *"Жизнь Стюартов"*, том iv. стр. 369-378. Но Харрис, хотя и был трудолюбивым коллекционером, был человеком слабых способностей и совершенно не осознавал реальной природы изменений, наименьшую часть которых составляли очевидные и немедленные практические результаты. Истинная точка зрения заключается в том, что это было официальное признание законодательным органом того факта, что средневековье ушло в прошлое и что было необходимо начать более современную и новаторскую политику. Позже у меня будет возможность рассмотреть это подробно, и показать, что это был всего лишь симптом революционного движения. Тем временем читатель может обратиться к очень коротким замечаниям в *Истории феодальной собственности Далримпла*, стр. 89; *Комментарии Блэкстоуна*. том ii. стр. 76, 77; *Конст. История*. том ii. с. 11; *Парл. История*. том iv. стр. 53, 167, 168; *Мейер, Судебные учреждения*, том ii. стр. 58.

[651] У мистера Халлама есть благородный пассаж об услугах, оказанных английской цивилизации пороками английского двора: 'Мы, однако, в большом долгу перед памятью Барбары, герцогини Кливлендской, Луизы, герцогини Портсмутской, и миссис Элеонор Гвин. Мы должны отдать дань благодарности Мэям, Киллигрю, Чиффинчам и Грэммонтам. Они сыграли полезную роль в избавлении королевства от его одурманенной лояльности. Они спасли наших предков от Звездной палаты и Верховного суда; они трудились по своему призванию против постоянных армий и коррупции; они продвигали великую конечную гарантию английской свободы - изгнание Дома Стюартов'. *Конст. История*. том ii. стр. 50.

[652] Бернет (*Собственное время*, том i, стр. 448) сообщает нам, что в 1667 году король даже на совете высказался против епископов и сказал, что духовенство "не думает ни о чем, кроме как получать хорошие пособия и содержать хороший стол". Смотрите также о его неприязни к епископам, том ii, стр. 22; и *Дневник Пеписа*, т. iv. стр. 2. В другом месте, т. iv. стр. 42, Пепис пишет: "И я верю, что иерархия через некоторое время поколеблется, хотя бы они того или нет; король, как я слышал, обижен на них и настроен против этого". Эвелин в разговоре с Пеписом с сожалением заметила такое поведение Чарльза, "что рядом с ним никогда не будет епископа, как это всегда было у короля Франции". *Пепис*, том iii. стр. 201. Эвелин в своей доброжелательной манере приписывает это 'небрежности духовенства', но история учит нас, что духовенство никогда не пренебрегало королями, за исключением тех случаев, когда король впервые пренебрегал ими. Сэр Джон Рересби приводит любопытный отчет о беседе Карла II. которую он вел с ним относительно "голов в митрах", в которой чувства короля очень очевидны. *Путешествия и мемуары Рересби*, стр. 238.

[653] О враждебности духовенства против Гоббса и о степени, в которой он отвечал ей взаимностью, сравните *"Письма и жизни Обри"*, том ii. стр. 532, 631; *Теннеманн, Gesch. der Philos.* том x, стр. 111; с гневным языком Бернета (*Собственное время*, том i, стр. 322) и Уистона (*Мемуары*, стр. 251). См. также книгу Вуда *"Athenæ Oxonienses"*, редактирование. Блисс, том iii. стр. 1211. Монконис, который был в Лондоне в 1663 году, говорит о Гоббсе: "Как я могу избежать ответа на вопрос о том, как род английских католиков и протестантов избегает любви". *"Путешествия Монкониса"*, т. iii. стр. 43; и стр. 115, 'M. Hobbes, que je trouvai toujours fort ennemi des prêtres catholiques et des protestans.' Примерно в то же время Сорбьер был в Лондоне; и он пишет о Гоббсе: "Я не знаю, как это получается, духовенство боится его, как и оксфордские математики и их приверженцы; поэтому его величеству (Карлу II.) было приятно провести очень хорошее сравнение, когда он сказал мне, что он похож на медведя, которого они натравили собаками, чтобы испытать его". *Путешествие Сорбьера в Англию*, стр. 40.

[654] Это было обычное выражение для тех, кто нападал на устоявшиеся мнения в конце семнадцатого и даже в начале восемнадцатого века. Примеры этого см. в книге Бакстера *"Жизнь самого себя"*, фолио, 1696, часть iii. стр. 48; *Сочинения Бойля*, т. v. стр. 505, 510; *"Жизнь монаха Бентли"*, т. i. стр. 41; *Вернон Коррент*. т. iii. стр. 13; *"Жизнь Локка"* Кинга, т. i. стр. 191; *"Жизнь Ньютона"* Брюстера, т. ii. стр. 149....."

[655] По словам Бернета, они 'произвели глубокое и неизгладимое впечатление на короля'. *Собственное время*, том i, стр. 172.

[656] Рисунок Купера. См. *Книгу Вуда "Athenæ Oxonienses"*, редактирование. Блаженство, том iii. стр. 1208.

[657] *Sorbiere's Voyage to England*, p. 39; *Wood's Athenæ Oxonienses* О популярности работ Гоббса в царствование Карла II. сравните *Дневник Пеписа*, том iv, стр. 164, с *Жизнеописаниями Северян*, том iii, стр. 339.

[658] Епископ Бернет говорит о нем при его назначении: 'Поскольку он никогда не был великим богословом, то теперь он вышел на пенсию'. *Собственное время*, том i, стр. 303.

[659] Образец которой приводит его друг, епископ Паркер. См. *"Историю своего времени"* Паркера, стр. 31-33. Сравните *историю Нила. о пуританах*, т. iv. с. 429; *Воспоминания Уилсона о Де Фо*, т. i. с. 46.

[660] В 1669 году Пепис был на одном из таких увеселений, которое проходило не только в доме, но и в присутствии архиепископа. Смотрите скандальные подробности в *Дневнике Пеписа*, т. iv. стр. 321, 322; или в книге Уилсона *"Де Фо"*, т. i. стр. 44, 45.

[661] Бернет, знавший Санкрофта, называет его "слабодушным и боязливым человеком" (*"Собственное время"*, т. iii. стр. 354); и упоминает (т. iii. стр. 138) пример его суеверия, в который легко поверит любой, кто читал его нелепые проповеди, которые Д'Ойли неоднократно приводил. нечестиво опубликованный. См. Приложение к книге Д'Ойли *"Санкрофт"*, стр. 339-420. Доктор Лейк говорит, что все были поражены, когда стало известно, что Санкрофт станет архиепископом. *Дневник Лейка*, 30 декабря 1677 г., стр. 18, в первом томе *Камденского сборника*, 1847, 4то. Его характер, насколько он у него был, справедливо описан доктором Берчем: 'медлительный, робкий и ограниченный, но в то же время хороший, честный и исполненный благих намерений человек'. *"Жизнь Тиллотсона" Берча*, стр. 151. Смотрите также "Уважая его", *"История Маколей". Англии*, том ii. стр. 616, том iii. стр. 77, том iv. стр. 40-42.

[662] Фревен был настолько малоизвестным человеком, что о нем нет сведений ни в *Биографическом словаре Чалмерса*, ни в более поздней, но неполноценной работе Роуза. То немногое, что известно о Стерне, неблагоприятно. Сравните *"Бернет"*, том ii, стр. 427, с *"Жизнью самого себя"* Бакстера, фолио, 1696, часть ii, стр. 338. А о Долбене я не смог собрать ничего интересного, кроме того, что у него была хорошая библиотека. Смотрите традиционный отчет в *"Воспоминаниях Джонса о епископе Хорне"*, стр. 66.

[663] Его женой была Джоанна Бриджес, незаконнорожденная дочь Чарльза I. Сравните *Заметки и запросы*, том vii, стр. 305, с *"Жизнью Джереми Тейлора" Хибер* в *"Работах Тейлора"*, том i, стр. xxxiv. Епископ Хибер, стр. xxxv. добавляет: "Но, несмотря на великолепие такого союза, нет оснований полагать, что он существенно увеличил доход Тейлора".

[664] Кольридж (букв. *Remains*, vol. iii. p. 208) говорится, что это пренебрежение Чарльзом Джереми Тейлором "является проблемой, для которой, возможно, его добродетели представляют наиболее вероятное решение".

[665], безусловно, превосходил его по всесторонности и диапазону исследований; так что уважаемый авторитет метко сказал, что он был одновременно 'великим предшественником сэра Исаака Ньютона и гордостью английской кафедры'. *"Экклезиаст" Вордсворта. Биог.* том iv. стр. 344. См. также, уважая Барроу, *Монтукла, История. des Mathémat.* vol. ii. pp. 88, 89, 359, 360, 504, 505, vol. iii. pp. 436-438.

[666] 'Его отец сильно пострадал в своем поместье из-за своей привязанности к королевскому делу'. *Биография Чалмерса. Диктант.* том iv. стр. 39.

[667] Барроу, недовольный тем, что не получил привилегий после реставрации, написал строки:

'Te magis optavit reditum Carole nemo;
Et sensit nemo te rediisse minus.'

"Жизнь Барроу" Гамильтона, в *"Произведениях Барроу"*, издание 1845 г., том i, стр. xxiii.

[668] Все, что сказал мистер Маколей о презрении, которому подверглось духовенство в правление Карла II. это совершенно точно; и из свидетельств, которые я собрал, я знаю, что этот

очень способный писатель, о чьих обширных исследованиях мало кто может судить компетентно, скорее преуменьшил значение дела, чем преувеличил его. В некоторых вопросах я осмелился бы не согласиться с мистером Маколеем, но я не могу удержаться от выражения своего восхищения его неутомимым трудолюбием, непревзойденным мастерством, с которым он расставляет материалы, и благородной любовью к свободе, которая одушевляет все его работы. Это качества, которые надолго переживут клевету его ничтожных недоброжелателей — людей, которые с точки зрения знаний и способностей недостойны ослабить хватку того, на кого они по глупости нападают.

[669] *Константа Халлама. История.* том ii. стр. 142, 143, 153-156; из чего явствует, что это движение началось около 1681 года. Духовенство в целом, естественно, благосклонно относится к этой доктрине; и следующий отрывок, опубликованный всего двенадцать лет назад, даст читателю представление о взглядах, которых придерживаются некоторые из них. Преподобный мистер Сьюэлл (*Христианская политика*, Лондон, 1844, стр. 157) говорит, что правящий принц - это "существо, вооруженное высшей физической властью рукой и разрешением Провидения; как таковой, он является хозяином нашей собственности, хозяином наших жизней, источником чести, блюстителем закона, перед которым каждый подданный должен подчинить свою волю и сообразовывать свои действия Который, когда он ошибается, ошибается как человек, а не как король, и несет ответственность не перед человеком, а перед Богом". И на стр. 111 тот же автор сообщает нам, что церковь "единым, решительным голосом провозгласила долг "пассивного повиновения"". См. Также об этом рабском догмате, поддерживаемом церковью, "*Экклезиаст*" *Вордсворта. Биография.* том iv. стр. 668; *Жизнь Кена, написанная непрофессионалом*, том ii. стр. 523; *История Лэтбери. of Convocation*, стр. 228; "*Невиновные*" *Лэтбери*, стр. 50, 135, 197; и письмо Нельсона, автора "*Постов и фестивалей*", в "*Литературе Николса*". *Анекдот.* том iv. стр. 216. Поэтому Фокс не без оснований заявил Палате общин, что 'будучи хорошим церковником, человек может стать плохим гражданином'. *Парл. История.* том xxix. стр. 1377.

[670] Архиепископ Кентерберийский в 1678 году предпринял попытку обратить Иакова в свою веру; и в письме епископу Винчестерскому он отмечает "счастливые последствия", которые могли бы возникнуть в результате его успеха. Смотрите это характерное письмо в *переписке с Кларендоном*, том ii. стр. 465, 466. Смотрите также откровенно, но широко изложенные мотивы епископов в ценной работе мистера Уилсона "*Жизнь де Фо*", том i, стр. 74.

[671] В брошюре высшей церкви, опубликованной в 1682 году против билля об исключении, отстаивается дело Джеймса; но настоятельно подчеркивается неудобство, которое он испытал бы, оставаясь католиком. Смотрите коварные замечания в *Трактатах Сомерса*, том. viii. стр. 258, 259.

[672] "*Экклезиаст*" *Вордсворта. Биография.* том iv. с. 665. Об их стремлении выступить против законопроекта см. "*Жизнь Стюартов*" *Харриса*, т. v., стр. 181; "*Собственное время Бернета*", т. ii, стр. 246; "*Трактаты Сомерса*", т. x, стр. 216, 253; "*Канцлеры Кэмпбелла*", т. iii, стр. 353; "*История*" *Карвитена. Англиканской церкви*, том ii. стр. 431.

[673] При восшествии на престол Якова II. 'кафедры по всей Англии оглашались благодарственными возгласами; и многочисленные обращения льстили его Величеству в самых сильных выражениях, заверяя в непоколебимой верности и послушании, без ограничений и сдержанности'. *История Нила. о пуританах*, т. v., стр. 2. См. также *Жизнь Калами*, т. i., стр. 118.

[674] 18 марта 1687 года король объявил Тайному совету, что он решил 'предоставить своей собственной властью полную свободу совести всем своим подданным. 4 апреля появилась памятная декларация о снисхождении'. *История Маколея. of England*, том ii. стр. 211; и см. *Жизнь Джеймса II.*, под редакцией Кларка, том II. ii, стр. 112. Краткое изложение Декларации есть в *Истории Нула. о пуританах*, том v. стр. 30, 31. Что касается второго заявления, см. *Macaulay*, vol. ii. стр. 344, 345; *Clarendon Correspondent*. vol. ii. стр. 170.

[675] Осенью 1685 года духовенство и правительство с наибольшей ожесточенностью преследовали инакомыслящих. См. *Историю Маколея*. том i. стр. 667, 668. Сравни *биографию Нула. of the Puritans*, vol. v., стр. 4-12, с письмом лорда Кларендона, датированным 21 декабря 1685 г., в *Clarendon Correspondent*. vol. i. стр. 192. Сказано (*Собственное время Бернета*, том iii. стр. 175, 176), что во многих случаях церковная партия использовала церковные суды для вымогательства денег у неконформистов; и для подтверждения этого см. *Революцию Макинтоша 1688 г.*, стр. 173, 640.

[676] Из отчетов Военного министерства явствует, что Яков даже в первый год своего правления располагал постоянной армией численностью почти в 20 000 человек. *Революция Макинтоша*, стр. 3, 77, 688: 'Впервые во время мира на этом острове была создана дисциплинированная армия численностью около 20 000 человек'. Поскольку это, естественно, вызвало большую тревогу, король объявил, что их численность не превышает 15 000 человек. *Жизнь Джеймса II.*, под редакцией Кларка, том ii. стр. 52, 57.

[677] Сравните *Бернета*, том iii. стр. 55-62, с *Мемуарами Далримпла*, том i. часть i. книга ii. стр. 198-203. Кен, насколько я помню, был единственным, кто выступил против этих зверств. Он был очень гуманным человеком и делал все, что мог, чтобы смягчить страдания заключенных во время восстания Монмута; но не упоминается, что он пытался остановить преследования, направленные против невинных неконформистов, которые были варварски наказаны не потому, что они восстали, а потому, что они были несогласны. *Жизнь Кена, написанная непрофессионалом*, том i, стр. 298.

[678] "Из поведения духовенства в это и предыдущее царствование совершенно ясно, что если бы король был протестантом, исповедующим Англиканскую церковь, или даже тихим, покорным католиком, без всякого рвения к своей религии, — ограничиваясь исключительно государственными делами и с должным уважением относясь к церковной собственности, — он был бы мог бы грабить других протестантов по своему усмотрению и попираť свободы своей страны, не опасаясь сопротивления." *"Жизнь де Фо" Уилсона*, том i, стр. 136. Или, как говорит Фокс: "Таким образом, до тех пор, пока Джеймс довольствовался абсолютной властью в гражданских делах и не использовал свой авторитет против церкви, все шло гладко и непринужденно". *История Фокса. о Якове II.*, стр. 165.

[679] Сравните *биографию Нула. о пуританах*, том v., стр. 58, с *Жизнеописанием Джеймса II.*, изд. Кларк, том ii, стр. 70; где хорошо сказано, что духовенство Англиканской церкви 'проповедовало прерогативы и суверенную власть на высочайшем уровне, пока это было им выгодно; но когда они почувствовали исходящую от этого наименьшую опасность, они закричали, как только ботинок защемил, хотя это было их собственное надевание'. См. Также стр. 113, 164. В чем заключалось их раболепие перед короной, в то время как они думали, что корона с ними, можно оценить по заявлению Де Фо: "Я слышал, как публично проповедовалось,

что если король потребует мою голову и пошлет за ней своих гонцов, я обязан буду подчиниться и стоять, пока ее отрубят". *"Жизнь де Фо" Уилсона*, т. i, стр. 118.

[680] Д'Ойли (*Жизнь Санкрофта*, стр. 164) говорит: 'В целом предполагается, что не более 200 из всего духовенства, оцениваемого в 10 000 человек, выполнили требование короля'. 'Только семеро подчинились в Лондонском сити, и не более 200 по всей Англии'. *Собственное время Бернета*, том iii. стр. 218. В воскресенье, 20 мая 1688 года, лорд Кларендон пишет: 'Я был в церкви Святого Джеймса; вечером мне сообщили, что Декларация была зачитана только в четырех церквях Сити и либертиз'. *Переписка Кларендона*. том ii. стр. 172, 173. Когда об этом поведении стало известно, было замечено, что церковь "поддерживала корону только до тех пор, пока она ей диктовала; и взбунтовалась в тот момент, когда ей запретили проявлять нетерпимость". *Революция Макинтоша 1688 г.*, стр. 255.

[681] Первые успехи были достигнуты, когда готовилась Декларация короля в пользу "свободы совести", и сразу после слушаний в Оксфорде, когда он продемонстрировал свою решимость разрушить монополию церкви на должности. 'Духовенство в то же время молилось и умоляло раскольников выступить на их стороне и поддержать Истеблишмент, щедро обещая благосклонность и братскую привязанность, если они когда-нибудь придут к власти'. *История Нила. о пуританах*, т. v., стр. 29. Смотрите также, на стр. 58, 59, примирительное письмо архиепископа Кентерберийского после Заявления. 'Таков,' говорит Нил, - таков был язык церкви, попавшей в беду!' Сравните книгу Берча *"Жизнь Тиллотсона"*, стр. 153; *Переписку Эллиса*. том ii. стр. 63; *Оригинал Эллиса. Письма*, 2-я серия, т. iv. стр. 117; *Революция Макинтоша*, стр. 286; *Трактаты Сомерса*, т. ix. стр. 132; *История Маколея. из Англии*, том ii. стр. 218, 219.

[682] Смотрите возмущенный язык Де Фо *"Жизнь де Фо" Уилсона*, том i, стр. 130, 131, 133, 134; и *Письмо диссидента епископам-петиционерам*, в *"Трактатах Сомерса"*, том ix, стр. 117, 118. Автор говорит: 'Прошу вас, милорды, позвольте мне задать вам вопрос. Предположим, что король вместо своего Заявления издал бы прокламацию, повелевающую мировым судьям, констеблям, осведомителям и всем другим лицам быть, по возможности, более строгими в отношении инакомыслящих и делать все возможное для их полного подавления и уничтожения; и приказал бы зачитывать это в ваших церквях во время богослужения, — стали бы вы сомневаться в этом?'

[683] То, что это было непосредственной причиной, насколько это касалось главы церковной партии, без зазрения совести признается биографом и защитником тогдашнего архиепископа Кентерберийского. "Приказ, опубликованный королем на совете 4 мая 1688 года, предписывающий архиепископам и епископам разослать духовенству в их соответствующих епархиях Декларацию о свободе совести для публичного зачитывания во всех церквях королевства, сделал невозможным для архиепископа Кентерберийского больше воздерживаться от открытого выступления против советов, в соответствии с которыми, к несчастью, действовал король". *"Жизнь Санкрофта" Д'Ойли*, стр. 151.

[684] Некоторые авторы пытались защитить духовенство на том основании, что они считали незаконной публикацию декларации такого рода. Но такая защита несовместима с их доктриной пассивного повиновения; и, кроме того, ей противоречили их собственные прецеденты и решения. Джереми Тейлор в своем *"Правителе Дубитантии"*, "их великом авторитетном труде", утверждает, что "незаконные прокламации и эдикты истинного принца

могут быть опубликованы духовенством по нескольким обвинениям'. "*Жизнь Тейлора*" *Хибера*, стр. cslxxxvi. Хибер добавляет: 'Лучше бы я не находил этого у Тейлора; и я благодарю Небеса, что этот принцип не был принят английским духовенством в 1687 году'. Но почему он не был принят в 1687 году? Просто потому, что в 1687 году король напал на монополию, которой пользовалось духовенство; и поэтому духовенство забыло о своем принципе, что оно может поразить своего врага. И что делает мотивы этого изменения еще более осязаемыми, так это то, что еще в 1681 году архиепископ Кентерберийский заставил духовенство прочитать Декларацию, изданную Карлом II.; и что в исправленном экземпляре Литургии он также добавил рубрику с тем же эффектом. Посмотрите *биографию Нила. из пуритан*, т. v., стр. 56. Сравните *Собственную жизнь Калами*, т. i, стр. 199, 200; *Революцию Макинтоша*, стр. 242, 243; "*Жизнь Санкрофта*" *Д'Ойли*, стр. 152; "*Жизнь Локка*" *Кинга*, т. i., стр. 259; "*Жизнь Джеймса II*", изд. Кларк, том ii. стр. 156.

[685] Они суммированы в популярной брошюре, приписываемой лорду Сомерсу и напечатанной в "*Трактатах Сомерса*", т. x. стр. 263, 264. Уменьшение уважения, испытываемого к короне после 1688 года, разумно отмечено в *Истории Махона. об Англии*, том i, стр. 9.

[686] Закон о веротерпимости был принят в 1689 году. Его копию предоставили историки диссидентов, которые называют его своей Великой хартией вольностей. См. "*Историю диссидентов*" *Боуга и Беннетта*, том i, стр. 187-198. Историк католиков также допускает, что правление Вильгельма III. - это 'эпоха, с которой можно датировать их религиозную терпимость'. *Воспоминания Батлера о католиках*, том iii. стр. 122, 139. Это сказано мистером Батлером в отношении не протестантских диссидентов, а католиков; так что мы имеем признание обеих сторон относительно важности этой эпохи. Даже позорный акт, навязанный Уильяму в 1700 году, был, как справедливо говорит мистер Халлам, обойден в худших своих положениях. *Const. История*. том ii. стр. 332, 333.

[687] *Канцлеры Кэмпбелла*, том iv. стр. 102, 355, и его *главные судьи*, том ii. стр. 95, 116, 118, 136, 142, 143. Смотрите также *Замечания Баррингтона по Статутам*, стр. 23, 102, 558; и даже *Историю Элисон. Европы*, т. i, с. 236, т. ix, с. 243; неосторожная уступка такого врага народной свободе.

[688] Это было сделано до конца семнадцатого века. См. "*Канцлеры Кэмпбелла*", том iv. стр. 121, 122. Сравните "*Лорд Кэмден о литературной собственности*" в *части. История*. том xvii. с. 994; *История газет Ханта*, том i. стр. 161, 162; *Трактаты Сомерса*, том xiii. с. 555; и более подробный отчет в *книге Маколей "История". of England*, vol. iv., стр. 348 и далее. 540; хотя м-р Маколей, приписывая так много влиянию Блаунта, на стр. 353, я думаю, недостаточно подробно остановился на действии более крупных и общих причин.

[689] Мистер Кук (*Hist. of Party*, том ii. стр. 5, 148) отмечает этот замечательный подъем денежных классов в начале восемнадцатого века; но он просто замечает, что следствием этого было усиление партии вигов. Хотя это, несомненно, верно, конечные результаты, как я укажу ниже, были гораздо важнее любых политических или даже экономических последствий. Банк Англии был основан только в 1694 году; и это великое учреждение поначалу встретило самое горячее сопротивление со стороны поклонников старины, которые считали его, должно быть, бесполезным, потому что их предки обходились без него. Смотрите любопытные подробности *биографии Синклера. of the Revenue*, том iii. стр. 6-9; а о связи между ним и вигами см.

Историю Маколея. из Англии, том iv. стр. 502. В книге Смита "Богатство народов", книга ii, есть краткий отчет о его происхождении и прогрессе. глава ii. стр. 130.

[690] Часто понимается неправильно, даже теми, кто ее хвалит. Так, например, ныне здравствующий писатель сообщает нам, что 'какими бы великими ни были обязательства, которые Англия, с самых разных точек зрения, несет перед Революцией, несомненно, величайшими являются те, что она привела к власти монарха, обученного искусству преодоления невежественного нетерпения к налогообложению, которое является неизменной характеристикой свободных сообществ; и, таким образом, дала ему правительство, способное наилучшим образом использовать активность и энергию его жителей, в то же время располагая данными ему средствами для поддержания их независимости'. *История Элисон. of Europe*, том vii. стр. 5. Я полагаю, это самый эксцентричный панегирик, когда-либо произносимый Вильгельму III.

[691] Об их внезапном раскаянии и его причинах см. *Историю Нила. о пуританах*, т. v., стр. 71.

[692] *Революция Макинтоша 1688 года*, стр. 81, 191. После смерти архиепископа Долбена 'кафедра оставалась вакантной более двух лет', и Картрайт надеялся получить ее. См. *Дневник Картрайта*, автор Хантер, 4то, 1843, стр. 45. Точно так же из письма архиепископу Кентерберийскому (*Clarendon Correspondent*. том i, стр. 409) мы узнаем, что в мае 1686 года ощущалось беспокойство из-за того, что ирландские епископства не были заполнены. Сравните *Бернет*, том iii. стр. 103. Карвитен (*История. of the Ch. of England*, том ii. стр. 492) говорится, что Джеймс намеревался возвысить иезуита Петра до архиепископства.

[693] Ламплаф был переведен из епископства Эксетер в архиепископство Йорк в ноябре 1688 года. См. Отчет современника в "*Переписке Эллиса*", том ii, стр. 303, и *оригинальных письмах Эллиса*, вторая серия, том iv, стр. 151. Он был самым ортодоксальным человеком и не только ненавидел раскольников, но и проявлял свое рвение, преследуя их. "*Жизнь де Фо"Уилсона*, том i. стр. 94, 95. Сравните анекдот о нем в *книге Бакстера "Жизнь самого себя"*, фолио, 1696, часть iii. стр. 178, 179.

[694] В письме, датированном Лондоном, 29 сентября 1688 г. (*Эллис, Переписка*, том ii. стр. 224, и *оригинал Эллиса. Письма*, вторая серия, том iv, стр. 128), утверждается, что "отстранение епископа Лондонского от должности снято". См. также *Трактаты Сомерса*, том ix. стр. 215. Это тем более заметно, что, по словам Джонстона, в декабре 1687 года было намерение лишить его свободы. *Революция Макинтоша*, стр. 211, 212.

[695] Эта склонность короля снова благоволить епископам и церкви стала предметом всеобщего обсуждения в сентябре 1688 года. См. *Переписку Эллиса*. том ii. стр. 201, 202, 209, 219, 224, 225, 226, 227; *Переписку Кларендона*. том ii. стр. 188, 192. Сэр Джон Рересби, находившийся тогда в Лондоне, пишет в октябре 1688 года, что Джеймс 'снова начинает ухаживать за Англиканской церковью'. *Воспоминания Рересби*, стр. 357. Действительно, трудности Джеймса теперь становились настолько велики, что у него почти не было выбора.

[696] *Ellis Correspond. vol. ii. p. 211; Life of James II.* Кларк, том ii. стр. 189.

[697] В ноябре 1687 года было сказано, что он желает, чтобы инакомыслящие имели 'полную свободу для полного исповедания своей религии' и были освобождены 'от суровости уголовных законов'. *Трактаты Сомерса*, том ix. стр. 184. Это самое раннее отчетливое замечание,

которое я видел о желании Уильяма лишить церковь права наказывать неконформистов; но после того, как он прибыл в Англию, его намерения стали очевидны. В январе 1688-9 друзья церкви жаловались, "что поддержка, которую он оказывал раскольникам, давала слишком много поводов для ревности к Англиканской церкви". *Переписка Кларендона*. том ii. стр. 238. Сравните *историю Нила. о пуританах*, т. v., стр. 81; *История Боуга и Беннетта. о несогласных*, т. ii. стр. 318; *"Жизнь Тиллотсона" Берча*, стр. 156, 157; *"Трактаты Сомерса"*, т. x. стр. 341, т. xi. стр. 108. Бернет в своем кратком описании характера Уильяма отмечает, что "его безразличие к формам церковного управления и его ревностное отношение к терпимости, а также его холодное поведение по отношению к духовенству произвели на них в целом очень дурное впечатление о нем". *Собственное время*, т. iv. с. 550. На стр. 192 епископ говорит: "Он не обращал внимания на духовенство и, казалось, мало интересовался делами церкви или религии".

[698] Сэр Джон Рересби, который внимательно наблюдал за происходящим, говорит: 'Принц по прибытии казался более склонным к пресвитерианам, чем к членам церкви; что поразило духовенство'. *Воспоминания Рересби*, стр. 375: см. Также стр. 399, 405: "Церковники ненавидели голландцев и предпочли стать папистами, чем принять среди них пресвитериан". Сравните *Дневник Эвелин*, том iii. стр. 281: "Пресвитериане, наши новые губернаторы".

[699] Бернет (*Собственное время*, том iv, стр. 50) говорит о духовенстве в 1689 году: 'Они подозревали короля из-за благосклонности, проявленной к инакомыслящим; но главным образом из-за его отмены епископства в Шотландии и его согласия на создание там пресвитерии'. Об этом великом изменении сравните *"Историю несогласных" Боуга и Беннетта*, том ii. стр. 379-384; *"Историю Барри". Оркнейских островов*, стр. 257; *История Нила. о пуританах*, т. v., стр. 85, 86: а о возмущении, испытываемом англиканским духовенством в связи с упразднением епископства в Шотландии, см. Современную брошюру в *"Трактатах Сомерса"*, т. ix. стр. 510, 516, где выражаются опасения, что Вильгельм осуществит подобную меру в Англии. Автор очень справедливо замечает, стр. 522: "Ибо, если мы откажемся от божественного права епископства в Шотландии, мы должны уступить ему также и в отношении Англии. И тогда мы становимся совершенно ненадежными". См. также т. x., стр. 341, 503; *История Латбери. созыва*, стр. 277, 278; и оригинальные документы *Макферсона*, том i, стр. 509.

[700] *Собственное время Бернета*, том iii. стр. 340. Бернет, у которого были лучшие средства получения информации, говорит: "Хотя он однажды согласился на это, все же не приехал". Лорд Кларендон в своем *дневнике*, 3 января 1688-9, пишет, что архиепископ выразил ему в тот день свою решимость не навещать Уильяма и даже не посылать к нему (*Clarendon Correspondent*. том ii, стр. 240); и это решение, по-видимому, было принято намеренно: "он был осторожен, чтобы не делать этого, по причинам, которые он ранее изложил мне".

[701] Смотрите отчет его капеллана Уортон в *книге Д'Ойли "Жизнь Санкрофта"*, стр. 259, где утверждается, что архиепископ был очень разгневан ("vehementer exandescens") и сказал ему, "что с этого момента он должен воздержаться от вознесения молитв за нового короля и королеву, или же от исполнения обязанностей в своей часовне." См. также *"Жизнь Тиллотсона" Берча*, стр. 144. Точно так же епископ Норвича заявил, "что он не будет молиться за короля Вильгельма и королеву Марию". *Переписка с Кларендоном*. том ii. стр. 263. Тот же дух был повсеместен среди высшего церковного духовенства; и когда за короля и королеву возносились

публичные молитвы, сторонники невинности называли их 'аморальными молитвами', и это стало техническим и признанным выражением. *Жизнь Кена, написанная непрофессионалом*, том ii. стр. 648, 650.

[702] *История Латбери. о невинных*, стр. 45; *Санкрофт Д'Ойли*, стр. 260.

[703] В документах Нэрна в 1693 году упоминается "шестьсот министров, которые не принесли присягу". *Оригинал Макферсона. Документы*, том i, стр. 459.

[704] Единственными друзьями Уильяма среди духовенства были представители низкой церкви, как их впоследствии стали называть; и предполагается, что в 1689 году они составляли едва десятую часть всего корпуса: 'Вероятно, нам следовало бы переоценить их численный состав, если бы мы оценивали их как десятую часть духовенства'. *История Маколея. из Англии*, том iii. стр. 74.

[705] Самый ранний намек на ущерб, который духовенство нанесло церкви своим поведением после прибытия Уильяма, который я видел, содержится в *Дневнике Эвелин*, том iii, стр. 273, — любопытный отрывок, мягко намекающий на "удивление многих" поведением "архиепископа Кентерберийского и некоторых других". Для Эвелин, которая любила церковь, это была неприятная тема; но другие были менее щепетильны; и в парламенте, в частности, мужчины не воздерживались от выражения того, что, должно быть, было самым неприятным. чувства каждого беспристрастного наблюдателя. Во время знаменитых дебатов в январе 1688-9 годов, когда трон был объявлен вакантным, Поллексфен сказал: "Некоторые из духовенства за одно, некоторые за другое; я думаю, они едва ли знают, чего бы они хотели". *Парл. История*. том v., стр. 55. В феврале Мейнард, один из самых влиятельных членов, с негодованием заявил: 'Я думаю, что духовенство не в своем уме; и я считаю, что если бы духовенство настояло на своем, мало кого из нас или вообще никого из нас не было бы здесь снова'. *Там же*. т. v., стр. 129. Духовенство само с горечью ощущало всеобщую враждебность; и один из них пишет в 1694 году: "Народ Англии, который был так чрезмерно влюблен в нас, когда епископы были в тауэре, что едва сдерживался, чтобы не поклоняться нам, теперь, хотел бы я сказать, холоден и очень равнодушен к нам". *Трактаты Сомерса*, том ix. стр. 525. Растущее возмущение против духовенства, вызванное их очевидным желанием принести страну в жертву интересам церкви, ярко отражено в письме сэра Роланда Гвинна, написанном в 1710 году и напечатанном в оригинале *Макферсона. Документы*, том ii. стр. 207.

[706] Бернет назвал их так: 'эти разгневанные люди, которые подняли этот пожар в церкви'. *Собственное время*, том v., стр. 17.

[707] Действительно, партия высшей церкви в своих публикациях отчетливо намекала, что если Джеймс не будет отозван, он должен быть восстановлен иностранной армией. *Трактаты Сомерса*, том x. стр. 377, 405, 457, 462. Сравните *Историю Мэхона. из Англии*, том ii. стр. 138. Бернет (*Собственное время*, том iv, стр. 361, 362) говорит, что они были "сбиты с толку", когда услышали о мире 1697 года; а Калами (*Собственная жизнь*, том ii, стр. 322) делает то же замечание о смерти Людовика XIV: "Это очень озадачило советы якобитов и разрушило их планы".

[708] *D'Oyly's Life of Sancroft*, p. 266; *Buor*. iv. c. 683.

[709] Санкрофт на смертном одре в 1693 году молился за 'бедную страдающую церковь, которая в результате этой революции почти разрушена'. *"Санкрофт" Д'Ойли*, стр. 311; и оригинальные статьи Макферсона, том i, стр. 280. См. также *Замечания*, опубликованные в 1693 году (*Трактаты Сомерса*, том x, стр. 504), где говорится, что Уильям, "насколько это было возможно, распустил истинную старую Англиканскую церковь"; и что "в какой-то момент ее лицо изменилось настолько, что его почти невозможно было узнать снова".

[710] 'Кен, хотя и был лишен этого права, никогда не признавал за светской властью права лишения; и хорошо известно, что он старательно сохранял свой титул'. *"Жизнь Кена" Боулза*, том ii, стр. 225. Таким же образом, Ллойд еще в 1703 году подписывает себя "У. М. Нор". (*Жизнь Кена, написанная мирянином*, том ii, стр. 720); хотя, будучи юридически лишенным этого звания, он был епископом Норвича не больше, чем императором Китая. И Санкрофт в последнем из своих писем, опубликованном Д'Ойли (*Life*, стр. 303), подписывается "W. C."

[711] Станный документ, которым он назначил доктора Ллойда своим генеральным викарием, напечатан на латыни в книге Д'Ойли *"Санкрофт"*, стр. 295, и на английском языке в *"Жизни Кена" мирянина*, том ii, стр. 640.

[712] *История Латбери. из невиновных*, стр. 96; *Жизнь Кена, написанная непрофессионалом*, том ii, стр. 641, 642.

[713] Борьба между Джеймсом и Уильямом была, по сути, борьбой между церковными и светскими интересами; и это было замечено еще в 1689 году, когда, как мы узнаем от Бернета, который был гораздо больше политиком, чем священником, "церковь была словом, данным якобитской партией, под которым они могли более безопасно укрыться", *В свое время*, том iv, стр. 57. См. Также об этом отождествлении якобитов с церковью, *"Жизнь Тиллотсона" Берча*, стр. 222; и "аргумент Додвелла", стр. 246, 247, 1691 г. Додуэлл справедливо заметил, что преемники лишенных епископов были раскольниками с духовной точки зрения; и что, 'если бы они претендовали на светскую власть как на достаточную, они бы ниспровергли существование церкви как общества'. Епископы, назначенные Вильгельмом, очевидно, были незванными гостями, согласно церковным принципам; и поскольку их вторжение могло быть оправдано только светскими принципами, из этого следовало, что успех вторжения был триумфом мирских принципов над церковными. Следовательно, фундаментальной идеей восстания 1688 года является возвышение государства над церковью; точно так же, как фундаментальной идеей восстания 1642 года является возвышение общины над короной.

[714] Согласно доктору Д'Ойли (*Жизнь Санкрофта*, стр. 297), доктор Гордон "умер в Лондоне в ноябре 1779 года и, как предполагается, был последним неработающим епископом". В истории *Шорта. в "Англиканской церкви"*, стр. 583, 1847 год, также говорится, что "этот раскол продолжался до 1779 года". Но мистер Халлам (*Const. Hist.* том ii, стр. 404) указал на отрывок из *судебных процессов штата*, который доказывает, что другой из епископов, по имени Картрайт, все еще жил в Шрусбери в 1793 году; и мистер Латбери (*Hist. of the Nonjurors*, 1845, стр. 412) говорится, что он умер в 1799 году.

[715] Калами (*Собственная жизнь*, том i, стр. 328-330, том ii, стр. 338, 357, 358) дает интересный отчет об этих распрях внутри церкви, последовавших за революцией. Действительно, их ожесточение было таково, что пришлось придумать названия для двух партий; и между 1700 и

1702 годами мы впервые слышим выражения "высокая церковь" и "низкая церковь". См. *"Собственное время Бернета"*, т. iv, с. 447, т. v., с. 70. Сравните *"Жизнь де Фо" Уилсона*, т. ii, с. 26; *Парл. История*. том vi. стр. 162, 498. О различии между ними, как оно понималось в царствование Анны, см. *Трактаты Сомерса*, том xii. стр. 532, и оригинал Макферсона. *Документы*, том ii. стр. 166. О зарождающемся расколе в церкви см. Речь сэра Т. Литтлтона в 1690 году, *Парл. История*. т. v., стр. 593. Поэтому многие жаловались, что не могут определить, какая из церквей настоящая. Смотрите любопытные свидетельства этого замешательства в *Трактатах Сомерса*, т. ix. стр. 477-481.

[716] Альтернатива справедливо изложена в письме, написанном в 1691 году (*"Жизнь Кена"*, написанная мирянином, том ii, стр. 599): "Если лишенный епископ является единственным законным епископом, тогда народ и духовенство его епархии обязаны владеть им, и никем другим; тогда все епископы, которым принадлежит власть нового архиепископа, и живут в общении с ним, являются раскольниками; и духовенство, живущее в общении с епископами-раскольниками, само является раскольниками; и вся Англиканская церковь, ныне установленная законом, является раскольнической".

[717] Лорд Мэхон (*Hist. of England*, vol. ii. p. 245) замечает, по его выражению, "неестественное отчуждение между церковью и государством", ставшее следствием революции 1688 года: и об уменьшении власти церкви, вызванном тем же событием, см. *Воспоминания Филлимора о Литтлтоне*, vol. i. p. 352.

[718] Старый абсурд *де-факто* и *де-юре*; как будто какой-либо человек может сохранить право на трон, который народ не позволил бы ему занять!

[719] В 1715 году Лесли, безусловно, самый способный из них, так излагает их позицию: "Теперь вы поставлены перед дилеммой — клясться или не клясться; если вы клянётесь, вы убиваете душу; а если вы клянётесь нет, вы убиваете тело, лишаясь своего хлеба". *Somers Tracts*, vol. xiii. с. 686. Результатом дилеммы было то, чего можно было ожидать; и один автор, принадлежавший к высшей церкви, в правление Вильгельма III хвастается (*Трактаты Сомерса*, т. x, стр. 344), что клятвы, приносимые духовенством, не были защитой для правительства: 'не то чтобы правительство получало какую-либо безопасность от клятв'. Уистон также говорит в своих *Мемуарах*, стр. 30: "И все же я слишком хорошо помню, что большая часть тех университетских работников и духовенства, которые тогда приносили присягу правительству, как мне показалось, принимали их с сомнительной совестью, если не вопреки ее диктату". Это было в 1693 году; а в 1710 году мы находим: 'Сейчас обстоятельства заставляют нас поверить, что якобитское духовенство имеет аналогичные инструкции приносить любые клятвы, занимать кафедру для служения делу, провозглашать наследственное право, мнимый титул Претендента'. *Трактаты Сомерса*, том xii. стр. 641. Знание об этом факте или, во всяком случае, вера в него вскоре распространились; и восемь лет спустя прославленный Лорд. Каупер, в то время лорд—канцлер, заявил в Палате лордов, "что его величеству также принадлежала лучшая часть земель и все торговые интересы; что касается духовенства, он ничего не скажет, но общеизвестно, что большинство населения было отравлено и что яд еще не полностью выведен'. *Парл. История*. том vii. стр. 541; также приводится, но не совсем дословно, в *"Канцлерах Кэмпбелла"*, том iv. стр. 365.

[720] 'Уклончивость слишком многих в столь священном вопросе немало способствовала укреплению растущего атеизма нынешнего века'. *Собственное время Бернета*, том iii. стр.

381. Смотрите также, с той же целью, т. iv. стр. 176, 177; и замечательный отрывок в *"Трактатах Сомерса"*, т. xii. стр. 573. Вряд ли мне нужно добавлять, что тогда было принято путать скептицизм с атеизмом, хотя эти две вещи не только различны, но и несовместимы. Что касается придинок, касающихся *де-факто* и *де-юре*, и использования их духовенством, читателю следует сравнить *Записки Уилсона о де Фо*, т. i, стр. 171, 172; *Трактаты Сомерса*, т. ix, стр. 531; *"Канцлеры Кэмпбелла"*, т. iv, стр. 409; и письмо преподобного Фрэнсиса Джессопа, написанное в 1717 году в *"Литературе Николса"*. *Иллюстрации*, том iv. стр. 120-123.

[721] Среди которых следует особо упомянуть практику порицания всех книг, поощряющих свободное исследование. В этом отношении духовенство было чрезвычайно проказливым. Смотрите *Историю Лэтбери. of Convocation*, стр. 124, 286, 338, 351; и *"Жизнь де Фо" Уилсона*, том ii. стр. 170.

[722] В 1704 году Бернет (*Собственное время*, т. v. стр. 138) говорит о Convocation: "но им было оказано небольшое сопротивление, поскольку к ним было проявлено очень мало внимания". В 1700 году произошла ссора между верхней и нижней палатами Кентерберийского собрания; что, без сомнения, способствовало этим чувствам. См. *"Жизнь архиепископа Шарпа"* под редакцией Ньюкома, том i, стр. 348, где эта жалкая вражда рассказывается с большой серьезностью.

[723] Чарльз Батлер (*Воспоминания*, том ii, стр. 95) говорит, что окончательное продление было в 1720 году; но, согласно всем другим источникам, с которыми я встречался, это было в 1717 году. Смотрите *Константу Халлама. История*. том ii. стр. 395; *История Лэтбери. созыва*, стр. 385; *История Мэхона. из Англии*, том i, стр. 302; *"Жизнь монаха Бентли"*, том ii, стр. 350.

[724] Письмо, написанное преподобным Томасом Клейтоном в 1727 году, заслуживает прочтения, поскольку иллюстрирует чувства духовенства по этому вопросу. Он утверждает, что одной из причин очевидного вырождения эпохи является то, что из-за того, что Собранию не разрешают собираться, "смелые и нечестивые книги предстают миру в неприкрытой форме без какого-либо общественного порицания". Посмотрите это письмо в *книге Николса "Иллюстрации восемнадцатого века"*, том iv, стр. 414-416; и сравните с ним, *Письма Уорбертона и Херд*, стр. 310-312.

[725] О снижении способностей в церковной литературе см. Примечание 38 к этой главе. В 1685 году была подана жалоба на то, что светские профессии становятся более востребованными, чем церковные. См. *"Нужды Англии"*, раздел lvi. в *"Трактатах Сомерса"*, том ix, стр. 231, где автор скорбно заявляет, что в его время "медицина и юриспруденция, профессии, когда-либо признававшиеся во всех нациях ниже божественности, обычно принимались джентльменами, а иногда и лицами благородного происхождения, и предпочитались намного выше профессии божественного". Это предпочтение, конечно, в наибольшей степени демонстрировали молодые люди с интеллектом; и большое количество энергии, отнятой таким образом у церкви, привело к тому упадку духа и общей силы, который уже был замечен; и на который также указывает Кольридж в своих замечаниях об "апологетической теологии", последовавшей за революцией. *Литература Кольриджа. Останки*, том iii. стр. 51, 52, 116, 117, 119. Сравните *"Очерки Стивена об Экклезиасте"*. *Биография*. 2-я правка. 1850, том ii, стр. 66, об "этом упадке теологии"; и *"Миссия утешителя" Хэйра*, 1850, стр. 264, о 'веке интеллектуальных слабостей'. Эвелин в 1691 году сетует на снижение энергии, которое тогда начало наблюдаться среди 'молодых проповедников'. *Дневник Эвелин*, том iii, стр. 309; и еще одно замечание в 1696 году об

этом "мертвом и безжизненным способе проповедования" см. *Жизнь Кадворта*, стр. 35, в томе i *"Системы интеллекта" Кадворта*.

[726] Шарон Тернер, описывая положение вещей в Англии в пятнадцатом веке, говорит: "Священнослужителями были правительственные секретари, хранители личной печати, члены кабинета министров, казначеи короны, послы, уполномоченные при открытом парламенте и в Шотландии; президенты королевского совета, руководители королевских работ, канцлеры, хранители записей, мастера из "роллс-ройс" и даже от врачей, как при короле, так и при герцоге Глостерском, во время правления Генриха VI и впоследствии." *История Тернера. из Англии*, том vi. стр. 132. Об их огромном богатстве см. *"Английские древности"* Экклстона, стр. 146: "Подсчитано, что в начале четырнадцатого века почти половина земель королевства находилась в руках духовенства".

[727] В 1625 году Уильямс, епископ Линкольнский, был уволен с должности лорда-хранителя; и лорд Кэмпбелл отмечает (*Жизнеописания канцлеров*, том ii, стр. 492): "Это последний раз, когда священнослужитель держит большую печать Англии; и, несмотря на восхищение средневековыми обычаями в некоторых кругах, Я полагаю, что эксперимент вряд ли удастся повторить в ближайшее время.

[728] Монах (*Жизнь Бентли*, том i. стр. 222) говорит, что доктор Джон Робинсон, епископ Бристольский, был 'лордом личной печати и полномочным представителем при Утрехтском договоре; и является последним священнослужителем в Англии, занимавшим какие-либо высокие государственные должности'. Один высокопоставленный церковный писатель в 1712 году жалуется на усилия, которые предпринимались, чтобы 'вытеснить церковников с их руководящих постов в правительстве'. *Трактаты Сомерса*, том. xiii. стр. 211.

[729] В правление Генриха III и после него. 'число архиепископов, епископов, аббатов, приоров и духовных лиц было по большей части равно, а очень часто и намного превышало число светских лордов и баронов'. *"Парламенты и советы Англии"* Парри, Лондон, 1839, стр. xvii. По этому поводу м-р Парри приводит несколько примеров; наиболее примечательным из которых является то, что 'в 49 году Генриха III было вызвано 120 прелатов и только 23 светских лорда'. Это, конечно, был крайний случай.

[730] Смотрите анализ Палаты лордов в 1713 году в *Истории Махона. of England*, том i, стр. 43-45; из которого явствует, что всего их было 207, из которых 26 были духовными. Сюда входят и католики.

[731] По отчетам Министерства обороны за 1854 год я нахожу, что Палата лордов состоит из 436 членов, из которых 30 принадлежат к епископальной скамье.

[732] Различные описания и, конечно, разные взгляды на это окончательное изгнание духовенства из Палаты общин см. *"Жизнь Сидмута" Пеллью*, т. i, стр. 419, 420; *Воспоминания Стивенса о Туке*, т. ii, стр. 247-260; *Воспоминания Холланда. партии вигов*, т. i, с. 178-180; *Канцлеры Кэмпбелла*, т. vii. с. 148; *"Жизнь Элдона" Твисса*, т. i. с. 263; *История Георга III Адольфа*, т. vii, с. 487.

[733] На то, что изгнание духовенства из нижней палаты было естественной прелюдией к изгнанию епископов из верхней, в то время с сожалением намекнул один очень проникательный наблюдатель. В ходе обсуждения "Законопроекта о запрете лицам, имеющим

священный сан, заседать в Палате общин" лорд Турлоу "упомянул о сроках полномочий епископов в настоящее время и сказал, что, если законопроект лишит избирательных прав низшие чины духовенства, дело может дойти до того, что *ударит справа от скамьи преподобных напротив мест в этой палате*"; хотя он знал, что считалось, что преподобные прелаты сидят справа от своих баронств как мирские пэры ". *Часть. История.* том. xxxv. стр. 1542.

[734] Сейчас невозможно установить в полной мере, с какой Англиканская церковь в семнадцатом веке преследовала инакомыслящих; но говорят, что у Джереми Уайта был список из шестидесяти тысяч этих страдальцев в период с 1660 по 1688 год, из которых не менее пяти тысяч умерли в тюрьмах. *История Боуга и Беннетта. о несогласных*, том i, стр. 108. На жестокий дух, которого духовенство отображается в царствование Карла II. сравниваем *Харрис живет Стюартов*, объем. в. п. 106; *Орма жизни Оуэн*, р. 344; *Сомерс путей*, том. XII. стр. 534. Действительно, Харвуд откровенно сказал в Палате общин в 1672 году: "Наша цель - привести всех несогласных в протестантскую церковь, и тому, кто не желает входить в церковь, должно быть нелегко". *Парл. История.* том iv. с. 530. О рвении, с которым этот принцип осуществлялся, см. Отчет, написанный в 1671 году в "*Трактатах Сомерса*", т. vii. стр. 586-615; и заявление Де Фо в "*Жизни Де Фо*" *Уилсона*, т. ii. стр. 443-444.

[735] Помимо переписки, которую герцогиня Мальборо сохранила для наставления потомков, у нас есть некоторые материалы для оценки способностей Анны в письмах, опубликованных в *Мемуарах Далримпла*. В одном из них Анна пишет вскоре после опубликования Декларации о свободе совести: 'Это печальная перспектива, которая ждет всех нас, членов Англиканской церкви. Теперь все сектанты могут делать все, что им заблагорассудится. Каждый может свободно исповедовать свою религию с целью, без сомнения, погубить нас, что, я думаю, для всех беспристрастных судей совершенно очевидно'. *Воспоминания Далримпла*, приложение к книге V. том ii. стр. 173.

[736] Смотрите примечательный отрывок в "*Трактатах Сомерса*", том xii, стр. 558, который следует сравнить с "*Жизнью врага*" *Уилсона*, том iii, стр. 372.

[737] "*История диссидентов*" *Боуга и Беннетта*, том i. стр. 228-230, 237, 260-277; и "*Const. История.* том ii. стр. 396, 397. М-р Халлам говорит: 'Невозможно ни на мгновение усомниться в том, что, если бы жизнь королевы сохранила правительство Тори на несколько лет, все следы терпимости были бы стерты'. Из *Переписки с Верноном*. том iii. стр. 228, 1841 год, следует, что вскоре после восшествия на престол Анны было предложено "лишить инакомыслящих их голосов на выборах"; и мы знаем от Бернета (*Собственное время*, том v. стр. 108, 136, 137, 218), что духовенство было бы радо, если бы Анна проявила против них еще большее рвение, чем на самом деле.

[738] *История Боуга и Беннетта. о несогласных*, том iii. стр. 118. В "*Истории баптистов*" *Ивмее* говорится, что смерть Анны была "ответом на молитвы раскольников". "*Банальная книга Саути*", третья серия, стр. 135; см. также стр. 147 о радости несогласных по поводу смерти этой беспокойной женщины.

[739] Два худших из них, 'закон о борьбе со случайным конформизмом и ограничивающее образование, были отменены на сессии 1719 года'. *Константа Халлама. История.* том ii. стр. 398. Архиепископы Йоркский и Кентерберийский (*История Боуга и Беннетта*) решительно

выступали против отмены закона о борьбе со случайным конформизмом. о несогласных, т. iii, с. 132); но их сопротивление было тщетным; и когда епископ Лондонский в 1726 году пожелал ужесточить Закон о веротерпимости, ему помешал Йорк, генеральный прокурор. Смотрите содержательный ответ Йорка в книге Харриса "Жизнь Хардвика", том i, стр. 193, 194.

[740] В конце семнадцатого века большое внимание привлекло то, как раскольники начали организовываться в общества и синоды. Смотрите в *Vernon Correspondent*. том ii. стр. 128-130, 133, 156 некоторые любопытные свидетельства этого в письмах, написанных Верноном, который в то время был государственным секретарем; а о опасениях, вызванных увеличением числа их школ и систематическим вмешательством в выборы, см. *Жизнь архиепископа Шарпа*, отредактированный Ньюкомом, том i. стр. 125, 358. Церковь стремилась ликвидировать все школы инакомыслящих; и в 1705 году архиепископ Йоркский заявил Палате лордов, что он 'предчувствует опасность, исходящую от увеличения числа инакомыслящих, и особенно от множества созданных ими академий'. *Парл. История*. том vi. стр. 492, 493. См. также "О росте их школ", стр. 1351, 1352.

[741] В *трактатах Сомерса*, т. xii. стр. 684, утверждается, что в правление Карла II. 'это жестокое обращение породило в раскольниках крайнюю враждебность к церковникам-преследователям'. Калами наблюдал за их растущим недовольством в царствование Анны. См. *Собственную жизнь Калами*, том ii. стр. 244, 255, 274, 284, 285.

[742] Если способность возбуждать страсти является подходящим критерием для оценки оратора, мы, безусловно, можем объявить Уайтфилда величайшим со времен апостолов. Его первая проповедь была произнесена в 1736 году (*Литература Николса. Апес.* том ii. стр. 102, 122); его полевые проповеди начались в 1739 году ("*Жизнь Уэсли*" *Саути*, том i. стр. 196, 197); и восемнадцать тысяч проповедей, которые он, как говорят, произнес за свою тридцатичетырехлетнюю карьеру ("*Уэсли*" *Саути*, том ii. стр. 531), произвели самое удивительное воздействие на все классы, образованные и необразованные. Свидетельства волнения, вызванного этим замечательным человеком, и того рвения, с которым читались и слушались его выступления, можно найти в *Литературе Николса. Апес.* том ii. стр. 546, 547 и его *иллюстрации*, том iv. стр. 302-304; *Воспоминания Франклина, написанные им самим*, том i. стр. 161-167; *Переписка Доддриджа*. том iv. стр. 55; *Философия Стюарта. of the Mind*, т. iii. стр. 291, 292; *Письма леди Мэри Монтегю*, в ее произведениях, 1803, т. iv. стр. 162; *Соотв. между леди Помфрет и Хартфордом*, 2-е издание. 1806, том i. стр. 138, 160-162; *Документы Марчмонта*, том ii. стр. 377.

[743] О котором г-н Маколей сказал (*Эссе*, том i, стр. 221, 3-е изд.), что его "государственный гений не уступал Ришелье"; и как бы сильно это ни было выражено, вряд ли это покажется преувеличением тем, кто сравнивал успех Уэсли с его трудностями.

[744] Именно в 1739 году Уэсли впервые открыто восстал против церкви и отказался подчиняться епископу Бристольскому, который приказал ему покинуть свою епархию. "*Жизнь Уэсли*" *Саути*, том i. стр. 226, 243. В том же году он начал проповедовать на полях. Смотрите замечательную запись в его *дневниках*, стр. 78, 29 марта 1739 г.

[745] Они откровенно признают, что 'безразличие было еще одним врагом роста числа инакомыслящих'. *История Боуга и Беннетта. о несогласных*, том iv. стр. 320. В книге Ньюмена "*Развитие христианской доктрины*", стр. 39-43, есть несколько замечаний об уменьшении

энергии уэсли, которые мистер Ньюман, по-видимому, приписывает тому факту, что Уэсли достигли той точки, когда "порядок заменяет энтузиазм". стр. 43. Вероятно, это правда; но я все же думаю, что более масштабное дело было более активным.

[746] Уолпол в своей насмешливой манере упоминает распространение методизма в середине восемнадцатого века (*Письма Уолпола*, том ii. стр. 266, 272); а лорд Карлайл в 1775 году заявил Палате лордов (*Parl. История*. вып. xviii. с. 634) "что методизм с каждым днем набирал силу, особенно в промышленных городах"; в то время как из письма герцога Веллингтона лорду Элдону ("*Жизнь Элдона*" *Твисса*, том ii, стр. 35), которое мы приводим еще позже, явствует, что примерно в 1808 году он обращал в свою веру солдат.

Эти утверждения, хотя и точны, несколько расплывчаты; но у нас есть другие, более точные свидетельства быстрого роста религиозного инакомыслия. Согласно документу, найденному в одном из сундуков Вильгельма III и напечатанному Дэлримплом (*Мемуары*, том ii, часть ii, приложение к главе i, стр. 40), соотношение конформистов и нонконформистов в Англии составляло $22\frac{4}{5}$, к 1. Через восемьдесят четыре года после смерти Уильяма раскольников составляли не двадцать треть, а 'четвертую часть всего сообщества'. Письмо Уотсона герцогу Ратленду, написанное в 1786 году в "*Жизни Уотсона, епископа Лландаффского*", том i, стр. 246. С тех пор движение не прекращалось; и отчеты, недавно опубликованные правительством, раскрывают поразительный факт, что в воскресенье, 31 марта 1851 года, число членов Англиканской церкви, посетивших утреннюю службу, лишь наполовину превысило число независимых, баптистов и методистов, посетивших свои собственные места богослужения. Смотрите таблицу переписи в *Журнале Statistic*. Соч. том. xviii. стр. 151. Если такие темпы упадка продолжатся, то для Англиканской церкви будет невозможно пережить еще одно столетие нападений ее врагов.

[747] Обращение, которому уэслианцы подверглись со стороны духовенства, многие из которых были магистратами, показывает, что произошло бы, если бы правительство не препятствовало такому насилию. См. "*Жизнь Уэсли*" Саути, том i, стр. 395-406. Уэсли сам привел много подробностей, которые Саути не счел нужным сообщать, о клевете и оскорблениях, которым он и его последователи подвергались со стороны духовенства. См. *Дневники Уэсли*, стр. 114, 145, 178, 181, 198, 235, 256, 275, 375, 562, 619, 637, 646. Сравните *наблюдения Уотсона об Уэсли Саути*, стр. 173, 174; а другие свидетельства обращения с теми, кто отличался от церкви, см. в *Переписке и дневнике Доддриджа*, т. ii. стр. 17, т. iii. стр. 108, 131, 132, 144, 145, 156. Гросли, посетивший Англию в 1765 году, говорит об Уайтфилде: "Служители официальной религии делали все возможное, чтобы сбить с толку нового проповедника; они проповедовали против него, представляя его людям фанатиком, провидцем и т.д. и т.п.; В конце концов, они выступали против него с таким успехом, что стали причиной того, что его забрасывали камнями везде, где он открывал рот для публики". *Путешествие Гросли в Лондон*, Лондон, 1772, т. i. с. 356.

[748] То, что уэсли поощрял инакомыслие, придавая ему упорядоченный характер, который в некоторой степени приближен к церковной дисциплине, разумно отмечено в "*Истории диссидентов*" Боуга и Беннетта, том iii. стр. 165, 166. Но эти авторы слишком резко отзываются об Уэсли, хотя нет никаких сомнений в том, что он был очень амбициозным человеком и чрезмерно любил власть. В ранний период своей карьеры он начал стремиться к целям более высоким, чем те, к которым стремились пуритане, к чьим усилиям, особенно в шестнадцатом веке, он относился с некоторым презрением. Так, например, в 1747 году, всего

через восемь лет после того, как он восстал против церкви, он выражает в своем Дневнике свое удивление 'слабостью этих святых исповедников' (елизаветинских пуритан), 'многие из которых тратили так много своего времени и сил на споры о стихарях и капюшонах или на коленопреклонение на Вечере Господней!' *Дневники*, стр. 249, 13 марта 1747 г. Подобная война вряд ли удовлетворила бы парящий ум Уэсли; и из духа, которым пронизаны его объемистые дневники, а также из тщательных и дальновидных мер, которые он предпринял для управления своей сектой, очевидно, что у этого великого раскольника были более широкие взгляды, чем у любого из его предшественников, и что он хотел организовать систему, способную соперничать с установленной церковью.

[749] Мистер Халлам (*Европейская литература*, том iii. стр. 390) говорит, что Камберленд "по-видимому, был первым христианским писателем, который стремился систематически установить принципы морального права независимо от откровения". Смотрите также об этом важном изменении в книге Уэвелла *"История. Моральной философии в Англии"*, стр. 12, 54. Опасности, которым всегда подвергается превращение теологии в основу морали, теперь довольно хорошо поняты; но ни один писатель не указал на них более ясно, чем м. Шарль Конт: смотрите умелое изложение в его *Трактате о легислатуре*, т. i. стр. 223-247. В книге *"Этическая философия Макинтоша"* есть краткий и неудовлетворительный отчет о книге Камберленда, стр. 134-137. Он был человеком значительной образованности, и М. Кватремер отметил его как одного из первых изучающих коптский язык. *Кватремер по языку и литературе Египта*, стр. 89. Он был возведен в сан епископа в 1691 году, опубликовав *"Закон"* в 1672 году. *Биография Чалмерса. Диктант.* том xi. стр. 133, 135.

[750] Это было в его работе под названием *Союз между церковью и государством*, которая впервые появилась, согласно Херду (*Жизнь Уорбертона*, 1794, 4то, стр. 13), в 1736 году и, как можно предположить, вызвала большой скандал. Историю его влияния я прослежу в другой раз; а пока читателю следует сравнить, учитывая его тенденцию, *"Палмер о церкви"*, том ii, стр. 313, 322, 323; *"Работы Парра"*, том i, стр. 657, 665, том vii, стр. 128; *"Опасности Уэтли для христианской веры"*, стр. 190; и *"Литература Николса"*. *Пример.* том iii, стр. 18. В январе 1739-40 Уорбертон пишет Стакли (*Иллюстрации Николса*, том ii, стр. 53): "Но вы знаете, насколько опасны новые пути в теологии из-за шумихи фанатиков против меня". Смотрите также некоторые письма, которыми он обменивался с Питтом-старшим в 1762 году на тему целесообразности, напечатанные в *Chatham Correspondent*. том ii. стр. 184 далее. Уорбертон пишет, стр. 190: "Мое мнение таково и всегда было, что государство не имеет никакого отношения к ошибкам в религии и не имеет ни малейшего права пытаться подавлять их". Сделать такого человека епископом было великим подвигом для восемнадцатого века и было бы невозможным для семнадцатого.

[751] Связь между Камберлендом и Юмом заключается в полностью светском плане, согласно которому оба исследовали этику; в других отношениях между их выводами существует большая разница; но если признать антибогословский метод обоснованным, несомненно, что трактовка предмета Юмом более логична из посылок, чем у его предшественника. Именно это делает Юма продолжателем Камберленда, хотя и с тем преимуществом, что он не только пришел на полвека позже него, но и обладал более всеобъемлющим умом. Этические рассуждения Юма содержатся в третьей книге его *Трактата о природе человека (Философские произведения Юма*, Изд. 1826, т. ii. стр. 219 и далее) и в его *Исследовании принципов морали*, там же. том iv. стр. 237-365.

[752] Моральная система Пейли, будучи по сути утилитарной, завершила революцию в этой области исследований; и поскольку его работа была составлена с большим мастерством, она оказала огромное влияние в эпоху, уже подготовленную к ее восприятию. Его *Моральная и политическая философия* была опубликована в 1785 году; в 1786 году она стала стандартной книгой в Кембридже; и к 1805 году она 'выдержала пятнадцать изданий'. *Воспоминания Мидли о Пейли*, стр. 127, 145. Сравните *историю Уэвелла. о моральной философии*, стр. 176.

[753] То, что труды этих двух выдающихся людей составляют часть одной и той же схемы, хорошо известно тем, кто изучал историю школы, к которой они принадлежат; и об интеллектуальном отношении, которое они имели друг к другу, я не могу придумать ничего лучше, чем сослаться на очень поразительное письмо самого Джеймса Милля в "*Работах*" Бентама, изд. Боуринг, том x. стр. 481, 482.

[754] Отмена Закона о тестировании, допуск католиков в парламент и неуклонно растущее мнение в пользу приема евреев являются ведущими симптомами этого великого движения. О постепенном распространении среди нас доктрины целесообразности, которая по всем предметам, еще не возведенным в ранг наук, должна быть единственным регулятором человеческих действий, см. замечательное, но скорбное письмо, написанное в 1812 году в "*Жизни Уилберфорса*", т. iv, стр. 28. См. Также речь лорда Элдона в 1828 году в "*Жизни Элдона*" Твисса, т. ii, стр. 203.

[755] Из любопытного отрывка в книге Хаттона "*Жизнь самого себя*", стр. 27, мы узнаем, что в 1739 году скептицизм антитринитариев проник среди торговцев Ноттингема. Сравните, учитывая распространение этой ереси, *Литературу Николса. Анекдот.* том. viii. с. 375; *Воспоминания Пристли*, том i. стр. 25, 26, 53; *Переписка Доддриджа. и Дневник*, том ii. стр. 477, примечание; а о Пирсе, который принимал активное участие и которого Уистон хвастается тем, что развратил, см. *Мемуары Уистона*, стр. 143, 144. Шарп, который был архиепископом Йоркским, когда начался спор, предвидел его опасные последствия. *Жизнь Шарпа*, под редакцией Ньюкома, том ii. стр. 7, 8, 135, 136. Смотрите далее примечание Маклейна в книге Мосхайма "*Экклезиаст*". *История.* том ii. стр. 293, 294; *История Лэтбери. of Convocation*, стр. 338, 342, 351; и примечание в *Воспоминаниях Батлера.* том i. стр. 206, 207.

[756] Мистер Батлер (член Совета католиков, том iii. стр. 182-184, 347-350) с явным удовольствием отмечает эффект этого знаменитого спора в ослаблении англиканской церкви. Сравните *историю Боуга и Беннетта. о несогласных*, том iii. стр. 135-141. Уистон (*Мемуары*, стр. 244) говорит: "И действительно, этот бангорский спор, казалось, долгое время привлекал внимание общественности". Подробнее об этом читайте в "*Истории*" Лэтбери. *созыва*, стр. 372-383; *Литература Николса. Анекдот.* vol. i. p. 152, vol. ix. pp. 433, 434, 516; *Иллюстрации Николса*, vol. i. p. 840; "*Жизнь самого себя*" епископа Ньютона, стр. 177, 178.

[757] "*Исповедь*", наиболее умелая атака на подписку на вероучения и статьи, была опубликована в 1766 году; и, по словам современного наблюдателя, 'она вызвала общий дух исследования'. *Воспоминания Каппе*, стр. 147, 148. Следствием этого стало то, что в 1772 году Блэкберном и другими священнослужителями Англиканской церкви было учреждено общество с общепризнанной целью покончить со всеми религиозными подписками. *Николс закурил.* *Анекдот.* том i, стр. 570; *Иллюстрации*, том vi, стр. 854. Была немедленно составлена петиция против этих Статей, подписанная 200 священнослужителями ("*Георг III*" Адольфа Адольфа. том i, стр. 506) и переданная в Палату общин. В последовавшей оживленной дискуссии сэр Уильям

Мередит сказал, что 'тридцать девять статей Англиканской церкви были сформулированы, когда дух свободного исследования, когда либеральные и расширенные представления были еще в зачаточном состоянии'. *Часть. История.* том. xvii. с. 246. Он добавил, стр. 247: 'Некоторые статьи абсолютно непонятны и, более того, противоречивы и абсурдны'. Лорд Джордж Джермен сказал: 'По моему мнению, некоторые статьи непонятны, а некоторые противоречат самим себе'; стр. 265. Мистер Собридж заявил, что статьи "поразительно абсурдны"; мистер Солтер - что они "слишком абсурдны, чтобы их можно было защищать"; а мистер Даннинг - что они "явно нелепы", стр. 294. Для получения дополнительной информации об этой попытке реформы см. *"Жизнь Джебба" Диснея*, стр. 31-36; *"Воспоминания Мэдли о Пейли"*, стр. 88-94; *"Жизнь Портеуса" Ходжсона*, стр. 38-40; *"Воспоминания Пристли"*, т. ii. стр. 582; и характерное замечание в *"Трактате Палмера о Церкви"*, т. i. стр. 270, 271.

[758] Юм говорит, что по возвращении из Италии в 1749 году он застал "всю Англию в волнении из-за свободного исследования доктора Миддлтона". *"Жизнь самого себя" Юма*, в его работах, том i, стр. 7. Смотрите также, о волнении, вызванном этой виртуозной атакой, *"Иллюстрации Николса Восемнадцатого века"*, том ii, стр. 176; которые следует сравнить с *"Корреспондентом" Доддриджа*. том iv, стр. 536, 537: и о "чудесной полемике" в целом, см. *"Жизнь Секера" Портеуса*, 1797, стр. 38; *"Филлимора". Воспоминания о Литтлтоне*, том i, стр. 161; *Литература Николса. Апес.* том ii. стр. 440, 527, том iii. стр. 535, 750, том v. стр. 417, 418, 600; *Письма Халла*, 1778, том i. стр. 109; *Письма Уорбертона к Херду*, стр. 49, 50.

[759] *"Закат" Гиббона* в настоящее время ревностно изучается двумя поколениями нетерпеливых и недобросовестных оппонентов; и я лишь выражаю общее мнение компетентных судей, когда говорю, что с каждым последующим исследованием он приобретал новую репутацию. Против его знаменитых пятнадцатой и шестнадцатой глав были исчерпаны все средства полемики; но единственным результатом стало то, что, хотя слава историка незапятнана, нападки его врагов канули в полное забвение. Работа Гиббона остается; но кто здесь испытывает хоть какой-то интерес к тому, что было написано против него?

[760] Об эффекте, произведенном этими бесподобными письмами Порсона, см. *"Жизнь епископа Берджесса" Харфорда*, стр. 374; а что касается предыдущего поднятия этого вопроса в Англии, см. *"Собственную жизнь Калами"*, т. ii. стр. 442, 443; *"Monk's Life of Bentley"* с. 16-19, 146, 286-289; *Воспоминания Батлера*, т. i. стр. 211. Сравните *Трактаты Сомерса*, т. xii. стр. 137, т. xiii. стр. 458.

[761] Скептический характер геологии впервые отчетливо проявился в последние тридцать лет восемнадцатого века. Раньше геологи по большей части вступали в союз с теологами; но растущая смелость общественного мнения теперь позволяла им проводить независимые исследования, не считаясь с общепринятыми до сих пор доктринами. С этой точки зрения на многое повлияли исследования Хаттона, чья работа, по словам сэра Чарльза Лайелла, содержит первую попытку 'объяснить прежние изменения земной коры исключительно природными факторами'. *Принципы геологии Лайелла*, стр. 50. Установить этот метод означало, конечно, расторгнуть союз с теологами; но более ранний симптом перемен был замечен в 1773 году, то есть за пятнадцать лет до того, как Хаттон написал: "смотрите письмо в книге Уотсона *"Жизнь самого себя"*, том i, стр. 402, где утверждается, что "вольнодумцы" атаковали "Моисеев рассказ о возрасте мира, особенно после публикации *"Путешествий по Сицилии и Мальте" мистера Брайдона*. Согласно Лондесу (*Руководство библиографа*, том i, стр. 279), книга

Брайдона была опубликована в 1773 году; а в 1784 году сэр Уильям Джонс замечает тенденцию этих исследований: см. Его *Рассуждения о богах Греции, Италии и Индии*, в которых он с сожалением отмечает (*Сочинения*, том i, стр. 233), что он жил в "эпоху, когда некоторые умные и добродетельные люди склонны сомневаться в подлинности рассказов Моисея о первобытном мире". С тех пор прогресс геологии был настолько стремительным, что все просвещенные люди, даже среди самого духовенства, отказались от исторической ценности трудов Моисея. Мне достаточно сослаться на то, что было сказано двумя самыми выдающимися представителями этой профессии, доктором Арнольдом и мистером Баденом Пауэллом. Смотрите наблюдения Арнольда в *"Фазах веры"* Ньюмена, стр. 111 (сравните стр. 122, 123); и еще более решительные замечания в *"Проповедях Пауэлла о христианстве без иудаизма"*, 1856, стр. 38, 39. Для других примеров см. *Второй визит Лайелла в Соединенные Штаты*, 1849, т. i. стр. 219, 220.

[762] Обычно предполагается, что воскресные школы были основаны Райксом в 1781 году; но, хотя он, по-видимому, был первым, кто организовал их в подходящем масштабе, нет никаких сомнений в том, что они были основаны Линдси в 1765 году или сразу после него. См. *Мемуары* Каппе, стр. 118, 122; *"Жизнь Берджесса"* Харфорда, стр. 92; *"Литература Николса"*. *Апес.* том iii. стр. 430, 431, том ix. стр. 540; *Биография Чалмерса. Диктант.* т. xxv. с. 485; *Журнал. из Stat. Soc.* vol. x. стр. 196, v. xiii. стр. 265; *"Жизнь Портеуса"* Ходжсона, стр. 92. В *"Социальной статике"* Спенсера, стр. 343, говорится, что духовенство Англиканской церкви как единое целое выступало против создания воскресных школ. (Сравните *наблюдения Уотсона над "Уэсли"* Саути, стр. 149.) Во всяком случае, их число быстро росло, и к концу столетия они стали обычным явлением. См. *Литературу Николса. Апес.* т. v., стр. 678, 679; *Иллюстрации Николса*, т. i, стр. 460; *Жизнь Уилберфорса*, т. i, стр. 180, т. ii, стр. 296; *Дневники Уэсли*, стр. 806, 897.

[763] Мистер Хант (*Hist. of Newspapers*, vol. i. p. 273) не упоминает воскресные газеты ранее, чем сообщение Крэбба в 1785 году; но в 1799 году лорд Белгрейв сказал в Палате общин, что они впервые появились "примерно в 1780 году". *Часть. История.* том. xxxiv. стр. 1006. В 1799 году Уилберфорс попытался принять закон, направленный на их подавление. *Жизнь Уилберфорса*, том ii. стр. 338, 424.

[764] Когда Франклин приехал в Лондон в 1725 году, в метрополии не было ни одной постоянно действующей библиотеки. См. *"Жизнь самого Франклина"*, том i, стр. 64; и в 1697 году: 'единственной библиотекой в Лондоне, которая приближалась к публичной библиотеке, была библиотека Сион-колледжа, принадлежащая лондонскому духовенству'. *"Письма литераторов"* Эллиса, стр. 245. Точную дату появления самой ранней циркулирующей библиотеки я еще не установил; но, по словам Саути (*Доктор*, изд. Warter, 1848, стр. 271), первая была создана в Лондоне примерно в середине восемнадцатого века Сэмюэлем Фэнкуртом. Хаттон (*"Жизнь самого себя"*, стр. 279) говорит: "Я был первым, кто открыл библиотеку в Бирмингеме в 1751 году". Другие упоминания о них во второй половине века можно найти в *"Литературной биографии"* Кольриджа, т. ii. стр. 329, изд. 1847; *"Автобиографии Ли Ханта"*, т. i. стр. 260; *"Литературе Николса"*. *Апес.* том iii. стр. 648, 682; *Иллюстрации Николса*, том i. стр. 424; *История Уэвелла. из моральной философии*, стр. 190; *Переписка Синклера.* том i, стр. 143. Действительно, они увеличивались так быстро, что некоторые мудрецы предложили обложить их налогом "по лицензии в размере 2с. 6д. за 100 томов в год". *История Синклера. о доходах*, том iii. стр. 268.

[765] В 1746 году Гент, известный печатник, написал свою собственную жизнь. В этой любопытной работе он утверждает, что в 1714 году в Англии, кроме Лондона, в то время было "немного типографий; я уверен, что тогда их не было ни в Честере, ни в Ливерпуле, ни в Уайтхейвене, Престоне, Манчестере, Кендале и Лидсе, поскольку сейчас их по большей части предостаточно". *Жизнь Томаса Гента*, стр. 20, 21. (Сравните список типографий страны за 1724 год в *Литературе Николса. Пример.* том i, стр. 289.) Как было исправлено такое положение вещей, является наиболее важным вопросом для историка; но в этой заметке я могу привести лишь несколько иллюстраций состояния различных районов. Первая типография в Рочестере была основана Фишером, который умер в 1786 году (*Nichols's Lit. Anec.* том iii, стр. 675); первый в Уитби был в 1770 году (*Иллюстрации*, том iii, стр. 787); и Ричард Грин, умерший в 1793 году, "был первым, кто привез печатный станок в Личфилд" (*Там же.* том vi, стр. 320). В царствование Анны в Бирмингеме не было ни одного книготорговца (*"Обычная книга Саути"*, 1-я серия, 1849, стр. 568); но в 1749 году мы находим там типографию (*Письма Халла*, 1778, т. i, стр. 92); а в 1774 году типография была даже в Фолкерке (*Parl. История.* том xvii, стр. 1099). В других частях движение было медленнее; и нам говорят, что примерно в 1780 году "в Корнуолле едва ли был книготорговец". *Жизнь Сэмюэля Дрю, написанная его сыном*, 1834, стр. 40, 41.

[766] Дезагюлье и Хилл были двумя первыми писателями, посвятившими себя популяризации физических истин. В начале правления Георга I. Дезагюлье был 'первым, кто прочитал в Лондоне лекции по экспериментальной философии'. *Обычная книга Саути*, 3-я серия, 1850, стр. 77. См. Также *Penny Cyclopædia*, том. viii. с. 430; и о его элементарных работах сравните *Литературу Николса. Анекдот.* том vi, стр. 81. Что касается Хилла, то говорят, что он подал пример публикации научно-популярных работ в большом количестве; план, настолько подходящий для того любознательного века, что, если верить Горацию Уолполу, он 'зарабатывал пятнадцать гиней в неделю'. *Письмо Генри Зуху*, 3 января 1761 г., в *"Письмах Уолпола"*, т. iv, стр. 117, изд. 1840.

Во второй половине восемнадцатого века спрос на книги по естественным наукам быстро возрос (см., среди многих других примеров, которые можно привести, примечание в *"Истории ботаники"* Поултни, том ii, стр. 180); и в начале правления Георга III Пристли начал популярно писать на физические темы. (*Воспоминания Пристли*, том i, стр. 288, 289.) Голдсмит сделал кое-что в том же направлении (*"Жизнь Голдсмита"* Приора, том i, стр. 414, 469, том ii, стр. 198); и Пеннант, самая ранняя работа которого появилась в 1766 году, был "первым, кто изложил естественную историю Британии в популярном и интересном стиле". *Суэйнсон об изучении естественной истории*, стр. 50. В правление Георга II издатели начали поощрять элементарные работы по химии. *Литература Николса. Анекдот.* том ix, стр. 763.

[767] В 1704, 1708 и 1710 годах Харрис опубликовал свой *Словарь искусств и наук*; и из этого, согласно *Литературе Николса. Анекдот.* том ix, стр. 770, 771, "положил начало всем другим словарям и энциклопедиям, которые появились с тех пор". Сравните том v., стр. 659; и *Историю Боуга и Беннетта. о несогласных*, том iv, стр. 500.

[768] В конце семнадцатого века в Англии впервые была предпринята попытка учредить литературные журналы. *Халлам горит. of Егоре*, том iii, стр. 539; и *"Библиомания"* Дибдина, 1842, стр. 16. Но рецензии, как мы теперь понимаем это слово, означающее критическую публикацию, были неизвестны до восшествия на престол Георга II.; но примерно в середине его правления их количество начало увеличиваться. Сравните книгу Райта *"Англия под властью"*

Ганноверского дома", 1848, том i, стр. 304, с литературой Николса. *Апес.* том iii. стр. 507, 508. В более ранний период функции обзоров выполняли, как говорит Монк, брошюры. *Жизнь монаха бентли*, том i, стр. 112.

[769] Как мы находим из многих случайных заметок книжных клубов и обществ. См., например, *Переписку Доддриджа.* том ii. стр. 57, 119; *"Жизнь Селвина" Джесси,* том ii. стр. 23; *"Иллюстрации восемнадцатого века" Николса,* том v. стр. 184, 824, 825; *"Жизнь самого себя" Уэйкфилда,* том i. стр. 528; *Воспоминания сэра Дж. Э. Смита,* том i. стр. 8; *"Жизнь Роско" его сына,* том i, стр. 228 (хотя эта последняя, возможно, была распространяемой библиотекой).

[770] 'Многочисленные ассоциации или клубы, состоящие в основном из читающих людей низших рангов'. *Жизнь доктора Карри, написанная его сыном,* том i, стр. 175.

[771] Из которых наиболее примечательным было то, что называлось Обществом Робин Гуда; относительно которого читателю следует сравнить *"Жизнь канцлеров" Кэмпбелла,* т. vi. стр. 373; *"Лондон Грослис",* т. i. стр. 150; *Parl. История.* вып. xvii. стр. 301; *"Обычная книга Сауты",* 4-я серия, стр. 339; *"Жизнь Голдсмита" Форстера,* т. i., стр. 310; *"Жизнь Голдсмита" Приора,* т. i., стр. 419, 420; *"Жизнь Берка" Приора,* стр. 75; *"Литература Николса". Анекдот.* том iii. стр. 154.

[772] 'Летом 1769 года следует датировать первое учреждение публичных собраний в Англии'. *Воспоминания Альбемарля о Рокингеме,* том ii. стр. 93. "Публичные собрания, ... посредством которых люди могли заявить о своем новоприобретенном сознании власти, ... нельзя отчетливо проследить выше 1769 года; но теперь (*то есть* в 1770 году) они были обычным явлением'. *История Кука. о вечеринке,* том iii. стр. 187. См. также *Hallam's Const. История.* том ii. стр. 420.

[773] Самые интересные судебные процессы впервые были освещены в газетах ближе к концу правления Георга II. *Канцлеры Кэмпбелла,* т. v., стр. 52, т. vi, стр. 54.

[774] В 1696 году единственными газетами были еженедельные; а первая ежедневная газета появилась в царствование Анны. Сравните эссе Симмондса о газетах в журнале *Statistic.* *Общество,* том iv. стр. 113, с историей Ханта. *из газет,* том i, стр. 167, 175, том ii, стр. 90; и *Литература Николса. Апес.* vol. iv. p. 80. В 1710 году они, вместо того чтобы просто обмениваться новостями, как до сих пор, начали принимать участие в "обсуждении политических тем" (*Hallam's Const. История.* том ii, стр. 443); и, поскольку этому изменению предшествовало всего несколько лет появления дешевых политических брошюр (см. Любопытный отрывок из книги Вильсона *"Жизнь де Фо"*, том ii, стр. 29), стало очевидно, что назревает большое движение в отношении распространения таких исследований. В течение двадцати лет после смерти Анны революция завершилась, и пресса, впервые в мировой истории, стала выразителем общественного мнения. Самое раннее упоминание об этой новой власти, с которым я столкнулся в парламенте, содержится в речи, произнесенной Дэнверсом в 1738 году; ее стоит процитировать как потому, что она знаменует эпоху, так и потому, что она характерна для того беспокойного класса, к которому принадлежал этот человек. 'Но я верю, — говорит этот выдающийся законодатель, — но я верю, что народом Великобритании управляет сила, о которой никогда раньше не слышали как о высшей власти ни в одну эпоху и ни в одной стране. Эта власть, сэр, не заключается в абсолютной воле принца, в руководстве парламентом, в силе армии, во влиянии духовенства, и, сэр, это не правительство в нижней юбке; но, сэр, это правительство прессы. Материал, которым полны наши еженедельные газеты, воспринимается с большим почтением, чем акты парламента; и чувства одного из этих

писак имеют больший вес в глазах толпы, чем мнение лучшего политика королевства". *Парл. История*. т. х. с. 448.

[775] Это великое состязание завершилось в 1771 и 1772 годах, когда, как говорит лорд Кэмпбелл, "было в значительной степени установлено право публиковать парламентские дебаты". *"Канцлеры Кэмпбелла"*, т. v., стр. 511, т. vi, стр. 90. Для получения дополнительной информации об этой важной победе см. *Историю Кука. партии*, том iii. стр. 179-184; *Переписка Алмона. Уилкса*, 1805, т. v., стр. 63; *Воспоминания Стивенса о Туке*, т. i., стр. 329-351; *История Мэхона. of England*, т. v., стр. 290; и о его связи с письмами Джуниуса см. *"Жизнь Голдсмита"* Форстера, т. ii. стр. 183, 184.

Георг III, всегда последовательный и всегда неправый, решительно выступал против такого расширения прав народа. В 1771 году он писал лорду Норту: 'Крайне необходимо положить конец этому странному и незаконному методу публикации дебатов в газетах. Но разве Палата лордов не лучший суд для привлечения к ответственности таких негодяев, поскольку она может как оштрафовать, так и заключить в тюрьму, и у нее более широкие плечи, чтобы поддержать ненависть к столь благотворной мере?' *Приложение к Мэхону*, т. v., стр. xlviii.; и *примечание в "Георге III" Уолпола*. том IV, стр. 280, где слова 'в газетах' опущены; но я копирую письмо, напечатанное лордом Мэхоном. В остальном обе версии совпадают; так что теперь мы знаем, какое представление имел Георг III. что представлял собой негодяй.

[776] Лорд Джон Рассел в своей работе по *истории английской конституции* говорит: 'Доктор Джебб, а вслед за ним мистер Картрайт, выдвинули теорию личного представительства'; но это, по-видимому, ошибка, поскольку считается, что теория была впервые выдвинута Картрайтом в 1776 году. Сравните *"Рассел о конституции"*, 1821, стр. 240, 241, с *"Жизнью и корреспонденцией Картрайта"*, 1826, т. i. стр. 91, 92. Письмо из *"Жизни доктора Карри"*, том ii, стр. 307-314, показывает интерес, который даже трезвые и практичные люди начали испытывать к доктрине до конца столетия.

[777] По этому поводу у меня есть филологическое замечание, представляющее некоторый интерес, а именно, что есть основания полагать, что 'слово "независимость" в его современном понимании' появилось в нашем языке не ранее начала восемнадцатого века. См. *"Заячьи догадки о правде"*, 2-я серия, 1848, стр. 262. Аналогичное изменение, хотя и в более поздний период, произошло во Франции. См. Наблюдения над словом "индивидуализм" у *Токвиля, Демократия в Америке*, том iv, стр. 156; и в более поздней работе того же автора, *"Древний режим"*, Париж, 1856, стр. 148, 149.

[778] Архиепископ Уэйтли (*Опасности для христианской веры*, стр. 76, 77) говорит: 'Ни нападки на нашу религию, ни свидетельства в ее поддержку в какой-либо значительной степени не были представлены в популярной форме почти до конца прошлого столетия. С обеих сторон образованные люди (или те, кто выдавал себя за таковых), по-видимому, согласились в том, что народная масса должна была молчаливо подчиниться решению своих начальников и не должна и не может самостоятельно размышлять над этим вопросом.' Это хорошо сказано и совершенно верно; и его следует сравнить с жалобой в *книге Уэйкфилда "Жизнь самого себя"*, том ii. стр. 21; *Литература Николса. Анекдот Восемнадцатого века*, т. viii. с. 144; и *"Жизнь епископа Портеуса"* Ходжсона, стр. 73, 74, 122, 125, 126. Смотрите также речь Мэнсфилда в 1781 году (*Parl. Hist. vol. xxii. с. 265*), когда была предпринята попытка распушить 'Теологическое

общество'. Вся дискуссия достойна прочтения; не из-за ее достоинств, а потому, что она свидетельствует о преобладающем духе.

[779] Кольридж (букв. *Remains*, т. i, стр. 230 и далее) сделал несколько интересных замечаний о превратностях английского стиля; и он справедливо замечает (стр. 238), что 'после революции дух нации стал гораздо более коммерческим, чем это было раньше; образованное общество, или клерикализм, как таковой, постепенно исчезло; и литература в целом стала адресована простой, разношерстной публике'. Далее он сетует на эту перемену; хотя в этом я с ним не согласен. См. также "*Друг*", том i, стр. 19, где он противопоставляет современный стиль 'величественной поступи и трудным эволюциям' великих писателей семнадцатого века. Сравните с этим изменением предисловие к "Надер Шаху" в *Трудах сэра У. Джонса*, т. v., стр. 544. Смотрите также в книге Харфорда "*Жизнь Берджесса*", стр. 40, 41, любопытное письмо Монбоддо, последнего из наших действительно великих педантов, оплакивающего эту особенность современной композиции. Он презрительно называет это "сокращением стиля" и желает вернуться к "истинному старинному вкусу" с большим количеством "круглых скобок"!

Правда в том, что это движение было всего лишь частью той тенденции сближения различных классов общества, которая впервые отчетливо проявилась в восемнадцатом веке и которая повлияла не только на стиль автора, но и на их социальные привычки. Юм отмечает, что в "последний век" ученые люди слишком сильно отделили себя от мира; но в его время они становились более "общительными". Эссе V., в *Философских трудах Юма*, т. iv, стр. 539, 540. То, что "философы" были растущими светскими людьми, также отмечено в любопытном отрывке из *Alciphron*, dial. i., в *Работах Беркли*, т. i, стр. 312; и, что касается общего социального объединения, см. Письмо графине Бьют, 1753 г., в *Работах леди Мэри Монтегю*, изд. 1803, т. iv, стр. 194, 195. Что касается влияния Аддисона, который проложил путь к созданию легкого и, следовательно, демократичного стиля и который больше, чем кто-либо другой из писателей, сделал литературу популярной, сравните "*Жизнь Аддисона*" Эйкина, том ii, стр. 65, с "*Историей Тернера. of England*, vol. ii. p. 7. Впоследствии Джонсоном, Гиббоном и Парром была предпринята реакция; но это противоречило духу эпохи и продлилось недолго.

[780] И это раболепие по большей части хорошо оплачивалось; более того, вознаграждалось гораздо больше, чем оно того стоило. В шестнадцатом, семнадцатом и начале восемнадцатого века автору неизменно дарили определенную сумму денег в обмен на его посвящение. Конечно, чем грубее лесть, тем больше сумма. Об отношениях, установившихся таким образом между авторами и высокопоставленными лицами, и о рвении, с которым даже выдающиеся писатели обращались к своим покровителям за вознаграждениями, варьирующимися от 40с. до 100л., см. "*Шекспир и его время*" Дрейка, 1817, 4 т. т. ii, стр. 225; "*Жизнь монаха Бентли*", т. i, стр. 194, 309; "*Мемуары Уистона*", стр. 203; "*Иллюстрации Николса*", том ii, стр. 709; "*Жизнь Хардвика*" Харриса, том iii, стр. 35; "*Жизнь Хенмера*" Банбери, стр. 81. Сравните запись в *Дневнике Бертоне*, том iii, стр. 52; а что касается важности сосредоточения на подходящем человеке, которому можно посвятить, см. *Письма Эллиса, освещенные ниже. Люди*, стр. 231-234; и замечание о факте в "*Жизни епископа Ньютона*", стр. 14; также, "*Письма Хьюза*", изд. 1773, т. iii, стр. xxxi, приложение.

Примерно середина восемнадцатого века стала поворотным моментом в этом плачевном состоянии; и Уотсон, например, в 1769 году взял за правило: 'никогда не посвящать тем, от кого я ожидал милостей'. "*Жизнь самого Ватсона*", том i, стр. 54. Точно так же Уорбертон в 1758 году

хващается, что его самоотверженность не была, как обычно, 'занята мелочами или ложью'. Смотрите его письмо в *Chatham Correspondent*. том i, стр. 315. Почти в тот же период такое же изменение произошло во Франции, где Д'Аламбер подал пример высмеивания старого обычая. См. "*Литераторы Броэма*", том ii. стр. 439, 440; *Соответствуем. de Madame Dudeffand*, vol. ii. p. 148; and *Œuvres de Voltaire*, vol. xl. p. 41, vol. lxi. p. 285.

[781] Когда Ле Блан посетил Англию в середине правления Георга II, обычай авторов полагаться на покровительство частных лиц начал угасать, и план публикации по подписке стал всеобщим. Смотрите интересные подробности в *Le Blanc*, "*Французской литературе*", т. i. стр. 305-308; а о прежнем положении вещей см. т. ii. стр. 148-153. Берк, приехавший в Лондон в 1750 году, с удивлением отмечает, что 'писатели первых талантов предоставлены капризному покровительству публики. Несмотря на разочарование, литература культивируется в высокой степени.' "*Жизнь Берка*" Приора, стр. 21. Эта растущая независимость также прослеживается из того факта, что в 1762 году мы находим первый случай, когда популярный писатель нападает на общественных деятелей по имени; ранее авторы ограничивались 'только инициалами великих людей, на которых они нападали'. *История Мэхона. of England*, т. v., стр. 19. Вражду между литературой и рангом можно дополнительно проиллюстрировать записью в дневнике Холкрофта за 1798 год, *Воспоминания о Холкрофте*, т. iii., стр. 28.

[782] Во второй половине восемнадцатого века, и особенно после 1756 года, в Англии произошло заметное увеличение количества книг. Смотрите некоторые ценные доказательства в *Журнале Статистического общества*, том iii. стр. 383, 384. К этому я могу добавить, что между 1753 и 1792 годами тиражи газет выросли более чем вдвое. *История Ханта. из газет*, том i, стр. 252.

[783] Кажущийся каприз и нерегулярность в небольших количествах возникают из-за возмущений, вызванных действием незначительных и обычно неизвестных законов. В больших количествах эти возмущения имеют тенденцию уравновешивать друг друга; и это, как я полагаю, является единственной основой точности, полученной путем получения среднего значения. Если бы мы могли соотнести все явления с их законами, мы никогда не стали бы использовать средние значения. Конечно, выражение *капризный*, строго говоря, неточно и является всего лишь показателем нашего невежества.

[784] Временная политическая реакция при Анне хорошо описана лордом Каупером в его *Истории. сторон*, напечатано в приложении к книге Кэмпбелла "*Жизнь канцлеров*", том iv. стр. 411, 412. Эта талантливая работа лорда Кэмпбелла, хотя и довольно неточная для более раннего периода, особенно ценна для истории восемнадцатого века.

[785] Смотрите *Воспоминания о дворах Георга I и Георга II. Горация Уолпола*, стр. lv. xciv.; и *Историю Мэхона. Англии*, том i. стр. 100, 235. Вина Георга II. дело было в его плохом произношении английского языка; но Георг I даже не умел плохо произносить это слово и мог разговаривать со своим министром, сэром Робертом Уолполом, только на латыни. The French court saw this state of things with great pleasure; and in December 1714, Madame de Maintenon wrote to the Princess des Ursins (*Lettres inédites de Maintenon*, vol. iii. p. 157): 'On dit que le nouveau roi d'Angleterre se dégoûte de ses sujets, et que ses sujets sont dégoûtés de lui. Dieu veuille remettre le tout en meilleur ordre!' О влиянии, которое это произвело на язык, на котором говорили при английском дворе, сравните *Le Blanc*, *Lettres d'un Français*, том i, стр. 159.

[786] В 1715 году Лесли пишет о Георге I., что он 'вам чужой и совершенно незнаком с вашим языком, вашими законами, обычаями и конституцией'. *Трактаты Сомерса*, том. xiii. стр. 703.

[787] На личность Георга II был пролит большой свет. благодаря недавней публикации *Мемуаров лорда Херви*; любопытный труд, который полностью подтверждает то, что мы знаем из других источников относительно невежества короля в английской политике. Действительно, этого принца не заботило ничего, кроме солдат и женщин; и его высшей целью было соединить репутацию великого полководца с репутацией преуспевающего распутника. Помимо показаний лорда Херви, из других источников известно, что Георг II. его не только не любили, но и презрительно отзывались о нем те, кто следил за его характером, и даже его собственные министры. См. *Marchmont Papers*, том i. стр. 29, 181, 187.

Говоря об упадке королевской власти, важно отметить, что с момента восшествия на престол Георга I. никому из наших государей не разрешалось присутствовать на государственных заседаниях. См. *Книгу Бэнкрофта "Американская революция"*, том ii, стр. 47, и *"Канцлеры Кэмпбелла"*, том iii, стр. 191.

[788] Смотрите Замечания, которые, как утверждается, написаны епископом Аттерберийским, в *Трактатах Сомерса*, т. xiii. стр. 534, противопоставляя привязанность, которую Анна испытывала к церкви, холодности Георга I. Следует прочитать брошюру целиком (стр. 521-541). Это дает любопытную картину сбитого с толку церковника.

[789] Неприязнь, которую Англиканская церковь в целом питала к правительству двух первых Георгов, проявлялась открыто и была настолько уместной, что стала ведущим фактом в истории Англии. В 1722 году епископ Аттербери был арестован, поскольку было известно, что он участвовал в изменническом заговоре с Самозванцем. Как только он был схвачен, церковь вознесла за него молитвы. 'Под предлогом, — говорит лорд Мэхон, - под предлогом того, что он страдает подагрой, за него публично молились в большинстве церквей Лондона и Вестминстера'. *История Мэхона. из Англии*, том ii. стр. 38. См. Также *Parl. История*. т. vii. с. 988 и т. viii. с. 347.

В Оксфорде, где духовенство долгое время находилось на подъеме, они приложили такие усилия, чтобы привить свои принципы, что вызвали возмущение Питта—старшего, который в речи в парламенте в 1754 году осудил этот университет, который, по его словам, в течение многих лет "сеял череду измен - такой семинарии никогда не было!" *Воспоминания Уолпола о Георге II*. том i, стр. 413. Сравните переписку Бедфорда, том i, стр. 594, 595, с *"Жизнью Хардвика" Харриса*, том ii, стр. 383; и о настроении духовенства в целом после смерти Анны, *Парл. История*. том vii. стр. 541, 542; *"Жизнь Кена" Боулза*, том ii. стр. 188, 189; *"Жизнь монаха Бентли"*, том i. стр. 370, 426.

Непосредственные последствия этого были весьма примечательными. Ибо правительство и раскольники, которым церковь противостояла, естественным образом объединились: раскольники использовали все свое влияние против Самозванца, а правительство защищало их от церковных преследований. Смотрите доказательства этого в переписке Доддриджа. и *Дневник*, том i, стр. 30, том ii, стр. 321, том iii, стр. 110, 125, том iv, стр. 428, 436, 437; *"Жизнь самого Хаттона"*, стр. 159, 160; *Парл. История*. вып. xxviii. стр. 11, 393, т. xxix. стр. 1434, 1463; *Воспоминания Пристли*, т. ii. с. 506; *Жизнь Уэйкфилда*, т. i. с. 220.

[790] "1762 год образует эпоху в истории двух фракций, поскольку он стал свидетелем разрушения монополии на почести и вознаграждение, которой виги владели в течение сорока пяти лет". *История Кука. партии*, том ii. стр. 406. Сравните *"Мемуары Рокингема" Олбемарла*, том ii, стр. 92. Лорд Болингброк ясно предвидел, что произойдет в результате восшествия на престол Георга I. Сразу после смерти Анны он написал епископу Рочестерскому: 'Но горе моей души заключается в следующем: я ясно вижу, что партии тори пришел конец'. *Оригинальные документы Макферсона*, том ii. стр. 651.

[791] Гросли, посетивший Англию всего через пять лет после восшествия на престол Георга III., упоминает о большом эффекте, произведенном на англичан, когда они слышали, как король произносит их язык без 'инострannого акцента'. *Путешествие Гросли в Лондон*, том ii. стр. 106. Хорошо известно, что король в своей первой речи хвастался тем, что он британец; но что, возможно, менее общеизвестно, так это то, что честь была на стороне страны: 'Какой блеск, — сказала Палата лордов в своем обращении к нему, — какой блеск это бросает на имя британца, когда вам, сэр, угодно причислить это к вашей славе!' *Часть. История*. том xv. стр. 986.

[792] *Парл. История*. том xxix. стр. 955; *Воспоминания Уолпола о Георге III*. том i. стр. 4, 110.

[793] Восшествие на престол Георга III. обычно фиксируется как период, когда английское якобинство вымерло. См. *Воспоминания Батлера*, том ii. стр. 92. По словам Горация Уолпола, на первом заседании нового короля было замечено, что 'ко двору явились граф Личфилд, сэр Уолтер Бэгот и главные якобиты'. *Воспоминания Уолпола о Георге III*. том i, стр. 14. Всего тремя годами ранее якобиты были активны; и в 1757 году Ригби пишет герцогу Бедфорду: 'Избрание Фокса в Виндзоре очень сомнительно. Против него поднята якобитская подписка на 5000 фунтов стерлингов, во главе которой стоит имя сэра Джеймса Дэшвуда'. *Bedford Correspondent*. том ii. стр. 261.

[794] Чарльз Стюарт был настолько тупо невежественен, что в возрасте двадцати пяти лет едва умел писать и совершенно не умел писать по буквам. *История Мэхона. из Англии*, том iii. стр. 165, 166 и приложение, стр. ix. После смерти своего отца, в 1766 году, это жалкое создание, называвшее себя королем Англии, отправилось в Рим и пристрастилось к пьянству. Там же. том iii. стр. 351-353. В 1779 году Суинберн видел его во Флоренции, где он каждый вечер появлялся в опере, совершенно пьяный. *"Суды Европы" Суинберна*, том i, стр. 253-255; и в 1787 году, всего за год до своей смерти, он продолжил ту же унижительную практику. См. Письмо сэра Дж. Э. Смита, написанное из Неаполя в марте 1787 г., в *Переписке Смита*. том i, стр. 208. В другом письме, написанном еще в 1761 году (*Документы Гренвилла*, том i, стр. 366), описывается "вечно пьяный молодой претендент".

[795] О связи между упадком интересов Стюартов и возросшей властью короны при Георге III., сравните *Мысли о нынешних недовольствах в Работях Берка*, т. i, стр. 127, 128, с *"Жизнью самого себя" Уотсона*, т. i, стр. 136; и для примера указание на то, что этот результат был ожидаемым, см. в книге Гросли *"Лондон"*, том ii. стр. 252.

[796] *Канцлеры Кэмпбелла*, т. v., стр. 245: 'Божественное непреложное право королей стало излюбленной темой — при полном забвении о его несовместимости с парламентским титулом правящего монарха'. Гораций Уолпол (*Воспоминания Георга III*. том i, стр. 16) говорит, что в 1760 году "прерогатива стала модным словом".

[797] С уважением, Георг III. всегда выставившийся напоказ на церковных церемониях, он сам по себе составлял разительный контраст с безразличием его непосредственных предшественников, и эта перемена была с благодарностью замечена. Сравните *историю Махона. of England*, том v., стр. 54, 55, с выдержкой из архиепископа Секкера, в "*Американской революции*" Бэнкрофта, том i., стр. 440. Другие свидетельства восхищения, которое обе стороны чувствовали и открыто выражали друг другу, см. в обращении епископа и духовенства Сент-Асафа (*Сочинения Парра*, т. vii, с. 352) и письме короля Питту (*Воспоминания Рассела о Фоксе*, т. iii, с. 251), которое следует сравнить с *Воспоминаниями Пристли*, т. i, с. 137, 138.

[798] Воспитание Георга III. им позорно пренебрегали; и когда он стал взрослым, он никогда не пытался исправить свои недостатки, но всю свою долгую жизнь пребывал в состоянии прискорбного невежества. Сравните "*Государственные деятели*" Броэма, т. i, стр. 13-15; "*Воспоминания Уолпола о Георге III*", т. i, стр. 55; "*История*" Мэхона. из Англии, том iv. стр. 54, 207.

[799] Смотрите несколько хороших замечаний лорда Джона Рассела в его Введении к *Бедфордской переписке*, том iii. стр. lxii.

[800] В своем предложении о реформе в парламенте в 1782 году он заявил, что это 'по существу необходимо'. Смотрите его речь в *части. История.* вып. xxi. с. 1418. В 1784 году он упомянул 'о необходимости парламентской реформы', т. xxiv. с. 349; см. также стр. 998, 999. Сравните "*Жизнь Джебба*" Диснея, стр. 209. Также неправда, как говорили некоторые, что впоследствии он отказался от дела реформ из-за того, что времена были для этого неблагоприятными. Напротив, он в речи, произнесенной в 1800 году, сказал (*Parl. История.* вып. xxxv. стр. 47): "По этому вопросу, сэр, я считаю правильным высказать самые сокровенные мысли моего разума; я считаю правильным заявить о своем самом решительном мнении, что, *даже если бы время было подходящим для экспериментов, любое, даже малейшее, изменение в такой конституции должно рассматриваться как зло*". Примечательно, что еще в 1783 году Пейли, по-видимому, подозревал искренность заявлений Питта в пользу реформ. См. *Воспоминания Мидли о Пейли*, стр. 121.

[801] В 1794 году Грей насмеялся над ним в Палате общин: "Уильям Питт, реформатор того времени, был Уильямом Питтом, обвинителем, да и гонителем нынешних реформаторов". *Парл. История.* вып. xxxi. с. 532; сравните т. xxxiii. с. 659. То же самое говорит и лорд Кэмпбелл (*Главные судьи*, том ii, стр. 544): "Впоследствии он пытался повесить нескольких своих братьев-реформаторов, которые продолжали твердо стоять на своем". Смотрите далее об этом убийственном факте в карьере Питта, "*Канцлеры Кэмпбелла*", том vii, стр. 105; "*Государственные деятели Броэма*", том ii, стр. 21; "*История Белшема*", том ix, стр. 79, 242; "*Жизнь Картрайта*", том i, стр. 198; и даже письмо мягкого и доброжелательного Роско в "*Жизни Роско*" его сына, том i. стр. 113.

[802] Рвение короля в пользу работорговли было таково, что в 1770 году "он собственноручно издал инструкцию, приказывающую губернатору (Вирджинии), под страхом высочайшего неудовольствия, не соглашаться ни с каким законом, по которому ввоз рабов должен быть в каком-либо отношении запрещен или затруднен". "*Американская революция*" Бэнкрофта, том iii. стр. 456: таким образом, как возмущенно замечает м-р Бэнкрофт, стр. 469, в то время как суды постановили, 'что, как только нога любого раба ступит на английскую землю, он становится свободным, король Англии встал на пути человечества и сделал себя опорой

колониальной работоторговли'. Неустойчивое поведение Питта в этом вопросе не позволяет ни одному честному человеку простить его. Сравните *"Государственные деятели" Броэма*, том ii. стр. 14, 103-105; *"Воспоминания Рассела о Фоксе"*, том iii. стр. 131, 278, 279; *"История Великобритании" Белшэма*, том x. стр. 34, 35; *"Жизнь Уэйкфилда"*, том i. стр. 197; *"Прогресс нации" Портера*, том iii. стр. 426; *"Воспоминания Холланда о партии вигов"*.., том ii. стр. 157; и поразительные замечания Фрэнсиса в *части первой. История*. вып. xxxii. стр. 949.

[803] То, что Питт желал сохранить мир и был поспешно втянут в войну с Францией под влиянием двора, признают наиболее информированные авторы, люди, в других отношениях придерживающиеся иных мнений. См., например, *"Государственные деятели" Броэма*, том ii. стр. 9; *"Введение Роджерса к работам Берка"*, стр. lxxxiv.; *"Воспоминания Николлса"*, том ii. стр. 155, 200.

[804] Само существование такой партии с таким названием показывает, как с политической точки зрения Англия отступала в этот период от принципов, установленных во время Революции. Уважая эту активную фракцию, сравните возмущенные замечания Берка (*Сочинения*, том i, стр. 133) с Альбемарловским *"Рокингемом"*, том i, стр. 5, 307; *Запиской Бакингема о Георге III*. том i, стр. 284, том ii, стр. 154; *Запиской Рассела о Фоксе*, том i, стр. 61, 120, том ii, стр. 50, 77; *Бедфордским корреспондентом*. том iii, стр. xlv.; *Сочинения Парра*, том viii. с. 513; *Воспоминания Батлера*, т. i. с. 74; *Переписка Берка*. т. i. с. 352; *Джордж III Уолпола*. т. iv. с. 315; *Документы Гренвилла*, т. ii. стр. 33, 34, т. iii. с. 57, т. iv. с. 79, 152, 219, 303; *Парл. История*. т. xvi. стр. 841, 973, вып. xviii. стр. 1005, 1246, вып. xix. стр. 435, 856, вып. xxii. стр. 650, 1173.

[805] Смотрите необычный отрывок из *"Жизни Сидмута" Пеллью*, том i, стр. 334.

[806] Это снижение способностей чиновников было замечено Берком в 1770 году как необходимое следствие новой системы. Сравните *Мысли о нынешнем недовольстве (Работы Берка)*, том i, стр. 149) с его поразительным резюме (*Parl. Hist.* vol. xvi. p. 879) о вырождении в течение первых девяти лет правления Георга III. Таким образом, вопрос, наконец, заключался не в том, кто лучше всего справится с общественными делами, а в том, кто вообще возьмется за это дело. Люди талантливые и честные не согласились бы на работу, где им не разрешалось бы ни проявлять свое суждение, ни демонстрировать прямоту своего сердца.' В 1780 году, когда зло стало еще более очевидным, тот же самый великий обозреватель осудил его в своем знаменитом обращении к своим избирателям в Бристоле. 'В настоящее время, ' говорит он, - план двора состоит в том, чтобы сделать своих слуг незначительными'. *Работы Берка*, том i, стр. 257. Смотрите далее *работы Парра*, том iii. стр. 256, 260, 261.

[807] В *Истории Махона* военный успех его администрации описывается в очень резких выражениях, но небезосновательно. *of England*, том iv. стр. 108, 185, 186, и посмотрите замечательное резюме в книге Броэма *"Государственные деятели"*, том i. стр. 33, 34: а для доказательства страха, который он внушал врагам Англии, сравните *Мэхона*, примечание к т. v. стр. 165; *Бедфорда Корреспондента*. том iii. стр. 87, 246, 247; *Письма Уолпола к Манну*, том i. стр. 304, изд. 1843; *Воспоминания Уолпола о Георге III*. том ii. стр. 232; и неохотное признание в *Жоржеле, Воспоминания*, том i. стр. 79, 80.

[808] Лорд Броэм (*Очерки государственных деятелей*, том i, стр. 22, 33) опубликовал поразительные доказательства того, что он называет "поистине дикими чувствами", с которыми

Георг III. рассматривал лорда Чатема (сравните *Воспоминания Рассела о Фоксе*, том i, стр. 129). Действительно, чувства короля проявились даже в приготовлениях к похоронам великого министра. *Примечание в "Истории Георга III" Адольфа*, том ii, стр. 568; а о других доказательствах недоброжелательности смотрите Две записки короля лорду Норту в *"Истории Мэхона". of England*, том vi, приложение, стр. ii, liv.; *Документы Гренвилла*, том ii, стр. 386; *Американская революция Бэнкрофта*, том i, стр. 438.

[809] Лорд Броэм (*Очерки государственных деятелей*, том i, стр. 219) говорит: 'Можно усомниться в том, что какой-либо политик в любую эпоху когда-либо так досконально знал различные интересы и точное положение всех стран, с которыми ему приходилось вести дела или поддерживать отношения'. См. также *Работы Парра*, т. iv, стр. 14, 15; *Воспоминания Рассела о Фоксе*, т. i, стр. 320, 321, т. ii, стр. 91, 243; *"Жизнь Берка" Биссета*, т. i, стр. 338.

[810] Берк даже после Французской революции говорил, что Фокс 'обладал самым бесхитростным, искренним, открытым и доброжелательным нравом, до крайности бескорыстным; нрава мягкого и покладистого даже до крайности, без единой капли желчи во всем его телосложении'. Речь о смете армии в 1790 году, в ч. *История*, т. xxviii, с. 356. Для получения дополнительных доказательств сравните *биографию Элисон. Европы*, т. vii, стр. 171; *Памятка Голландии о партии вигов*, т. i, стр. 3, 273; *Памятка Троттера о Фоксе*, стр. xi, xii, 24, 178, 415.

[811] *История Георга III Адольфа*, том vi, стр. 692. Особое обстоятельство, связанное с этим беспричинным надругательством, описано в *Воспоминаниях Холкрофта*, т. iii, стр. 60.

[812] Сравните *"Историю Георга III" Адольфа*, том iv, стр. 107, 108, с *воспоминаниями Рассела о Фоксе*, том i, стр. 191, 287, 288, том ii, стр. 44. Дютенс, много общавшийся с английскими политиками, услышал об угрозе отречения в 1784 году. *Dutens's Mémoires*, vol. iii, p. 104. Лорд Холланд говорит, что во время смертельной болезни Фокса 'король наблюдал за прогрессирующим расстройством мистера Фокса. Он едва мог подавить свое неприличное ликование по поводу его смерти'. *Воспоминания Холланда о партии вигов*, том ii, стр. 49.

[813] В 1725 году герцог Уортон в письме Претенденту, упомянув о некоторых процедурах в Палате общин, добавляет: "В Палате лордов нас так мало, что любое поведение там будет несущественным". *История Мэхона. из Англии*, том ii, приложение, стр. xxiii. См. также, учитывая большую силу тори в Палате общин, *"Трактаты Сомерса"*, т. xi, стр. 242, vol. xiii, стр. 524, 531; *Канцлеры Кэмпбелла*, том iv, стр. 158; *Главные судьи Кэмпбелла*, том ii, стр. 156.

[814] Сравните *переписку Вернона*, том iii, стр. 149, с *"Собственным временем Бернета"*, том iv, стр. 504. Бернет говорит: "Все якобиты объединились, чтобы поддержать притязания Палаты общин". Палата общин пожаловалась, что лорды проявили 'такую снисходительность к обвиняемому, которая не имеет аналогов ни в одном парламентском разбирательстве'. *Parl. История*, т. v., стр. 1294. См. также их гневный протест, стр. 1314, 1315.

[815] *из Англии*, том iii, стр. 122.

[816] 'Содержание, 47; отсутствие содержания, 92.' *Раздел. Hist.* vol. xii, p. 711. Мистер Филлимор (член *Совета Литтлтона*, vol. i, p. 213) приписывает это усилиям лорда Хардвика; но состояние партий в верхней палате является достаточным объяснением; и даже в 1735 году было сказано, что "лорды оказались между дьяволом и морскими глубинами", причем дьяволом

был Уолпол. *Документы Марчмонта*, том ii. стр. 59. Сравните "*Жизнь самого епископа Ньютона*", стр. 60.

[817] Смотрите Описание некоторых его положений в *Истории Махона. of England*, том i. стр. 80, 81. Цель законопроекта откровенно изложена в *Parl. История*. том vi. стр. 1349, где нам сообщается, что "поскольку дальнейшее уныние и даже разорение инакомыслящих считалось необходимым для реализации этого плана, он был начат со знаменитого законопроекта о расколе".

[818] С 237 по 126. *Часть. История*. том vi. стр. 1351.

[819] из *Англии*, том i, стр. 83; *Корреспондент Банбери. о Ханмере*, стр. 48. Законопроект был поддержан в палате лордов 77 голосами против 72.

[820] 'Если мы тщательно проанализируем голоса пэров с периода революции до смерти Георга II., мы обнаружим, что очень значительное большинство старой английской знати были сторонниками принципов вигов'. *История Кука. вечеринки*, том iii. стр. 363.

[821] Сравните "*Жизнь Хардвика*" Харриса, том iii, стр. 519, с разговором между сэром Робертом Уолполом и лордом Херви в "*Воспоминаниях Херви о Георге II*". том ii, стр. 251, изд. 1848.

[822] *партии*, том iii. стр. 363, 364, 365, 463; *Парл. История*. т. xviii. с. 1418, т. xxiv. с. 493, т. xxvii. стр. 1069, т. xxix. стр. 1334, 1494, т. xxxiii. стр. 90, 602, 1315.

[823] Это было слишком печально известно, чтобы отрицать; и в Палате общин в 1800 году Николлс насмеялся над правительством за 'предоставление звания пэра или повышение до более высокого ранга в системе пэров каждому человеку, который мог выдвинуть свою кандидатуру на определенное количество мест в парламенте'. *Часть. История*. том. xxxv. стр. 762. Точно так же Шеридан в 1792 году сказал (том xxix, стр. 1333): "В этой стране пэры обменивались на избирательные проценты".

[824] Об этом огромном притоке юристов в Палату лордов, большинство из которых рьяно отстаивали принципы произвола, см. *Историю Великобритании Белшама*, т. vii. стр. 266, 267; *Историю Георга III Адольфа.*, *Парл. История*. вып. xxxv. стр. 1523.

[825] В то время было предсказано, что результатом многочисленных творений, сделанных во время правления Питта, станет понижение состава Палаты лордов. Сравните *Воспоминания Батлера*, том i, стр. 76, с речью Эрскина в *парламенте. Hist. vol. xxix. p. 1330*; и смотрите Речь Шеридана, vol. xxxiii. с. 1197. Но их язык, каким бы возмущенным он ни был, был сдержан желанием не порывать полностью с судом. Другие люди, которые были более независимы в своем положении и не заботились о шансах занять будущий пост, выражались в таких выражениях, которые никогда прежде не звучали в стенах парламента. Ролле, например, заявил, что 'при власти нынешнего министра были люди, получившие статус пэров, которые не годились ему в женихи'. *Парл. История*. вып. xxvii. с. 1198. На улице чувство презрения было столь же сильным; см. "*Жизнь Картрайта*", т. i., стр. 278; и посмотрите замечание даже учтивого сэра У. Джонса о растущем пренебрежении к учености, проявляемом 'дворянами наших дней'. *Предисловие к персидской грамматике, в работах Джонса*, том ii. стр. 125.

[826] В своих *размышлениях о французских делах*, написанных в 1791 году, он говорит: "Ни в один период истории Англии так мало пэров не уходило из торговли или из семей, недавно созданных торговлей". *Работы Берка*, том i, стр. 566. Действительно, согласно сэру Натаниэлю Рексоллу (*Посмертные мемуары*, том i, стр. 66, 67, 1836), единственный случай, когда Георг III нарушил это правило, был, когда банкир Смит был назначен лордом Каррингтоном. Рексолл - безразличный авторитет, и могут быть и другие случаи; но их, безусловно, было очень мало, и я не могу вспомнить ни одного.

[827] Николлс, который знал его, говорит: 'Политические познания мистера Берка можно рассматривать почти как энциклопедию; каждый человек, который обращался к нему, получал инструкции из его запасов'. *Воспоминания Николлса*, том i, стр. 20.

[828] "Проявления его гения огромны. Его имперская фантазия подчинила себе всю природу и собрала богатства из каждой сцены творения и каждого направления искусства". *Работы Роберта Холла*, Лондон, 1846, стр. 196. Точно так же Уилберфорс говорит о нем: 'Он поздно пришел в парламент, и у него было время накопить обширные знания. Поле, с которого он рисовал свои иллюстрации, было великолепным. Подобно легендарному объекту благосклонности феи, всякий раз, когда он открывал рот, из него сыпались жемчужины и бриллианты'. *Жизнь Уилберфорса*, том i, стр. 159.

[829] Говорят, что лорд Турлоу заявил, что, как я полагаю, сейчас является общим мнением компетентных судей, что слава Берка переживет славу Питта и Фокса. *Воспоминания Батлера*, том i, стр. 169. Но самый благородный панегирик Берку был произнесен человеком гораздо более великим, чем Турлоу. В 1790 году Фокс заявил в Палате общин, 'что если бы он поместил всю политическую информацию, которую он узнал из книг, все, что он почерпнул из науки, и все, чему его научили любые знания о мире и его делах, на одну шкалу, и улучшение, которое он получил от своей правой руки. наставления и беседа друга были помещены в другое место, он должен быть в растерянности, не зная, чему отдать предпочтение.' *Парл. История*. вып. xxviii. с. 363.

[830] Лорд Кэмпбелл (*Жизнеописания главных судей*, том ii. стр. 443) говорит: 'Берк, государственный деятель-философ, глубоко проникнутый научными принципами юриспруденции'. Смотрите также, о его знании права, *"Воспоминания Батлера"*, том i, стр. 131; и *"Жизнь Берка"* Биссета, том i, стр. 230.

[831] Барри в своем знаменитом Письме Обществу дилетантов сожалеет, что Берка следовало отвлечь от изучения изящных искусств и посвятить себя политике, потому что у него был один из тех "умов замечательной экспансивности и соборности, которые позволяют охватить все проблемы искусства, древнего и современного, отечественного и зарубежного". *Сочинения Барри*, том ii. стр. 538, 4то, 1809. В *Ежегодном реестре* за 1798 год, стр. 329, 2-я правка, указано, что сэр Джошуа Рейнольдс "считал Берка лучшим знатоком картин, которого он когда-либо знал". См. далее *Работы сэра Дж. Рейнольдса*, 1846, т. i, стр. 185; и *"Жизнь Берка"* Биссета, т. ii, стр. 257. Несколько любопытный разговор между Берком и Рейнольдсом об искусстве сохранился в *Воспоминаниях Холкрофта*, т. ii. стр. 276, 277.

[832] Смотрите письмо Уинстэнли, камденского профессора древней истории, в *"Жизни Берка"* Биссета, том ii. стр. 390, 391, и в *"Жизни Берка"* Прайора, стр. 427. Уинстенли пишет: "Было бы чрезвычайно трудно встретиться с человеком, который знал бы больше о философии,

истории и происхождении языков или о принципах этимологической дедукции, чем мистер Берк".

[833] Адам Смит сказал Берку, "после того, как они поговорили о предметах политической экономии, что он был единственным человеком, который без общения думал на эти темы точно так же, как он". *"Жизнь Берка" Биссета*, том ii, стр. 429; и см. *"Жизнь Берка" Приора*, стр. 58; а о его знаниях в области политической экономии - *"Очерки государственных деятелей" Броэма*, том i, стр. 205.

[834] "Политику следует приспособлять не к человеческим рассуждениям, а к человеческой природе; разум - лишь часть, и ни в коем случае не самая большая". *Наблюдения о позднем состоянии нации, в работах Берка*, т. i. стр. 113. Отсюда различие, которое он постоянно проводил в поле зрения между обобщениями философии, которые должны быть непрерываемыми, и обобщениями политики, которые должны быть неустойчивыми; и отсюда в его благородном труде *"Размышления о причине нынешнего недовольства"* он говорит (т. i, стр. 136): 'Нельзя проводить никаких границ для гражданской или политической мудрости. Это материя, не поддающаяся точному определению.' См. также стр. 151, на которой он основывает свою защиту духа партийности; очевидно, что если бы истина была главной целью политического искусства, идея партии как таковая была бы неоправданной. Сравните с этим разницу между "верой в общество" и "верой в общество", изложенную М. Реем в его *"Социальной науке"*, т. ii. стр. 322, Париж, 1842.

[835] В 1780 году он прямо заявил Палате общин, что "хозяева - люди. Им остается только выражать свои желания широко и вульгарно. Мы - опытные художники; мы умелые мастера, которые придадут их желаниям идеальную форму и приспособят посуду для использования. Они сами страдают, они описывают симптомы жалобы; но мы знаем точную локализацию заболевания и то, как применять лекарство в соответствии с правилами техники безопасности. Как было бы шокирующе видеть, как мы превращаем наше мастерство в зловещую и рабскую ловкость с целью уклонения от исполнения своего долга и обмана наших работодателей, которые являются нашими естественными хозяевами, от объекта их справедливых ожиданий!' *Работы Берка*, том i, стр. 254. В 1777 году в своем *Письме шерифам Бристолья* (*Сочинения*, том i, стр. 216) он писал: "По сути, следовать, а не насиловать общественное мнение; давать направление, форму, техническое оформление и конкретную санкцию общему чувству сообщества — вот истинная цель законодательной власти'. В своем *Письме о продолжительности работы парламента* (том ii, стр. 430) он писал: "Было бы действительно ужасно, если бы в стране существовала какая-либо сила, способная противостоять ее единодушному желанию или даже желанию какого-либо очень большого и решительного большинства народа. Люди могут быть обмануты в своем выборе объекта. Но я едва ли могу представить себе какой-либо выбор, который они могут сделать, настолько пагубным, как существование какой-либо человеческой силы, способной противостоять ему.' Точно так же, - говорит он (т. i, стр. 125, 214), - когда правительство и народ расходятся, правительство, как правило, неправо: сравните стр. 217, 218, 276, т. ii, стр. 440. И чтобы привести еще один пример, но очень решающий, он в 1772 году, выступая по поводу законопроекта, касающегося ввоза и вывоза зерна, сказал: 'В данном случае я соглашаюсь с настоящим законопроектом не потому, что одобряю эту меру саму по себе, а потому, что считаю благоразумным поддаться духу времени. Народ хочет, чтобы это было так; и не его представителям говорить "нет". Я не

могу, однако, не выразить свой протест против общих принципов политики, на которых он основан, потому что я считаю их чрезвычайно опасными'. *Парл. История.* том. xvii. с. 480.

[836] Эффект, который глубокие взгляды Берка произвели в Палате общин, где, однако, мало кто был способен понять их в полной мере, описан доктором Хэем, присутствовавшим на одной из его великих речей; которая, по его словам, 'казалась своего рода новой политической философией'. *Переписка Берка.* том i, стр. 103. Сравните письмо Ли, написанное в том же 1766 году в книге Форстера "*Жизнь Голдсмита*", том ii. стр. 38, 39; и в "Корреспонденте" Банбери. о Ханмере, стр. 458.

[837] Берк никогда не устал критиковать распространенный аргумент о том, что, поскольку страна долгое время процветала при соблюдении какого-то определенного обычая, следовательно, обычай должен быть хорошим. Посмотрите замечательный пример этого в его речи о полномочиях генерального прокурора подавать информацию *по должности*; где он сравнивает таких рассуждающих с отцом Скриблера, который 'почитал ржавчину и язву, превратившие медную крышку от горшка в щит героя'. Он добавляет: 'Но, сэр, нам говорят, что время, в течение которого существовала эта власть, - это время наибольшего расцвета монархии; и что же, тогда две вещи не могут существовать вместе, кроме как как причина и следствие? Разве не мог человек обладать лучшим здоровьем в то время, когда он ходил с дубовой палкой, чем впоследствии, когда он сменил ее на трость, не предполагая, подобно друидам, что дуб обладает оккультными свойствами и что палка и здоровье являются причиной и следствием?' *Часть. История.* том XVI. стр. 1190, 1191.

[838] Это, как верно говорит мистер Кук, пример аристократического предрассудка; но несомненно, что намек со стороны Георга III. это исправило бы постыдное пренебрежение. *История Кука. партии,* том iii. стр. 277, 278.

[839] Легко представить, как вел себя Георг III. должно быть, был оскорблен подобными чувствами: 'Я не разделяю мнения тех джентльменов, которые против нарушения общественного покоя; я люблю шум всякий раз, когда происходит оскорбление. Пожарный колокол в полночь нарушает ваш сон, но он уберегает вас от ожогов в вашей постели. Шум и кличи встревожили графство, но сохранили всю собственность провинции.' Речь Берка о судебном преследовании за клевету в 1771 году в *Parl. Hist.* vol. xvii. с. 54.

[840] Он внес предложение об их отмене. *Парл. История.* вып. xxvi. с. 1169. Даже лорд Чатем издал в 1766 году прокламацию против лесорубов и перекрадывателей, к большому восхищению лорда Мэхона, который говорит: 'Лорд Чатем действовал с характерной энергией'. *История Мэхона. из Англии,* т. v., стр. 166. Более тридцати лет спустя, после смерти Берка, лорд Кеньон, тогдашний верховный судья, восхвалял эти абсурдные законы. *Памятка Холланда о партии вигов,* том i, стр. 167. Сравните "*Историю Георга III*" Адольфа. том vii. стр. 406; и "Мемориалы его времени" Кокберна, Эдинбург, 1856, стр. 73.

[841] 'Та либеральность в коммерческой системе, которая, я верю, однажды будет принята'. *Работы Берка,* том i, стр. 223. И в своем письме Бургу (*Там же.* том ii, стр. 409): "Но то, к чему я придавал особое значение, заключалось в том, чтобы закрепить принцип свободной торговли во всех портах этих островов, основанный на справедливости и полезный для всего; но главным образом для этого места, резиденции верховной власти".

[842] *до жизни Берк*, стр. 467; *Берк работ*, объем. я. С. 263-271, 537-561, объем. второй. С. 431-447. Он опровергает (том i, стр. 548) представление о том, что коронационная присяга была предназначена для того, чтобы связать корону в ее законодательном качестве. Сравните *Воспоминания Макинтоша*, т. i., стр. 170, 171, с *Воспоминаниями Батлера*, т. i., стр. 134.

[843] *Парл. История*. т. xvii. с. 435, 436, т. xx. с. 306. См. также *Переписку Берка*, том ii. стр. 17, 18; и *"Жизнь Берка"* Приора, стр. 143.

[844] *Работы Берка*, том i. стр. 261, 262, часть его речи в Бристоле.

[845] *"Жизнь Берка"* Приора, стр. 317. Смотрите также его замечательные замечания в *Работах*, том ii. стр. 417; и его речь в *части первой. История*. том. xxviii. с. 146.

[846] Об этой возрастающей жестокости английских законов сравните *работы Парра*, том iv. стр. 150, 259, с *Parl. История*. том. xxii. стр. 271, том. xxiv. стр. 1222, том. xxvi. стр. 1057, том. xxviii. с. 143; а что касается их исполнения, см. *"Жизнь Ромилли"*, написанная Им самим, том i, стр. 65; и *Историю Элисон. Европы*, том ix. стр. 620.

[847] В одной короткой речи (*Парл. История*. том xx. стр. 150, 151), он почти исчерпал аргументы против пожизненного призыва.

[848] В 1806 году, то есть через девять лет после смерти Берка, парламент впервые санкционировал призыв на военную службу сроком на несколько лет. Смотрите отчет о дебатах в *книге Элисон "История. Европы"*, том vii. стр. 380-391. Сравните *"Иллюстрации восемнадцатого века"* Николса, т. v., стр. 475; и *"Воспоминания Холланда о партии вигов"*, т. ii., стр. 116.

[849] *"Жизнь Берка"* Приора, стр. 316; *Парл. История*. том. xxvii. стр. 502, том. xxviii. стр. 69, 96; и *Жизнь Уилберфорса*, т. i., стр. 152, 171, содержат доказательства его враждебности к работорговле и более чем достаточный ответ на злонамеренное и, что еще хуже, невежественное замечание о Берке в *Воспоминаниях герцога Бекингема о Георге III*. т. i., стр. 350.

[850] Об уважении, которое Георг III. что касается работорговли, см. Примечание 259 к этой главе. Я мог бы также процитировать свидетельство лорда Броэма: "Суд был решительно против отмены рабства. Георг III. всегда относился к этому вопросу с отвращением, как к наслаждению инновациями". *"Государственные деятели Броэма"*, том ii. стр. 104. Сравните *книгу Комба "Северная Америка"*, том i, стр. 332.

[851] *Работы Берка*, том ii. стр. 490-496; *Парл. История*. том. xvii. стр. 44-55, очень искусная речь, произнесенная в 1771 году. Сравните письмо Даудсвеллу в *Переписке Берка*. том i. стр. 251, 252.

[852] Аргументы Берка более чем на двадцать лет предвосхитили знаменитый законопроект Фокса о клевете, который был принят только в 1792 году; хотя в 1752 году присяжные начали, вопреки судьям, выносить общие вердикты по существу. См. *"Канцлеры Кэмпбелла"*, том v., стр. 238, 243, 341-345, том vi, стр. 210; и *Мейер, "Судебные учреждения"*, том ii. стр. 204, 205, Париж, 1823.

[853] Мистер Фарр в своем ценном эссе о статистике государственной службы (в *Журнале Statistic. Soc.* том xii. стр. 103-125), называет Берка 'одним из первых и самых способных финансовых реформаторов в парламенте', стр. 104. Правда, однако, заключается в том, что он был не только одним из первых, но и первейшим. Он был первым человеком, который представил парламенту общую и систематическую схему сокращения государственных расходов; и его вступительная речь по этому поводу - одно из лучших его сочинений.

[854] "*Жизнь Берка*" Приора, стр. 206, 234. Смотрите также о произведенных им сокращениях, *Историю Синклера. о доходах*, том ii. стр. 84, 85; *Переписка Берка*. том iii. стр. 14; и "*Жизнь Берка*" Биссета, том ii. стр. 57-60.

[855] В 1788 году лорд Рокингем сказал в Палате лордов: "Вместо того, чтобы называть войну войной парламента или народа, ее называли войной короля, любимой войной его величества". *Парл. История*. том xix. стр. 857. Сравните *историю Кука. of Party*, том iii. стр. 235, с едкими замечаниями в "Георге III" Уолпола. том iv. стр. 114. Николлс (*Воспоминания*, том i, стр. 35) говорит: "Война рассматривалась как война лично короля. Тех, кто поддерживал это, называли друзьями короля; в то время как те, кто хотел, чтобы страна сделала паузу и пересмотрела уместность продолжения борьбы, были заклеены как негодяи."

[856] "Я здесь не вдаюсь в разграничение прав и не пытаюсь обозначить их границы. Я не вникаю в эти метафизические различия; я ненавижу само их звучание". Речь об американском налогообложении в 1774 году, в *Работах Берка*, том i, стр. 173. В 1775 году (т. i, стр. 192): 'Но мое рассмотрение узко, ограничено и всецело ограничивается политикой вопроса'. На стр. 183: мы должны действовать в отношении Америки не 'в соответствии с абстрактными идеями права, ни в коем случае не в соответствии с простыми общими теориями правления; обращение к которым в нашей нынешней ситуации представляется мне не более чем вопиющим пустяком'. В одном из своих ранних политических памфлетов, написанном в 1769 году, он говорит, что аргументы противников Америки 'убедительны; убедительны в том, что касается правоты; но совершенно противоположны в том, что касается политики и практики', т. i., стр. 112. Сравните письмо, написанное в 1775 году, в *Переписке Берка*. том ii. стр. 12.

[857] В 1766 году Георг III. пишет лорду Рокингему (*Albemarle's Rockingham*, том i, стр. 271, 272): 'Тэлбот настолько прав, насколько я могу пожелать, в Законе о гербовом сборе; решительно выступает за то, чтобы мы заявили о своем праве, но готов отменить его!' Другими словами, желающий оскорбить американцев спекулятивным утверждением абстрактного права, но осторожный в том, чтобы отказаться от преимуществ, которые это право могло бы дать.

[858] Сильная ненависть, с которой Георг III. отношение к американцам было настолько естественным для такого ума, как у него, что вряд ли можно винить его за постоянную демонстрацию этого в то время, когда борьба действительно надвигалась. Но что действительно позорно, так это то, что после окончания войны он проявил эту злобу именно в тот момент, когда из всех прочих он был обязан подавить ее. В 1786 году Джефферсон и Адамс официально находились в Англии и, из вежливости по отношению к королю, появились при дворе. Таким же, несмотря ни на что, был Георг III. из общепринятых приличий его положения следует, что он обращался с этими выдающимися людьми с подчеркнутой невежливостью, хотя в то время они выражали ему свое почтение в его собственном дворце. См. "*Жизнь Джефферсона*" Такера, том i, стр. 220; и *Воспоминания. и соотв. Джефферсона*, том i, стр. 54.

[859] Все великие революции имеют прямую тенденцию усиливать безумие, пока они продолжаются, и, вероятно, в течение некоторого времени после этого: но в этом, как и в других отношениях, французская революция стоит особняком по числу своих жертв. Об ужасном, но любопытном предмете безумия, вызванного волнением от событий, произошедших во Франции в конце восемнадцатого века, сравните *"Причард о безумии в связи с юриспруденцией"*, 1842, стр. 90; его *"Трактат о безумии"*, 1835, стр. 161, 183, 230, 339; *"Эскироль"*, *"Душевные болезни"*, том i. стр. 43, 53, 54, 66, 211, 447, том ii. стр. 193, 726; *Медицинская психология Фейхтерслебена*, стр. 254; *Жорже, "Де ла Фоли"*, стр. 156; *Пинель, "Особенности психического развития"*, стр. 30, 108, 109, 177, 178, 185, 207, 215, 257, 349, 392, 457, 481; *История Элисон. Европы*, том iii. стр. 112.

[860] *Работы Берка*, том ii. стр. 268.

[861] Самые ранние безошибочные случаи вспышек насилия, свидетельствовавших о наличии болезни, были во время дебатов по биллю о регентстве в феврале 1789 года, когда сэр Ричард Хилл с грубой откровенностью намекнул на безумие Берка даже в его присутствии. *Часть. История.* том. xxvii. стр. 1249. Сравните письмо сэра Уильяма Янга в *"Воспоминаниях Бекингема о Георге III"*. 1853, том ii, стр. 73; *"Берк закончил свою дикую речь в манере, близкой к безумию"*. Это было в декабре 1788 года; и с тех пор и до самой его смерти с каждым годом становилось все более очевидным, что его интеллект был расстроен. Ознакомьтесь с его меланхоличным описанием в письме, написанном доктором Карри в 1792 году (*Жизнь Карри*, том ii, стр. 150); и, прежде всего, ознакомьтесь с его собственным бессвязным письмом 1796 года в его *переписке. совместно с Лоуренсом*, стр. 67.

[862] Его сын умер в августе 1794 года (*Переписка Берка.* том iv. стр. 224); и его самые жестокие произведения были написаны между этим периодом и его собственной смертью в июле 1797 года.

[863] 'Этот ученик, как он сам с гордостью признавал'. *"Государственные деятели Броэма"*, том i, стр. 218. В 1791 году Фокс сказал, что Берк 'научил его всему, что знал в политике'. *Парл. История.* том xxix. стр. 379. См. также *Историю Георга III Адольфа.* том iv. стр. 472, 610; и письмо Фокса Парру в *Сочинениях Парра*, том vii. стр. 287.

[864] Все началось в 1766 году, когда Фоксу было всего семнадцать. *Воспоминания Рассела о Фоксе*, том i, стр. 26.

[865] Об этом болезненном разрыве сравните с *"Парламентской историей" Холланда, Памятной запиской партии вигов*, том i, стр. 10, 11; *"Жизнь Берка" Приора*, стр. 375-379; *"Жизнь Питта" Томлайна*, том ii, стр. 385-395. . Полная перемена в чувствах Берка к своему старому другу также проявляется в очень несдержанном письме, написанном доктору Лоуренсу в 1797 году. *Переписка Берка. совместно с Лоуренсом*, стр. 152. Сравните *Работы Парра*, том iv. Стр. 67-80, 84-90, 109.

[866] Который раньше противопоставлялся прямоте Джонсона; эти выдающиеся люди были двумя лучшими ораторами своего времени. См. *"Жизнь Берка" Биссета*, том i, стр. 127.

[867] *Rogers's Introduction to Burke's Works*, p. xlv.; *Prior's Life of Burke*.

[868] У Ламартина, *Hist. des Girondins*, vol. viii. стр. 76-80; и современное отношение в книге Мюссе-Патэ, "Жизнь Руссо", том ii. стр. 42-47.

[869] Это почетное свидетельство политического оппонента; который говорит, что после роспуска Ассамблеи "Фейет се конформа в условиях Вашингтона, как и прежде, придерживается модели". Кассаньяк, *Французская революция*, том iii. стр. 370, 371. Сравните неохотное признание своего врага Буйе, *Воспоминания де Буйе*, том i, стр. 125; а доказательства нежной близости между Вашингтоном и Лафайетом см. *Воспоминания де Лафайета*, том i, стр. 16, 21, 29, 44, 55, 83, 92, 111, 165, 197, 204, 395, том ii. с. 123.

[870] Герцог Бедфорд, неплохо разбиравшийся в людях, сказал в 1794 году, что "вся жизнь Лафайета была примером правды, бескорыстия и чести". *Парл. История*. том. xxxi. стр. 664. Так же и продолжатель Сисмонди (*История. des Français*, vol. xxx. p. 355), 'La Fayette, le chevalier de la liberté d'Amérique;' and Lamartine (*Hist. des Girondins*, vol. iii. p. 200), 'Martyr de la liberté après en avoir été le héros.' Сегюр, который был близко знаком с ним, дает некоторый отчет о его благородном характере, каким он проявился, когда он был девятнадцатилетним юношей. *Mém. de Ségur*, vol. i. pp. 106, 107. Сорок лет спустя леди Морган встретила его во Франции; и то, что она рассказывает, показывает, как мало он изменился и насколько простыми остались его вкусы и привычки. *Франция моргана*, том ii. стр. 285-312. Другие заметки, основанные на личных знаниях, можно найти в "Жизни Роско", том ii, стр. 178; и в воспоминаниях Троттера о Фоксе, стр. 319 след.

[871] 'Нечестивая софистика Кондорсе'. *Письмо благородному лорду*, в *Сочинениях Берка*, том ii. стр. 273.

[872] *Мысли о французских делах в работах Берка*, том i, стр. 574.

[873] 'Кондорсе (хотя и не маркиз, как он называл себя до революции) - человек иного происхождения, образа жизни и занятий, чем Бриссо; но во всех принципах и склонностях, вплоть до самых низких, а также самых высоких и решительных злодеяний, полностью ему равен'. *Мысли о французских делах, в работах Берка*, т. i, стр. 579.

[874] 'Стонущий от самой гнетущей жестокости в подземельях Магдебурга'. *История Великого британца Белшема*. том ix. стр. 151. Смотрите печальные подробности его страданий в *Воспоминаниях де Лафайета*, т. i, стр. 479, т. ii. pp. 75, 77, 78, 80, 91, 92; и о благородном хладнокровии, с которым он переносил их, см. *Де Сталь*, *Рев. Франсуаза*, Париж, 1820, т. ii. стр. 103.

[875] Едва ли можно поверить, что подобные формулировки могли быть применены к такому человеку, как Лафайет; но я скопировал их из "Парламентской истории", т. xxxi. стр. 51, и из Адольфа, т. v., стр. 593. Единственная разница в том, что у Адольфа выражение 'я бы не стал унижать свою человечность'; но в *Парл. Хист.*, 'Я бы не стал злоупотреблять своей человечностью'. Но оба авторитетных источника согласны с тем, что Берк использовал термин 'ужасный негодяй'. Сравните переписку Берка с Лоуренсом, стр. 91, 99.

[876] *Работы Берка*, том ii. стр. 319. В каждом случае я цитирую точные слова Берка.

[877] *Там же*. том ii. стр. 279.

[878] Речь Берка, в *Парл. История*. том. xxxi. стр. 379.

[879] *Работы Берка*, том ii. стр. 335.

[880] *Burke's Corresp.*.

[881] *Работы Берка*, том ii. стр. 322.

[882] *Парл. История*. том xxx. стр. 115.

[883] *Там же*. стр. 112.

[884] *Там же*. стр. 188.

[885] *Там же*. стр. 435.

[886] *Там же*. стр. 646; заключительное предложение одной из речей Берка в 1793 году.

[887] *Там же*. том. xxxi. с. 426.

[888] *Работы Берка*, том ii. стр. 320.

[889] *Там же*. стр. 286.

[890] *Там же*. стр. 322.

[891] *Там же*. стр. 318.

[892] *Парл. История*. вып. xxviii. с. 353, т. xxx. с. 390; *Адольф*, т. iv. с. 467.

[893] В *Письмах о цареубийственном мире*, опубликованных за год до его смерти, он говорит: "Эти послы могут легко вернуться такими же хорошими придворными, какими они ушли; но смогут ли они когда-нибудь вернуться из этой унижительной резиденции верными подданными; или с какой-либо истинной привязанностью к своему хозяину, или с истинной приверженностью конституции, религии или законам своей страны? Существует большая опасность, что те, кто с улыбкой войдут в эту трифонову пещеру, выйдут из нее печальными и серьезными заговорщиками; и так будет продолжаться до тех пор, пока они живы." *Работы Берка*, том ii. стр. 282. Он добавляет в той же работе, стр. 381: "Не для этого ли мы открываем "обычные отношения мира и дружелюбия"? Не для этого ли наша молодежь обоих полов должна формировать себя путешествиями? Не для этого ли ценой труда мы прививаем их шепелявый младенческий акцент к французскому языку?... Пусть помнят, что ни один молодой человек не может отправиться в какую-либо часть Европы, не заразившись этой заразной болезнью на своем пути; и пока менее активная часть общества будет развращена этим путешествием, пока детей будут травить в этих школах, наша торговля положит конец нашему разорению. Во Франции не будет ни одной фабрики, которая не стала бы клубом законченных французских якобинцев. Умы молодых людей такого типа получают порчу в своей религии, морали и политике, о которой они в скором времени сообщат всему королевству".

[894] В *"Наблюдениях за поведением меньшинства"*, 1793, он говорит, что в течение четырех лет он желал "всеобщей войны против якобинцев и якобинства". *Работы Берка*, том i, стр. 611.

[895] Ибо, во-первых, "объединенные монархи нанесли серьезный ущерб своему делу, признав, что они не имели никакого отношения к внутреннему устройству Франции". *"Главы о текущем положении дел"*, написанные в ноябре 1792 года в *"Работах Берка"*, том i, стр. 583. И то, что он

знал, что речь шла не просто об уничтожении фракции, видно из того примечательного обстоятельства, что даже в январе 1791 года он писал Тревору о войне: "Франция действительно слаба, разделена и обезумела; но Бог знает, когда дело дойдет до испытаний, не обнаружат ли захватчики, что их предприятие *состояло не в поддержке партии, а в завоевании королевства*". *Переписка Берка*. том iii, стр. 184.

[896], Как верно называет это лорд Дж. Рассел, *Воспоминания Фокса*, т. iii. стр. 34. Смотрите также *"Восемнадцатый век"* Шлоссера, т. ii. стр. 93, т. v. стр. 109, т. vi. стр. 291; *"Воспоминания Николлса"*, т. i. р. 300; *Сочинения Парра*, том iii. стр. 242.

[897] 'Мы не можем, если бы хотели, обманывать самих себя относительно истинного состояния этого ужасного соревнования. *Это религиозная война.*" *Замечания о политике союзников*" в *Работах Берка*, т. i, стр. 600.

[898] Смотрите длинный список запрещений в *работах Берка*, том i, стр. 604. И принцип мести снова отстаивается в письме, написанном в 1793 году, в *переписке Берка*. том iv. стр. 183. А в 1794 году он заявил Палате общин, что "война больше не должна ограничиваться тщетной попыткой воздвигнуть преграду незаконной и дикой мощи Франции; она должна быть направлена к единственной разумной цели, которую она может преследовать, а именно, к полному уничтожению отчаявшейся орды, которая ее породила". *Парл. История*. том. xxxi. стр. 427.

[899] *Письма о цареубийственном мире*, в *работах Берка*, том ii. стр. 291. В этом ужасном предложении, возможно, самом ужасном из когда-либо написанных английским политиком, курсив не мой; он есть в тексте.

[900] "Я знаю, — сказал Берк в одной из тех великолепных речей, которые отмечают зенит его интеллекта, - я знаю карту Англии так же хорошо, как благородный лорд или любой другой человек; и я знаю, что путь, по которому я иду, не ведет к возвышению". *Часть. История*. том. xvii. стр. 1269.

[901] Смотрите, среди многих других примеров, необычный отрывок о "якобинстве" в его *работах*, т. ii. стр. 449, который следует сравнить с письмом, написанным им в 1792 году относительно предлагаемого коалиционного министерства, *Переписка*. том iii. стр. 519, 520: "Но мой совет заключался в том, что, поскольку в качестве основы всего должен быть определен политический принцип, а именно "полная враждебность французской системе внутри страны и за рубежом".

[902] Самое раннее из известных мне свидетельств сердца Георга III. начало открываться Берку относится к августу 1791 года; смотрите в *Переписке Берка*, том iii. стр. 278, изысканно абсурдный отчет о приеме, оказанном ему на дамбе. Берк, должно быть, действительно пал духом, прежде чем смог написать такое письмо.

[903] 'Как говорят, возникла по прямому желанию короля'. *"Жизнь Берка"* Приора, стр. 489. Мистер Прайор оценивает эти пенсии в 3700 фунтов в год; но, если мы можем положиться на мистера Николлса, сумма была еще больше: "Мистер Берк был вознагражден двумя пенсиями, оцениваемыми в 40 000 фунтов" *Воспоминания Николлса*, том i, стр. 136. Берку было

шестьдесят пять, и пенсия в 3700 фунтов в год не стоила бы 40 000 фунтов, как тогда рассчитывали таблицы. Заявление мистера Прайора, однако, подтверждено Уэнси в 1794 году. См. *Литературу Николса. Анекдот восемнадцатого века*, том iii. стр. 81.

[904] *Prior's Life of Burke*, p. 460; *Анес.* том iii. стр. 81; "*Жизнь Берка*" Биссета, том ii. стр. 414.

[905] 'Сэр Роберту Уолполу было предложено увеличить доходы, обложив Америку налогами; но этот министр, который мог предвидеть не только выгоды текущего момента, заявил, что отважиться на такой прием должен быть более смелый человек, чем он сам'. "*Джордж III*" Уолпола. том II, стр. 70. Сравните "*Воспоминания Литтлтона*" Филлимора, том ii, стр. 662; "*Американская революция*" Бэнкрофта, том i, стр. 96; "*История Великобритании*" Белшема, том v., стр. 102.

[906] Я думаю, следует признать, что какой-то разрыв был неизбежен; но мы не обязаны верить утверждению Горация Уолпола, который говорит (*Воспоминания Георга II.* том i, стр. 397), что в 1754 году он предсказал американское восстание. Уолпол, хотя и был проницательным наблюдателем поверхностных слоев общества, был не тем человеком, который придерживался бы подобной точки зрения; если только, что маловероятно, он не слышал мнения на этот счет, высказанного его отцом. Сэр Роберт Уолпол, возможно, и сказал что-то о растущей любви к свободе в колониях, но он не мог предвидеть, как эта любовь будет усилена произволом правительства Георга III.

[907] Общее предложение было внесено в 1764 году; сам законопроект был принят в начале 1765 года. Посмотрите *биографию Мэхона. of England*, том v., стр. 82, 85; и *Документы Гренвилла*, том ii. стр. 373, 374. О полном изменении политики, на которое это указывало, см. "*Политика*" Брозема. *Философ.* часть iii. стр. 328.

[908] Переписка того времени содержит достаточно доказательств ожесточения духовенства по отношению к американцам. Даже в 1777 году Берк писал Фоксу: "Тори действительно повсеместно считают, что их власть и влияние связаны с успехом этого американского бизнеса. Духовенство проявляет в этом поразительную теплоту; а что представляют собой тории, когда они воплощены и объединены со своей естественной главой, короной, и воодушевлены своим духовенством, никто не знает лучше, чем вы. '*Работы Берка*', том ii. стр. 390. Сравните "*Жизнь самого епископа Ньютона*", стр. 134, 157.

[909] 'Властная аристократия желала некоторого снижения земельного налога за счет Америки'. *История Бэнкрофта. американской революции*, том ii. стр. 414. Торговцы, с другой стороны, были против этих насильственных действий. Смотрите, об этом контрасте между земельными и коммерческими интересами соответствуют письмо от лорда Шелбурна в 1774 году и другое от лорда Камдена в 1775 году в *Чатеме.* том iv. стр. 341, 401. Смотрите также выступления Трекотика и Вайнера в *части. История.* том xvi. стр. 507, vol. xviii. с. 1361.

[910] В то время считалось, и это не исключено, что сам король предложил ввести налогообложение в Америке, против чего Гренвилл поначалу возражал. Сравните *Воспоминания Рексолла о его собственном времени*, том ii, стр. 111, 112, с *Воспоминаниями Николла*, том i, стр. 205, 386. Возможно, это был просто слух; но он вполне согласуется со всем, что мы знаем о характере Георга III, и, во всяком случае, не может быть никаких сомнений относительно его чувств по этому вопросу в целом. Несомненно, что он переубедил лорда Норта вступить в соперничество с Америкой и побудил этого министра начать войну и продолжать ее

даже после того, как успех стал безнадежным. См. *"Американскую революцию" Бэнкрофта*, том iii, стр. 307, 308; *Воспоминания Рассела о Фоксе*, том i, стр. 247, 254; и переписку Бедфорда. том iii, стр. li. См. также, что касается отмены Закона о гербовом сборе, *Документы Гренвилла*, том iii, стр. 373; любопытный отрывок, с которым лорд Махон, последнее издание истории которого было опубликовано в том же году (1853), по-видимому, не был знаком. *История Мэхона. об Англии*, т. v., стр. 139. В Америке чувства короля были хорошо известны. В 1775 году Джефферсон пишет из Филадельфии: "Нам сказали, и все подтверждает это, что он наш злейший враг". *Переписка Джефферсона*. том i, стр. 153. А в 1782 году Франклин пишет Ливингстону: 'Король ненавидит нас самым искренним образом'. *Жизнь Франклина*, том ii. стр. 126.

[911] 'Двор', как замечает лорд Олбемарл, ' "двор, который требовал, чтобы министры были не государственными служащими государства, а личной прислугой государя'. *Воспоминания Альбемарля о Рокингеме*, том i, стр. 248. Сравните *"Американскую революцию" Бэнкрофта*, том ii. стр. 109. Точно так же Берк в 1767 году пишет: 'Его величество никогда не был в лучшем расположении духа. У него слабое и зависимое служение; и, что еще лучше, оно готово продолжать в том же духе". *Переписка Берка*. том i, стр. 133. Десять лет спустя лорд Чатем открыто высмеял короля за эту позорную особенность: 'Таким образом, податливым, а не способным людям было доверено управление этой некогда славной империей'. *Речь Чатема в 1777 году, в Адольфе*, т. ii. стр. 499, 500.

[912] Некоторые свидетельства жестокости, с которой англичане вели эту войну, см. в *"Жизни Джефферсона" Такера*, т. i, стр. 138, 139, 160; *Воспоминаниях Джефферсона. и переписываться*. т. i, стр. 352, 429, т. ii, стр. 336, 337; *Переписке Алмона. . Уилкса*, т. v., стр. 229-232, изд. 1805; *История Георга III Адольфа*. том ii. стр. 362, 391. Эти ужасные жестокости часто упоминались в парламенте, но не производили ни малейшего впечатления на короля или его министров. См. *Parl. История*. том xix. стр. 371, 403, 423, 424, 432, 438, 440, 477, 487, 488, 489, 567, 578, 579, 695, 972, 1393, 1394, том xx. стр. 43. Среди расходов на войну, которые правительство представило парламенту, одна из статей касалась 'пяти брутто ножей для снятия скальпов'. *Часть. История*. том XIX. стр. 971, 972. См. Далее *Воспоминания де Лафайета*, том i. стр. 23, 25, 99.

[913] В Манчестере 'в результате волнений в Америке девять из десяти ремесленников в этом городе были уволены с работы'. Это было заявлено в 1766 году не меньшим авторитетом, чем Конвей. *История Махона. из Англии*, том v., стр. 135. По мере того, как борьба становилась все более упорной, зло становилось все более явным, и многочисленные доказательства огромного ущерба, нанесенного Англии, можно найти, сравнив *Переписку Франклина*, том i, стр. 352; *Историю Георга III Адольфа*. том ii, стр. 261; *Работы Берка*, том i, стр. 111; *Parl. История*. вып. xviii. стр. 734, 951, 963, 964, т. xix. стр. 259, 341, 710, 711, 1072; *Воспоминания Уолпола о Георге III*. том ii. стр. 218.

[914] Даже г-н Адольфус в своей "Истории тори" говорит, что в 1782 году "дело Великобритании, казалось, деградировало до самого низкого уровня; неудачи и преобладающее мнение о бесхозяйственности сделали его поддержку среди эгоистичных держав континента почти позорной'. *История Георга III*. том iii. стр. 391, 392. Для доказательства мнений, бытующих на этот счет в зарубежных странах, я не могу найти ничего лучшего, чем обратиться к *Мемуарам де Сегура*, т. iii. стр. 184, 185; *Произведениям Тюрго*, т. ix. стр. 377; *Сулавье, Мемуарам Людовика*

XVI. т. iv. стр. 363, 364; *Кох, Таблицы революций*, т. ii. стр. 190-194; *Мемуары Малле дю Пана*, т. i. стр. 37.

[915] Сэр Джон Синклер в своей *истории. о доходах*, том ii, стр. 114, говорится в 139 171 876л.

[916] Доктор Джебб, способный наблюдатель, считал, что американская война 'должна иметь решающее значение для свобод обеих стран'. "*Жизнь Джебба*" *Диснея*, стр. 92. Точно так же лорд Чатем писал в 1777 году: 'бедная Англия падет от своего собственного меча'. *Документы Гренвилла*, том iv. стр. 573. В том же году Берк сказал о предпринятой попытке управлять колониями с помощью военной силы: "то, что установление такой власти в Америке полностью разрушит наши финансы (хотя это и имеет определенный эффект), является наименьшей частью нашей озабоченности. Это станет подходящим, мощным и верным двигателем для уничтожения нашей свободы здесь". *Работы Берка*, том ii. стр. 399. Сравните т. i. с. 189, 210; *Парл. История*. том xvi. с. 104, 107, 651, 652, том xix. с. 11, 1056, том xx. с. 119, том xxi. с. 907. Следовательно, Фокс желал победы американцам (*Воспоминания Рассела о Фоксе*, том i, стр. 143); за что некоторые авторы фактически обвинили его в недостатке патриотизма!

[917] В 1792 году, следовательно, до начала войны, лорд Лэнсдаун, один из крайне немногих пэров, избежавших господствующей коррупции, сказал: 'Настоящий случай напомнил ему о действиях этой страны до войны с Америкой. К американцам были применены те же оскорбительные и унижающие достоинство термины, которые теперь используются в отношении Национального собрания, — *могут последовать те же последствия*'. *Парл. История*. том xxx. стр. 155.

[918] Сравните *Историю Великобритании Белшама*, том. viii. с. 490, с "*Жизнью Питта*" *Томлайна*, том ii. с. 548. Письмо лорду Гауэру, английскому посланнику в Париже, напечатано в *Parl. Hist.* vol. xxx. стр. 143, 144. Его дата - 17 августа 1792 года.

[919] Незадолго до революции Роберт де Сен-Венсан уместно заметил в качестве предостережения, что англичане "свергли с престола семерых своих королей и обезглавили восьмого". *Воспоминания Малле дю Пана*, т. i, с. 146; и нам сказано в *книге Элисон "Европа"* (т. ii, с. 199, 296, 315), что в 1792 году Людовик "предвосхитил судьбу Карла I." Сравните *Письма Уильямса из Франции*, 2-е издание. 1796, том iv. стр. 2.

[920] Белшем (*История Великобритании*, т. viii. стр. 525) предполагает, и, вероятно, не без оснований, что английское правительство было настроено на войну еще до смерти Людовика; но, по-видимому (*Томлайн Питт*, том ii, стр. 599), что только 24 января 1793 года Шовелену было фактически приказано покинуть Англию, и что это произошло вследствие того, что "британские министры получили информацию о казни короля Франции". Сравните *Белшем*, том. viii. стр. 530. Таким образом, общее мнение о том, что непосредственной причиной военных действий была казнь Людовика, кажется правильным. Смотрите *Историю Элисон*. том ii. стр. 522, том v. стр. 249, том vi. стр. 656; и *Ньюмарч*, в *Журнале Statistic*. Соч. т. xviii. с. 108.

[921] Лорд Броэм (*Очерки государственных деятелей*, том i, стр. 79) справедливо говорит об этой войне, что 'самый молодой из живущих людей не переживет фатальных последствий этого вопиющего политического преступления'. Таким нетерпеливым, однако, был Георг III. в его пользу говорит тот факт, что, когда Уилберфорс отделился от Питта из-за войны и внес поправку по этому вопросу в Палату общин, король продемонстрировал свою злобу, отказавшись

обращать какое-либо внимание на Уилберфорса, когда тот в следующий раз появился при дворе. *Жизнь Уилберфорса*, том ii. стр. 10, 72.

[922] В 1793 году и впоследствии как оппозицией, так и сторонниками правительства было заявлено, что война с Францией была направлена против доктрин и мнений, и что одной из ее главных целей было препятствовать прогрессу демократических институтов. Смотрите, среди многих других примеров, *Parl. История*. том XXX. стр. 413, 417, 1077, 1199, 1200, 1283, том II. xxxi. стр. 466, 592, 649, 680, 1036, 1047, вып. xxxiii. стр. 603, 604; *Воспоминания Николлса*, том ii. стр. 156, 157.

[923] Лорд Кэмпбелл ("*Жизни канцлеров*", том vi, стр. 449) говорит, что если бы законы, принятые в 1794 году, были приведены в исполнение, "единственным шансом избежать рабства была бы гражданская война". Сравните "*Государственные деятели*" Броэма, том i, стр. 237, том ii. стр. 63, 64, о нашем "бегстве от проскрипций и произвола власти ... во время почти безнадежной борьбы с 1793 по 1801 год". Оба этих автора отдают большую и заслуженную честь успешным усилиям Эрскина в работе с присяжными. Действительно, настрой наших присяжных был настолько решительным, что в 1794 году на процессе над Туком они совещались всего восемь минут, прежде чем вынести оправдательный вердикт. *Воспоминания Стивенса о Хорне Туке*, том ii, стр. 147; см. Также об этом кризисе, *Жизнь Картрайта*, том i, стр. 210. Люди повсюду сочувствовали жертвам; и пока шел суд над Харди, генерального прокурора Скотта всегда окружала толпа, когда он выходил из суда, и однажды его жизнь была в опасности. "*Жизнь Элдона*" Твисса, том i. стр. 185, 186. Сравните *Воспоминания Холкрофта*, том ii. стр. 180, 181.

[924] "По крайней мере, пять дней". *Статистика*. 36 *Георг III*. с. 8, § 1. Это относилось к собраниям, 'проводимым с целью или под предлогом рассмотрения или подготовки какой-либо петиции, жалобы, увещевания или декларации, или другого обращения к королю, или к обеим палатам, или к любой из палат парламента, для изменения вопросов, установленных в церкви или государстве, или с целью или под предлогом обсуждения какой-либо жалобы в церкви или государстве'. Единственные исключения допускались в случае заседаний, созываемых мировыми судьями, официальными лицами и большинством большого жюри.

[925] Лицо, разместившее уведомление в газете, "обязано обеспечить бережное хранение такого уведомления и полномочий ... и передать их подлинную копию (при необходимости) любому мировому судье округа, города или места, где будет проживать такое лицо или где будет печататься такая газета, и который потребует того же". 36 *Георг III*. с. 8, § 1.

[926] С. 8, §§ 6 и 7, ссылаясь на "собрания по предварительному сговору"; и на лиц, придерживающихся выражений, которые даже "склонны к подстрекательству". Эти два раздела очень примечательны.

[927] "Это должно быть признано, - говорится в Законе, - уголовным преступлением без участия духовенства; и виновные в нем будут признаны уголовными преступниками и понесут смерть, как в случае уголовного преступления без участия духовенства". 36 *Георг III*. с. 8, § 6.

[928] *Статистика*. 39 *Георг III*. с. 79, § 15.

[929] Лицензия "должна действовать в течение одного года, не более, или в течение любого меньшего периода времени, который в ней будет указан; и какая лицензия должна быть законной для мировых судей" и с. "аннулировать и объявить недействительной и более не

действующей любым распоряжением таких судей; ... и после этого действие такой лицензии прекращается и определяется, и с этого момента быть совершенно недействительным и не имеющим силы". 39 *Георг III*. с. 79, § 18.

[930] Такие вещи настолько невероятны, что я должен снова процитировать слова Закона: "Каждый дом, комната или место, которые должны быть открыты или использоваться как место собраний с целью чтения книг, брошюр, газет или других публикаций, и в которые любой человек должен быть допущен за определенную плату" (если власти регулярно не выдают разрешения), ... "считается домом для нарушителей общественного порядка"; и лицо, открывающее его, "подлежит другому наказанию, как предписывает закон в случае домов для нарушителей общественного порядка". 39 *Георг III*. с. 79, § 15. Зародыш этого закона можно найти у 36 *Георга III*. с. 8, § 12, 13, 14, 15, 16. Нигде самые слабые стороны человеческого разума не видны так ясно, как в истории законодательства.

[931] Смотрите подробности в *Истории Ханта. о газетах*, том i, стр. 281-4. Мистер Хант говорит, стр. 284: 'В дополнение ко всем этим законам, направленным исключительно против прессы, были приняты другие законодательные акты, направленные на нее, с целью подавления свободного выражения общественного мнения'. В 1793 году доктор Карри писал: "Судебные преследования, которые возбуждаются правительством по всей Англии против типографий, издателей и т. Д., удивили бы вас; и большинство из них за преступления, совершенные много месяцев назад. Против издателя *Manchester Herald* было выдвинуто семь различных обвинительных заключений за статьи в его газете; и шесть различных обвинительных заключений за продажу или утилизацию шести разных экземпляров Пейна — все до суда над Пейном. Этот человек был богат, предполагалось, что он стоит 20 000 фунтов стерлингов; но эти различные действия погубят его, как и было задумано". *Жизнь Карри*, том i. стр. 185, 186. Смотрите также письмо Роско лорду Лэнсдауну в "*Жизни Роско*", т. i, стр. 124; и *воспоминания Холкрофта*, т. ii, стр. 151, 152: 'Печатники и книготорговцы по всему королевству подверглись преследованию'. См. далее, *Жизнь Картрайта*, т. i. стр. 199, 200; *История Георга III Адольфа*. т. v. стр. 525, 526; *Воспоминания Уэйкфилда*, т. ii. стр. 69.

[932] В 1793 году доктор Карри, упомянув попытки правительства уничтожить свободу прессы, добавляет: 'Со своей стороны, я предвижу неприятности и полагаю, что нация никогда не была в таком опасном кризисе'. *Воспоминания Карри*. том i, стр. 186. В 1795 году Фокс пишет (*Воспоминания Рассела о Фоксе*, том iii, стр. 124, 125): 'Мне кажется, что в настоящее время нет иного выбора, кроме как между абсолютным отказом от свобод народа и энергичными усилиями, сопряженными, я признаю, со значительным риском, в такое время, как настоящее. Признаюсь, мой взгляд на вещи очень мрачен; и я убежден, что через несколько лет это правительство станет полностью абсолютистским или возникнет неразбериха почти такого же характера, которую следует осуждать, как сам деспотизм.' В том же году доктор Рейн пишет (*Сочинения Парра*, том vii, стр. 533): "Озорное поведение людей, находящихся у власти, долгое время делало эту страну беспокойным пристанищем для умеренного и мирного человека; их нынешние действия делают наше положение тревожным, а наши перспективы ужасными'. См. также стр. 530. В 1796 году епископ Лландафский пишет (*Жизнь Уотсона*, том ii. стр. 36, 37): "Болезнь, которая поражает конституцию (влияние короны), неизлечима; могут быть применены насильственные меры; их успех был бы сомнительным, и я, например, никогда не желаю, чтобы их судили'. Сравните том i, стр. 222. И в 1799 году Пристли опасался революции; но в то же

время считал, что "больше нет никакой надежды на мирные и постепенные реформы". *Воспоминания о Пристли*, т. i. стр. 198, 199.

[933] В этом памятном заявлении Фокс сказал, что "он имел право надеяться и ожидать, что эти законопроекты, которые положительно отменяли Билль о правах и подрезали под корень всю конституцию, превратив нашу ограниченную монархию в абсолютный деспотизм, не будут приняты парламентом вопреки заявленному чувству подавляющего большинства людей. Если, однако, министры были полны решимости с помощью коррумпированного влияния, которым они обладали в обеих палатах парламента, принять законопроекты, прямо противоречащие заявленному чувству подавляющего большинства нации, и они должны были быть введены в действие со всеми их строгими положениями, если бы люди спросили его мнение относительно их послушания, он должен был бы сказать им, что это больше не вопрос моральных обязательств, а благоразумия. Действительно, это был бы случай крайней необходимости, который мог бы оправдать сопротивление; и единственный вопрос заключался бы в том, было ли это сопротивление разумным". *Парл. История*. том. xxxii. стр. 383. По этому поводу Уиндхэм заметил, и Фокс не стал отрицать, что 'смысл, очевидно, заключался в том, что правильный, дорогая. джентльмен посоветовал бы людям, когда бы они ни были достаточно сильны, сопротивляться исполнению закона'; и с этим немедленно согласились и Шеридан, и Грей, стр. 385-387.

[934] "Никогда на памяти старейшего человека не появлялось столь твердого и решительного множества противников министерских мер, как в этом случае (*т.е.* в 1795 году): интересы общества казались настолько глубоко затронутыми, что люди не только приличных, но и самых вульгарных профессий тратили значительную часть своего времени и занятия посещением многочисленных собраний, которые были созваны во всех частях королевства, с явным намерением противодействовать этой попытке служения.' *Примечание в Парл. История*, том. xxxii. стр. 381. Именно в этот период Фокс сделал заявление, которое я процитировал в предыдущей заметке.

[935] В то время это называлось 'Царством террора', и так действительно было с каждым противником правительства. См. *"Канцлеры Кэмпбелла"*, том vi, стр. 441; *Воспоминания Уэйкфилда*, том ii, стр. 67; и *воспоминания Троттера о Фоксе*, стр. 10.

[936] 'Беззаконная система тайного заключения, в соответствии с которой Питт и Дандас теперь заполнили все тюрьмы парламентскими реформаторами; людьми, которые были брошены в темницы без какого-либо публичного обвинения и у которых закон об отстранении от должности habeas-corpus отнял всякую надежду на возмещение ущерба'. *История Кука. о вечеринке*, том iii. стр. 447. О жестокости, с которой обращались с этими политическими противниками правительства в тюрьме, см. *Воспоминания Стивенса о Туке*, том ii. стр. 121, 125, 423; *Парл. История*. том. xxxiv. стр. 112, 113, 126, 129, 170, 515, том. xxxv. стр. 742, 743; *Воспоминания Клонкарри*, стр. 46, 86, 87, 140, 225.

[937] *Жизнь Карри*, том ii. стр. 160; *Воспоминания Стивенса о Туке*, том ii. стр. 118, 119.

[938] В 1793 году Роско пишет: "Каждый человек призван шпионить за своим братом". *Жизнь Роско*, том i, стр. 127. Сравните заявление Фокса (*Parl. Hist.* vol. xxx. p. 21), что то, что сделало правительство, заключалось в том, чтобы "превратить каждого человека не просто в инквизитора, но в судью, шпиона, осведомителя, — натравить отца на отца, брата на брата; и

таким образом вы надеетесь сохранить спокойствие в стране'. См. также том xxx. стр. 1529; и замечательный отрывок из *Биог. литературы Кольриджа*. (т. i, стр. 192), о масштабах 'тайной диффамации' в 1793 году и после него. Дополнительные доказательства этого ужасного состояния общества см. в *Воспоминаниях Холкрофта*, т. ii. стр. 150, 151; *Воспоминаниях Стивенса о Хорне Туке*, т. ii. стр. 115, 116.

[939] Были даже значительные трудности с поиском печатника для великого филологического труда Тука, "*Развлечения Перли*". См. *Воспоминания Стивенса о Туке*, том ii. стр. 345-348. В 1798 году Фокс написал Картрайту (*Жизнь Картрайта*, т. i, стр. 248): "Решение против издателя Уэйкфилда представляется мне решающим для свободы прессы; и, действительно, после него трудно представить, как какой-либо благоразумный торговец может рискнуть опубликовать что-либо, что может каким-либо образом вызвать недовольство министров".

[940] Тех, кто выступал против работорговли, называли якобинцами и 'врагами министров'; а знаменитый доктор Карри был объявлен якобинцем и "врагом своей страны", потому что он протестовал против позорного обращения, которым английское правительство в 1800 году разрешило обращаться с французскими пленными. *Жизнь Карри*, том i, стр. 330, 332; *Жизнь Уилберфорса*, том i, стр. 342-344, том ii, стр. 18, 133; *Парл. История*. том xxx. стр. 654, том. xxxi. стр. 467, том. xxxiii. стр. 1387, том. xxxiv. стр. 1119, 1485.

[941] *Жизнь Картрайта*, том i, стр. 209; *История Ханта. из газет*, том ii. стр. 104; *История Белшема*. том ix. стр. 227; *История Адольфа*. том vi. стр. 264; *Ежегодный реестр за 1795 г.*, стр. 156, 160; *Воспоминания Стивенса о Туке*, том ii. стр. 118; *Жизнь Карри*, том i. стр. 172; *Канцлеры Кэмпбелла*, том vi. стр. 316, т. vii. с. 316; *Жизнь Уилберфорса*, т. iv. с. 369, 377; *Парл. История*. том. xxxi. стр. 543, 667, 668, 1067, том. xxxii. pp. 296, 302, 366, 367, 374, 664, вып. xxxv. стр. 1538, 1540; *Воспоминания Холкрофта*, том ii. стр. 190.

[942] В дополнение к отрывкам, упомянутым в предыдущем примечании; сравните "*Жизнь самого себя*" Хаттона, стр. 209, с "*Канцлерами*" Кэмпбелла, т. vi. стр. 441, т. vii. стр. 104, и "Историей Георга III" Адольфа. том vi. стр. 45. В 1798 году Колдуэлл написал сэру Джеймсу Смиту (*Переписка сэра Дж. Э. Смита*, том ii. стр. 143): "Власть короны стала непреодолимой. Новая схема расследования личных обстоятельств каждого человека превосходит все попытки, о которых я когда-либо слышал при Людовике XIV".

[943] В 1794 году Фокс сказал в своей речи по поводу законопроекта о приостановлении действия хабеас-корпус: 'Каждый человек, который говорил свободно, каждый человек, который ненавидел, как он это делал от всего сердца, эту войну, может быть и будет в руках и на милости министров. Живя при таком правительстве и будучи подверженным восстанию, сравнивая эти два зла, он признался, что думал, что зло, которое они якобы пытались исправить, было меньшим, чем то, которое они собирались причинить самим средством.' *Часть. История*. том. xxxi. стр. 509. В 1800 году лорд Холланд заявил в Палате лордов, что из 'семи лет войны действие закона habeas-corpus было приостановлено на пять; и из множества людей, которые были заключены в тюрьму в силу этого приостановления, немногие предстали перед судом, и только один был осужден'. vol. xxxiv. стр. 1486. См. также том. xxxv. стр. 609, 610. О влиянии приостановления действия закона habeas-corpus на литературу см. *Жизнь Карри*, том i, стр. 506.

[944] Смотрите убедительные доказательства этого в книге *Портера "Прогресс нации"*, т. ii. стр. 283-285; а об огромном увеличении расходов и налогообложения см. *"Жизнь Сидмута" Пеллюю*, т. i. стр. 358, т. ii. стр. 47.

[945] Внимательный наблюдатель за тем, что происходило в конце восемнадцатого века, выражает то, что в начале девятнадцатого века становилось убеждением большинства людей простого, здравомыслящего ума, которых не интересовала существующая коррупция: "Неумеренное налогообложение, результат ненужных войн правления Георга III, является причиной наших затруднений; и это неумеренное налогообложение было вызвано тем, что Палата общин состояла из людей, не заинтересованных в защите собственности народа". — *Воспоминания Николла*, т. i., стр. 213.

[946] Епископ Хорсли, великий поборник существующего положения вещей, сказал в Палате лордов в 1795 году, что он "не знает, какое отношение масса людей в любой стране имеет к законам, кроме как подчиняться им". *История Кука. of Party*, том iii. стр. 435. Сравните *"Годвин о населении"*, стр. 569.

[947] Лорд Кокберн (*Жизнь Джеффри*, 1852, т. i, стр. 67, 68) говорит: "Если и существовал какой-либо принцип, который почитался как неоспоримый почти всеми приверженцами партии власти шестьдесят, или даже пятьдесят, или, возможно, даже сорок лет назад, так это то, что невежество людей было необходимо для их подчинения закону". Один из аргументов заключался в том, что - что расширять инструкции означало бы умножать преступления, связанные с подделкой документов! *"Прогресс нации" Портера*, том iii. стр. 205.

[948] Смотрите главы ix. и x., об истории духа-защитника.

[949] Сэр А. Элисон отмечает в своей *Истории* (том iv. стр. 213), 'как широко распространился дух недовольства' в 1796 году; и единственное чудо в том, что люди смогли держать его в рамках. Это, однако, вопрос, над которым писатели его направления никогда не задумываются.

[950] Епископ Берджесс в письме лорду Мельбурну горько жаловался на то, что католическая эмансипация была "исчезновением чисто протестантского характера британского законодательного органа". *"Жизнь Берджесса" Харфорда*, стр. 506: см. также стр. 238, 239, 369, 370. Не может быть сомнений в том, что епископ справедливо оценил опасность для своей партии; а что касается Корпоративных актов и тестовых актов, которые, по словам другого епископа (*"Жизнь Питта" Томлайна*, том ii, стр. 604), "справедливо считались самыми прочными оплотами британской конституции", то чувство было настолько сильным, что на собрании епископата в 1787 году было только два члена, готовых отменить эти законы о преследовании. См. *"Жизнь самого епископа Уотсона"*, том i, стр. 262. Лорд Элдон, который до последнего защищал церковь, назвал законопроект об отмене этих актов "революционным законопроектом". *"Жизнь Элдона" Твисса*, том ii. стр. 202.

[951] Сэр К. Льюис, хотя в своей научной работе он переоценивает ресурсы, которыми обладают политики, тем не менее допускает, что они редко способны предвидеть, как сработают их меры. *Льюис о методах наблюдения и рассуждений в политике*, 1852, том ii. стр. 360-362. Известный писатель М. Флассан говорит (*Hist. de la Diplomatie*, vol. i. p. 19): 'On doit être très-indulgent sur les erreurs de la politique, à cause de la facilité qu'il y a à en commettre, erreurs auxquelles la sagesse même quelquefois entraîne.' Первая часть этого предложения достаточно правдива; но она

передает истину, которая должна подавить ту любовь к вмешательству в естественный ход дел, которая все еще характеризует политиков даже в самых свободных странах.

КОНЕЦ ПЕРВОГО ТОМА.

ЛОНДОН: НАПЕЧАТАНО
ИЗДАТЕЛЬСТВОМ "СПОТТИСВУД И КО", НЬЮ-СТРИТ-СКВЕР
И ПАРЛАМЕНТ-СТРИТ

Примечание переписчика

Сохранено первоначальное написание и незначительные несоответствия в написании и формате.

Несогласованные расстановки переносов и ударений такие же, как в оригинале, если не указано, что это опечатка.

В таблице ниже перечислены все исправления, внесенные в исходный текст.

стр. v: -5 → 4-5

стр. vi: 154-156 → 152-156

стр. xi: авторство → авторство.

стр. xvii: его жизнь, написанная Им самим. → он сам.

стр. xix: правка. Meibomius. Амстел. → Амстел,

стр. xxi: Французская дипломатия

стр. xxi: Лондон, 1818. 2 тома → тома.

стр. xxviii: Путешествие через

стр. xxxvi: от 1569 года. Лондон, 1840 → 1840.

стр. xxxviii: Литература. Лондон, 1849 → 1849.

стр. xli: Дневники. Лондон → Лондонские дневники

стр. xlii: Camd. Soc. 1848 4to → 1848. 4to.

стр. 22: не всегда абсолютно, → абсолютно.

стр. 40: том vi. стр. 136. → 136,

стр. 54: с большей быстротой. → быстрота".

стр. 57: полтора процента. → цент

стр. 60: Сравнительная анатомия Каруса → Каруса

стр. 64: когда ее переизбыток → переизбыток.

стр. 64: 'Кабанис → "Кабанис"

стр. 64: Путешествия Буркхардта по Аравии → Аравия,

стр. 64: Описание
стр. 64: Уллоа' → Уллоа
стр. 64: том i. 379, 380, 460,; → 460;
стр. 66: Филлип на Золотухе → Филлипс
стр. 69: То же самое и в Северной Америке → То же самое в Северной Америке
стр. 70: Театр Инда → Индусы
стр. 72: История Кроуферда → История Кроуферда
стр. 72: *Географический журнал. Общество*, том → том.
стр. 72: Американская история → Американская история
стр. 80: его лишат свободы? → освобожден?"
стр. 84: 170, 213; *Боудич* → *Боудич*
стр. 94: повсюду, укладка → "повсюду
"стр. 97: почти на 9° северной широты. → север.'
стр. 97: стр.113. → стр. 113.
стр. 103: т. ii. стр. 113, → т. ii. стр. 113;
стр. 108: было 21°, на
стр. 109: высоты. → возвышение.'
стр. 111: *л.Гумбольдт* → *л.Гумбольдт*
стр. 113: принадлежал народу. → люди".
стр. 119: естественный прогресс → естественный прогресс.
стр. 122: *Брит. Доц. для* 1850, стр. 68; → стр. 68);
стр. 123: *comme Science d' Observation* → общая наука наблюдения
стр. 126: они предчувствуют опасность. → опасность".
стр. 126: Гарроуз или Гаррудус. → Гаррудус.'
стр. 130: том i, стр. 41; → 41,
стр. 130: *Филлипс о золотухе*, стр. 255: → 255;
стр. 133: *Религиозное наследие индусов*, том → том.
стр. 135: *Азиатские исследования* → *Азиатские исследования*.
стр. 137: Спекулятивное исследование → "Спекулятивное исследование"
стр. 143: История Мюллера → История Мюллера.
стр. 147: Центральная Америка Стивенса →
Стивенса, стр. 148: *Беклар*. → *Беклард*,
стр. 150: Взгляды Либига → Либих
стр. 158: может быть поднят → может быть поднят.
стр. 158: *Работы Локка*, том i, → том i.
стр. 164: обобщенный *исключительно* из →исключительно
из

стр. 167: "Мой мир ночью и здесь" → "андере"стр. 170: "Азиатские исследования", том. iii, → том iii.

стр. 171: обещания метфизиков → метафизики

стр. 177: Жоффруа Сент-Илер → Сент-Илер

стр. 177: *История. de la Médecine*, vol. i. p. 380; → p. 380,

р. 183: vol. ii. p. 304 → 304.

р. 193: *Ideen zur Gesckichte* → *Ideen zur Geschichte*

р. 197: l'intelligence, la seule q'uon → qu'on

р. 205: and a dagger → dagger.

р. 207: sur ce sujet. → суджет".

стр. 208: стало ясно признано → признано

стр. 211: сбалансированность торговли. → торговля".

стр. 212: *История Индии Милля*, том → том.

стр. 215: стр. 834, 905 → 905,

стр. 249: Литературные иллюстрации Николса → Николса,

стр. 256: le plus éclairé. → éclairé.'

р. 267: *Geschichte der Philosophie*, vol. ii, → том ii.

стр. 293: том iii. стр. 383. → 383,

стр. 294: Приключения → ŒUvres de

стр. 295: Поэзия, 1840 → 1840,

стр. 302: более 2000 лет → 2000 лет

стр. 302: 3000 лет → 3000 лет

стр. 304: от Мадагаскара с точностью до 2000 миль → 2000 миль

стр. 304: в собственно Полинезии → собственно

стр. 310: Троян, пар. Париж → Париж

стр. 314: том ii. стр. 389 → 389.

стр. 315: prædicatorem, стр. 360 → 360.

стр. 325: прогресс был безошибочным → безошибочный

стр. 330: математика в Тюбингене → Тюбинген

стр. 332: *Биология. Университет.* → *Биолог. Univ.*,

стр. 342: "Поиски в Иллисе → Поиски в Иллисе"

стр. 358: стр. 572, 577 → 577.

стр. 375: *Путешествия Ричардсона по Сахаре*, т. i. стр. 11 → стр. 11

стр. 378: Интеллект Кадворта → Intellect.

стр. 379: затронутый неконтролируемым → неуправляемый

стр. 389: В другом месте, т. → т.

стр. 392: Биография Чалмерса → Чалмерсовская

стр. 393: Биография Чалмерса. → Биография Чалмерса.

стр. 397: том ii. стр. 52. → 52,

стр. 404: сентябрь 1688 г. (*Эллис* → *Эллис*,

стр. 409: *Парл. История*. вып. v → vol. v.

стр. 411: том ii. стр. 640. → стр. 640.

стр. 412: 72 Калами → 172 Калами

стр. 423: Уэсли Саути, pp → pp.

стр. 425: Опасности Уэйтли → Уэйтли

стр. 426: История морали → История. о морали

стр. 429: восемнадцатый век. Предварительно → Ранее

стр. 434: том ii. стр. 29), это стало → стало

стр. 437: с большим количеством "круглых скобок"! → "в скобках!"

стр. 442: такие попытки привить → привить

стр. 445: *История Мэхона. из Англии*, т. v → т. v.

стр. 447: То же самое и с лордом Кэмпбеллом → То же самое, лорд Кэмпбелл

стр. 449: прямота их сердец. → сердца".

стр. 451: Воспоминания Дютенса → Дютенса

стр. 453: Так же и Шеридан → Так же, Шеридан

стр. 465: само их звучание. → они.'

стр. 467: том i, стр. 43. → 43,

стр. 468: *Мемуары Бекингема Георгу III*. 1853. → 1853,

стр. 474: объединенные суверены → "объединенные суверены"

стр. 475: *долгая война*. → война".

стр. 477: "*Жизнь Берка*" Биссета, том → том.

стр. 480: "Не переставая рассказывать → Не переставая рассказывать"

стр. 481: том i, стр. 352, → том i, стр. 352;

стр. 481: говорится 139,171,876л. → 139,171,876л.

.

стр. 487: Воспоминания Стивена о → Стивенсе, с. 493: немедленно согласовано, стр. 385-387. → стр. 385-387.

стр. 494: *Воспоминания Стивенса о Туке*, том → том.

стр. 494: Сравните заявление Фокса → заявление

стр. 494: возводить каждого человека, а не → человек, а не

стр. 494: Воспоминания Хорна Тука → Воспоминания Хорна Тука,

стр. 496: См. Также том. xxxv. с. 609, 610. → с. 609, 610.